Боспорские исследования

Вып. XXXIII

BOSPOROS STUDIES

Vol. XXXIII

Керчь
2016
Kerch

УДК 94 (477.75) (082)
ББК 63.4-63.3 (0)32
М 34

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского

Центр археологических исследований Благотворительного фонда «Деметра»

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского

Редакционная коллегия:

А.И. Айбабин, д.и.н., проф. (главный редактор)
Ю.А. Виноградов, д.и.н., проф.
В.Н. Зинько, д.и.н. (зам. главного редактора)
С.Д. Крыжицкий, чл.-корреспондент НАН Украины
А.А. Масленников, д.и.н., проф.
Е.А. Молев, д.и.н., проф.
В.А. Сидоренко, к.и.н.
И.Н. Храпунов, д.и.н., проф.
К. Цукерман, д.и.н., проф. (Франция)

Состав редколлегии утвержден Ученым советом Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Протокол № 5 от 25.05.2016 г.)

Ответственный редактор: д.и.н. В.Н. Зинько
Ответственный секретарь: к.и.н. А.В. Зинько

Боспорские исследования: сборник – Вып. XXXIII / Отв. ред. В.Н. Зинько. – Керчь: Керченская городская типография, 2016. – 512 с.
ISBN 978-5-9906791-4-6

В 33 томе «Боспорских исследований» представлены статьи и публикации российских и зарубежных исследователей, значительная часть из которых ранее была заслушана в виде докладов на XVI Боспорских чтениях «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум».

Для археологов, историков, музейных сотрудников, студентов и преподавателей, а также всех, кто интересуется древней историей и археологией Северного Причерноморья.

УДК 94 (477.75) (082)
ББК 63.4-63.3 (0)32

Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»
При поддержке Благотворительного фонда «Артемида»

ISBN 978-5-9906791-4-6
ISSN 2413-1938

© НИЦ ИА КФУ им. В.И. Вернадского, 2016
© Центр археологических исследований БФ «Деметра», 2016
© Авторы, 2016

СТАТЬИ

В.Н. ЗИНЬКО
V.N. ZIN'KO

ОСОБЕННОСТИ ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНОЙ СИТУАЦИИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО В ПЕРИОД ЭЛЛИНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ[1]

FEATURES OF NATURAL AND LANDSCAPE SITUATION ON THE EUROPEAN COAST OF THE CIMMERIAN BOSPORUS DURING THE HELLENIC COLONIZATION

Географическая среда несомненно оказала существенное влияние на процесс заселения эллинскими колонистами территорий у Боспора Киммерийского (современный Керченский пролив) и на всю последующую деятельность переселенцев. Поэтому важное значение для понимания особенностей процесса выведения и становления греческих колоний имеет выяснение палеогеографической ситуации в местах их основания. Под этим подразумеваются не только географические условия местоположения самой апойкии – таких как наличие пригодных земель, подходящий в военно-оборонительном отношении рельеф местности, удобные гавани, но и весь комплекс природных ресурсов данного региона, а также их доступность для греков-колонистов. В свое время И.Т. Кругликовой была дана одна из первых характеристика природных условий Керченского полуострова в античную эпоху [Кругликова, 1975, с. 14–23]. Впоследствии аналогичные разделы присутствовали и в других исследованиях о Боспоре. Применительно же к территории отдельного боспорского полиса модель реконструкции древней природной среды была сделана на примере Нимфея [Зинько, 2003, с. 13–17].

На территории Керченского полуострова в соответствии с природно-географическими особенностями и историко-археологическими различиями в античную эпоху выделяется несколько своеобразных анклавов: зона пролива, степная зона, Причерноморское побережье, Крымское Приазовье. Зона пролива является наиболее заселенной в античную эпоху и в археологическом отношении одной из наиболее исследованных. Именно здесь на европейском (западном) побережье Боспора Киммерийского, протяженностью более 40 км, было основано несколько первых древнегреческих колоний. Рельеф этого северо-восточного приморского района Керченского полуострова – характерная холмистая степь, происхождение которой обусловлено относительно молодой складчатостью пород – мезозойских или юрских известняков. Подходя к зоне пролива, невысокий скалистый Парпачский гребень расходится несколькими грядами, отчего этот район полуострова получает веерообразное построение. Северо-восточная часть полуострова представля-

[1] Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания № 2015/701-3 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

ет собой эрозионно-денудационное плато с абсолютными высотами до 150 м. С северной стороны Парпачский гребень сопровождают веерообразные невысокие хребты, идущие в широтном направлении вплоть до центральной части современного г. Керчи, где находится одна из высших точек полуострова – гора Митридат. Вследствие интенсивных денудационных процессов, протекавших в различные геологические эпохи, поверхность этой части Керченского полуострова сильно расчленена балками и бессточными понижениями. В северной части территорий, прилегающих к проливу, следует выделить несколько довольно обширных приморских долин, ограниченных от степных пространств Восточного Крыма каменистыми поднятиями.

Определенное своеобразие имеет южная часть зоны пролива. Она представляет собой обширное несколько приподнятое плато, с севера, юга и запада ограниченное большими, вытянутыми на десятки километров низменными участками с развитой системой балок озер и небольших рек. В настоящее время с северной стороны этой возвышенности располагается система технических водоемов, обозначенных на современных картах как Чурбашское озеро, а с южной – Тобечикское озеро. В древности оба озера являлись крупными обводненными балками, устьевые части которых, судя по всему, подтапливались морем. В античную эпоху Чурбашское озеро составляло часть большой речной системы, истоки которой находятся в глубине Керченского полуострова, впадающей в морской залив, на северном берегу которого находилась Тиритака, а на южном – город Нимфей [Поротов, Зинько, 2013, с. 16-17]. Расположенное далее на юг Тобечикское озеро разделяется на две части: западную – узкую и восточную – широкую, почти округлых очертаний. В античную эпоху восточная часть озера представляла собой глубокий морской залив, частично перегороженный северной и южной косами, в который с запада впадала по балке Ичкил-Джилга, довольно крупная река, а с севера, вблизи современных сел Челядиново и Огоньки, небольшие речушки.

Естественной восточной границей этих земель был морской берег пролива, конфигурация которого сильно изменена абразией, поднятием уровня моря и перемещением песчаных кос. В настоящее время Керченский пролив достигает длины в 41 км, при ширине от 4 до 15 км. Однако установлено, что уровень моря в I тыс. до н.э. был значительно ниже, так называемая фанагорийская регрессия, поэтому ширина и глубина пролива были несколько иными. К сожалению, среди специалистов, занимающихся проблемой изменения уровня Черного и Азовского моря за последние 2-3 тысячи лет, нет единства в оценке амплитуды колебания как для всего бассейна, так и для отдельных участков побережья [Балабанов, Измайлов, 1988]. Ситуация осложняется тем, что подчас в исторических построениях выборочно используются те или иные фрагменты геоморфологических концепций. Сходная ситуация складывается и в определении величины утраты береговой линии зоны Керченского пролива, которая с учетом средней скорости абразии должна составить за прошедшие века значительных величин. Усиление абразии вело к развитию пересыпей и кос, которые

за последние 2,5 – 3 тысячи лет существенно изменили свои очертания. Как считают специалисты, все песчаные косы зоны Керченского пролива находятся в стадии отмирания [Болдырев, 1958, с. 85].

Приморские территории, прилегающие с запада к Керченскому проливу, имеют хорошо выраженные в рельефе местности естественные границы, благодаря которым они составляли довольно обособленные в природном отношении анклавы. Связь этой особенности рельефа с месторасположением древнегреческих поселений европейского побережья Боспора Киммерийского была отмечена еще Ф.В. Шеловым-Коведяевым [Шелов-Коведяев, 1985, с. 33]. Более отчетливо эта связь видна на примере самых ранних поселений, число которых в первые 50–70 лет колонизации было весьма ограничено. Все они расположены в районах, существующих или существовавших в древности котловидных долин, ограниченных со стороны степи невысокими веерообразными скалистыми кряжами. Последние образуют выступающие в море мысы, заключающие между собой глубоко вдающиеся в сушу бухты с аккумулятивными берегами и пологим песчаным побережьем. В настоящее время в какой-то степени сохранились очертания лишь срединной (Керченской) и южной (Камыш-Бурунской) бухт, а северная (Еникальская) бухта полностью исчезла в результате аккумулятивной деятельности моря, а также речных наносов (рис. 1).

Греческие колонии основывались в глубинной части этих бухт, на возвышенных, подчас скалистых местах, господствовавших над прилегающими землями и удобными для обороны. Во всех известных случаях рядом с местом колонии в бухту впадала река. Однако конфигурация берегов бухт, русла рек за прошедшее время сильно изменилась. Так, Керченская бухта (рис. 2), расположенная в срединной части пролива, была в древности меньше по площади и более мелководная. В нее впадало несколько речек, из которых сохранились три (с юга на север): Джарджава, Мелек-Чесме, Булганак. В срединной части древнего залива, в месте впадения в бухту реки Мелек-Чесме, на довольно высоком холме в конце VII – начале VI в. до н.э. была основана колония, получившая название Пантикапей. Особо следует отметить, что русло этой реки проходило непосредственно у северо-восточного подножия холма, а у восточного – был песчаный берег. В результате речных наносов и аккумулятивной деятельности моря происходило постепенное изменение русла и дельты реки, вследствие чего изменяется и приморская часть Пантикапея.По данным геологических бурений, в античную эпоху здесь находился узкий залив, в который двумя рукавами впадала река (современная Мелек-Чесме). К рубежу эр он был полностью занесен илом и песком. Тогда же эта часть города была отсыпана строительным мусором и застроена, а в районе современной площади Ленина, возможно, расположилась агора позднеантичного Пантикапея [Толстиков, 1992, с. 54–56]. Вероятно, в это же время был реконструирован порт, защищенный новым молом, функционировавшим на протяжении всего средневекового периода. В XIX в. его остатки отчетливо прослеживались в виде каменистой гряды, вытягивающейся по направлению к северо-востоку более чем на 300 метров.

На северном берегу этой же бухты на высоком скалистом берегу в месте впадения ныне не существующей речки было основано еще одно греческое поселение – Мирмекий. С восточной стороны, перед небольшой песчаной бухтой с речной долиной, скалистый берег резко обрывался. Специальные геоморфологические исследования здесь еще не проводились, и сложно реконструировать часть территории Мирмекия, к юго-востоку от скального завершения коренного берега, где располагалось древнейшее ядро поселения, а также его прибрежную часть.

В северной части западного побережья пролива в глубине ныне не существующей бухты в VI в. до н.э. было основано еще два поселения (рис. 3). Одно из них – Порфмий, находилось в северной части излучины древнего морского залива, на довольно высокой мысовой части коренного берега, с южной стороны ограниченного небольшой речной долиной. Состояние береговой линии и конфигурация суши показывают, что в древности этот пункт являлся, по мнению В.В. Веселова, самым удобным местом для переправы. Подъезд к проливу по суше здесь был более пологим, чем в других местах, где преобладают скалистые и обрывистые берега. Позже, когда береговая линия стала отступать от Порфмия, он потерял свою значимость [Веселов, 1952, с. 235-236]. В юго-западной части этой же бухты на невысоком холме располагалось еще одно раннее поселении – Парфений. С южной стороны холма в древности протекала, ныне не существующая, река, впадающая в бухту. Она являлась источником питьевой воды для колонистов.

Большую роль в исчезновении северной бухты сыграли косы. Так В.Л. Болдырев предполагал,что в северной части древнего пролива существовала коса, которая в настоящее время полностью уничтожена морем. Это Еникальская коса, которая выдвигалась в море к юго-востоку от мыса Фонарь и под действием ветров все более отклонялась к западу, пока не сомкнулась с современным западным берегом Керченского полуострова в районе древних поселений Порфмий и Парфений [Болдырев, 1958, с. 87, 89]. Д.Я. Беренбейм подсчитал, что при возможности равномерного заполнения древней бухты песком и илом с IV в. до н.э. по I в. н.э. море отступило от Порфмия на 250 м [Беренбейм, 1959, с. 48]. В наши дни это поселение находится на удалении в 1,5 км от современного берега Керченского пролива.

Значительные изменения претерпела и Камыш-Бурунская бухта, особенно ее центральная и южная часть (рис. 4). Подъем уровня моря вызвал активную абразионно-аккумулятивную переработку рельефа береговой зоны, сопровождавшуюся изменением плановых очертаний береговой линии. Как правило, открытые участки берега характеризуются тенденцией к отступанию береговой линии, в то время как в заливах и бухтах происходило ее выдвижение. Участок побережья между Камыш-Бурунским заливом и озером Тобечик, охватывающий приморскую часть сельских территорий античных Нимфея и Тиритаки, является примером, где подобные изменения носили достаточно яркий характер. Результаты подводных археологических разведок показали, что за последние 1,5-2,0 тыс. лет произошло затопление прибрежной полосы шириной около 400–500 м. Протяженный участок обрывистого

берега между м. Камыш-Бурун и озером Тобечик подвержен устойчивому отступанию со скоростью около 0,4-0,8 м/год. В результате повышения уровня моря за последние тысячелетия дневная поверхность античного времени в приморской низменной полосе оказалась погруженной на глубину до 5 м и перекрытой слоем более молодых отложений, что крайне затрудняет реконструкции палеотопографии на территории, непосредственно прилежащей к античным городищам [Поротов, Зинько, 2013, с. 18].

Результаты геоморфологических и подводных археологических исследований, проведенных нашей экспедицией за два десятилетия, дают возможность воссоздать палеогеографическую ситуацию в южной части зоны пролива для приморской территории двух ранних поселений – Тиритаки и Нимфей. Полоса современного дна пролива шириной 250–300 м на глубинах от 0 до 4 м являлась склоном древней приморской террасы, на которой располагались античные поселения и курганы. Их остатки еще видны на линии прибоя. Следующую полосу современного дна шириной 80 – 100 м на глубинах 4 – 4,6 м можно связывать с припортовой зоной древнего Нимфея и сельских усадеб хоры. По данным подводных исследований, здесь имеются признаки существования античных построек и подъездных путей к ним. Далее шла полоса шириной около 100 м на глубинах 4,6 – 6 м, которая имеет довольно крутой склон с перепадами высот 1,5 – 1,7 м. Судя по всему, именно в этой зоне происходили сезонные изменения уровней Керченского пролива в древности. Мористее на полосе современного дна пролива шириной около 100 м и на глубинах 6 – 6,5 м располагались древние лодочные стоянки на палеоглубинах 0,5 – 0,7 м. В целом, сделанные замеры и картографирование подводных археологических объектов показывают, что минимальный уровень фанагорийской регрессии для района Нимфея в IV в. до н.э. мог соответствовать отметке 5,5 – 5,7 м ниже современного уровня Черного моря. Следовательно, за прошедшие 2,5 тысячи лет под водой оказалась полоса древней прибрежной зоны шириной более 400 м, что составляет около 3 кв.км территории Нимфейского полиса. Значительным разрушениям подверглась и древняя часть Нимфейского поселения, причем соотнесение планов раскопок 30-х годов прошлого века с нынешней ситуацией показывает, что эти процессы продолжаются.

Геоморфологическая реконструкция проведена и для территории Тиритакского поселения, расположенного в вершине залива на высоком коренном останце, омываемом в древности с юга-запада рекой. Далее к югу располагалась широкая речная долина, по которой протекала еще одна река – палео-Чурубаш. Особенности конфигурации системы древнебереговых валов показывают последовательность выполнения береговыми наносами и осушения южной части палеозалива, которая на фоне продолжавшегося подъема относительного уровня моря превращалась в заболоченную низменность. Нараставшая к северу аккумулятивная терраса полностью отгородила палео-Чурбашский лиман от моря, превратив его в озеро, а также протянулась севернее, отгородив от моря восточную окраину возвышенного плато, на котором расположено Тиритакское поселение. Общая ширина сформировавшейся аккумулятивной террасы в вершине Камыш-Бурунского залива составляет 2–2,5 км [Поротов, Зинько,

2013, с. 18]. Таким образом Тиритака сейчас оказалась на значительном отдалении от морского берега. Эти же процессы способствовали и исчезновению бухты Нимфея, примыкавшей с севера к городищу.

Побережье пролива, как и всего Керченского полуострова, обладает повышенной сейсмической активностью. Особенности геологического строения, связанные с близостью Южно-Азовского тектонического разлома, свидетельствуют о том, что здесь возможны колебания силой до 8-9 баллов. Данные письменных источников о землетрясении 63 г. до н.э., а также ряд археологических наблюдений свидетельствуют, что последствия таких природных катастроф могли существенно повлиять на ландшафт и особенности исторического развития данного региона.

Зона пролива обладает одной из лучших на Керченском полуострове агропроизводственной группой почв. Это слитные керченские тяжело- и среднеглинистые черноземы, развитые на третичных глинах, и их делювии по широким долинам и их склонам образуют особый вид южных черноземов приморского варианта и охватывают северо-восточный угол Керченского полуострова. С юга, на склонах Парпачского гребня, к нему примыкает область карбонатных средне- и маломощных черноземов [Дзенс-Литовская, 1970, с. 28–30, сл.]. По своим физическим и физико-химическим свойствам, условиям залегания почвы этого района обладают наиболее высоким плодородием и ценностью на Керченском полуострове. Они пригодны для зерновых культур, виноградарства, бахчеводства. Недостаточно только обеспечение активной влагой, чем вызывается известная неустойчивость урожаев сельскохозяйственных культур. Но в сочетании с небольшой увлажненностью высокая степень прогревания почв создает благоприятные условия для развития земледелия. Лишь для небольших участков побережья, где преобладает холмистый рельеф, отмечены петрофитные степи, для которых характерно слабое развитие почвенного покрова [Дзенс-Литовская, 1970, с. 75]. Таким образом, вблизи каждой из колоний находились значительные по площади пространства пригодных для сельского хозяйства обводненных земель, защищенные со стороны степей невысокими веерообразными скалистыми кряжами.

Для ведения сельского хозяйства важно количество осадков и большая сумма положительных температур, от которых зависят темпы вегетации культурных растений и их урожайность. По заключению специалистов здесь выпадает в среднем на 100 мм больше осадков в год [Бабков, 1961, с. 90], а сумма положительных температур более 3,5 тысячи градусов в год, что считается вполне достаточным для хорошей урожайности культурных растений. Здесь хорошо вызревают злаковые и бахчевые культуры, различные фрукты, грецкие орехи, миндаль, тутовник, а также виноград различных сортов. Встречаются даже инжир и гранаты, несмотря на то, что они довольно часто страдают от сезонных заморозков и холодных северо-восточных ветров. Древесные насаждения в виде рощиц и отдельных деревьев, если не брать во внимание искусственные лесополосы, сохранились по склонам балок, а также в небольших скалистых урочищах. Вслед за рядом исследователей можно предпо-

ложить, что в античный период было значительно больше рощ и дубрав, а имеющийся в настоящее время степной пейзаж является результатом антропогенной деятельности [Сокольский, 1971, с. 21–33; Кругликова, 1975, с. 17]. Как считает Н.И. Сокольский, местная боспорская древесина была невысокого качества, т.к. отсутствовали хвойные и лучшие древесные породы, пригодные для строительства и кораблестроительства [Сокольский, 1971, с. 24].

Для колонистов большое значение имели рыбные богатства региона. По свидетельству Страбона, в древности через пролив из Азовского в Черное море проходили косяки пеламиды [Strabo, VII. 6.2], а осетры в здешних местах достигали размеров дельфина [Strabo,VII. 3.18]. Судя по костным останкам рыб, найденным при раскопках, греки вылавливали: керченскую сельдь, осетровых, кефаль, анчоусы, камбалу, судак и тунца. Воды пролива и сейчас богаты различными съедобными моллюсками (мидиями, устрицами), которые в больших количествах добывались в древности.

Богаты земли западного побережья Керченского пролива и природными минеральными ресурсами. Наиболее распространен камень, образованный органическими отложениями. Чаще всего встречаются сарматские и меотические известняки-ракушечники, нередко выходящие на поверхность. Прочными мшанковыми известняками сложены многие приморские мысы. Ближе к речным поймам и морскому побережью, по склонам балок имеются относительно хорошие по качеству тонкие палеогеновые и меловые охристые глины. Они использовались в античности для местного гончарного производства. Для керамического и стекольного производства применялись и встречаемые здесь слабо ожелезненные пески. Значительны здесь и запасы железных руд, которые встречаются в одних слоях с сарматскими и меотическими известняками. В ряде случаев в краевых частях рудные мульды выходят на поверхность, делая возможным добычу открытым способом. Однако, насколько они могли быть использованы в эпоху античности, окончательно не решено. Керченская железная руда отличается рядом свойств: пылевидность, низкий процент железа, большое количество фосфора, которые, вероятно, делали невозможным ее использование в условиях античной металлургической техники, добывавшей кричное железо непосредственно из руды в примитивных плавильных горнах [Гайдукевич, 1949, с. 116-117].

Соленые озера располагают большими запасами самосадочной соли. Так, по предположению Д.С. Кирилина, в верховьях Тобечикского озера находились античные соляные промыслы. В антиклиналях в небольших количествах встречается нефть, добываемая в естественных источниках с древних времен [Успенский, 1952]. Эти естественные источники в виде небольших нефтяных родничков в настоящее время известны в районе городищ Нимфей и Порфмий.

В заключение следует подчеркнуть, что прибрежные территории пролива обладали в античное время необходимыми условиями и возможностями для земледелия и животноводства в его средиземноморском варианте, конечно же, с учетом северо-причерноморской специфики. А все природные богатства, а также удобный как в хозяйственном, так и в военно-оборонительном отношении рельеф местности

делали европейское побережье Боспора Киммерийского довольно благоприятной территорией для выведения древнегреческих апойкий и развития самостоятельных государственных образований полисного типа. Все эти природно-ландшафтные особенности местности способствовали концентрации на узкой полоске побережья нескольких самостоятельных городов-полисов, однако в каждой из больших заливов-бухт их могло быть основано не более одного-двух.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бабков И.И. Климат Крыма. – Л., 1961. - 127 с.

Балабанов И.П., Измайлов Я.А. Изменение уровенного и гидрохимического режимов Черного и Азовского морей за последние 20 тысяч лет // Водные ресурсы. - № 6. – 1988. – С. 54–62.

Беренбейм Д.Я. Керченский пролив во времена Страбона в свете новейших данных об изменении уровня Черного моря // СА. – 1959. - № 4. – С. 42–52.

Болдырев В.Л. Процессы отмирания аккумулятивных береговых форм на примере Керченского пролива. // Труды ИО АН СССР. – М., 1958. – Т. XXVIII. – С. 85–92.

Веселов В.В. Древние городища в районе Сипягино (к вопросу о местоположении Парфения и Порфмия) // Археология и история Боспора. – Т. 1. – Симферополь: Крымиздат, 1952. – С. 227–238.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. – М.-Л., 1949. – 622 с.

Дзенс-Литовская Н.Н. Почвы и растительность степного Крыма. – Л.: Наука, 1970. – 156 с.

Зинько В.Н. Хора боспорского города Нимфея //БИ. – Вып. IV. – 2003. – 320 с.

Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. – М.: Наука, 1975. – 299 с.

Поротов А.В., Зинько В.Н. Изменение уровня моря и рельеф приморской полосы хоры Тиритаки и Нимфея в античное время (Западное побережье Керченского пролива) // БИ. – Вып. XXVIII. – С.-Керчь, 2013. – С. 3–20.

Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. – МИА 178. – М.: Наука, 1971. – 285 с.

Толстиков В.П. Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.

Успенский В.А. Исследование древней амфоры с нефтью, найденной в Тиритаке // МИА. - № 25. – М.-Л., 1952. - С. 415–421.

Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 год. - М.: Наука, 1985. – С. 5–187.

REFERENCES

Babkov I.I. *Klimat Kryma.* L., 1961. 127 p.

Balabanov I.P., Izmailov Ia.A. Izmenenie urovennogo i gidromekhanicheskogo rezhimov Chernogo i Azovskogo morei za poslednie 20 tysiach let. *Vodnye resursy*. № 6. 1988. – pp. 54–62.

Berenbeim D.Ia. Kerchenskii proliv vo vremena Strabona v svete noveishikh dannykh ob izmenenii urovnia Chernogo moria. *SA*. 1959. № 4, pp. 42–52.

BoldyrevV.L. Protsessy otmiraniia akkumuliativnykh beregovykh form na primere Kerchenskogo proliva. *Trudy IO AN SSSR.* M., 1958. T. XXVIII, pp. 85–92.

Dzens-Litovskaia N.N. *Pochvy i rastitel'nost' stepnogo Kryma*. L., Nauka, 1970. 156 p.

Gaidukevich V.F. *Bosporskoe tsarstvo.* M.-L., 1949. 622 p.

Kruglikova I.T. *Sel'skoe khoziaistvo Bospora*. M.: Nauka, 1975. 299 p.

Porotov A.V., Zin'ko V.N. Izmenenie urovnia moria I rel'ef primorskoi polosy khory Tiritaki I Nimfeia v antichnoe vremia (Zapadnoe poberezh'e Kerchenskogo proliva). *BI*. Vyp. XXVIII. S.- Kerch'. 2013, pp. 3–20.

Shelov-Kovediaev F.V. Istoriia Bospora v VI-IV vv. do n.e. *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniia.* 1984 god. M.: Nauka, 1985, pp. 5–187.

Sokol'skii N.I. Derevoobrabatyvaiushchee remeslo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ia. *MIA* 178. M.: Nauka, 1971. 285 p.

Uspenskii V.A. Issledovanie drevnei amfory s neft'iu, naidennoi v Tiritake. *MIA*. № 25. M.-L., 1952, pp. 415–421.

Veselov V.V. Drevnie gorodishcha v raione Sipiagino (k voprosu o mestopolozhenii Parfeniia I Porfmiia). *Arkheologiia i istoriia Bospora.* T. 1. Simferopol': Krymizdat, 1952, pp. 227–238.

Zin'ko V.N. Khora bosporskogo goroda Nimfeia. *BI*. Vyp. IV. 2003. 320 p.

Резюме

Географическая среда оказала существенное влияние на процесс заселения эллинскими колонистами территорий у Боспора Киммерийского (современный Керченский пролив) и на всю последующую деятельность переселенцев. Поэтому важное значение для понимания особенностей процесса выведения и становления греческих колоний имеет выяснение палеогеографической ситуации в местах их основания. В статье представлена реконструкция природной среды западного побережья Керченского пролива в период греческой колонизации. Сделан вывод, что прибрежные территории пролива обладали в античное время необходимыми условиями и возможностями для земледелия и животноводства в его средиземноморском варианте, конечно же, с учетом северо-причерноморской специфики. Все природные богатства, а также удобный как в хозяйственном, так и в военно-оборонительном отношении рельеф местности делали европейское побережье Боспора Киммерийского довольно благоприятной территорией для выведения древнегреческих апойкий и развития самостоятельных государственных образований полисного типа. Все эти природно-ландшафтные особенности местности способствовали концентрации на узкой полоске побережья нескольких самостоятельных городов-полисов, однако в каждой из больших заливов-бухт их могло быть основано не более одного-двух.

Summary

Geographical environment had a significant impact on the process of settlement on the territories near the Cimmerian Bosporus (modern Kerch Strait) by Hellenic colonists and the following activity of migrants. Therefore, studying paleogeographic situation in the places of founding Greek colonies is important for understanding the processes of their elimination and the establishment. The article presents reconstructionofthe environment of the western coast of the Kerch Strait in the period of Greek colonization. It is concluded that the coastal areas of the Strait had the necessary conditions and opportunities for agriculture and animal husbandry inancienttimes, in its Mediterranean version, of course, taking into account the specifics of the North Black Sea region. All the natural resources, as well as theterrain convenient both in economic and military-defensive attitude, made the European coast of the Bosporus Cimmerian quite a favourable territory for establishing Greek apoikia and development of independent public entities of polis type. All of these natural and landscape features of the area, contributed to the concentration of several independent cities-poleis on a narrow strip of coast, but not more than one or two of them could be founded in each of the large bays.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Зинько Виктор Николаевич, д.и.н.,
Крымский федеральный университет,
Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма,
ведущий научный сотрудник.
zinko@bfdemetra.org

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Viktor N. Zin'ko, DSc,
Crimean Federal University,
Research center of History and Archaeology of the Crimea,
Leading Researcher.
zinko@bfdemetra.org

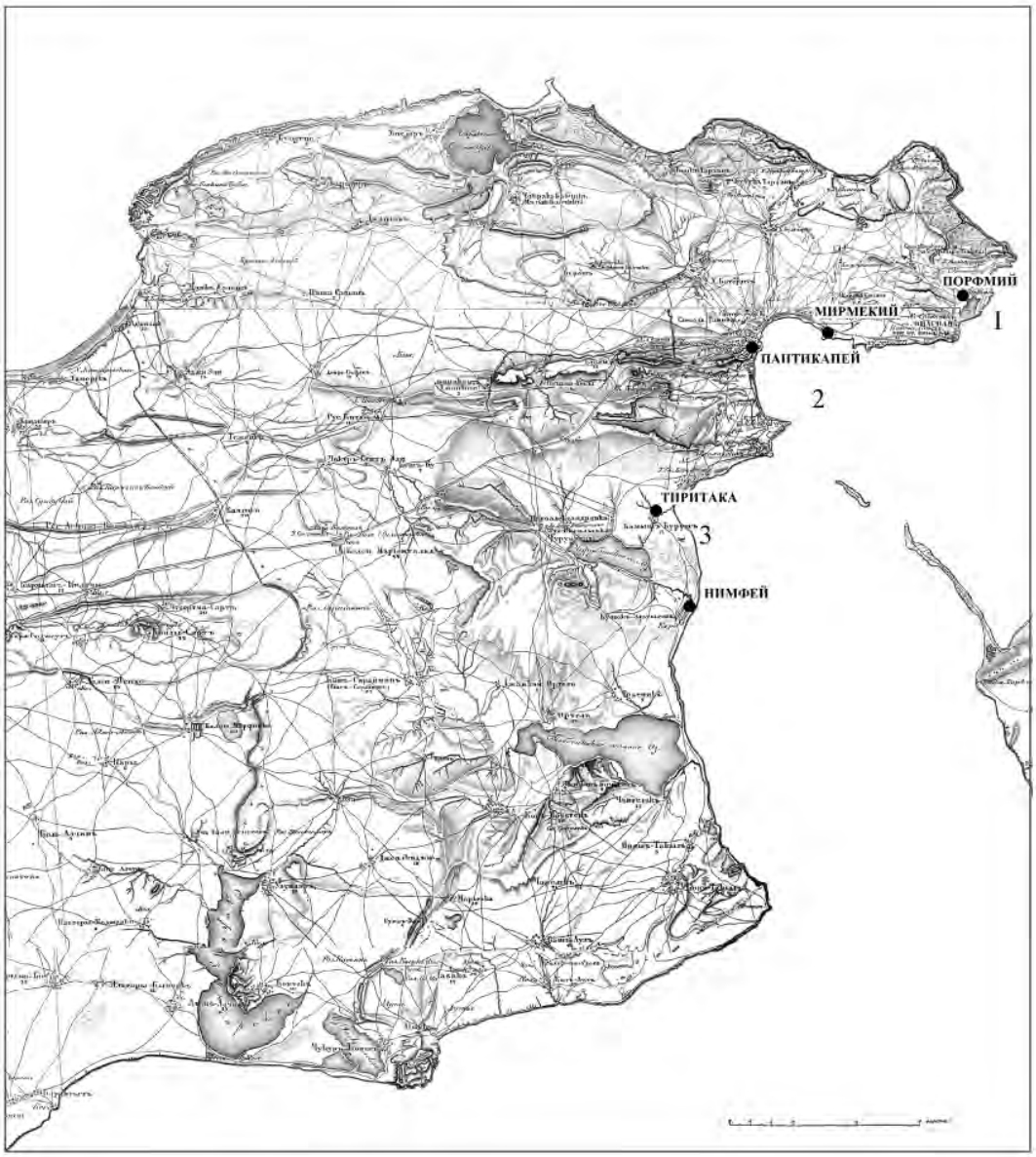


Рис. 1. Карта западного побережья Керченского пролива с обозначением бухт.
1 – Еникальская (северная). 2 – Керченская (срединная). 3 – Камыш-Бурунская (южная).

Рис. 2. Керченская бухта на карте 1857 г.
1 – Пантикапей. 2 – Мирмекий.

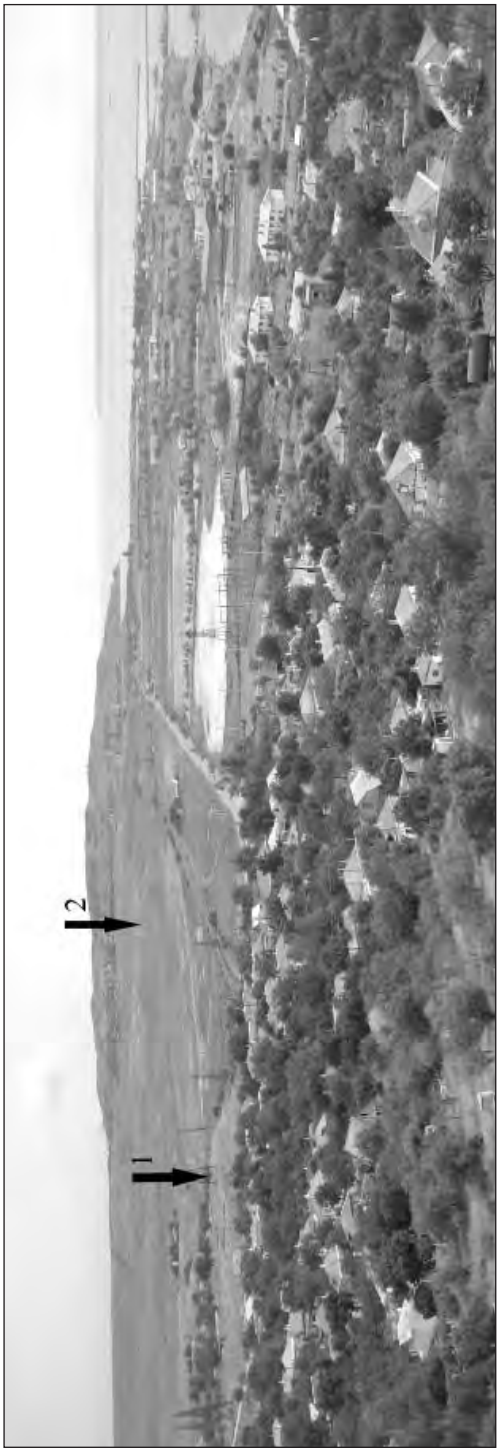


Рис. 3. Вид на Еникальскую бухту с юга-запада.
1 – Парфений. 2 – Порфмий.

Рис. 4. Карта южной части западного побережья Керченского пролива с Камыш-Бурунской бухтой.
1 – Тиритака. 2 – Нимфей.

Е.А. МОЛЕВ
E.A. MOLEV

К ВОПРОСУ О ВЕРОЯТНОСТИ ПОДЧИНЕНИЯ БОСПОРА ПЕРСАМ
TO A QUESTION ABOUT THE PROBABILITY OF SUBMISSION OF THE BOSPORUS PERSIANS

Проблема вероятности подчинения Боспора персам имеет давнее происхождение. Впервые об этом прямо написал сотрудник Музея изящных искусств В.К. Шилейко в публикации персидской халцедоновой печати из собрания музея. По его мнению, публикуемая им цилиндрическая печать Артаксеркса I Долгорука (465/4–425 гг. до н.э.), датируемая сегодня последними десятилетиями V в. до н.э. [Dandamaev, 1976, S. 36; Никулина, 1994, с. 85], «была «персидской регалией, доверенной управлявшему Босфором Киммерийским царскому сатрапу» [Шилейко, 1925, с. 18]. Мотивируется это ее киммерийским происхождением – «приобретенный в прошлом феврале (1924 г. – Е.М.) у Е.П. Федоренко, *найденный на древнем Киммерийском берегу* (курсив мой – Е.М.) великолепный халцедоновый цилиндр с изображением и надписью персидского династа Артаксеркса» [Шилейко, 1925, с. 17].

Однако это мнение не получило признани, и уже Т.В. Блаватская, оценивая характер боспоро-персидских отношений во время правления Артаксеркса I, отметила, что находка цилиндров с царскими печатями свидетельствует скорее о том, что «персидская дипломатия предприняла, видимо, какие-то шаги, чтобы вовлечь в свою орбиту и боспорских тиранов» и что «цилиндр этот мог быть доверен царскому послу, отправленному к боспорскому правителю» [Блаватская, 1959, с. 81-82]. Обстоятельства находки данного цилиндра (хранится в ГМИИ им. А.С. Пушкина. Инв. № 12в 254) и второго аналогичного, также упомянутого В.К. Шилейко (хранится в Эрмитаже. Инв. № 19499 – куплен в Керчи) не дают полной уверенности в том, что они были найдены именно на Боспоре, а не привезены в Керчь для продажи из какого-нибудь другого района. Аргумент отсутствия мотива победы на первом из них, который автор считал аргументом в пользу принадлежности печати сатрапу, тоже не очень убедителен. Во-первых, потому, что за спиной царя стоят пленные воины со связанными за спиной руками, что хорошо видно на оттиске с оригинала [Никулина, 1994, кат. № 418)] и царь идет опираясь на копье, повернутое острием к земле, под которым, цитирую автора, «угадывается простертый враг» [Шилейко, 1925, с. 17]. А что это, как не мотив победы? Но главное, что надпись на печати «Я – Артхшатра, великий царь» не оставляет никаких сомнений, что печать принадлежала именно царю, а вовсе не сатрапу.

Тщательное исследование ахеменидских импортов в Северном Причерноморье,

в том числе и печатей-цилиндров, позволило М.Ю. Трейстеру сделать вывод, что этот наш цилиндр-печать единственный, который «корректно рассматривать как официальную печать, принадлежавшую высокому должностному лицу», [Трейстер, 2011, с. 117]. В нашем случае это мог быть сам Артаксеркс I или его, как бы сейчас сказали, «чрезвычайный и полномочный» представитель. Любопытно замечание М.Ю. Трейстера, следующее сразу за приведенным его высказыванием: «кому бы ни принадлежали рассматриваемые печати, нет практически никаких сомнений в том, что они «путешествовали» вместе со своими владельцами [Трейстер, 2011, с. 117]. Поскольку нет никаких оснований говорить о путешествии на Боспор самого Артаксеркса, логичнее думать, что таковым был его посол, имевший весьма обширные полномочия, скончавшийся во время своего визита и погребенный со своими регалиями, среди которых была и наша цилиндрическая печать. Вследствие этого и вывод Т.В. Блаватской о значении этих печатей представляется мне гораздо более убедительным и на сегодняшний день наиболее вероятным.

В дальнейшем в различного рода публикациях материалов с территории Боспора не раз упоминались изделия, связанные по своему происхождению с персами, и делались осторожные выводы о характере боспоро-персидских связей. Реальная же дискуссия о вероятности подчинения Боспора Ахеменидам началась с разбора Г.А. Кошеленко выражения «κατὰ δὲ τὴν Ἀσίαν» Диодора в первом его сообщении о Боспоре (XII, 31,1) и подтверждения факта подчинения Боспора персам другими, преимущественно нарративными источниками. Исходя из того, что Диодор под термином «Азия» обычно имеет в виду Персию, Геннадий Андреевич с помощью еще целого ряда косвенных аргументов приходит к выводу, что Боспор Киммерийский был составной частью Ахеменидской державы [Кошеленко, 1999, с. 135 и сл.].

Эту версию активно поддержал Н.Ф. Федосеев [Fedoseev, 1997, S. 309–319.], который уже ранее высказывал подобные взгляды, публикуя ряд находок с Боспора [Fedoseev N.F., Golenko V.K., 1995, с. 51–52]. Мне уже приходилось рассматривать приведенные авторами аргументы в пользу данной версии [Молев, 2001, с. 29–33; 2001а, с. 58–66; 2006, с. 275–285; 2008, с. 110–115], и мой вывод был прямо противоположен выводам моих коллег. Недавно, однако, вышел еще ряд работ, в которых данная тема поднимается вновь и мои выводы также подвергаются сомнению. Не ставя своей задачей охватить весь комплекс проблем, связанных с боспоро-персидскими отношениями, я рассмотрю только идею возможности вхождения Боспора в состав персидских владений.

Так, в 2004 г. В.П. Яйленко, рассматривая походы Дария I в докладе на «Боспорском феномене», пришел к выводу, что его первый поход против скифов на самом деле был походом против Боспора [Яйленко, 2004, с. 55–60]. Во время обсуждения доклада я высказал свои сомнения автору, однако он не воспользовался ими и в новом издании своего доклада и совершенно не учел возможные варианты развития событий, предложенные мной [Яйленко, 2010, с. 7–11]. Это вынуждает меня повторить свои сомнения уже в письменном виде.

Аргументы В.П. Яйленко в пользу его версии вовсе не столь убедительны, как это представляется автору. И вот почему. Ссылаясь на Бехистунскую надпись, где Дарий пишет (сознательно привожу перевод именно В.П. Яйленко) [Яйленко, 2010, с. 9]: «затем с войском я пошел на скифов. Затем - - острые носящие - - против, моря я достиг - - всей перешел - - разбил, часть взял в плен - - ко мне - - вождя, Скунха имя его, пленили и привели ко мне. Тогда я поставил другого вождя, как пожелал. После этого страна стала моей», автор отмечает, что ключевыми словами здесь являются «скифы, носящие остроконечные шапки», обитающие за морем… упоминаемые в числе центральноазиатских данников и владений Персии. Следовательно, напрямую это сообщение никак нельзя соотнести с завоеванием Боспора.

Во-первых, потому что совмещение в рамках одной колонки V походов в Элам и Скифию уже само по себе делает более вероятным с географической точки зрения поход на скифов в Среднюю Азию, а не в Причерноморье.

Во-вторых, на рельефе с пленниками на Бехистунской надписи у рельефного изображения царя скифов в остроконечной шапке прямо написано «sakā», что также хорошо известно и В.П. Яйленко [Яйленко, 2010б, с. 11]. А саками персы, как известно, называли именно среднеазиатских скифов (Her., I, 201), действительно покоренных Дарием, плативших ему дань и входивших в состав 15 округа его владений (Her., III, 93). Более того, они участвовали в Марафонском сражении (Her., VI, 113) и последующих сражениях в Греции (Her., VIII, 113; IX, 31, 71). Следовательно, греки их достаточно хорошо знали, чтобы не путать с причерноморскими скифами.

Понимая это, автор приводит в качестве параллели тексту Бехистунской надписи сообщение Ктесия Книдского об экспедиции сатрапа Каппадокии Ариарамна против скифов. Однако параллелизм тут очень сомнителен. Во-первых, в надписи Дарий пишет, что подчинил скифов, а у Ктесия итогом его похода стало отступление персидского царя. Во-вторых, в сообщении Ктесия речь также идет о скифах и нет ни слова о Боспоре Киммерийском. И, в-третьих, из описания Ктесием похода Ариарамна никак не следует, что он был направлен на завоевание или подавление отпавшей провинции, что предполагает В.П. Яйленко. Это был всего лишь набег, в ходе которого Ариарамн «взял заложников – ἠιχμαλώτισε» и только (Ctes., F13, 20). Да и скифский царь Скифарб в описании Ктесия ведет себя как вполне самостоятельный правитель и сам Дарий вынужден был отступить в итоге перед ним.

С.А. Яценко предполагает, что скифы Скифарба это те самые saka paradraya, которые изображены на рельефе на гробнице Дария I в Накши Рустаме и которые были покорены Ариарамном. И даже приводит краткое описание росписи на деревянном гробу со сценой сражения персов и этих «архаических» скифов, найденной в гробнице в Татарлы (центральная Турция), возможно, принадлежащей высокопоставленному участнику похода Ариарамна [Яценко, 2011, с. 11–112]. Так что этот аргумент подтверждает сведения нарративных источников о походе против скифов, но отнюдь не против боспорян. Тем более, что памятники скифов на Боспоре того времени единичны [Яковенко, 1985, с. 17]. Попытка А.А. Масленникова обосновать более

или менее постоянное обитание какой-то группы скифов фактом похода Ариарамна [Масленников, 1999, с. 175] очень маловероятна, и сам автор уже на следующей странице отмечает, что поход Ариарамна мог быть направлен в любую точку от дельты Дуная до Боспора Киммерийского [Масленников, 1999, с. 176].

И еще. Каппадокия входила в состав третьей сатрапии в Малой Азии, которая в персидских источниках чаще всего так и называлась «Каппадокия» [Briant, 2002, p. 63–69]. Персидские сатрапы при Дарии I, как сообщает Геродот (Her., III, 128), имели только отряд телохранителей и не располагали своими собственными войсками и, тем более, флотом. Разумеется, требование четкого раздела гражданских и военных функций строго не соблюдалось [Дандамаев, Луконин, 1980, с. 113; подробнее об изменении функций сатрапов см. Petit, 1990] и царь вполне мог приказать отправиться в поход сатрапу и дать ему для этой цели какую-то часть своего войска. Но вот собственного флота у персов не было. На чьих же кораблях должен был совершить поход Ариарамн? Ответ на этот вопрос заключается в названии типа этих кораблей. Ктесий называет их пентеконтеры (ὁ δὲ διαβὰς πεντηκοντόροις λ΄ – он же отправился на 30 пятидесятивесельных кораблях. Ctes., F13,20). Пентеконтеры были наиболее распространенными военно-транспортными кораблями у древних греков [Щербакова, 2010б, с. 24–39], и названные Ктесием корабли, вероятнее всего, принадлежали южнопонтийским греческим городам, входившим в состав империи Дария. А южнопонтийские эллины точно знали, где находится Скифия, и не могли спутать ее с Боспором. И даже если Ариарамн воевал с крымскими скифами, что предполагал еще Б.А. Рыбаков [Рыбаков, 1979, с. 170] и сегодня считает вероятным В.Н. Зинько [Зинько, 2013, с. 191], то это все равно не Боспор. Все это делает версию автора не более чем предположением, причем не очень убедительным.

И, наконец, еще один аргумент автора – греческая хроника 15 г. н.э. Tabula Capitolina (IG, XIV, 1297), где под 514 г. до н.э. говорится, что «Дарий, наведя мост, перешел Киммерийский Боспор». Автор, ссылаясь на то, что Геродот ничего не говорит о пребывании Дария на Боспоре, считает возможным совместить эту переправу с описанием похода Ариарамна и относит ее к 519 г. до н.э. Однако замена и участника событий, и даты в хронике маловероятны. Более вероятным выглядит предположение, что здесь просто Киммерийский Боспор спутан с Фракийским, через который действительно переправлялся Дарий, но в 514 г. до н.э. [Завойкин, 2015, с. 243].

Еще одно косвенное, по В.П. Яйленко, подтверждение его версии – это список завоеваний царя Нина опять же со ссылкой на Ктесия Книдского: «вся Азия между Танаисом и Нилом» (Ctes. F1b. 2. 1–3). Автор сопоставляет его с персепольской надписью Дария, где приводятся границы его владений: «от скифов, *живущих за Согдианой* (курсив мой – Е.М.), до Эфиопии, от Синда до Сард» и считает эти границы идентичными. Но уже само указание Дария в персепольской надписи на то, что скифы живут за Согдианой, говорит о том, что речь идет о среднеазиатских, а не причерноморских скифах и опять-таки в перечислении владений Дария здесь нет ни слова о Боспоре Киммерийском.

Тем не менее, развивая эту последнюю мысль В.П. Яйленко, еще дальше идет Г.Р. Цецхладзе, который вообще считает, что завоевания Нина, царя Ассирии, можно приписать Дарию [Цецхладзе, 2012, с. 216–217]. Можно-то оно можно, да только это будет уже не история, а «ученая фантазия» по определению М.И. Ростовцева.

Рассматривая один из моих основных доводов в пользу того, что Боспор никогда не принадлежал Персии – сообщение Геродота (Herod., III, 97), датский исследователь Йенс Нилинг предложил иное его понимание. Приведем это сообщение и сразу отметим, что оно следует *сразу после перечисления сатрапий* (курсив мой – Е.М.), созданных Дарием, что, на мой взгляд, вовсе не случайно:

«Таковы были эти округа и размеры податей. Только одну Персидскую землю я не упомянул в числе земель обложенных данью, потому что персы живут в стране, свободной от податей. Но есть еще народности, которые, правда, не платят дани, а доставляют дары. Это эфиопы… затем обитатели области у священной Нисы… даже колхи и их соседи до Кавказского хребта (до этих пор ведь простирается персидская держава, области же к северу от Кавказа уже не подчинены персам), налагают на себя подати в виде добровольных даров» (пер. Г.А. Стратановского).

Для нас особенно важна вводная фраза Геродота: «ἐς τοῦτο γὰρ τὸ ὄρος ὑπὸ Πέρσῃσι ἄρχεται, τὰ δὲ πρὸς βορέην ἄνεμον τοῦ Καυκάσιος Περσέων οὐδὲν ἔτι φροντίζει», в которой автор, судя по контексту главы, специально подчеркивает именно предел распространения власти персов на севере. С таким понимаем этого сообщения Геродота до недавнего времени никто не спорил. Однако теперь появилось и достаточно интересное понимание этого места труда Геродота в том плане, что оно может означать вероятность подчинения Боспора персам до времени написания им своей «Истории».

Йенс Нилинг отмечает, что в этой фразе Геродота выражение «οὐδὲν ἔτι» – should be understood in a temporal sense and not from geographical or gradual aspects (должно пониматься во временно́м смысле, а не с географической или последовательной точки зрения) [Nieling, 2010, p. 132]. И с этим можно было бы согласиться, если бы ни одно «но». Само по себе это выражение в точном переводе с древнегреческого (да и с английского его перевода, которым пользовался Й. Нилинг[1]) означает только «никто еще (все еще; даже; уже; больше; и впредь когда-либо в будущем; тотчас же после; со времени; еще больше)». Й. Нилинг выбирает перевод «никто уже», из которого почему-то делает вывод, что живущие к северу от Кавказских гор *больше* не подчинялись персам во времена написания Геродотом своего труда, т.е. во время от 447 до, примерно, 425 года до н.э., и значит когда-то, возможно, незадолго до упомянутого времени, эти народы были подчинены персам. И поскольку данное сообщение

[1] Перевод вышеприведенного сообщения Геродота на английский язык, которым пользовался Й. Нилинг – «For the Persian rule extends as far as these mountains, but those who dwell in the parts beyond Caucasus toward the North Wind regard the Persian no longer (Macaulay, http://www.sacred-texts.com/cla/hh3090.htm) – ибо персидское владычество простирается до этих гор, а те, кто живет в районах за пределами Кавказа в сторону Северного Ветра, не являются более заботой персов (или «не привлекают внимание персов») (перевод мой – Е.М.).

о колхах помещено в конце описания сатрапий, созданных Дарием, то подчинение народов севернее Кавказа, по мнению Й. Нилинга, должно было произойти в правление этого царя. А далее автор прямо и уже без всякой аргументации предполагает, что «возможно уже в VI в. до н.э. тираны, тесно связанные с Милетом и персидскими правителями Анатолии, имели власть в Пантикапее» [Nieling, 2010, p. 127].

Но, во-первых, Геродот нигде не говорит о времени подчинения той или иной сатрапии и времени, с какого и по какой период платили добровольные дары народы, не вошедшие в сатрапии. По контексту его труда очевидно только то, что вся эта система существовала именно во времена написания им его «Истории». И конкретно в нашем случае временной фактор здесь подчеркивает не выражение «οὐδὲν ἔτι», а глагол φροντίζω, стоящий в настоящем времени.

Во-вторых, в главе III, 97, как и в предыдущих, Геродот именно перечисляет народы, вошедшие в состав Персидской державы и добровольно платившие ей дары. И в таком случае, согласно общему контексту «οὐδὲν ἔτι», может означать только последовательность и географическое расположение таковых народов. Не случайно, видимо, наша вводная фраза в скобках следует именно за словами «Κόλχοι δὲ τὰ ἐτάξαντο ἐς τὴν δωρεὴν καὶ οἱ προσερχέες μέχρι Καυκάσιος ὄρεος – даже колхи и их соседи до Кавказских гор налагают на себя подати в виде добровольных даров (пер. Г.А. Стратановского)». Здесь прямо сказано, что речь идет о народах, проживающих на территории до Кавказских гор, а текст в скобках, дополнительно поясняет, почему речь идет именно об этих народах. Потому что степень их зависимости от персов была не так уж велика, и при этом они явно сохраняли свою политическую независимость. Во всяком случае, все грузинские авторы считают именно так. Специально рассмотревшая этот вопрос еще в 1979 г. А.И. Болтунова считает, что зависимость колхов от персов конечно была, но свою государственность они все же сохранили [Болтунова, 1979, с. 51–55].

Последнее обстоятельство хорошо подтверждается и археологическими данными, свидетельствующими об ахеменидском присутствии в Закавказье. Так, существует предположение, что некоторые архитектурные сооружения в Южной Грузии (Гумбати, Самадло), Армении (Бениамин, Эребуни) и Азербайджане (Сары-Тепе, Караджамирли), построенные с использованием сырцового кирпича, могут представлять собой дворцы (или, по крайней мере, резиденции) иранских правителей этих регионов [Knauss, 2001, p. 125–143]. Причем для их возведения, по мнению автора, могли быть приглашены специалисты и ремесленники из Фригии и Персии. При этом сам автор – Флориан Кнаус отмечает, что «регион, который русские называют циз-Кавказ,.. все еще принадлежащий России, был за пределами персидской сферы влияния в древности – the region which the Russians call Cis-Caucasia… all still belongind to Russia, have been beyond the Persian sphere of influence in antiquity" [Knauss, 2006, p. 79]. Приведенные им следы находок ахеменидских и подражательных им местных изделий в южной Грузии весьма немногочисленны и поступали они сюда, по его мнению, как предметы торговли и дипломатические

дары – «they may have found their way to Georgia throught trade or as diplomatic gifts» [Knauss, 2006, p. 86]. На территории же собственно Колхиды, кроме района Вани, их и вовсе нет (рис. 1). Любопытно, что, соглашаясь с этими предположениями, грузинский археолог В. Личели тут же замечает, что в исследуемом им городе в юго-восточной Грузии Ацкури «несмотря на влияние Ирана…в Ацкури твердо сохранены местные традиции» [Личели, 2015, с. 258].

Еще ранее О.Д. Лордкипанидзе отмечал, что в культурном отношении Колхида делится на две части: прибрежная полоса, ориентированная на греческие центры, и внутренняя, ориентированная на Восток [Lordkipanidze, 2002, p. 206-209]. А тот же В. Личели отмечает, что на памятнике к западу от Вани – Намарну в слоях V–IV вв. до н.э. нет никакого ахеменидского материала [Личели, 2015, с. 259].

По мнению же Дэвида Браунда, археологический материал из раскопок колхидских поселений и некрополей вообще свидетельствует, что подчинение колхов персам было чисто номинальным, да и то касалось только восточной части Колхиды [Braund, 1994, p. 122ff].

Таким образом, даже Колхиду мы не можем с полной уверенностью отнести к владениям Персии. И потому понимание автором текста Геродота является лишь его интерпретацией того, что мог понимать Геродот в данном случае. И не более того. Что же касается самого Геродота, то он достаточно хорошо представлял себе историю Персии и в описании ее им начиная с мидийских времен нигде нет никаких указаний о войнах персов на Кавказе и подчинении ими воинственных предкавказских племен. И, значит, сам он об этом ровным счетом ничего не знал.

И, наконец, ни в Бехистунской надписи, ни в других списках завоеваний Дария I, как персидских, так и греческих, нет упоминания о Боспоре Киммерийском, как подчиненной территории. И с этим нельзя не считаться. Число своих побед царь знал достаточно хорошо и с гордостью говорит о них в Бехистунской надписи. Так что вряд ли он не упомянул бы о победе над столь отдаленной для него территорией, как Боспор, если бы таковая имела место.

Прочие аргументы автора – находки двух персидских печатей на Боспоре, следы разрушений в городах Боспора, которые автор считает возможным связывать с персидским завоеванием, мне уже приходилось рассматривать. Я и сейчас не сомневаюсь, что все это косвенные и очень маловероятные аргументы в пользу подчинения Боспора персам. А вот свидетельством политических контактов они быть могут, а это, уже само по себе, веский аргумент в пользу независимости Боспора, как государства [Молев, 2001а, с. 59].

Идею Й. Нилинга также похватил Г.Р. Цецхладзе, который связывает разрушения на Боспоре последней четверти VI в. до н.э. с приходом к власти Ахеменидов и их намерением включить Боспор Киммерийский в свою державу. В пользу этого, по его мнению, свидетельствуют то же сообщение Ктесия Книдского о завоеваниях царя Нина Ассирийского, которые, как мы уже отмечали, он считает возможным приписать Дарию I, и сообщение Геродота (IV. 120–122) о прохождении персов че-

рез территории греческих городов [Цецхладзе, 2014, с. 215–216, 218]. Однако ни сам Ктесий, ни пересказывающий его сведения Диодор вовсе не связывают походы Нина с Дарием, а предполагать можно все, что угодно. Есть же, например, предположение, что часть персидского войска во время похода Дария двигалась через Грузию [Jacobs, 2000, S. 93–101], хотя ни одного прямого свидетельства в пользу этого нет.

Что же касается сообщения Геродота, то он вообще ничего даже не упоминает о греческих городах в отмеченных Г.Р. Цецхладзе главах. Так что это вообще нулевой аргумент. К тому же, если уж привлекать сведения Ктесия в качестве доказательства своей версии хода событий, то стоило бы обратить внимание на тот факт, что согласно его информации Дарий углубился в Скифию не на 30, как у Геродота, а на 15 дней пути. А за такой период времени он не мог бы дойти не только до Боспора, но даже и до Ольвии. Во всяком случае, по мнению Е.В. Черненко, весьма обстоятельно исследовавшего поход Дария, маршрут его никак не подходил к греческим городам, и даже если верить Геродоту о количестве дней движения персов, они могли дойти максимум до района современного города Бердянска, но не до Боспора [Черненко, 1984, с. 67].

Таким образом, новые попытки доказать подчинение Боспора Персидскому государству пока не могут считаться состоятельными. Приведенные авторами аргументы не являются вескими, а главное, прямым и точным доказательством в пользу их версии. Но нельзя не согласиться с мнением Ю.А. Виноградова, что «величайшая монархия Азии не могла не оказывать влияния на историческое развитие и Скифии, и Боспора (и других греческих государств региона!) уже одним фактом своего существования. Спартокиды, создававшие территориальное государство, как представляется, пытались в чем-то копировать Персидскую державу, использовать некоторые элементы ее обширного опыта в области государственного устройства» [Виноградов, 2014, с. 521]. А новая датировка персидского цилиндра-печати Артаксеркса I дает основание предполагать, что не только боспорские правители не могли игнорировать в своей политической деятельности мощную Персидскую державу, но и персидские правители, особенно заинтересованные в расширении круга своих сторонников после разгрома Ксеркса в Греции, не могли не попытаться установить добрые отношения с растущим Боспорским государством. К этой точке зрения склоняется теперь и Н.Ф. Федосеев [Федосеев, 2014, с. 154–158].

В заключение отмечу, что, когда статья уже была готова в печать, вышла статья А.А. Завойкина, в которой автор, рассматривая боспоро-персидские отношения в более широком плане, пришел к аналогичным выводам [Завойкин, 2015, с. 257]. Как говорится, liber dixit, ergo ita est.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. М., 1959. 160 с.

Болтунова А.И. Колхи и держава Ахеменидов (по данным Геродота) // Проблемы античной истории и культуры. Пиотровский Б.Б. (Ред.) Ереван, 1979. Т. 1. С. 51–55.

Виноградов Ю.А. Курган у с. Баксы в Восточном Крыму // Боспорские исследования / Зинько В.Н. (Ред). Вып. XXX. Симферополь–Керчь, 2014. С. 510–528.

Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. 419 с.

Завойкин А.А. Ахемениды и Боспор (историографический аспект проблемы) // Проблемы истории, филологии и культуры. Абрамзон М.Г. (Ред.). Магнитогорск, 2015. № 1. С. 240–261.

Зинько В.Н. Позднеархаическая история европейского Боспора в свете новейших археологических исследований // Проблемы истории, филологии и культуры. Отв. ред. Абрамзон М.Г. 2013. Вып. 2. С. 183–193.

Кошеленко Г.А. Об одном свидетельстве Диодора о ранней истории Боспорского царства // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997./ Подосинов А.В. (Ред.). М., 1999. С. 130–141.

Личели В. Греко-ахеменидские тенденции в южной Грузии (материалы к стратиграфии Ацкури)// С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова. Журавлев Д.В. (Ред.). М., 2015. С. 254–264.

Масленников А.А. Греки и варвары на «границах» Боспора (взгляд на проблему к концу тысячелетия) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 / А. В. Подосинов (Ред.). М., 1999. С. 170–192.

Молев Е.А. О возможности персидского протектората над Боспором (по поводу статьи: Федосеев, 1997) // Боспорский феномен. СПб., 2001. С. 29-33.

Молев Е.А. Диодор как источник о подчинении Боспора Ахеменидам // Античное общество. Власть и общество в античности. Материалы конференции антиковедов 5-7 марта 2001 г. СПб., 2001а. С. 58–66.

Молев Е.А. Персия и Боспор в VI–IV вв. до н.э. // Научный сборник Керченского заповедника. Т.1. Керчь, 2006. С. 275–285.

Молев Е.А. Боспор и Ахемениды по данным нарративных источников // Textum Historiae: Исследования по теоретическим и эмпирическим проблемам всеобщей истории. Вып. 3. Н. Новгород, 2008. С.110–115.

Никулина Н.М. Искусство Ионии и ахеменидского Ирана. М., Искусство, 1994. 144 с. 128 л. ил.

Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М., 1979. 140с.

Трейстер М.Ю. Ахеменидские «импорты» на Боспоре Киммерийском. Анализ и интерпретация // Боспорский феномен. Население, языки, контакты / Вахтина М.Ю. и др. (Ред.). СПб., 2011. С. 113–121.

Федосеев Н.Ф. Некоторые дискуссионные вопросы организации и развития Боспорского государства // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год / А. В. Подосинов и О.Л. Габелко (Ред.). М., 2014. С. 141–174.

Федосеев Н.Ф., Голенко В.К. Персидские артефакты в историко-культурном контексте Боспорского царства // Чужая вещь в культуре. ТД. СПб., 1995. С. 51–52.

Цецхладзе Г.Р. Боспорское царство: особенности образования и развития // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства /Подосинов А.В., Габелко О.Л. М., 2014. С. 204–235.

Черненко Е.В. Скифо-персидская война. Киев, Наукова Думка, 1984. 116 с.

Шилейко В. Печать царя Артаксеркса // Жизнь Музея. Бюллетень Государственного музея изящных искусств. 1925. № 1. С. 17–19.

Щербакова О.Е. Корабли античности // Паруса Эллады. Мореходство в античном мире. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб., 2010. С. 24–39.

Яйленко В.П. Военная акция Дария I на Киммерийском Боспоре // Боспорский феномен. 2004. С. 55–60.

Яйленко В.П. Военная акция Дария I на Киммерийском Боспоре // Тысячелетний боспорский рейх. М., 2010. С. 7–11.

Яковенко Э.В. Скифы на Боспоре. Автореф. дис. докт. ист. наук. М., 1985. 35 с.

Яценко С.А. Северное Причерноморье и Ахеменид: некоторые аспекты взаимоотношений // Боспорский феномен. Население, языки, культуры./ Вахтина М.Ю. и др. (Ред.). Спб., 2011, с. 109–113.

Braund D. Georgia in Antiquity. A History of Colchis and Transcaucasian Iberia 550 B.C. – 562 A.D. Achemenids and Seleucids in Georgia. Oxford: Clarendon Press. 1994. 359 p.

Briant P. From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire. Winona Lake, Eisenbrauns, 2002. P. 63–69.

Ctesiae Cnidii Operum reliquiae 1824 / Baehr J.C.F. (Ed.). Francofurti ad Moenum: Broenner. Herodoti Historiae 1912 / Hude C. (Rec.). Ed. II. Vol. I-II. Oxonii: Typographeo Clarendoniano.

Dandamaev M.A. Iran unter den ersten Achämeniden. Wiesbaden, 1976.

Fedoseev N. Zum achämenidischen Einfl uß auf die historische Entwicklung der nordpontischen griechischen Staaten // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 29. Berlin: Dietrich Reimer, 1997. S. 309–319.

Jacobs. B. Achaimenidenherrschaft in der Kaukasus-Region und in Cis-Kaukasien // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 32. 2000. S. 93–102.

Knauss F. Persian Rule in the North // The Royal Palace Institution in the first Millennium B.C. / I. Nielsen (ed.) Monographs of the Danish Institute of Athens, 4 (Aarchus). 2001. P. 125–143.

Knauss F. Ancient Persia and Caucasus // Iraniqua Antiqua. V. XLI. P. 79–118.

Lordkipanidze O. At the Dawn of the Ancient Georgian Civilization. Tbilisi, 2002. P. 206–209.

Nieling J. Persian Imperial Policy behind the Rise and Fall of the Cimmerian Bosporus in the last Quarter of the Sixth to the Beginning of the Fifth Century B.C. // Nieling J. and Rehm E. (Eds.). Achemenid Impact in the Black Sea: Communication of Powers/ Aarchus, 2010. P. 123–136.

Petit T. Satrapes et satrapies dans l'empire achemenide de Cyrus le Grand a Xerxes Ier. Paris. 1990.

REFERENCES

Blavatskaia T.V. *Ocherki politicheskoi istorii Bospora v V–IV vv. do n.e.* M., 1959. 160 p.

Boltunova A.I. Kolkhi i derzhava Achemenidov (po dannym Gerodota) // *Problemy antichnoi istorii i kul'tury. Piotrovskij B.B. (Red.)*. Erevan, 1979. T 1. S. 51–55.

Braund D. *Georgia in Antiquity. A History of Colchis and Transcaucasian Iberia 550 B.C. – 562 A.D. Achemenids and Seleucids in Georgia.* Oxford: Clarendon Press. 1994. 359 p.

Briant P. *From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire.* Winona Lake, Eisenbrauns, 2002. P. 63–69.

Chernenko E.V. *Skifo-persidskaia voina.* Kiev, Naukova Dumka, 1984. 116 c.

Ctesiae Cnidii Operum reliquiae 1824 / Baehr J.C.F. (Ed.). Francofurti ad Moenum: Broenner.Herodoti Historiae 1912 / Hude C. (Rec.). Ed. II. Vol. I–II. Oxonii: Typographeo Clarendoniano.

Dandamaev M.A. *Iran unter den ersten Achämeniden.* Wiesbaden, 1976.

Dandamaev M.A., Lukonin V.G. *Kul'tura i ekonomika drevnego Irana.* M., 1980. 419 c.

Fedoseev N.F. Nekotorye diskussionnye voprosy organizatsii i razvitiia Bosporskogo gosudarstva // *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2012 год. / Podosiniv A.V. i Gabelko O.L.* (Red.).M., 2014. S. 141–174.

Fedoseev N.F., Golenko V.K. Persidskie artefakty v istoriko-kul'turnom kontekste Bosporskogo tsarstva // *Chuzhaia veshch v culture.* TD. SPb., 1995, pp. 51–52.

Fedoseev N. Zum achämenidischen Einfl uß auf die historische Entwicklung der nordpontischen griechischen Staaten // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan.* Bd. 29. Berlin: Dietrich Reimer, 1997. S. 309–319.

Iailenko V.P. Voennaia aktsiia Dariia I na kimmeriiskom Bospore // *Bosporskii fenomen.* 2004. S. 55–60.

Iailenko V.P. Voennaia aktsiia Dariia I na kimmeriiskom Bospore // *Tysiacheletnii Bosporskii Reikh.* M., 2010. S. 7–11.

Iakovenko E.V. *Skify na Bospore. Avtoreferat dis. dokt. ist. nauk.* M., 1985. 35 p.

Iatsenko S.A. Severnoe Prichernomor'e i Akhemenidy: nekotorye aspekty vzaimootnoshenii // *Bosporskii fenomen. Naselenie, iazyki, kultury / Vakhtina M.Iu. i dr.* (Red.). SPb., 2011, pp. 109–113.

Jacobs. B. Achaimenidenherrschaft in der Kaukasus-Region und in Cis-Kaukasien // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan.* Bd. 32. 2000. S. 93–102.

Knauss F. Persian Rule in the North // *The Royal Palace Institution in the first Millennium B.C. / I. Nielsen (ed.)* Monographs of the Danish Institute of Athens, 4 (Aarchus). 2001. P. 125–143.

Knauss F. Ancient Persia and Caucasus // *Iraniqua Antiqua.* V. XLI. P. 79–118.

Koshelenko G.A. Ob odnom svidetelstve Diodora o rannei istorii Bospora // *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 1996-1997. / Podosiniv A.V. (Red.).* M., 1999. S. 130–141.

Licheli V. Greko-akhemenidskie tendentsii v juzhnoi Gruzii (materialy k stratigrafii Atskuri) // S Mitridata duet veter. Bospor i Prichernomor'e v antichnosti. K 70-letiiu V.P. Tolstikova. Zhuravlev D.V. (Red). V., 2015, pp. 254–264.

Lordkipanidze O. *At the Dawn of the Ancient Georgian Civilization.* Tbilisi, 2002, pp. 206–209.

Maslennikov A.A. Greki i varvary na granitsakh Bospora (vzgliad na problemu k kontsu tysiacheletiia)// *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 1996-1997. / Podosinov A.V. (Red.).* M., 1999. S. 170–192.

Molev E.A. O vozmozhnosti persidskogo protektorata nad Bosporom (po povodu stat'i: Fedoseev, 1997)// *Bosporskii fenomen*. SPb., 2001, pp. 29–33.

Molev E.A. Diodor kak istochnik o podchinenii Bospora Akhemenidam // *Antichnoe obshchestvo. Vlast' i obshchestvo v antichnosti. Materialy konferentsii antikovedov 5-7 marta 2001 g.* SPb., 2001a, pp. 58–66.

Molev E.A. Persiia i Bospor v VI–IV vv. do n.e. // *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika.* T. 1. 2006, pp. 275–285.

Molev E.A. Bospor i Akhemenidy po dannym narrativnykh istochnikov // *Textum Historiae: Issledovaniia po teoreticheskim i empiricheskim problemam vseobschhej istorii.* Vyp. 3. N.Novgorod, 2008. S. 110–115.

Nieling J. Persian Imperial Policy behind the Rise and Fall of the Cimmerian Bosporus in the last Quarter of the Sixth to the Beginning of the Fifth Century B.C. // *Nieling J. and Rehm E. (Eds.). Achemenid Impact in the Black Sea: Communication of Powers* / Aarchus, 2010. P. 123–136.

Nikulina N.M. *Iskusstvo Ionii i akhemenidskogo Irana*. M., Iskusstvo, 1994. 144 p. 128 il.

Petit T. *Satrapes et satrapies dans l'empire achemenide de Cyrus le Grand a Xerxes Ier.* Paris. 1990.

Rybakov B.A. *Gerodotova Skifiia*. M., 1979. 140 p.

Shcherbakova O.E. Korabli antichnosti // *Parusa Ellady. Morekhodstvo v antichnom mire. Katalog vystavki. Gosudarstvennyi Ermitazh.* SPb., 2010. S. 24–39.

Shileiko V. Pechat' tsaria Artakserksa // *Zhizn' muzeia. Biulleten' Gosudarstvennogo muzeia iziashchnykh iskusstv.* 1925. № 1. S. 17–19.

Treister M.Jy. Akhemenidskie «importy» na Bospore Kimmeriiskom. Analiz i interpretatsiia // *Bosporskii fenomen. Naselenie, iazyki, kul'tury / Vakhtina M.Iu. i dr.* (Red.). SPb., 2011. C. 113–121.

Tsetskhladze G.R. Bosporskoe tsarstvo: osobennosti obrazovaniia i razvitiia // *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2012. Problemy ellinizma i obrazovaniia Bosposkogo tsarstva / Podosinov A.V., Gabelko O.L. (Red.).* M., 2014, pp. 204–235.

Vinogradov Iu.A. Kurgan u sela Baksy v Vostochnom Krymu // *Bosporskie issledovaniia / Zin'ko V.N. (Red.).* Vyp. XXX. S. 510–528.

Zavoikin A.A. Akhemenidy i Bospor (istochnikovedcheskii aspect problemy) // *Problemy istorii, filologii i kul'tury. Abramzon M.G. (Red.)* Madnitigorsk, 2015. № 1, pp. 240–261.

Zin'ko V.N. Pozdnearkhaicheskaia istoriia evropeiskogo Bospora v svete noveishikh arkheologicheskikh issledovanii // *Problemy istorii, filologii i kul'tury. Abramzon M.G. (Red.)* Madnitigorsk, 2013. Vyp. 2, pp. 183–193.

Резюме

В дискуссии о подчинении Боспора персам появились новые исследования. В.П. Яйленко с небольшими добавлениями повторил свою версию о походе Ариарамна и подчинении Боспора персам при Дарии I. J. Nileling предположил, что в главе III, 97 Геродот мог иметь в виду возможность подчинения Боспора персам до написания его труда. Обе точки зрения поддержал Г.Р. Цецхладзе. На наш взгляд, все приведенные аргументы не соответствуют контексту данной главы Геродота.

Ключевые слова: Ахемениды, Ариарамн, Боспор, Дарий I, Персия, Понт, скифы.

Summary

In discussions about the subordination of the Bosporus to Persians, new studies have appeared. V.P. Iaylenko repeated his version of the Ariaramnes' campaign and subordination of the Bosporus to the Persians under Darius I with small additions. J. Nileling suggested that in the Chapter III, 97 Herodotus might have had in his mind the possibility of submission of the Bosporus to the Persians until the time of writing his work. Both points of view were supported by G.R. Tsetskhladze. In our opinion, all the arguments do not match the context of the chapter of Herodotus.

Keywords: Achaemenids, Ariaramnes, Bosporus, Darius I, Persia, Pontus, Scythians.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Молев Евгений Александрович, д.и.н.,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия,
профессор,
(7)-987-753-49-16.
molev.eugeny@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Molev Eugeny Aleksandrovich, DSc,
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia,
Professor,
(7)-987-753-49-16.
molev.eugeny@yandex.ru

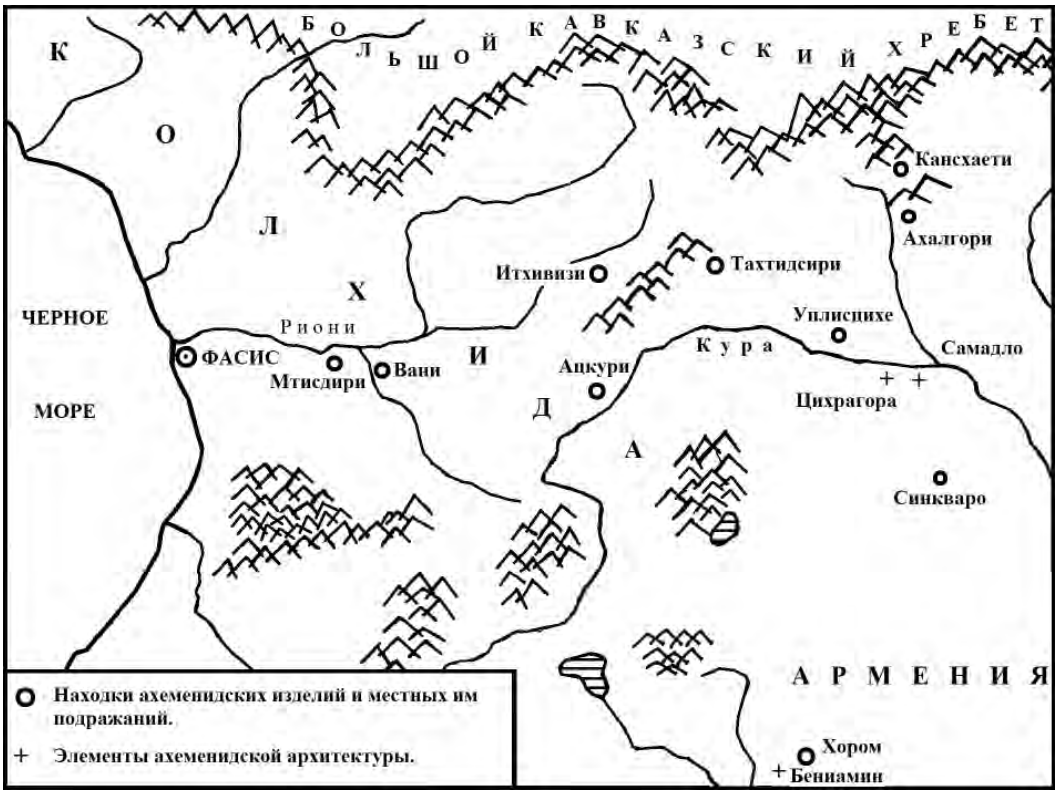


Рис. 1. Карта распространения ахеменидских и подражательных им находок в Колхиде. [по F. Knaus. P. 104. Fig.23.].

В.П. ЯЙЛЕНКО
V.P. YAILENKO

ТРИ ИСТОРИКО-ОНОМАСТИЧЕСКИХ ФРАКИЙСКО-СКИФСКИХ ОЧЕРКА: АЛАЗОНЫ, АМАЗОНКИ, ЭКСАМПЕЙ

THREE HISTORIC-ONOMASTIC THRACIAN-SCYTHIAN ESSAYS: THE ALAZONIANS, THE AMAZONS, EXAMPAIOS

I. Алазоны

По существу, мы располагаем лишь сведениями Геродота об алазонах, так как ко времени Страбона они давно исчезли с исторической арены, отчего Географ счел, что известия о них, каллипидах и прочих племенах насочиняли Гекатей, Геродот да Евдокс (*Strabo*, XII, 3, 21). Геродот (IV, 17, 52) дал характеристику образа жизни алазонов, затем привел отрывочное указание на их местоположение. По его словам, «Тирас и Гипанис сближают свои верховья в земле алазонов (συνάγουσι δὲ τὰ τέρματα ὁ τε Τύρης καὶ ὁ Ὕπανις κατὰ Ἀλαζῶνας), после которой (τὸδὲ ἀπὸ τούτου, *sc*. Ἀλαζώνων χώρου) они расходятся и промежуток между ними расширяется». Описывая это, Геродот как будто смотрел на современную географическую карту: действительно, в среднем и отчасти верхнем течении Днестр и Южный Буг текут параллельно друг другу и, немного не доходя до южной границы лесостепи, расходятся[1]. Географически этот параллельный ход рек приходится на прямоугольник между Могилевым-Подольским да Рыбницей на Днестре и Винницей да Савранью на Буге, длинная сторона его ок. 200 км, короткая – 80 км [Шилик, 1979, с. 454; Агбунов, 1985, с. 151, 155-156]. Известие Геродота о параллельном течении Тираса и Гипаниса в земле алазонов свидетельствует об алазонской принадлежности скифских памятников их междуречья, а также левого берега Гипаниса, где, по Геродоту

[1] Б. А. Рыбаков [1979, с. 32–36] иначе понимал течение Геродотова Гипаниса – за его верхнее течение он принял Горный Тикич и Синюху. Однако в таком случае картина приобретает иной характер: Горный Тикич течет на восток и юго-восток, Синюха на юг, с небольшим отклонением к западу, и впадает в Буг. Иными словами, параллельного течения у Тикича – Синюхи и Днестра нет, так что одно указание Геродота на сближение (параллельность) течений Тираса и Гипаниса в земле алазонов заставляет идентифицировать Гипанис с Южным Бугом [Агбунов, 1985, с. 150–151]. Слово τέρματα приведенного контекста Геродота (συνάγουσι δὲ τὰ τέρματα ... κατὰ Ἀλαζῶνας) расширительно понимали Г. Лидделль, Р. Скотт, Г. Джоунз (LSJ, p. 1777): (о двух реках) – они суживают свои пределы (contract their bounds), т.е. текут вместе и таким образом суживают пространство между собой. При этом по поводу выражения κατὰ Ἀλαζῶνας существенно заметить, что κατάс вин. падежом имеет значение «на, по, через» определенное пространство (LSJ, *s. v.* κατά, BI, 2), т. е. оно означает «в *земле* алазонов». Перевод Е. Бессмертного (SC 1, p. 23) «около земли алазонов», которому следовал Б. А. Рыбаков [1979, с. 32], неточен, чему обязана, как мы сейчас увидим, ошибочная локализация им алазонов в степи. Обзор иных мнений о локализации алазонов [Народы нашей страны, 1982, с. 226–227].

(IV, 52), источник Эксампей находился на границе пахарей и алазонов. Это означает, что алазонам принадлежит восточноподольская группа скифских памятников, а расположенным восточнее пахарям – киевская группа [Яйленко, 2013, с. 168–169] (рис. 1)[2].

Б.А. Рыбаков [1979, с. 127] счел алазонов кочевниками, а их местообитание – «пустынными кочевьями», но это противоречит, во-первых, свидетельству Галикарнассца о параллельном ходе Тираса и Гипаниса через земли алазонов, что, как сказано, относится к их среднему течению, далекому от степи. Во-вторых, это не согласуется с хозяйственной характеристикой алазонов и каллипидов, которые «в остальном ведут хозяйство по-скифски, но хлеб и сеют и употребляют в пищу, а также лук, чеснок, бобы и просо» (*Herod*. IV, 17): ведение сельского хозяйства, прежде всего выращивание зерновых, указывает на обитание алазонов в лесостепи (в степи это невозможно из-за господства там кочевников). Эти свидетельства не позволяют согласиться с предложенным Б.А. Рыбаковым определением алазонов как кочевников, а каллипидов как земледельцев: те и другие земледельцы, и уже в силу одного этого алазоны должны локализоваться в лесостепи. На это указывает и другое сообщение Геродота (IV, 17): алазоны обитают над каллипидами (ὑπὲρ δὲ τούτων, *sc*.Καλλιπίδων Καλλιπίδων), т. е. севернее их или восточнее (как сказано, таково пространственное значение предлога ὑπέρ). Ареал каллипидов определяют по-разному [Народы нашей страны, 1982, с. 224-226]. Как земледельцы, они должны обитать в лесостепной полосе, и поэтому, полагаем, их ареал простирался вдоль среднего течения Буга от Первомайска на юге до Гайворона – Саврани на севере[3]. Выше их северной границы и расположен ареал алазонов, как сказано, соответствующий в широтном отношении среднему течению Днестра и Буга, в археологическом плане соответствующий восточноподольской группе скифских памятников (рис. 1). Они

---

[2] М. В. Агбунов [1985, с. 154-156], следуя указанию Геродота (IV, 17: первыми от Ольвии живут каллипиды, над (ὑπέρ) ними алазоны, над теми пахари, над которыми невры) расположил по течению Буга (снизу вверх) от Николаева до Первомайска каллипидов, от Первомайска до Гайворона / Джулинки алазонов, в районе Винницы пахарей, выше их невров. Это не соответствует археологическим реалиям. Самый выдающийся вклад Б. А. Рыбакова в скифологию заключается в системном наложении этногеографии Геродотовой Скифии на карту археологических памятников [Яйленко, 2013, с. 168]. Поэтому пограничные с алазонами пахари соответствуют киевской группе археологических памятников. Миша Агбунов (да будет земля ему пухом) не знал греческого языка и руководствовался переводом текстов Геродота, в которых предлоги ὑπέρ, κατύπερθε правильно переводились для общего пользования словами «выше, над». Но для научного филологического анализа существенно, что они означают в картине Геродотова расположения скифских народов также восток; например, населяющие предгорья плешивые и исседоны справедливо локализуются в Южном Приуралье, а живущие над (κατύπερθε) ними в золотоносной стране агриппеи (IV, 27) в действительности живут не севернее, а восточнее, так как это Алтай. Киевская группа скифских памятников лежит восточнее и севернее восточноподольской группы, так что взгляду из Ольвии (не говоря уж о Греции) пахари представляются расположенными над (IV, 17: ὑπέρ) алазонами. Предлоги ὑπέρ, κατύπερθε «выше, над» не означают обязательно строгий север, это может быть и северо-запад и северо-восток, так что и с этой стороны отождествление пахарей с киевской группой правильно относительно восточноподольской группы.

[3] [Яйленко, 1989; 2016, глава «Демография Ольвийского полиса и вопрос об ойкетах»].

простираются к западу и востоку от среднего течения Южного Буга; на востоке у алазонов смежная граница с пахарями. На южном ее участке течет правый приток Синюхи (левого притока Южного Буга) Ятрань,имя которой надежно фракийское [Трубачев, 1968, с. 208-209; Младенов, 1968, с. 436-437; Нерознак, 1970, с. 88; Яйленко, 2013, с. 277-278], что может указывать на фракийскую принадлежность алазонов и смежных с ними здесь пахарей. Такое заключение можно поддержать и тем обстоятельством, что название Ятрань, видимо, является реликтом древнего названия Южного Буга в целом – *Iētru- (Ἰητρός) [Яйленко, 2013, с. 278]. Согласно Геродоту (IV, 52), на границе земли скифов-пахарей и алазонов расположен источник Эксампей; если правильна наша интерпретация этого названия как фракийского (*см*. ниже, раздел III), то и этот гидроним может указывать на фракийскую принадлежность алазонов и пахарей[4].

Обратимся к этнониму алазонов.Он известен в разных формах. Уже в рукописях Геродота наряду с именем Ἀλιζῶνες с корневым *i* равноправно присутствует вариант с корневым *a*– Ἀλαζῶνες[5]. В целом рукописи Геродота, Страбона, Павсания, Стефана Византийского содержат варианты – Ἀλιζῶνεςи Ἀλαζῶνες, Ἀλαζόνες. Евстафий со ссылкой на Страбона, Менекрата и других, не названных по имени писателей, дал формы Ἀλιζῶνες, Ἀλαζῶνες, Ὀλιζῶνες (SC 1, p. 306). Обычно этноним употребляется во мн. числе, но Стефан Византиец привел и форму ед. числа – Ἀλαζών.

Имя алазонов находит параллели во фрако-македонском, мисийско-вифинском и пафлагонском ареалах, что позволяет установить приблизительное его значение и этнолингвистическую принадлежность. Эти данные предоставляет Страбон (XII, 3, 22; 24), ссылающийся на писателей предшествующего времени. В Троаде это, согласно географу II в. до н. э. Деметрию Скепсийскому, город Ἀλαζονία (вариант Ἀλαζόνιον). Там же, в северо-западной Малой Азии, на юге Пропонтиды меж Кизиком и Даскилеем, Гекатей Милетский знает город Ἀλαζία; по его словам, он заброшен, но известны живущие в селениях этой области по реке Одрисс алазоны (заметим фракийское название этой реки). В прямом отношении к этим алазонам находится народ Ἀλιζῶνες, (варианты Ἀλιζῶνες, ,Ἀλίζωνοι), так как тут же, в горах близ Мирлеи (это чуть к востоку от Даскилея), согласно «Описанию Геллеспонта» географа раннеэллинистического времени Менекрата, обитают Ἀλιζῶνες (*apud Strab*.

---

[4] В северо-западном углу ограниченного четырьмя указанными точками квадрата междуречья Днестра и Буга (Могилев-Подольский и Рыбница на Днестре, Винница и Саврань на Буге), именно между Каменец-Подольским и Могилевом-Подольским, находятся два гидронима, определенные О. Н. Трубачевым [1968, с. 158, 208, 270-271] в качестве иллирийских – Дзван, Дупа, а к северу простирается большая их группа, также наименование возвышенности между верховьями Днестра и Буга Медоборы. Археологически это территория западноподольской группы скифских памятников, следовательно, носители этой культуры иллирийцы. О том, что выявленные О. Н. Трубачевым фракийские и иллирийские гидронимы относятся к античному времени *см*. [Яйленко, 2014, с. 522–524].

[5] Первая форма в рукописях Rsv (она и у Страбона), вторая в остальных рукописях; издатели Геродота обычно принимают исходной форму Ἀλιζῶνες (C. Hude и др.), реже Ἀλαζόνες (H. Stein и др.). С учетом преимущественного узуса у других писателей формы с корневыми (*см*. далее) считаем исходной форму Ἀλαζῶνες, которой следуем и в русской транскрипции.

XII, 3, 22). Эти ализоны-гализоны хорошо известны античным авторам в Вифинии, Пафлагонии [Pape, Benseler, 1884, S. 59]. Так, историк II в. до н. э. Аполлодор из Артемиты знает гализонов, живущих по обе стороны реки Галис. Страбон уравнивает гализонов с понтийскими халибами, чему приходится верить, ибо онуроженец Понта. Обитали гализоны и близ Эфеса, Магнесии, Приены (*Eustathii comm. in* Il. II, 856-857). Впрочем, для наших целей вопрос об идентичности алазонов и гализонов несуществен – нам достаточно мисийско-вифинских алазонов.

Население Мисии, Вифинии, Фригии составляли фригийцы и фракийцы, выселившиеся из Фракии и Македонии, на пограничном с Лидией ареале они перемешались с лидийцами.[6] Мисия – область распространения фригийского языка, и О. Хас вслед за Страбоном выделил 3 зоны ее насельников: 1) северо-восточные фригийцы, переселившиеся из Македонии, в VIII в. на них наслоились фрако-вифинцы; 2) тоже македонские насельники Великой Фригии, носители языка позднефригийских надписей, их города Гордион, Анкара, Пессинунт; 3) носители так называемой «фригийской» религии, автохтонный малоазийский слой.[7] Население Мисии, Вифинии, Фригии исторически происходит из Македонии и Фракии, начиная еще с микенского времени [Косян, 2002, с. 188, *лит.*], а cVIII в. здесь появилась новая волна фракийцев и в их числе киммерийцы-треры (*Strabo*, I, 3, 21). Согласно Аристотелю (у Стефана Византийца, *s. n.* Ἄνταν̃δρος), город Антандр в мисийской Троаде «назывался Эдонидой по причине поселения *в нем* фракийских эдонов, также Киммеридой вследствие проживания в нем киммерийцев». Судя по расположению в Троаде, давнем мисийском ареале пребывания переселенцев из Фракии и Македонии (что подтверждено археологией), этими киммерийцами были треры; и по Страбону (XIII, 1, 8), вслед за фракийцами и фригийцами в Троаде поселились треры, «тоже фракийский народ». Наконец, прямо о принадлежности алазонов Мисии, Вифинии, Фригии к фракийскому этносу свидетельствует присутствие их во фракомакедонской Халкидике близ полуострова Паллена, откуда, как можно догадываться по контексту известия Страбона (VII, fr. 27a; XII, 3, 22), некоторые авторы выводили мисийско-вифинских алазонов.

По словам того же Страбона (XII, 3, 21), отдельные писатели видят в упомянутых Илиадой гализонах (II, 856-857: «рать гализонов Годий и Эпистроф издали вели из среброобильной Алибы») скифский народ алазонов-гализонов, обитающих над Борисфеном, также амазонок (то же пишет и Евстафий в комментарии к II, 856-857). Не названные Страбоном по имени писатели – это Гелланик и его последователи[8]. О северном расположении гализонов на Евксине писал Арриан (fr. 22 Roos), тоже в

[6] *Strabo*, VII, 3, 2; XII, 3, 21; 5, 8; 8, 1-4. *Ср*. лит. [Bredow, 1986, S. 164-165]. Подробней *см*. [Яйленко, 2013, с. 138–143].

[7] [Haas, 1966, S. 16-17, 30, 233-234]. О фракийцах в Троаде II тыс. [Гиндин, 1981, с. 117–168; Гиндин, Цымбурский, 1996, с. 185 *сл.*].

[8] Страбон упоминает тут Гелланика, Геродота, Евдокса, Эфора. В труде Геродота об этом ничего нет, известия Эфора о народах Скифии кратко пересказали псевдоСкимн и Страбон, алазоны там не

связи с упомянутыми стихами Илиады: «сии мужи гализоны прозываются *так* потому, что со всех сторон опоясали море: от севера и восхода в Евксинском Понте до полуденного юга в Астакенском заливе, что близ Никомедии, а на влажном западе до Пропонтиды и Боспора, так что недалеко от полуострова (т. е. в Вифинии) их множество, и справедливо говорится: они удерживаются морем». Северные гализоны Арриана могут быть только Геродотовыми алазонами, восточные гализоны – насельники области Понт. Как видно, и Арриан придерживается мнения о связях скифских алазонов с вифинскими сродственниками, причем обосновывает его большой их активностью на море, что наряду с народноэтимологическим пониманием этнонима алазонов (посредством сближения со словом ἁλίζωνος «опоясанный морем») может иметь под собой также историческую подоплеку[9]. Страбон возражал против связи гомеровских гализонов с соименными насельниками Скифии – слишком уж они далеки, чтоб явиться под Трою. Но нам важна и возможная историчность их связи с Вифинией через поставки соли, и сама постановка древними писателями вопроса о скифских ализонах в Троаде и Вифинии в целом: им представлялась исторически возможной связь борисфенских скифов с фрако-фригийской Троадой – Вифинией. Мы видим эту связь в принадлежности скифских алазонов к обширному фракийскому этносу, прежде всего к соименным народам фрако-македонского, мисийско-вифинского и пафлагонского ареалов. Соответственно является фракийским этноним и алазонов Скифии. Рассмотрим этот вопрос.

Наличие вариантов этнонима алазонов с тонким придыханием – Ἀλαζῶνες,Ἀλιζῶνες, и густым – Ἁλιζῶνες, Ἁλίζωνοι – показывает, что первична вторая форма, поскольку греческому языку свойствен псилосис – утрата густого придыхания, обычно происходящего из индоевроп. *s* [Buck, 1968, p. 52-55], так что она происходит из этимона с начальным s-[10]. Во фракийском анлаутное предвокальное *s* сохранялось, но есть приме-

---

фигурируют [Яйленко, 2013, с. 180–185]. Историк и географ II в. до н. э. Евдокс Родосец, автор «Землеописания [Christ, 1890, S. 486-487], по сообщению Страбона (*l. c.*), писал об алазонах и каллипидах, но цитирование гомеровских стихов, судя по сохранившимся фрагментам, не в его обычае. Напротив, Гелланик, современник Геродота, охотно использовал данные гомеровских поэм о географии, мифологии, просопографии древнейшего периода (*Strabo*. X, 2, 14 *etc*.), было у него и специальное сочинение о скифах – Σκυθικά [FHGI, fr. 170-172; FGH 4, fr. 64-65, 185-187], поэтому он мог дать упомянутую трактовку стихов Илиады. В указанных фрагментах «Скифской истории» Гелланик ведет речь о гипербореях, алазонах, каллипидах, Борисфене.

[9] Далее мы увидим, что Мела и Солин размещают источник Эксампей (по Геродоту, расположенный на границе алазонов и пахарей) при устье Гипаниса, близ моря. Тут, на Белобережье, согласно Геродоту (IV, 53), находились огромные залежи соли, которую ольвиполиты поставляли скифам (*Dio Chrysost.* 36, 3), могли вывозить и в порты Вифинии, Фракийского Боспора (*см*. по этим вопросам [Толстой, 1918, с. 7, 19 *сл*.; Braund, 1991, p. 25–30; Яйленко, 2013, с. 69–70]. См. также в конце этой заметки о народноэтимологической связи имени гализонов области Понт с гр. ἅλς «соль; море». Как сказано, также Арриан в приведенных рассуждениях об алазонах как приморском народе на всем побережье Понта подспудно связывает их этноним с греческим прилагательным ἁλίζωνος «опоясанный морем».

[10] Этимон – это первоначальная форма слова или имени (в соответствии с лингвистической терминологией употребляем слово *имя* в том же значении, что *название, этноним, топоним*).

ры и перехода его в *spiritus asper*. Так, имя притока реки Гебр во Фракии Ἁρπησσός, как показывают анатолийские соответствия, происходит из *Sarpessos, это пример очень раннего времени [Гиндин, 1981, с. 63, 75]. Многократно зафиксированное в составе антропонимов имя фракийской богини (H)epta, по этимологии В. Томашека, восходит к индоевроп. *sep-[11]. Это же показывает и название горной цепи во Фракии Αἶμον (Гекатей, Геродот; ныне Стара Планина), которому родственны догреч. αἰμός «дубрава, роща», др. инд. sīmā, sīmān «плато, верх», ирл. sīm «цепь»[12]. Показателен пример с именем Сальмидесского побережья Фракии (от предгорий Тиниады до устья Боспора Фракийского; были также одноименный залив, город и река). Начиная с Софокла и до поздней античности употреблялась форма Σαλμυδησσός, но рукописям Птолемея (III, 11, 4) известна и аспирированная форма Ἁλμιδησσός [Pape, Benseler, 1884, S. 1332; Detschew, 1957, S. 414-415], стало быть, в эллинистическое или раннеримское время в этом фракийском названии начальное sперешло в *spiritus asper* [Откупщиков, 1988, с. 32, *ср*. Дуриданов, 1976, с. 101]. Подобного рода картина представлена и в ономастике Греции (однако с обратным фонетическим развитием – в греческом начальное sрегулярно переходило в *spiritus asper*, но спорадически сохранялось): например, согласно Павсанию (IX, 34, 10), селению в Беотии Ἅλμωνες дал свое имя основатель – Ἅλμος (у Плутарха Ἅλμος); Гелланику же (у Гесихия) это селение известно как Σάλμος [Pape, Benseler, 1884, S. 1332], стало быть, звучавшая в V в. до н. э. первоначальная форма имени поселка и его основателя Σάλμος со временем закономерно приобрела аспирированный облик Ἅλμος, утратив со временем и придыхание – Ἅλμος (Ἅλμωνες). Примеры с названиями Сальмидесса и Альма существенны тем, что показывают процесс утраты начального *s* в живом развитии от V в. до н. э. (Гелланик, Софокл) по II в. н. э. (Плутарх, Павсаний, Птолемей).

Аналогичным образом отдельные примеры перехода начального *s* в *spiritus asper* есть и в других языках, как правило, сохранявших его, например, во фригийском: Sanaos = Anaua, Ἑρπιδάση ἡ καὶ Σαρπ(η)δονίς, фригийскую глоссу «Большого этимологикона» τὸ ἁρμάν «война» Р. Гусмани возвел к этимону *sermn̥- и т.д.[13] Такое спорадическое явление имеет ареальный характер: в одних областях какой-либо фо-

---

[11] Этимология Д. Дечева – к индоевроп. *ep- < *op-, как отметил Л. А. Гиндин [1981, с. 78], не находит подтверждения ввиду отсутствия реальных свидетельств отражения индоевроп. *op- в формах с *e*- огласовкой. Предложению самого Гиндина [1981, с. 78-80] – связь с малоазийским теонимом Hipta, Heipta – препятствует неукоснительно соблюденная во всех трех его фиксациях аспирация, поскольку *h* анатолийских языков передается в греческом через γ, κ, χ (обход Гиндиным этого препятствия посредством предположения о народноэтимологическом сближении с ἵππος проблематичен), *см*. справедливую критику Ю. В. Откупщикова [1988, с. 30-31].

[12] [Георгиев, 1958, с. 258-259, это сближения В. Томашека]. Греч. αἰμός засвидетельствовано лишь раз Эсхилом (fr. 9; LSJ, *s. v.*), что наводит на догадку о его догреческом происхождении; начальное s- в индоевропейском догреческом языке сохраняется, но по заимствовании слова в греческий оно перешло в аспирацию, также во фракийском (*см*. о нем и ниже, раздел II, § 4).

[13] Первый топоним О. Хас пытался объяснить грецизацией, но перед вторым фактом спасовал [Haas, 1966, S. 218].

нетический процесс оформляется полностью, в других проходит не до конца. Яркий пример – передвижение согласных в древнегерманском языке, насчитывающее 7 ступеней: в восточногерманском и северогерманском прошли 4 первые ступени и частично пятая; в западногерманском более всего проявились изменения по пятой ступени и т. д. ; при этом часть германской лексики осталась вообще не затронутой передвижением согласных [Прокош, 1954, с. 45–46, 48–49]. Проблематичен и сам вопрос о передвижении согласных во фракийском. Для В. Георгиева, И. Дуриданова это данность, указывающая на разность фракийского и дакийского языков (если для В. Георгиева [1977, с. 202–204] это маркер этнического разграничения фракийцев и дакийцев, то И. Дуриданов [1976, с. 110–111] подчеркивал его лингвистический характер, указывая на смешение и взаимопроникновение фракийцев и дакийцев). Другие ученые, как Л. А. Гиндин [1981, с. 30–31], предпочитают думать о передвижении согласных как непоследовательном фонетическом процессе фракийского языка.

Подобного рода нерегулярности позволяют нам предполагать, на основании форм этнонима алазонов со *spiritus asper*, что в их фракийском языке начальное предвокальное *s* не всегда сохранялось и могло спорадически переходить в придыхательный. Это обстоятельство могло быть обусловлено, во-первых, периферийным положением языка алазонов, ушедших от прародины – Фракии – далеко на север; во-вторых, воздействием языков соседних с алазонами иранских народов, в которых переход *s>h* был регулярным. В связи с этим обратим внимание, что такой переход имел место и в языках, с которыми фракийский язык контактировал на западе и в средиземье Малой Азии – в греческом и лувийском[14]. Соседство подобного рода могло влиять на появление данного фонетического явления и в тамошнем фракийском языке, чем и обусловлены вышеупомянутые формы имени гализонов со *spiritus asper*.

Наше предположение о происхождении этнонима Ἀλαζῶνες от фракийской праформы (этимона) с начальным *s-* получает подтверждение в полном аналоге ей – фракийском мужском личном имени Σαλαζων (посвятительная надпись I–II в. н. э. из Труда в округе Пловдива-Филиппополя IGBulg. III, 1, 1460). Членение Г. Михаилова: Σαλα-ζων, к первой основе он привел личное имя Σαλα-ς, ко второй Αυγα-ζων, Aulu-zon. В. Георгиев [1977, с. 44, 79] хорошо объяснил это -ζων в Aulu-zon, Σαλα-ζων и других подобных по исходу именах в качестве гипокористика с суффиксом -ων от частой во фракийских личных именах основы -ζενης «рожденный, потомок»[15].

---

[14] В Северо-Западной Анатолии – Троаде, Мисии, Вифинии – фракийцы контактировали с греками; вышеупомянутые гализоны Аполлодора Артемитского и Страбона, обитающие на Галисе, могли контактировать с поздними лувийцами. Начальное *s* утратил и македонский язык, так что под его влиянием могли возникнуть вышеупомянутые фракийские формы Ἁρπησσός, Ἁλμιδησσός.

[15] Можно подумать, что такое образование гипокористической формы обусловлено греческим влиянием, ибо суффикс -ων во фракийской ономастике – результат ее грецизации [Vlahov, 1972, S. 21–23]. Однако это не так: в греческой антропонимике нет ярко выраженных пар имен на -γενης / -γων, т. е. полной формы имени и производной от него краткой формы (*см*. имена на -γενης и -γων [Hansen, 1958, S. 107, 163-164]); мы нашли лишь одну такую пару Ὀρτυγένης – Ὀρτύγων (может быть, также Δημαγένης – дорич. Δαμαγών). Поэтому образование парных имен на -ζενης / -ζων сугубо фракийское явление.

Иначе говоря, по аналогии с зафиксированной полной формой имени Αυλου-ζενις, которая дала гипокористик Aulu-zon, можно заключить, что гипокористик Σαλαζων происходит от *Σαλα -ζενις. Это позволяет считать форму этнонима Ἀλαζών гипокористическим образованием от полной формы *Σαλα -ζενης, значение которой «sala-рожденный».

Таким образом, исследуемая основа прошла ступени развития salazenes>salazōn- > halazōn-> alazōn-. Такого рода преобразования обычно обусловлены слабым произношениемs (>h> 0). Итак, регулярная для фракийского языка форма Σαλαζων, фонетически продвинутые от нее формы Ἀλιζών / Ἀλιζών – Ἀλαζών[16].

Имеющиеся фракийские материалы не дают возможности установить значение основы *sala- в имени Σαλαζων[17]. Однако по причине близкого родства фракийского с балтийским можно прибегнуть к ономастическим фрако-балтийским изоглоссам и даже просто к литовским параллелям (это общепринятая методика со времен В. Томашека, Н. Иокля, *ср*. и [Топоров, 1977, с. 42]). Так, Н. Иокль указал на общность имени города на киконском побережье Фракии (напротив Самофракии, *Herod*.VII, 59) Σάλη и литовского слова salà «село, деревня» [Jokl, 1929, S. 295][18]. Удивительным образом на фракийском побережье напротив Самофракии располагались два самофракийских города – Σάλη и Ζώνη (*Herod*.VII, 59) вместе (так сказать, Σαλαζώνη), целиком соответствующие личному имени Σαλαζων. Это указывает на правильность членения личного имени Σαλα-ζων и этнонима алазонов (Ἀλα-ζῶνες), а также на применимость основы ζενεις>ζωνες и в топонимике. Известен и этникон жителя города Ζώνη – Ζώναῖος, есть и личное имя Ζωνιος [Detschew, 1957, S. 197]. В таком случае значение этнонима*Σαλα -ζενεις / Ἀλαζῶνες – «рожденные в селениях». Это известный общей этнонимике способ обозначения народа (племени, рода) по принципу противопоставления кочевого и оседлого образа жизни соседних этносов или частей одного этноса. К примеру, самоназвание приморских коряков *нымылъу* (русское *нымыланы*) означает «житель селения» (корякское *ным* «селение»), чем эта часть этноса отличала себя от остальных, кочевых соплеменников – *чавчувен*; среди эскимосов Чукотского полуострова русские различали кочевых, занимавшихся оленеводством чукчей, и «пеших» или «сидячих» чукчей, т. е. оседлых, которых называли *намоллы* (от корякского *нымылгы* «поселянин») [Никонов, 1984, с. 56, 64]. Еще примеры наименования по признаку оседлости. Наряду с традиционным этнонимом вьетнамцев *вьет* употребляется и *кинь*, происходящий от китайского *цзинь* «город»:

---

[16] Альтернация *a* - *i*, присутствующая в формах Ἀλαζῶνες, Ἀλιζῶνες, известна фракийскому языку: к примеру, в парах Heptaporis / Eptiporis, Mestas / Mestis, -zaeras / -zaerisetc.

[17] Есть распространенные фракийские личные имена Σαλας, -ζαλας etc., их основу сопоставляют с индоевр. *k'el- «прятать, укрывать, спасать» [Detschew, 1957, S. 172-173, 412], в имени Σαλαζων это значение не совмещается с основой -ζων «рожденный».

[18] Сюда относятся также слав. *село*, др. верхненем. *sal* «дом, жилище» (И. Дуриданов справедливо заметил, что эта пара не исключительно фрако-балтийская [Duridanov, 1969, S. 9]). В балтийском, славянском, как и во фракийском, начальное *s* сохранялось (это сатемные языки).

означая поначалу «людей города, горожан», он стал со временем самоназванием вьетнамцев [Лескинен, 1984, с. 22]. Многие родовые названия подразделений удмуртов включают элемент *кар* – «поселение, город» [Попов, 1973, с. 107]. Приведем и примеры построения этнонимов по признаку кочевания. Коряки называют кочевых эвенов-оленеводов *коямко, коямкын*, из коряк. *коянга* – «домашний олень», *ямкын* – «кочевье, стойбище» [Никонов, 1984, с. 52]. *Сэрвы*, цыгане южных областей России, смежных с Украиной, называют цыган Правобережного Поднепровья *плашчунуя* – «кочевые, живущие в шатрах» (от украинского *плащевати* того же значения) [Деметер, 1984, с. 31]. Примечателен следующий пример: у половцев часты названия племенных и родовых подразделений с элементом *оба*, *опа* – «кочевье, семья кочевника, шатер»: Арсланопа, Урусоба и пр.[Попов, 1973, с. 129]; нам интересна семантическая эволюция этого тюркского слова: в турецком слове *оба* представлены указанные значения кочевого свойства, в туркменском же *оба* стало означать «селение, кишлак», что было обусловлено седентаризацией этноса, оседанием части его на землю (туркмены и турки – один османский этнос).

В попытках установить значение фракийского слова *sala обратим внимание также на литовские названия речек и озер, образованные от физиографической топоосновы salà «остров, участок земли, омываемый водой» – Salà, Sal-ùpis и др. [Vanagas, 1981, p. 287]. Имя ряда речек и озер Salà – топооснова в чистом виде, значение речных имен Sal-ùpis, Salõs-upêlis – «остров-река», «земля-речка», «земля-вода». Если предположить фракийский эквивалент этой топоосновы в имени алазонов *Σαλα -ζενεις / Ἀλαζῶνες, то его значение – «рожденные землей» или «рожденные землей-водой», которое органично вписывается в балканскую мифологию. Эпитеты греческого эпоса и за ним комедии γηγενεῖς, γαιηγενεῖς «земнорожденные» относятся к гигантам, титанам, богам и даже людям: в одной из трагедий таковыми названы фиванцы [Tragica Adespota, 84; LSJ, *s.v.* γηγενής]. Куреты, демонические существа и реальные люди, служители культа Великой Матери в Греции и Малой Азии, именовались «рожденными землей», автохтонами (*Strabo*, X, 3, 19). Местность близ Эфеса, гора близ него и Смирны, часть Эфеса назывались Κορησ(σ)ός (*Herod*. V, 100; *Strabo*, XIV, 1, 4; 21), эпонимом их считался Корес, по Павсанию (VII, 2, 7), он αὐτόχθων «землею рожденный», дословно «туземный» (он был также сооснователем святилища Артемиды Эфесской в Эфесе). От этих топонимов произведены этниконы их обитателей Κορησσίται, Κορησσεῖς (*St. Byz.*, *s. n.*). Вероятно, та же основа представлена и в названии горы, реки, города в Троаде Καρησ(σ)ός и тамошней местности Κορησηνή [Strabo, XIII, 1, 44; Pape, Benseler, 1884, S. 622]; В. Георгиев [1958, с. 169] по турецкой кальке имени этой реки Taṣ-oluk-dere «Каменный канал-река» восстановил основу *(s)korā или *kar(r)ā – «камень, скала». На Балканах, в Эгеиде и Западной Малой Азии есть много топонимов с основой kαρ, собравший их Л. А. Гиндин [1967, с. 108–114] счел ее этнонимической – в качестве имени карийцев (Κάρ) и возвел к ней все эти топонимы. Однако ареал их распространения намного шире зоны обитания карийцев, так что, полагаем, значительную часть топонимов следует связывать с

основой *korā, *karā – «камень, скала, каменистая местность, земля»; таковы по меньшей мере Κάριον – название гор на Самосе и в Лидии, имя эпонима акрополя («вышгорода») в Мегарах Κάρ, имя города на Евбее Κάρυστος, который, по Страбону (X, 1, 6), лежит у подошвы горы и обилен разработками камня, так что имя города означает «каменистая местность, земля», а этникон его жителей Καρύστιοι означает «жители каменистой земли»; сказанное относится и к городу Каристу в Лаконии, лежащем близ гористой Аркадии. Эпитеты ποντογενής, ἀφρογενής «рожденный (-ая) морем, водой, пеной» прилагаются поэтами к Афродите (примеры [LSJ, *s. vv.*]).

Также в общей этнонимии присутствует модель с участием слов «земля», «вода (река, море)». Образование этнонимов от слова «земля», как правило, сопровождается уточнением ее какого-либо признака. Например, древнерусское обозначение финно-угорского народа *пермь* образовано от употребительной в прибалтийско-финской топонимии модели «задняя земля» – «передняя земля», в данном случае *perä-maa* «задняя, северная, земля» [Попов, 1973, с. 110], т. е. *пермь* – «обитатели задней = северной земли». Пример образования этнонима от слова «земля» без уточняющего признака – *нани*, общее самоназвание ряда приамурских тунгусо-маньчжурских народностей ульчей, орочей и других, в языках которых *на* «земля», *ни, най* «человек», в целом «человек земли» или «местный человек» [Никонов, 1984, с. 55]. Аналогичным образом насельники приморской части индонезийского острова Сулавеси называли жителей внутренней области turaya «люди суши» [Членов, 1980, с. 241]. Построение этнонимов по признаку проживания народа у воды (реки, моря) со значением «поморяне», «речные люди» весьма продуктивно (примеры [Лескинен, 1984, с. 20; Деметер, 1984, с. 30; Туголуков, 1984, с. 35; Никонов, 1984, с. 46–49, 54, 59, 62, 63]).

Литовские слова salà «село, деревня» и salà «участок земли, омываемый водой; остров» этимологически одно и то же слово, в котором в результате оседания человека на землю прошло развитие значений «земля» > «селение», как и в родственных ему древнерусском *село* «жилище, селение», но и «поле», чешском selo «село» и «пашня», сербохорватском *сèло*, словенском sèlọ «почва» и «жилище, местечко, деревня»; сюда относятся также латинское solum «земля, почва» и «страна», др. верхненем. sal «дом, жилище» (индоевропейская основа *sel)[19]. Отсюда можно заключить, что также фракийское *sala могло включать оба значения, так что если наши сближения верны, имя алазонов *Σαλα -ζενεις / Ἀλαζῶνες означало «рожденные землей» или « рожденные в селениях». Оба значения соответствуют упомянутой выше хозяйственной характеристике Геродотом алазонов как земледельцев, что верифицирует наши сближения.

Тем не менее, наше производство этнонима Ἀλαζῶνες от фракийской праформы (этимона) с начальным *s* остается предположительным, несмотря на хорошую поддержку личным именем Σαλαζων, так как исходит из нерегулярного отражения ин-

[19] Есть и мнение о совпадении в приведенной славянской лексике праславянских основ *selo «пашня» и *sedlo «селение» [Фасмер, 1971, с. 596].

доевроп. *s*, которое во фракийском сохраняется. Поэтому считаем нужным наметить и другой путь объяснения имени алазонов – через сближение с индоевроп. *aliso- «ольха»[20]. Связываем с этой основой название реки Ἀλίζων, которое упоминается в стихотворном *motto* какого-то александрийского поэта, приведенном Плутархом (Decurios. 1*d*) и выражающем понятие множественности: «сколько воды в Ализоне, либо листьев на древе»[21]. Кажется, автор этого двустишия знал, что имя реки Ализон означает «Ольшаная», поскольку понятие множественности он передал именно через ее обилие водой и древесную листву, а, например, не через число звезд на небе, песка в пустыне и пр. На это единство воды и листвы указывает также присутствие личного имени реки, хотя можно было обойтись словом *река*. Что за река Ализон, мы не знаем, однако упоминание ее автором двустишия свидетельствует, что она была в древности известна, ибо без того читателю было бы непонятно, почему фигурирует именно она, а не знакомые всем Истр, Меандр, Галис и пр. Более того, это крупная река, поскольку смысл двустишия состоит в иносказательном выражении множественности через ее во́ды. Для идентификации реки Ализон решающую роль играет связь ее имени с этнонимом ализонов ввиду их полной идентичности. Как указано выше, ализоны известны на юге Пропонтиды, в Вифинии, Пафлагонии, однако не случайно издатель этого сочинения Плутарха «О любопытстве» М. Поленц предположил, что, может быть, следует читать κάτ᾽ Ἀλιζόνας (?) «у ализонов» Скифии [Plutarchus, 1972, p. 312, *lemma*][22]. Дело в том, что гидронимия тех регионов Малой Азии хорошо известна и там нет реки Ализон. Другое дело Скифия: здесь в обширной земле алазонов-ализонов уместна и соименная река – это либо прозвание Южного Буга (и тогда ализоны-алазоны получили имя по реке), либо имя одного из его крупных притоков там (Ров, Кодыма – справа, Соб, Синюха – слева и др.). Ольха распространенное в Восточной Европе дерево, потому употребительны соответствующие названия рек [Никонов, 1966, с. 308]. В интересующем нас регионе это реки Ольшаная, Ольшанка, др. рус. Ольшаница (укр. Вильшана, Вильшанка, к

---

[20] Она представлена в германских, кельтских, балтийских, славянских языках; древние формы в латинском alnus и македонской глоссе Гесихия: ἄλιζα. ἡ λεύκη τῶν δένδρων «белый тополь» [Георгиев, 1977, с. 240; Нерознак, 1978, с. 172; Фасмер, 1971, с. 137; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 635]. Интервокальное индоевр. -*s*- дает во фракийском -z-.

[21] ὅσσον ὕδωρ κάτ᾽ Ἀλιζόνος (Ἀλίζονος) ἢ δρυὸςἀμφὶ πέτηλα. На полях рукописи G дано пояснение к Ἀλιζόνος – «название реки»; в рукописях V, X добавление εὐρυχόροιο, т. е. Ἀλιζόνος εὐρυχόροιο «широкого Ализона» [Plutarchus, 1972, p. 312, *lemma*]. Все это указывает, что Ализон тут имя реки.

[22] Он предположил, что речь идет не о реке: автор этого двустишия, неизвестный александрийский поэт, подразумевал-де Геродотовых ализонов Скифии. В таком случае читается: «сколько воды в земле ализонов», что проблематично. Да, по Геродоту (IV, 17, 52), ализоны живут на Гипанисе и это одна из крупнейших рек. Однако Геродот там же (IV, 17) называет и другие народы, обитающие на Гипанисе – каллипиды, скифы-пахари, невры, и заключает: «Это народы, обитающие при реке Гипанисе, к западу от Борисфена». Почему из этого перечня народов александрийский поэт выбрал именно алазонов? На этот вопрос догадка Поленца ответа не дает. Поэтому надо следовать древним и средневековым переписчикам, которые располагали большей информацией, нежели мы, и считали Ализон рекой.

вільха «ольха») в бассейнах Южного Буга, Днестра, Днепра [Янко, 1973, с. 37; Етим. словник, 1985, с. 95]. У самого Днепра есть эпитет Ольшаный. Как раз на территории алазонов текут две Ольшанки – приток Десны, левого верхнего притока Буга, и приток Большой Выси, притока Синюхи. Образование этнонима по имени реки обычно, в Северном Причерноморье это борисфениты Геродота, танаиты Аммиана Марцеллина, аксиаки Плиния, так что народ ализонов (Ἀλιζῶνες) получил прозвание по реке Ἀλίζων «Ольшаная». Выше мы привели данные о фракийском этносе ализонов, таковым должно быть и название реки Ализон. В числе фракийских языковых остатков такой основы нет, но памятуя о балто-фракийском родстве (см. выше), можно апеллировать к сети литовских и латышских гидронимов Álksna, Aĩksnas, Aĩksne и др. (к лит. ãlksnis «ольха») [Невская, 1977, с. 15; Vanagas, 1981, p. 39]. Фракийское речное имя Ἀλίζων объединяется с этими литовскими гидронимами и *-n–*суффиксацией, которая представлена в числе производных от индоевроп. *aliso «ольха» еще лишь в латинском alnus (< *alisnus). Растет ольха также на Балканах и в Малой Азии, так что этноним тамошних ализонов-алазонов мог самостоятельно возникать на территории Фракии, Малой Азии, Скифии, но, скорее, сложился во Фракии и оттуда распространился на смежные регионы вместе с миграцией населения.

И у этой этимологии есть слабое место – она не предполагает формы этнонимаюжного побережья Пропонтиды и Пафлагонии со *spiritusasper*. Однако вполне возможно аналогичное ее происхождение (пример такового [Buck, 1968, p. 52]): так, в Пафлагонии форма Ἀλιζῶνες могла получить аспирацию по имени главной реки региона, при которой обитали гализоны – Ἅλυς[23]. Показателен в этом отношении узус этнонима на южном побережье Пропонтиды: автор рубежа VI–V вв. Гекатей Милетский дал форму без аспирации –Ἀλαζῶνες (и город их Ἀλαζία), тогда как географ раннеэллинистического времени Менекрат дал аспирированную форму Ἁλιζῶνες (*apud Strab*. XII, 3, 22), явно позднейшую; следовательно, если производить ее от индоевроп.*aliso-, она возникла аналогично, под воздействием прилагательного ἁλίζωνος «опоясывающий море» (производное от ἅλς «соль; море»), о чем свидетельствует приведенный выше рассказ Арриана (fr. 22) об алазонах как насельниках всего побережья Понта.

Уже античные писатели обратили внимание на сходство имен скифского народа алазонов и амазонок.

II. Амазонки

Представления античных филологов об имени амазонок суммировал грамматик II в. н. э. Геродиан: «Слово Ἀμαζών имеет долгое α. Это женское племя у Термодонта, как *говорит* Эфор. Некоторые *производят это название* от отсутствия грудей[24], но такое производство невероятно[25]. Фемистагор и в «Золотой книге» говорит: «В Алопе, называемой ныне Ликией, что у Эфеса, женщины, единодушно отказавшись

[23] Аристотелю известна и неаспирированная форма Ἅλυς (*apud schol. in Apoll. Rhod.* Arg. II, 953).

[24] Подразумевается отрицательный префикс ἀ- и μαζός «грудь».

[25] Однако *см*. [Абаев, 1990, с. 148].

от обычных женских занятий и подпоясавшись поясами, стали заниматься всеми мужскими *делами*; между прочим они ἤμων, т. е. жали с этими поясами[26]; поэтому и названы Ἀμαζόνες «жнущие с поясами»; или потому, что они выжигали одну грудь ради стрельбы из лука, или потому, что не ели лепешек[27], но змей, скорпионов, ящериц и черепах; иные же *производят название* от матери *по имени* Ἀμαζών»[28]. Все это досужие домыслы, построенные на случайном созвучии слов. Не лучше и решения, предложенные наукой нового времени. Некоторые современные специалисты следуют мнению античных авторов о связи имени амазонок с отсутствием у них груди (напр., [Котина, 2011, с. 20-21]); однако это не находит параллелей в сказаниях других народов о женщинах-воительницах, также в греческой скульптуре амазонки изображаются с нормальной женской грудью. Мы упомянем тут лишь те решения ученых XX в., которые изложены в серьезных этимологических словарях Я. Фриска, Ю. Покорного, П. Шантрена. Наиболее популярна гипотеза О. Лагеркранца (1912 г.) о происхождении этнического имени Ἀμαζόνες от названия иранского племени *ha-mazan – «воины», с опорой на глоссу Гесихия ἁμαζακάραν. πολεμεῖν, Πέρσαι, т. е. у персов это слово означает «воевать»; в ἁμαζακάραν опознается иран. kar – «делать» [Frisk, 1954/65, S. 83-84; Chantraine, 1968, p. 69]. Ее развил далее Ю. Покорный, который реконструировал индоевропейскую основу *maĝh – с привлечением греческого слова μάχομαι «сражаться» к упомянутой глоссе Гесихия и племенному имени *ha-mazan- [Pokorny, 1959, S. 697]. На наш взгляд, этимология Лагеркранца маловероятна, ибо, во-первых, не учитывает историческую действительность: амазонки известны уже Гомеру (Il. III, 189, VI, 186 *etc.*), но применительно к его времени – ок. VIII в. – трудно говорить о каких-либо контактах греков Ионии и Эолиды не то что с персами, но даже с иранцами вообще[29]. Во-вторых, как мы покажем далее, «амазонская» топонимия свидетельствует о возникновении этнонима Ἀμαζόνεςна территории балканской Греции, а тут какое-либо заимствование из иранского источника вовсе невозможно. Пока малодоказуемо и другое предположение Покорного (в качестве варианта) – о возможной связи имени амазонок с др. евр. mekhērah «меч»[30]. В русле исключительно умозрительных лексических реконструкций лежит и операция Р. Якобсона, который счел этническое имя Ἀμαζών греческим, восстановив гр. *a-mangi̯on- «безмужняя» на основании славянского слова mǫžь «муж»; это, по мнению М. Фасмера [1967, с. 671], «следует отвергнуть».

Поиски этимологии этнонима Ἀμαζόνες осложняются мифологичностью самого

---

[26] Имперфект ἤμων к ἀμάω «жать».

[27] Подразумевается тот же отрицательный префикс ἀ- и μάζα «лепешка».

[28] SC 1, p. 575-576. Краткий пересказ этого дают схолии к Илиаде (III, 172 = SC 1, p. 301).

[29] Мы пытались усмотреть в гомеровском слове ὄρχαμος «владыка» иранский источник, но для этого пришлось предположить посредничество какого-либо малоазийского языка [Яйленко, 2010, с. 158–163].

[30] [Pokorny, *l. c.*]. Это предположение лежит в русле давних попыток выявления семитских заимствований в раннем греческом языке (Х. Циммерн, В. Олбрайт, С. Крамер, М. Эстур, Б. Амерденже и др.), а также пребывания семитов в Эгеиде, о чем *см.* [Яйленко, 1990, с. 123, 132–135, 223–225].

их племени, хотя они и не абсолютный вымысел[31]. Для выявления происхождения этнонима и его этимологии сначала рассмотрим сведения источников по локализации амазонок, что укажет на породившую его языковую среду; лишь в пределах ее лексики и возможны этимологические решения. Полагаем, только такая методика поиска может дать результат, адекватный исторической и языковой действительности времени раннего бытования этнонима амазонок.

§ 1. Античные авторы об областях обитания амазонок

Они поселяют их в четырех областях: основной их ареал размещают на южном побережье Черного моря близ Амиса – в долине реки Термодонт, здесь их город Фемискира (*Strabo*, XI, 5, 3-4; XII, 3, 9), отсюда они частью переправились в Северное Причерноморье (*Herod*. IV, 110-117), частью перешли на Северный Кавказ (*Strabo*, XI, 5, 1-2); в более отдаленные времена обитали также в Западной Малой Азии (*Strabo*, XI, 5, 3-4; XII, 3, 21; 8, 6; XIII, 3, 6; XIV, 1, 4). Размещают амазонок также в Греции (*см*. ниже). Первые подробные сведения о них дал Геродот в рассказе о происхождении савроматов, которые искусственным образом соединены с термодонтскими амазонками. Суть его повествования такова. Греки победили амазонок при Термодонте, посадили пленниц на три корабля, но в море те перебили их и плыли далее по воле волн да ветров, так как не имели навыков судовождения; в конце концов их прибило к городу Кремны в земле свободных скифов на северном побережье Меотиды. Здесь амазонки раздобыли лошадей, занялись грабежом, местные скифы думали, что это молодые люди, но по трупам убитых в бою убедились, что они женщины. После этого скифская молодежь стала сближаться с амазонками, завязавшиеся для деторождения сексуальные связи завершились тем, что они образовали совместную орду и ушли на новое местожительство на восток за Танаис. Художественный, вовсе не исторический, характер основной канвы этого рассказа явствует прежде всего из способа перемещения амазонок с южного Понта на север Меотиды – по воле волн да ветров, имеющего прямую аналогию в повествовании Гомера о путешествии Одиссея: сперва тот плывет в узнаваемом географическом пространстве, вслед за посещением страны лотофагов перемещается в полусказочный мир, затем, носимый ветрами Эола (это великолепный художественный прием для «искривления» пространства), попадает в конце концов в мифологизированную, но историческую страну Киммериду для посещения царства Аида (подробности [Яйленко, 2013, с. 12-13]). Также перемещение героя волнами известны греческому фольклору: к примеру, фиванский царь Кадм заключил согрешившую дочь Семелу в бочку, которую сбросили в море, и волны прибили ее к городку Брасии на лаконском побережье (*Paus*. III, 24, 4). Подобного рода историю тот же Павсаний (VIII, 4, 9) рассказывает и о грешной дочери аркадского царя Алея Авге: отец заточил ее

[31] Литература об амазонках обширна, *см*. [Котина, 2012; Mayor, 2014]; обзор античных источников [Косвен, 1948, с. 16 *сл*.; Скрипник, 1988, с. 29–39].

в бочку и бросил в море, которое занесло ее к малоазийскому Каику, где она стала царицей Тевфрании. Семела забеременела от Зевса, Авга от Геракла: все это чистой воды мифология, так что перенесение героев ветрами да волнами – фольклорный художественный троп, и употребление его в легенде о прибытии амазонок в Меотиду с Термодонта само по себе выказывает ее художественно-мифологическую природу, не историческую. Греки Северного Причерноморья знали о женщинах-воинах у скифов и затанаисских сармат (лит. о женских захоронениях с оружием у них [Хазанов, 1975, с. 84-85]) и объяснили это экзотическое для себя явление переселением туда популярных в своей мифологии термодонтских амазонок[32].

Наиболее важные данные, по нашему мнению, предоставляет распределение «амазонских» топонимов и прочих названий с основой Ἀμαζων-: на удивление, половина их сосредоточена в Греции (источники, начиная с Гекатея [Pape, Benseler, 1884, S. 68]). Это местности по имени Ἀμαζώνιονв Афинах, евбейской Халкиде, Ἀμαζωνικός в Беотии, эпитет Аполлона в Лаконике Ἀμαζώνιος, также название месяца. «Амазонские» названия местности были также в Мегариде и фессалийской Скотуссе, судя по известиям о местонахождении там погребений амазонок, поскольку такие места в Афинах, Халкиде, Беотии назывались Ἀμαζώνιον, Ἀμαζωνικός (*Plut*. Thes. 27, 8-9). С юга Балкан на юг Италии перенесено, в числе многих других географических имен, название города в Мессапии Ἀμαζωνία.

Вне балканской Греции известно столько же «амазонских» топонимов. На западе Малой Азии Эфес и Кима некогда именовались Ἀμαζώνιον, на прилегающем к анатолийскому побережью острове Патмос известна соименная местность[33]. 3-4 «амазонских» топонима есть в области Понт на Термодонте: равнина и город Ἀμαζώνιος, там же горы Ἀμαζωνία[34]. Известны и Амазонские горы на Кавказе (Mela, I, 109). Как видно, основной и исходный ареал распространения «амазонских» топонимов – Греция, из нее, как и масса иных названий, они перенесены переселенцами на запад Малой Азии. Они перенесены также в ее средиземье: что топонимы термодонтской зоны

---

[32] Уж вовсе несуразные по своей антиисторичности версии изложил Диодор (II, 44–46), предупредивший читателя, что это, скорее, басни. Первая версия (II, 44) скифоцентрична и состоит из перетрактованных мотивов раннескифской истории у Геродота: в период междуцарствия у скифов власть захватили скифские женщины-воительницы, они покорили значительную часть Европы и Азии. Вторая версия – прямой пересказ Геродотовой легенды об амазонках и савроматах, разница лишь в том, что амазонки из Фемискиры покорили все соседние народы вплоть до савроматов на Танаисе, оттуда распространили свои завоевания до Фракии. С этой версией связан скифский иконографический тип изображений амазонок: как правило, они одеты в хитон [Lexicon iconogr. 1981, S. 440-526], но есть редкий тип изображений в скифской одежде – короткий кафтан до бедер с длинными рукавами и штаны [Ib. № 65, 90, 92 *sq*.].

[33] Арриан (Bith. 49 Roos) уточняет: Эфес, Анайя, Мирина, Кима, а также Элайа, близ Никомедии, получили название по личным именам отдельных амазонок. Это же явствует и в отношении города Траллы.

[34] По Арриану (Bith. 49), местность Θίβα в Понте получила название по имени амазонки. Упомянутую Страбоном (XI, 5, 4) «Амазонскую страну» на Термодонте вряд ли можно считать топонимом. Целиком мифологический характер, не географический, имеет наименование Танаиса «Амазонской рекой» – Ἀμαζώνιος ποταμός (*Plut*. Defluv. XIV, 1).

вторичны и связаны с оформлением мифа о тамошних амазонках в греческой легендарной традиции, свидетельствует наличие гидронима Θερμώδων не только тут, но и в Беотии – там это тоже река и тоже небольшая (*см*. ниже)[35].

Все изложенное означает, что возникла основа Ἀμαζων- на территории Греции; поскольку имя амазонок известно Гомеру, это случилось в догомеровское время, т.е. прежде VIII в. до н. э. Из греческого языка имя амазонок не объясняется, следовательно, оно догреческое, т. е. возникло в языковой среде догреческого населения юга Балкан.

§ 2. Происхождение и содержание имени Ἀμαζόνες

Как сказано, уже античные писатели обратили внимание на сходство имен скифского народа алазонов и амазонок: *sg*. Ἀμαζών – Ἀλαζών, pl.Ἀμαζόνες – Ἀλαζῶνες. Они различаются лишь одним звуком, *λ-μ*, так что ввиду подобия обоих имен Страбон (XII, 3, 21) отметил: «некоторые писатели, изменяя гомеровский текст, пишут Ἀλαζώνων, другие Ἀμαζόνων». Геродиан в цитированной выше заметке об имени амазонок даже отметил, что имя алазонов «сохраняет *букву* ω в косвенных *падежах* для отличия» от имени амазонок, подразумевая тем самым, что это одно и то же имя. Однако это ошибочно:они близки формально, по созвучию и единству структуры; хотя различаются лишь одним звуком, *l* не переходит в *m* и наоборот, так что Ἀλαζῶνες и Ἀμαζόνες разные названия. Принимая во внимание, что имя амазонок возникло на территории Греции в догомеровское время, что тогда в ряде областей Греции – Фокиде, Беотии, Фессалии, Аттике, на Евбее, Халкидике, Пелопоннесе и пр. наряду с греками обитали фракийцы[36], и что имя алазонов, как мы выяснили

---

[35] По Геродоту (IX, 43), это приток реки Асоп, течет он между беотийскими городами Танагрой и Глисантом; согласно Плутарху (Dem. 19), а он родом из этих мест, это маленькая речушка, впадающая в Кефис. Возможно, разнобой мнений обусловлен наличием в этой части Беотии подземных пустот и обвалов поверхности, которые, по Страбону (IX, 2, 16–19), оказывают сильное влияние на водный режим.

[36] *Thuc.* II, 29, 3; *Apoll. Rhod.* Arg. I, 601–602; *Strabo*, VII, 7, 1; 4; 35 и fr. 11, 14, 16; X, 3, 17 и мн. др. [Откупщиков, 1988, с. 44–46, источники и лит.]. Согласно Гекатею Милетскому (fr. 119 Jac.), Македония и часть Фессалии – фракийские области, что подтверждает Эфор (у Страбона, IX, 2, 1-4). Фракийцы некогда обитали и на Пелопоннесе, так как название Спарта фракийское [Топоров, 1980, с. 55–59], чем верифицируется историчность мифообразного известия Страбона (VII, 7, 1), что Пелопс привел на Пелопоннес народы из Фракии. На древность обитания фракийцев на территории Греции указывает ряд топонимов, в особенности речных имен, зафиксированных на ее территории и во Фракии: Νέστος (река Фракии, из *Νέδ-τος) – Νέδα, Νέδων (реки Пелопоннеса); гидронимы Αὖρα(ς) во Фракии, Фессалии, Аркадии; реке Νόης во Фракии соответствует лаконская глосса Гесихия νόα·πηγή «источник»; город Δύμη во Фракии и Пелопоннесе [Probonas, 1976, p. 214] (многие другие примеры [Гиндин, 1981, с. 23 и др. ; Откупщиков, 1988, *passim*]). Показательно и присутствие фракийских личных имен Di-za (= Διζας) и Di-zo (= Δίζων) в микенских табличках [Probonas, 1976, p. 213]. Собравший приведенные данные И. Пробонас как грек думал, что эти параллели обязаны присутствию прагреков в древнейшей Фракии [p. 215]. Однако, принимая во внимание территориально обширные известия античных писателей об обитании фракийцев в Греции, следует заключить, что сходство топонимов обязано именно этому обстоятельству. Иначе говоря, фракийцы в числе прочих догреческих индоевропейских народов жили во II и I тыс. на территории Греции [Откупщиков, 1988, с. 36 *сл*., 44–47].

выше, фракийского происхождения, полагаем возможным объяснение также имени амазонок из фракийского языка. Интерпретацию этнонима алазонов мы начали с личного имени Σαλαζων, подобного рода эквивалент фракийская антропонимика – и это знаменательно – предоставляет также этнониму амазонок: личное имя Amazenes ([Георгиев, 1977, с. 79], надпись II в. н. э.). В нем вычленяются основы ama (во фракийских личных именах *fem*. Ἀμα, Ἀμας, *masc*. Ἀμα-τόκος, Ἀμα-δόκος и др. [IGBulg. 532–534, 737, 1506 *etc.*; Detschew, 1957, S. 15]) плюс zenes «принадлежащий к роду», «рожденный, потомок», как и в имени Σαλαζων. С первой основой В. Георгиев [*l. c.*] сопоставил теоним Ἀμμάς. При этом существенно, что группа названий на Amadok представлена во фракийском ареале в лесостепной Скифии [Яйленко, 2014, с. 532], и это тоже позволяет думать о фракийском происхождении также этнонима Ἀμα-ζόνες. Как форма Σαλαζων произошла из *Σαλαζενες посредством оформления суффиксом ων (*см*. выше об имени алазонов), так и соответствующей формой имени Amazenes будет *Ἀμαζών. Это полный эквивалент этническому имени Ἀμαζών «амазонка», собственно, оно само; его мн. число – Ἀμαζόνες (< *Ama-zeneis) «амазонки». Это тем более так, что в первой основе имени амазонок давно усматривали теоним Великой Матери Ἀμα-; например, В. Папе и Г. Бензелер членили упомянутое Стефаном Византийским имя дочери Кибелы, матери амазонок Ἀμαζώ как Ἀμ-αζα “Starke Mutter” [Pape, Benseler, 1884, S.68]. Корень ἀμα представляет собой «детское слово» ma, ama «мать», широчайшим образом распространенное у разных народов во все времена, в том числе в виде антропонимов и теонимов. В качестве имени широко почитавшейся в балкано-эгейско-малоазийском регионе Великой богини-матери он известен в формах Ἀμαία – прозвище Деметры; по разъяснению Гесихия, Ἀμμάς – имя кормилицы Артемиды, также прозвище Деметры, Кибелы [*Hesych*., *s. n.*; Pape, Benseler, 1884, S. 69, 75; Gruppe, 1906, S. 1536]. По справке «Большого этимологикона», «ἀμμά –ласкательное обозначение кормилицы и матери, и Рея так зовется; употребляются также формы ἀμμάς иἀμμία». В Мирмекии найден амулет V в. до н. э. с именем Великой Матери в форме Ἀμμία; древнейшая фиксация в виде Ἄμε (=Ἄμη = Ἄμα) представлена в граффито VII в. до н. э. на ойнохое с Питекусс [Arena, 1994, p. 22; Яйленко, 2010, с. 185]. Хтоническая функция Великой Матери, именно связь с водой, перешедшая и на амазонок, просматривается в известии Арриана (fr. 49), что по личным именам амазонок назван ряд ключей (источников). Личные имена с основой Ἀμ-, Ἀμα- распространены во Фракии [Detschew, 1957, S. 15].

На связь имени амазонок с Великой Матерью указывает свидетельство Арриана (Bith. 48 Roos), что они «выводят свой род от Матерей»[37]. По существу, этим выражением γενεαλογεῖν ἀπὸ Μητέρων Арриан раскрыл этимологию слова Ἀμαζόνες в нашей интерпретации – «рожденные Матерью» (γενεάв γενεαλογεῖν означает «род,

[37] В тексте ἀπὸ μητέρων ἐγενεαλογούντο. Поскольку все люди происходят от матерей, слово μητέρων требует спецификации; поэтому, а также ввиду указанных свидетельств о Великой Матери следует исправлять его на Μητέρων.

рождение»). Это хорошо верифицирует нашу этимологию. Главное божество амазонок – Артемида, она ипостась Великой Матери, по словам Страбона (X, 3, 12–15), почитавшейся под разными именами и прозвищами в зависимости от места культа – Рея, Кибела, Кибеба, Великая фригийская мать, Диндимена, Идея (гора Ида в Троаде – одно из основных мест культа) и пр.[38] В особенности с амазонками связан культ Артемиды Эфесской, по причине чего праматерь амазонок в одном из вариантов считалась дочерью Эфеса (*St. Byz., s. n.* Ἔφεσος). Павсаний дал подробное его описание, из которого явствует, что это, по существу, культ той же Великой Матери. При этом культ Артемиды Амазонской (и Аполлона Амазонского) осуществлялся также в Греции, например, в Лаконике; в Этолии и городах пелопоннесской Ахеи амазонская Артемида почиталась с эпитетом Лафрия (*Paus*. III, 25, 3; IV, 31, 7-8; VII, 18, 8–13). Эфор поселял амазонок близ Алопы (*apud Strab.* XII, 3, 22); было 3 города с этим именем, все в землях локров и во Фтиотиде на юге Фессалии (*Strabo*, IX, 4, 3; 9). Амазонкам подарен остров Самофракия. С амазонками связывали предысторию города Эфеса, также Смирны, Кимы, Мирины, поселяли их между Мисией, Карией и Лидией, т. е. на территории позднейших греческих областей Ионии и Эолиды (*Strabo*, XI, 5, 3-4; XII, 3, 21; 8, 6; XIII, 3, 6; XIV, 1, 4). Столкновения именно этих амазонок, а не термодонтских воительниц, с ликийцами могли быть историческим подтекстом упомянутого в Илиаде (VI, 186) их нападения на Ликию.

Тесная связь амазонок с культом их основных божеств, проявляющаяся даже в их этнониме, засвидетельствована письменными и археологическими данными также у савроматских воительниц. По Гиппократу (Deaere, 17), они «не сходятся с мужчинами до тех пор, пока не совершат положенные по обычаю жертвоприношения». В могилах донских «амазонок» обычны каменные алтари с реальгаром и мелом, что указывает на исполнение ими жреческих функций [Хазанов, 1970, с. 142–144] (алтари связаны с культом огня, традиционным у древних иранцев). Причастность амазонок к сакральным культовым действам соответствует наличию в их этнониме имени Великой богини Ἄμα.

Наша фракийская этимология этнонима амазонок находит подтверждение в традиции о фракийском языке амазонок. По словам спутника Александра Македонского Андрона Теосского (схолии к *Apoll. Rhod.* Arg. II, 946 *sq*.), имя амазонки Синопы (Σινώπη) фракийское: она-де много пила, а «пьющие женщины по-фракийски называются σανάπαι, этим языком пользуются и амазонки». Происхождение имени города Синопы не связано с этой фракийской глоссой, но она реальна сама по себе, так что известие о фракийском языке амазонок аутентично, тем более, что ниже мы приведем данные об основательном фракийском компоненте населения Пафлагонии (§ 4)[39].

---

[38] Об Артемиде-Великой Матери как верховном божестве амазонок [Шауб, 1989, с. 51-52; Тюхтина, 2008, с. 5-7].

[39] Глоссу σανάπαι В. Томашек объяснил в качестве фракийского заимствования из иранского: осет. sænæ «вино» при др. инд. pātā «пьющий» (к pay- «пить»), что приняли М. Фасмер [Vasmer, 1923, S. 50],

Известие Андрона принадлежит к древней традиции, которую мы тут и раскроем. Излагая содержание киклической поэмы Эфиопида, Прокл указывает, что предводительница амазонок Пентесилея «родом фракиянка»[40]. Сие означает, что итермодонтские воительницы, которых она привела, тоже фракиянки (подробней *см*. § 4). Это древнейшая традиция VIII в. – автор Эфиопиды Арктин из Милета, по Евсевию, жил в 1 Олимпиаду (776–773), по Свиде, в Ол. 9 (744–741)[41]. Поскольку население области Понт VIII в. хорошо было известно милетянам через колонистов Синопы и Трапезунта, указание Арктина на фракийский этнос амазонок аутентично, тем более что существует и продолжение этой традиции – ряд их изображений на аттических вазах VI–V вв. с элементами фракийского одеяния и вооружения[42]. Таким образом, фракийское происхождение амазонок засвидетельствовано источниками VIII в. (Эфиопида), VI–V вв. (вазопись), IV в. (Андрон Теосский), потому она прочна и оправдывает выведение этнонима амазонок из фракийского языка.

Итак, имя Ἀμαζόνες по происхождению фракийское, означает «рожденные *Великой* Матерью», возникло в гомеровскую или предмеровскую эпоху на территории Греции, также на западе Малой Азии, где тогда обитала часть фракийских племен, в том числе в разноязычной Троаде и Мисии. Согласно хорошо обоснованному мнению (П. Кречмер, В. Георгиев, Ю. В. Откупщиков, Л. А. Гиндин, В. Л. Цимбурский и др.),

---

В. Георгиев [1977, с. 18], В. И. Абаев [1979, с. 302]. Однако такие иранско-санскритские этимологии ущербны, это иранские хромоножки, неподвижные без древнеиндийского костыля. Поэтому видим в глоссе фракийское заимствование из индоарийского saṁpā – как глагол «совместно выпивать», как существительное «совместное питье»; кстати, оно женского рода, что согласуется с женским значением фракийского слова. Здесь saṁ<sama; к передаче др.инд. *m* через греч. *n ср*. Παροπάμισος ряда авторов при др. ин. Paropaniṣadha, имя царя Μάνβανος <Nahapāna [Таронян, 2007, с. 468, 524-525], но, скорее, это произошло в самом фракийском, которому известно колебание *m*-*n*, в том числе перед губным, как, например, в наименовании города Μεσημβρία, Μενεβρία (*St. Byz.*, *s. n.*). Базой заимствований подобного рода служат реликты индоарийского (киммерийского) и фракийского симбиоза в Западном и Северо-Западном Причерноморье [Яйленко, 2013, с. 133, 142–144, 146–148]. По С. В. Кулланде [2016, с. 24–25, 85], σανάπη заимствовано из северокавказских языков.

[40] [*Procli* Chrest. II, p. 105 Allen; Извори, 1981, с. 50]: Θρᾴσσ(α) δὲ τὸ γένος. Мы не располагаем ни текстом Эфиопиды, ни пересказом ее содержания Прокла (это некий писатель II или V в. н. э.), лишь выпиской Фотия из Хрестоматии Прокла, но ничто не дает оснований сомневаться в аутентичности приведенных слов Эфиопиды. Контекст: в то время, когда после смерти Ахилла Аякс и Одиссей состязались за обладание его оружием, «на помощь троянцам явилась амазонка Пентесилея, дщерь Аресова, фракиянка же родом».

[41] Некоторые склонны омолаживать время Арктина по упоминанию Ахилла на Левке, что не могло-де иметь места ранее основания Истрии и Борисфена [Шестаков, 1946, с. 156-157, *ср*. Christ, 1890, S. 70]. Однако Арктин милетянин, а Милет вел колонизационную деятельность почти исключительно в Черноморье: в том же VIII в. он основал Синопу (790-780 гг.) и Трапезунт (757), поэтому, хотя колонизация Западного и Северного Причерноморья велась в VII в., о. Левка мог быть известен им и в VIII в.

[42] [Shapiro, 1983, p. 107 *f*.]. По мнению Шапиро, представительное присутствие фракийских мотивов и персонажей в греческой мифологии является следствием сношений греков с Фракией в VI–V вв. Однако эта мифология складывалась, как и положено мифологии, в архаическую эпоху, поэтому, полагаем, причина состоит в общении греков с древнейшим фракийским населением Греции, о котором мы вели речь выше.

население Северо-Западной Анатолии, в том числе Троады, во второй половине II тыс. до н.э. было фракийским, фригийским, греческим[43]. По продуктивной идее В. Леонхарда, в древнейшей греческой традиции под амазонками подразумевались хетты и другие анатолийские народы[44]. Поэтому можно считать, что войны с ними нашли отражение в реминисцентном виде в преданиях о сражениях греческих героев с термодонтскими амазонками: Геракл разбил их на Термодонте, Беллерофонт в Ликии[45]. Хороший маркер амазонок – культ Артемиды как Великой Матери, более всего в Малой Азии он свойствен фригийцам и лидийцам, которые почитали ее в особенности под именем Кибелы (источники [Нерознак, 1978, с. 148-149]). По этой причине они могли прослыть у соседних фракийцев «рожденными *Великой* Матерью». Картографирование мест находок скульптурных изображений Артемиды Эфесской архаического времени и наложение их на карту расселения народов предшествующей эпохи выявило ту закономерность, что места культа богини не заходят на западные земли хеттов, т. е. в соответствии с указаниями античных источников приходятся на фригийский, мисийский, лидийский ареалы [Fleischer, 1973, S. 389; Сазанов, 1984, с. 161]. Если учесть, что у фригийцев и ликийцев засвидетельствована важнейшая матриархальная черта – счет родства по материнской линии [*Herod*. I, 173; Нерознак, 1978, с. 134; Моисеева, 1982, с. 126-127], то отсюда возможно гендерное перевоплощение во фракийской легендарной традиции всех фригийцев, лидийцев, ликийцев в один женский пол, в амазонок[46]. Эту фракийскую мифологему усвоила греческая легендарная традиция и придала ей к VIII в. до н. э. (время Гомеровских поэм) законченный вид в предании о термодонтских амазонках, на формирование которого повлиял также культ богини Хепат в Комане близ реки Термодонт – она супруга верховного бога новохеттского пантеона Тешуба, по иконографии изображений (стоит на пантере) она Великая Матерь [Cavaignac, 1950, pp. 48–55, *cf*. Güterbock, 1952, p. 347]. Как следствие тут появились и упомянутые выше «амазонские» топонимы.

Присутствие амазонок на территории Греции, подтверждаемое вышеупомянутой ономастикой и литературной традицией, в том числе их мифологические «походы» на Аттику объясняются в том же ключе: местные фракийцы предгомеровского времени называли именем Ἀμαζόνες племена тех обитателей страны, у которых были матриархальные институты и культ Великой Матери[47]. Войны их друг с другом и

[43] Наиболее полно вопрос о фракийцах в Троаде, начиная с середины II тыс., разработал Л. А. Гиндин [1981, с. 139 *сл*., в особенности 149 *сл*., 165–168, 179–184].

[44] [Leonhard, 1911, дальнейшая лит. Иванов, 1976, с. 15–16].

[45] В легендарной греческой традиции амазонки были то в числе врагов Трои – с ними воевал в Вифинии Приам в союзе с фригийцами (Il. III, 184–190; *Strabo*, XII, 8, 6), то союзников – так, по Павсанию (I, 15, 2), они явились под Трою для сражений с греками.

[46] Напомним указание Фемистагора (в пассаже из Геродиана, приведенном в начале этого очерка): «В Алопе, называемой ныне Ликией, что у Эфеса, женщины, единодушно отказавшись от обычных женских занятий и подпоясавшись поясами, стали заниматься всеми мужскими *делами*».

[47] Судя по статуэткам, культ Великой Матери восходит в Эгеиде к эпохе неолита, распространен и на

фракийцами претворились в легендарной греческой традиции в войны населения Аттики и других областей с вторгшимися амазонками. Хотя имя Ἀμαζόνες фракийское, это не этноним, т. е. самоназвание народа, а аллоэтноним – обозначение народа соседями[48], этническая же принадлежность амазонок разная в зависимости от их местонахождения и локальной истории. Савроматские амазонки, как сказано, в историческом плане – женщины-воительницы народа савроматов. Амазонки Термодонта – продукт влияния новохеттского культа Хепат; показательно, что уже у античных писателей встречается мнение об их полной мифологичности: уроженец тех мест Страбон (родом из Амасии) в рассказах о термодонтских воительницах высказал сомнение в их историчности, поскольку ничего не осталось, кроме «амазонского» названия равнины, гор да города (*Strabo*, XI, 5, 3-4; XII, 3, 9). Как и в случае с савроматскими женщинами, видимо, на Термодонте некогда обреталось племя, часть женского населения которого богатырствовала, по причине чего в мифологии окрестных народов возникла легенда об амазонках (далее в § 4 мы покажем, что этим окрестным народом были фракийцы Пафлагонии и области Понт). К сим термодонтским амазонкам ввиду культа хеттской богини Хепат или ее хурритского прообраза вполне приложима гипотеза В. Леонхарда, что в древнейшей греческой традиции под амазонками подразумевались хетты, лучше сказать, анатолийские народы в целом.

§ 3. Вопросы локализации амазонок Северного Кавказа

Связь амазонок с фракийцами и тем самым фракийское происхождение их имени подтверждаются известиями об амазонках, живших на Северном Кавказе. Страбон (XI, 5, 1-2) отметил, что почерпнул информацию у Метродора Скепсийского, Гипсикрата из Амиса, также у Феофана Митиленца, который прошел с войском Помпея в 66-65 гг. до кавказской Албании. Это писатели первой половины I в. до н.э., историки Митридатовских войн (Метродор написал историю царя Тиграна)[49]. Они серьезные историки, хорошо знавшие излагаемый материал, так что их известия о северокавказских амазонках лишь ввиду одного этого заслуживают доверия. В первой части рассказа об амазонках Страбон (XI, 5, 1) описывает их местоположение: «Как говорят, в горах над Албанией обитают амазонки. Феофан, который сопровождал Помпея в походе и посетил страну албанцев, рассказывает, что скифские племена

юге Балкан. Согласно легенде о происхождении афинян, первоначально в Аттике жены были общими, дети не знали отцов и назывались по имени матери; лишь со времен Кекропса заключаются индивидуальные браки [Варрон у Августина; Афиней, XIII, 1; Косвен, 1948, с. 9]. Память об этом была жива, поскольку Платон и киники Диоген да Зенон пропагандировали общность жен [Косвен, 1948, с. 10].

[48] Примеры аллоэтнонимов дают названия азербайджанцев, по происхождению тюрков-огузов, пришедших на территорию иранского Азербайджана в XI в., у окрестных кавказских народов: грузины называют их *татари*, абхазы – *ататар*, карачаевцы и балкарцы – *тюркли, къаджарлы*, лезгины – *туьрк*, кумыки, лаки, даргинцы – *къажар*, чечены – *гIажари, гIезало*, авары, андийцы и другие дагестанские народы – *падар*, рутулы, цахуры *мугъал* [Волкова, 1980, с. 209].

[49] Метродор казнен ок. 70 г., Гипсикрат и Феофан – современники Юлия Цезаря.

гелов и легов живут между амазонками и албанцами и что в этой стране протекает река Μερμάδαλις посередине между этими племенами и амазонками. Однако другие писатели, тоже знакомые с этими местами (среди них Метродор Скепсийский и Гипсикрат), утверждают, что амазонки живут по соседству с гаргарейцами в северных предгорьях тех частей Кавказских гор, которые называются Кераунийскими». Далее говорится об образе жизни амазонок, в котором ничего особо примечательного нет: они занимаются необходимыми трудами – пахотой, садоводством, скотоводством, в особенности лошадьми, наиболее сильные заняты охотой верхом на лошадях и военными упражнениями; с детства выжигают правую грудь для удобного метания копья, вооружены также луком, боевым топором и легким щитом. Это фактологические сведения почти очевидца – Феофана, и специалисты с основанием указывают, что у женщин Северного Кавказа прослеживаются черты богатырства: в нартовском эпосе они ездят верхом, владеют мечом да стрельбой из лука, сражаются с врагами (подробней об этом ниже).

Затем Страбон (XI, 5, 2) уточняет локализацию амазонок в версии Гипсикрата и Метродора: река Μερμόδας свергается с гор, течет через страну амазонок и Сиракену, далее идет через пустыню и впадает в Меотиду[50]. Сообразуясь с указаниями источников, что сираки живут ниже аорсов, давно считают, что Мермод – это Маныч, приток которого Егорлык имеет истоки на Ставропольской возвышенности в районе Невинномысска, т. е. здесь он горная река, потому и «с шумом низвергается с гор» [Подосинов, 2015, с. 316 *сл*., лит.]. Однако гидроним Μερμόδας неотделим от названия реки Μερμάδαλις Феофановской версии (напомним: между амазонками и албанцами живут гелы и леки, а река Мермадалис течет между амазонками, с одной стороны, и гелами, леками, с другой)[51]. Однако присутствие в рассказах как Феофана, так и Гипсикрата – Метродора амазонок да реки с похожим названием Мермод – Мермадалис указывает, что в обеих версиях речь идет об одних и тех же амазонках,

---

[50] Принадлежность этого уточнения к версии Метродора и Гипсикрата явствует из упоминания гаргарейцев, ибо в версии Феофана амазонки живут в соседстве с гелами и легами.

[51] Палимпсест V в. н. э. дает тут вместо Μερμόδας рукописей ту же форму Μερμάδαλις, что и в версии Феофана [Подосинов, 2015, с. 317, прим.]. Иначе говоря, это уравнивает Мермод рукописей в версии Метродора и Гипсикрата с Мермадалисом версии Феофана: это две формы одного названия одной и той же реки. Иное отождествление этой реки – с Тереком – предложил В. А. Кузнецов [1980, с. 59–63], по мнению которого, Страбон ошибочно счел, что Мермод впадает в Меотиду: это невозможно, полагает он, ибо гелы и леги – соседи албанцев. Кроме того, с XVIII в. известна небольшая речка или ручей Мермодик, приток Фиагдона (приток Терека), так что Мермод Страбона – Терек. Полагаем, аргументы Кузнецова уязвимы. Во-первых, локализация гелов и легов пространственно широка: по Страбону (XI, 7, 1), гелы обитают от Каспийского побережья до вершин Кавказа (*Strabo*, XI, 7, 1), это оставляет их западную границу неопределенной, она может быть и весьма удаленной от Каспийского побережья. По Плутарху (Pomp. XXXV, 5-6), гелы и леги располагаются между албанами и амазонками (*см*. ниже). Во-вторых, в гидронимии известен перенос имени большой реки на приток соседней большой реки: например, у Южного Буга есть приток Днестр; по этой причине, полагаем, название притока Фиагдона Мермодик перенесено с имени большой соседней реки Мермод-Мермодалик.

одной и той же реке. Для согласования версий, а они подобны друг другу и восходят в конечном счете к одному источнику (разница лишь в этнонимах соседей амазонок), надо поместить амазонок ниже (южнее) пустыни, а реку Мермод-Мермадалис отождествить с Кубанью, поскольку искомая река, по версии Гипсикрата и Метродора, впадает в Меотиду[52].

В целом расположение народов и рек следующее. Крайние с севера (сверху) аорсы, под ними сираки, южнее пустыня, ниже ее амазонки, река Мермод-Мермадалис, ниже (южнее) обитают леки и гелы, наконец, албаны (перечисленные народы, пустыня, река могут следовать по принципу *выше – ниже* не только с севера на юг по меридиану, но и по наклонной, т. е. также с северо-запада на юго-восток).

Нам известно расположение аорсов, сираков, гелов, албанов. Сираки обретались в средней и южной частях Краснодарского края [Марченко, 1996, с. 2 и др.], также пустынные местности прилегают с севера к течению Кубани между Усть-Лабинском и Кропоткином; далее река резко меняет течение с линии запад – восток на юг; здесь пустынные местности примыкают с востока до Невинномысска и Черкесска. На этом меридиональном течении Кубани обитают амазонки (западнее отрезка между Армавиром и Черкесском), через пустынные места восточнее и южнее их живут леки (на территории от верхних притоков Терека до восточного Дагестана), далее к востоку до Каспийского побережья обитают гелы, южнее гелов и леков албаны[53]. Такому срединному местонахождению амазонок на Северном Кавказе соответствует распо-

---

[52] На идентификацию Мермода с верхним течением Кубани указал А. А. Акопян [1987, с. 57], отметив, что ранее подобное мнение высказал И. С. Каменецкий: Мермод – один из притоков верхней Кубани. Акопян дал хороший анализ интересующих нас сведений Страбона [*l. c.*, с. 56–63]. Он обратил внимание, что Феофан называет сожителями амазонок гелов и легов, а Гипсикрат и Метродор – гаргарейцев. Так как гелы и леги живут намного восточнее, то, по мнению Акопяна, Феофан ошибочно упомянул их в своем пересказе сведений Метродора об амазонках. На наш взгляд, это неприемлемое решение, ибо Феофан как участник похода Помпея – очевидец кавказских дел и потому нет оснований считать его сведения об амазонках заимствованными у Метродора. Суть контроверсии видится нам в плохой осведомленности античных авторов о народах средней и восточной частей Северного Кавказа (о развитии знаний греков и римлян о Северном Кавказе писал С. М. Перевалов [2006], но интересующая нас тематика им не затронута). Ко времени Страбона (он, как видим, наш основной источник) из насельников тех регионов им известны лишь гаргареи, а также гелы в прикаспийской части и где-то западнее леги (есть также мнение, что гелы и леги – один этноним с метатезой, они предки лезгин, но это натяжка – слишком короткое имя можно препарировать по-разному). Страбон (XI, 7, 1) почерпнул имя гелов, видимо, у Патрокла, их же и легов – у Феофана, гаргареев – у Метродора и Гипсикрата. Мела, написавший ок. 44 г. н. э. «Землеописание», знает там только комаров (I, 11; о локализации их на востоке Северного Кавказа *см*. [Яйленко, 2013, с. 130]). Лишь у Плиния (VI, 21-22) и затем Птолемея (V, 8, 22-25) появляется ряд других тамошних этнических имен. Таким образом, в представлениях Феофана, гелы, и леги – имя всех насельников средней и восточной частей Северного Кавказа, которых Гипсикрат и Метродор называли гаргареями. По этой причине они и фигурируют в их рассказах в качестве соседей амазонок. Что это так, свидетельствует значение имени Γαργαρεῖς «горцы» (*см*. ниже), это действительно общее обозначение насельников Северного Кавказа.

[53] Сообразуемся с картой памятников сарматского времени [Абрамова, 1989, с. 269]. По Плинию (VI, 50), греки называют гелов кадусиями.

ложение Амазонских гор: Мела (I, 109) помещает их между Мосхийскими (Юго-Западный Кавказ) и Каспийскими горами (Восточный Кавказ и его Андийский отрог в Дагестане). Амазонские горы известны и Плинию (VI, 10), так что страна амазонок – географическая реальность.

Дополнительные сведения о месте обитания амазонок, близкие данным Феофана, дал Плутарх (Pomp. XXXV, 5-6) в рассказе о втором сражении Помпея с албанами: «В этом бою, как говорят, вместе с варварами сражались амазонки, явившиеся с гор при реке Термодонт... Они населяют ту часть Кавказа, которая достигает Гирканского моря, граничат не с албанами, но посередине между (διὰ μέσου) *теми* и *другими* обитают гелы и леги. С последними *амазонки* на два месяца ежегодно сходятся на реке Термодонт для половой связи, затем живут сами по себе, чтобы быть свободными». Как видно, поначалу сказано об их месте жительства в части Кавказа, простирающейся до Каспия, затем говорится, что они сходятся с гелами и легами на реке Термодонт[54]. Можно подумать, что место встречи находится в их исконном ареале у Фемискиры, однако этому противоречит не только расположение гелов и легов между амазонками и албанами, но и сомнение Страбона (XI, 5, 3) в реальном существовании термодонтских амазонок (он родом как раз из тех мест – из Амиса). Стало быть, река Термодонт располагалась между амазонками, с одной стороны, и гелами да легами, с другой. В соответствии с отождествлением пограничной меж теми и другими реки Мермод с меридиональным течением верхней Кубани считаем приемлемой догадку А. А. Акопяна [1987, с. 60], что Μερμόδας – это искаженный вариант гидронима Θερμώδων, но с поправкой, что разность начальных согласных обусловлена не искажением, а фонетическими причинами. Средняя и восточная части Северного Кавказа – ареал нахско-дагестанских языков глубокой тамошней древности[55]. При многочисленности согласных, в том числе при наличии фонетического ряда придыхательных, межзубный спирант *th* в этих языках редкость, зато в большей части языков *m* входит в первую десятку наиболее употребительных фонем [Климов, 1986, с. 88]. Поэтому можно думать, что по дальней диссимиляции *m* заменило начальное *th* формы Θερμώδων под влиянием срединного *m*, результатом чего и стала форма Μερμόδας (заметим также сохранение места ударения).

---

[54] В изложении Страбона Феофан связывал местообитание амазонок с рекой Мермадалис, гелами, легами, в изложении же Плутарха – с Гирканским морем. Первая локализация подробная, это почти свидетельство очевидца, вторая обобщенная, явно идущая от географической литературы. Ее отразил Мела (I, 12; III, 39): у Каспийского залива живут каспии и амазонки, именуемые также савоматидами (но это не танаисские савроматки – о тех подробный рассказ в кн. I, 114). Сведения о Северо-Западном Прикаспии получены в Риме от боспорского царя Митридата (VI, 16-17). Локализация амазонок у Танаиса и Каспия присутствует и у Плиния (VI, 19 и 39). Таким образом, излагая данные Феофана об амазонках, Плутарх присовокупил от себя митридатовские сведения о прикаспийском регионе амазонок.

[55] *См*. идентификации В. Б. Виноградовым [1975, с. 36-43] упомянутых Страбоном народов с предками вайнахских и дагестанских народов. О. Н. Трубачев (1999, с. 256), привел название реки в Индии

§ 4. Фракийцы на Кавказе

Напомним, что и в область Понт гидроним Θερμώδων перенесен фракийцами из Беотии (*см*. § 1), этим верифицируется дальнейшее передвижение его фракийцами на Северный Кавказ. Как сказано, в первой части рассказа о северокавказских амазонках Страбон (XI, 5, 1-2) дал их локализацию и описал образ жизни; по характеру это фактологический рассказ. Но другая часть его иная по характеру – экзегетическая и потому полна легендарных сведений. Два весенних месяца эти амазонки ради деторождения занимаются сексом с соседними мужчинами народа гаргарейцев, девочек оставляют себе, мальчиков отдают своим партнерам. «Гаргарейцы вместе с амазонками, как говорят, поднялись в эти места из Фемискиры; затем, однако, начали восстание и стали воевать против амазонок вместе с какими-то фракийцами и евбейцами (которые в своих кочевьях доходили до этих мест); впоследствии, прекратив войну, они заключили соглашение на вышеупомянутых условиях: будут общаться друг с другом только для того, чтобы иметь детей, жить же каждое племя будет самостоятельно» (пер. Г. А. Стратановского). В этом рассказе снова, как и в Геродотовом логосе о савроматах и амазонках, фигурирует художественного свойства мотив исхода амазонок из малоазийской Фемискиры, не имеющий оснований – как сказано, прагматические сведения Феофана и других источников Страбона отражают северокавказские реалии, именно занятия части местного женского населения военным делом (*см*. § 1). Но что вовсе удивительно, так это известие о войне амазонок со своими бывшими сожителями гаргарейцами, которых поддержали какие-то вынужденно блуждавшие фракийцы и евбейцы (Θρᾳκῶν καὶ Εὐβοέων τινῶν πλανηθέντων)[56]. Гаргарейцев из этого рассказа (Γαργαρεῖς) кавказоведы считают кавказским народом: они то ли обитатели области Гаргараци, упоминаемой Моисеем Хоренским и идентифицируемой с Карабахским нагорьем (напр., [Тревер, 1959, с. 48–49]), то ли идентичны западновайнахским племенам, общее имя которых галгаи [Кузнецов, 1980, с. 57–59]. Однако, во-первых, античным источникам ни те, ни другие неизвестны, во-вторых, Страбон ясно говорит об их приходе из Фемискиры, т. е. из срединной Малой Азии. Последнее, как справедливо указал А.А. Акопян [1987, с. 61–64], уточняют «гаргарейские» названия, которые приводят нас в Троаду с ее вершиной Гάργαρον у горы Ида и городом Гάργαρος у подножия; этникон его жителей как раз Γαργαρεῖς, наконец, окружающая местность именовалась Гаргаридой (Γαργαρίς). Добавим, что в эту группу топонимов входят также название дема Γαργηττός в Аттике, городки да селения по имени Гάργαρον близ Лампсака, в Эпире, Италии; по Аристотелю, сама Италия именовалась Гаргаридой – Γαργαρίς (источники – Гелланик и др. [Pape, Benseler, 1884, S. 241]). Все эти названия догреческого происхождения [Гиндин, 1967, с. 93],

---

Narmada, счев гидроним Мермод индоарийским. Однако пока нет веских оснований помещать индоариев в глубине Северного Кавказа.

[56] Перевод Г. А. Стратановским глагола πλανάω «заставлять блуждать, сбиться с пути» выражением «в своих кочевьях» неточен.

добавим и заимствования из догреческой лексики в греческую, где они представлены в реликтовом виде:τὰ γάργαρα «куча, груда; множество, толпа (о людях)» у комиков V–IV вв. до н. э. Алкмана и Аристомена, да глосса Гесихия γαργαρής· θόρυβος «шум толпы людей» [LSJ, *s. vv.*] (все это к индоевроп. *ghar-, *gher- «гора, холм, камень»). Ряду языков известно образование производных форм и множ. числа посредством редупликации основы[57]. Полагаем, γάρ-γάρ явление того же рода: это множество камней-гор, метонимически и людей, так что значение этнонима Γαργαρεῖς «горцы». Таково же по смыслу имя народа ῞Αγαροι «горцы» в Северо-Западном Приазовье и меотского народа ῞Αγροι в Восточном Приазовье [*Strabo*, XI, 2, 11; Яйленко, 2015, с. 407-408], того же значения и грузинское средневековое этнонимическое обозначение mt'iulebi «горцы» (от mta «гора»).

Фракийцев рассматриваемого рассказа Страбона можно связать с фракийцами Восточного Приазовья, засвидетельствованными Диодором, эпиграфикой, местной топонимикой и этнонимикой фрако-дакийского происхождения [Яйленко, 2014, с. 545–550]. Однако загадочные евбейцы этого рассказа препятствуют такому решению, ибо на Боспоре их нет, и дают основание для поиска другого возможного пути появления фракийцев на Северном Кавказе – через северные области Малой Азии.

Как и в случае с гаргарейцами, употребленный Страбоном этноним евбейцев (Εὐβοέων τινῶν) тоже ведет нас в Эгеиду и на Балканы, ибо это не что иное, как точный этникон жителей острова Евбея у писателей классического времени и в языке койне – Εὐβοεῖς (источники [Pape, Benseler, 1884, S. 401]). Разгадку дает местный писатель IV в. до н. э. Аристотель из Халкиды, автор «Истории Евбеи», по сообщению которого, «фракийцы из фокидской Абы поселились на острове и дали жителям имя абантов» (*apud Strab.* X, 1, 3). Тут же Страбон указывает, что остров назывался также Абантидой и что Гомер упоминает Евбею, но никогда не именует ее жителей евбейцами, всегда абантами (Il. II, 536, 542). Таким образом, раннее название острова Евбея – Абантида, известное уже Гесиоду (у Стефана Византийца), и жители ее – фракийские абанты, они и другие фракийцы, полагаем, как раз и фигурируют в рассказе Страбона о противниках северокавказских амазонок (Θρᾳκῶν καὶ Εὐβοέων τινῶν), тем более, что и третьи супостаты амазонок гаргарейцы, как сказано, вышли из того же северо-западного анатолийского и (или) южнобалканского ареала. Раннего времени также связанные с гаргарейцами упомянутые топонимические и лексические реалии – название Гаргарос и соответствующие греческие глоссы происходят из догреческого языка. Евбейские абанты, по Геродоту (I, 146), в эпоху колонизации Ионии (исторически этот процесс проходил с XI в. до н. э. [Лаптева, 2009, с. 66 *сл.*]) составили значительную часть ионян. Они приняли участие в основании Милета (*Paus*. VII, 2, 4); трагик V в. до н. э. Ион Хиосский в своем историческом труде об основании Хиоса рассказывает, что остров заселили в числе прочих абан-

[57] Например, др. инд. karkara- «твердый», бербер. akorkur «каменистое место», картвел. ḳarḳar «высокий утес», все к нострати. ḳaгл- «скала, крутая возвышенность» [Иллич-Свитыч, 1971, с. 341].

ты и карийцы, через несколько поколений с Евбеи прибыли греки, которые частью перебили, частью изгнали тех и других (*apud Paus*. VII, 4, 8-9). Куда делись абанты, доподлинно неизвестно[58].

Объяснить переселение на Северный Кавказ какой-то группы фракийцев, в том числе фракийцев Евбеи, а также гаргарейцев, насельников соименной местности в Северо-Западной Анатолии или Греции можно исторически, ибо в письменной традиции прослеживаются следы реальной миграции фракийцев догомеровских или гомеровских времен вплоть до Закавказья. На конференциях по античной балканистике, организованных покойным Л. А. Гиндиным, в дискуссиях неоднократно звучала мысль о циркумпонтийском ареале распространения фракийского населения. Соберем тут данные античной письменной традиции о движении фракийцев в восточном направлении от Мисии и Вифинии далее по северу Анатолии до Армении и Колхиды. Северную часть Малой Азии занимают три большие области – Вифиния, Пафлагония, Понт. Вифинцы – древние выходцы из Фракии, они фракийцы (*Strabo*, XII, 3, 3); на фракийское происхождение вифинов указал и Геродот (VII, 75): они пришли со Стримона. По свидетельству Арриана (Bith. 19 Roos), фракийцы во главе с Патаром (это явный эпоним – «Отец») изгнали отсюда киммерийцев, так что это самая поздняя миграция фракийцев сюда – VIII или даже VII в. до н.э. Согласно схолиям к Аполлонию Родосцу (II, 181), пафлагонцы – этнические фракийцы[59]; по Страбону (XII, 3, 4), вифинско-пафлагонское племя бебрики фракийцы, другое пафлагонское племя мариандинов тоже, как ему кажется, фракийцы. Во времена Геродота границей Пафлагонии и Понта была река Галис (*Herod*. I, 6). Обитавшие там гализоны, согласно Арриану (Bith. 22 Roos), вифинцы, а последние мыслятся им фракийцами (fr. 20: эпонимы финов и вифинов Фин и Вифин – сыновья Одриса (вариант Финея); брат их Пафлагон (эпоним Пафлагонии). К востоку от Галиса в области Понт близ морского побережья расположены легендарные область и город амазонок Фемискира на небольшой реке Термодонт. Этих амазонок перевязывает с пафлагонскими фракийцами упомянутая выше (§ 2) традиция VIII–IV вв. о фракийском происхождении термодонтских амазонок. Напомним, что в области Понт основная часть населения была анатолийской, и поскольку оно почитало хеттскую богиню Хепат в Комане близ Термодонта, ипостась Великой Матери (выше, § 2), полагаем, пафлагонские и понтийские фракийцы называли их ᾽Αμαζόνες «рожденные *Великой* Матерью». Так уже в гомеровское или даже предгомеровское время возникло предание об амазонках Фемискиры на Термодонте.

В связи с постулированным фракийским происхождением амазонок Фемискиры

---

[58] Территория распространения названия Аба и производных показывает, что их исходный ареал Греция: город ῞Αβα (῞Αβαι) в Фокиде, ῞Αβαντα у Парнаса, ᾽Αβαντία (ее область именуется ᾽Αβαντίς) в Эпире [Pape, Benseler, 1884, S. 1]. Название города ῞Αβα в Карии связано с хетт. hapa- «вода»; оно и перечисленные названия восходят к индоевроп. *ар(а)- «вода, река».

[59] Таковы смежные с вифинцами западные пафлагонцы; Геродот (II, 104) причислил восточных пафлагонцев, обитающих при реках Термодонт и Парфений, к сирийцам (это анатолийские автохтоны).

и их имени отметим, что в античном мире речное имя Θερμώδων отмечено лишь дважды – наряду с Фемискирой еще в Беотии близ Херонеи (*Plut*. Thes. 27; Dem. 19). Название неясно: основа кажется греческой (к θερμός «теплый» = фрак. germ-, из индоевр. gh^{w}er-), но исход (-ωδων) не объясним. Г. Краэ произвел его из θερμώδης «теплый», что поддержал П. Шантрен [Chantraine, 1968, p. 431], однако это прилагательное – очевидный поздний дублет к θερμός: оно засвидетельствовано лишь раз и поздно – медиком II в. н. э. Аретаем [LSJ, *s. v.*], тогда как гидроним, и беотийский и пафлагонский, известен со времен Геродота. Это заставляет рассмотреть иные варианты. Исход -δων употребителен в ономастике Балкан, Эгеиды, Малой Азии. Ю. В. Откупщиков [1988, с. 82–83] счел его греческим суффиксальным наращением из двух суффиксов -δ- и -δων, однако заметим, что сим не объясняется долгота соединительного *ō*: при основе θερμο- уже есть соединительное -*o*-, так что введение дополнительного -*a*- (ο-αδων> -ωδων) было бы безосновательным. Л. А. Гиндин [1981, с. 65–76] более аргументированно увидел в исходе -δων фракийско-догреческий элемент со значением «земля, страна». Это дает возможность считать гидроним Θερμώδων фракийским, но сложного происхождения. Поскольку индоевроп. *gh*^{w} давало и во фракийском и в догреческом *g*, основа θερμο- является фракийским заимствованием из греческого, как в дакийско-иллирийском топониме Θερμίδαυα, состоящем из заимствованного греческого θερμ- и дакийского слова -dava «город». Исход гидронима -ωδων фракийский: с фрак. -δων «земля» и соединительным *ō*, как, например, во фракийском дублетном наименовании города Каттуза Ρακώλη (*St. Byz.*, *s. n.* Κάττουσα), в пафлагонском топониме Κινώλη и др. Напомним, что и в Беотии и Пафлагонии обреталось в числе прочего фракийское по происхождению население[60].

Что наше решение верно, свидетельствует также второе наименование той же речки близ Херонеи. Говоря о Термодонте, Плутарх (Thes. 27; Dem. 19) отметил, что теперь это речное название утрачено, – так когда-то называли нынешний Гемон (Херонея – родина Плутарха, так что он хорошо знает тамошние реалии). Иными словами, древний гидроним Θερμώδων замещен в какое-то время названием Αἷμων (вариант: τὸ Αἷμον)[61]. Последнее зафиксировано в античном мире также еще лишь раз: Гемоном (τὸ Αἷμον) называлась горная цепь во Фракии (Гекатей, Геродот; ныне Стара Планина [Detschew, 1957, S. 9-10]). Название фракийское – и ввиду несопоставимости величин, и по прямому указанию Овидия (Met.VI, 87 и др.), что эпоним горной цепи Гем фракиец. Значение оронима и гидронима поясняется родственными

[60] Значение названия Θερμώδων при нашем толковании – «теплоземный, теплопочвенный», т. е. текущий по теплой земле. Земля теплая от теплых почвенных ключей (это обычно на всех термальных выходах, даже в Исландии). «Земляными» называются и реки, например, Αἶα – приток Аксия в Македонии (*Strabo*, VII, fr. 21, 23, с отсылкой к Il. II, 850), Αἰανίς – источник в Опунтской Локриде (*Strabo*, IX, 4, 2. *Ср*. и Земляная, Землянка в Воронежской и Тюменской областях [Мурзаев, 1984, с. 223]).

[61] Из текста Плутарха явствует, что уже историку IV в. – раннего III в. до н. э. Дурису беотийское название реки Термодонт казалось мифическим.

догреч. αἰμός «дубрава, роща», др. инд. sīmā, sīmān «плато, верх», ирл. sīm «цепь»[62]. Таким образом, в какой-то древности фракийцы явились в Беотию (скорее, они автохтоны) и дали реке Термодонт свое название[63]. Показательно, что при этом месте каким-то образом задействованы также амазонки: по Плутарху (*ll. c.*), на берегу реки были их захоронения. На историчность этого известия указывает то обстоятельство, что, по Дурису (*Plut*., *l. c.*), тут была выкопана из земли статуя амазонки, т. е. здесь был некий «амазонский» *locum sacrum*. При дальнейшем передвижении фракийцев далеко на восток вдоль малоазийского побережья название Термодонт перенесено ими на речку близ города Фемискира[64] и опять-таки увязано с амазонками: как сказано, так они обозначили местное анатолийское население, почитавшее Хепат, местную ипостась Великой Матери.

Но следы фракийцев идут еще дальше на восток до Закавказья и черноморского побережья Кавказа. По мнению И. Вернера, язык кавказских колхов фракийский [Werner, 1981, S. 263-280]. Если колхи фракийцы, получает объяснение странное сообщение Страбона (XII, 3, 24), что фракийское племя треров нападало на Трою из-за реки Галис, с востока от нее – стало быть, это понтийские или закавказские (колхидские) фракийцы[65].

Наконец, ядро легендарной традиции о плавании аргонавтов в Колхиду составляет древнее фессалийское предание о плавании туда миниев во главе с Ясоном, которое служило Гомеру образцом для рассказа о странствиях Одиссея [Robert, 1921, S. 809; Meuli, 1921, S. 121][66]. Миниями называет аргонавтов Пиндар (Pyth. 4, 69), у

---

[62] [Detschew, 1957, S. 10; Георгиев, 1958, с. 258-259], это сближения В. Томашека. Во фракийском начальное *s*- по идее должно сохраниться, но тут мы встречаемся с тем же явлением, что и в этнониме алазонов – с переходом его в аспирацию (*см*. выше). Греч. αἰμός «дубрава, роща» засвидетельствовано лишь раз Эсхилом (fr. 9; LSJ, *s. v.*), что наводит на догадку о его догреческом происхождении (ни Я. Фриск, ни П. Шантрен не включили его в свои словари греческого языка). Начальное *s*- в индоевропейском догреческом языке сохраняется, но по заимствовании слова в греческий это *s*- перешло в аспирацию.

[63] Паре гидронимов Термодонт – Гемон в Беотии соответствует подобная пара личных имен: у легендарного царя Этолии Гемона (Αἴμων) был сын Θέρμιος (*Paus*. V, 3, 7); это эпонимное подтверждение парности гидронима Термодонт – Гемон и какой-то внутренней их связи.

[64] На вторичность названия Термодонт указывает и то обстоятельство, что по Плутарху (De fluv. 15), у этой речки было первоначальное название – Κρύσταλλος.

[65] Ранее мы предположили, что треры совершали для этого вначале переход в Северное Причерноморье к союзным и частично родственным киммерийцам, с которыми через Кавказ являлись в Малую Азию и далее через Галис в Троаду [Яйленко, 2013, с. 142-143]. Но можно предположить, что они пребывали в области Каппадокии, занятой киммерийцами – Гумир (армянское Гамирк), упоминаемой в ассирийских надписях VII в. [Редер, 1947, с. 267; Меликишвили, 1959, с. 82, 222]. Известие Страбона (I, 3, 21) о разгроме треров скифами во главе с Мадием тоже служит указанием на восточноанатолийский или закавказский ареал пребывания треров (ср. *Herod*. I, 103).

[66] В «Одиссее» (XII, 70) упоминается «всеми воспетый Арго, плывущий от Эета», это минийское ядро саги о плавании аргонавтов в Колхиду. Гесиоду известно минийское предание о плавании Ясона за руном, история с Медеей и возвращение аргонавтов в Иолк (Theog. 992-999). Известен ему и мотив с бараном и Фриксом (fr. 51 Rzach). В. Хас нашел параллели мотиву о Медее, Ясоне и золотом руне в хеттской североанаталийской мифологии [Haas, 1978, S. 241–259].

Аполлония Родосского это обычный троп (Arg. I, 709, 763 *etc*.). По данным разного свойства, минии были фракийцами [Откупщиков, 1988, с. 45]. Согласно Гекатею Милетскому (fr. 119 Jac.), Македония и часть Фессалии – фракийские области; это подтверждает Эфор, данные которого подробно излагает Страбон (IX, 2, 1–4)[67]. Со ссылкой на Кирсила из Фарсала и Мидия из Ларисы, участников восточного похода Александра Македонского, Страбон (XI, 14, 12-14) пишет о походе фессалийца Ясона до Армении, о тамошних фракийцах-сарапарах. Минии острова Лемнос – потомки аргонавтов, прибывших из Фессалии (*Apoll. Rhod.* Arg. 849-852). Орхоменские минии принимали участие в походе на Трою, позднее колонизовали остров Теос (*Paus*. VII, 2, 4; 3, 6; IX, 37, 7). Топонимический ареал миниев пространственно широк: города по имени Μινύα в Фессалии и Фригии, река Μινυεία в Пелопоннесе у Пилоса[68], остров Μινυΐα близ карийского побережья, даже Μινυάς – область в Армении; Свида упоминает также местности по имени Μινυήϊον и Μινύειον, но без локализации [Pape, Benseler, 1884, S. 928-929]. Как видно, география распространения «минийской» топонимики – Фригия и Армения – совпадает с легендарной традицией о плавании минийцев-аргонавтов в Закавказье. Подобного рода совпадения считаются в общей топонимии свидетельством исторических миграций народов. Посему за преданием о походе аргонавтов во главе с Ясоном на Кавказ стоит историческая миграция фракийцев-миниев туда. При этом обратим внимание, что золотое руно как цель плавания аргонавтов в Колхиду не что иное, как фигуральное воплощение плавания за золотом; это находит подтверждение в преданиях орхоменских миниев о своей ранней истории, в которых говорится о златолюбии и чрезвычайном богатстве их далеких предков (*Paus*. IX, 36, 4; 37, 3–6). Но там, в равнинной Западной Грузии, золота нет, добыча его велась[69] и ведется поныне в прибрежных горных речках Абхазии, Большого Сочи и севернее; стало быть, туда направлялись аргонавты, и это уже почти Северный Кавказ [Яйленко, 2013, с. 128]. Однако амазонки, гаргарейцы, фракийцы и евбейцы исследуемого рассказа Страбона (XI, 5, 1) помещены на Северном Кавказе много восточнее, ближе к Каспию – «в горах над Албанией». Примечательно, что легендарная традиция о походе Ясона и его спут-

[67] По Страбону, фракийцы и пеласги изгнали из беотийских Фив потомков Кадма, которые перешли в Фессалию, но затем вернулись в Беотию; тут они подчинили орхоменских миниев, вместе с которыми изгнали пеласгов в Афины, а фракийцев оттеснили к Парнассу. В другом месте Страбон (VII, fr. 11, 14, 16) отметил, что бóльшую часть Македонии занимали боттиеи и фракийцы; в области горы Олимп жили фракийские пиеры, под склонами Олимпа обитали гиртонцы и краннонян, именуемые у Гомера (Il. XIII, 301-302) эфирцами и флегиями; Гиртон перребский и магнетский город (на Пенее в Фессалии), Гомер в указанном стихе 301 говорит, что вожди эфирцев и флегиев привели их «из Фракии».

[68] Кстати, фракийцы некогда обитали и в Пелопоннесе, так как название Спарта фракийское [Топоров, 1980, с. 55-59]. Этим верифицируется историчность мифообразного известия Страбона (VII, 7, 1), что Пелопс привел на Пелопоннес народы из Фракии.

[69] Плиний, VI, 30: валлы и суаны (сваны) добывают золото в рудниках Гурдинских гор. Сваны горцы, Гурдинские горы то же, что Коракские или Гениохские (*см*. комм. Л. А. Ельницкого: ВДИ. 1949, 2, с. 299, прим. 6).

ников доводит минийского героя и до этих мест, до Албании (*Strabo*, XI, 4, 8; 13, 10). Разумеется, поход Ясона с минийцами в Армению, Албанию, Мидию производит впечатление вполне мифологического сюжета[70]. Но в Армении есть упомянутый минийский топоним Μινυάς, а Страбону (XI, 14, 14) известны вполне исторические фракийцы-сарапары («отрезающие головы»)[71]. Заслуживают внимания и некоторые аргументы Г. Б. Джаукяна [1984, с. 11-12] в пользу присутствия фракийцев в Армении[72]. Результатом мифологизации этих исторических обстоятельств позднейшей поэтической традицией и может быть версия о походе Ясона да Армена в упомянутые страны Закавказья.

Примечательно, что и на Северном Кавказе в качестве культуртрегера выступает еще один герой фракийского происхождения: обитавший тут, ближе к Прикаспию, народ комары соединяется в греческой традиции с Дионисом, который поселился у них по возвращении из Индии и передал им вакхические обряды[73].

Подводя итог изложенному о фракийцах на Кавказе – в Армении, Албании, на Северном Кавказе – можно думать, что под легендарными преданиями о походе сюда Ясона с миниями и пребывании тут Диониса кроется некая историческая подоплека в виде миграции каких-то фракийских племен эпохи раннего железного века. Равным образом не исключено появление фракийцев и на Северном Кавказе, тем более, что фракийская топонимика и этнонимия хорошо представлены на

[70] Здесь же Страбон пишет, что Ясон дошел также до Армении и Мидии. Эпоним Армении его спутник фессалиец Армен, Мидия «подключена» по созвучию с именем его жены Медеи. Свидетельством пребывания Ясона в Албании и Армении Страбон называет святилища с его культом. Типологически сюжет древнейшей фессалийской «Аргонавтики», кульминация которой – убийство Ясоном дракона, похищение руна и принцессы – являет собой развитие исходного мифа-архетипа о поединке бога-грозовика с драконом, который представлен в греческой мифологии также сюжетами о поединках Зевса и Тифона, Аполлона и Пифона [Пропп, 1986, с. 242, 245; Иванов, Топоров, 1974, с. 142]. Поэтому можно полагать, что греки принимали за святилища Ясона культовые места местных богов-грозовиков.

[71] Имя Σαραπάραι считалось иранским [Detschew, 1957, S. 423], но В. П. Нерознак [1970, с. 84-85] привел хорошее албанское соответсвие – şarafura «ошеломленный, сбитый с толку, потерявший голову».

[72] На наш взгляд, не все его аргументы действенны, из числа приемлемых это следующие. 1) В названии города Ispilibria, упоминаемого ассирийскими надписями IX в., не исключено наличие фрак. bria «город». 2) Давно бытующее в науке отождествление имени местности в Грузии Триалети (арм. T῾rełk῾) с этнонимом фракийских треров (Τρῆρες); отсюда возможно и сопоставление имени фракийского народа Σκαιοί с арм. (h)skay «гигант, великан», что поддерживается аналогичным развитием этнонима киммерийцев в груз. gmiri, осет. gumiri «великан» [Абаев, 1958, с. 530; далее: Яйленко, 2013, с. 150-151]. 3) Согласно армянскому историку X в. Ованесу Драсханакертци, дед Гайка (первопредок армян) Тирас был прародителем фракийцев. Понятно, что эта генеалогия восходит к античности (в средние века фракийцев не было) и что это мифическая генеалогия, но за нею могут стоять данные о фракийцах, миниях и сарапарах в Закавказье, в том числе приведенные нами.

[73] *Dion*. Per. 700-706 и комм. Евстафия к его ст. 700; *Avieni* Descr. 885-890 и другие авторы. Обычно считают, что предание об индийском Дионисе и его победном шествии из Индии в западные страны (об этом [Бухарин, 2002, с. 138–191]) создано участниками похода Александра [Таронян, 2007, с. 397–398]. Однако мы обратили внимание на то, что у ариев чрезвычайно распространен культ бога пьянящего напитка – у индийцев Сома, у иранцев Хаома, так что его греки и отождествили со своим Дионисом. Таким образом, культ Диониса у комаров указывает, что они арии [Яйленко, 2013, с. 130].

Азиатском Боспоре – в Восточном Приазовье и предгорьях Северного Кавказа [Яйленко, 2014, с. 545–550]. В рассказе Страбона о войне амазонок с гаргарейцами, какими-то фракийцами и евбейцами, как мы показали, евбейцы тоже фракийцы (абанты), так что внутренняя достоверность «фракийского» в нем присутствует. Историки Митридатовых войн, у которых Страбон почерпнул сведения об амазонках и гаргарейцах, судя по этому эпизоду, вкрапляли смутные представления легендарно-исторической греческой традиции о делах догомеровского и гомеровского времени в канву своих рассказов о событиях, происходивших на территории обширного царства Митридата Евпатора – как в области Понт (по их рассказам, здесь отправная точка миграции амазонок и гаргарейцев), так и на Кавказе: сюда они мигрировали. Видимо, в кавказской части царства Митридата знали, что у соседних народов Северного Кавказа были женщины-воины; как и в случае с савроматами, греки Понтийского царства увидели в них термодонтских амазонок своей мифологии, отсюда и мотив их миграции на Северный Кавказ. Такой интерпретации историков Митридатовых войн, однако, противоречит присутствие в рассказе об амазонках вполне исторических гаргарейцев, фракийцев и евбейцев. Это могла быть часть гаргарейцев, фракийцев и евбейских абантов Северо-Запада Малой Азии, двигавшаяся на восток в русле вероятного фракийского передвижения в Армению и Колхиду, ответвление которого достигло Северного Кавказа. Местных женщин-воительниц они назвали по своему обыкновению Ἀμαζόνες.

Фольклору северокавказских народов хорошо известны богатырствующие женщины, воюющие с мужчинами. Героиня кабардинского нартовского эпоса богатырша Даханаго уничтожала нартов: «Их она копьем сражала / и стрелой пронзала меткой, / девяносто девять храбрых / витязей, пытавших счастья, / гибель встретили в жестоком / поединке с Даханаго» [Нарты, 1957, с. 362-363]. Но когда нарт Япанес выказал в бою с нею равную отвагу и воинское искусство, она стала его женой. Воинские подвиги нартовских воительниц описаны в осетинской «Песне о героических женщинах нартов»; в юго-осетинском нартовском эпосе вооруженные девушки сражаются с великанами-уаигами (авсаронами), в другом рассказе нартами долго правит переодетая юношей девушка; когда феодал Бархун разорил селение нартов, девушки год упражнялись в воинском деле и разбили его; затем они вступили в бой с уаигами и одержали победу[74]. В черкесском предании говорится о войне черкесов и амазонок-еммечь, которая завершилась после брака вождя черкесов с их предводительницей; согласно балкарской легенде, героиня нартовского предания Сатана явилась в Приэльбрусье с Кубани и разогнала тамошних чудовищ-эмегенов; та же Сатана сражалась в воинских доспехах с женихами; тебердинская Кызы-хан до тех пор владела крепостью с женщинами-воинами, пока нарт Сосруко не женился на ней; на Рым-

[74] [Нарты, 1957а, с. 39–40, 45–50; Сказания, 1981, с. 348 *сл.*, 382 *сл.*]. Осет. wæjyg (уаиг-великан) восходит к имени иранского божества ветра, сражения, победы Wayu- [Абаев, 1989, с. 68–71]. Через демонизацию в средневековое и новое время имя древнего божества превратилось в обозначение чудищ.

горе, близ Кисловодска, располагались укрепления амазонок [Мелетинский, 1963, с. 160–162; Кузнецов, 1980, с. 45–51, 55]. Воинские подвиги нартовских женщин возможны лишь в обществе с хорошо выраженными матриархальными чертами, и они, эти признаки, явственно проглядываются в нартовском эпосе[75].

Нартовский эпос в основном средневекового происхождения, но частично содержит и элементы античного времени. Древность упомянутых сказаний о девушках-воительницах, точнее, их архетипа, обосновывается наличием на Северном Кавказе женских-захоронений с оружием скифского времени [Марковин, 1965, с. 166–168; Виноградов, 1972, с. 46–50]. Это автохтонная местная традиция на Северном Кавказе. Вместе с тем нартовский эпос по происхождению двухслойный – автохтонный и привнесенный. Автохтонный слой абхазо-адыгский, возможно, также иранский, привнесенный – аланский (иранский). Задонские савроматы VI–V вв. до н. э. оттеснялись прохоровскими и прочими сарматами с IV–III вв. в Предкавказье. С появлением здесь этих «женоуправляемых» савромат в кавказский эпос вливается новая струя сказаний о богатырствующих женщинах: старая местная традиция еще кобанских времен была существенно обогащена савроматской действительностью. Такова предыстория упомянутых нартовских сказаний о местных «амазонках».

Сказанием подобного рода на Северном Кавказе античного времени и является рассказ о войне местных «амазонок» с пришлыми гаргарейцами, фракийцами и евбейцами. Историки Митридатовых войн (или даже предшествующая греческая литературная традиция) по обыкновению греков автоматически сочли этих «амазонок» термодонтскими женщинами-воительницами, следствием чего стало и представление о переселении их на Северный Кавказ. В подтверждение сказанному предоставляют рассказы Плутарха (Pomp. 34-35) и Аппиана (Mithr. 103) о двух сражениях Помпея с албанами, в которых принимали участие и амазонки[76]. Аппиан завершил рассказ о первом бое известием, что амазонки шли в триумфе Помпея по возвращении его в Рим. Плутарх же, говоря о втором сражении, сообщает, что трупов амазонок не видели, но найдены характерные для их вооружения щиты и котурны. Он (лучше сказать, Феофан) счел этих амазонок пришедшими с Термодонта: «Они населяют ту часть Кавказа, которая достигает Гирканского моря, граничат не с албанами, но посередине между (διὰ μέσου) *теми и другими* обитают гелы и леги»[77]. Нам интересно известие Феофана, что второе сражение произошло при реке Абант (Ἄβας, *gen*. Ἄβαντος, ее отождествляют с Алазанью), название которой соответствует абантам-евбейцам, фигурирующим в рассказе Страбона о войне северокав-

[75] [Абаев, 1990, с. 169-171; Булах, 2005, с. 15-16]. «Женщина выступает обычно в нартовском эпосе как существо сильное и властное, пользующееся большой личной свободой и самостоятельностью» [Абаев, 1990, с. 170].

[76] Их источник – очевидец событий Феофан Митиленский, участник кавказского похода Помпея. Аппиан рассказал о первом сражении при реке Куре, Плутарх – о нем же и втором бое при реке Абант. См. об этих боях [Тревер, 1959, с. 98 *сл*.].

[77] О том, что локализация в Прикаспии принадлежит не Феофану, а самому Плутарху, *см*. выше.

казских амазонок с гаргарейцами, фракийцами и евбейцами[78]. Собственно, Ἄβας и означает «абант» (*pl*. Ἄβαντες). По правилу общей топонимики этноним происходит от гидронима (например, в Северном Причерноморье борисфениты, танаиты, аксиаки), происхождение гидронима прозрачно – из фрако-дак. *aba «вода, река»[79]. На водную природу имени абантов указывают также топонимика и мифология Греции[80]. Наличие на Северном Кавказе «абантского» названия реки означает, что евбейцы-абанты рассказа Страбона об амазонках давно укоренились в данной местности, и это соответствует мнению о ранней фракийской миграции в Закавказье и на Северный Кавказ[81].

Абант не единственная река, связанная с амазонками и перенесенная на Северный Кавказ. Река Мермод, пограничная между амазонками и местными народами гелами да легами, как сказано, тождественна верхней Кубани. Анализ рассказа Плутарха (Pomp. XXXV, 4-5) о двухмесячном совместном проживании с этими народами «на реке Термодонт» показал, что последняя тождественна Мермоду и очень вероятна догадка А. А. Акопяна [1987, с. 60], что Μερμόδας – это искаженный вариант гидронима Θερμώδων (*см*. выше в § 3 о реке Мермод). Напомним, что и в область Понт гидроним Θερμώδων перенесен фракийцами из Беотии (*см*. там же), этим верифицируется дальнейшее передвижение его фракийцами на Северный Кавказ.

---

[78] С. Г. Петросян в статье 1976 г. (она на армянском языке, поэтому пользуюсь краткими замечаниями А. А. Акопяна [1987, с. 63]) счел, что первоначально в рассказе Феофана фигурировали абанты, превращенные Страбоном в евбейцев. Абанты же население двух армянских областей – Сюника и Арцаха (Карабаха), именуемых Хабанд. Фракийцев рассказа Страбона Петросян сопоставил с фрако-киммерийскими племенами, которые обитали в VI–V вв. до н. э. в районе озера Севан; гаргарейцев сопоставил с ингушами, в амазонках увидел население долины реки Алазань (т. е. связал гидроним с именем амазонок). По поводу этих сопоставлений Акопян с основанием заметил, что для локальной войны амазонок с соседями это слишком обширный ареал.

[79] Это вариант более употребительной топоосновы *apa «вода, река», *ср.* фрако-дакийские топонимы Zald-apa, Zald-aba и др. [Duridanov, 1969, S. 92; Дуриданов, 1976, с. 35]; сюда также имя нимфы Ἄβα и др. [Гиндин, 1981, с. 24, 131]. По мысли И. Дуриданова, *b* в слове *aba вторичное (< *apa). Северокавказский гидроним Ἄβας не может быть иранским, так как древнеиранская форма *ap- «вода река», форма же ab новоиранская. На балканско-эгейский характер этого речного имени указывает и его -ντ-суффиксация (*gen.* Ἄβαντος).

[80] Мифология: первопредок абантов Абант (Ἄβας), по одной из версий, сын Посейдона и нимфы Аретузы, т. е. у него двойная водная природа; сам Абант породил Акрисия, отца Данаи, и Аретузу, тоже водные персонажи. По одной версии, Абант правил в пелопоннесском Аргосе, по другой – в фессалийском Аргосе (*Strabo*, IX, 5, 5), из этого явствует участие его потомка Идмона в походе аргонавтов (*Apoll. Rhod*. Arg. I, 142, II, 815 *sq*.). Топонимика: Стефану Византийскому известна река Абай (Абант) в Италии, – название перенесено из Греции, где название часто: есть несколько городов (Ἄβα в Фокиде на реке Кефис, Ἄβαντα при Парнасе, Ἀβαντία в Эпире), гор (Абант) и местности в Феспротии (источники [Pape, Benseler, 1884, S. 1-2]).

[81] Алазань течет по границе Западной Грузии и Юго-Восточного Дагестана, затем по северо-востоку Азербайджана, где впадает в Куру. Обычно ее имя производят из грузинского: *ала* «сырой, влажный», зани «место» [Никонов, 1966, с. 18]. Однако большая ее протяженность позволяет предполагать, что в какой-то части она могла в древности протекать в местности, населенной абантами или какими-либо другими фракийцами и получить там свое имя: см. выше в разделе об алазонах о реке Ἀλίζων.

Заслуживают внимания и топонимы в Северо-Западном Прикаспии – река Γέρρος, при ней народ Γέρροι, неподалеку местность Μισία (*Herod*. IV, 56, 71. *Ptol*. Geogr. V, 8, 25; 11, 2; 11, 6). Аналогичные имена реки Герр и народа герры в Нижнем Поднепровье фракийские по происхождению [Яйленко, 2014, с. 537-538; *ср*. Топоров, 1977, с. 42]. В названии местности или селения Μισία в Северо-Западном Прикаспии можно видеть итацированную форму имени областей во Фракии и в Северо-Западной Малой Азии Μυσία [Pape, Benseler, 965][82].

Как сказано, давно бытующее в науке отождествление имени местности в Грузии Триалети с этнонимом фракийских треров (Τρῆρες) делает возможным и сопоставление имени фракийского народа Σκαιοί с арм. (h)skay «гигант, великан» [Джаукян, 1984, с. 12], что поддерживается аналогичным развитием этнонима киммерийцев в груз. gmiri, осет. gumiri «великан» [Абаев, 1958, с. 530; Яйленко, 2013, с. 150-151]. В этом плане интересно указание Гесихия [*s. n*. Ἄβαντες], что этноним Ἄβας равнозначен слову κολοσσός «огромная статуя». Это означает, что подобное развитие значения произошло и с этнонимом абантов, которые представлены в Илиаде выдающимися воинами[83]. Соответственно, битвы нартовских «амазонок» с великанами-уаигами [Нарты, 1957а, с. 45–50; Сказания, 1981, с. 382–383] можно сопоставить с сообщением Страбона о войне северокавказских амазонок с гаргарейцами, фракийцами и евбейцами, последние из которых, как мы показали, были абантами. Разумеется, сражения нартов-мужчин и женщин с великанами – эпический троп, свойственный эпосу разных народов[84], но есть и сказание о битве нартов с алдаром Гумиром [Нарты, 1957а, с. 332-333], *scilicet* с киммерийцами. И это не столько эпический полет фантазии, сколько отзвук далекой истории, поскольку исторические киммерийцы (а источники так именуют и скифов) совершали походы со степного юга России в Ассирию, Закавказье, Малую Азию через черноморское и каспийское побережья Кавказа (*Herod*. I, 103-104; лит. [Народы нашей страны, 1982, с. 169–177, 218–220]), когда и могли происходить их столкновения с местным населением.

Аналогичным образом историческую подоплеку имеет и рассказ Страбона о войне амазонок с гаргарейцами, фракийцами, евбейцами. Придя на Северный

---

[82] К форме с итацизмом (ι вместо υ) *ср*. дублеты Μίση = Μύση, Μισαρίς = Μυσαρίς *etc*. [Pape, Benseler, 1884, S. 932].

[83] Il. II, 536 *sq*. : абанты «дышат мужеством», они «воины пылкие, горящие ударами ясеневых копий медные брони врагов разбивать рукопашно на персях» (Н. И. Гредич), их предводитель Элефенор – «отрасль Арея», т. е. воинственный. Приведя слова Ф. М. Достоевского о жизненности образов А.С. Пушкина – «стоят, как изваянные», В. И. Абаев [1990, с. 218-219] пишет: «Эти слова как нельзя лучше подходят к нартовским героям. Именно изваянными каким-то скульптором-титаном кажутся фигуры Урузмага, Сатаны, Батраза, Сослана, Сирдона». На наш взгляд, это прекрасное объяснение перехода от богатырского фольклорного образа к величественному скульптурному изображению: так этноним абант претворился в слово κολοσσός «огромная статуя». Аналогичное развитие этнонима киммерийцев представлено в осет. gºymīri, gumeri – «великан, дубина, идол»; оно заимствовано в старославянский: *коумирь* «идол» [Львов, 1967, с. 192].

[84] Нарты и сами порой предстают великанами [Мелетинский, 1963, с. 165-166].

Кавказ, эти фракийцы по своему обыкновению прозвали в своих сказаниях амазонками местное население с его матриархальными элементами и женщинами-воинами. Военные столкновения пришлых фракийцев с северокавказским населением и нашли отражение в рассмотренном рассказе Страбона.

Подведем итоги. Аллоэтноним Ἀμαζόνες фракийский, означает «рожденные *Великой* Матерью». Им жившие в предгомеровской Греции фракийцы обозначали тех обитателей страны, у которых был культ Великой Матери и отдельные матриархальные черты. По тем же причинам фракийцы северо-запада Малой Азии называли так фригийцев, ликийцев, хеттов и др. Показательна в этом отношении мифология термодонтских амазонок – это обозначение хеттов Команы, почитавших местную ипостась Великой Матери, богиню новохеттского пантеона Хепат. В рассказах об амазонках вне Малой Азии и Греции – у савроматов и на Северном Кавказе – это вполне исторические, этнически разные группы местных женщин-воительниц. Гаргарейцы, фракийцы и евбейцы рассказа Страбона о сражении амазонок с ними – отзвук реального передвижения фракийцев через Малую Азию в Закавказье и на Северный Кавказ.

III. Эксампей

§ 1. Данные Геродота, Витрувия, Мелы об Эксампее

Согласно Геродоту (IV, 52), «возникающая из озера река Гипанис на расстоянии пяти дней плавания узкая и *вода* сладкая, но отсюда по направлению к морю (ἀπὸ δὲ τούτου πρὸς θαλάσσης) на расстоянии четырех дней плавания весьма горькая. Ибо впадает в него горький ручей (κρήνη πικρή), настолько горький, что, хоть и малый, он делает горьким Гипанис, одну из немногих крупных рек. Сей ручей расположен на границе земли скифов-пахарей и ализонов. Имя его и той местности, где течет, по-скифски Ἐξαμπαῖος, на греческом же языке Ἱραὶ ὁδοί («священные пути»). *Реки* Тирас и Гипанис сближают свои пределы у земли ализонов (κατὰ Ἀλιζῶνας), но отсюда пойдя врозь, каждый течет, расширяя междуречье». Текст вполне ясен: горький родник Эксампей делает некачественной воду Гипаниса, расположен он на пограничье алазонов и пахарей. Далее Геродот (IV, 81) отметил, что Эксампей расположен между Борисфеном и Гипанисом, из чего следует, что он находится на некотором удалении от Гипаниса; это означает, что в виде ручья источник течет в какой-то левый его приток. Установить местонахождение Эксампея из данных Геродота можно лишь приблизительно, по упомянутому им пограничью алазонов и пахарей. Наметить эту границу помогает принадлежность алазонам восточноподольской группы скифских археологических памятников, а пахарям киевской группы (*см*. выше, очерк I). На современной карте граница между обеими группами проходит по меридиану Умань (здесь верховья рек Горный Тикич, Ятрань) – исток Росси (правый приток среднего Днепра). Условно говоря, это течение Горного Тикича. Южная граница ареала алазонов проходит по широте Гайворонаили Джулинкина Буге. В пределах

очерченных границ слева в Буг впадают Соб и Удыч, здесь и Ятрань, впадающая в Синюху. В одну из этих рек стекает в виде ручья Эксампей (может быть, и в какой-нибудь иной мелкий приток Буга в пределах очерченной сети рек).

В литературе распространены две ошибки, вызванные недопониманием греческого текста Геродота. 1) Все отождествляют Эксампей с той или иной рекой, хотя Геродот определенно указал, что это источник, родниковая сеть (κρήνη). 2) Ввиду данных Мелы и других писателей, отличающихся от данных Геродота (мы приведем их ниже), в локализации Эксампея царит разнобой, но разность сведений обоих античных авторов не осознается. В результате одни комментаторы Геродота локализовали Эксампей на среднем течении почти 850-километрового Буга в районе Брацлава, Гайворона, большинство разделяет отождествление с Синюхой у Первомайска, третьи помещают Эксампей ближе к морю, в районе Вознесенска, принимая за него реку Мертвовод, или еще южнее, в 135 км от моря, отождествляя с рекой Гнилой Еланец (*см*. литературу [Народы нашей страны, 1982, с. 280–281; Агбунов, 1985, с. 139–156; 1987, с. 141–144; 1992, с. 176–180; Петрук, 2005, с. 6–8]). Местность же по имени Эксампей исследователи последнего времени размещают близ устья Черного Ташлыка [Рыбаков, 1979, с. 37]; на водоразделе Мертвовода и Черного Ташлыка, со святилищем на горе Вольные Луки [Петрук, 2005а, с. 110–116]; в районе реки Высь [Шилик, 1979, с. 456; Агбунов, 1985, с. 155][85].

Поясним сказанное о разности локализаций Геродота и Мелы. Большинство занимавшихся Эксампеем исследователей (в том числе не знавшие греческого языка – В.К. Шилик, М. В. Агбунов, Б. А. Рыбаков и др.), вопреки ясному тексту Геродота, отсчитывали 4-дневное плавание от моря или устья Буга. Однако Геродот ясно указал, что этот отрезок реки следует сразу за отрезком длиной с 5-дневное плавание от истока Гипаниса (озера). Это имеет значение и для определения ареала обитания алазонов, поэтому рассмотрим данный текст Геродота. Сначала (IV, 52, 1) он сообщает, что Гипанис вытекает из озера (λίμνη) и, упомянув пасущихся там белых лошадей, продолжает (IV, 52, 2): ἐκ ταύτης (*sc*. λίμνης) ὧν ἀνατέλλων ὁ Ὕπανις ποταμὸς ρέει ἐπὶ μὲν πέντε ἡμερέων πλόον βραχὺς καὶ γλυκὺς ἔτι, ἀπὸ δὲ τούτου πρὸς θαλάσσης τεσσέρων ἡμερέων πλόον πικρὸς αἰνῶς «возникающая из него (озера) река Гипанис течет на протяжении пяти дней плавания еще узкой (вариант: неглубокой) и сладкой, отсюда же по направлению к морю на протяжении четырех дней плавания чрезвычайно горькой» (далее указана причина – источник Эксампей). Здесь τούτου – указательное местоимение, заменяющее ближайшее существительное предшествующего текста, т.е. в данном случае это эквивалент слова πλόος «плавание» предшествующей фразы о 5-дневном плавании. Точно так в этой фразе то же указательное местоимение, но жен. рода – ἐκ ταύτης, заменяет слово λίμνη предшествующей фразы: «из него» = «из озера» (это мы и разъяснили а скобках: *sc*. λίμνης). Отсюда непреложно явствует,

[85] Здесь отмечен значительный античный импорт. Реки Большая Высь, Горный и Гнилой Тикичи, соединяясь, образуют Синюху.

что отрезок реки длиною в 4-дневное плавание следует сразу после отрезка длиной в 5-дневное плавание, которое Геродот отсчитывал от истока реки[86]. Километраж дневного плавания исследователи рассчитывают по-разному – от 30 до 80 км [Народы нашей страны, 1982, с. 280; Агбунов, 1985, с. 145–148], на наш взгляд, наиболее обоснована примерами цифра Б. А. Рыбакова [1979, с. 29, 32, 38]: 32–35 км, ибо на протяжении большей части своего течения (от Гнивани до Александровки) Буг порожистая горная река, верхнее течение (от истока до Винницы) неглубокое и заболочено. При любой из этих цифр 9 дней плавания от истока приводят на среднее течение Буга, что соответствует локализации алазонов и идентифицируемой с ними восточноподольской группы скифских археологических памятников[87].

Данные Геродота существенно уточнил Витрувий (VIII, 3, 11): Гипанис течет от истоков примерно 40 миль (ок. 60 км) с весьма сладкой на вкус водой, но в 160 милях (ок. 240 км) от устья он принимает очень небольшой горький приток, который делает

[86] В рецензии на книгу Б. А. Рыбакова о Геродотовой Скифии я счел выражение Геродота ἀπὸ δὲ τούτου не вполне точным и потому связал 5 дней плавания с верхним течением Буга, а 4 дня плавания – с нижним, исключив тем самым несудоходное среднее течение, где Буг – горная река [Яйленко, 1983а, с. 56 = 2013, с. 162]. Однако теперь вижу, что для признания указанного выражения «не вполне точным» реальных оснований нет, так что Геродот вел речь о 9 днях плавания по Гипанису от истока вниз по течению. Дело в том, что в целом течение Гипаниса – Южного Буга охарактеризовано Геродотом довольно точно. 1) Каждая из больших рек Скифии, по Геродоту, вытекает из озера, и это считается условным тропом. Однако в отношении Гипаниса его указание справедливо – Южный Буг вытекает из болот в Хмельницкой области на Подольской возвышенности. 2) Течение Буга трехчастно: в верхнем отрезке берегá его пологи, в среднем он почти горная река с высокими берегами, в нижнем он широкая степная река. Деление Геродота на отрезки в 5 и 4 дней плавания соответствует верхнему и среднему течениям Буга. 3) В верхнем и среднем течении Буг действительно узкая и неглубокая река (таковы оба значения слова βραχύς); 4) Верно указание Геродота о параллельном течении Буга и Днестра (*см*. ниже). Эта точность сведений Геродота не позволяет сомневаться в том, что выражение ἀπὸ δὲ τούτου фразы о 4 днях плавания относится к слову πλόος «плавание» предшествующей фразы о 5-дневном плавании.

[87] *См*. рис. 1 и [Яйленко, 2013, с. 168]). Без сомнения, только что отмеченная точность сведений Геродота о верхнем и среднем течениях Гипаниса обязана ольвиополитам, через посредство которых осуществлялась в VII–VI вв. до н. э. торговля с Немировым, крупнейшим центром восточноподольской группы скифских археологических памятников, сиречь с алазонами (о репрезентативном греческом импорте сюда *см*. [Вахтина, 1996, 1998, 2000; Вахтина, Кашуба, 2013]). Иначе говоря, Геродот получил сведения о 4 и 5 днях пути, а также об Эксампее, в Ольвии и они точны до Немирова и даже выше по течению Буга. Разделив 850 км длины Буга на 9 (5+4), получим нереальные 95 км плавания в день. Однако М. В. Агбунов [1895, с. 152] с основанием указал, что за озеро-исток Гипаниса можно принять течение Буга близ Винницы, где он широко разливается, так что общая длина Геродотова Гипаниса около 550 км. В таком случае дневное плавание – 61 км, что тоже нереально, ибо почти сразу за Винницей Буг – порожистая горная река. Это означает, что Геродотовы 9 дней плавания не предполагают всю длину реки. Приравняв дневное плавание в 35–40 км и приняв догадку М. В. Агбунова об озере-истоке где-то севернее Винницы, получим местонахождение Эксампея примерно в 350 км от нее, в районе Гайворона или Первомайска. Это верхнее и среднее течения Буга. В новое время в нижнем течении вода Буга не имеет горечи, что обусловлено спадом активности Эксампея, также впадением крупных притоков слева и справа – Кодымы, Чичиклеи, Арбузинки, Мертвовода, Гнилого Еланца, Ингула, что способствовало улучшению качества воды Нижнего Буга. В V в. до н. э. климат был достаточно влажным, южнорусские степи незасушливы, и можно предполагать, что вода левых притоков Буга была тогда чище нынешней.

эту полноводную реку горькой; причина горечи воды Эксампея – залежи сандарака в той местности[88]. Не стоит обманываться насчет точности указанных цифр – они очень приблизительные. Во-первых, об этом свидетельствует неточная длина Буга – всего 300 км (от истоков 40 миль, от устья 160) при реальной 850-километровой длине[89]. Во-вторых, неопределенно положение устья Буга в I в. до н. э.: известно лишь, что оно располагалось в то время южнее Ольвии, так как нынешний Бугский лиман, на котором теперь лежит Ольвия, тогда был коренным руслом реки; лишь позднее ввиду подъема уровня моря на 5-7 м оно постепенно становилось лиманом (*ср*. [Агбунов, 1992, с. 160, 180]). Видимо, стартом устья Гипаниса считалось устье Днепро-Бугского лимана, т.е. отсчет велся примерно от Березани (Очакова) [Шилик, 1979, с. 453; Агбунов, 1985, с. 144]. В-третьих, промеры, данными которых воспользовался источник Витрувия, если и были произведены шагистами (скорее всего, для карты Агриппы), то не далее Ольвийской хоры вверх по реке, т. е. примерно до Николаева. Расстояния же на более удаленном к северу течении высчитывались посредством перевода дней плавания в римские мили. Однако выше Александровки Буг представляет собой горную реку, так

---

[88] Источник сообщения Витрувия римский, так как меры даны в милях, это естественноисторическое по характеру сочинение, автор которого в рассказе о горьком источнике отталкивался от Геродота, но привлек данные промеров расстояний и местную информацию о минеральных залежах. Это сочинение было создано во второй половине I в. до н. э., что определяется, с одной стороны, временем жизни Витрувия – он современник Цезаря и Августа, с другой стороны, промеры расстояний не могли быть сделаны ранее второй половины I в. до н. э., так как лишь в это время Ольвия вошла в сферу интересов Рима. Ввиду конкретных указаний этой традиции, подтверждающих данные Геродота об Эксампее, не принимаем во внимание поверхностные суждения О. К. Армайора, Д. Фелинга и пр., что известия Геродота о нем недостоверны и фантастичны. Рассмотревший их изыскания об Эксампее В. К. Притчетт справедливо охарактеризовал это как «второсортную ученость» [Pritchett, 1982, p. 245].

[89] По Витрувию, Эксампей находится в 40 милях от истока Гипаниса, и это сладкое течение реки, а от устья в 160 милях, и это горькое течение, так что в целом длина ее 200 миль (=300 км). По мнению М. В. Агбунова [1985, с. 152-153], Геродотово озеро, из которого течет Гипанис, располагалось в районе Винницы, отсюда до моря ок. 550 км. Отсчитав от Очакова 240 км Витрувия, он поместил Эксампей на Синюхе. Покойный Миша видел несопоставимость цифр 40 и 160 миль и объяснил это «видимо, слабым знанием верховьев» Геродотом. Увы, это «слабый» аргумент: Геродотовы 5 и 4 дня пути показывают, что Эксампей в таком случае должен располагаться примерно посередине 550-километрового Гипаниса. От Винницы до Гайворона ок. 250 км по воде, до Первомайска на Синюхе ок. 350 км. До Очакова остается ок. 200 км, реально это расстояние от Очакова до Александровки, так что сотня км утеряна; при расчете общей длины Гипаниса в 550 км это немало. Но не будем мелочиться, важно другое: расстояния Геродота в 5 и 4 дня плавания своим соотношением примерно *fifty – fifty* резко отлично от цифр 40 и 160 у Витрувия. Явно ошибся Архитектор – у него верхнее течение Гипаниса всего 60 км. Это говорит лишь о том, что в римском картографическом источнике Витрувия расстояние было просчитано (не измерено, см. выше) лишь на 40 миль вверх по реке от Эксампея. М. В. Агбунов же использовал для своего расчета расстояний данные Витрувия и периплов (в части от Очакова до Ольвии). Впрочем, совместив его идею об озере-истоке Гипаниса неподалеку от Винницы с Геродотовым соотношением 5 : 4, можем оказаться примерно в районе Синюхи. Еще раз обратим внимание на то, что ольвийские греки, сообщившие Геродоту сведения о Гипанисе, получили их от обитателей Немировского поселения, т. е. они, бесспорно, точны. Но это не предполагает обязательного размещения Эксампея именно на Синюхе – как сказано, он мог быть в районе Удыча и Соба.

что условия плавания здесь совсем иные, нежели от Александровки до моря[90]. Ввиду изложенного можно заключить, что двести сороковой километр от устья Буга приходится примерно на отрезок Александровка – Первомайск, и это в основном нижнее течение реки, а не среднее, куда приводят Геродотовы 9 дней плавания.

Казалось бы, это заключение дает основание для распространенного в литературе отождествления Эксампея с Синюхой (у впадения ее в Буг стоит Первомайск), однако она крупная река с большими и мелкими притоками, тогда как Геродот и Витрувий определенно пишут о мелком водном источнике: κρήνη первого и fons второго – это «родник, ключ, источник, ручей, криница; водоем», значения «река» словари не дают (напомним, это первое крупное заблуждение исследователей). Следовательно, отождествление Эксампея ни с Синюхой, ни с какой-либо другой рекой невозможно. Это источник или сеть родников, в виде ручья стекающий в приток Гипаниса. Как сказано, этим притоком может быть Соб, Удыч, Синюха или какой-нибудь левый приток поменьше в районе перечисленных рек. Поскольку Витрувий пишет о добыче сандарака как промысле, Эксампей не единичный источник, а родниковая сеть, на это указывает и то обстоятельство, что тем же именем называлась также местность вокруг него в целом.

По общему содержанию заметки о горьком притоке Гипаниса Витрувий следует Геродоту, но с еще одним существенным отличием: Отец истории говорит о девятидневном (5+4) плавании от истоков вниз по Гипанису, Витрувий же оперирует двумя точками отсчета: 40-мильным течением от истока и 160-мильным от устья реки. По отсчету местонахождения Эксампея от устья Гипаниса к Витрувию примыкает Мела (II, 7), тоже сообщающий о море как точке отсчета. В целом и рассказ Мелы выдержан в Геродотовом духе, но локализация Эксампея существенно иная: Гипанис долго течет (в отношении качества воды) таким, как у истока, «однако недалеко от моря (nonlongoamari) он принимает из мелкого источника, именуемого Эксампей, столь горькие воды, что течет отсюда непохожим на себя и не пресным». Эксампей Геродота не может быть расположен «недалеко от моря», ибо, как сказано, 9 дней плавания приводят на среднее течение Буга. Поэтому у Мелы под Эксампеем фигурирует другой горький источник, тоже называемый Эксампеем, он находится гораздо южнее, «недалеко от моря». Локализацию Мелы подтверждает Солин (XIV, 1) – и тем, что горькая вода Гипаниса втекает в море, и тем, что вода горька в низовье реки: его дословное «в конце» (infine) реки указывает на непосредственную близость горького течения к морю. Вот основное содержание текста Солина: в земле

[90] На среднем течении река мало судоходна: от устья Иквы на севере до устья Синюхи на юге берега ее скалисты, здесь Буг, по словам гидролога Л. К. Давыдова [1955, с. 103], горная река, берега ее высоки, скалистые пороги; такова она до Первомайска и еще ниже до Александровки. Характеристику среднего Буга как горной реки подтверждает ее средневековое название, известное с VI в. н. э., Κωφήν (Менандр), Κοῦφις (Теофан) и *пр*., мы связываем этот гидроним со среднеперс. kōf, парф. kōf «гора», т. е. Κωφήν, Κοῦφις означает «Горная *река*» (подробно об этом см. [Яйленко, 2015, с. 395] – об этих же наименованиях р. Кубань).

авхатов, где берет начало Гипанис, вода чистая и здоровая для питья, когда же он течет по земле каллипидов, вода становится горькой вследствие притока вод источника Эксампея, так что в море Гипанис впадает измененным на вкус; поэтому те, кто живет в верховьях реки, нахваливают ее воду, те же, кто пробовал ее в конце (infine) реки, справедливо хулят ее[91].

Таким образом, Эксампей Геродота расположен на среднем течении Буга, примерно в районе Горного Тикича, Эксампей же Мелы и Солина находится многим южнее, на нижнем течении реки, «недалеко от моря». Это означает, что были две родниковые сети, одинаковые или почти одинаковые по имени (назовем их северной и южной). Если южный Эксампей документирован указаниями трех античных авторов, то северный лишь Геродотом, но его свидетельство о 9 днях плавания, приводящих на среднее течение Буга, имеет и другое внутреннее подтверждение – Эксампей находится на границе алазонов и пахарей, а это определенно лесостепь и среднее течение Буга[92].

Обратим внимание, что Геродот, говоря о 4 днях плавания по «горькому» течению Гипаниса, тоже упоминает море (ἀπὸ δὲ τούτου πρὸς θαλάσσης «но отсюда по направлению к морю»), что нелогично, ибо он ведет речь о весьма удаленном от моря верхнем и среднем течениях реки (как сказано, не южнее района Гайворона)[93]. Вместе с тем есть и другая несообразность исследуемого рассказа Галикарнассца, которая наводит на мысль, вкупе с вышеизложенным о двух Эксампеях, что он, скорее всего, соединил в одно целое информацию о двух разных родниках. Эта несообразность заключается в том, что реально порча воды Буга в верхнем и среднем течении не наблюдается. В гидронимии изменение характера воды в плохую сторону обычно фиксируется названиями пейоративного значения. Современный Буг не исключение, но лишь в его нижнем течении названия левых притоков показывают порчу воды, начиная от Синюхи в районе Первомайска, ее притока Гнилой Тикич, и

---

[91] Хотя периэгеса Мелы была одним из источников сочинения Солина, в рассказе об Эксампее последний использовал какую-то иную традицию, в которой авхаты помещены в верховьях Гипаниса, Эксампей в земле каллипидов. Сии каллипиды обитали вдоль горного течения Буга (примерно в районе Александровки – Воскресенска) и оттуда на запад до верховьев Тилигула или Куяльника [Яйленко, 2016, глава о Протогеновском декрете, § 2]. Судя по ориентации на места обитания племен, источником Солина было какое-то историко-этнографическое сочинение.

[92] Только Геродот пишет об Эксампее в связи с алазонами и только Солин увязал их с авхатами и каллипидами. Это ранняя и поздняя традиции. Восточноподольская и киевская группы памятников существуют по IV-III вв. до н. э., вероятно, это рубеж обеих традиций.

[93] Нельзя думать, что эта фраза Геродота претерпела рукописную порчу, ибо, во-первых, греческий текст ясный и не дает основания для исправлений (моя ошибка с характеристикой выражения ἀπὸ δὲ τούτου как неудачного – наглядный тому пример), во-вторых, все рукописи согласно дают текст ἀπὸ δὲ το ύτουπρὸς θαλάσσης. По существу выражения ἀπὸ δὲ τούτου и πρὸς θαλάσσης альтернативны, они несовместимы – не порождает противоречия или одно или другое. При этом выражение ἀπὸ δὲ τούτου (ταύτης) – излюбленный Геродотом прием отсылки к только что сказанному (IV, 23 *etc*.); обычно и πρὸς (παρα ΄*etc*.) θαλάσσης (IV, 12 *etc*.). Поэтому вывод о двух Эксампеях оптимальное решение альтернативы.

особенно от Мертвовода в районе Вознесенска[94]. По этой причине горький источник, если исходить из современных гидрологических и минералогических реалий, мог быть только там, где его поместили Мела и Солин – «недалеко от моря», «в конце» реки, ибо в верхнем и среднем течении Буга его нет (впрочем, как сказано, в V в. до н. э. вода названных рек могла быть чище). Излагая упомянутое естественноисторическое сочинение, Витрувий определенно называет причину горечи воды Эксампея – она полна сандарака, им проникнуты и жилы тамошней земли (сандарак – это красный сернистый мышьяк, реальгар)[95].

Подытожим проведенный анализ письменных источников. Местность Эксампей Геродота находилась на среднем течении Буга в районе его левых притоков Соб, Синица, Ятрань, в античное время там действовала сеть ключей. Распространенная в литературе идентификация Эксампея с Синюхой невозможна. Две традиции римского времени, использованные Мелой и Солином, сообщают о другом Эксампее, расположенном на нижнем течении Гипаниса. Этой традиции ближе Эксампей Витрувия, находившийся меж Александровкой и Первомайском, вода его содержала красные мышьяковые примеси и была горькой на вкус. Переданная Витрувием традиция (естественноисторическое сочинение второй половины I в. до н. э.) достоверна, так как основана на знании тамошней минералогической реалии – добыче сандарака в той местности, да на расчете расстояний там в милях (переведенных с дней плавания). Это обстоятельство позволяет заключить, что Геродот соединил сообщения своих информантов о двух источниках, северном и южном, под именем Эксампей (либо один Эксампей, другой под близко звучащим названием) в рассказ об одном Эксампее на среднем течении Гипаниса. Следом этого соединения осталась отмеченная нелогичность упоминания моря в рассказе о 4-дневном плавании по верхнему и среднему течениям реки.

Примеров неточного понимания Геродотом полученной в Северном Причерноморье информации немало, ограничимся упоминанием лишь одного, весьма характерного. По его словам, греческой богине земли Гее у скифов соответствует Апис (IV, 59: Γῆ δὲ Ἀπί). Под скифами мы определенно можем понимать иранцев, фракийцев, индоариев, и в языках всех трех народов основа *ар(а) - означает «воду» и «реку»: авест. āрī, иран. ab«вода» (с ним связывал имя Апи М. Фасмер, признав при этом несоответствие значений [Vasmer, 1923, S.11]), фрак. ара «вода, река» (приняв этимологию Фасмера, также с фракийским словом связал имя Апи В. П. Петров [1968, с. 62]), др. инд. āра«вода». Это означает, что Апи была скифской богиней воды

[94] К названию Синюха *ср*. украинское диалектное *синява* «трясина, топь, лужа, стоячая вода», откуда имена нескольких рек Синява, Синявка [Мурзаев, 1984, с. 505]. Один из трех упомянутых «отцов» Синюхи называется Гнилой Тикич. Однако Синюха не единственное название реки – есть и форма Синица, которая не имеет никакого отношения к птице, а дана по синеве воды (такова, к примеру, Синичка – приток Яузы в Москве). Это означает, что и название Синюха дано по синему оттенку воды.

[95] По этой причине неприемлемо встречающееся в литературе мнение (например [Шилик, 1975, с. 81; Агбунов, 1985, с. 153–154]), что горечь воды Эксампея определялась ее солоноватостью.

(и потому, видимо, земного плодородия, нечто вроде иранской Ардвисуры, богини воды, через функцию плодородия имевшей отношение и к земле), и что Геродот ошибочно понял полученную информацию[96].

Если исходить из реалий средневековья и нового времени, то местность и горький источник Эксампей на нижнем течении Буга следует размещать там, где слева в него впадают речки с характерными именами, указывающими на испорченность вод, их самих и прилегающих местностей – Мертвовод, Гнилой Еланец[97], Черный Ташлык[98]. Это степные речки, мелководные, отчасти пересыхающие и потому со стоячими водами. Тут же, в бассейне Ингула, впадавшего в прошлом в Буг слева (сейчас в начало Бугского лимана), немало названий притоков с указанием на их плохую воду – «гнилой»: Гнилец, Гнилопять, Гниловоды, Гнильца, Гнилюха, а также с определением «Грузский» того же значения [Масенко, 1974, с. 98][99]. Гнилые поверхностные воды этих рек ухудшали качество подпочвенных вод, выходящих на поверхность в виде родников[100]. Поскольку, по Геродоту и другим авторам, Эксампей также название местности, соименная сеть ключей с горькой (гнилой) водой располагалась в ареале перечисленных левых притоков нижнего Буга и примыкающих притоков Ингула. Вода его была порченной не только от гнилостных поверхностных и подпочвенных вод местности, но и вследствие примесей сандарака. У северного Эксампея, как сказано, нет реальной природной подосновы в виде горьких левых притоков верхнего и среднего Буга либо сети ручьев с горькой водой, поэтому горечь воды этого источника остается под вопросом (*см*. ниже).

---

[96] По существу, бездоказательна идея В. П. Петрова [*l. c.*] об Апи как богине «земли-воды», которую он аргументировал фракийскими названиями селений Burd-apa («болотистая вода / река», – *В. Я.*) и Sald-apa («желтая вода / река», – *В. Я.*): к примеру, наш топоним Поречье вовсе не означает «землю-реку». Понятие «земля-вода» существует в ономастике (*см*. выше, очерк I – об алазонах), но селение при реке вовсе не означает таковое.

[97] Еланец – уменьшительное к *елань*, что применительно к водным объектам означает «речку со ржавчиной», так что тюрк. Еланец – это «Ржавая речка».

[98] Тюрк. *ташлык* «каменный, каменистый», так что Ташлык по-русски «Каменка». «Черная» речка в топонимике – это болотистая речка с темной водой [Мурзаев, 1984, с. 612-613]. Имя «отца» Синюхи Гнилой Тикич, но он течет вне земли алазонов, как, кстати, и сама Синюха, и не относится к нижнему течению Гипаниса, поэтому ни с одним, ни с другим Эксампеем не связан. Название Тикич неясно, возможно, в основе украинский корень *тік-* «течь» (в *тек-ти*, *тік-ти* «течь», *тік-ати* «бежать, убегать»), о суффиксации *см*. [Трубачев, 1968, с. 225-226].

[99] *Ср*. укр. *гнилуха* «болотистая речка», русск. *гнилуша* «заболоченное верховье речки со стоячей, загрязненной водой, издающей временами неприятный запах» [Мурзаев, 1984, с. 146]. И название самого Ингула характерно для степной реки – вероятно, к турецкому ängül «тихий, ленивый» [Фасмер, 1967, с. 131] (и другие варианты). На наш взгляд, это тюрк. (турецк. и пр.) in (än) «спускаться; плыть вниз по реке; входить» [Радлов, 1893, с. 1439] + göl «озеро, лиман»: Ингул впадает не в Буг, но в его лиман.

[100] Вновь оговоримся, что в V в. до н. э. степь не была засушливой, судя по работам С. В. Полина, аридный климат стал проявляться с рубежа IV–III вв. до н. э. Но насколько были полноводны упомянутые нами реки, неизвестно, какие-то их части по общему свойству степных рек были засушливы.

§ 2. Этимология имени Ἐξαμπαῖος

Теперь обратимся к выяснению значения имени Ἐξαμπαῖος, предварительно отметив, что у родников обычно имеются личные имена[101]. Кратко упомянем имеющиеся попытки толкования (см. также [Народы нашей страны, 1982, с. 281]). Важным подспорьем для этимологизации служат кальки – перевод смысла названия на другой язык. Такую кальку предоставляет текст Геродота: источник называется «по-скифски Ἐξαμπαῖος, на греческом же языке Ἱραὶ ὁδοί «Священные пути»»[102]. Кроме того, его характеристику Эксампея как κρήνη πικρή «горький источник» также можно счесть греческой калькой. Первую кальку пытались расшифровать на иранском материале с участием слов «путь, дорога» К. Мюлленхоф и выдающийся ориенталист Иозеф Маркварт, но их сближения неудовлетворительны. Так, этимология Марквардта (осет. *afsand «священный» (= авест. spənta)+ *pahayō (авест. paθayō) «путь» [Marquart, 1896, S. 88 f.]) фонетически крайне проблематична[Vasmer, 1923, S. 13, ср. Кулланда, 2016, с. 49, 110]. Сам М. Фасмер солидаризировался с мнением В. Ф. Миллера [1887, с. 132], что имя Ἐξαμπαῖος из иранского необъяснимо. Из предполагаемой греческой кальки κρήνη πικρή «горький источник» исходил О. Н. Трубачев [1999, с. 223], предложивший индоарийскую этимологию: *a-ksama-paia- «непригодная вода» (др. инд. отрицательный префикс a- +kṣama- «подходящий, пригодный» +paya «вода»)[103]. По мысли Ю. В. Откупщикова [1988a, с. 35–36], название Ἐξαμπαῖος и личное имя на килике V в. до н. э. из Ольвии Ἰγδαμπαίης [Яйленко, 1980, с. 77] содержат греческое отглагольное прилагательное *-παῖος «бьющий», в первом случае с двойным греческим же префиксом -ἐξ-ανα- (>ἐξαμ-) «бьющий из-под *земли*», т. е. источник, ключ[104]. Однако Ю. В. Откупщиков, сам того не замечая, объяснил название Ἐξαμπαῖος из греческого языка, тогда как Геродот ясно указал, что оно скифское[105]. Таким обра-

---

[101] Так, Павсаний приводит множество названий родников, данных по именами божеств, героев и прочих легендарных персонажей (Асклепия, Деметры, Персея, Амфиарая, Ино, Доркея и пр.), часть которых реальные лица, или по причине своих природных свойств – Капающий с потолка, Лерна (= гладкое место, плешина), Молочная (по цвету воды) и мн. др. (*Paus*. I, 32, 6; I, 34, 4; II, 3, 2; II, 4, 6; II, II, 16, 6; II, 17, 1; III, 15, 2; III, 21, 8; III, 24, 7; III, 26, 1 *etc*.).

[102] О названии Священные пути *см*. ниже.

[103] Критический отзыв Ю. В. Откупщикова [1988a, с. 35] об этой этимологии свелся к отрицанию индоарийской гипотезы в целом, так что никак ее не поколебал.

[104] Эту этимологию можно бы поддержать примером из Плутарха, где глагол παίω употреблен применительно к морской воде – *Plut*. Pyrrhus, 15, 5: θάλασσα παίουσα (*sc*. ναῦς) πρὸς χωρία δύορμα «море прибивает *корабли* к местам без гавани».

[105] Что до созвучия Ἐξαμπαῖος и Ἰγδαμπαίης, то оно (прибегну к излюбленному Откупщиковым приему сравнения с русской ономастикой) того же рода, что Пушкин и Душкин (замечательный советский архитектор): кроме посессивного суффикса *-ин* ничего общего в обеих фамилиях нет, созвучие случайно. Дабы у читателя не сложилось мнение о моем критическом отношении к Откупщикову, отмечу, что глубокоуважаемый Юрий Владимирович крупный лингвист, особенно в области индоевропеистики и балканско-эгейско-малоазийской ономастики. Сюда он внес большой вклад рядом своих значительных работ, из которых в особенности ценна монография 1988 г. «Догреческий субстрат», охотно цитируемая

зом, интерпретация О. Н. Трубачева пока остается единственно возможной[106].

Тем не менее, исходя из рассмотренных данных об Эксампее, мы полагаем, что это название фракийское по происхождению, на что может указывать расположение источника и соименной местности у земли алазонов и пахарей, как мы выяснили выше, фракийских по этнолингвистической принадлежности народов (см. очерк I). Во всяком случае, на юго-восточном пограничье алазонов и пахарей течет правый приток Синюхи – Ятрань, имя которой надежно фракийское [Трубачев, 1968, с. 208–209; Яйленко, 2013, с. 277–278]. Прямого соответствия имени Ἐξαμπαῖος нет ни в греческой ономастике, ни фракийской, ни какой-либо иной, поэтому приходится этимологизировать его парциально, как двухчастное (так И. Маркварт) или трехчастное (так О. Н. Трубачев).Мы обратим внимание на распространенную во фракийской ономастике основу *xanth-, представленную в имени фракийского племени Ξάνθοι у Гекатея (St. Byz., s.n.; Ξάνθιοι– *Strabo*, XIII, 1, 21), которому соответствует название города фракийских киконов Ξάνθεια (*Strabo*,VII, fr. 43) [Pape, Benseler, 1884, S. 1025–1026; Гиндин, 1981, с. 119–121]. Сам Страбон (XIII, 1, 21) обратил внимание на «многие общие названия у фракийцев и троянцев», в том числе «фракийские ксанфии и река Ξάνθος в Трое» (по разъяснению Гомера, Ксанф – второе имя реки Скамандр[107]). Имя Ξάνθος было также у города на Лесбосе (*St. Byz., s. n.*), у реки в Ликии и соименно-

---

мною тут. Его know how – глубокий и разносторонний морфологический анализ индоевропейской лексики (книга «Из истории индоевропейского словообразования». Л., 1967) и древних имен и названий, который существенно расширяет сопоставительную базу. Мы с ним встречались на лингвистических и исторических конференциях, особенно в 1980-х, поддерживали дружеские отношения, обменивались своими публикациями, которые надписывали любезными благопожеланиями.

[106] Лишь для развлечения читателя приведем экзотические «этимологии» А. К. Фишера и В. И. Петрука. По Фишеру, Эксампей – это венг. szan «небо» (собственно, ход звезд по небу) плюс pálya «путь, дорога» [Fischer, 1917, Bd. 2. S. 38-39], так он пытался пристроиться к скифскому значению «Священный путь». К сожалению, в финно-угорском языкознании венгерский язык излишне удревняется – говорится о правенгерском языке применительно к I тыс. до н. э. и V в. н. э. (например, [Хайду, 1985, с. 196]), хотя реально венгры известны всего лишь с IX в. н. э., а их лексика и ономастика с XI в. Применительно к I тыс. до н. э. можно вести речь лишь об обско-угорском едином языке, из его реконструированной фонетики и надо исходить, при желании объяснять через нее скифскую ономастику (да и то надо иметь в виду, что редкость иранских заимствований в обско-угорском языке не позволяет составить более или менее обоснованное представление о его хронологии). По изложенным причинам этимологизировать скифскую ономастику (а Фишер перелопатил почти всю ее) из венгерского языка то же, что из русского, например: *эх, сам пей!* (чем не Эксампей?). В. И. Петрук [2005, с. 9] узрел в гр. Ἐξαμ – передачу иран. vazam (приставное v + суфф. ad + основа zam в осет. æzæm «мертвый»), так что Екзампей/пай – это «Мертвовод», а как местность Эксампей означает «Мертвозем»; но это еще и название котла Арианта в Эксампее в сопоставлении с котлом нартов Вадзамакят (Ædzæmaguat) – котел на 600 жбанов. Если учесть, что вся эта ахинея обильно уснащена апелляциями к современной украинской «самостийности», – например, скифский квадрат Геродота указывает на историческую правомерность современных границ Украины (будто Петрук не знает, что они установлены немцами по Брестскому договору 1918 г. за счет включения Новороссии и Слобожанщины, которые увеличили территорию собственно Украины – Малороссии – втрое), то это продукция, характерная для части современной украинской науки, пораженной «западенским» национализмом. К счастью, это меньшая часть украинской науки.

[107] Il. XX, 74: «Ксанфом зовут *реку* боги, а люди Скамандром».

го города на ней; напомним читателю о широкой колонизации фракийцами не только Троады, но также Мисии в целом и сопредельных территорий (см. выше, § II, 2 – об амазонках), что оправдывает интерпретацию названий Ξάνθος на западе Малой Азии как фракийских[108]. Для нас ценно указание Страбона (XIV, 3, 6), что река Ксанф в Ликии «ранее называлась Σίρβις». Более точную форму последнего дал эпический поэт V в. до н. э. Паниасис из Галикарнасса (у Стефана Византийца, *s. n.* Τρεμίλη) – Σίβρος [Pape, Benseler, 1884, S. 1026], которую сопоставляют с др. инд. çubhrá «блестящий, сверкающий; светлый, белый», армян. surb «чистый, светлый», хетт. šuppi «чистый, ритуально чистый, священный» [Kretschmer, 1939, S. 287*f.*; Гиндин, 1981, с. 121]. П. Кречмер с опорой на указания схолиастов к стиху XII, 313 Илиады, что Сирбис – «нынешнее» (νῦν) и «позднейшее» (ὕστερον) относительно Ксанфа имя реки, усмотрел в Σίβρος ликийскую кальку фрако-фригийско-армянского имени Ξάνθος[109]. Нам достаточно заключить отсюда, что фракийская основа *ξάνθ- имеет те же значения, что и указанные древнеиндийское, хеттское, армянское соответствия – «блестящий, сверкающий; светлый, белый, чистый»; это подтверждается и эпитетом реки Ксанф в Илиаде (XXI, 130 и др.) ἀργυροδίνης «с серебристой водой», а у Паниасиса ἀργύρεος «серебряный» [Гиндин, 1981, с. 121-122]. Возможно, во фрак. *xanth- и развитие значений «чистый» > «священный», как в хетт. šuppi (*см.* ниже). Исходя из этого, усматриваем в названии Ἐξαμπαῖος фракийскую основу *a-xanth->e-xamp-«несветлый». В целом название прошло следующее развитие: *a-xantho-pai->e-xanth-pai->e-xam-pai-. Поясним фонетические звенья этого процесса: 1) a>e; 2) xantho-pai->xanth-pai-; 3) xanth-pai->xam-pai-.

1) Во фракийской топонимике отрицательный префикс a(n)- «не» представлен именем реки в Акарнании Ἄν-απ-ος «безводный»[110]. Альтернация *a-e* свойственна фракийскому языку, часто в начале слова: Νάστος, Νέστος (город и река Фракии), этноним Δανθηλῆται, Δενθηλῆται, теоним Σαβάδιος, Σεβάδιος и пр. [Poghirc, 1961, p. 33-37; Откупщиков, 1988, с. 124-125]. 2) Основа xanth- оформлена суффиксом *-pai-*, разновидностью суффикса *-p(o)-*; к примеру, суффикс *-p(o)-* представлен в теониме Πρία-πο-ς, его разновидность *-pai-* наличествует в производном от теонима названии вифинского месяца Πριεπαῖος и эпитете Аполлона Πριηπαῖος[111]. Этот суффикс присо-

[108] [Гиндин, 1981, с. 120–122]. О соотношении этих названий с гр. ξανθός «золотистый, рыжий» *см.* в конце этого очерка.

[109] Малосущественны возражения Л. А. Гиндина [1981, с. 121], который считал, что Ксанф было древнейшим названием.

[110] Это приток Ахелоя (*Thuc.* II, 82). В балканско-эгейско-анатолийском ареале есть группа названий с префиксальным *a-*: Ἀφαρεύς – эпоним мессенского города Φαραί, карийский город Ἄθυμβρα лежит на реке Θύμβρος и пр. [Гиндин, 1967, с. 86; Откупщиков, 1988, с. 10]. В каких-то из них может заключаться отрицательный префикс *-a*. Названия с отрицательным префиксом обычны в гидронимии, к примеру, особенно много их на северо-западе России – Немда, Неруса, Нерехта и пр. [Фасмер, 1971, с. 62, 65, 66].

[111] [Pape, Benseler, 1884, S. 1253-1254]. *См.* об этом суффиксе во фракийском и палеобалканском [Откупщиков, 1988, с. 91, 133]. Приап по происхождению вифинский, т. е. в конечном счете фракийский божок, отсюда тесная ассоциация его с Дионисом (источники [Pape, Benseler, 1884, S. 1253]). «Приапи-

единяется к основе через гласную, условно принимаем *-o-*: *xantho-pai-. «Синкопа неударного гласного – обычное явление во фракийском» [Георгиев, 1977, с. 66, 166, 177]; и в нашем случае вследствие предударного положения это *-o-* элидируется, а в образовавшейся группе согласных *-nthp-,* естественно, выпадает соседнее с синкопированной гласной *th*. Примеры подобного развития – синкопы гласного и вызванного этим выпадения согласного, которое предшествует синкопированной гласной – фракийские топонимы Asermos<An(a)sermos, Asamus<Anasamus[112]. 3) Срединное *n* в xan-pai- перед губным *p* закономерно огубляется (>xam-pai-), это последнее звено формирования имени Ἐξαμπαῖ-ος.

Есть и более продуктивный в семантическом отношении путь объяснения имени Эксампей: можно и, полагаем, нужно заменить суффикс *-po-* словом -apa «вода, река», представленным в качестве второго члена в двухосновных фракийских гидронимах,топонимах и даже этнониме [Дуриданов, 1976, с. 34, 73, 102; Георгиев, 1977, с. 32, 64, 99, 197]. Для соответствия исходу -pai в Ἐξαμπαῖ-ος следует принять мн. число этого слова: *-apai[113]. Звенья развития будут те же, что и с суффиксом *-po-* : *a-xanth-apai- >e-xanth-pai- >e-xam-pai-; фонетическое развитие следующее: a>e, xanth-apai- >xanth-pai- >xan-pai>xam-pai-. Значение имени Ἐξαμπαῖος в таком случае – «несветлые воды», что более соответствует реалиям: как мы выяснили, Эксампей не единичный родник, а сеть источников на одноименной местности[114]. Значение «несветлые воды» определенно приложимо к южному Эксампею, гидрологическое окружение которого, как сказано, составляют степные болотистые притоки нижнего Буга слева. В топонимике болотистые воды – это темные воды. По этой причине в физиографической лексике разных языков слово *болото* означает «лужу», «омут», «грязь», «топь». В гидрологическом окружении северного Эксампея стоячих вод нет, а предположению, что имя его «несветлые воды» обязано красным мышьяковым примесям, противоречит отсутствие таковых в реальности[115]. Это обстоятельство заставляет задуматься: а действительно ли северная и южная родниковые сети именовались в точности одинаково Ἐξαμπαῖος и означало ли в обоих случаях это

ческая» топонимика и основные места культа концентрируются у Пропонтиды: город Πρίαπος, культ в ближних городах Лампсаке, Парии (*Strabo*, XIII, 1, 12; 14; *Paus*. IX, 31, 2). Кстати, упомянутые формы Πριεπαῖος и Πριηπαῖος показывают, что окончание -ος обязано грецизации, т. е. за гласной в -ος не стоит гласная фракийского этимона; то же самое относится и к форме Ἐξαμπαῖος – тут окончание -ος грецизация и только.

[112] [Дуриданов, 1976, с. 29, 31; Георгиев, 1977, с. 177, 249].

[113] Морфология фракийского языка известна в незначительной мере (*см*., к примеру, [Георгиев, 1977, с. 173–175]). Окончанием мн. числа основ на *-a* ожидается *-ai*, что и находим во фракийском слове муж. рода ζίλαι «зелья, вина», ед. число ζελᾶς и ζειλα [LSJ, *s. vv.*].

[114] Естественно думать, что наличие двух местностей и источников по имени Эксампей в разных районах течения Буга определялось одинаковыми или близкими природными свойствами их воды по цвету, на вкус, либо по каким-нибудь иным качествам или обстоятельствам, однако далее мы скорректируем такой посыл.

[115] По Б. А. Рыбакову [1979, с. 36], левые притоки Синюхи и Буга в целом содержат то фосфатные, то медные примеси, но Витрувий определенно ведет речь о мышьяке.

название одно и то же – «несветлые воды»? Вопрос тем более закономерен, что Ἱραὶ ὁδοί «Священные пути» все-таки определенная калька имени Ἐξαμπαῖος, в чем убеждает способ выражения Геродота: «Имя его и той местности, где течет, по-скифски Ἐξαμπαῖος, на греческом же языке Ἱραὶ ὁδοί». Наша этимология, и это несомненный ее плюс, предоставляет возможность решить этот непростой вопрос, причем исключительно в свете нашего вывода о двух Эксампеях.

Начнем с того, что эпитет «священный» вполне приложим к родникам: источники с плохой водой нечасты, в целом родник для людей – великое благо, он поит и местного жителя и путника, часто ключевая вода целебна (у Павсания немало таких примеров – VII, 27, 11 и мн. др.), поэтому к нему теплое отношение. Поэтичную хвалу источнику в Адыгее пропела уже упоминавшаяся (выше, §II, 2) героиня кабардинского нартовского эпоса Малечипх: «Ой, родник изумрудный, / чье кремнистое русло / плещет чудным узором, / ты подспудной струею / пробиваешься к свету, / будишь эхо в ущелье, / будишь в сердце веселье, / ожерельем сверкаешь / и свирелью звенишь ты! / В летний зной ты прохладен, / в зимний холод отраден; / каждый едущий мимо, / жгучей жаждой томимый, / летним зноем палимый / пусть родник прославляет» [Нарты, 1957, с. 300-301][116]. Родники и деревья при них были объектами культа (у Павсания сотня примеров[117]), поэтому порой они назывались «свя-

[116] Последую призыву Малечипх и припомню два «своих» родника. В детстве и юности я почти каждый год бывал у бабушки и дедушки по матери в селе Чердаклы (примерно 20 км от Мариуполя), дом стоял на высоком берегу реки Кальчик. На другом берегу среди асфоделей бил ключ с прохладной, чистой и вкусной водой; хотя неподалеку был колодец и тоже с хорошей водой, я часто переходил по броду на другой берег за ключевой водой. Второй ключ в Крыму. Обучаясь на кафедре истории зарубежного искусства истфака МГУ, я, как и мои товарищи, находился под сильным влиянием обаятельной личности Виктора Никитича Лазарева, крупнейшего специалиста по итальянскому Возрождению, византийскому и древнерусскому искусству. Я писал под его руководством дипломную работу о церкви Иоанна Предтечи в Керчи и ее месте в средневизантийской архитектуре. Отсюда по окончании вуза мой интерес к средневековым церквям Крыма и фресковым росписям – я объехал и обошел пешком все эти памятники. Как-то из Бахчисарая пошел пешком к одному из пещерных монастырей с росписями, забыв, что никакого магазина или точки общепита по пути не будет. Проголодавшись после 2-3 часов ходьбы, нашел в рюкзаке краюху хлеба, но без воды она в рот не лезла. И вдруг тропинка приводит к прохладному источнику, – а день был жаркий даже в тени деревьев. Я набрал воды и умял с нею краюху. Ничего более вкусного ни до, ни после не ел. Было это почти полвека назад, а до сих пор ощущаю вкус той самой приятной трапезы. Трижды прав мой любимый поэт Велемир Хлебников: «Мне много ль надо – краюха хлеба / да капля молока, / а солью будет небо / и эти облака». У него это не красное словцо, а повседневная обыденность, он не имел не то что своей квартиры, даже хоть какого-то постоянного жилья, даже регулярного заработка и пропитания. Он гений, всецело посвятивший свою жизнь творчеству, вовсе не обращавший внимания на быт. И Виктор Никитич Лазарев, ученый с мировым именем, жил просто, и я, скромный выученик Лазарева да почитатель Хлебникова, довольствуюсь по жизни малым (но не в науке), потому и запомнил навсегда тот ключ да ломоть хлеба.

[117] Приведем пару примеров: близ Пеллены в Ахайе есть святилище Деметры с рощей и обильными водой ключами (VII, 27, 9); другой пример связан с основанием Новой Смирны (VII, 5, 2): в этой местности охотился Александр Великий, набредший на святилище Немезид с источником и платаном; царь

щенными». Так, при храме Ино в Лаконии был «священный источник» (πηγὴ ἱερή) со сладкой на вкус водой (*Paus*. III, 26, 1). Почти все из примерно полутора сотен родников, упомянутых Павсанием, были обстроены святилищами и храмами, т. е. почитались как священные, вода некоторых считалась «водой *сакрального* очищения» (например, источник в районе Микен, – II, 17, 1)[118]. Эти и другие данные о сакральном значении источников подтверждают, что Ἱραὶ ὁδοί – действительно калька имени Ἐξαμπαῖος. Последнюю точку в этом вопросе ставит то обстоятельство, что в местности Эксампей располагалось святилище скифов. Сие следует из рассказа Геродота (IV, 81) о котле царя Арианта, который был отлит из наконечников стрел, принесенных всеми его подданными (так царь хотел установить их численность), и который он «посвятил (ἀναθεῖναι) в этот самый Эксампей».Это прямое указание на священный (ἱερή) характер Эксампея и прямое свидетельство, что Ἱεραὶ ὁδοί – калька имени Ἐξαμπαῖος. Соответственно сакральному значению Эксампея и сообщение Витрувия о промышленной добыче в той местности реальгара – он употреблялся вместе с мелом (это сопутствующие друг другу породы в среднем Побужье) для жертвоприношений[119].

Следовательно, понятие «священный (-ая)» заключено в названии Ἐξαμπαῖος. В свете нашей этимологии оно может быть понято и в таком аспекте. Начальное *e* может быть не только отрицательным префиксом,но и просто протетическим гласным бессодержательного характера, так что фрак. *exampai означает «светлые воды»[120]. Фракийская основа *xanth- «светлый» могла иметь также значение «священный», судя, во-первых, по развитию значений «чистый» > «священный» [Тресиддер, 1999, с. 23], в том числе в родственном, видимо, хетт. šuppi (*см*. выше), во-вторых, по аналогии в праславянском, в котором прошло развитие понятия *svetъlъ «светлый» (от *svetъ «свет») в *svętъ «святой» [Шестеркина, 2010,

---

заснул под деревом и во сне явившиеся Немезиды велели основать тут город; жители Новой Смирны почитают этих богинь.

[118] Павсаний обошел пешком всю Грецию и в его «Периэгесе Эллады» упомянуты полторы сотни родников, почти все посвящены как общегреческим богам и героям (Посейдон, Зевс, Афина, Деметра, Геракл и пр.), так и локальным героям да божкам, при этом почти все источники – с питьевой водой и они обустроены зданиями святилищ. *См*. указатель «источники» в кн. [Павсаний, 1940. Т. 2, с. 520-521].

[119] Реальгар употребляется и в фармацевтике.

[120] К примеру, протетическое *e*- содержит эпитет фракийского божества Герос Ειπερκονει в выражении Ἥρῳ Ειπερκονει (посвятительная надпись I в. до н. э. – I в. н. э. из села Галата в окрестностях Варны) при Περκῳ Ἥρῳ другого аналогичного посвящения II–I вв. до н. э. оттуда же [Гиндин, 1981, с. 84]. Это *ei*- в Ειπερκονει представляет собой растяженное *e*-, как в паре личных имен Ειτι-ζενις и Ετει-κενθος [Георгиев, 1979, с. 79]. В праформе имени Ἐξαμπαῖος начальное *e*- может быть также отражением префиксального *i*-, либо протетического гласного *i*- (оба бессодержательного характера). О префиксе и протетическом гласном *i*- в балканско-эгейско-малоазийской ономастике [Откупщиков, 1988, с. 10]. Такое *i*- представлено, к примеру. в имени реки Ἰέρασος в Дакии (совр. Серет): из *eraso-, при др. инд. rasa «жидкость, вода», авестийском имени реки Raŋha [Георгиев, 1977, с. 205]. Примеры чередования *i*-*e* (или *e*-*i*) во фракийском: Μένδη – Μίνδη (город во Фракии), Βρέα (город во Фракии) – βρία «город», ζίλαι «зелья, вина» (*pl*.) – ζελᾶς и ζειλα «зелье, вино» (*sg*.) [Откупщиков, 1988, с. 125].

с. 103–108][121]. Слово же ὁδοί «пути, дороги» в кальке Ἱραὶ ὁδοί, полагаем, возникло следующим образом. Наряду с *apa во фракийском для обозначения «воды» употреблялось также *odā- (*udō-)[122], так что в названии источника*exampai- odai- (в два слова, тут -pai- суффикс) «священные воды» ~ «священные родники» первое слово переведено греческим ἱεραί, второе по созвучию принято за ὁδοί. Так из названия источника *exampai- odai «светлые воды» > «священные воды» ~ «священные ключи» образована греческая полукалька Ἱραὶ ὁδοί «священные пути».

Таким образом, в Побужье были две родниковые сети с похожими по звучанию названиями, но разными по значению: *exampai «несветлые воды» и *exampai odai «светлые / священные воды / родники». Первый, как мы выяснили, располагался на нижнем течении Буга, он и был горьким источником, второй находился на среднем его течении, он считался священным родником, тут было святилище скифов. Поскольку обе родниковые сети располагались на левобережье Гипаниса и названия их звучали сходно, Геродот (или его информант) принял их за один источник. Об этом свидетельствует и то, что в двух местах его труда, где шла речь об Эксампее, содержание рассказов указывает на разные родниковые сети: в § IV, 52 он говорит о горьком источнике, а в § IV, 81 – об источнике со святилищем. Если вместе с Геродотом принимать их за один и тот же родник, то окажется, что святилище было при горьком источнике, что нонсенс, ибо почитались родники с качественной водой, собственно, это и было причиной их почитания.

Итак, Эксампей скифское святилище. Ариант правил в первой половине V в. царскими скифами и это их святилище, ибо домен царских скифов – Нижнее Поднепровье и степной Крым [Рыбаков, 1979, с. 114–115; Яйленко, 2013, с. 166–167, 195-196][123]. Царские скифы, по-видимому, в основе своей иранцы, но поскольку название Эксампей, как сказано, не имеет хорошей иранской этимологии, оно туземное: царские скифы кочевники и позаимствовали название святилища у предшествующего киммерийского (индоарийского) или фракийского населения.

---

[121] Возможно, сюда относится и лат. sanctus «священный, святой» (с меной *ksa-sak*). Происхождение лат. sanctus (с назализованным инфиксом *-n-* к sacer «священный») неясно [Ernout, Meillet, 1951, p. 1033]. Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов [1984, с. 801] на основе хетт. šaklai- «обряд» и лат. sacer восстановили индоевр. *sak[h]- «священный», «освящать». Если лат. sacer, sanctus действительно принадлежат им, исходная индоевропейская форма *(k)sak-.

[122] Во фракийских названиях Ὀδη-σσός (совр. Варна), Σαλμ-υδη-σσός (побережье, река, город) [Георгиев, 1958, с. 136; 1977, с. 38, 162; Дуриданов, 1976, с. 118].

[123] [Рыбаков, 1979, с. 114-115; Скифия, с. 166-167, 195-196]. Ариант упоминается только тут, его нет в Геродотовом родословии царских скифов (IV, 76-80), литературу о котором *см*. [Народы нашей страны, 1982, с. 316-317]. Древнейший царь Спаргапиф, его сын Лик, его сын Гнур, его сыновья-цари Анахарсис, Савлий, сын последнего Иданфирс, далее следует временной перерыв, после которого царствует Ариапиф, затем его сыновья Скил, Октамасад. Судя по датировке ольвийского гимна Гилее третьей четвертью VI в. до н. э., в котором подразумевается вторжение скифов Савлия в Гилею для захвата Анахарсиса (*см*. об этом [Яйленко, 2015а]), это время правления Анахарсиса и Савлия. Иданфирс правил во время нашествия Дария на Скифию ок. 512 г. Далее следует цезура, а правления Ариапифа, Скила, Октамасада приходятся на середину V в. до н. э. В перерыв, приходящийся на первую половину V в.,

Когда имеешь дело с уникальным и потому весьма трудным для объяснения названием, не следует ограничиваться какой-либо одной интерпретацией, надо выявлять все возможности понимания в пределах предлагаемого для этимологии языка, в нашем случае фракийского. Поэтому рассмотрим еще один вариант понимания названия Эксампей, поскольку ввиду реконструированной нами фракийской основы *xanth- «светлый» неизбежно встает вопрос о ее связи с греческим прилагательным ξανθός, тоже обозначающим цвет, но не «светлый, блестящий», а «золотистый, желтый, рыжий». Особенность раннего узуса греч. «светлый» состоит в том, что в гомеровских поэмах оно, как правило, употребляется для обозначения цвета волос богов и героев, редко для указания цвета предметов [LSJ, *s. v.*], т. е. преимущественно в мифологической – сакральной сферах. Этимология этого слова неясна [Frisk, 1954/65, S. 333; Chantraine, 1974, p. 763], и отмеченные обстоятельства, на наш взгляд, указывают, что оно заимствовано из догреческого языка, вероятно, из его сакральной лексики. На это прямо указывает Гомер: реку в Троаде «боги именуют Ξάνθος, а люди Σκάμανδρος» (Il. XX, 74). Если предположить, что фрак. *xanth- , как и греч. ξανθός заимствовано из догреческого языка, то его значение близко греческому – «золотистый, желтый, рыжий». Это можно поддержать двумя аргументами. Во-первых, имя фракийского племени Ξάνθοι, Ξάνθιοι может действительно означать в таком случае «рыжие», ибо по Ксенофану (fr. 14 Diehl), «фракийцы *изображают своих богов* голубоглазыми и рыжими (πυρρούς)», т. е. и сами они рыжие[124]. Во-вторых,

---

по резонному мнению Б. Н. Гракова, следует помещать царствование Арианта. Геродот (IV, 81) пишет, что видел котел царя Арианта, посвященный им в Эксампей: τοσόνδε νέντοι ἀπέφαινον μοι ἐς ὄψιν «вот что мне показывали воочию», дословно «пред мои очи» (*ср*., впрочем [Народы нашей страны, с. 321]).

[124] Пример наименования народа по цвету кожи, волос и пр. – половцы, при др. рус. *половый* «палевый» (в «Хронике Георгия Амартола» гр. ξανθόν переведено словом *полов* и *чръмьнъ*, т. е. красный, рыжий [Истрин, 1930, с. 128; Словарь РЯ, 1990, с. 234]), их цвет средний «между красным и желтым» [Менгес, 1979, с. 73-76]. Упомянув замечательную книгу Карла Менгеса 1979 г. «Восточные элементы в «Слове о полку Игореве»» (рус. перевод), позволю себе еще одно личное отступление. В середине 1970-х я предложил в отделе древней истории Ин-та всеобщей истории, где работал, написать коллективный труд по истории античной Греции; позднее идея была принята, мне досталась глава «Архаическая Греция», которую надо было сдать в редколлегию в 1979 г. За 1978-1979 гг. я написал не главу, а монографию (черновой вариант того, что было издано в 1990 г. под названием «Архаическая Греция и Ближний Восток», выжимка из него составила мою главу в т. 1 «Античной Греции» 1983 г.). Работа была настолько напряженной, что по сдаче главы в редколлегию я полностью выдохся: 3-4 месяца не мог работать, даже ничего не мог читать. Вернули меня к науке поездка в Среднюю Азию (с той поры все 1980-е и начало 1990-х гг. я отдал истории и ономастике Центральной Азии, см. список моих работ [Эмбатерион, 2011, с. 22-23]) и книга Менгеса. Вернувшись из поездки, я купил ее, прочел и был в восторге от необыкновенной эрудиции автора, хорошо владевшего языками средневековой Восточной и Центральной Азии. Это великая книга выдающегося лингвиста. Скажу и несколько необходимых слов, давно назревших, о своей только что упомянутой книге «Архаическая Греция и Ближний Восток». На протяжении 1980-х я несколько раз дорабатывал ее, но заведующая античным отделом Е. С. Голубцова (по наущению Е. М. Штаерман), опасаясь крамольных для того времени идей книги, не давала ей ходу. В конце концов я обратился к директору Главной редакции восточной литературы О. К. Дрейеру, который взялся издать монографию. В предисловии я выразил ему за это благодарность (также И.Д. Сере-

присутствие фрак. *xanth- «рыжий *etc*.» в названии Ἐξαμπαῖος, как сказано, связанном с залежами сандарака, красного сернистого мышьяка, соответствует красному цвету этого вещества и, надо полагать, воды источника. При таком объяснении имя Ἐξαμπαῖος означает «красный, красная вода»[125]. Достоинство такой интерпретации – соответствие реалии, цвету сандарака, недостаток – в несоответствии греческой кальке или полукальке этого топонима Ἱεραὶ ὁδοί «Священные пути».

Завершим наш очерк примечательной заметкой Павсания (IV, 35, 11): «Те источники, которые представляют что-либо удивительное или оригинальное, я сам посетил и видел своими собственными глазами, источники же менее интересные, хотя я их тоже знаю, сознательно опускаю: найти воду соленую или кислую не такое уж большое чудо. Но я считаю нужным упомянуть два источника совершенно различного свойства; один из них течет в Карии по равнине «Белой» мимо деревни, которую называют Даскиловой; вода его теплая, а для питья она слаще молока. А из рассказа Геродота я знаю, что в реку Гипанис впадает источник горькой воды. И как нам не признать, что в своем рассказе он говорит правду, если и в наше время в Дикеархии, Тирренской области, находится горячий источник, настолько кислый, что свинцовые трубы, – а он протекает по свинцовым трубам, – разъедаются им в течение нескольких лет» (пер. С. П. Кондратьева). Итак, согласно Павсанию, горький ключ редкость, можно сказать, Эксампей уникален своей водой, потому-то он и привлекал внимание античных авторов. Впрочем, нечто подобное Павсаний (V, 5, 5–10) рассказывал и о речке Анигр в Элиде, использовав в числе прочего сведения Страбона (VIII, 3, 19): источник близ пещеры нимф Анигриад образует топкое болото, из которого вытекает медленно текущая речушка Анигр, тоже завершающаяся у моря болотом, вся вода с самого начала течения отличается дурным запахом, причиной чего были почвы. В Анигр впадает речушка Акидант с нормальной водой и съедобной рыбой, но попавшую оттуда в Анигр рыбу не едят. Дурные свойства речной воды местные жители объяснили мифологически: кентавр Хирон тут-де омыл свою рану от яда Гидры на стреле Геракла (оба историка передают и другие легенды).

брякову, который рекомендовал ее ему), но по скромности он велел удалить те слова признательности из книги. Хоть сейчас, по прошествии четверти века, восполняю свой долг, помянув добрым словом незабвенного Олега Константиновича.

[125] Бывают и родники с красной водой. К примеру, источник с красноватой водой и дурным запахом был в Озольской Локриде близ Халкидона и эпирского Калидона. Реальная причина таких качеств его воды неизвестна, народная же молва объяснила их по-своему, назвав холм, у подножия которого струится ключ, Ταφιασσός «Могильный»: вода такова-де потому, что тут погребены Несс да другие кентавры, их кровь и сочится на поверхность. По этому источнику западные локры получили наименование Озольских (Ὀζόλαι) – от слова ὄζειν «издавать запах, пахнуть» (*Strabo*, IX, 4, 8), что, разумеется, относится не к самим локрам, а к свойствам их земли и воды.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М. : Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. 655 с.; Т. 2. Л. : Наука, 1973. 448 с. ; Т. 4. Л. : Наука, 1989. 325 с.

Абаев В.И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки / ред. В. И. Абаев и др. М. : Наука, 1979. С. 272–364.

Абаев В.И. Избранные труды. Владикавказ : Изд-во Ир, 1990. Т. 1. 439 с.

Абрамова М.П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время/ отв. ред. А. И. Мелюкова. М. : Наука, 1989. С. 268–281.

Агбунов М.В. Загадки Понта Эвксинского. М. : Мысль, 1985. 159 с.

Агбунов М.В. Античная лоция Черного моря. М. : Мысль, 1987. 155 с.

Агбунов М.В. Античная география Северного Причерноморья. М. : Мысль, 1992. 236 с.

Акопян А.А. Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1987. 302 с.

Булах А.М. Социальный статус женщины в традиционном обществе осетин и их предков : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2005. 26 с.

Бухарин М.Д. Индийские походы Диониса и Геракла в античной литературной традиции // Бонгард-Левин Г. М., Бухарин М. Д., Вигасин А. А. / Индия и античный мир. М. : Восточная литература, 2002. С. 138–191.

Вахтина М.Ю. Греческая расписная керамика из раскопок Немировского городища // Археологія. 1996. № 4. С. 85–93.

Вахтина М.Ю. Основные категории греческой импортной керамики из раскопок Немировского городища // МАИЭТ. 1998. Т. 6. С. 122–139.

Вахтина М.Ю. Греческая столовая керамика VI в. до н. э. из раскопок Немировского городища в Побужье // ΣΥΣΣΙΤΙΑ / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб. : Алетейа, 2000. С. 209–217.

Вахтина М.Ю., Кашуба М.Т. Об особенностях греко-варварских контактов начальной поры греческой колонизации Северного Причерноморья в свете изучения материалов Немировского городища // БФ. 2013. С. 371–378.

Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный : Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1972. 389 с.

Виноградов В.Б. Описание Северного Кавказа в «Географии» Страбона // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. Ростов н/Д. 1975. № 4. С. 36–43.

Волкова Н.Г. О названиях азербайджанцев на Кавказе // Ономастика Востока / ред. Э. М. Мурзаев и др. М.: Главная редакция восточной лит-ры, 1980. С. 208–210.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тб. : Изд-во Тбилисского университета, 1984. Т. 1. 429 с. 1984. Т. 2. С. 469–1329.

Георгиев В. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М. : Изд-во иностранной литературы, 1958. 314 с.

Георгиев В. Траките и техният език. София : Издателство на Българската Академия на науките, 1977. 345 с.

Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М. : Наука, 1967. 197 с.

Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София: Издательство Болгарской академии наук, 1981. 238 с.

Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М. : Восточная литература РАН, 1996. 328 с.

Давыдов Л.К. Гидрография СССР. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. Т. 2. 600 с.

Деметер Н.Г. Этнонимия цыган Европейской части СССР // Этническая ономастика / отв. ред. Р.Ш. Джарылгасинова, В. А. Никонов. М. : Наука, 1984. С. 28–35.

Джаукян Г.Б. Фракийцы в Армении // Античная балканистика. Предварительные материалы к международному симпозиуму. М. : Ин-т славяноведения и балканистики, 1984. С. 11–12.

Дуриданов И. Езикт на траките. София: Наука и изкуство, 1976. 166 с.

Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. Новосибирск : Наука, 1977. 255 с.
Етим. словник. Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі / відповід. ред. О. С. Стрижак. К. : Наукова думка, 1985. 253 с.
Иванов Вяч. Вс. Древние культурные и языковые связи южнобалканского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов // Балканский лингвистический сборник / ред. А. А. Зализняк и др. М. : Наука, 1976. С. 3–39.
Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М. : Наука, 1974. 341 с.
Извори на историята Тракия и траките / ред. З. Гочева и др. София: Българската Академия на науките, 1981. Т. 1. 326 с.
Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. М. : Наука, 1971. [Т. 1]. 369 с.
Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Л. : Изд-во АН СССР, 1930. Т. 3. 348 с.
Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. М. : Наука, 1986. 208 с.
Косвен М.О. Матриархат. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. 329 с.
Косян А.В. Лувийцы, фригийцы, мушки // История и языки Древнего Востока / ред. В. А. Лившиц и др. СПб. : Orientalia, 2002. С. 187–196.
Котина А.В. К вопросу о значении термина «амазонка» // БФ. 2011. С. 646–649.
Котина А.В. Миф об амазонках и его развитие в античной традиции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород: Ун-т, 2012. 28 с.
Кузнецов В.А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: Изд-во Ир, 1980. 135 с.
Кулланда С.В. Скифы: язык и этногенез. М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2016. 215 с.
Лаптева М.Ю. У истоков древнегреческой цивилизации. Иония XI–VI вв. до н. э. СПб. : Гуманитарная академия, 2009. 509 с.
Лескинен А.Н. Из этнонимии вьетов // Этническая ономастика / отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, В.А. Никонов. М. : Наука, 1984. С. 18–23.
Львов А.С. Из лексикологических наблюдений // Этимология 1965 / ред. Ж. Ж. Варбот и др. М. , 1967. С. 189–195.
Марковин В.И. Скифские курганы у селения Гойты (Чечено-Ингушетия) // СА. 1965. № 2.С. 160–173.
Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 1996. 340 с.
Масенко Л.Т. Річкові назви басейну Інгулу на тлі гідронімії Південної України // Питання ономастики Південної України / Відповід. ред. К. К. Цілуйко. К. : Наукова думка, 1974. С. 96–102.
Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. М. : Изд-во восточной литературы, 1963. 461 с.
Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тб. : АН Груз. ССР, 1959. 510 с.
Менгес К.Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л. : Наука, 1979. 265 с.
Миллер В.Ф. Осетинские этюды. М. : Московский ун-т, 1887. Ч. 3. 216 с.
Младенов М. Названията Янтра и Етър //Български език. 1968.Т. 18. № 4/5. С. 436–437.
Моисеева Т.А. Царская власть у фригийцев // ВДИ. 1982. № 1. С. 119–129.
Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М. : Мысль, 1984. 653 с.
Народы нашей страны в «Истории» Геродота / отв. ред. В. Т. Пашуто. М. : Наука, 1982. 453 с.
Нарты. Кабардинский эпос. М. : Детская литература, 1957. 383 с.
Нарты. Эпос осетинского народа / отв. ред. В. И. Абаев. М. : Изд-во АН СССР, 1957а. 399 с.
Невская Л.Г. Балтийская географическая терминология. М. : Наука, 1977. 227 с.
Нерознак В.П. Фракийские реликты в балканских языках // Балканское языкознание (Ученые записки Ленингр. ун-та, № 343 = серия филологич. наук, вып. 73). С. 80-88.
Нерознак В.П. Палеобалканские языки. М. : Наука, 1978. 230 с.
Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М. : Мысль, 1966. 509 с.
Никонов В.А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика / отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, В. А. Никонов. М. : Наука, 1984. С. 44–69.
Откупщиков Ю.В. Догреческий субстрат. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 261 с.

Откупщиков Ю.В. Ἐξαμπαῖος и Ἰγδαμπαίης // Международный симпозиум «Античная балканистика 6». Этногенез народов Восточной Европы... Тезисы докладов. М. : Ин-т славяноведения и балканистики, 1988а. С. 35–37.

Павсаний. Описание Эллады. Перевод С. П. Кондратьева. М. – Л.: Искусство, 1940. Т. 2. 591 с.

Петров В.П. Скіфи. Мова і етнос. К. : Наукова думка, 1968. 148 с.

Петрук В.І. Скіфський сакральный центр Екзампай в контексті культурної спадщини України: Автореф. дисс. ... канд. іст. наук.. К. : Київськийнац. ун-тім. Т. Шевченка, 2005.

Петрук В.І. Ексампей – сакральный центр Великої Скіфії // Історичний журнал. 2005а. № 3. С. 110–116.

Подосинов А.В. К вопросу об истоках Танаиса в представлениях античных географов // Боспорские исследования / отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь: Центр археол. исследований, 2015. Вып. 31. С. 315–324.

Попов А.И. Названия народов СССР. Л. : Наука, 1973. 167 с.

Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков. М. : Иностранная литература, 1954. 376 с.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. 365 с.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб. : Академия наук, 1893. Т. 1. 1914 с.

Редер Д.Г. Восточные тексты // ВДИ. 1947. № 1. С. 263–279.

Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М. : Наука, 1979. 246 с.

Сазанов А.В. К изучению теонимии Боспорского царства // Этническая ономастика / отв. ред. Р.Ш. Джарылгасинова, В. А. Никонов. М. : Наука, 1984. С. 157–163.

Сказания о нартах. Осетинский эпос / [ред.] Б. А. Калоев. Цхинвали: Ирыстон, 1981. 399 с.

Скрипник Т.А. Амазонки в античной традиции // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов н/Д. 1988. Вып. 5. С. 29–39.

Словарь РЯ, 1990. Словарь русского языка XI–XVII вв. / ред. Г. Я. Романова. М. : Наука, 1990. Вып. 16. 294 с.

Таронян Г.А. Древний Восток в античной и раннехристианской традиции (Индия, Китай, Юго-Восточная Азия). Подбор текстов, перевод с древнегреческого и латинского, примечания и аннотированный указатель Г. А. Тароняна. М. : Ладомир, 2007. 639 с.

Толстой И.И. Остров Белый и Таврика. Пг. : 2-я Гос. тип., 1918. 162 с.

Топоров В.Н. К древнебалканским связям в области языка и мифологии // Балканский лингвистический сборник / ред. А. А. Зализняк и др. М. : Наука, 1977. С. 40–58.

Топоров В.Н. Др. -греч. Σπάρτη и фрак. spart- // Симпозиум Античная балканистика. Предварительные материалы, тезисы докладов. М. : Ин-т славяноведения и балканистики, М., 1980. С. 55–59.

Тревер К.В. Очерки по истории и культуре кавказской Албании. М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1959. 390 с.

Тресиддер Дж. Словарь символов. М. : Гранд, 1999. 444 с.

Трубачев О.Н. Названия рек правобережной Украины. М. : Наука, 1968. 289 с.

Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М. : Наука, 1999. 319 с.

Туголуков В.А. Тунгусы и ламуты на северо-востоке Сибири // Этническая ономастика / отв. ред. Р.Ш. Джарылгасинова, В.А. Никонов. М. : Наука, 1984. С. 35–38.

Тюхтина А.В. (Котина). Верховное женское божество амазонок в мифологической традиции // Классическая и византийская традиция / отв. ред. Н. Н. Болгов. Белгород: Гос. ун-т, 2008. С. 147–149.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс, 1964. Т. 1. 562 с. Т. 2. 1967. 671 с. Т. 3. 1971. 827 с.

Хазанов А.М. Материнский род у сарматов // ВДИ. 1970. № 2. С. 138–148.

Хайду П. Уральские языки и народы. М. : Прогресс, 1985. 426 с.

Членов М.А. К этимологии этнонима даяк // Ономастика Востока / ред. Э. М. Мурзаев и др. М. : Главная редакция восточной лит-ры, 1980. С. 238–241.

Шауб И.Ю. Амазонки на Боспоре // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989. С. 79–88.

Шестаков С.П. Киклические поэмы и гомеровские гимны // История греческой литературы / ред. С.И. Соболевский и др. М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1946. Т. 1. С. 153–163.

Шестеркина Н.В. Соотношение концептов «светлый» – «святой» в русском языке // Lingua mobilis. 2010. № 3 (22). С. 103–108.

Шилик К.К. Географические аспекты сообщения Геродота о горьком источнике на Гипанисе // Проблемы античной истории и культуры / ред. Б. Б. Пиотровский и др. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1979. Т. 2. С. 450–456.

Эмбатерион. Сборник статей по искусствознанию, филологии, истории. Семидесятилетию профессора В. П. Яйленко посвящается / факультет искусств МГУ. М. : МЦНМО [МГУ], 2011. 391 с.

Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 3. С. 75–116.

Яйленко В.П. К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии // Советская этнография. 1983. № 1. С. 54–65.

Яйленко В.П. Локализация и происхождение каллипидов-миксэллинов // Тезисы докладов конференции «Проблеми історіі та археологіі стародавнього населення УРСР». К. , 1989.

Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. 269 с.

Яйленко В.П. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М. : Гриф, 2010. 737 с.

Яйленко В.П. Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н. э. М., 2013. 345 с.

Яйленко В.П. Фрако-дакийская и иллирийская топонимика Северного Причерноморья (Сарматии и Скифии) // ДБ.2014. Т. 18. С. 478–522.

Яйленко В.П. Топонимика и этнонимия античного Боспора // ДБ. 2015. Т. 19. С. 386–458.

Яйленко В.П. Ольвийский гимн VI в. до н. э. // Боспорские исследования / отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь: Центр археол. исследований, 2015а. Т. 31. С. 88–99.

Яйленко В.П. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса, Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э. СПб., 2016 (в печати).

Янко М.Т. Топонімічний словник-довідник Української РСР. К. : Радянська школа, 1973. 179 с.

Arena R. Iscrizioni greche arcaiche di Sicilia e Magna Grecia. Pisa: Nistri Lischi, 1994. Vol. 3.136 p.

Boardman J. Early Greek Pottery on Black Sea Sites? // Oxford Journal of Archaeology. Vol. X, 3. P. 387–390.

Braund D. Dio Chrysostom, Olbian Tradeand Olbia's Tauroscythian War // Археологія. 1991, № 3, p. 25–30.

Bredow I. Die thrakische Namen bei Homer // Acta Centri historiae Terra antiqua Balcanica / ed. C. Jordanov. Trinovi: Софийския университет и др., 1986. Vol. 1. S. 133–186.

Buck, 1968. Buck C. D. The Greek Dialects. Chicago: The University of Chicago Press, 1968. 374 p.

Cavaignac E. Hépat de Comana et les Amazones // Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. 1950. Bd. I, Hft. 1. P. 38–47.

Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris : Klincksieck, 1968. T. 1. P. 1–305.T. 2. 1970. P. 307-607. T. 3. 1974. P. 610–962.

Christ W. Geschichte der griechischen Litteratur. München: Beck, 1890.769 S.

Detschew D. Die trakische Sprachreste. Wien: Kommission bei R. M. Rohrer, 1957. 584 S.

Duridanov I. Thrakisch-dakische Studien. I. Sofia: Bulgarische Akademie der Wiss., 1969. (LB. T. XIII, 2). 103 S.

Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Paris : Klincksieck, 1951. T. 2. P. 668–1385.

Fischer A. K. Erklärung der skythisch-sarmatischen Namen und Wörter aus der ungarischen Sprache. B. : Drück von W. Schulze, 1917. Bd. 2. 162 S.

Fleischer R. H. Artemis von Ephesos und verwandte Kultstatuen aus Anatolien und Syrien. Leiden: Brill, 1973. 449 S.

Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Winter, 1954/65. Bd. 1. S. 1–384. Bd. 2.1965–1970. S. 385–1154.
Gruppe O. Griechische Mythologieund Religions wissenschaft. München: Beck, 1906. Bd. 1-2 (Handbuch der klassischen Altertumswissenschaf, Bd. V, 2).
Güterbock H. G. (Review): Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. 1950/51. Bd. I, Hft. 1 //Oriens. 1952. Vol. V, 2. P. 347.
Haas O. Die phrygischen Sprachdenkmäler. Sofia : Издателството на БАН, 1966 (LB. T. X). 260 S.
Haas V. Medea und Jason im Lichte hethitischer Quellen // Acta antiqua. 1978. T. 26. S. 241–259.
Hansen B. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Berlin: Akademie-Verlag, 1958. 321 S.
Jokl N. Thraker // Reallexikon der Vorgeshichte. B., De Gruyter, 1929. Bd. 13. S. 278–298.
Kretschmer P. Die Stellung der lykischen Sprache. I // Glotta. 1939. Bd. 27. S. 104 f.
Leonhard W. Hettiter und Amazonen. B.; Lpz., 1911 (non vidi).
Lexicon iconographicum mithologiae classicae. Zürich, München: Artemis. 1981.Vol. I,2. 881p.
Marquart J. Unterschungen zur Geschichte von Iran II. // Philologus. 1896. Bd. 55. S. 212–240.
Mayor A. The Amazons. Princeton: University Press, 2014. 536 p.
Meuli K. Odyssee und Argonautika. B. : Weidmann, 1921. 142 S.
Pape W., Benseler G. E. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig: Verlag von F. Bieweg, 1884. Bd. 1-2. 1710 S. (Пагинация сплошная).
Plutarchus. Moralia. Ediderunt M. Polenz, W. Sieveking. Lpz: Teubner, 1972. Vol. 3. 542 p.
Poghirc C. La valeur phonétique de l'oscillation graphique thrace a/e à la lumière des données des langues balkaniques modernes // Studii clasice. Bucureşti. 1961. T. 3. P. 33–37.
Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern: Francke Verlag, 1959. Bd. 1.1183 S.
Pritchett W. K. Studies in Ancient Greek Topography. Berkeley, Los Angeles: University of Caliphornia Press, 1982. Pt. 4. 285 p.
Probonas J. K. Protogrecs en Thrace // Pulpudeva / ed. I. Venedikov et alii. Sofia: Academie bulgare des sciences, 1976. T. 1. P. 213–217.
Robert C. Die griechischen Heldensagen. B., Weidmann, 1921 (In: *Preller L.* Griechische Mythologie. Bd. III. Buch 3. Abt. 1. Die Argonauten, S. 757–968).
Shapiro H. A. Amazons, Thracians, and Scythians // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1983. P. 105–114.
Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodinas. Vilnius: Mosklas, 1981. 408 p.
Vasmer M. Die Iranier im Südrussland. Lpz., Markert und Petters, 1923. 79 S.
Vlahov K. Der Grad des Einflusses der griechischen Sprache auf die Thrakische // LB, 1972.T. XVI, 1, pp. 15–37.
Werner J. Das "Kolchische" und das Thrakische // Klio. 1981. Bd. 63. S. 263–280.

REFERENCES

Abaev V. I. (Ed.). Narty. Epos osetinskogo naroda. Moskva, Akademia nauk Publ., 1957a, 399 p.
Abaev V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo iasyka.* Moskva, Akademia nauk SSSR Publ., 1958, T. 1, 655 p.; T. 2, Leningrad, Nauka Publ., 1973, 448 p.; T. 4, 1989, 325 p.
Abaev V. I. Skifo-sarmatskie narechia. Abaev V. I. (Ed.). *Osnovy iranskogo iazykoznania. Drevneiranskie iazyki.* Moskva, Nauka Publ., 1974, pp. 272–364.
Abaev V. I. *Izbrannye trudy.* Vladikavkaz, Ir Publ., 1990, T. 1, 439 p.
Abramova M.P. Tsentral'nyi Kavkaz v sarmatskuiu epokhu. *Meliukova A. I. (Ed.). Stepi Evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia.* Moskva, Nauka Publ., pp. 268–281.
Agbunov M. V. *Zagadki Ponta Evksinskogo.* Moskva, Mysl' Publ., 1985, 159 p.
Agbunov M. V. *Antichnaia lozia Chernogo moria*. Moskva, Mysl' Publ., 1987, 155 p.
Agbunov M. V. *Antichnaia geografia Severnogo Prichernomoria.* Moskva, Mysl' Publ., 1992, 236 p.
Akopian A.A. *Albania-Aluank v greko-latinskikh i drevnearmianskikh istochnikakh.* Erevan, Akademia nauk Arm. SSR Publ., 1987, 302 p.

Arena R. *Iscrizioni greche arcaiche di Sicilia e Magna Grecia*. Pisa, Nistri Lischi, 1994,Vol. 3, 136 p.
Boardman J. Early Greek Pottery on Black Sea Sites? *Oxford Journal of Archaeology,* Vol. X, 3, pp. 387–390.
Braund D. Dio Chrysostom, Olbian Tradeand Olbia's Tauroscythian War // *Археологія*, 1991, № 3, pp. 25–30.
Bredow I. Die thrakische Namen bei Homer // *Jordanov C. (Ed.). Acta Centri historiae Terra antiqua Balcanica.* Trinovi: Sofiiskia univ. Publ., 1986, Vol. 1, S. 133–186.
Buck C. D. *The Greek Dialects.* Chicago: Univ. Press, 1968, 374 p.
Bukharin M. D. Indiiskie pokhody Dionisa i Gerakla v anticnoi literaturnoi traditsii // *Bongard-Levin G. M., Bukharin M. D., Vigasin A. A. India i antichnyi mir.* Moskva, Vostochnaia literatura Publ., 2002, pp. 138–191.
Bulakh A. M. *Sotsial'nyi status zhenschiny v tradizionnom obschestve osetin i ikh predkov.* Abstrakt of kandidat. diss. Vladikavkaz, 2005. 26 p.
Cavaignac E. Hépat de Comana et les Amazones. *Jahrbuch für kleinasiatische Forschung,* 1950, Bd. I, Hft. 1, pp. 38–47.
Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque.* Paris, Klincksieck, 1968, T. 1, pp. 1–305; T. 2, 1970, pp. 307–607; T. 3, 1974, pp. 610–962.
Chlenov M. A. K etimologii etnonima dajak. *Murzaev E. M. (Ed.). Onomastika Vostoka*. Moskva, Glavnaia redaktsia vostochnoi literatury, 1980, pp. 238–241.
Christ W. *Geschichte der griechischen Litteratur.* München, Beck, 1890, 769 S.
Detschew D. *Die trakische Sprachreste.* Wien, Kommission bei R. M. Rohrer, 1957, 584 S.
Duridanov I. *Thrakisch-dakische Studien. I.* Sofia, Bulgarische Akademie der Wiss., 1969 (LB. T. XIII, 2), 103 S.
Davydov L. K. *Gidrografia SSSR.* Leningrad, Univ. Publ., 1955, T. 2, 600 p.
Demeter N. G. Etnonimia tsigan Evropeiskoi chasti SSSR. *Djarylgasinova R. Sh., Nikonov V. A. (Edd.). Etnicheskaia onomastika.* Moskva, Nauka Publ., 1984, pp. 28–35.
Djaukian G. B. Frakiitsy v Armenii. *Antichnaia balkanistika. Predvaritel'nye materialy k mezhdunarodnomu simpoziumu.* Moskva, Institut slavianovedenia i balkanistiki, 1984, pp. 11–12.
Duridanov I. *Ezikt na trakite*. Sofia, Nauka i izkustvo Publ.,1976, 166 p.
El'nitskij L. A. *Skifiia evraziiskikh stepei*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1977, 255 p.
Embaterion. Sbornik statei po iskusstvoznaniu, filologii, istorii. Semidesiatiletiu professora V. P. Yailenko posviaschaetsia / fakultet iskusstv MGU. Moskva, MTsNMO [MGU], 2011, 391 p.
Ernout A., Meillet A. *Dictionnaire étymologique de la langue latine.* Paris, Klincksieck, 1951, T. 2, pp. 668–1385.
Fischer A. K. *Erklärung der skythisch-sarmatischen Namen und Wörter aus der ungarischen Sprache.* Berlin, Drück von W. Schulze, 1917, Bd. 2, 162 S.
Fleischer R. H. *Artemis von Ephesos und verwandte Kultstatuen aus Anatolien und Syrien.* Leiden, Brill, 1973, 449 S.
Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch.* Heidelberg, Winter, 1954/65, Bd. 1, S. 1–384; Bd. 2, 1965–1970, S. 385–1154.
Gamkrelidze T. V., Ivanov Viach. Vs. *Indoevropeiskii iazyk i indoevropeitsy.* Tbilisi, Univ. Publ., 1984, T. 1, 429 p.; T. 2, 469–1329 p.
Georgiev V. *Issledovania po sravnitel'no-istoricheskomu iazykoznaniiu.* Moskva, Vostochnaia literatura Publ., 1958, 314 p.
Georgiev V. *Trakite i tekhniiat ezik.* Sofia, Bulgarskata Akademia na naukite Publ., 1977, 345 p.
Gindin L. A. Iazyk drevneishego naselenia yuga Balkanskogo poluostrova. Moskva, Nauka Publ., 1967, 197 p.
Gindin L. A. *Drevneishaia onomastika Vostochnykh Balkan.* Sofia, Bolgarskaia Akademia nauk Publ., 1981, 238 p.
GindinL. A., Tsymburskii V. L. *Gomer i istoria Vostochnogo Sredizemnomor'ia.* Moskva, Vostochnaia literatura Publ., 1996, 328 p.

Gocheva Z. (Ed.). *Izvori na istoriiata Trakiia i trakite*. Sofia, Bulgarskata Akademia na naukite, 1981, T. 1, 326 p.

Gruppe O. *Griechische Mythologie und Religionswissenschaft.* München, Beck, 1906, Bd. 1-2 (Handbuch der klassischen Altertumswissenschaf, Bd. V, 2).

Güterbock H.G. (Review). Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. 1950/51. Bd. I, Hft. 1. *Oriens*, 1952, Vol. V, 2, p. 347.

Haidu P. *Ural'skie iazyki i narody.* Moskva, Progress, 1985, 426 p.

Haas O. *Die phrygischen Sprachdenkmäler.* Sofia, Bulgarskata Akademia na naukite, 1966 (LB. T. X), 260 S.

Haas V. Medea und Jason im Lichte hethitischer Quellen. *Acta antiqua,* 1978, T. 26, S. 241–259.

Hansen B. *Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen.* Berlin, Akademie-Verlag, 1958, 321 S.

Ivanov Viach. Vs. Drevnie kulturnye i iazykovye sviazi yuzhnobalkanskogo i maloaziiskogo (anatoliiskogo) arealov. *Zalizniak A. A. (Ed.). Balkanskii lingvisticheskii sbornik.* Moskva, Nauka Publ., 1976, pp. 3–39.

Ivanov Viach. Vs., Toporov V. N. *Issledovania v oblasti slavianskikh drevnostei.* Moskva, Nauka Publ., 1974, 341 p.

Illich-Svitych V. M. *Opyt sravnenia nostraticheskikh iazykov.* Moskva, NaukaPubl., 1971, [T. 1], 369 p.

Istrin V. M. *Khronika Georgia Amartola v drevnem slavianorusskom perevode.* Leningrad, Akademia nauk SSSR Publ., 1930,T. 3, 348 p.

Jokl N. Thraker. *Reallexikon der Vorgeshichte.* Berlin, De Gruyter, 1929,Bd. 13, S. 278–298.

Kaloev B. A. (Ed.). *Skazania o nartakh. Osetinskii epos.* Tskhinvali, Iryston Publ., 1981, 399 p.

Khazanov A. M. Materinskii rod u sarmatov. *Vestnik drevnei istorii*, 1970, № 2, pp. 138–148.

Klimov G. A. *Vvedenie v kavkazskoe iazykoznanie.* Moskva, Nauka Publ., 1986, 208 p.

KosvenM. O. *Matriarkhat.* Moskva, Leningrad, Akademia nauk SSSR Publ., 1948, 329 p.

Kosian A. V. Luviitsy, frigiitsy, mushki. *Livshitz V. A. (Ed.). Istoria i iazyki Drevnego Vostoka.* S. Peterburg, Orientalia, 2002, pp. 187–196.

KotinaA. V. K voprosu o znachenii termina "amazonka". *Vakhtina M. Yu. (Ed.). Bosporskii fenomen.* S. Peterburg, Nestor-Istoria, 2011, pp. 646–649.

KotinaA. V. *Mif ob amazonkakh i ego razvitie v antichnoi tradizii.* Abstract. ofkandidat. diss. Belgorod, 2012. 28 p.

Kretschmer P. Die Stellung der lykischen Sprache I. *Glotta*, 1939, Bd. 27, S. 104 f.

Kullanda C. V. *Skify: iazyk i etnogenez.* Moskva, Univ. D. Pozharskii Publ., 2016, 215 p.

Kuznetsov V. A. *Nartskii epos i nekotorye voprosy istorii osetinskogo naroda.* Ordjonikidze, Ir Publ., 1980, 135 p.

Lapteva M. Yu. *U istokov drevnegrecheskoi tsivilizatsii. Ionia XI-VI vv. do n. e.* S. Peterburg, Gumanitarnaia akademia, 2009, 509 p.

Leonhard W. *Hettiter und Amazonen.* B. ; Lpz., 1911 (non vidi).

Leskinen A. N. Iz etnonimii vietov. *Djarylgasinova R. Sh., Nikonov V. A. (Edd.). Etnicheskaia onomastika.* Moskva, Nauka Publ., 1984, pp. 18–23.

Lexicon iconographicum mithologiae classicae. Zürich, München, Artemis, 1981,Vol. I, 2, 881p.

L'vov A. S. Iz leksikologicheskikh nabliudenii. *J.J. Varbot (Ed.). Etimologia 1965.* Moskva, Nauka Publ., 1967, pp. 189–195.

Marchenko I. I. *Siraki Kubani*. Krasnodar, Kubanskii Univ. Publ., 1996, 340 p.

Markovin V. I. Skifskie kurgany u selenia Goity (Tchetcheno-Ingushetia). *Sovetskaia arkheologia*, 1965, № 2, pp. 160–173.

Marquart J. Unterschungen zur Geschichte von Iran II. *Philologus*. 1896, Bd. 55, S. 212–240.

Masenko L. T. Richkovy nazvy baseinu Ingulu na tli gidronimii Pivdennoi Ukrainy. *Tsiluiko K. K. (Ed.). Pytannia onomastiki Pivdennoi Ukrainy*. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 96–102.

Mayor A. *The Amazons*. Princeton, University Press, 2014, 536 p.

Meletinskii E. M. *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa.* Moskva, Vostochnaia literatura Publ., 1963, 461 p.

Melikishwili G. A. *K istorii drevnei Gruzii.* Tbilisi, Akadimia nauk Gruz. SSR Publ., 1959, 510 p.

Menges K. *Vostochnye elementy v "Slove o polku Igoreve"*. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 265 p.
Meuli K. *Odyssee und Argonautika*. Berlin, Weidmann, 1921, 142 S.
Miller V. F. *Osetinskie etiudy.* Moskva, Univ. Publ., 1887, T. 3, 216 p.
Mladenov M. Nazvaniiata Iantra i Etr. *Bolgarski ezik.* 1968, T. 18, № 4/5, s. 436–437.
Moiseeva T. A. Tsarskaia vlast' u frigiitsev. *Vestnik drevnei istorii*, 1982, № 1, pp. 119–129.
Murzaev E. M. *Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov.* Moskva, Mysl' Publ., 1984, 653 p.
Narty. Kabardinskiiepos. Moskva, Detskaia literatura Publ., 1957, 383 p.
Neroznak V. P. Frakiiskie relikty v balkanskikh iazykakh. *Balkanskaia filologia.* Uchenye zapiski Leningr. Un-ta, T. 343 (seria filologich. nauk, vyp. 73), pp. 80–88.
Neroznak V. P. *Paleobalkanskie iazyki*. Moskva, Nauka Publ., 1978, 230 p.
Nevskaia L. G. *Baltiiskaia geograficheskaia terminologia.* Moskva, Nauka Publ., 1977, 227 p.
Nikonov V. A. *Kratkii toponimicheskii slovar'.* Moskva, Mysl' Publ., 1966, 509 p.
Nikonov V. A. Etnonimy Dal'nego Vostoka SSSR. *Djarylgasinova R. Sh., Nikonov V. A. (Edd.). Etnicheskaiaonomastika*. Moskva, Nauka Publ., 1984, pp. 44–69.
Otkupschikov Yu. V. *Dogrecheskii substrat.* Leningrad, Univ. Publ. , 1988, 261 p.
Otkupschikov Yu. V. Ἐξαμπαῖος і Ἰγδαμπαίης. *Mezhdunarodny i simposium "Antichnaia balkanistika 6" Etnogenez narodov Vostochnoi Evropy... Tezisy dokladov.* Moskva, Institut slavianovedenia i balkanistiki, 1988a, pp. 35–37.
Pape W., Benseler G. E. *Wörterbuch der griechischen Eigennamen.* Braunschweig, Verlag von F. Bieweg, 1884, Bd. 1-2, 1710 S. (Пагинациясплошная).
PashutoV. T. (Ed. Narody nashei strany v "Istorii" Gerodota. Moskva, Nauka Publ., 1982, 453 p.
Pavsanii. *Opisanie Ellady. Perevod S. P. Kondrat'eva.* Moskva, Leningrad, Iskusstvo Publ., 1940, T. 2, 591 p.
Petrov V. I. *Skify. Mova i etnos.* Kyiv, Naukova dumka Publ., 1968, 148 p.
Petruk V. I. *Skifs'kii sakral'nyi tsentr Eksampai v konteksti kul'turnoi spsdschiny Ukrainy.* Abstract. ofkandidat. diss. Kyiv, Univ. Publ., 2005.
PetrukV. I. Eksampei – sakral'nyi tsentr Velykoi Skifii. *Istorichnyi zhurnal,* 2005a, № 3, pp. 110–116.
Plutarchus. *Moralia. Ediderunt M. Polenz, W. Sieveking.* Lpz, Teubner, 1972, Vol. 3, 542 p.
Poghirc C. La valeur phonétique de l'oscillation graphique thrace a/e à la lumière des données des langues balkaniques modernes. *Studii clasice.* Bucureşti, 1961, T. 3, pp. 33–37.
Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch.* Bern, Francke Verlag, 1959, Bd. 1, 1183 S.
Podosinov A. V. K voprosu ob istokakh Tanaisa. ZinkoV. N. (Ed.). *Bosporskie issledovania.* Kertch, Tsentrarkheol. issledovanii, 2015, Vyp. 31, pp. 315–324.
Popov A. I. *Nazvania narodov SSSR.* Leningrad, Nauka Publ., 1973, 167 p.
Pritchett W. K. *Studies in Ancient Greek Topography.* Berkeley, Los Angeles, University of Caliphornia Press, 1982, Pt. 4, 285 p.
Probonas J. K. Protogrecs en Thrace. *I. Venedikov (Ed.). Pulpudeva.* Sofia, Academie bulgare des sciences, 1976, T. 1, pp. 213–217.
Prokosch E. *Sravnitel'naia grammatika germanskikh iazykov.* Moskva, Inostrannaia literatura, 1954, 376 p.
Propp V. Ia. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki.* Leningrad, Univ. Publ., 1986, 365 p.
Radlov V. V. *Opyt slovaria tiurkskikh narechii.* S. Peterburg, Akademia nauk Publ., 1893,T. 1, 1914 p.
Reder D. G. Vostochnye teksty. *Vestnik drevnei istorii.* 1947, № 1, pp. 263–279.
Robert C. *Die griechischen Heldensagen.* Berlin, 1921 (In: Preller L. Griechische Mythologie. Bd. III, Buch 3, Abt. 1. Die Argonauten, S. 757–968).
Rybakov B. A. *Gerodotova Skifia.* Moskva, Nauka Publ., 1979, 246 p.
Sazanov A. V. K izucheniu teonimii Bosporskogo tsarstva. *Djarylgasinova R. Sh., Nikonov V. A. (Edd.). Etnicheskaia onomastika.* Moskva, Nauka Publ., 1984, pp. 157–163.
Shapiro H. A. Amazons, Thracians, and Scythians. *Greek, Roman and Byzantine Studies,* 1983, pp. 105–114.
Shaub I. Yu. Amazonki na Bospore. *Skifia i Bospor.* Novocherkassk, 1989, pp. 79–88.
Shestakov S. P. Kiklicheskie poemy i gomerovskie gimny. *Sobolevskii S. I. (Ed.). Istoria drevnegrecheskoi literatury.* Moskva, Leningrad, Akademia nauk SSSR Publ., 1946, T. 1, pp. 153–163.

Shesterkina N. V. Sootnoshenie kontseptov “svetlyi” – “sviatoi” v russkom iazyke. *Lingua mobilis*, 2010, № 3 (22), pp. 103–108.

Shilik K. K. Geograficheskie aspekty soobschenia Gerodota o gor’kom istochnike na Gipanise. Piotrovskii B.B. (Ed.). *Problemy antichnoi istorii i kultury.* Erevan, Akademia nauk Arm. SSR, 1979, T. 2, pp. 450–456.

Skripnik T. A. Amazonki v antichnoi tradizii. *Izvestia Rostovskogo oblastnogo muzeia kraevedenia*. Rostov na Donu, 1988, Vyp. 5, pp. 29–39.

Slovar’ RIa, 1990. *Romanova G. Ia. (Ed.). Slovar’ russkogo iazyka XI-XVII vv.* Moskva, Nauka Publ., 1990, Vyp. 16, 294 p.

Strizhak O. S. (Ed.). *Etimologichnyi slovnik litopisnykh geografichnykh nazv Pivdennoi Rusi.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1985, 253 p.

Taronian G. A. *Drevnii Vostok v antichnoi i rannekhristianskoi traditsii (India, Kitai, Yugo-Vostochnaia Asia). Podbor tekstov, perevod s drevnegrecheskogo i latinskogo... G. A. Taroniana.* Moskva, Ladomir, 2007, 639 p.

Tiukhtina (Kotina) A. V. Verkhovnoe zhenskoe bozhestvo amazonok v mifologicheskoi traditsii. *Bolgov N. N. (Ed.). Klassicheskaia i vizantiiskaia traditsia.* Belgorod, Univ. Publ., 2008, pp. 147–149.

Tolstoi I. I. *Ostrov Belyi i Tavrika.* Petrograd, 2-ia gos. tipografia, 1918, 162 p.

Toporov V. N. K drevnebalkanskim sviaziam v oblasti iazyka i mifologii. *Zalizniak A. A. (Ed.). Balkanskii lingvisticheskii sbornik.* Moskva, Nauka Publ., 1977, pp. 40–58.

Toporov V. N. Dr.-grech.Σπάρτηι frak. spart-.*Simpozium “Antichnaia balkanistika”. Predvaritel’nye materialy, tezisy dokladov.* Moskva, Institut slavianovedenia i balkanistiki, 1980, pp. 55–59.

Tresidder J. *Slovar’ simvolov*. Moskva, Grand, 1999, 444 p.

Trever K. V. *Ocherki po istorii i kul’ture kavkazskoi Albanii.* Moskva, Leningrad, Akademia nauk SSSR Publ., 1959, 390 p.

TrubachevO. N. *Nazvania rek pravoberezhnoi Ukrainy.* Moskva, Nauka Publ., 1968, 289 p.

TrubachevO. N. *Indoarikaca v Severnom Prichernomorie.* Moskva, Nauka Publ., 1999, 319 p.

Tugolukov V. A. Tungusy i lamuty na Severo-Vostoke Sibiri. *Djarylgasinova R. Sh., Nikonov V. A. (Edd.). Etnicheskaia onomastika.* Moskva, Nauka Publ., 1984, pp. 35–38.

Vasmer M. *Etimologicheskii slovar’ russkogo iazykaq*. Moskva, Progress, 1964,T. 1, 562 p.; T. 2, 1967, 671 p.; T. 3, 1971, 827 p.

Vakhtina M. Yu. Grecheskaia raspisnaia keramika iz raskopok Nemirovskogo gorodischa. *Arkheologia*, 1996, № 4, pp. 85–93.

Vakhtina M. Yu. Osnovnye kategorii grecheskoi importnoi keramiki iz raskopok Nemirovskogo gorodischa. *MAIET*. 1998, T. 6, pp. 122–139.

Vakhtina M. Yu. Grecheskaia stolovaia keramikaVI v. do n. e. iz raskopok Nemirovskogo gorodischa v Pobuzh’e. *Zuev V. Yu. (Ed.). ΣΥΣΣΙΤΙΑ*. S. Peterburg, Aleteia Publ., 2000, pp. 209–217.

Vakhtina M. Yu., Kashuba M. T. Obosobennosti akhgreko-varvarskikh kontaktov nachal’noi pory grecheskoi kolonizatsii Severnogo Prichernomor’ia v svete izucheniia materialov Nemirovskogo gorodischa. *Vakhtina M. Yu. (Ed.). Bosporskii fenomen.* S. Peterburg, Nestor-Istorija Publ., 2013, pp. 371–378.

Vanagas A. *Lietuvių hidronimų etimologinis žodinas.* Vilnius, Mosklas, 1981, 408 p.

Vasmer M. *Die Iranier im Südrussland.* Lpz., Markert und Petters, 1923.

Vinogradov V. B. *Zentral’nyi i Severo-Vostochnyi Kavkaz v skifskoe vremia.* Groznyi, Tchetcheno-Ingush. Publ., 1972, 389 p.

Vinogradov V. B. Opisanie Severnogo Kavkaza v “Geografii” Strabona. *Izvestia Severo-Kavkazskogo nauchnogo zentra vysshei shkoly. Obschestvennye nauki.* Rostov na Donu, 1975, № 4, pp. 36–43.

Vlahov K. Der Grad des Einflusses der griechischen Sprache auf die Thrakische. *LB,* 1972, T. XVI, 1, pp. 15–37.

Volkova N. G. O nazvaniiakh azerbajdzantsev na Kavkaze. *Murzaev E. M. (Ed.). Onomastika Vostoka.* Moskva, Glavnaia redakzia vostochnoi literatury, 1980, pp. 208–210.

Werner J. Das "Kolchische" und das Thrakische. *Klio*, 1981, Bd. 63, S. 263–280.
Yailenko V. P. Graffiti Levki, Berezani i Ol'vii. *Vestnik drevnei istorii*, 1980, № 3, pp. 75–116.
YailenkoV. P. K voprosu ob identifikatsii rek i narodov Gerodotovoi Skifii. *Sovetskaia etnografia,* 1983, № 1, pp. 54–65.
YailenkoV. P. Lokalizatsia i proiskhozhdenie kallipidov-miksellinov. *Tezisy dokladov konferentsii "Problemi istorii ta arkheologii starodavn'ogo naselennia URSR"*. Kyiv, 1989.
YailenkoV. P. *Atkhaicheskaia Gretsia i Blizhnii Vostok.* Moskva, Glavnaia redaktsia Vostochnoi literatury, 1990, 269 p.
YailenkoV. P. *Tysiacheletnii Bosporskii reikh. Istoria i epigrafika Bospora VI v. do n. e. – V v. n. e*. Moskva, Grif Publ., 2010, 737 p.
YailenkoV. P. *Ocherki etnicheskoi, politicheskoi i kul'turnoi istorii Skifii VIII–III vv. do n. e.* Moskva, Onebook Publ., 2013, 345 p.
YailenkoV. P. Frako-dakiiskaia i illiriiskaia toponimika Severnogo Prichernomoria (Skifii i Sarmatii). *Maslennikov A. A. (Ed.). Drevnosti Bospora,* 2014, T. 18, pp. 478–522.
YailenkoV. P. Toponimika i etnonimia antichnogo Bospora. *Maslennikov A. A. (Ed.). Drevnosti Bospora*, 2015, T. 19, pp. 386–458.
YailenkoV. P. Ol'viiskii gimn VI v. do n. e. ZinkoV. N. (Ed.). *Bosporskie issledovania*. Kertch, Tsentr arkheol. issledovanii, 2015, Vyp. 31, pp. 88–99.
YailenkoV. P. *Istoria i epigrafika Ol'vii, Khersonesa, Bospora VII v. do n. e. – VII v. n. e.* S. Peterburg, 2016 (in print).
Yanko M. T. *Toponimichnyi slovnyk-dovidnyk Ukrains'koi RSR.* Radians'ka shkola Publ., 1973, 179 p.

Резюме

Автор предлагает этимологическое исследование этнонимов Алазоны (Гализоны), Амазонки и названия местности и родника Эксампей на Гипанисе-Буге в качестве фракийских по происхождению. Форма Halizōn с начальным аспирированным указывает на первоначальное *s-*; хотя во фракийском языке индоевр. *s-* сохраняется, есть ряд ономастических примеров с переходом *s>h* (это обусловлено его слабым произношением: *s>h> 0*). Это дает основание вывести форму Halizōn (>Alizōn) из этимона *Salizōn, который представлен во фракийском личном имени Salazōn. Вторая часть этого имени -zōn– это сокращенная форма фракийского слова *zenes «рожденный», так что Salazōn происходит из *Σαλα-ζενες. Согласно Н. Иоклю, фрак. *sala родственно литовскому salà «село, деревня», стало быть, Salazōn (>Halizōn, Alizōn) означает «рожденный в селе», чему есть примеры в общей этнонимике.

По сообщению Страбона (XII, 3, 21), некоторые писатели смешивали имена алазонов и амазонок. Автор статьи полагает, что эти этнонимы содержат одно и то же фракийское слово *zenes (diminut. -zōn). Что до первой части имени амазонок, то уже давно в ней видели имя «Великой Матери» Ama, так что Amazōn означает «рожденный Великой Матерью». Фракийцы издревле обитали на территории Греции и Северо-Западной Анатолии, они прилагали это имя к тем туземным народам, у которых сохранялись черты матриархального строя (ликийцы, лидийцы и др.). Греки позаимствовали у фракийцев термин Amazōn и, как выяснил В. Леонхард, обозначали им анатолийские народы. Особо автор исследует сообщение Страбона (XI, 5, 2) об амазонках Северного Кавказа, которые воевали с некими гаргарейцами, фракийцами и евбейцами. По мнению автора, евбейцы – это древние насельники Евбеи фракийские абанты, гаргарецы – обитатели Северо-Западной Анатолии.

Есть ряд указаний на проникновение фракийцев в Закавказье и на Северный Кавказ, так что эти фракийские мигранты прозывали амазонками местное северокавказское население, у которых были женщины-воительницы и черты матриархата. В нартовском эпосе северокавказских народов есть сказания о девушках-воинах, в том числе об их сражениях с великанами-уаигами. В историческом плане это имплицитно сохраненная память о войнах северокавказского населения с фракийскими пришельцами (в греческом этноним абантов имеет также значение «колоссы»).

Название горького водного источника и местности Эксампей также может быть фракийским. Его основа – фрак. *xanth- «белый, светлый» и *apa«вода, река, источник», ca-privativum. Развитие названия таково: *a-xanth-apai- >e-xanth-pai- >e-xam-pai-, со следующими фонетическими преобразованиями: a>e, xanth-apai- >xanth-pai- >xan-pai>xam-pai-. Следовательно, Exampai-os означает «несветлая вода». По Геродоту, Эксампей расположен в земле алазонов, а по сведениям Мелы и Солина – в самом низовье Гипаниса, у моря. Это означает, что были два источника по имени Эксампей, северный и южный. Около северного располагалось скифское святилище, южное было с гнилостной водой (около такого не может быть святилища).

Ключевые слова: Скифия, Фракия, алазоны, амазонки, Эксампей.

Summary

The author proposes an etymological investigation of the ethnic namesthe Alazonians – Halizonians, the Amazons, and of name of the water source and locality Exampaios near the Hypanis river, as Thracian by origin. The form Halizonians indicates to primary initial *s*-; although the Thracian language serves the Indoeurop. *s*, there are some place-names with *s* > *h* (weekly pronunciated *s* > *h* > *0*). So the form Halizōn (> Alizōn) derives from *Salizōn, which is living in the Thracian personal name Salazōn. Its second part -zōn is shortened form of Thracian word *zenes “a born”. So Salazōn derives from *Σαλα-ζενες. According toN. Jokl, the Thracian *sala is allied the Lithuanian word salà “village”, that is Salazōn (Halizōn, Alizōn) means “a village born”. Such a meaning is common in general ethnonymics.

Strabo (XII, 3, 21) says that some writers have mixed names of the peoples Alazonians and Amazons. The author supposes these names contain the same Thracian word *zenes (diminutive -zōn). Long ago there is supposed that the initial Ama- is name of “Grate Mother” divinity. So Amazōnmeans “born by Grate Mother”. The Thracians are old inhabitants of Greece and North-West Anatolia, they have applied this name to a native populations with matriarchal features (Lycians, Lydians etc.). The Greeks have borrowed this Thracian term Amazōn and, as W. Leonhard have pointed out, they have given this name to the native Anatolian nations. Especially, the author investigate Strabo’s account (XI, 5, 2) on the North Caucasian Amazons who were in struggle with the certain Gargareans, Thracians and Euboeans. Author supposes the Euboeans are old Thracian Abantes, theGargareans are people of North-West Anatolia. There are some indications on penetration of the Thracians into Transcaucasia and North Caucasus. So these Thracians have given name Amazons to the North Caucasian population with his women-warriors and matriarchal features. The Nart folk tales of the North Caucasus talk thewomen-warriors about, especially the wars with the giants. Historically, it’s memory about the struggles between Thracian migrants and North Caucasians (in Greek, the Abantes mean also “colosses”).

The name of the bitter water source and locality Exampaios also may be Thracian. The base of the name is Thracian words *xanth- “white, clear” and *apa “water, river, source”, with a-privativum. So *a-xanth-apai- >e-xanth-pai- >e-xam-pai-, with phonetical development: a >e,xanth-apai- >xanth-pai- > xan-pai >xam-pai-. Consequently,Exampai-osmeans “unclearwater”. According to Herodot, Exampaios lays in Alazonic land, but Mela and Solin locate it in the lowest Hypanis beside sea. Itmeansthattherearetwowatersources named Exampaios, the northern and the southern.Nearby the first there was a Scythian sanctuary, the latter had a foul water (a sanctuary can’t be near one bitter water source).

Key words: Scythia, Thracia, the Alazonians, the Amazons, Exampaios.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Яйленко Валерий Петрович,
д.и.н.,
Московский педагогический гос. университет, Россия, Москва,
профессор,
8(499)6763156,
valeryjailenko@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Yailenko Valery, DSc,
Moscow Pedagogic State Vniversity,
Russia, Moscow, Prof.
8(499)6763156,
valeryjailenko@gmail.com

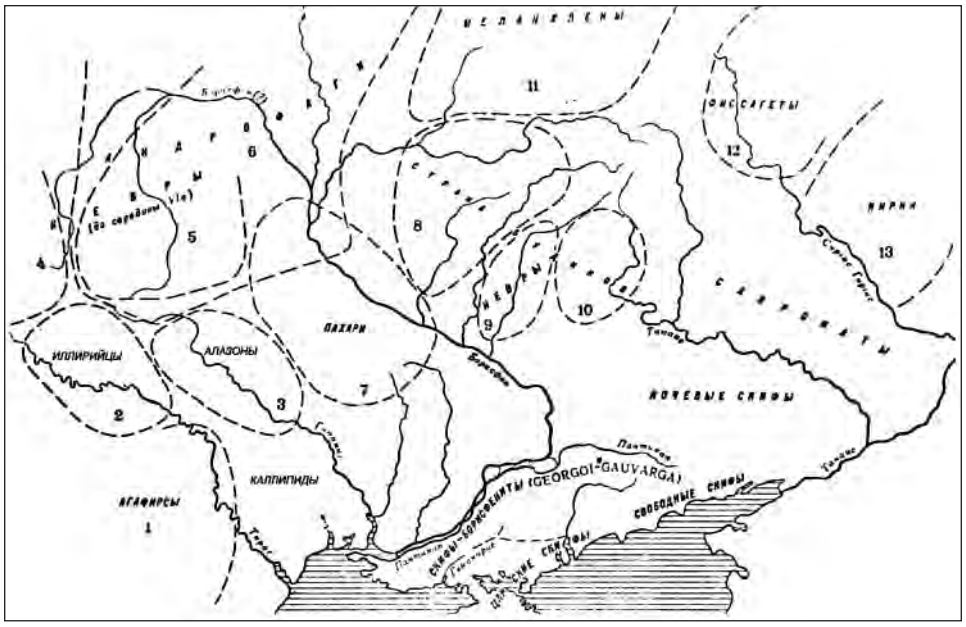


Рис. 1. Народы и реки Геродотовой Скифии,
соотнесенные с группами скифских археологических памятников VI–III вв. до н.э.

Цифрами обозначены археологические культуры: 1 - молдавская группа, 2 - западноподольская,
3 - восточноподольская, 4 - поздневысоцкая, 5 - волынская, 6 - милоградская,
7 - киевская, 8 - посульская, 9 - поворсклинская, 10 - северскодонецкая,
11 - юхновская, 12 - воронежские курганы, 13 - среднедонская культура.
[Яйленко, 2013, с. 160, с использованием: Рыбаков, 1979, с. 107].

Ю.А. ВИНОГРАДОВ, С.В. КАШАЕВ
IU.A. VINOGRADOV, S.V. KASHAEV

АНТИЧНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ АРТЮЩЕНКО-1 И АРТЮЩЕНКО-2 НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ. К ОЦЕНКЕ МАСШТАБОВ ПРИРОДНОГО РАЗРУШЕНИЯ

ANCIENT SETTLEMENTS ARTIUSHCHENKO 1 AND ARTIUSHCHENKO 2 ON THE TAMAN PENINSULA. TO ASSESS THE EXTENT OF NATURAL DAMAGE

Два поселения, Артющенко-1 и Артющенко-2, расположенные на Таманском полуострове, стали объектами систематического археологического изучения Боспорской экспедицией Института истории материальной культуры РАН с 1998 г. За это время были получены многочисленные материалы, характеризующие их экономический и культурный облик [Батасова, 2015]. Оба поселения находятся непосредственно на обрывистом берегу Черного моря и подвергаются интенсивному разрушению по причине активной береговой абразии.

Поселение Артющенко-1 является весьма крупным (рис. 1), его площадь достигает 6 га, мощность культурных напластований составляет около 1 м. Результаты археологических исследований демонстрируют, что оно не носило стационарного характера: люди приходили сюда лишь на время проведения сезонных полевых или иных работ. Помимо этого, следует обратить внимание, что существование поселения не было непрерывным – по каким-то причинам население покидало его на долгое время (до столетия или даже более), но затем возвращалось вновь. По этой причине в его истории выделяется 6 периодов: архаический (последняя треть VI – первая треть V вв. до н.э.), классический (вторая – третья четверти IV в. до н.э.), эллинистический (вторая половина III – первая половина II вв. до н.э.), римский (I–III вв.), постготский (IV в. н.э.), салтово-маяцкий (VIII–IX вв.). Ещё одна любопытная особенность связана с тем, что площадь памятника делится глубокой балкой на две части (восточную и западную), при этом в восточной части существование поселения относится ко времени до н.э., а в западной – к первым векам н.э. [Виноградов, 2013а; Vinogradov, Lebedeva, 2005; Vinogradov, 2015].

В восточной части раскопки велись на участке II, общая площадь которого достигает около 1080 кв. м. Архаические комплексы на нём представлены многочисленными ямами и самыми простыми, примитивными постройками типа полуземлянок [Виноградов, 2002а]. Все они концентрируются приблизительно в центре раскопа, вдоль береговой линии и заходят в глубь памятника (т.е в северном направлении) всего на 25 м. На удалении 30 м они практически отсутствуют, хотя на плане Я.М. Паромова северная граница памятника отнесена здесь на 150 м от берега. Во всех архаических ямах и полуземлянках было обнаружено очень много лепной посуды, характерной для варварских племен Прикубанья, по существу,

каждый второй черепок, если не считать амфорные, является лепным [Виноградов, 2006]. По этой причине было сделано заключение, что основными насельниками здесь были выходцы из варварской среды, приходившие на время проведения земледельческих работ.

В классический период интенсивность жизни на поселении была заметно слабей. Ямы и полуземлянки этого времени занимают полосу в 15–20 м от берега моря.

Во второй половине III – первой половине II вв. до н.э. на поселении функционировала мастерская по обогащению железной руды и производству железа [Виноградов, 2010]. Ее площадь на изученной части приблизительно соответствует площади поселения классического времени. С этим производственным комплексом связано святилище, из которого происходит большое количество терракот и иных культовых объектов [см.: Виноградов, 2007; 2008; Новикова, 2007; Vakhtina, Vinogradov, Goroncharovskiy, 2010б p. 370–373]. Здесь обнаружено также немалое количество монет [Виноградов, Терещенко, 2009].

Вполне возможно, что кой-какая жизнь теплилась на памятнике вплоть до I в. до н.э., но новый этап в его истории связан с существованием сезонного земледельческого поселения в западной части памятника. Оно возникло в I в. н.э., процветало во II–III вв. и даже существовало в постготское время, т.е. в IV в. Основные исследования здесь были сосредоточены на участке I, общая площадь которого составляет около 1250 кв. м.

Зона обитания римского времени изучалась линиями квадратов вдоль морского побережья при максимальном удалении от него на 25 м. На всей этой площади насыщенность участка строительными остатками – разными типами полуземлянок [Виноградов, 2013б] и ямами – приблизительно одинакова (рис. 2). Наилучшей сохранностью отличается полуземлянка, относящаяся к IV в. [Виноградов, 2011]. С 2012 г. на участке проводится изучение большой по площади глинобитной площадки с сосредоточенными на ней обгоревшими зернами злаковых (рис. 3), которая сейчас интерпретируется как молотильный ток II–III вв. [Виноградов, 2015].

Исследования в западной части раскопа I, а также на раскопе VII привели к открытию поселения, относящегося к салтово-маяцкому времени [Виноградов, 2002б]. Оно в основном было застроено круглыми в плане полуземлянками. На участке VI, однако, удалось обнаружить часть наземного комплекса с огромным пифосом в одном из помещений.

Не вызывает сомнения при этом, что зона обитания в этой части поселения распространяется дальше к северу, по крайней мере, на 100 м (на плане Я.М. Паромова северная граница отдалена от берега на 250–300 м). Вполне очевидно, что археологический памятник в западной части Артющенко-1 был крупней, чем более ранние памятники восточной части. Объяснение этому факту, очевидно, надо искать не только в его размерах. Не следует упускать из виду то обстоятельство, что оно по причине своего позднего возникновения подвергалось разрушению в результате обрушения берега приблизительно на 500 лет меньше.

В отношении восточной части Артющенко-1 следует признать, что территория этого поселения или, правильнее сказать, поселений, существовавших здесь в доримское время, уничтожена береговой абразией почти полностью. Археологам досталась лишь их окраина. Западная или римская часть тоже пострадала от природных разрушений, но сохранилась намного лучше.

Поселение Артющенко-2 находится примерно в 2-х км к западу от Артющенко-1. По площади оно значительно крупней первого – около 20 га (по плану Я.М. Паромова), культурный слой тоже мощней (рис. 4).

Этот памятник представляет большой интерес по той причине, что рядом с ним располагается некрополь Артющенко-2, раскопки на котором привели к открытию весьма богатых и выразительных погребальных комплексов V–IV вв. до н.э. [Кашаев, 2009; 2010; 2013; 2014].

На поселении Артющенко-2 археологические исследования были проведены на 7 раскопочных участках. Раскоп I был заложен у края берегового обрыва, исследования здесь проводились в 1998–2000 гг. После мощного обрушения берегового обрыва в 2010 г. раскоп I был полностью уничтожен абразией.

Максимальная мощность культурного слоя на так называемом «мысу» достигает 1,8–2,1 м, далее она уменьшается до 1,20 м. На площади 530 кв. м были исследованы 21 хозяйственная яма и развал глиняной обмазки стен какой-то наземной турлучной постройки. Материалы из ям относятся к концу VI–IV вв. до н.э. [Стоянов, 2010].

Раскоп II также находится у края обрыва, к западу от раскопа I (примерно между Р. I и Р. VII). Исследования здесь проводились в 1998 г. В настоящее время контуры раскопа II можно обнаружить на краю берегового обрыва.

Площадь этого участка составила всего 75 кв. м, т.к. грунт в этой части памятника оказался очень плотным. Мощность слоя достигает 1,3 м. Ни каких-либо строительных комплексов, ни ям здесь не обнаружено. Находки в слое датировались началом V – IV вв. до н.э.

Раскоп III расположен на морском берегу к востоку от Р. I. Исследования здесь проводились в 1999 и 2013 гг. В настоящее время контуры раскопа можно обнаружить на краю берегового обрыва.

Площадь Р. III составляет около 145 кв. м, мощность напластований – до 1,45 м. В результате проведенных исследований было обнаружено 7 хозяйственных ям, относящихся к третьей четверти V – IV вв. до н.э. (рис. 5).

Раскоп IV был заложен к югу от Р. I, на пологом склоне, спускающемся к морскому берегу. Исследования здесь проводились в 2000 и 2002 гг. После обрушения берегового склона в 2003 г. раскоп был полностью уничтожен.

Площадь Р. IV составила 25 кв. м, мощность напластований – около 1 м. Здесь раскопаны 2 ямы второй половины VI – начала V вв. до н.э.

Раскоп V является самым северным, он заложен в наиболее возвышенной части памятника, на расстоянии примерно 350 м от берега. Исследования здесь проводились в 2009 и 2010 гг., вскрытая площадь составляет 150 кв. м, мощность напласто-

ваний – от 0,60 до 0,85 м. Во время раскопок удалось открыть 3 ямы, относящиеся к IV в. до н.э., и десяток крупных аморфных углублений, вероятно, связанных с деятельностью рудокопов по добыче железной руды (рис. 6). Эти углубления можно датировать в пределах второй половины III – первой половины II вв. до н.э. Среди уникальных находок с этого участка – бронзовый кимвал [Виноградов, 2013в].

Раскоп VI находится в 100 м от берега. Исследования проводились в 2013 и 2014 гг. В настоящее время этот участок полностью засыпан и рекультивирован.

На раскопе VI вскрыта площадь около 200 кв. м, мощность напластований составляет до 1,20 м. На участке удалось исследовать котлован небольшой полуземлянки, вырытый в культурном слое и засыпанный в конце IV в. до н.э., а также 2 ямы, относящиеся к концу VI – первой четверти V вв. до н.э. Помимо этого, были найдены 2 примитивных алтарика, сделанных из вкопанных в землю нижних частей хиосских «колпачковых» амфор [Виноградов, 2015].

Раскоп VII был заложен в западной части памятника. Исследования здесь были проведены в 2014 г. В настоящее время его контуры можно обнаружить на краю берегового обрыва.

Площадь Раскопа VII составляет около 100 кв. м, мощность культурных напластований – от 0,30 до 1 м. Никаких строительных остатков или ям здесь не зафиксировано; керамические находки из слоя относятся к V–IV вв. до н.э.

В общей сложности на поселении Артющенко-2 вскрыта площадь около 1200 кв.м, обнаружено 45 хозяйственных ям, 1 котлован полуземлянки и ряд других комплексов.

Таблица 1. Исследования на поселении Артющенко-2 по годам (раскопы, площади и количество комплексов).

Номер раскопа	Годы исследований	Площадь кв.м	Количество построек	Количество хозяйств. ям
1	1998–2000	530	0	21
2	1998	75	0	0
3	1999, 2013	145	0	7
4	2000, 2002	25	0	2
5	2009, 2010	135	0	13
6	2013, 2014	177	1	2
7	2014	96	0	0
Всего	1998–2014	1183	1	45

Можно отметить, что на исследованных участках, расположенных в южной части поселения (раскопы 1, 2, 3, 4), т.е. ближе к береговому обрыву, ранние находки (конца VI–V вв. до н.э.) преобладают. На участках, расположенных севернее (раскопы 5, 6), преобладают материалы более позднего времени (IV–II вв. до н.э.).

Оценивая результаты многолетних раскопок поселения Артющенко-2, можно признать, что ни один из исследованных участков не дает картины его постоянного обитания. Полученные материалы, однако, никак не позволяют считать, что в его существовании на протяжении конца VI – начала III вв. до н.э. были какие-то перерывы. Немногочисленные хозяйственные ямы и временные алтарики могут служить указанием на то, что исследованная площадь находилась за пределами поселения, представляя собой его окраину, скорее всего, неблизкую. Единственная полуземлянка была отрыта на участке VI в культурном слое, она явно просуществовала недолго и была засыпана, как уже было сказано, приблизительно на рубеже IV–III вв. до н.э. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что культурный слой накапливался на памятнике с конца VI, в V и IV вв. до н.э. С другой стороны, можно считать, что если на окраине поселения накопился такой культурный слой, то само это поселение было очень крупным. Напомним, что в прибрежной части (Р. I) мощность напластований достигает 2,10 м и постепенно понижается в северном, восточном и западном направлениях. С большим сожалением приходится признать, что к настоящему времени основная площадь поселения полностью разрушена в результате береговой абразии.

Есть все основания считать, что Артющенко-2 было большим, стационарным поселением. У нас нет сомнений, что к нему относится одноименный некрополь. Логично предполагать, что поселенцы могли строить свои жилища и хозяйственные постройки непосредственно на морском берегу, а некрополь надо было располагать в отдаленности от него. В наши дни некрополь тоже страдает от береговой абразии, но его сохранность в сравнении с поселением все-таки намного лучше.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Батасова А.В. Сравнительная характеристика сельских поселений Азиатского Боспора (на примере памятников Артющенко-1 и Артющенко-2) // Записки ИИМК. РАН. № 12. 2015. С. 146–155.

Виноградов Ю.А. Архаические комплексы поселения Артющенко-I // Таманская старина. Вып. 4. СПб, 2002а. С. 61–66.

Виноградов Ю.А. Салтово-маяцкие комплексы поселения Артющенко-I на Таманском полуострове // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. 2002б. Т. I (XXVI). С. 73–81.

Виноградов Ю.А. Лепная керамика архаического времени с поселения Артющенко-I на Таманском полуострове // Записки ИИМК РАН. № 1. 2006. С. 69–76.

Виноградов Ю.А. Культовые комплексы поселения Артющенко-I на Таманском полуострове // БЧ. VIII. Керчь, 2007. С. 62–65.

Виноградов Ю.А. Терракотовые статуэтки с изображением актера и музыкантов с поселения Артющенко-I на Таманском полуострове // Инструментальная музыка в межкультурном пространстве. Проблемы артикуляции. СПб: Астерион, 2008. С. 181–184.

Виноградов Ю.А. Железоделательная мастерская на поселении Артющенко-I (Таманский полуостров) // БЧ. XI. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 2010. С. 80–84.

Виноградов Ю.А. Комплекс IV в. н.э. на поселении Артющенко-I (Таманский полуостров) // Европейская Сарматия. Сборник, посвящённый Марку Борисовичу Щукину. СПб: Нестор-историк, 2011. С. 314–320.

Виноградов Ю.А. Основные итоги изучения поселения Артющенко-I (Таманский полуостров) // ПИФК. 2013а. № 2. С. 233–241.

Виноградов Ю.А. Строительные комплексы римского времени на поселении Артющенко-I (Таманский полуостров) // III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Материалы международной археологической конференции. Краснодар: Вика-Принт, 2013б. С. 25–30.

Виноградов Ю.А. Кимвал из раскопок поселения Артющенко-2 на Таманском полуострове // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвящённый 65-летию профессора В.П. Копылова /отв. ред. А.Н. Коваленко. Ростов-на-Дону, 2013. С. 146–148.

Виноградов Ю.А. Новые раскопки античного поселения Артющенко–2 на Таманском полуострове (участок VII) // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и филологии. 2014. Вып. VII. С. 141–151.

Виноградов Ю.А. Об открытии молотильного тока на поселении Артющенко-1 (Таманский полуостров) // Таврические студии. № 7 (2015). Международная научно-практическая конференция «Археология и история Боспора». К 70-летию Боспорской экспедиции (Пантикапей). 13-14 августа 2015 г., Керчь / ред. Г.Н. Гржибовская. Симферополь, 2015. С. 43–45.

Виноградов Ю.А., Терещенко А.Е. Монеты с поселения Артющенко-I на Таманском полуострове // БИ. 2009. Вып. XXII. С. 135–149.

Кашаев С.В. Некрополь Артющенко–2 // БИ. Вып. XXII. Симферополь-Керчь, 2009. С. 188–267.

Кашаев С.В. Исследования некрополя Артющенко-2 в 2007-2008 гг. // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новые находки и открытия. Вып. 1. Москва-Киев, 2010. С. 88–96.

Кашаев С.В. О хронологии погребальных комплексов некрополя Артющенко-2 // БФ. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. Материалы Международной научной конференции. СПб, 2013. С. 82–86.

Кашаев С.В. Анализ некоторых групп инвентаря из некрополя Артющенко-2 // БИ. Вып. XXX. Симферополь-Керчь, 2014. С. 363–381.

Новикова А.Н. Изображение силена из Артющенко I // БФ: Сакральный смысл региона, памятников, находок / отв. ред. В.Ю. Зуев. Т. I. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 207–210.

Стоянов Р.В. Материалы конца VI – начала III вв. до н.э. из раскопок поселения Артющенко 2 в южной части Таманского полуострова // АМА. 2010. Вып. 14. С. 218–237.

Vakhtina M.Yu., Vinogradov Yu.A., Goroncharovskiy V.A. Cult complexes discovered by the Bosporan expedition of the Institute for History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg) // Ancient Sacral Monuments in the Black Sea /ed. A. Maslennikov, E. Petropoulos. Thessaloniki, 2010. P. 367–398.

Vinogradov Yu.A. Excavations at the Settlement of Artyuschenko-I (Bugazskoe) on the Taman Peninsula // Hyperboreus. 2015. Vol. 21. Fasc. 1. P. 157–160.

Vinogradov Yu.A., Lebedeva E.V. Excavations at the Classical-Period Settlement of Artyushchenko-1 (Bugazskyoe) on the Taman Peninsula // Hyperboreus. 2005. Vol. 11. Fasc. 2. P. 316–319.

REFERENCES

Batasova A.V. Sravnitel'naya harakteristika sel'skih poseleniy Aziatskogo Bospora (na primere pamyatnikov Artyschenko-1 i Artyschenko-2) // Zapiski IIMK RAN. № 12. 2015. S. 146–155.

Vinogradov Yu.A. Arhaicheskie kompleksy poseleniya Artyushenko-I // Tamanskaya starina. Vyp. 4. SPb, 2002a. S. 61–66.

Vinogradov Yu.A. Saltovo-mayackie kompleksy poseleniya Artyushenko-I na Tamanskom poluostrove // Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossiiskogo arheologicheskogo obshestva. Novaya seriya. 2002b. T. I (XXVI). C. 73–81.

Vinogradov Yu.A. Lepnaya keramika arhaicheskogo vremeni s poseleniya Artyushenko-I na Tamanskom poluostrove // Zapiski IIMK RAN. № 1. 2006. S. 69–76.

Vinogradov Yu.A. Kul'tovye kompleksy poseleniya Artyushenko-I na Tamanskom poluostrove // BCh. VIII. Kerch', 2007. S. 62–65.

Vinogradov Yu.A. Terrakotovye statuetki s izobrazheniem aktera i muzykantov s poseleniya Artyushenko-I na Tamanskom poluostrove // Instrumental'naya muzyka v mezhkul'turnom prostranstve. Problemy artikulyacii. SPb: Asterion, 2008. S. 181–184.

Vinogradov Yu.A. Zhelezodelatel'naya masterskaya na poselenii Artyushenko-I (Tamanskii poluostrov) // BCh. XI. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Remesla i promysly. Kerch', 2010. S. 80–84.

Vinogradov Yu.A. Kompleks IV v. n.e. na poselenii Artyushenko-I (Tamanskii poluostrov) // Evropeiskaya Sarmatiya. Sbornik, posvyashennyi Marku Borisovichu Shukinu. SPb: Nestor-Istorik, 2011. S. 314–320.

Vinogradov Yu.A. Osnovnye itogi izucheniya poseleniya Artyushenko-I (Tamanskii poluostrov) // PIFK. 2013a. № 2. S. 233–241.

Vinogradov Yu.A. Stroitel'nye kompleksy rimskogo vremeni na poselenii Artyushenko-I (Tamanskii poluostrov) // III «Anfimovskie chteniya» po arheologii Zapadnogo Kavkaza. Materialy mezhdunarodnoi arheologicheskoi konferencii. Krasnodar: Vika-Print, 2013b. S. 25–30.

Vinogradov Yu.A. Kimval iz raskopok poseleniya Artyushenko-2 na Tamanskom poluostrove // Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremya. Sbornik nauchnyh trudov, posvyashennyi 65-letiyu professora V.P. Kopylova /otv. red. A.N. Kovalenko. Rostov-na-Donu, 2013. S. 146–148.

Vinogradov Yu.A. Novye raskopki antichnogo poseleniya Artyushenko–2 na Tamanskom poluostrove (uchastok VII) // Novyi Germes. Vestnik antichnoi istorii, arheologii i filologii. 2014. Vyp. VII. S. 141–151.

Vinogradov Yu.A. Ob otkrytii molotil'nogo toka na poselenii Artyushenko-1 (Tamanskii poluostrov) // Tavricheskie studii. № 7 (2015). Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Arheologiya i istoriya Bospora». K 70-letiyu Bosporskoi ekspedicii (Pantikapei). 13-14 avgusta 2015 g., Kerch' / red. G.N. Grzhibovskaya. Simferopol', 2015. S. 43–45.

Vinogradov Yu.A., Tereshenko A.E. Monety s poseleniya Artyushenko I na Tamanskom poluostrove // BI. 2009. Vyp. XXII. S. 135–149.

Kashaev S.V. Nekropol' Artyushenko-2 // BI. Vyp. XXII. Simferopol'-Kerch', 2009. S. 188-267.

Kashaev S.V. Issledovaniya nekropolya Artyushenko–2 v 2007-2008 gg. // ΣΥΜΒΟΛΑ. Antichnyi mir Severnogo Prichernomor'ya. Novye nahodki i otkrytiya. Vyp. 1. Moskva-Kiev, 2010. S. 88–96.

Kashaev S.V. O hronologii pogrebal'nyh kompleksov nekropolya Artyushenko-2 // BF. Greki i varvary na Evraziiskom perekrestke. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii. SPb, 2013. S. 82–86.

Kashaev S.V. Analiz nekotoryh grupp inventarya iz nekropolya Artyushenko-2 // BI. Vyp. HHH. Simferopol'-Kerch', 2014. S. 363–381.

Novikova A.N. Izobrazhenie silena iz Artyushenko I // BF: Sakral'nyi smysl regiona, pamyatnikov, nahodok / otv. red. V.Yu. Zuev. T. I. SPb: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2007. S. 207–210.

Stoyanov R.V. Materialy konca VI – nachala III vv. do n.e. iz raskopok poseleniya Artyushenko-2 v yuzhnoi chasti Tamanskogo poluostrova // AMA. 2010. Vyp. 14. S. 218–237.

Vakhtina M.Yu., Vinogradov Yu.A., Goroncharovskiy V.A. Cult complexes discovered by the Bosporan expedition of the Institute for History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg) // Ancient Sacral Monuments in the Black Sea /ed. A. Maslennikov, E. Petropoulos. Thessaloniki, 2010. P. 367–398.

Vinogradov Yu.A. Excavations at the Settlement of Artyuschenko-I (Bugazskoe) on the Taman Peninsula // Hyperboreus. 2015. Vol. 21. Fasc. 1. P. 157–160.

Vinogradov Yu.A., Lebedeva E.V. Excavations at the Classical-Period Settlement of Artyushchenko-1 (Bugazskyoe) on the Taman Peninsula // Hyperboreus. 2005. Vol. 11. Fasc. 2. P. 316–319.

Резюме

Античные поселения Артющенко-1 (последняя треть VI в. до н.э. – IV в. н.э.) и Артющенко-2 (рубеж VI, V – конец IV в. до н.э.) демонстрируют различные пути развития. Первое из них функционировало как сезонное сельское поселение, а второе было основано греческими колонистами. Артющенко-2 полностью разрушено в результате береговой абразии. На Артющенко-1 от абразии сильно пострадали слои архаического, классического и эллинистического времени. Лучшей сохранностью отличаются остатки сооружений римской эпохи.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Таманский полуостров, сельские поселения, разрушение памятников.

Summary

The classical-time settlements of Artiushchenko-1 (the last third of the 6th century BC – 4th century AD) and Artiushchenko-2 (the turn of the 6–5th – the end of the 4th centuries BC) demonstrate the different ways of development. The first of them was a seasonal rural settlement, while the Greek colonists founded the second one. Artyushchenko-2 has been fully demolished by coastal corrosion. Remnants of the Archaic, Classical and Hellenistic periods are also strongly demolished at Artyushchenko-1. The Roman time layers are in better condition.

Keywords: Cimmerian Bosporus, Taman peninsular, agricultural settlements, destruction of the sites.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Виноградов Юрий Алексеевич, д.и.н.,
ведущий научный сотрудник Института истории
материальной культуры РАН (С-Петербург).
+7-(812)- 764-85-71.
vincat2008@yandex.ru

Кашаев Сергей Владимирович,
младший научный сотрудник Института истории
материальной культуры РАН (С-Петербург).
+7-911-272-90-82
kashaevs@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
Vinogradov Iurii Alekseevich, DSc,
Institute of History of Material Culture RAS (Saint Petersburg),
Leading Researcher
+7-(812)-764-85-71.
vincat2008@yandex.ru

Kashaev Sergei Vladimirovich
Institute of History of Material Culture RAS (Saint Petersburg),
Junior Researcher
+7-911-272-90-82.
kashaevs@mail.ru

Рис. 1. Поселение Артющенко-1. План (основа Я.М. Паромова).
1 – границы памятника; 2 – участки раскопов.

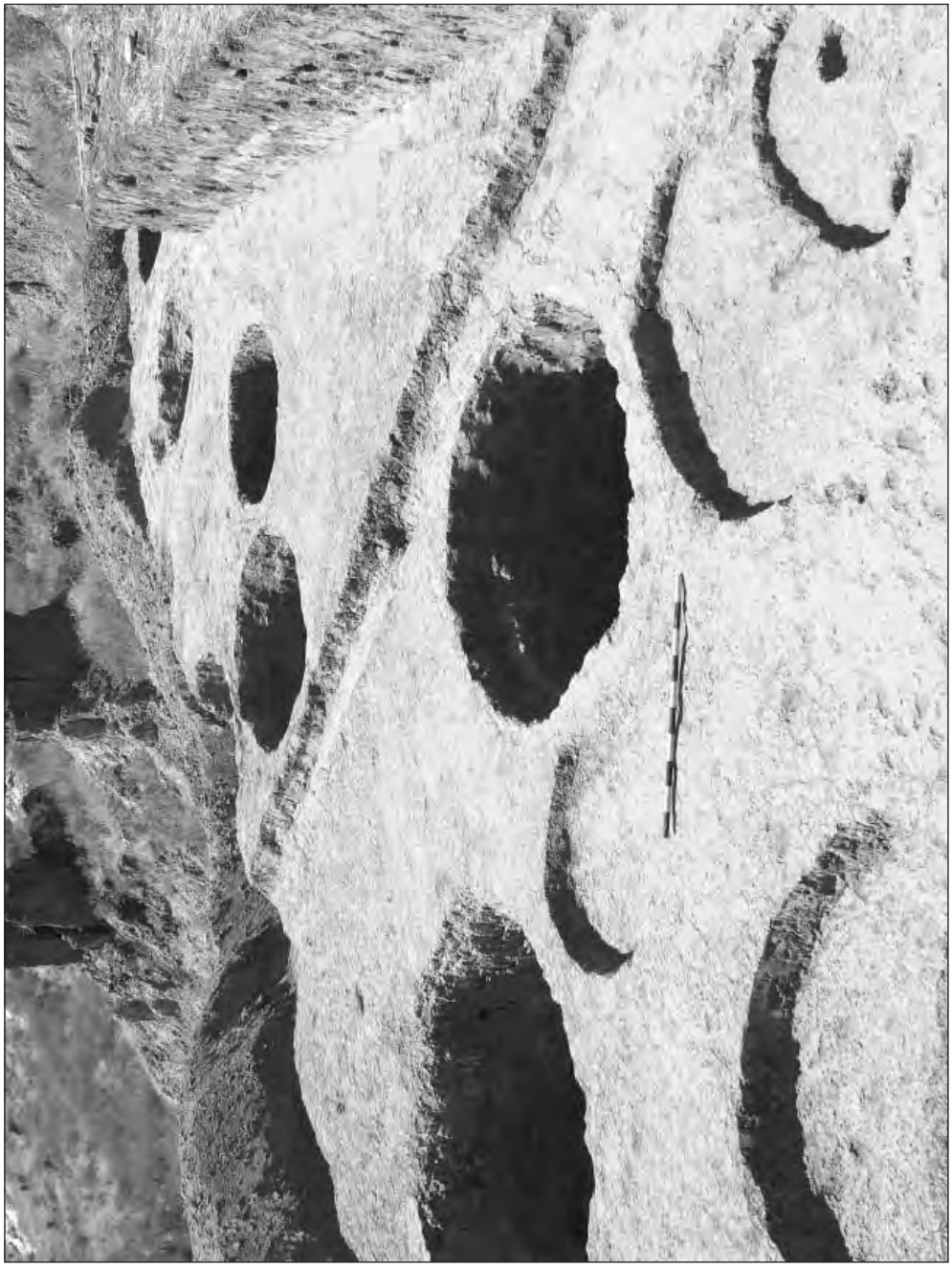
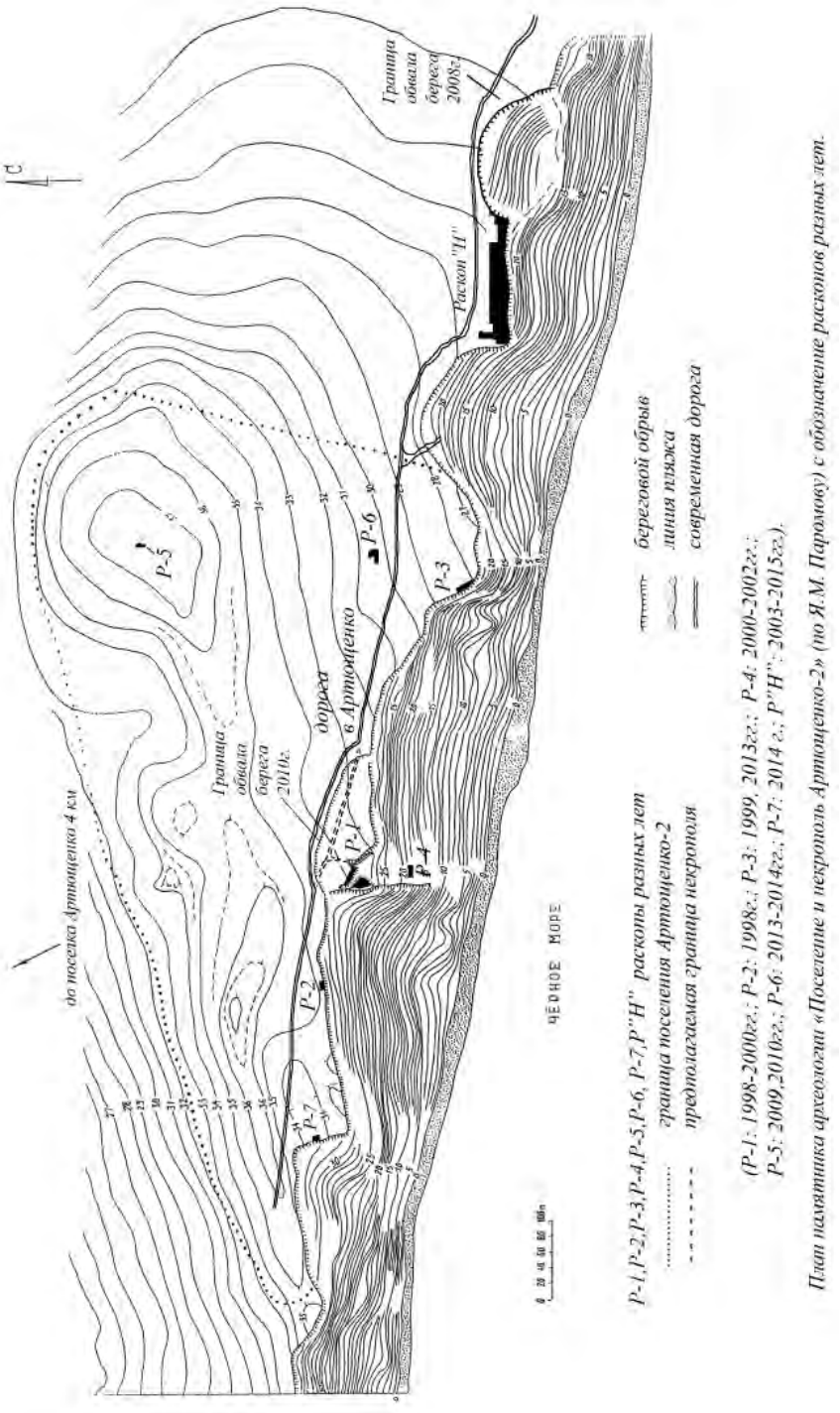


Рис. 2. Артющенко-1. Раскоп I, ямы.

Рис. 3. Артющенко-1. Раскоп I, глинобитная площадка молотильного тока.



План памятника археологии «Поселение и некрополь Артющенко-2» (по Я.М. Паромову) с обозначение раскопов разных лет.

Рис. 4. Артющенко-2. План (основа Я.М. Паромова).

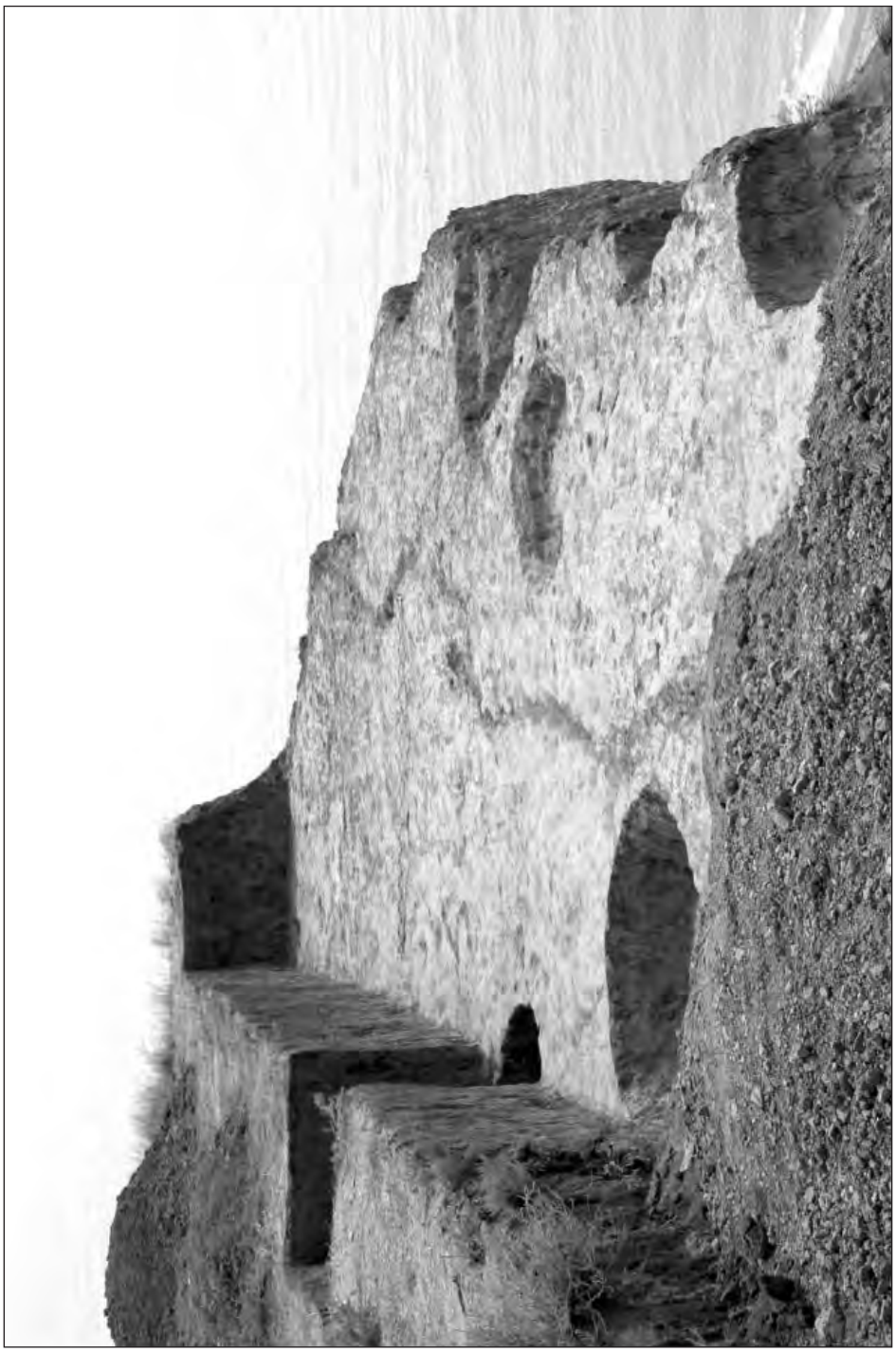


Рис. 5. Артющенко-2. Восточная часть раскопа III, вид с запада.

Рис. 6. Артющенко-2. Раскоп V, вид с северо-востока.

В.Г. ЗУБАРЕВ, С.Л. СМЕКАЛОВ, С.В. ЯРЦЕВ
V.G. ZUBAREV, S.L. SMEKALOV, S.V. YARTSEV

ЛАНДШАФТНАЯ ГЕОГРАФИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ УРОЧИЩА АДЖИЭЛЬ[1]
LANDSCAPE GEOGRAPHY OF THE ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE CENTRAL PART OF THE TRACT ADZHIEL

Связь расположения древних поселений с условиями среды обитания и в особенности с потенциалом сельскохозяйственного производства очевидна. Не менее очевидна и зависимость выбора места для поселения от особенностей имеющегося в наличии ландшафта. В этой связи несомненный интерес представляет анализ исторической ситуации на конкретной территории при наличии на ней одного или нескольких доминирующих объектов антропогенного воздействия на окружающую среду. В нашем случае таковой территорией является урочище Аджиэль.

Урочище Аджиэль занимает часть территории Восточного Крыма, примыкающей к Азовскому морю восточнее Узунларского вала. Свое название эта местность получила от расположенной здесь балки Аджиэль. В результате исследований, проведенных в XX веке, здесь, кроме большого количества курганов, выявлено более десяти античных археологических памятников других типов – поселения, оборонительные форты-башни, земельно-межевые структуры, грунтовый некрополь. Археологические раскопки проводились в 2000–2002 гг. на Узунларском валу на одной из прилегающих башен [Масленников, 2003, с. 63–87], в 50–70-е гг. прошлого века на поселении III в. до н.э. – начала IV в. н.э. Ново-Отрадное-I [Кругликова, 1975, с. 270, № 185; Кругликова, 1998, с. 143–185], и с 1996 г. по настоящее время исследования ведутся на городище Белинское и его некрополе [Зубарев, 2000, с. 63–87; Зубарев, 2004, с. 38–44] (рис. 1).

Конкретная НИР, в рамках которой проводятся данные исследования, начата в 2014 г. На первом этапе было проведено обобщение известных сведений об археологических объектах, расположенных в части урочища Аджиэль, через которое проходят основной отрезок балки Аджиэль и ее главные рукава, и подготовлен фрагмент геоинформационной системы, описывающей данный район. Анализ данных проводился для квадратов (28-32)70, (26,28)(72-74) листа топографической карты Генерального Штаба СССР L-37-85 1989 г. масштаба 1:100000. Указанные квадраты карты включают собственно урочище Аджиэль и часть прилегающей местности (рис. 1).

[1] Работа выполнена в рамках НИР «Структурно-пространственное изучение памятников как парадигма археологического исследования истории конкретного региона (на примере урочища Аджиэль и городища Белинское)» в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого (задание № 2014/389 Минобрнауки России, № НИР 1799).

Городище Белинское является одним из крупнейших укрепленных городищ Восточного Крыма. Его площадь в пределах оборонительной стены – 8,2 га. Доминирующее значение этого поселения в рамках урочища Аджиэль, по крайней мере для римского и позднеантичного времени, сомнений не вызывает. Существование столь крупного центра, как и других поселений в этом районе, с одной стороны, связано, вероятно, с необходимостью обороны Боспорского царства и контролем над территориями, где в древности шли кратчайшие пути миграции населения от материка через Крым на Тамань, с другой – с благоприятными условиями для жизнеобеспечения гарнизона и гражданского населения. Одним из таких факторов, очевидно, являлось наличие воды, идущей по балке Аджиэль, другим – благоприятные условия для ведения сельского хозяйства, которые мы и попытаемся оценить далее.

В последние годы появилось достаточное количество работ, в которых рассматриваются возможности производства зерна в государствах Северного Причерноморья, в том числе и в Боспорском царстве [Кузнецов, 2000, с. 107–120; Одрин, 2004, с. 51–55; Одрін, 2007; Смекалов, 2011, с. 174–178]. Поднимался вопрос и о связи структуры сельских поселений с современными данными о плодородии, включая Керченский и Таманский полуострова [Гарбузов, 2009, с. 123–140; Гарбузов, 2015, с. 344–353]. Как показано в работах Гарбузова, значительная часть поселений «тяготеет» к наиболее плодородным и в современное время землям. Это можно объяснить тем, что свойства почв, если они не были в исторически краткосрочном периоде нарушены антропогенными или стихийными воздействиями, связаны с почвообразующими породами, которые были в античности теми же самыми.

В 2015 году были проведены пешеходные археологические разведки на территории квадратов 2870, 3070, 3072 (рис. 1). Целью работ была проверка наличия археологических объектов, выявленных по литературным, архивным, картографическим источникам, данным космической (Google Earth) и аэрофотосъемки второй половины XX в., а также поиск неизвестных ранее объектов. Обследование проводилось силами преподавателей и студентов ТГПУ им. Л.Н. Толстого. Территории квадратов обследовались цепью с расстоянием 50 метров между исследователями. Треки маршрутов, места обнаружения артефактов, координаты курганов и других объектов фиксировались при помощи GPS/ГЛОНАСС навигаторов Garmin Etrex-30. Предварительно в навигаторы загружались топографические карты и космические снимки квадрата обследования, а также координаты объектов, выявленных в 2014 г.

Для изучения связи положения выявленных объектов с природно-географическими и ландшафтными особенностями урочища в геоинформационную систему были включены слои, описывающие геологию, свойства почв, рельеф и гидрологию местности. При создании слоев, описывающих геологию и почвы, использовались: карта дочетвертичных образований [карта, 1973], карта четвертичных образований [карта, 1986], карта почв Украинской ССР [карта, 1967]. Для построения моделей

рельефа, горизонталей, линий водостоков и водоразделов использовались данные о рельефе земной поверхности SRTM-3 версии 2_1[2].

Полученные результаты

Квадрат 3070.

Рельеф квадрата, за исключением участка, через который проходит балка Аджиэль, – спокойный, перепад высот не более 10 м/км. Центральная часть восточной половины квадрата занята современным селом Белинское. Остальную часть квадрата занимают распахиваемые поля. На момент проведения разведок поля были перепаханы. На рис. 2 показана карта расположения курганов согласно старинным и современным картам, построенная в 2014 году[3]. Других объектов в данном квадрате отмечено не было. Курганы, находившиеся на территории современной деревни Белинское, полностью уничтожены, и локализовать их не удалось. Единственный объект курган 1 (рис. 3, 4)[4], который выявлен при обследовании, обозначен как высота «23,9» на «верстовке» и как высота «51,4» на «карте 1:25000». Он имеет высоту около 5 и диаметр около 50 м (рис. 3, 4), вероятно, этот курган упомянут в работе А.А. Масленникова [Масленников, 2003, с. 57]. Группа объектов в юго-восточном углу квадрата, обозначенных на «верстовке» тем же условным знаком, что и курганы, в действительности являются небольшими возвышениями – естественными выходами скал.

Участок Узунларского вала и рва, проходящий через квадрат, имеет хорошую сохранность.

На территории объекта найдено также в ходе разведки 7 одиночных фрагментов керамики, их положение показано на рис. 3 и 4. Координаты и номера выявленных курганов и прочих объектов (поселения, оборонительные структуры и др.) для данного квадрата и далее приведены в табл. 1, а координаты, номера и описание керамических фрагментов – в табл. 2. Расхождение координат курганов по GPS/ГЛОНАСС с координатами, вычисленными по геокодированным растровым картам, лежит в пределах 40 м, что примерно соответствует суммарной погрешности карт и GPS/ГЛОНАСС устройств.

Немногочисленность найденных керамических фрагментов позволяет предполагать, что как и сейчас, так и в древности на большей части данного квадрата не было

---

[2] SRTM - Shuttle radar topographic mission (SRTM) – радарная топографическая съемка большей части территории земного шара, за исключением самых северных (>60), самых южных широт (>54), а также океанов, произведенная за 11 дней в феврале 2000 г. с помощью специальной радарной системы с космического корабля серии Shuttle. В работе использовались данные [SRTM-3, 2005] с разрешением в плоскости 90 метров (3 угловых секунды). Разрешение данных по высоте 1 метр [Дубинин, 2004].

[3] Использовалась карта масштаба 1:42000 конца XIX века картографического отдела Корпуса военных топографов, далее в тексте «верстовка» (масштаб исходной карты соответствует 1 версте в дюйме) и карта Генштаба СССР масштаба 1:25000 середины XX века, далее в тексте «карта 1:25000». На приводимых рисунках отображена только «карта 1:25000», на которую, дополнительно переносились курганы, обозначенные на «верстовке», но отсутствующие на «карте 1:25000».

[4] Условные обозначения, используемые на рис. 3 и далее, расшифровка номеров и полных названий типов почв, номеров и обозначений геологических структур приведены на рис. 11.

каких-либо поселенческих структур, и территория использовалась для сельского хозяйства. Однако на месте современного села Белинское по берегам Аджиэльской балки в XIX веке находилась усадьба Палапан, отмеченная на «верстовке». Можно сделать предположение, что и в более раннее время, включая античность, здесь тоже существовало какое-то поселение, обитатели которого занимались возделыванием прилежащих полей. Логика наличия такого поселения подтверждается и соответствием распределения античных поселений границам зон плодородных почв на Европейском Боспоре, отмеченном в недавней работе Г.П. Гарбузова [Гарбузов, 2015, с. 344–353]. К сожалению, скорее всего, поверхностные структуры, если таковые существовали, полностью разрушены современной застройкой, а, возможно, сохранившиеся подземные находятся на территории частных владений и проверить это предположение не представляется возможным.

Большая часть квадрата, на которой расположены современные поля в качестве подстилающих дочетвертичных горных пород, имеет породы среднего и нижнего плиоцена – пески, глины, железные руды, ракушечные известняки, мшанковые рифы и породы мэотического яруса верхнего миоцена – ракушечные известняки, мшанковые рифы, глины. Четвертичные отложения на большей территории денного квадрата и прочих, рассматриваемых в данной статье, представлены эолово-делювиальными отложениями, по вещественному составу – лессовидный суглинок и лесс. Исключение составляет только область, непосредственно примыкающая к балке Аджиэль, где четвертичные отложения по генетическому типу аллювиальные почвы (рис. 4). Почвы, занимающие большую часть квадрата, – черноземы южные мицелляро-карбонатные, – являются одним из самых плодородных типов почв на Керченском полуострове (рис. 4).

Карта четвертичных отложений, использовавшаяся в настоящей работе (см. выше), имеет слишком мелкий масштаб и более полные характеристики отложений четвертичного периода на ней не приведены, так что говорить о соотношении почв с отложениями четвертичного периода (за исключением территории, непосредственно примыкающей к балке Аджиэль) на данный момент мы не можем, однако имеет место пространственное соответствие типов почв и подстилающих дочетвертичных пород, которые в свою очередь, вероятно, определяют особенности делювиальных образований четвертичного периода, непосредственно выступающих как почвообразующие грунты. На большей части данного квадрата преобладают южные черноземы **4**, а подстилающими дочетвертичными породами выступают ракушечные известняки, глины, мшанковые рифы (рис. 4). Переход от почв 4 к почвам менее плодородным дерновым карбонатным почвам **5** [Драган, 2004, с. 108–116] в южной части квадрата соответствует изменению подстилающих пород преимущественно на мшанковые рифы (рис. 4), выходящие местами непосредственно на дневную поверхность, что отмечалось выше. То же можно сказать и в отношении территории, примыкающей к балке Аджиэль. Здесь почвы **4** сменяются луговыми почвами **5** и солонцами **7**. Граница раздела примерно соответствует границе эолово-делювиальных **1** и аллювиальные ***2*** отложений четвертичного периода (рис. 4).

Таким образом, выводы о возможном характере использования территории квадрата в античности, основывающиеся на отсутствии археологического материала на территории современных полей, соответствуют заключениям, сделанным на основании предварительного анализа геолого-почвенных условий этой территории [Зубарев, Смекалов, Ярцев, 2015, с. 165–172] – типы почвы в урочище Аджиэль определяются почвообразующими породами и не связаны с антропогенным или прочими воздействиями, и можно предполагать, что в античности они были такими же, т.е. в высокой степени пригодными для сельского хозяйства.

Квадрат 3072.

Рельеф квадрата, за исключением западного участка, через который проходит балка Аджиэль, – спокойный, перепад высот не более 10 м/км. Середину западной части квадрата занимает село Белинское, остальная часть квадрата – поля, ранее возделываемые. На рис. 5 показана карта расположения курганов согласно старинным и современным картам, построенная в 2014 году. Других объектов в данном квадрате отмечено не было. Курган, находившийся на территории современной деревни Белинское, полностью уничтожен, и локализовать его не удалось. На момент обследования часть квадрата, расположенная к западу от лесополосы, проходящей в направлении СЮ, видимой на космическом снимке на рис. 5 и делящей квадрат на почти равные западную и восточную части, – поле, заросшее сорной растительностью, восточнее лесополосы – заброшенный одичавший виноградник.

Объекты, выявленные в ходе разведки, представлены на рис. 6, 7. Из курганов, обозначенных на «верстовке» и «карте 1:25000», прослеживаются как небольшие всхолмления высотой до 0,5 и диаметром до 60 м следы курганов **1-5**. В центре кургана **4** старая грабительская яма. Группа курганов, обозначенная в юго-западном углу квадрата на «верстовке», по-видимому, либо полностью уничтожена, возможно, при строительстве проходящей здесь современной дороги, либо, как и для квадрата 3070, «курганами» обозначены возвышающиеся выходы скал.

Находки керамики в данном квадрате, так же как и в квадрате 3070, немногочисленны – 15 фрагментов, причем лишь один на территории полей, а остальные обнаружены в юго-западном углу квадрата, в области выхода скальных пород. Здесь, вероятно, полностью применимы те же выводы, которые были сделаны для квадрата 3070. Область полей квадрата 3072 – зона высокопродуктивных почв, и в древности она, вероятно, как и сейчас, использовалась для сельского хозяйства. Здесь не было поселенческих структур. Геологическое и почвенное строение квадрата показано на рис. 7. Так же, как для квадрата 3070, на юге квадрата 3072 граница почв **4** и **5** с учетом погрешностей используемых карт примерно соответствует переходу дочетвертичных пород типа известняки, глины, мшанковые рифы преимущественно к мшанковым рифам. В юго-восточном углу квадрата, где мшанковые рифы сменяются глинами, мергелями и известняками, происходит и смена типа почвы на черноземы солонцеватые **6**. Западная граница почв **4** примерно соответствует границе эолово-делювиальных отложений четвертичного периода ***3*** и аллювиальных отложений ***2***.

Квадрат 2870.

Рельеф квадрата, особенно к югу от срединной линии ЗВ, близ северной границы и в северо-восточном углу, где имеется довольно значительное повышение – холм «высота 71,4» на «карте 1:25000», сложный, уклоны составляют здесь до 100 м/ км. В остальных частях не более 25 м/км. Участки со спокойным рельефом заняты, главным образом, полями. На момент обследования они не обрабатывались, некоторые места использовались как пастбища. На юге проходит железная дорога. Через восточную половину квадрата проходит Узунларский вал, имеющий хорошую сохранность. Высота вала составляет 4-6 м.

На рис. 8 приведена карта расположения курганов согласно старинным и современным картам, а также прочих археологических объектов, известных по литературным источникам, построенная в 2014 году. Можно отметить, что остатки значительной части курганов, обозначенных на «верстовке», в настоящее время еще прослеживаются на местности в виде небольших всхолмлений часто со следами грабительских раскопов. Вместе с тем группы курганов, обозначенные на «верстовке» и выделенные эллипсами А, Б, В на рис. 8, при обследовании не обнаружены. Вероятно, для участка В на «верстовке», как и на прилегающем юго-восточном участке квадрата 3070, в качестве курганов обозначены выходы скал. Мы выделили один из таких объектов – № **29** на рис. 9, 10. В отношении групп курганов А и Б (рис. 8) ситуация менее понятная. Возможно, они полностью уничтожены в первой половине XX века, т.к. на «карте 1:25000» уже отсутствуют. Координаты сохранившихся курганов, которые можно соотнести с курганами на «верстовке», были использованы для уточнения созданной на основе «верстовки» базы данных курганов Крыма.

Объекты с номерами **11, 13** и **14** обозначены на картах и на рис. 9, 10 как курганы, однако они, расположенные вблизи Узунларского вала и, возможно, являются укрепленными башнями, входящими в систему обороны. И, напротив, объект **12** на рис. 9, 10, обозначенный квадратом (поселения, оборонительные структуры и др.), на основании устного сообщения сотрудника Крымского филиала Института археологии НАНУ А.Л. Ермолина, осматривавшего этот объект в 2008 году, возможно, является курганом.

Охарактеризуем другие, не являющиеся курганами объекты, отмеченные в ходе исследования и показанные на рис. 9, 10.

15–17 – места проведения раскопок, выполненных экспедицией ИА РАН под руководством А.А. Масленникова. **15 –** разрез Узунларского вала, 2001 г., **16 –** раскоп прилегающей к валу территории, 2001 г., **17 –** раскоп расположенной вблизи вала укрепленной башни, 2000 г. Результаты работ на объектах **15–17** представлены в монографии А.А. Масленникова [Масленников, 2003, с. 63–87].

21 – в этом месте на «верстовке» обозначен курган, однако в действительности здесь проходят земляные валики высотой до полуметра и шириной 3–5 м неизвестной датировки и функционального назначения. Вероятно, о них сообщает В.В. Веселов

[Веселов, 2005, с. 150, № 436]. На карте объектов, созданной в 2014 г., мы локализовали данный объект на основании текстового описания В.В. Веселова существенно западнее, примерно 300 м к западу от Узунларского вала.

29 – выходы скал, обозначенные на «верстовке» как курган. Данный объект, вероятно, не имеет археологического значения, но мы включили его в рассмотрение как пример особенностей ландшафта данной территории.

Интересные заключения можно сделать на основании обнаруженных фрагментов керамики. В месте обнаружения фрагментов ***30*** и ***31,*** рис. 9, 10, вероятно, находится поселение Державино-1 (№ **34** на рис. 9, 10), упоминаемое И.Т. Кругликовой [Кругликова, 1975, с. 270 № 180] и В.В. Веселовым [Веселов, 2005, с. 152, № 433]. При анализе положения поселений в 2014 г. мы локализовали его примерно в 1 км к западу–юго-западу.

Цепочка найденных фрагментов керамики ***17***–***28*** (рис. 9,10), вероятно, связана с поселением № 422 по В.В. Веселову [Веселов, 2005, с. 151, № 422]. Мы локализовали центр поселения в месте нахождения наибольшего числа фрагментов – точка **23** (рис. 9, 10). В 2014 г. данный объект был предварительно локализован на 1 км западнее. В отношении этой цепочки можно сделать еще одно интересное замечание – она проходит точно по границе двух типов горных пород (рис. 10). Севернее, согласно карте дочетвертичных отложений, расположены глины, мергели, известняки и пески, южнее – только глины. Возможно, это связано с дорогой, проходившей по краю одного из типов пород, что как-то было удобнее для передвижения, и ведущей от поселения **27** к башне **12** на Узунларском валу.

Также привлекает внимание концентрация курганов **22–32**, на вершине мшанцевого рифа (рис. 10). Возможно, это некий могильник отдельной группы населения, расположенный на локально господствующей высоте. Хотя курганы небольшие по величине и сильно разграблены, его изучение представляет несомненный интерес.

Оценивая сельскохозяйственный потенциал квадрата, можно отметить, что в его центральной части со спокойным рельефом почвенный состав отмечен на почвенных картах как «черноземы солонцеватые на плотных засоленных глинах и черноземы карбонатные щебнистые и галечниковые на карбонатных породах». Хотя для точной оценки плодородия необходима более детальная информация о структуре почв, однако в целом можно отметить, что почвы этого квадрата менее плодородные, чем в квадратах 3070 и 3072. Возможно, в связи с этим, а также с неоднородным рельефом, особенно в северной части квадрата, связано наличие поселений и значительного числа курганов, для сооружения которых использовались земли, менее пригодные для сельского хозяйства.

Этот вывод подтверждается и местоположением доминирующего в урочище Аджиэль поселения – городища Белинское. Материковый фундамент, подстилающий культурные напластования плато, на котором расположено городище, составляют глины и ракушечные известняки разного времени.

Это плато первоначально, по-видимому, представляло собой единое целое

с массивом ракушечника на противоположной стороне Аджиэльской балки. Последняя делает в этом месте небольшой изгиб, образуя нечто вроде мыса. При этом большая часть северо-восточного и юго-восточного склонов плато со стороны Аджиэльской балки имеет довольно крутой спуск, что, безусловно, способствовало усилению безопасности этого участка. Как показали раскопки, древняя дневная поверхность в северо-восточной части плато представляла собой относительно ровный выход жёлтого ракушечника, углубления в котором были заполнены материковым суглинком и глиной. Этот пласт ракушечника повышался в юго-западном направлении, достигая своего максимума в южной части (перепад высот на уровне древней дневной поверхности между восточным и южным участками составляет более 9 метров).

С другой стороны, юго-западная оконечность плато, на котором расположено городище, была наиболее опасной с точки зрения внешней угрозы, т.к. не имела естественной защиты. Ров, проходящий здесь в настоящее время, имеет искусственное происхождение. Правда, время его сооружения пока неясно, учитывая то обстоятельство, что на южном склоне плато в период поздней бронзы существовало поселение. Впрочем, в нашем случае это не имеет значения. Сравнение плато с окружающим ландшафтом свидетельствует, что данное место являлось наиболее удобным с точки зрения основания поселения. К юго-востоку от него местность низменная, а имеющиеся к северо-западу возвышенности сложены из более твердого мшанкового известняка и имеют менее пологие вершины.

Городище Белинское расположено в 1-2 км к северу от массива плодородных земель, что подтверждает сделанное выше предположение о связи местоположения поселения с локальными особенностями рельефа и , в первую очередь, с наличием удобного плато, защищённого с трёх сторон Аджиэльской балкой. Стратегически возникновение здесь крупной крепости определялось необходимостью защиты рубежей Боспора в данной местности. Наличие же воды и значительного массива высокопродуктивных земель, которые могли обеспечить существование гарнизона и гражданского населения в сочетании с обилием строительного материала (камень твёрдых и мягких пород, а также глина), способствовали постепенной эволюции этого первоначально военного поселения в сторону крупного хозяйственного центра. Эта эволюция подтверждается и данными раскопок [Зубарев, Седых, 2013, с. 250–274].

Если воспользоваться оценкой В.А. Кутайсова об урожайности пшеницы в 7 ц/га [Кутайсов, 2002, с. 291–307], то на площади восточнее Узунларского вала мог собираться урожай 7ц/га х (880 га + 320 га) = 8400 ц. Принимая годовую норму потребления пшеницы на человека 237 кг/чел. [Foxhall, Forbes, 1982, p. 72], получаем, 840000 кг/237 кг. чел = 3544 чел. Этого вполне достаточно для содержания гарнизона Белинского и гражданского населения, включая «выселки», общая численность которых составляла по нашим оценкам около 2000 человек [Зубарев, Смекалов, 2010, с. 242].

Таблица 1. Координаты археологических объектов

№ п.п. на рис. 3, 5, 7	Широта, град. С.Ш. WGS-84	Долгота, град. В.Д. WGS-84	Описание	Квадрат
1	45,37985	36,06758	Курган 5 х 50 м	3070
2	45,36866	36,09043	Курган 0,3 х 12 м	3072
3	45,38203	36,09844	Курган 0,2 х 25 м	3072
4	45,36962	36,09927	Курган 0,5 х 25 м, грабительская яма	3072
5	45,37062	36,10896	Кургановидное повышение рельефа 0,3 х 60 м в районе кургана обозначенного на «верстовке»	3072
6	45,38153	36,11042	Кургановидное повышение рельефа 0,2 х 30 м в районе кургана, обозначенного на «верстовке», выделяется характером растительности	3072
7	45,36201	36,06613	Курган 1,0 х 7 м, грабительская яма	2870
8	45,36194	36,06643	Курган 1,0 х 15 м, грабительская яма	2870
9	45,36165	36,06702	Курган 1,0 х 15 м	2870
10	45,36155	36,06727	Курган 1,0 х 25 м	2870
11	45,3549	36,06755	Курган или башня 2,0 х 40 м, триангуляционный пункт «Высота 92,8»	2870
12	45,35509	36,06786	Курган или башня 2,0 х 40 м	2870
13	45,35626	36,06846	Курган 2,0 х15 м	2870
14	45,35637	36,06856	Курган 1,5 х15 м	2870
15	45,35921	36,07002	Разрез Узунларского вала. А.А. Масленников, 2001 г.	2870
16	45,3642	36,0707	Раскоп территории близ Узунларского вала. А.А. Масленников, 2001 г.	2870
17	45,36403	36,0714	Раскоп оборонительной башни у Узунларского вала. А.А. Масленников, 2000 г.	2870
18	45,36597	36,07389	Кургановидное повышение рельефа 0,15 х 8 м в районе кургана, обозначенного на «верстовке», грабительская яма	2870

19	45,36326	36,07552	Курган 0,3 х 30 м, грабительская яма	2870
20	45,36194	36,07558	Курган 0,2 х 40 м, грабительская яма	2870
21	45,3654	36,0757	Группа валиков высотой до полуметра и шириной 3-5 м, в месте их нахождения отмечен курган на «верстовке», вероятно, соответствует объекту « 436 по В.В. Веселову	2870
22	45,36323	36,081	Курган 0,4 х 6 м	2870
23	45,35617	36,08145	Поселение № 432 по В.В. Веселову	2870
24	45,36319	36,08165	Курган 0,6 х 10 м	2870
25	45,36335	36,08181	Курган 0,5 х 6 м, грабительская яма	2870
26	45,36365	36,08209	Грабительская яма, или воронка 1,0 х 5 м на месте кургана, обозначенного на «верстовке»	2870
27	45,36351	36,08227	Грабительская яма, или воронка 1,0 х 6 м на месте кургана, обозначенного на «верстовке»	2870
28	45,36371	36,08228	Курган 1,8 х 20 м	2870
29	45,36591	36,08234	Выходы скалы, обозначенные как курган на «верстовке»	2870
30	45,36344	36,08249	Курган 1,0 х 15 м	2870
31	45,36358	36,0827	Курган 0,8 х 15 м	2870
32	45,36343	36,08277	Курган 0,6 х 3 м, грабительская яма	2870
33	45,36441	36,08542	Курган Уч-Оба, отмечен этим названием на «верстовке»	2870
34	45,35984	36,08589	Державино-I. Обозначено под № 433 у В.В. Веселова и под № 180 у И.Т. Кругликовой	2870

Таблица 2. Фрагменты керамики, найденные в ходе разведок 2015 г.

№ п.п. на рис. 3, 5, 7	Широта, град. С.Ш. WGS-84	Долгота, град. В.Д. WGS-84	Описание	Квадрат
1	45,3744	36,06695	Ножка эллинистической амфоры	3070
2	45,38398	36,06703	Недатируемые фрагменты стенок сосудов (античность–средневековье)	3070

3	45,38418	36,06712	Фрагмент ручки сосуда эллинистического времени	3070
4	45,37958	36,06761	Фрагмент ручки сосуда римского времени	3070
5	45,38126	36,07102	Недатируемые стенки сосудов (античность–средневековье)	3070
6	45,36837	36,07284	Фрагмент венчика и стенки сосуда эллинистического времени	3070
7	45,36783	36,07938	Недатируемые фрагменты стенок сосудов (античность–средневековье)	3070
8	45,37061	36,0887	Недатируемые фрагменты стенок сосудов (античность–средневековье)	3072
9	45,38466	36,091	Недатируемые фрагменты стенок сосудов (античность–средневековье)	3072
10	45,36779	36,09115	Скопление фрагментов керамики эллинистического времени	3072
11	45,36763	36,09127	Фрагмент венчика сосуда эллинистического времени	3072
12	45,36796	36,09128	Скопление фрагментов керамики эллинистического времени	3072
13	45,36791	36,0915	Скопление фрагментов керамики эллинистического времени	3072
14	45,36843	36,09371	Недатируемый фрагмент стенки сосуда (античность–средневековье)	3072
15	45,3677	36,09418	Скопление недатируемых фрагментов керамики (античность–средневековье)	3072
16	45,36793	36,09684	Недатируемая стенка сосуда (античность–средневековье)	3072
17	45,35488	36,07106	Недатируемая стенка сосуда (античность–средневековье)	2870
18	45,35541	36,07316	Фрагмент ручки сосуда эллинистического времени	2870
19	45,35544	36,07463	Ножка эллинистической амфоры	2870

20	45,35576	36,07642	Фрагмент ручки сосуда эллинистического времени	2870
21	45,35565	36,0776	Недатируемый фрагмент стенки сосуда (античность–средневековье)	2870
22	45,35581	36,07937	Недатируемый фрагмент стенки сосуда (античность-средневековье)	2870
23	45,3556	36,08009	2 фрагмента ручки сосудов эллинистического времени	2870
24	45,3556	36,08009	Фрагмент ручки сосуда эллинистического времени	2870
25	45,35624	36,08127	Недатируемая стенка сосуда (античность–средневековье)	2870
26	45,356	36,08137	Фрагмент ручки сосуда эллинистического времени	2870
27	45,3563	36,08183	Фрагмент ручки сосуда эллинистического времени	2870
28	45,3563	36,08183	Недатируемая стенка сосуда (античность–средневековье)	2870
29	45,36345	36,08399	Фрагмент ручки сосуда эллинистического времени	2870
30	45,35958	36,08416	Недатируемый фрагмент ручки сосуда (античность–средневековье)	2870
31	45,35984	36,08589	Недатируемая стенка сосуда (античность–средневековье)	2870
32	45,35751	36,08771	Фрагмент ручки сосуда эллинистического времени	2870
33	45,36491	36,08795	Скопление недатируемых фрагментов керамики (античность–средневековье)	2870

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Веселов В.В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949-1964 гг. // ДБ. 2005. Supplementum II. С. 150–152.

Гарбузов Г.П. Районирование античных агроландшафтов Таманского полуострова // ДБ. 2009. Т. 13. С. 123–140.

Гарбузов Г.П. Влияние плодородия почв на пространственное распределение античных поселений Европейского Боспора // ПИФК. 2015. № 1. С. 344–353.

Драган Н.А. Почвенные ресурсы Крыма. Симферополь: ДОЛЯ, 2004. 208 с.

Дубинин М. Описание и получение данных SRTM [Электронный ресурс] // Географические информационные системы и дистанционное зондирование. 2004. URL: http://gis-lab.info/qa/srtm.html (дата обращения: 02.02.2015).

Зубарев В.Г. Античное поселение у села Белинское (предварительные итоги раскопок в 1996–1999 годах) // ДБ. 2000. Т. 3. С. 63–77.

Зубарев В.Г. Античное поселение у села Белинское (АР Крым) // Вестник Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. Гуманитарные науки / О.Г. Вронский (ред.). 2004. №1. С. 38–44.

Зубарев В.Г., Седых Е.Е. Планировка и основные этапы застройки городища Белинское во II – первой половине V вв. н.э. // БИ. 2013. Вып. XXVIII, С. 250–274.

Зубарев В.Г., Смекалов С.Л. К вопросу о планировке и численности населения городища Белинское на начальном этапе его существования // ДБ. 2013. Т. 14. С. 233–243.

Зубарев В.Г., Смекалов С.Л., Ярцев С.В. Природно-географические условия и ландшафтные особенности урочища Аджиэль в античный период // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. XVI Боспорские чтения / под ред. В.Н. Зинько. Керчь, 2015. С. 165–172.

Карта 1967. Карта грунтів Української РСР. Масштаб 1:200000. Листы 147, 154. Киев: Укрземпроект, 1967.

Карта 1973. Государственная геологическая карта СССР. Масштаб 1:200000. Лист L-37-XIX, XXV. 1973.

Карта 1986. Государственная геологическая карта СССР. Карта четвертичных отложений. Масштаб 1:1000000. Лист L-(36),(37). Ленинград: ВСЕГЕИ, 1986.

Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М. :Наука, 1975. 300 с.

Кругликова И.Т. Поселение у деревни Ново-Отрадное // ДБ. 1998. Т. 1. С. 143–185.

Кузнецов В. Д.: Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. 2000. № 1. С. 107–120.

Кутайсов В. А. Проблемы аграрной истории Северного Причерноморья // ПИФК. 2002. № 12. С. 291–307.

Масленников А.А. Древние земляные пограничнo-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М.: изд. Института археологии РАН, 2003. 280 с.

Одрин А.В. Земельные ресурсы и зерновое хозяйство Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2004. Ч. 1. С. 51–55.

Смекалов С.Л. Еще раз к вопросу о производстве зерна и численности населения Европейского Боспора. // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 174–178.

Foxhall L., Forbes H.A. Sitometreia: the role of grain as a staple food in classical antiquity // Chiron. 1982. No 12. P. 41–90.

Одрін О.В. Ресурсний потенціал та структура господарської діяльності античних держав Північного Причорномор'я у VIII ст. до н. е: Автореф. дис. … канд. іст. наук. Киев, 2007. 33 с.

SRTM-3 2005. Shuttle radar topographic mission [Электронный ресурс] // U.S. Geological Survey. 2005. URL: http://dds.cr.usgs.gov/srtm/version2_1/ (дата обращения: 02.02.2015).

REFERENCES

Veselov V.V. Svodnaya vedomost' rezul'tatov arheologicheskih razvedok na Kerchenskom i Tamanskom poluostrovah v 1949-1964 gg. *Drevnosty Bospora*, 2005, Supplementum II, pp. 150–152.

Garbuzov G.P. Rajonirovanie antichnyh agrolandshaftov Tamanskogo poluostrova. *Drevnosty Bospora*, 2005, vol. 13, pp. 123-140.

Garbuzov G.P. Vliyanie plodorodiya pochv na prostranstvennoe raspredelenie antichnyh poselenij Evropejskogo Bospora. *Problemy istorii, pfilologii, kulturi*, 2015, № 1, pp. 344–353.

Dragan N.A. *Pochvennye resursy Kryma*. Simferopol', DOLIA Publ., 2004, 208 p.

Dubinin M. Opisanie i poluchenie dannyh SRTM. *Geoinfornatsionnie sistemi i disnantsonnoe zondiromanie,* 2004. Available at: http://gis-lab.info/qa/srtm.html (accessed: 02.02.2015).

Zubarev V.G. Antichnoe poselenie u sela Belinskoe (predvaritel'nye itogi raskopok v 1996-1999 godah). *Drevnosty Bospora*, 2000, vol. 3, pp. 63–77.

Zubarev V.G. Antichnoe poselenie u sela Belinskoe (AR Krym). *Vestnik Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. L.N. Tolstogo. Gumanitarnye nauki. O.G. Vronskij (Ed.)*, 2004, №1, pp. 38–44.

Zubarev V.G., Sedyh E.E. Planirovka i osnovnye ehtapy zastrojki gorodishcha «Belinskoe» vo II – pervoj polovine V vv. n.eh. *Bosporskie Issledovanija*, 2013, vol. XXVIII, pp. 250–274.

Zubarev V.G., Smekalov S.L. K voprosu o planirovke i chislennosti naseleniya gorodishcha «Belinskoe» na nachal'nom ehtape ego sushchestvovaniya. *Drevnosty Bospora*, 2010, vol. 14, pp. 233–243.

Zubarev V.G., Smekalov S.L., Yarcev S.V. Prirodno-geograficheskie usloviya i landshaftnye osobennosti urochishcha Adzhiehl' v antichnyj period. *Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Geograficheskaya sreda i socium. XVI Bosporskie chteniya / V.N. Zin'ko (red.)*, Kerch', 2015, pp. 165–172.

Karta 1967. *Karta gruntiv Ukrains'koj RSR*. Masshtab 1:200000. Listy 147, 154. Kiev, Ukrzemproekt Publ., 1967.

Karta 1973. *Gosudarstvennaya geologicheskaya karta SSSR.* Masshtab 1:200000. List L-37-XIX, XXV. Leningrad, VSEGEI Publ., 1973.

Karta 1986. *Gosudarstvennaya geologicheskaya karta SSSR. Karta chetvertichnyh otlozhenij.* Masshtab 1:1000000. List L-(36),(37). Leningrad, VSEGEI Publ., 1986.

Kruglikova I.T. *Sel'skoe hozyajstvo Bospora*. Moskva, Nauka Publ., 1975, 300 p.

Kruglikova I.T. Poselenie u derevni Novo-Otradnoe. *Drevnosty Bospora,* 1998, vol. 1, pp. 143–185.

Kuznetsov V.D. Afiny i Bospor: hlebnaya torgovlya. *Rossijskaja Archejlogija*, 2000, № 1, pp. 107–120.

Kutajsov V.A. Problemy agrarnoj istorii Severnogo Prichernomor'ya. *Problemy istorii, pfilologii, kulturi,* 2002, № 12, pp. 291–307.

Maslennikov A.A. *Drevnie zemlyanye pogranichno-oboronitel'nye sooruzheniya Vostochnogo Kryma.* Moskva, Institut Archeologii RAN Publ., 2003, 280 p.

Odrin A.V. Zemel'nye resursy i zernovoe hozyajstvo Bospora v VI–IV v. do n.eh. *Bosporskii Phenomen. Problemi chronologii i datirovki pamiatnikov*. Saint-Petersburg: Gosudarstvenni Hermitag Publ, 2004, part 1, pp. 51–55.

Smekalov S.L. Eshche raz k voprosu o proizvodstve zerna i chislennosti naseleniya Evropejskogo Bospora. *Bosporskii Phenomen. Naselenie, jaziki, kontakti*. Saint-Petersburg: Nestor-Istotija Publ, 2011, pp. 174–178.

Foxhall L., Forbes H.A. Sitometreia: the role of grain as a staple food in classical antiquity, *Chiron*, 1982, No 12. pp. 41–90.

Odrin O.V. *Resursnij potencial ta struktura gospodars'koj diyal'nosti antichnih derzhav Pivnichnogo Prichornomor'ya u VIII st. do n. e.*: Abstracts of kandidat. diss. Kiev, 2007, 33 p.

SRTM-3 2005. Shuttle radar topographic mission. *U.S. Geological Survey*, 2005. Available at:http://dds.cr.usgs.gov/srtm/version 2_1/ (accessed: 02.02.2015).

Резюме

В статье рассматриваются результаты археологических разведок в урочище Аджиэль, целью которых являлось сопоставление данных о памятниках, полученных на основе изучения старых и современных карт и литературных источников с реальным наличием этих объектов на местности. Кроме того, выявлены связи расположения объектов и возможного характера использования земель в античности с особенностями геологии, почв и рельефа. Полученные результаты позволяют сделать вывод о малой степени антропогенного воздействия на почвы исследованного региона со времен античности. Уточнено положение большого числа археологических объектов, а также выяснено, что часть объектов, обозначенных на старинных картах как курганы, в действительности являются естественными возвышенностями.

Ключевые слова: античность, археология, ландшафт, Крым, Боспорское царство, геология, почвы.

Summary

The article discusses the results of archaeological investigations in the tract Adzhiel', purpose of which was to compare the data on the monuments obtained from a study of old and modern maps, the real presence of these objects in the field, to identify the relationship between the location of the objects, the possible character of land use in antiquity with the features of Geology, soils and topography. The results suggest a small degree of anthropogenic influence on the soil of the studied area since antiquity. The positions of a large number of archaeological sites have been refined and found, that many of the objects marked as the barrows on the old maps, are actually the natural hills.

Keywords: antiquity, archaeology, landscape, Crimea, Bosporus Kingdom, Geology, soils.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Зубарев Виктор Геннадьевич, д.и.н.,
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
профессор.
parosta@mail.ru

Смекалов Сергей Львович, к.и.н.,
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
старший научный сотрудник.
slsmek@mail.ru

Ярцев Сергей Владимирович, к.и.н., доцент
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого.
s-yartsev@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
Zubarev Viktor G., DSc, Professor,
Tula State Pedagogical University.
parosta@mail.ru

Smekalov Sergei L., Ph.D.
Tula State Pedagogical University
Senior Researcher
slsmek@mail.ru

Yartsev Sergei Vladimirovich, PhD, Associate Professor
Tula State Pedagogical University.
s-yartsev@yandex.ru

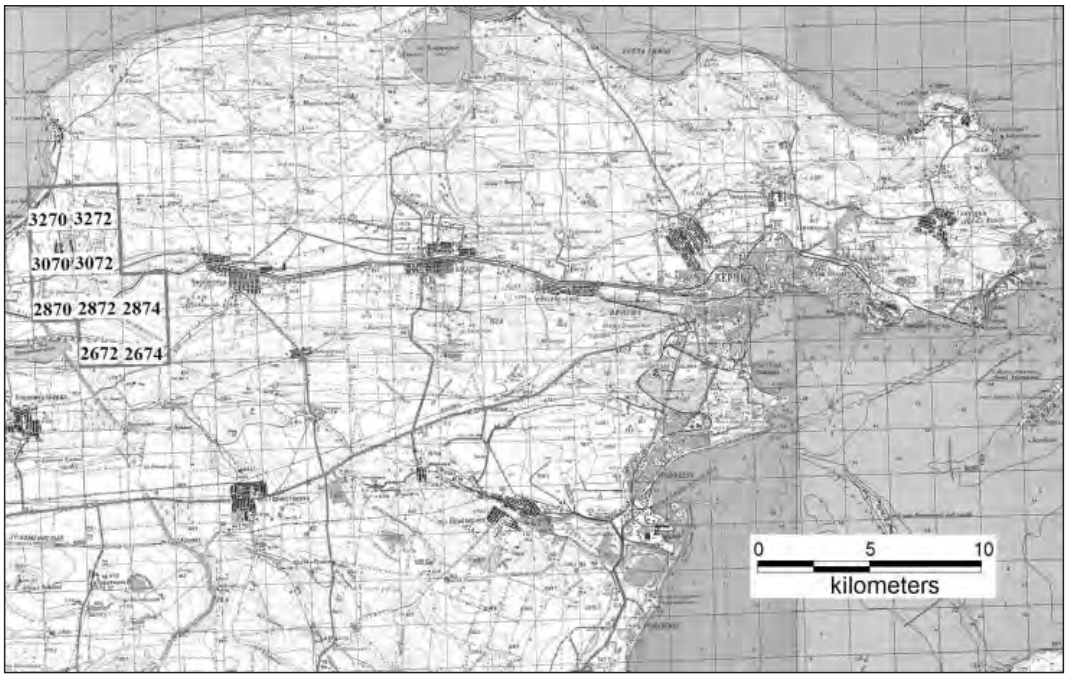


Рис. 1. Расположение исследованной территории на карте Керченского полуострова.

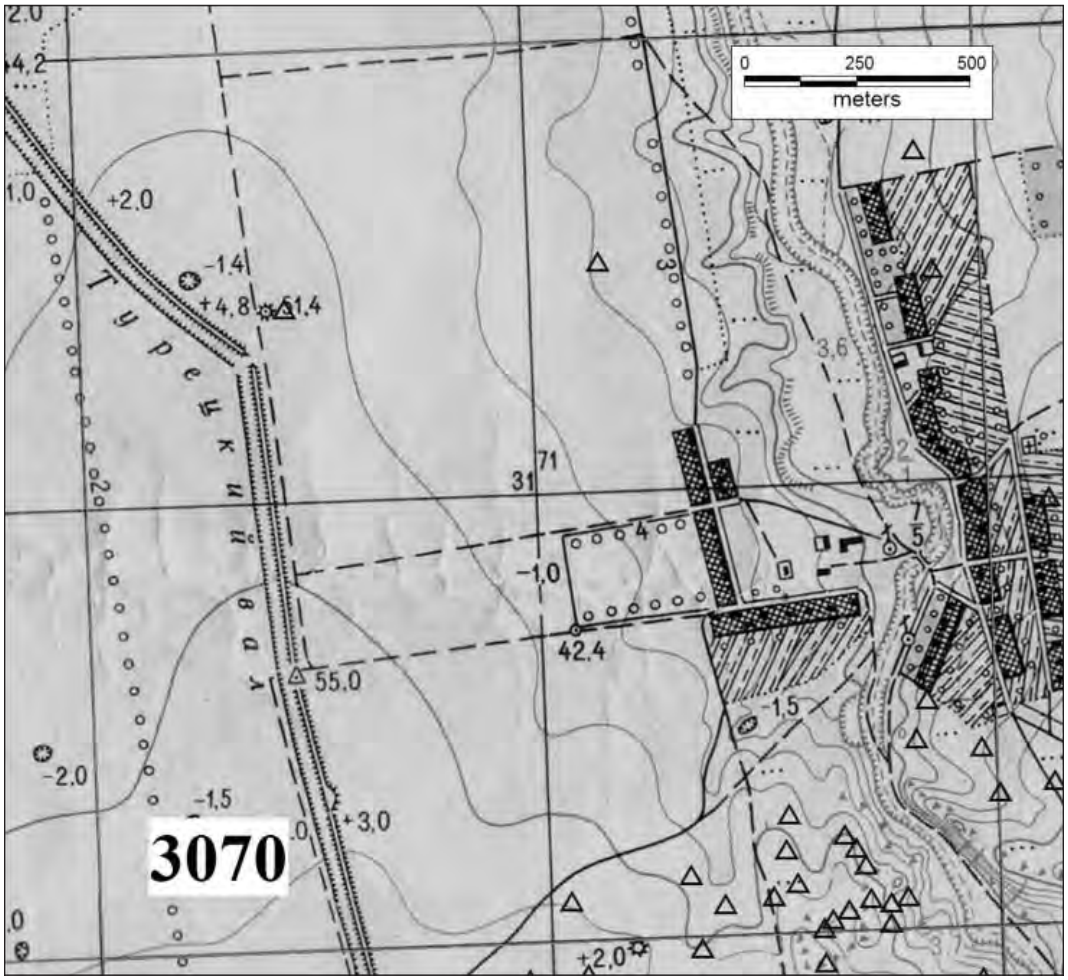


Рис. 2. Карта расположения курганов в квадрате 3070 по старинным и современным картам.

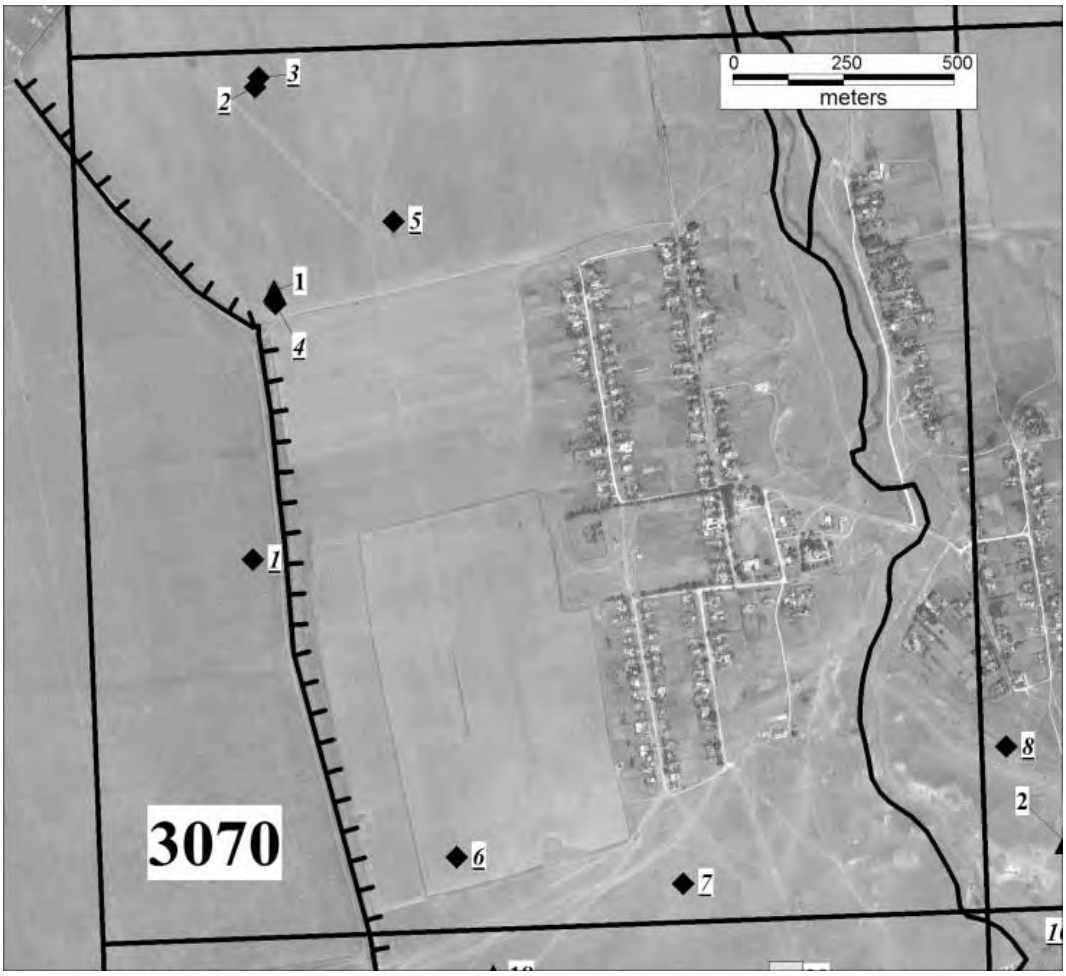


Рис. 3. Археологические объекты и места находок фрагментов керамики в квадрате 3070 по результатам разведок 2015 г.

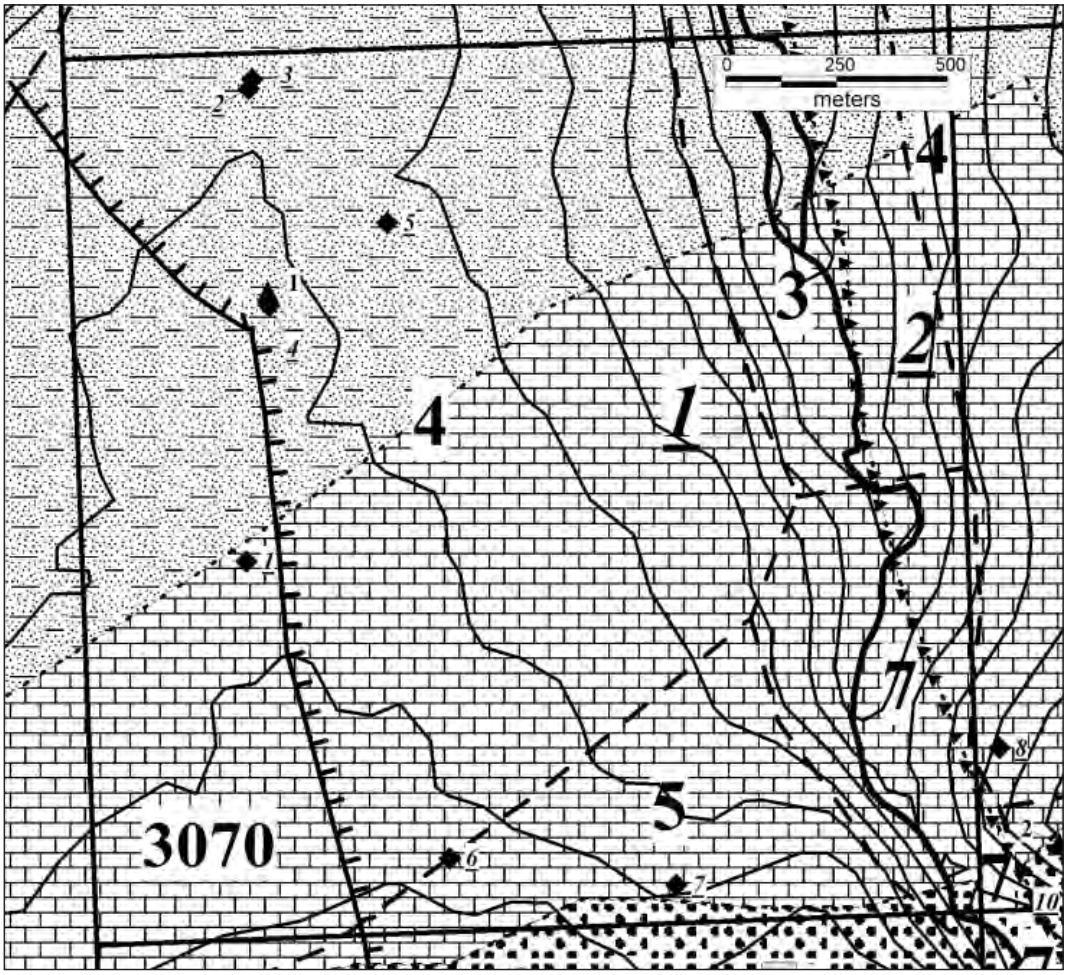


Рис. 4. Карта горных пород и типов почв в квадрате 3070.

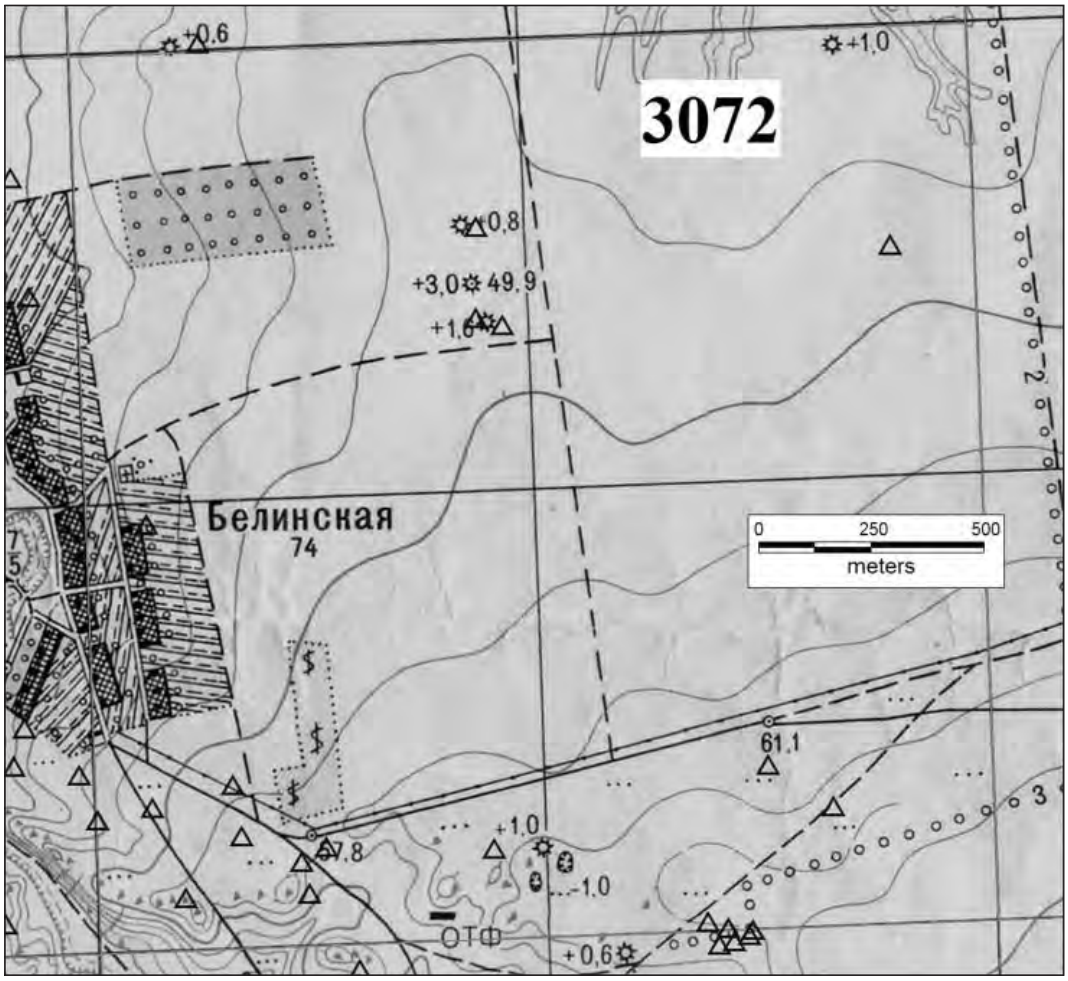


Рис. 5. Карта расположения курганов в квадрате 3072 по старинным и современным картам.

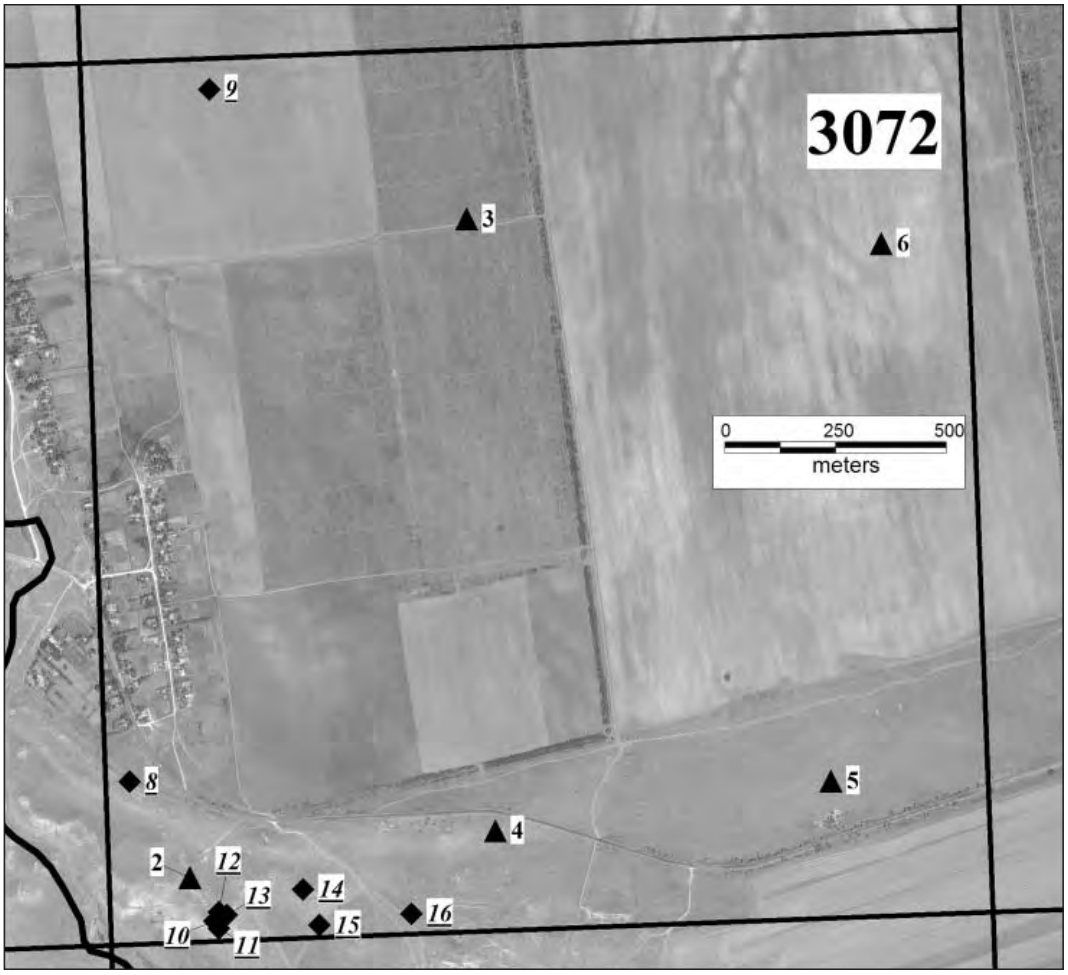


Рис. 6. Археологические объекты и места находок фрагментов керамики в квадрате 3072 по результатам разведок 2015 г.

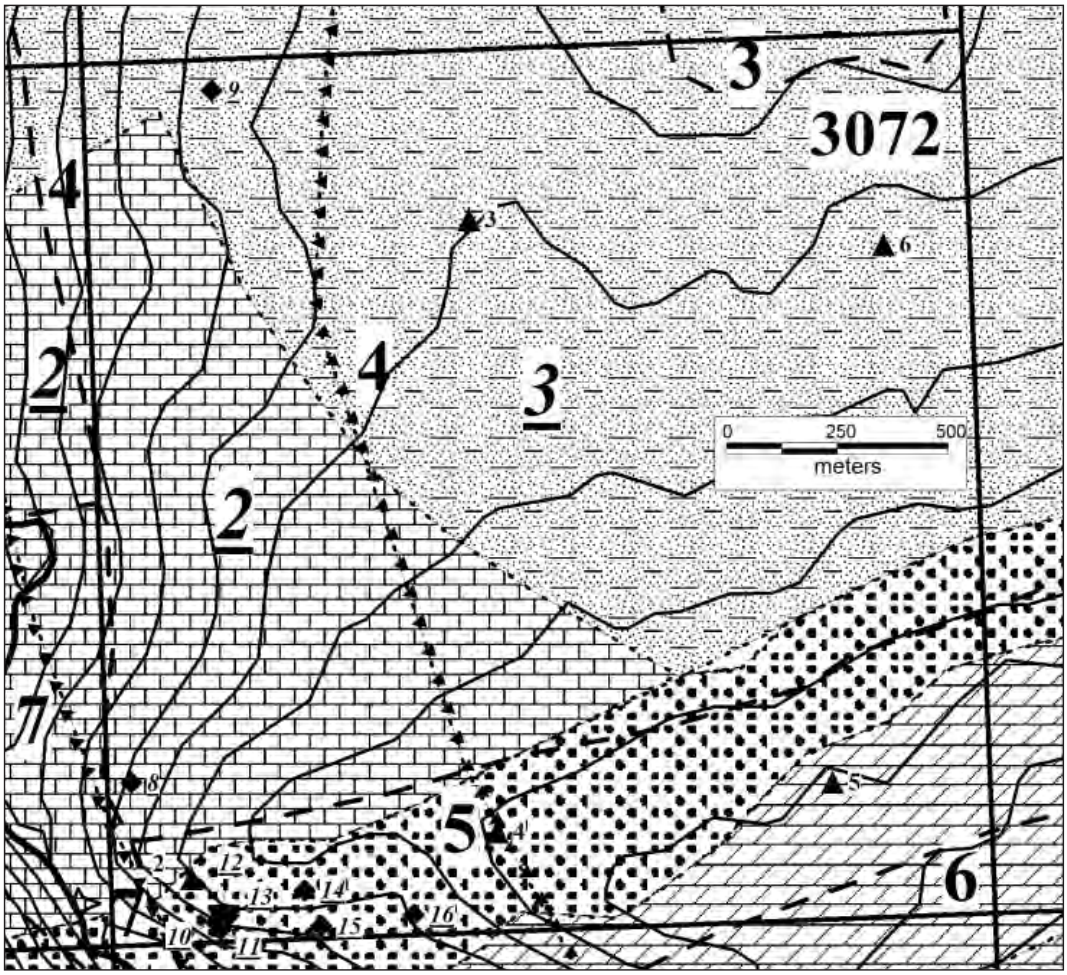


Рис. 7. Карта горных пород и типов почв в квадрате 3072.

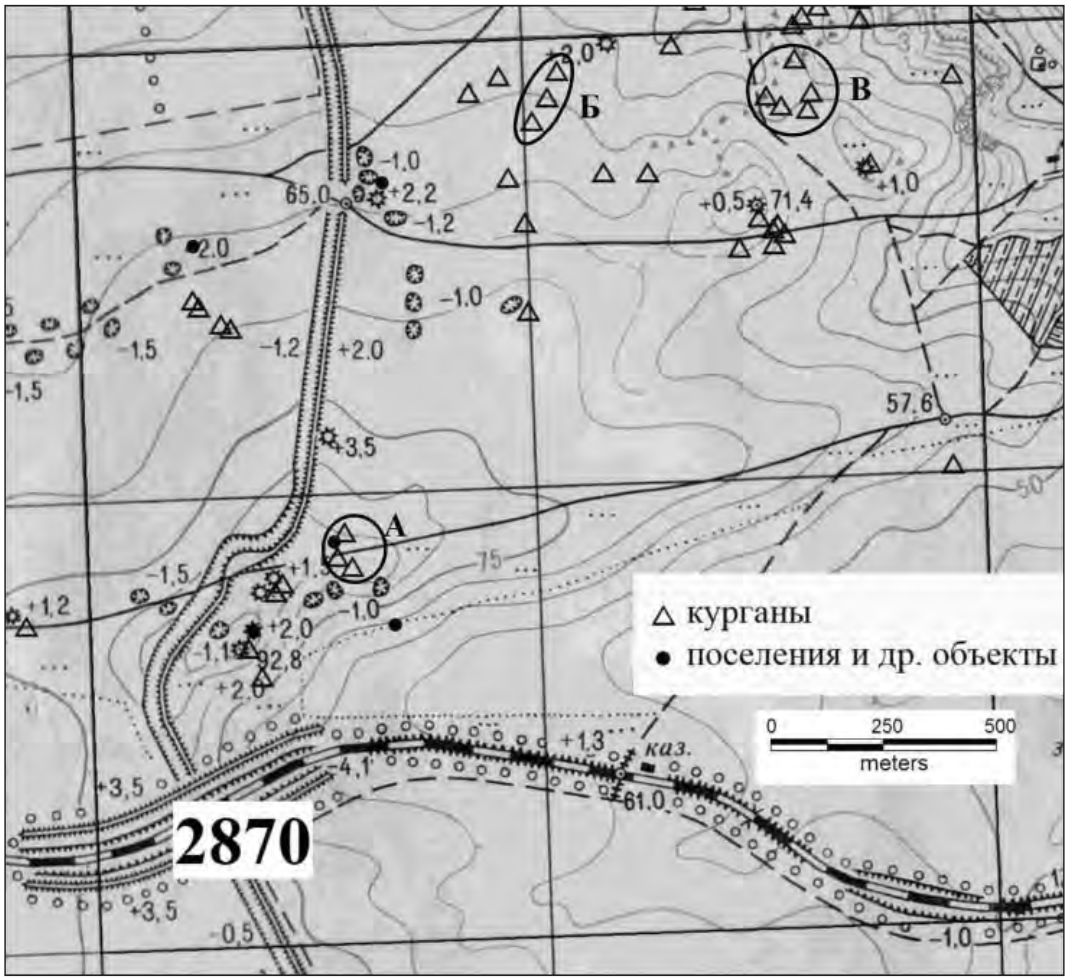


Рис. 8. Карта расположения курганов и других археологических объектов в квадрате 2870 по старинным и современным картам.

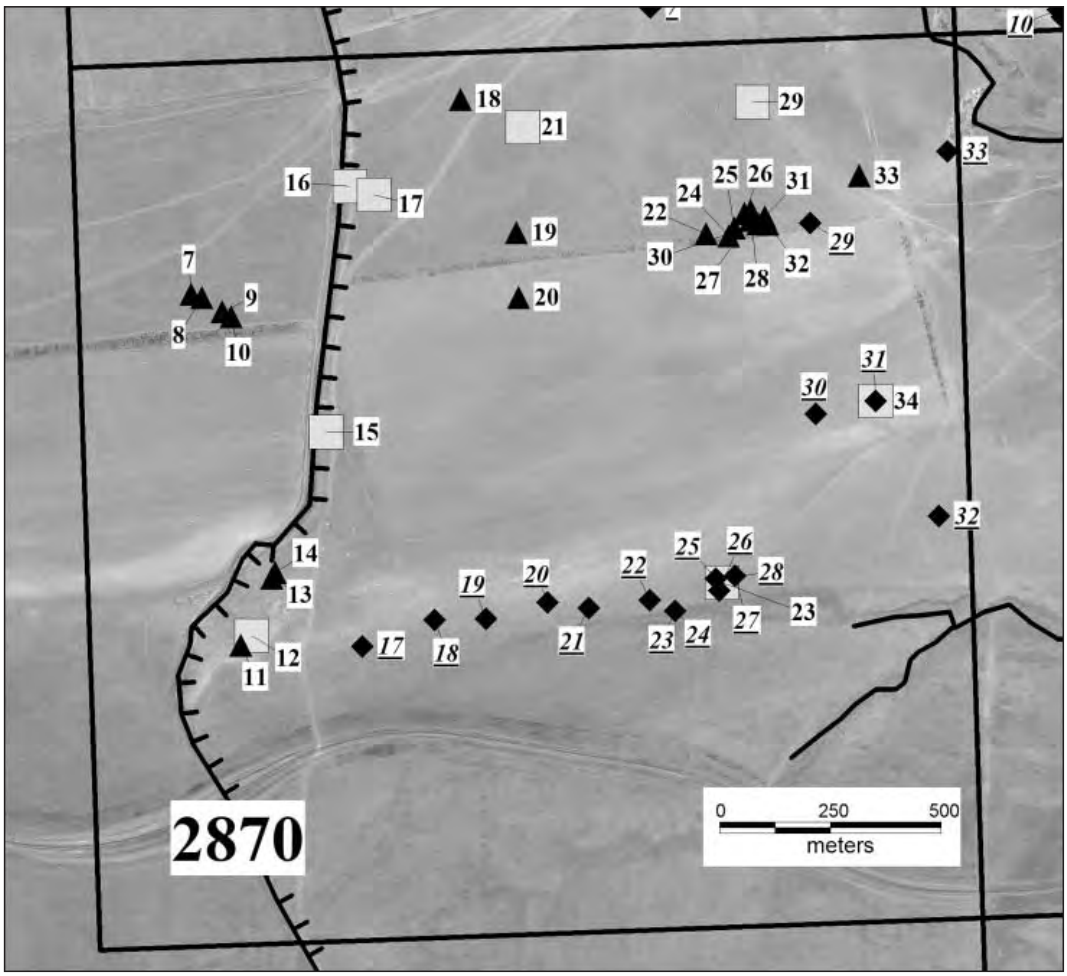


Рис. 9. Археологические объекты и места находок фрагментов керамики по результатам разведок 2015 г. в квадрате 2870.

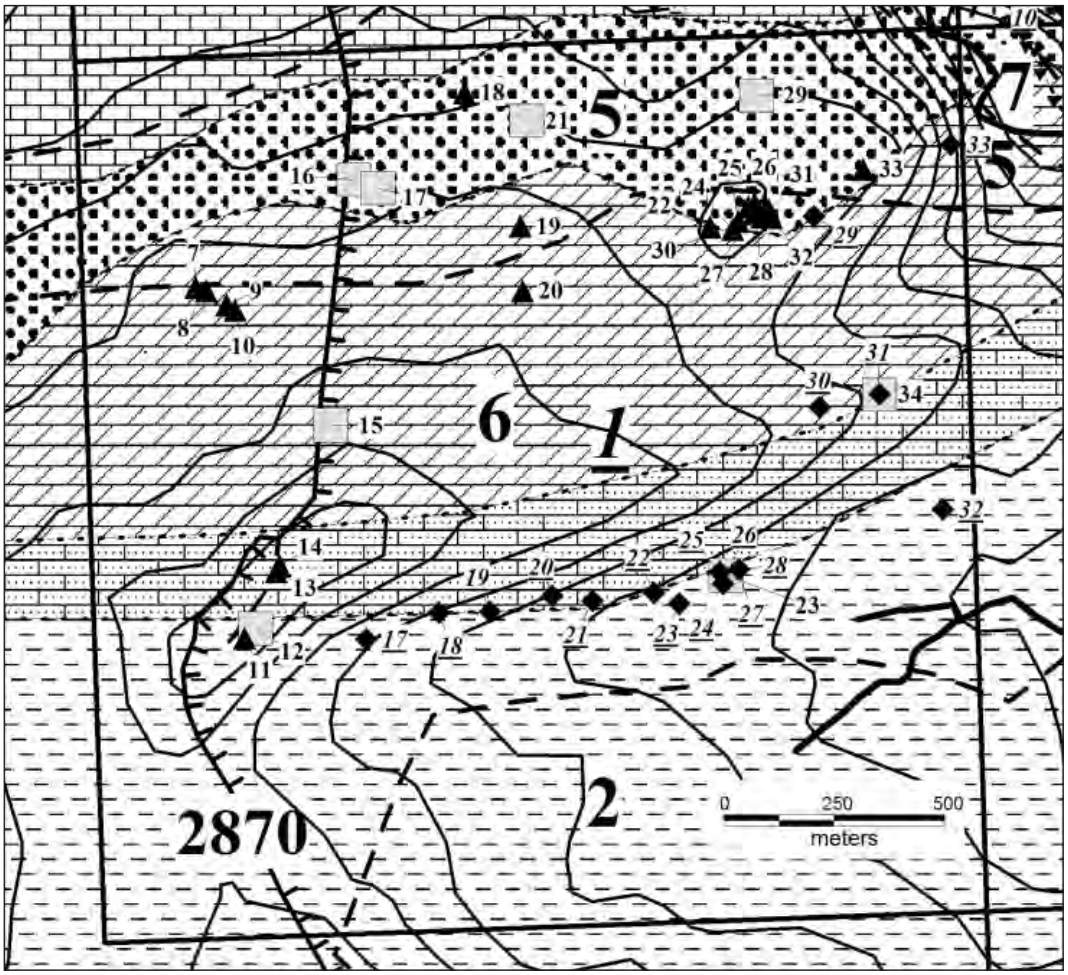


Рис. 10. Карта горных пород и типов почв в квадрате 2870.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

△
▲19
Объекты, обозначенные как курганы на «верстовке».
Курганы, выявленные на местности и их номера в табл.1.

21
Прочие объекты, выявленные при обследовании (поселения, оборонительные структуры и др.) и их номера в табл.1.

◆1
Места находок фрагментов керамики и их номера в табл. 2.

Узунларский вал.

Балка Аджиэль и ее рукава.

Линии горизонталей, построенные по данным SRTM. Горизонтали проведены через 5 м.

Границы почвенных зон и номера типов почв.

1. Пески слабозадернованные слабогумусированные и негумусированнные, современные морские отложения.
2. Темнокаштановые почвы на тяжелых засоленных глинах
3. Луговые и глубоко средне- и сильносолонцеватые почвы, солончаки и солончаковый ил.
4. Черноземы южные слабогумусированные мицелляро-карбонатные на лессах и лессовидных породах.
5. Дерновые карбонатные почвы на элювии плотных карбонатных пород.
6. Черноземы солонцеватые на плотных засоленных глинах и черноземы карбонатные щебнистые и галечниковые на карбонатных породах.
7. Солонцы степные, луговые и глубоко-, средне- и сильносолонцеватые почвы.
8. Щелочно-черноземные глубоко-, средне- и сильносолонцеватые почвы.

Границы четвертичных отложений и их типы.

1 – средне-верхние звенья, генетический тип – эолово-делювиальные, вещественный состав – лессовидный суглинок и лесс.

2 – современное звено, генетический тип – аллювиальные почвы, вещественный состав на исходной карте не указан.

3 – нижне-верхние звенья, генетический тип – эолово-делювиальные, вещественный состав – лессовидный суглинок и лесс.

Границы дочетвертичных горных пород и их типы.

Средний и нижний плиоцен. Пески, глины, железные руды, ракушечные известняки, мшанковые рифы.

Верхний миоцен. Мэотический ярус. Ракушечные известняки, мшанковые рифы, глины.

Верхний миоцен. Мшанковые рифы мэотического яруса.

Верхний миоцен. Сарматский ярус. Верхний подъярус. Глины, мергели, известняки.

Верхний миоцен. Сарматский ярус. Средний подъярус. Глины, мергели, известняки, пески.

Верхний миоцен. Сарматский ярус. Нижний и средний подъярусы. Глины.

М.М. КАЗАНСКИЙ
M.M. KAZANSKI

ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ ГОТОВ НА БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ И ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В III В.

ROUTES OF ENTRY OF THE GOTHS CIMMERIAN BOSPORUS AND NATURAL CONDITIONS IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION IN THE III CENTURY

Среди бурных событий Скифских войн на «понтийском фронте» [Щукин, 2005, с. 134–151; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006, p. 27–34] появление боранов и готов на Боспоре Киммерийском в 250-х гг. привлекло особое внимание исследователей. К настоящему времени в русской историографии сложилось два взгляда на вопрос о том, откуда и каким путем пришли эти варвары, условно объединяемые под этнонимом «готы» (рис. 1). Для его прояснения постараемся привлечь некоторые данные о природной среде Северного Причерноморья того времени[1].

О ситуации в Боспорском царстве в середине III в.

Коротко остановимся на политической ситуации в Боспорском царстве в 250-е гг. Как известно по нумизматическим данным, в 253–254 гг. на Боспоре Киммерийском имеются сразу два царя, Рескупорид V, который пришел к власти в 242 г., и некий Фарзанс, носящий типично иранское (аланское?) имя [Яценко, 1997, с. 157]. Предполагается, что последний является узурпатором, укрепившимся то ли на «европейском» Боспоре [Блаватский, 1964, с. 103], то ли в его «азиатской» части [Зубарь, 1998, с. 139] и при этом вступившим в союз с германцами. Последнее утверждение базируется на известном сообщении Зосима об узурпации власти всякими недостойными людьми, предоставившими боспорский флот варварам - «скифам» для набегов на римские провинции в Азии [Зосим, Новая история, I.32.2]. Этим негодяем вряд ли мог быть Рескупорид V, именовавший себя ещё в 250 г. «другом цезаря и римлян» [Корпус боспорских надписей, № 59] и получавший от империи поддержку, остается Фарсанз. Возможно, впрочем, и другое: Рескупорид, следуя принятой на Боспоре практике, выбрал себе соправителя Фарсанза, чтобы лучше организовать оборону царства на разных фронтах. В самом деле, монеты обоих правителей чеканятся в

[1] Характер появления готов в III в. на Боспоре Киммерийском уже был темой предварительной публикации [Казанский, 2015]. Здесь предложена более подробная версия этой работы с дополнительными аргументами, где учтены результаты конструктивной дискуссии на XVI Боспорских чтениях в мае 2015 г. (г. Керчь), в которой, в частности, приняли участие Александр Айбабин и Валерий Яйленко, которым я и выражаю признательность за интересные замечания. Также пользуюсь случаем поблагодарить Дмитрия Коробова, Владимира Малашева и Игоря Храпунова за ценную помощь в работе над этой статьей.

центральном ателье Пантикапея [Фролова, 1980, с. 67; Фролова, 1997, с. 52–54], что свидетельствует, скорее, о сердечном согласии двух царствующих особ [Щукин, 2005, с. 139; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006, p. 29].

Монетные клады, такие как Патрей-3 и Таманский 1970 г., с последними монетами 251–252 гг., керченский 1964 г. и Мирмекийский 1988 г., последние монеты которых чеканены в 253 г., свидетельствуют о стрессовой ситуации. О каких-то событиях военного характера говорят и следы пожаров в Пантикапее, датированные монетами Фарсанза 243–254 гг. и Рескупорида V 254 г. [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006, p. 28].

Некоторые вещи германской традиции, обнаруженные на территории Боспорского царства, по дате близки этому событию. Это гривна из Фанагории (рис. 2,5) [Казанский, Мастыкова, 2007] или подвязная фибула с кольцевым декором из Пантикапея (рис. 2,4), датируемые периодами соответственно С2 и С2-С3, согласно хронологии европейского Барбарикума (С2: 260/270-300/320 гг.; С3: 310/330-360/370 гг.). Стоит упомянуть и гребень типа Томас I (рис. 2,3), типичный для периодов С2 и С3, открытый в Керчи, в погребении 29.1873 г., с монетами 202 и 265 гг. Еще одна находка того же времени – фибула центральноевропейского происхождения (пшеворская культура или северная часть Карпатского бассейна), происходящая из некрополя Курское, на западной периферии Боспора Киммерийского. Она происходит из могилы, датированной по пряжкам теми же периодами С2 и С3. Но в целом вещей германской традиции в середине III в. на Боспоре Киммерийском практически нет [Казанский, 1999, с. 280; Kazanski, 2002, p. 394–396]. Кстати, возможно готы и бораны не первые северные варвары, попавшие в Крым в позднеримское время. Об этом свидетельствует отмеченная в Северном Причерноморье, и в частности на Боспоре, «прибалтийско-скандинавская» (по терминологии О.В. Шарова) волна северных импортов второй половины II – начала III вв. [см. Васильев, 2005; Шаров, 2010, с. 277; Шаров, 2013, с. 143, 144; Шаров, Чореф, 2015, с. 366–368].

В это время погибает боспорский город Танаис на Нижнем Дону. Судя по монетным находкам, катастрофа случилась в 251 г. или вскоре после этой даты. Город сгорел в пожаре, при этом явных следов сражения (скелеты и многочисленные предметы вооружения на улицах и в помещениях, следы разрушения укреплений) не найдено [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006, p. 28]. Как предполагал Д.Б. Шелов, город был захвачен без генерального штурма, большая часть его населения избежала смерти и была уведена в плен захватчиками, после чего Танаис был сожжен [Шелов, 1972, с. 300, 301]. В помещениях, пострадавших от пожара во время разгрома города, всё же найдены предметы вооружения, типичные для германцев Центральной Европы [Bezuglov, 2003, Abb. 2; Щукин, 2005, с. 138; Щукин, 2011, с. 174].

Это умбон типа Конин (рис. 3,3) [Щукин, 2005. рис. 5,9; Kazanski, 1994, p. 479, № 13.b; Bezuglov, 2003, Abb. 2,3], датируемый периодом С1 по хронологии европей-

ского Барбарикума (160/180–260/270 гг.), что соответствует горизонту 2а (группа 6) погребений с оружием в пшеворской культуре [Godlowski, 1992, s. 44–50, fig. 19; Godlowski, 1994, fig. 3,40,41]. Такие умбоны известны в первую очередь на пшеворских памятниках, хотя встречаются и вне пшеворской зоны, например, в древностях восточных балтов в Литве [Kazanski, 1994, p. 438]. Умбоны типа Хоруля (рис. 3,1,2) [Щукин, 2005, рис. 5,10,11; Kazanski, 1994, p. 479, № 13.a; Bezuglov, 2003, Abb. 2,2,3] датируются тем же временем и также хорошо известны в пшеворской культуре, в группе 6 воинских погребений [Godlowski, 1994, fig. 3,42; Kazanski, 1994, p. 437, 438]. Умбоны щитов типа Цилинг О (рис. 3,6) [Арсеньева, Науменко, 2001, рис. 24,1; ср. Zieling, 1989, S. 135, 136, Taf. 16,O], принадлежащие периодам С1-С3 (т.е. времени от 160/180 по 350/370 гг.), наиболее обычны для Скандинавии (Ютландия, Борнхольм, Готланд) [Zieling, 1989, S. 135]. В скандинавской зоне такие умбоны известны как тип Илькер 6а, они типичны для групп 6-9 скандинавских погребений с оружием и датируются периодами С1b-С2а, хотя очень похожие формы есть здесь и позднее [Ilkær, 1990, S. 289–301, Abb. 199]. Умбон типа Цилинг К1 (рис. 3,5) с цилиндроконической калоттой и широкими полями [Bezuglov, 2003, Abb. 2,5; Щукин, 2005, рис. 5,12] хорошо представлен в погребениях пшеворской группы 7b [Godlowski, 1992, ryc. 4,3; Godlowski, 1994, Abb. 1,64,65], соотносимой с периодами С1b-С3 (т.е. с 220/230 по 350/370 гг.), но распространен и за пределами пшеворской культуры, например, в зоне черняховской культуры или в Абхазии [Kazanski, 1994, p. 440]. Наконец, умбон типа Цилинг Н1/Мизери (рис. 3,4) [Kazanski, 1994, 479, № 13.c; Bezuglov, 2003, Abb. 2,4] представлен в погребениях пшеворской группы 5 [Godlowski, 1992, ryc. 3,4; Godlowski, 1994 Abb. 1.25], то есть в период С1 (160/180–250/270 гг.], но существует вплоть до эпохи переселения народов [Kazanski, 1994, p. 441–443]. В Танаисе также найдена шпора типа Лейна среднегерманского варианта В (рис. 3,7) [Böttger, Arsen'eva, 1996, Abb. 16; Bezuglov, 2003, Abb. 2,6; ср. Giesler, 1978, S. 11, Abb. 2, Variante B, Taf. 1,13,15,16, Taf. 2,28,29 и.т.д.], характерная для германцев позднеримского времени, начиная с периода С1b (220/230–250/270 гг.). Об этом свидетельствуют находки близких форм в пшеворских могилах группы 7а [Godlowski, 1994, Abb. 1,54][2]. Отметим, что эти вещи не самые ранние германские находки в Танаисе. Один явно «северный» умбон с шипом был найден здесь в одном из курганных погребений и отнесен О.В. Шаровым к периоду В2/С1, т.е. к 150/160–200/210 гг. [Шаров, 2010, с. 274, рис. 13,3].

Вооружение оседлых варваров, участников Скифских войн, хорошо известно. Судя по находкам на памятниках вельбаркской, черняховской и пшеворской куль-

[2] Зато копья различного размера с листовидным наконечником и продольной нервюрой, идентифицированные А.А. Васильевым как специфически германские [Васильев, 2005, рис. 2,10,11], таковыми не являются, поскольку имеют более широкое распространение, например в Закавказье, на Северо-Западном Кавказе и на территории Римской империи [см., напр., Kazanski, Mastykova, 2007, p. 29].

тур, основу боевой силы у северных варваров – готов, боранов, герулов и др. – составляла пехота, вооруженная копьями и щитами с металлическими элементами – умбонами и рукоятями [см., напр., Козак, 1984, с. 26–31; Kokowski, 1993; Kazanski, 1994; Магомедов, Левада, 1996; Kazanski, 2013, p. 494–509]. Были, несомнено, и всадники, о чем свидетельствуют находки шпор [Kazanski, 1994, p. 430-435], но вряд ли кавалерия доминировала в варварском войске. Судя по уже упомянутым находкам предметов вооружения в Танаисе, а также в Южно-Донузлаве (см. ниже) и в могильнике Нейзац [умбон щита: см. Храпунов, 2003, с. 339, 340, рис. 5,2], вооружение варваров, вторгшихся в Северное Причерноморье в III в., в целом соответствовало экипировке носителей черняховской, вельбаркской и пшеворской культур, типичной для пехоты.

Были ли владельцы германского оружия в числе нападавших или входили в состав гарнизона города [Яценко, 1997, с. 157], можно только гадать. Ясно, однако, что германцы в той или иной роли оказались свидетелями гибели Танаиса. Предполагается, что нападение на Танаис совершили герулы, впоследствии осуществившие морской поход из Меотиды в 267 г. [Шелов, 1972, с. 303]. Надо отметить, что поселение и некрополь вновь возникают на месте Танаиса не позднее конца III в., как свидетельствует находка в 1972 г. богатой могилы с характерным для этого времени инвентарём, в 350 м от городского рва [Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, с. 68–70]. Среди материалов поселения имеются и материалы восточногерманской традиции, как, например, фибула с кольцевой гарнитурой (рис. 3,8), датируемая III в. [Амброз, 1969, табл. 8,2]. Итак, устье Дона после разгрома Танаиса в 251 г. вполне могло стать плацдармом для варварской экспансии на Черном море.

Вторжение варваров на Боспор: морем или сушей?

По мнению В.Ф. Гайдукевича, варвары, в первую очередь бораны, сначала завладевают Танаисом и уже оттуда, по морю, прорываются на Боспор Киммерийский (рис. 1,1). Затем, используя захваченный боспорский флот, бораны и готы совершают набеги на восточное побережье Черного моря в 256/257 гг. [Гайдукевич, 1949, с. 443–445].

Этническая принадлежность боранов не установлена. Все догадки об их германском [Пиоро, 1990, с. 39], алано-сарматском [Яценко, 1997, с. 158] и даже славянском происхождении [Ременников, 1954, с. 90] опираются на произвольные толкования созвучий древних этнонимов. Учитывая морскую активность боранов, не характерную для степных народов и ни разу не отмеченную для алан или сарматов, это скорее всего какие-то оседлые варвары (об их морских акциях см. ниже).

Вторая гипотеза была высказана Д.Б. Шеловым, Т.Н. Высотской и А.И. Айбабиным [Шелов, 1972, с. 302; Высотская, 1972, с. 187; Айбабин, 1999, с. 32–36; Айбабин, 1999а, с. 242, 243]. Эти исследователи полагают, опираясь на сообщение Иоанна Зонары, византийского автора XII в., использовавшего более ранние источники, что в 250-е гг. варвары вторглись на Боспор с запада, с территории Крымского

полуострова (рис. 1,4). Согласно Зонаре, нападение совершили варвары, участвовавшие ранее в войне на Балканах. С Боспора они вышли на Меотиду и разорили хору каких-то городов. А.И. Айбабин предполагает, что речь может идти о Танаисе [Айбабин, 1999, с. 32]. В пользу «западного» происхождения нападающих свидетельствует клад Долинное, в Юго-Западном Крыму, содержавший монеты 251 г., а также «крылатую» дакийскую фибулу (рис. 2,1) [Пиоро, Герцен, 1974]. Последняя может принадлежать участникам Скифских войн на Дунае в 248–251 гг. [Щукин, 2005, с. 138]. Следует вспомнить и гибель в III в. Неаполя Скифского и поселения Альма-Кермен, что явно свидетельствует о «сухопутной» войне внутри полуострова. А.И. Айбабин допускает, что сначала варвары посуху вторглись в Северо-Западный Крым, где разрушили укрепленное Южно-Донузлавское поселение. О германском присутствии здесь в III в. свидетельствует находка умбона типа Хоруля (рис. 2,2) [Щукин, 2011, с. 174, рис. 5,8][3], затем вдоль западного берега Крыма, разрушив по дороге поселение Усть-Альма, продвинулись к Третьей гряде Крымских гор и уничтожили здесь крепость Алма-Кермен и Неаполь Скифский. Затем варвары обосновались на Южном берегу Крыма[4] и уже потом вторглись на Боспор. Здесь момент нападения варваров отмечен в Пантикапее слоями разрушений и пожаров с монетами 254-256 гг. [Айбабин, 1999, с. 32–36, рис. 2].

Т.Н. Высотская полагает, что готы и их союзники могли попасть в Крым тремя путями: морем через Меотиду (рис. 1,1), из устья Днепра, также морем, продвигаясь вдоль крымского побережья (рис. 1,3) и, наконец, сухим путем, через Перекоп (рис. 1,4) [Высотская, 1972, с. 187]. Однако Е.В. Веймарн уже давно усомнился в возможности сухопутного вторжения готов и предположил, что они совершали свои нападения по морю, вдоль крымского побережья, передвигаясь на малых каботажных судах (рис. 1,1,2) [Веймарн, 1971, с. 62]. Гипотеза сухопутного вторжения варваров в Крым действительно вызывает некоторую настороженность, поскольку подобным образом в древности и в средневековье в Крым удавалось ворваться только степным кочевым народам с их мощной конницей. Для пешей армии, каковой, судя по характеру вооружения (см. выше), являлась армия готов и боранов, поход в открытую безводную степь заранее обречен на неудачу – большая часть бойцов просто умрет от кишечных болезней, нехватки воды и питания, как это и случилось, во время знаменитого похода фельдмаршала Миниха в Крым, сопровождавшегося огромными небоевыми потерями.

---

[3] Этот умбон скорее всего попал сюда уже после прекращения жизни на поселении [Пуздровский, 2007, с. 141]. По М.Б. Щукину, речь может идти скорее о месте временной высадки варваров [Щукин, 2005, с. 423]. Мнение А.Е. Пуздровского о том, что умбон был утерян в момент гипотетической гибели городища Донузлав в I в. [Пуздровский, 2007, с. 141], не может быть принято хотя бы потому, что в ту эпоху умбоны типа Хоруля еще не были в употреблении. Кроме того, ясных следов разрушения этого поселения в I в. нет.

[4] Отметим, что наиболее ранние погребения германского облика на могильнике Чатыр-Даг О.В. Шаров относит к рубежу II–III вв. [Шаров, 2013, с. 144].

Варвары-пираты в Средиземноморском бассейне в римское время и в начале средневековья

Как уже отмечалось, готы и бораны наверняка были оседлыми народами, хотя бы потому, что степные кочевники никогда не пускались в масштабные военно-морские предприятия, как это делали оседлые варвары-протоадыги, германцы, славяне и др. Впрочем, возможны и исключения – известна экстравагантная атака гунно-болгар на плотах против приморского города Херсонеса Фракийского [Агафий. О царствовании Юстиниана, IV.21, 22].

Страбон (вторая половина I в. до н. э.) описывает ахейцев, зихов и гениохов кавказского берега Черного моря как пиратов, которые терроризируют прибрежные районы, нападают на корабли и даже атакуют приморские города и поселки. Пираты передвигаются на длинных и легких лодках, в каждой помещалось по 25–30 человек. По возвращении домой они вытаскивают эти лодки на берег и на плечах уносят их в горы, а с началом нового сезона навигации опять стаскивают их на морское побережье [Страбон. География, XI.2 .13].

Общеизвестны морские походы восточных германцев, в частности, грейтунгов-остроготов и герулов, в Черноморском и Эгейском бассейнах в 253–275 гг. Речь идет о целых флотах, действующих из Меотиды и устья Днестра [Щукин, 2005, с. 139, 140, 146, 147, 149, 150; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006, p. 29–34]. Древние авторы дают некоторые цифры, позволяющие судить о масштабах этих акций. Синкелл говорит о 500 кораблях, участвовавших в экспедиции герулов 267–268 гг. [цит. по Ременников, 1954, p. 115]. В 268–269 гг. варварский флот герулов, певкинов и готов, вышедший из устья Днестра, составлял не то 2000 [Аммиан Марцеллин. История, XXXI.5.15; Histoire auguste. Vie de Claude, VIII.1], не то 6000 кораблей [Зосим. Новая история, I.42]. Если эти цифры верны, то, скорее всего, речь идет о небольших судах. Напомним, что, по подсчетам историков, в эпохальных морских сражениях античности было задействовано меньшее количество судов: менее чем 200 кораблей у Марка Антония против 400 у Октавиана Августа при Акциуме [Парфенов, 1986, с. 70] и соответственно около 300 и 500 у греков и персов при Саламине [Конноли, 2006].

Показательно, что в латенское и римское время и даже в начале средневековья (рис. 4; 5,1) германцы, по крайней мере в бассейне Балтийского моря (в том числе, стало быть, и готы), не знали паруса, о чем свидетельствуют археологические и иные источники. Назовем известные находки гребных судов в Хьортшпринге (Hjortspring) (рис. 4,1) и Нюдаме (Nydam) (рис. 4,2) или изображения челнов на камне из Стенкирки (Stenkyrka) (рис. 5,1) [Hachmann, 1971, p. 81, fig. 13,14, 96; Schönback, 1983, fig. 4; Лебедев, 2005, с. 103, 104, рис. 12, 18]. Тацит (I в. н.э.) отмечает по поводу свионов, которые «... сильны также флотом. Их суда примечательны тем, что они могут подходить к месту причала любою из своих конечностей, так как и та и другая имеют форму носа. Парусами свионы не пользуются и весел вдоль бортов не закрепляют в ряд одно за другим: они у них, как принято на некоторых реках, съемные, и они гребут ими по мере надобности то в одну, то в другую сторону» [Тацит. О происхождении герман-

цев, 44]. В свете этих данных вполне понятно желание готов и боранов завладеть на Боспоре приличными морскими кораблями. Впрочем, в ходе Скифских войн III в. отмечены случаи, когда варвары в 257–258 гг. строили и настоящие корабли средиземноморского типа с помощью военнопленных и торговцев, «живших среди них» [Зосим. Новая история, I.34.1].

Случай германского пиратства на Средиземном море отмечен источниками для 280 г. В это время франки Нижнего Рейна были разбиты Пробом и депортированы на другой конец империи, куда-то на Понт [Panégyrique de Constance, XVIII]. Однако варвары восстали и морем прорвались домой. На многочисленных кораблях они разгромили Грецию, напали на сицилийский город Сиракузы, а также были отражены у стен Карфагена в Африке [Зосим. Новая история, I.71.2; Panégyrique de Constance, XVIII] [Gibbon, 1983, p. 248, 249; De Boone, 1991, p. 10; Périn, Feffer, 1997, p. 44].

Упомянем и пиратские действия славян на Средиземном море в VII в., где действуют флотилии однодеревок-моноксил (вроде изображенной на рис. 5,2). По Феодору Синкеллу, «славяне приобрели большой навык в отважном плавании по морю с тех пор, как они начали принимать участие в нападениях на ромейскую державу» [Феодор Синкелл. Проповедь, 5-15]. Славянские флотилии в VII в. пиратствовали на Эгейском море и в Адриатике [Чудеса св. Дмитрия Солунского, II.1.179,180], под руководством авар даже безуспешно пытались захватить с моря Константинополь в 626 г. [Георгий Писида. О случившемся нашествии варваров, 409, 446, 462 и т.д.; Пасхальная хроника; Феодор Синкелл. Проповедь, 15-60; Никифор. Сокращенная история, I] и Фессалоники [Чудеса Св. Дмитрия Солунского, II.1.180, 185, 188], пересекали Адриатику и высаживали десант в Италии в 642 г. [Павел Диакон. История лангобардов, IX.4.44].

Варварское вторжение и климат Северного Причерноморья в римское время

Впрочем, сухопутное вторжение пешей армии в Крым стало бы возможным, если в римское время климат крымских степей был бы более благоприятным, чем в наши дни. Поэтому стоит привлечь данные о климате степного Северного Причерноморья в римское время. Считается, что в Северном полушарии в I–III вв. усиливается аридность [Таиров, 2003, с. 17]. На «рубеж эр», как стало модно говорить после работ М.Б. Щукина, приходится потепление климата. Максимум его гумидизации сответствует I в. до н.э. – I в. н.э., затем во II–III вв. н.э. наступила аридизация, вновь сменившаяся влажным периодом в IV–V вв. н.э. [Демкин и др., 2012, с. 171, 172]. При этих общих тенденциях в различных регионах климатические изменения происходили по-разному. Так, в Западной Европе, по данным дендрохронологии, климат с 45 г. до н.э. по 200 г. н.э. был в основном влажным, с 250 по 420/430 гг. резко усиливается аридизация [Schmidt, Gruhle, 2003; Schmidt, Gruhle, 2003a]. В целом в Римской империи период 200–400 гг. менее стабилен, чем предыдущий. Примерно с 200 г., особен-

но в 260–290 гг., усиливаются холода, хотя теплые и холодные годы чередуются, потом начинается потепление [McCormick et al., 2012, p. 185]. По данным письменных источников, в первую очередь для Римской империи, I век был самым засушливым, а 180–350 гг. влажность повышается, а затем с конца IV в. снова понижается [Бараш, 1989, с. 18]. В III в. зимы были очень суровыми, в частности зима 250/251 гг. [Бараш, 1989, с. 25, 26]. Всего в III в. в Римской империи недородов от суровых зим было 5, от засухи – 5, от избытка влаги – 1 [Бараш, 1989. Приложение 1].

Что же касается евразийских степей, то здесь для античного времени по данным почвоведения выделяется несколько климатических периодов: савроматский гумидный – не менее 150 лет; раннесарматский аридный – 300 лет; ранне-среднесарматский гумидный – 200 лет; позднесарматский аридный – 150 лет; позднесарматский гумидный – более 100 лет. Наиболее влажными климатическими условиями характеризовалисьVI–V и I вв. до н.э., I и IV вв. н.э.[5], а самыми засушливыми – IV–III вв. до н.э. и II–III вв. н.э. [Демкин и др., 2013, с. 32]. В прегорьях Северного Кавказа палеопочвы в конце II в. и начале III в. свидетельствуют о климате более сухом, чем сейчас [Kokhlova et al., 2007]. Для волго-уральских степей в позднесарматское время, во второй половине II – первой половине III вв. н.э., судя по палеопочвам, имела место аридизация климата. Очередная гумидизация климата здесь начинается во второй половине III в. н.э., она особено ярко проявилась в IV в. н.э. [Демкин и др., 2012, с. 163].

В отношении древнего климата степей Северного Причерноморья есть мнение, что в I–VII вв. ситуация могла быть близкой нынешней [Таиров, 2003, рис. 11]. Но по палинологическим данным, в северопричерноморских степях, в том числе и в Крыму, в I–III вв. н.э. фиксируются более засушливые климатические условия [Герасименко, 2007]. Гумидизация здесь отмечена с IV в. н.э. [Герасименко, 2007], «... что согласуется с общеевропейскими трендами развития климатической ситуации» [Демкин и др., 2012, с. 171, 172]. Конечно, археологу сложно оценить выводы специалистов в области естественных наук, но представляется, что некий консенсус всё же у них намечается: степи Крыма в интересующее нас время вряд ли были более гостеприимными, чем в эпоху Миниха.

Есть, правда, одно прямое указание письменных источников, казалось бы, подтверждающее возможность сухопутного вторжения в Крым в древности. Речь идет о военной акции Юстиниана в 527/528 или 533/534 гг. против гуннов, захвативших Боспор Киммерийский [см. подробнее: Артамонов, 1962, с. 89, 90; Айбабин, 1999, с. 94–96]. Тогда, по свидетельству Феофана, Иоанн и Руфин с большим вспомогательным «скифским» войском по приказу Юстиниана направились на засевшего на Боспоре гуннского царя Муагериса (Мугеля по Иоанну Малале), одновременно из

[5] Имевшая место в 63–69 гг. акция Плавтия Сильвана в Крыму была, скорее всего, военно-морской десантной операцией [Зубар, 1988; Зубарь, 2001] и поэтому не может быть привлечена в качестве аргумента в дискуссии о климате крымских степей в I в.

фракийского Одиссополя на гуннов двинулись по суше в поход войска Годилы и Бадурия. Гунны испугались и сбежали [Феофан; цит. по Чичуров, 1980, с. 51]. Иоанн Никиусский, рассказывая о том же событии, указывает, что по морю был отправлен десант из готов и «скифов» под командованием Тулиана и одновременно многочисленная конница под командованием Бадуария двинулась на гуннов посуху [John, Bishop of Nikiu, Chronicle, XC.66]. Иоанн Малала подтверждает отправку войск на Боспор морем и по суше под командованием Бадуария, но не уточняет состав этих войск, хотя несколько раньше он отмечает назначение Иоанна на должность комеса проливов Понта и придание ему для усиления многочисленных готов [The Chronicle of John Malalas, 18.14.432]. Согласно А.И. Айбабину, напавшие на Боспор гунны Муагерия были крымскими альциагирами [Айбабин, 1999, с. 96, 97], которых Иордан размещает в степях под Херсоном [Иордан, Getica, 37]. Такая идентификация мне кажется логичной, поскольку отправлять сушей войска из Фракии против других гуннов где-нибудь на Тамани или Кубани – явное безумие. Цель такого конного похода могла заключаться в том, чтобы оттянуть от Боспора на Перекоп или даже на Нижний Днепр значительные силы гуннов-альциагир и таким образом обеспечить свободу действий морского десанта Иоанна и Руфина. Конница Бадуария могла состоять из гуннов/болгар Северо-Западного Причерноморья, служивших в это время в византийской армии. В качестве примера назовем «массагетских» конных стрелков Синния и Валы в Северной Африке [Прокопий. Война с вандалами, I,11.12][6] или всадников гунно-склавино-антского корпуса Мартина и Валериана в Италии [Прокопий. Война с готами, I,27.1]. Однако каким бы ни был состав корпуса Бадуария, в любом случае, по Иоанну Никиусскому, речь идет о кавалерийском рейде, а не о вторжении армии, состоящей преимущественно из пехоты, каковой была армия готов и боранов в III в.

Климат и палеодемография Таврии в римское время

О возможной аридизации степей Крыма во II – III вв., на мой взгляд, могут свидетельствовать изменения археологической ситуации, фиксирующие оттоки и притоки древнего населения. В первую очередь это касается степных сарматских памятников. Отмечено, что в I – первой половине II вв. сарматских погребений в степях Северной Таврии и Крыма значительно больше, чем в предыдущую эпоху или в последующее время (рис. 6,1). Во второй половине II–III вв. количество сарматских погребений в Северной Таврии резко уменьшается, а в степном Крыму они практически полностью исчезают, крымская степь становится безлюдной (рис. 6,2). Зато отмечена значительная концентрация населения в предгорьях

[6] В данном эпизоде варвары названы массагетами, но из последующих известий Прокопия мы узнаем, что в 551 г. Синний был одним из предводителей северопричерноморских кутригур [Прокопий. Война с готами, IV,19.7].

Центрального и Юго-Западного Крыма [Симоненко, 1993, с. 112, 118, рис. 22, 25; Храпунов, 2004, с. 117, 126–128, рис. 36].

Похожая ситуация складывается и в Северо-Западном Крыму, где в начале римского времени имеется значительное оседлое население (рис. 7,1). Но во второй половине I или начале II в. почти все поселения здесь оставлены, в том числе такие крупные, как Калос Лимен, Беляус, Южно-Донузлавское. Могильники этого времени здесь также малочисленны, появляется новое, возможно, полукочевое население. То же самое происходит и в долине Булганака, в Западном Крыму (рис. 7,2) [Храпунов, 2004, с. 116, 117; Пуздровский, 2007, с. 91]. При этом следов разрушений и военных действий на заброшенных поселениях нет [Храпунов, 2004, с. 116, 117], хотя большинство исследователей связывает запустение Северо-Западного Крыма с какими-то военными акциями [Пуздровский, 2007, с. 89, 90]. Показательно, что примерно тогда же, в первой половине II в., прекращается жизнь и на многочисленных скифских поселениях Нижнего Приднепровья [Щукин, 1979, с. 71–74]. И хотя их исчезновение принято связывать с агрессией сарматов, следов военных действий, как и в Северо-Западном Крыму, там тоже нет [Храпунов, 2004, с. 117]. Может быть, всё-таки основной причиной исчезновения населения и на Нижнем Днепре, и в степях Крыма и Северной Таврии, и в Северо-Западном и Западном Крыму было не вторжение неприятелей, а в первую очередь экологический кризис, связанный с климатическими изменениями, а точнее, с возрастающей аридизацией?

Такую возможность, в частности, допускала О.Д. Дашевская относительно причин запустения памятников Северо-Западного Крыма в I в. н.э. [Дашевская, 2014, с. 93; Дашевская, Голенцов, 2004, с. 38, 39]. Одновременно во II в. наблюдается увеличение населения в Юго-Западном Крыму, что, возможно, связано с притоком переселенцев из степей Северо-Западного Крыма [Высотская, 1972, с. 180, 181; Храпунов, 2004, с. 117; Пуздровский, 2007, с. 89].

Разумеется, любое ухудшение экологической и, как следствие, экономической ситуации сопровождается усилением военной напряженности, и конфликты Скифского царства с Римом, Боспором и кочевниками также здесь сыграли свою негативную роль. Однако в Крыму некий военный стресс археологически ярче всего выражен для несколько более позднего времени, т.е. для первой половины–середины III в., когда отмечены следы разрушений и пожаров на Усть-Альме, в Неаполе и других поселениях, имеются монетные клады [Высотская, 1972, с. 187; Храпунов, 2004, с. 117, 121–123]. Трудно сказать, идет ли речь о вторжении северных варваров, о нашествии каких-то кочевых народов, например алан, или же о войне между какими-то крымскими политическими образованиями – при отсутствии прямых указаний письменных источников все версии равновероятны.

Что же до готов и боранов, появившихся на Боспоре, то мне представляется, что им не имело смысла вторгаться в безлюдную и негостеприимную для них сухую степь, не имея необходимой для этого многочисленной и хорошо подготовленной кавалерии. По крайней мере, они никогда не делали этого в основной зоне своего

расселения, на территории современной Украины, где готы и их союзники, если и выходили за пределы лесостепи, то предпочитали держаться долин рек или морского побережья. Скорее всего, их первое вторжение в Крым в 250-е гг. было осуществлено морским путем, на небольших судах типа германских челнов или славянских моноксил (рис. 4 и 5), вполне пригодных для каботажного плавания. Только захватив на Боспоре Киммерийском настоящие морские суда и получив в свое распоряжение опытные экипажи моряков, варвары в 256/257 гг. вырвались на оперативный простор. На Меотиду варвары могли попасть либо с Нижнего Днепра и р. Молочной и затем продвигаться вдоль азовского побережья, либо из бассейна Северского Донца, где памятники оседлых варваров с элементами черняховской культуры появляются не позднее второй трети III в. [см. напр. Щукин, 2005. С. 133; Любичев, 2010].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Агафий, О царствовании Юстиниана (пер. и комм. М.В. Левченко). Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1953, 222 с.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 151 с.

Айбабин А.И. О дате вторжения германцев в Крым // Сто лет черняховской культуре / под ред. М.Е. Левады. Киев: Товариство археологиї та антропології, 1999. С. 242–251.

Амброз А.К. Фибулы из раскопок Танаиса // Античные древности Подонья- Приазовья / под ред. Д.Б. Шелова. Москва: Наука, 1969. С. 248–272.

Аммиан Марцеллин. Римская история (пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сони). Санкт-Петербург: Алатейя, 2000. 576 с.

Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. Москва: Палеограф, 2001. 274 с.

Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Раскопки Танаиса в центре восточной части городища // Древности Боспора. 2001. Вып. 4. С. 56–124.

Артамонов М.И. История хазар. Ленинград: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. 524 с.

Бараш С.И. История неурожаев и погоды в Европе. Ленинград: Гидрометеоиздат, 1989. 23 с.

Блаватский В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. Москва: Наука, 1964. 232 с.

Васильев А.А. О времени появления германских дружин на Боспоре // Боспорский феномен / под ред. И.Ю. Зуева. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2005. С. 343–349.

Веймарн Е.В. Одне з важливых питань ранньосередньовічної історіі Криму // Середні віки на Україні. 1971. Т. 1. С. 61–65.

Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наукова Думка, 1972. 192 с.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1949. 624 с.

Георгий Писида (пер. и комм. С.А. Иванова) // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II. (VII–IX вв.) / Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 65–74.

Герасименко Н.П. Ландшафтно-кліматични зміни на терриорії Украини за останні 2,5 тис. років // Історична географія: початок XXI століття. Вінниця: Теза, 2007. С. 41–53.

Дашевская О.Д. Некрополь Беляуса. Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2015. 284 с.

Дашевская О.Д., Голенцов А.С. К 40-летию раскопок городища Беляус // Археология Северо-Западного Крыма. Симферополь: Центр музейных технологий и этно-культурного туризма, 2004. С. 26–41.

Демкин В.А, Скрипкин А.С., Ельцов М.В., Золотарева Б.Н., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Кузнецова Т.В., Удальцов С.Н., Каширская Н.Н., Плеханова Л.Н. Природная среда волго-уральских степей в

савромато-сарматскую эпоху (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Пущино: Институт физ.-хим. и биол. проблем почвоведения РАН, 2012. 216 с.

Демкин В.А., Демкина Т.С., Ельцов М.В., Хомутова Т.Э., Удальцов С.Н. Эволюция почв и динамика климата степей Восточной Европы во второй половине голоцена // Динамика современных экосистем в голоцене: Материалы Третьей Всероссийской научной конференции (с международным участием) / Под ред. И.В. Аськеева, Д.В. Иванова. Казань: Отечество, 2013. С. 32–34.

Зосим, Новая история. Книга I (перевол и комментарии Н.Н. Болгова) // Античный Мир. Белгород: Издательство Белгородского государственного университета, 1995. С. 154–191.

Зубар В.М. Про похід Плавтія Сільвана в Крим // Археологія. 1988. Вып. 63. С. 19–27.

Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. Киев: Национальная Академия наук Украины. Институт археологии, 1988. 200 с.

Зубарь В.М. О характере похода легата Тиберия Клавдия Сильвана в Таврику [Электронный ресурс] // История Древнего Рима. URL: http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1408547153 (дата обращения: 15.12.2015).

Иордан, О происхождении и деяниях готов, Getica (латинский текст, вступительная статья, пер., комм. Е.Ч. Скржинской). Санкт-Петербург: Алатейя, 2001. 508 с.

Казанский М.М. Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре / под ред. М.Е. Левады. Киев: Товариство археологиї та антропології, 1999. С. 277–297.

Казанский М.М. Готское вторжение на Боспор Киммерийский и климат в III в. // Боспорские чтения. 2015. XVI. С. 180–188.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Золотая гривна из Фанагории: о германцах на Боспоре Киммерийском в позднеримское время // Боспорские чтения. 2007. VIII. С. 169–177.

Козак Д.Н. Пшеворська культура у Верхньому Поднстров'ї і Західному Побужжі. Київ: Наукова Думка, 1984. 96 с.

Коннолли П. Греко-персидские войны: Битва при Саламине [Электронный ресурс] // Римская слава, 27 ноября 2006. URL: http://www.roman-glory.com/02-01-08 (дата обращения: 15.12.2015).

Корпус боспорских надписей /Под ред. акад. В. В. Струве. Москва-Ленинград: Наука, 1965 г. 951 с.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. Санкт-Петербург: Евразия, 2005. 640 с.

Любичев М.В. О хронологии горизонта Боромля (датировка фибул группы VII О. Альмгрена в комплексах Центральной и Восточной Европы) // Древности. 2010. С. 136–155.

Магомедов Б.В., Левада М.Е. Оружие черняховской культуры // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. Т. 5. С. 304–323.

Минаева О. Викингские находки на Балканите: функция, семантика стилова интерпретация [Электронный ресурс] // София: Научен електронен архив на НБУ, 2013. 68 с. / URL: http://eprints.nbu.bg/1883/ (дата обращения: 26.12.2015).

Никифор (пер. и комм. Г.Г. Литаврина) // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II. (VII–IX вв.) / сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 221–247.

Павел Диакон. История лангобардов (пер. и комм. В.К. Ронина) //Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II. (VII–IX вв.) / сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 480–501.

Парфенов В.Н. Битва при Акции: легенда и действительность // Античный мир и археология, 1986. Вып. 6. С. 57–73.

Пасхальная хроника (пер. и комм. С.А. Иванова) //Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II. (VII–IX вв.) / сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 75–82.

Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев: Лыбидь, 1990. 198 с.

Пиоро И.С., Герцен А.Г. Клад антонианов из с. Долинное Крымской области // Нумизматика и сфрагистика. 1974. № 5. С. 81–90.

Прокопий из Кесарии, война с готами (пер. С.П. Кондратьева, вступительная статья З.В. Удальцовой). Москва: Издательство Академии наук СССР, 1950, 516 с.

Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история (пер., вступительная статья и комм. А.А. Чекаловой). Санкт-Петербург: Алатейя, 2000. 543 с.

Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.

Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н.э. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1954, 148 с.

Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев: Наукова думка, 1993. 144 с.

Страбон. География (перевод, статья и комментарии Г.А. Стратановского). Москва: Ладомир, 1994. 944 с.

Таиров А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э.: Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск: Рифей, 2003. 68 с.

Тацит О. происхождении германцев и местоположении Германии // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том первый (пер. А.С. Бобовича, ред. М.Е. Сергиенко). Ленинград: Наука, 1969. С. 353–373.

Феодор Синкелл. Проповедь о безумном нападении безбожных аваров и персов ... (пер. и комм. С.А. Иванова) // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II. (VII–IX вв.) / сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 83–90.

Фролова Н.А. История правления Рескупорида V (242–276 гг.) по нумизматическим данным // Советская археология. 1980. № 3. С. 58–76.

Фролова Н.А. Вторжения варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // Советская археология. 1989. № 4. С. 196–206.

Фролова Н.А. Монетное дело Боспора, середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э. Часть II. Монетное дело Боспора 211–341/342 гг. н.э. Москва: Эдиториал УРСС. 536 с.

Храпунов И.Н. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // Боспорские исследования. 2003. Т. III. С. 329–350.

Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке (Боспорские исследования. Вып. VI). Симферополь - Керчь: Крымское отделение Института востоковедения НАНУ, Центр археологических исследований БФ «Деметра», 2004. 240 с.

Хрисимов Н., Петров М. Данни за мъжкото облекло от периода на Първото Българско царство // Дриновський збірник. 2012. Т. 5. С. 94–111.

Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. Москва: Наука, 1980. 216 с.

Чудеса Св. Дмитрия Солунского (пер. и комм. О.В. Ивановой) //Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II. (VII–IX вв.) / сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 91–211.

Шаров О.В. Данные письменных и археологических источников о появлении германцев на Боспоре (проблема выделения «германских древностей» на Боспоре) // Stratum plus. 2010. № 4. С. 251–285.

Шаров О.В. В поисках страны «Ойум»: эпос или реальность? // Древности Западного Кавказа. 2013. Т. 1. С. 118–155.

Шаров О.В., Чореф М.М. К вопросу о датировке tabula ansata с именем Юлия Каллисфена // Stratum plus. 2015. № 4. С. 357–378.

Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. Москва: Наука, 1972. 351 с.

Щукин М.Б. К предистории черняховской культуры. Тринадцать секвенций. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1979, № 20. С. 66–89.

Щукин М.Б. Готский путь. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. 576 с.

Щукин М.Б. О военных контактах между сарматами и германцами в римское время (по материалам вооружения) // Stratum plus. 2011. № 4. С. 167–178.

Яценко С.А. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236–276 гг. н.э. // Stratum + Петербургский археологический вестник. 1997. С. 154–163.

Bezuglov S. Alanen-Tanaiten und Germanen der Maiotis - Fragen der Kontakte in spätrömischer Zeit (3.-4. Jahrhundert// von Canrap C. (Hrsg.). Kontakt-Kooperation-Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und 4. Jahhundert nach Christus. Neumünster: Wachholtz Verlag, 2003. S. 89–101.

Böttger B., Arsen'eva T.M. Grechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1995 // Eurasia Antiqua. 1996. Bd. 2. S. 405–453.

The Chronicle of John Malalas (engl. translation by E. Jeffreys, M. Jeffreys, M. Scott). Melbourne: Australian Association for Byzantine Studies, 1986, 370 p.

De Boone W.J., L'origine historique des Francs // Les Francs sont-ils nos ancêtres. Les dossiers. Histoire et Archéologie. 1981. n° 56. P. 8–11.

Discours d'Eumène pour la restauration des écoles à Autun (printemps 298) // Panégyriques latins. Tom I, fasc. V (éd. E. Galletier). Paris: Les Belles Lettres, 2003. P. 103–154.

Gibbon E. Histoire du déclin et de la chute de l'Empire romain. Rome de 96 582. Pairs: robert Laffont, 1983. 1188 p.

Giesler U. Jüngere Kaiserzeitliche Nietknopfsporen mit Dreipunkthalterung vom Typ Leuna // Saalburg - Jahrbuch. 1978. Jb. 25. S. 6–67.

Godłowski K., Zmiany w uzbrojeniu ludności przeworskiej w okresie wplywów rzymskich // Głozek M. et alii (red.). Arma et Ollae. Lódź: Stowarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich, 1992, S. 71–88.

Godlowski K. Die Chronologie der germanischen Waffengräber in der jüngeren und späten Kiaserzeit // von Carnap-Bornheim C. (Hrsg). Beiträge zur römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lubin -Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Phillips-Universität Marburg. S. 169–178.

Hachmann R. Les Germains. Genève-Paris-Munich: Nagel, 1971. 208 p.

Histoire auguste. Les empereurs romains des IIe et IIIe siècles (éd. bilingue latin-français, trad. de A. Castagnol). Paris: Robert Laffont, 1994. 1246 p.

Ilkær J. Illerup Ådal. 1. Die Lanzen und Speere. Højberg: Jysk Arkælogisk Selskab, 1990. 404 S.

John, Bishop of Nikiu, Chronicle (engl. translation by R.H. Charles). London: Williams & Norgate, 1916 [Электронный ресурс] // URL: http://www.tertullian.org/fathers/nikiu2_chronicle.htm#225 (дата обращения 5.01.2016 г.).

Kazanski M., 1994. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // von Carnap-Bornheim C. (Hrsg). Beiträge zur römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lubin -Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Phillips-Universität Marburg. P. 429–485.

Kazanski M. 2002. Les antiquités germaniques de l'époque romaine tardive en Crimée et dans la région de la mer d'Azov // Ancien West & Est. 2002. T. I/2. P. 393-441.

Kazanski M., 2013. Barbarian Military Equipment and Its Evolution in the Late Roman and Great Migration Periods (3rd–5th C. A.D.) // Sarantis A., Christie N. (eds.). War and Warfare in Late Antiquity (Late Antique Archaeology, vol. 8). Leiden - Boston: Brill, 2013. P. 493–521.

Kazanski M., Mastykova A., Tsibilium. La nécropole apsile de Tsibilium (VII s. av. J.-C., VIIe s. ap. J.C.) (Abkhazie, Caucase) Volume 2. Etude du site (BAR International Series S 1721). Oxford: B.A.R., 2007, 164 p.

Khokhlova O.S. Khokhlov A.A., Oleynik S.A., Gabuev T.A., Malashev V. Yu. Paleosols from the groups of burial mounds provide paleoclimatic records of centennial to intercentennial time scale: A case study from the Early Alan cemeteries in the Northern Caucasus (Russia) // Catena. 2007. N° 71. P. 477–486.

Kokowski A., L'art militaire des Goths à l'époque romaine tardive (d'après les données archéologiques) //Vallet F., Kazanski M. (dir.). L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 1993. P. 335–354.

McCormick M., Büntgen U., Cane M.A., Cook E.R., Harper K., Huybers P., Litt T., Manning S.W., Mayewski P.A., More A.F.M., Nicolussi K., Tegel W. Climate Change during and after the Roman Empire: Reconstructing the Past from Scientic and Historical Evidence // Journal of Interdisciplinary History. 2012. Vol. XLIII: 2. P. 169–220.

Panégyrique de Constance (1 mars 297) // Panégyriques latins. Tom I, fasc. IV (éd. E. Galletier). Paris: Les Belles Lettres, 2003. P. 71–102.

Périn P., Feffer L.-Ch. Les Francs. Paris: Armand Colin, 1997. 464 p.

Schmidt B., Gruhle W. Klimaextreme in Römischer Zeit. Eine Structuranalise dendrochronologischer Daten // Archäologisches Korrespondenzblatt. 2003. N° 33. S. 421-426.

Schmidt B., Gruhle W. Niederschlasschwankungen in Westeurope während der letzen 8000 Jahre // Archäologisches Korrespondenzblatt. 2003. N°33. S. 281–300.

Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations (BAR International Series 1535). Oxford: Archaeopress, 2006. 482 p.

Schönback B. The custom of burial in boats //Lamm J.,P. Nordström H.-Å. (eds.), Vendel Period Studies. Stockholm: Statens Historiska Museum, 1983. P. 39–70.

Zieling N. Studien zu germanischen Schilden der Spätlatène - und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien (BAR International Series 505) Oxford: B.A.R., 1989. Teil I-III, 1066 s.

REFERENCES

Agafij. *O carstvovanii Justiniana* (per. i komm. M.V. Levchenko). Moskva-Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1953. 222 s.

Ajbabin A.I. *Etnicheskaja istorija rannevizantijskogo Kryma.* Simferopol': Dar, 1999. 151 s.

Ambroz A.K. *Fibuly iz raskopok Tanaisa. Shelov D.B. (Ed.) Antichnye drevnosti Podon'ja- Priazov'ja.* Moskva: Nauka, 1969. S. 248–272.

Ammian Marcellin. *Rimskaja istorija* (per. Ju.A. Kulakovskogo i A.I. Soni). Sankt-Peterburg: Alatejja, 2000. 576 s.

Arsen'eva T.M., Bezuglov S.I., Tolochko I.V. *Nekropol' Tanaisa. Raskopki 1981-1995 gg.* Moskva: Paleograf, 2001. 274 s.

Arsen'eva T.M., Naumenko S.A., Raskopki Tanaisa y centre vostochnoj chasti gorodishha. *Drevnosti Bospora.* 2001. Vol. 4. S. 56–124.

Barash S.I. *Istorija neurozhaev i pogody v Evrope.* Leningrad: Gidrometeoizdat, 1989. 23 s.

Bezuglov S. Alanen-Tanaiten und Germanen der Maiotis - Fragen der Kontakte in spätrömischer Zeit (3.- 4. Jahrhundert. *Von Canrap C. (Hrsg.). Kontakt-Kooperation-Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und 4. Jahhundert nach Christus.* Neumünster: Wachholtz Verlag, 2003. S. 89–101.

Blavatskij V.D. *Pantikapej. Ocherki istorii stolicy Bospora.* Moskva: Nauka, 1964. 232 s.

Böttger B., Arsen'eva T.M. Grechen am Don. Die Grabungen inTanais 1995. *Eurasia Antiqua.* 1996. Bd. 2. S. 405–453.

Chudesa Sv. Dmitrija Solunskogo (per. i komm. O.V. Ivanovoj). *Gindin L.A., Ivanov S.A., Litavrin G.G. (Ed.), Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavjanah. Tom II. (VII-IX vv.).* Moskva: Institut slavjanovedenija i balkanistiki RAN, 1995. S. 91–211.

The Chronicle of John Malalas (engl. translation by E. Jeffreys, M. Jeffreys, M. Scott), Melbourne: Australian Association for Byzantine Studies, 1986, 370 p.

Dashevskaja O.D. *Nekropol' Beljausa.* Simferopol': ChP «Predprijatie Feniks», 2015. 284 s.

Dashevskaja O.D., Golencov A.S. K 40-letija raskopok gorodishha Beljaus. *Arheologija Severo-Zapadnogo Kryma.* Simferopol': Centr muzejnyh tehnologij i jetno-kul'turnogo turizma, 2004. S. 26–41.

De Boone W.J., L'origine historique des Francs // Les Francs sont-ils nos ancêtres. Les dossiers. Histoire et Archéologie. 1981. n° 56. P. 8–11.

Demkin V.A, Skripkin A.S., El'cov M.V., Zolotareva B.N., Demkina T.S., Homutova T.Je., Kuznecova T.V., Udal'cov S.N., Kashirskaja N.N., Plehanova L.N. *Prirodnaja sreda volgo-ural'skih stepej v savromato-sarmatskuju jepohu (VI v. do n.je. – IV v. n.je.).* Pushhino: Institut fiz.-him. i biol. problem pochvovedenija RAN, 2012. 216 s.

Demkin V.A., Demkina T.S., El'cov M.V., Homutova T.Je., Udal'cov S.N. Jevoljucija pochv i dinamika klimata stepej Vostochnoj Evropy vo vtoroj polovine golocena. *I.V.As'keev I.V., D.V.Ivanov D.V (Eds.), Dinamika sovremennyh jekosistem v golocene: Materialy Tret'ej Vserossijskoj nauchnoj konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem).* Kazan': Otechestvo, 2013. S. 32–34.

Discours d'Eumène pour la restauration des écoles à Autun (printemps 298) // Panégyriques latins. Tom I, fasc. V (éd. E. Galletier). Paris: Les Belles Lettres, 2003, P. 103–145.

Feodor Sinkell, Propoved' o bezumnom napadenii bezbozhnyh avar i persov ... (per. i komm. S.A. Ivanova). Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavjanah. Tom II. (VII–IX vv.) *Gindin L.A., Ivanov S.A., Litavrin G.G. (Ed.), Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavjanah. Tom II. (VII-IX vv.).* Moskva: Institut slavjanovedenija i balkanistiki RAN, 1995. S. 83–90.

Frolova N.A. Istorija pravlenija Reskuporida V (242–276 gg.) po numizmaticheskim dannym. *Sovetskaja Arheologija.* 1980. n° 3. S. 58–76.

Frolova N.A. Vtorzhenija varvarskih plemen v goroda Severnogo Prichernomor'ja po numizmaticheskim dannym. *Sovetskaja Arheologija.* 1989. n° 4. S. 196–206.

Frolova N.A. *Monetnoe delo Bospora 5seredina I v. do n.je. - seredina IV v.n.je. Chast' II. Monetnoe delo Bospora 211-341/342 gg. n.je.* Moskva: Jeditorial URSS. 536 s.

Gajdukevich V.F. *Bosporskoe carstvo.* Moskva-Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1949. 624 s.

Georgij Pisida (per. i komm. S.A. Ivanova). *Gindin L.A., Ivanov S.A., Litavrin G.G. (Ed.), Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavjanah. Tom II. (VII–IX vv.).* Moskva: Institut slavjanovedenija i balkanistiki RAN, 1995. S. 65–74.

Gerasimenko N.P. Landshaftno-klimatichni zmini na terriorií Ukraini za ostanni 2,5 tis. rokiv. *Istorichna geografija: pochatok XXI stolittja.* Vinnicja: Teza, 2007. S. 41–53.

Gibbon E. *Histoire du déclin et de la chute de l'Empire romain. Rome de 96 582.* Pairs: robert Laffont, 1983. 1188 p.

Godłowski K., Zmiany w uzbrojeniu ludności przeworskiej w okresie wplywów rzymskich. *Głozek M. et alii (red.). Arma et Ollae. Lódź:* Stowarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich, 1992, S. 71–88.

Godlowski K. Die Chronologie der germanischen Waffengräber in der jüngeren und späten Kiaserzeit. *von Carnap-Bornheim C. (Hrsg). Beiträge zur römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten.* Lubin -Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Phillips-Universität Marburg. S. 169–178.

Giesler U. Jüngere Kaiserzeitliche Nietknopfsporen mit Dreipunkthalterung vom Typ Leuna. *Saalburg - Jahrbuch*. 1978. Jb. 25. S. 6-67.

Hachmann R. Les Germains. Genève-paris-Munich: Nagel, 1971. 208 p.

Hrapunov I.N. Novye dannye o sarmato-germanskih kontaktah v Krymu (po materialam raskopok mogil'nika Nejzac). *Bosporskie issledovanija.* 2003. T. III. S. 329–350.

Hrapunov I.N. *Jetnicheskaja istorija Kryma v rannem zheleznom veke (Bosporskie issledovanija. Vyp. VI).* Simferopol' - Kerch': Krymskoe otdelenie Instituta vostokovedenija NANU, Centr arheologicheskih issledovanij BF «Demetra», 2004. 240 s.

Hrisimov N., Petrov M., Danni za m»zhkoto obleklo ot perioda na P»rvoto B»lgarsko carstvo. *Drinovs'kij zbirnik.* 2012. T. 5. S. 94–111.

Ilkær J. *Illerup Ådal.* 1. Die Lanzen und Speere. Højberg: Jysk Arkælogisk Selskab, 1990. 404 S.

Jacenko S. A. Germancy i alany: o razrushenijah v Priazov'e v 236-276 gg. n.je. Stratum + Peterburgskij Arheologicheskij Vestnik. 1997. S. 154–163.

John, Bishop of Nikiu, Chronicle (english translation by R.H. Charles). London: Williams & Norgate, 1916. Available at: http://www.tertullian.org/fathers/nikiu2_chronicle.htm#225 (accessed: 5.01.2016).

Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion. *von Carnap-Bornheim C. (Hrsg). Beiträge zur römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten.* Lubin -Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Phillips-Universität Marburg, 1994, . P. 429–485.

Kazanskij M.M. Goty na Bospore Kimmerijskom. *Levada M.E. (Ed.), Sto let chernjahovskoj kul'ture.* Kiev: Tovaristvo Arheologiiï ta Antropologiï, 1999. S. 277–297.

Kazanski M. Les antiquités germaniques de l'époque romaine tardive en Crimée et dans la région de la mer d'Azov. *Ancien West & Est.* 2002. T. I/2. P. 393–441.

Kazanski M. Barbarian Military Equipment and Its Evolution in the Late Roman and Great Migration Periods (3rd–5th C. A.D.). *Sarantis A., Christie N. (Eds.). War and Warfare in Late Antiquity (Late Antique Archaeology, vol. 8)*. Leiden - Boston: Brill, 2013. P. 493–521.

Kazanskij M.M. Gotskoe vtorzhenie na Bospor Kimmerijskij i klimat v III v. *Bosporskie chtenija.* 2015. XVI. S. 180–188.

Kazanski M., Mastykova A., Tsibilium. La nécropole apsile de Tsibilium (VII s. av. J.-C., VIIe s. ap. J.C.) (Abkhazie, Caucase) Volume 2. Etude du site (BAR International Series S 1721). Oxford: B.A.R., 2007, 164 p.

Kazanskij M.M., Mastykova A.V. Zolotaja grivna iz Fanagorii: o germancah na Bospore Kimmerijskom v pozdnerimskoe vremja. *Bosporskie chtenija.* 2007. VIII. C. 169–177.

Khokhlova O.S. Khokhlov A.A., Oleynik S.A., Gabuev T.A., Malashev V. Yu. Paleosols from the groups of burial mounds provide paleoclimatic records of centennial to intercentennial time scale: A case study from the Early Alan cemeteries in the Northern Caucasus (Russia). *Catena*. 2007. N° 71. P. 477–486.

Kokowski A., 1993. L'art militaire des Goths à l'époque romaine tardive (d'après les données archéologiques). *Vallet F., Kazanski M. (dir.). L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle.* Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 1993. P. 335–354.

Konnolli P. Greko-persidskie vojny: Bitva pri Salamine [Jelektronnyj resurs] // Rimskaja slava, 27 nojabrja 2006. URL: http://www.roman-glory.com/02-01-08 (data obrashhenija: 15.12.2015).

Kozak D.N., *Pshevors'ka kul'tura u Verhn'omu Podnstrov'ï i Zahidnomu Pobuzhzhi.* Kiiv: Naukova Dumka, 1984. 96 s.

Korpus bosporskih nadpisej (ed. Struve V.V.). Moskva-Leningrad: Nauka, 1965 g. 951 s.

Lebedev G.S. Jepoha vikingov Severnoj evrope i na Rusi. Sankt-Peterburg: Evrazija, 2005. 640 s.

Ljubichev M. V. O hronologii gorizonta Boromlja (datirovka fibul gruppy VII O. Al'mgrena v kompleksah Central'noj i Vostochnoj Evropy). *Drevnosti*. 2010. S. 136–155.

Magomedov B.V., Levada M.E. Oruzhie chernjahovskoj kul'tury. *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii*. 1996. T. 5. S. 304–323.

McCormick M., Büntgen U., Cane M.A., Cook E.R., Harper K., Huybers P., Litt T., Manning S.W., Mayewski P.A., More A.F.M., Nicolussi K., Tegel W. Climate Change during and after the Roman Empire: Reconstructing the Past from Scientic and Historical Evidence. *Journal of Interdisciplinary History.* 2012. Vol. XLIII: 2. P. 169–220.

Minaeva O. *Vikingski nahodki na Balkanite: funkcija, semantika stilova interpretacija.* Sofija: Nauchen elektronen arhiv na NBU, 2013. 68 s. Available at: http://eprints.nbu.bg/1883/ (accessed: 26.12.2015).

Nikifor. (per. i komm. G.G. Litavrina). *Gindin L.A., Ivanov S.A., Litavrin G.G. (Ed.), Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavjanah. Tom II. (VII-IX vv.).* Moskva: Institut slavjanovedenija i balkanistiki RAN, 1995. S. 221–247.

Panégyrique de Constance (1 mars 297) // Panégyriques latins. Tom I, fasc. IV (éd. E. Galletier). Paris: Les Belles Lettres, 2003. P. 71–102.

Parfenov V.N., Bitva pri Akcii: legenda i dejstvitel'nost' // Antichnyj mir i arheologija: Mezhvuz. sb. nauch. tr. Vyp. 6, 1986. S. 57–73.

Pashal'naja hronika (per. i komm. S.A. Ivanova). *Gindin L.A., Ivanov S.A., Litavrin G.G. (Ed.), Svod*

drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavjanah. Tom II. (VII-IX vv.). Moskva: Institut slavjanovedenija i balkanistiki RAN, 1995. S. 75–82.

Pavel Diakon. Istorija langobardov (per. i komm. V.K. Ronina). *Gindin L.A., Ivanov S.A., Litavrin G.G. (Ed.), Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavjanah. Tom II. (VII-IX vv.).* Moskva: Institut slavjanovedenija i balkanistiki RAN, 1995. S. 480–501.

Périn P., Feffer L.-Ch. Les Francs. Paris: Armand Colin, 1997. 464 p.

Pioro I.S. 1990. *Krymskaja Gotija*. Kiev: Lybid', 1990. 198 s.

Pioro I.S., Gercen A.G. Klad antonianov iz s. Dolinnoe Krymskoj oblasti. *Numizmatika i sfragistika.* 1974. n° 5. S. 81–90.

Puzdrovskij A.E. *Krymskaja Skifija II v. do n.je. - III v.n.je.* Simferopol': Biznes-Inform, 2007. 480 s.

Remennikov A.M. *Bor'ba poelmen Severnogo Pricheronmor'ja s Rimom v III v.n.je.* Moskva: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1954, 148 s.

Schmidt B., Gruhle W. Klimaextreme in Römischer Zeit. Eine Structuranalise dendrochronologischer Daten. *Archäologisches Korrespondenzblatt.* 2003. N° 33. S. 421–426.

Schmidt B., Gruhle W. Niederschlasschwankungen in Westeurope während der letzen 8000 Jahre. *Archäologisches Korrespondenzblatt.* 2003. N°33. S. 281–300.

Schönback B. The custom of burial in boats //Lamm J.,P. Nordström H.-Å. (eds.), *Vendel Period Studies.* Stockholm: Statens Historiska Museum, 1983. P. 39–70.

Sharov O.V. Dannye pis'mennyh i arheologicheskih istochnikov o pojavlenii germancev na Bospore (problema vydelenija «germanskih drevnostej» na Bospore). *Stratum plus.* 2010. n° 4. S. 251–285.

Sharov O.V. V poiskah strany «Ojum»: jepos ili real'nost'? *Drevnosti Zapadnogo Kavkaza.* 2013. T. 1. S. 118–155.

Sharov O.V, Choref M. M. K voprosu o datirovke tabula ansata s imenem Julija Kallisfena. *Stratum plus.* 2015. n° 4. S. 357–378.

Shelov D.B. *Tanais i Nizhnij Don v pervye veka nashej jery.* Moskva: Nauka, 1972. 351 s.

Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. *Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations* (BAR International Series 1535). Oxford: Archaeopress, 2006. 482 p.

Shhukin M.B. K perdistorii chernjahovskoj kul'tury. Trinadcat' sekvencij. *Arheologicheskij Sbornik Gosudarstvennogo Jermitazha.* 1979b n° 20. S. 66–89.

Shhukin M.B. *Gotskij put'.* Sankt-Peterurg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo Universiteta, 2005. 576 s.

Shhukin M.B. O voennyh kontaktah mezhdu sarmatami i germancami v rimskoe vremja (po materialam vooruzhenija). *Stratum plus*. 2011. n° 4. S. 167–178.

Simonenko A.V. *Sarmaty Tavrii.* Kiev: Naukova dumka, 1993. 144 s.

Strabon, *Geografija* (per., stat'ja i komm. G.A. Stratanovskogo). Moskva: Ladomir, 1994. 944 s.

Tairov A.D. *Izmenenija klimata stepej i lesostepej Central'noj Evrazii vo II–I tys. do n.je.: Materialy k istoricheskim rekonstrukcijam.* Cheljabinsk: Rifej, 2003. 68 s.

Vasil'ev A.A. O vremeni pojavlenija germanskih druzhin na Bospore. Zuev V.Ju. (ed.), *Bosporskij fenomen.* Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Jermitazha, 2005. S. 343–349.

Vejmarn E.V. Odne z vazhlivyh pitan' rann'oseredn'ovichnoï ictopii Krimu. *Seredni viki na Ukrainï.* 1971. T. 1. S. 61–65.

Vysotskaja T.N. *Pozdnie skify v Jugo-Zapadnom Krymu.* Kiev: Naukova Dumka, 1972. 192 s.

Zieling N. *Studien zu germanischen Schilden der Spätlatène - und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien* (BAR International Series 505) Oxford: B.A.R., 1989. Teil I-III, 1066 S.

Zosim, *Novaja istorija.* Kniga I (per. i komm. N.N. Bolgova). Antichnyj Mir. Belgorod: Izdatels'vo Belgorodskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 1995. S. 154–191.

Zubar V. M. Pro pohid Plavtija Sil'vana v Krim. *Arheologija*. 1988. Vyp. 63. S. 19–27.

Zubar' V.M. *Severnyj Pont i Rimskaja imperija.* Kiev: Nacional'naja Akademija nauk Ukrainy. Institut Arheologii, 1988. 200 s.

Zubar' V.M. O haraktere pohoda legata Tiberija Klavdija Sil'vana v Tavriku [Jelektronnyj resurs]. Istorija drevnego Rima. Available at: http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1408547153 (accessed: 15.12.2015).

Резюме

Вторжение боранов и готов на Боспор Киммерийский в 253–254 гг. уже давно привлекло внимание исследователей. В русской историографии сложилось два взгляда на вопрос о том, каким путем пришли эти варвары. По мнению некоторых исследователей, готы и бораны совершили морское нападение, другие историки полагают, что вторжение варваров было сухопутным, через степи и предгорья Крыма. Данные о климате Северного Причерноморья в позднеримское время свидетельствуют в пользу гипотезы о морском вторжении готов в Крым.

Ключевые слова: готы, бораны, Боспор Киммерийский, Крым, климат, позднеримское время

Summary

The invasion of the Goths and Borani to Cimmerian Bosporus in 250 has long attracted the attention of researchers. Two views on the nature of this invasion exist in Russian historiography. Some researchers Goths and Borani conducted an attack by sea, some historians believe. the barbarian invasion was ground, across the steppes and the foothills of the Crimea. The data on the climate of northern Black Sea to the late Roman period, testify in favor of the invasion of the barbarians by the sea.

Keywords: Goths, Borani, Cimmerian Bosporus, Crimea, Climate, Late Roman period

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Казанский Михаил Михайлович, доктор - хабилитат,
Национальный центр научных исследований,
Лаборатория UMR 8167 - «Восток и Средиземноморье»,
Центр исследований по истории и цивилизации Византии, Париж, Франция,
ведущий научный сотрудник.
michel.kazanski53@gmail.com
(33) 2 31 34 38 60.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Kazanski Michel, dr.hab.,
Centre national de la recherche scientifique,
UMR 8167 «Orient et Méditerranée»,
Centre d'histoire et civilisation de Byzance (Paris, France),
Directeur de Recherche.
michel.kazanski53@gmail.com
(33) 2 31 34 38 60.

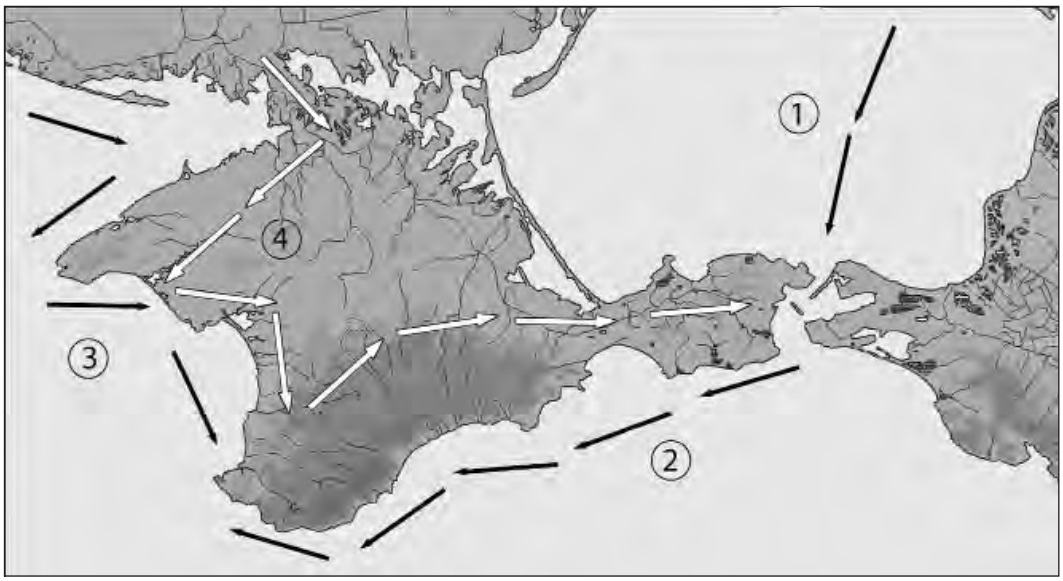


Рис. 1. Возможные направления «готских» вторжений в Крым в III в.

1: Гайдукевич, 1949; Веймарн, 1971; Высотская, 1972; 2: Веймарн, 1971; 3: Веймарн, 1971; Высотская, 1972; 4: Высотская, 1972; Шелов, 1972; Айбабин, 1999. [по: Казанский, 2015, рис. 1].

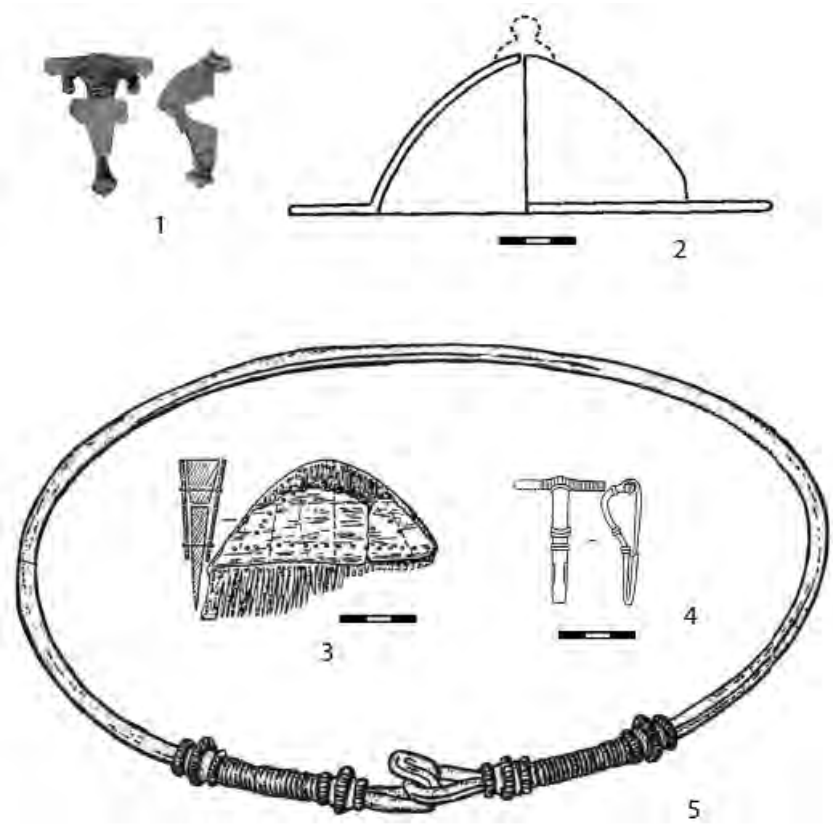


Рис. 2. Находки предметов германского и «западного» (1) происхождения III в. в Крыму и на «азиатском» Боспоре.

1: Долинное; 2: Южно-Донузлав; 3: Керчь, погр. 29.1873 г.; 4: Керчь; 5: Фанагория. [1 - по: Пиоро, Герцен, 1974, рис. на стр. 82; 2 - по: Щукин, 2011, рис. 5,8; 3,4 - по: Kazanski, 2002, fig. 1,3, 9,1; 5- по: Казанский, Мастыкова, 2007, рис. 1].

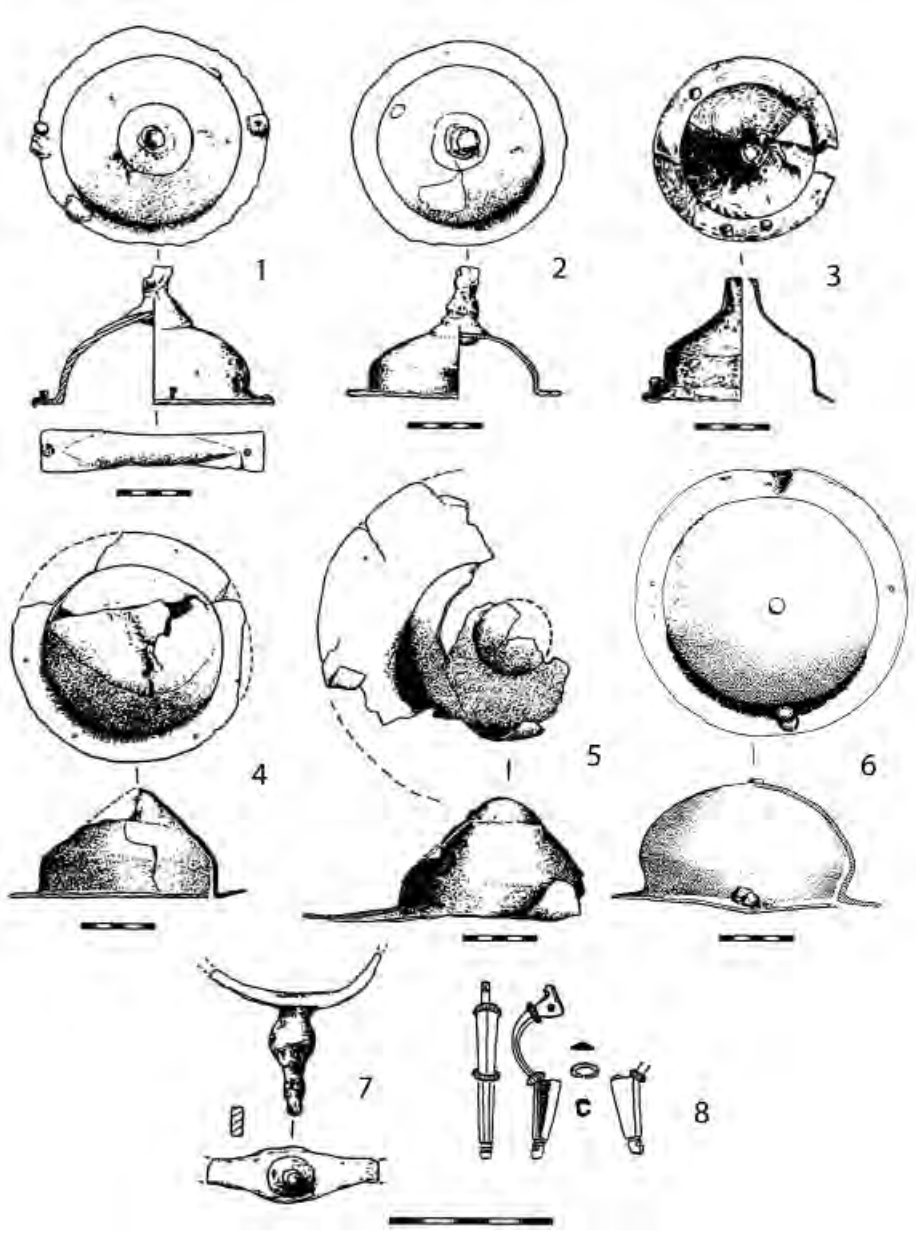


Рис. 3. Находки предметов германского происхождения III в. в Танаисе.
[1-5,7 - по: Bezuglov, 2003, Abb. 2; 6 - по: Арсеньева, Науменко, 2001, рис. 24,1; 8 - по: Амброз, 1969, табл. 8,2].

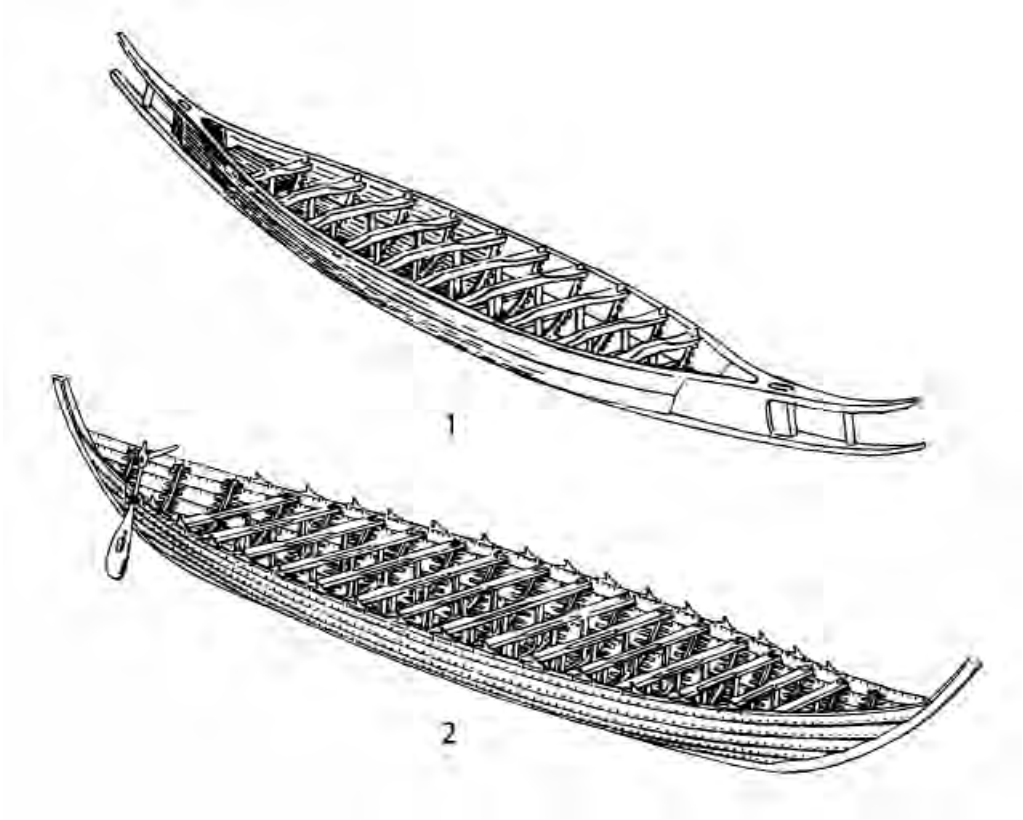


Рис. 4. Скандинавские гребные суда латенского и римского времени.
1: Хьортшпринг; 2: Нюдам. [по: Лебедев, 2005, рис. 12,18].

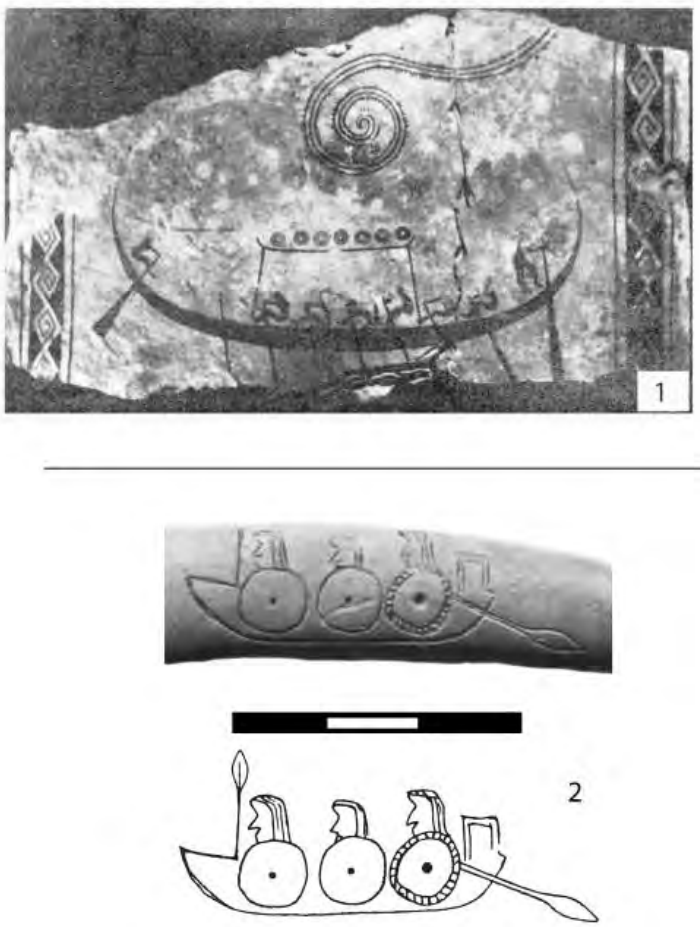


Рис. 5. Изображения малых гребных судов варваров.

1: Стенкирка (Stenkyrka). Готланд. Вендельская эпоха. [по Schönback, 1983, fig. 4]. 2: Харлец. Эпоха Первого Болгарского царства. [по: Хрисимов, Петров, 2012, илл. 6; Минаева, 2013, рис. 9].

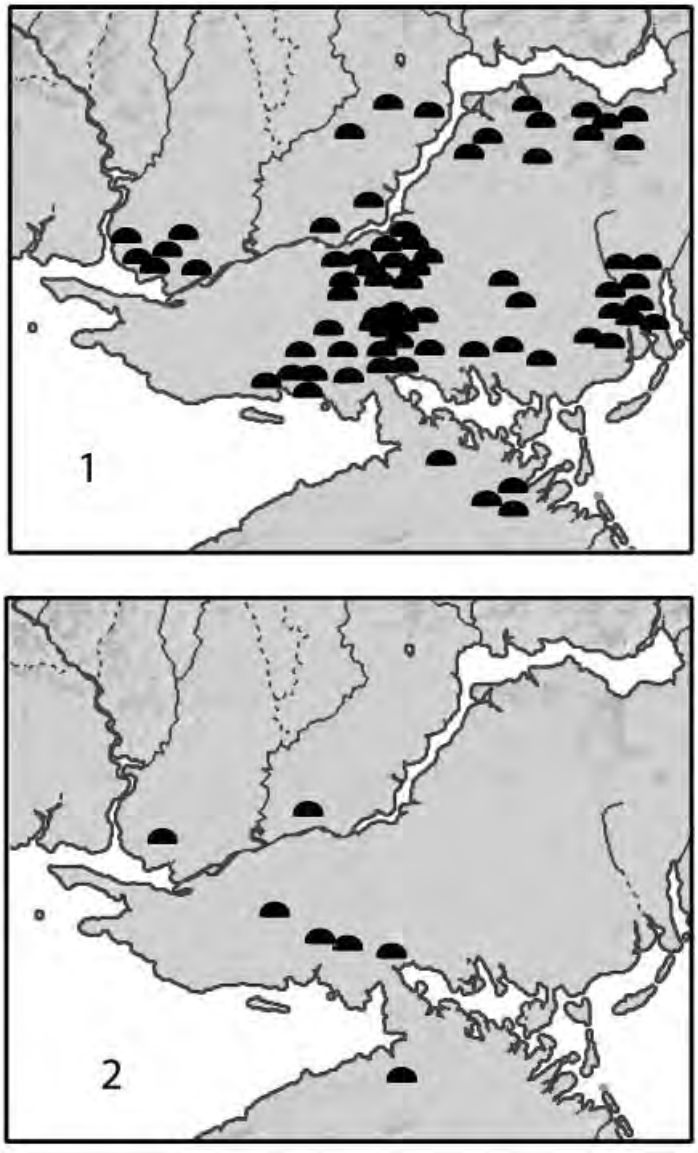


Рис. 6. Схема распространения сарматских памятников в Таврии.
1: I – первая половина II вв. н.э.; 2: II–III вв. н.э. [по: Симоненко, 1993, рис. 22, 25].

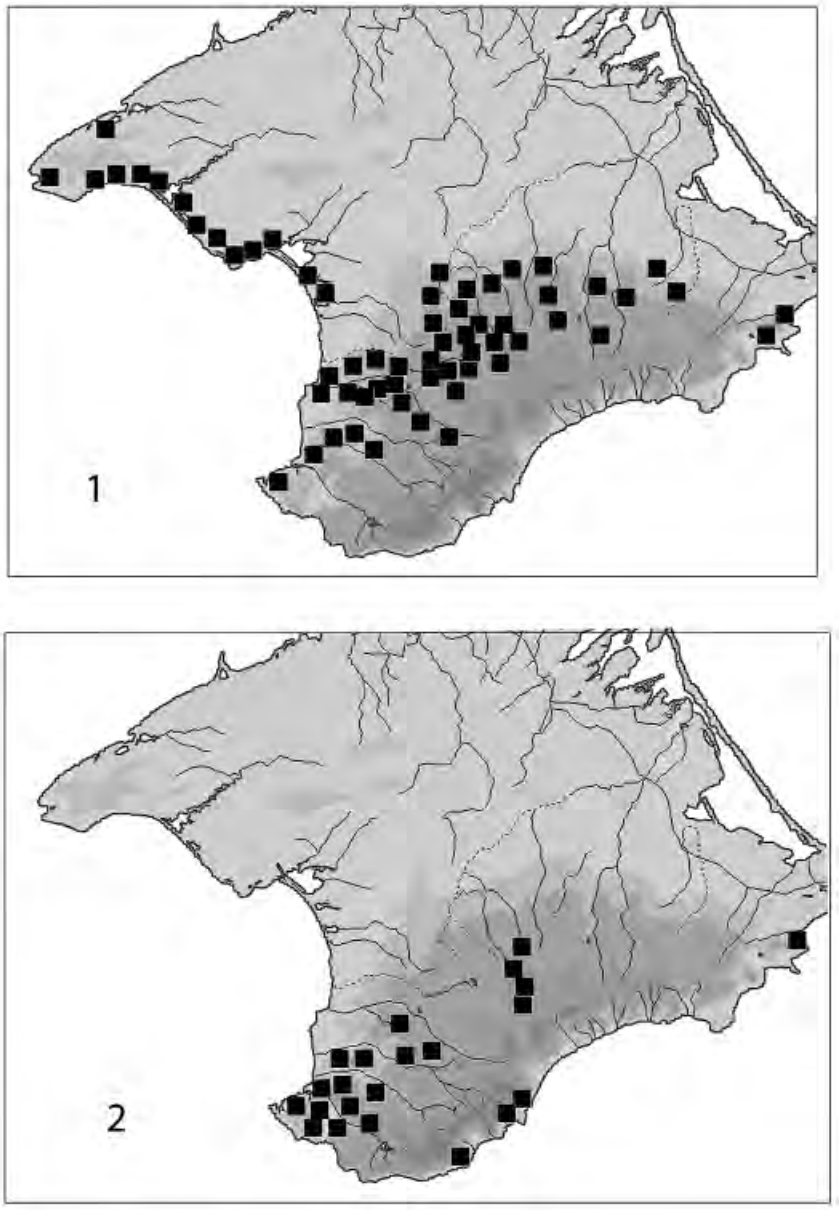


Рис. 7. Схема распространения античных памятников Западного и Центрального Крыма.
1: позднескифские и сарматские памятники; 2: памятники позднеримского времени. [по: Храпунов, 2004, рис. 4, 36].

Ю.В. АРТЮХИН
IU.V. ARTIUKHIN

ФАКТОРЫ ИЗМЕНЧИВОСТИ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ СУЩЕСТВОВАНИЯ ГРЕЧЕСКИХ КОЛОНИЙ НА БЕРЕГАХ МЕОТИЙСКОГО ОЗЕРА И КИММЕРИЙСКОГО БОСПОРА В ПОЗДНЕАНТИЧНУЮ ЭПОХУ
VARIABILITY FACTORS OF NATURAL CONDITIONS FOR THE EXISTENCE OF GREEK COLONIES ON THE MEOTIAN LAKE BANKS AND THE CIMMERIAN BOSPORUS IN THE LATE ANCIENT EPOCH

При рассмотрении палеогеографических аспектов античной колонизации Приазовья-Причерноморья особый интерес представляют следующие моменты описания Страбоном ориентиров при плавании от Танаиса через Киммерийский Боспор к городам Понта Эвксинского [Забелин, 1878, с. 26]:

- древний автор перечислял города и селения, видимые на берегах при плавании вдоль той части Меотиды, которая ныне называется Таганрогским заливом, восточного побережья открытой части Меотийского озера-моря и по фарватеру Киммерийского Боспора;

- от деревни Патраев (так написано в тексте) до деревни Корокондама 130 стадиев (22 версты);

- прямо от Корокондамы идет плавание на восток, в сторону Синдской гавани и Баты.

Из этого текста следует, что к I в. н.э. Меотида уже представляла собой большее водное пространство, чем Меотийское озеро в VII–VI вв. до н.э. В противном случае прибрежное плавание, для которого важны береговые ориентиры, было невозможно. Даже в условиях современного Азовского моря при удалении от линии уреза на 3-4 км береговые ориентиры (устья рек, косы, балки) сливаются в сплошную полосу.

Многие исследователи обращались к феномену Меотийского озера, однако ясного понимания, где оно располагалось и что из себя представляло, никто до настоящего времени, насколько известно автору, не объяснил. Анализ геологических данных, полученных еще в конце 1960 – начале 1970-х гг., показал, что в пределах центральной и южной частей открытой акватории современного Азовского моря существует зона с необычным литологическим строением донных отложений [Хрусталев, Щербаков, 1974, с. 119]. Бурение и отбор колонок осадков позволили отмеченным исследователям выявить ритмичное чередование в толще донных отложений слоев ила и целых створок моллюсков, преимущественно вида *Cardium edule и Venus gallina.* Таких осадков нет ни в одной другой части Азовского моря. Но Ю.П. Хрусталев и Ф.А. Щербаков не предложили объяснение условий возникновения подобного чередования разных гранулометрических фаций. Суть этого литологического феномена состоит в захоронении масс двойных и одиночных

створок в толще илов, взмучиваемых в условиях ураганов. Илы, разжиженные под воздействием мощных гидродинамических импульсов, «пропускают» створки в горизонт, лежащий ниже слоя взмучивания. Поскольку ураганы в естественных условиях повторялись чаще всего через 4-5 солнечных циклов (36–55 лет), то строение толщи донных осадков в разрезе приобрело облик чередующихся слоев ила и ракуши.

Имеющиеся данные позволяют полагать, что описанные осадки маркируют дно водоема, который и являлся Меотийским озером (рис. 1). Пространственное местоположение озера, а именно его приуроченность к подводному склону северного побережья Керченского полуострова и отчасти центру современного Азовского моря, объясняется совпадением его акватории с осями и крыльями Индоло-Кубанского прогиба. Он простирается примерно от участка впадения рек Салгир и Индол в Сиваш, вдоль Керченского полуострова до современной устьевой зоны р. Кубань. Прогиб обусловлен постоянным взаимодействием жестких структур южной периферии Русской платформы и более пластичных структур Крымской горной страны. В результате такого взаимодействия длительное время существует прогиб, обеспечивающий приглубинный подводный склон северного побережья Керченского полуострова, не характерный для других участков Азовского моря. Водоем сформировался в условиях фанагорийской регрессии, на фазах наиболее существенного снижения уровня поверхности Черного моря, хотя возможно существовал и до античной колонизации Северного Причерноморья. В раннеантичную эпоху Меотийское озеро практически не сообщалось с Понтом Эвксинским через Киммерийский Боспор (внутренний контур озера отрисован точками на рис. 1). ПалеоДон (р. Танаис) протекал по осушенному дну восточной части древнего Понто-Каспийского моря (т.е. днища современного Азовского моря) и впадал в узкую долину Киммерийского Боспора. А.А. Масленников назвал заселенное греками северное побережье Керченского полуострова «краем Ойкумены». Действительно, Меотийское озеро с Акташской и рядом других лагун обеспечивали подобный статус окраины заселенного жизненного пространства даже в VII–II вв. до н.э.

Рассматриваемое озеро существовало за счет стока рек Тавриды, Скифии, а также сброса вод, в том числе и засоленных, из подземных горизонтов Керченского полуострова и Крымской горной страны. Известно, что речной сток, не говоря уже о подземных водах, подвержен значительной межгодовой изменчивости с повторяемостью от 5-6, 11-22 лет до счетверенных циклов солнечной активности. В засушливые периоды даже в современных условиях для Азовского моря характерны значительные потери воды на испарение, которые исследователями оцениваются значением до 900 тыс. м^3 в год с каждого квадратного километра акватории [Сурков и др., 1977, с. 28–32]. На фазах иссушения и похолодания климата площадь акватории Меотийского озера могла сокращаться, сначала превращаясь в систему полуизолированных водоемов или даже в некое подобие болота. Именно поэтому в первом случае древние географы именовали озеро «Скифскими прудами», во втором

– «Сарматским болотом». Не зря Аристотель в IV в. до н.э. писал, что к северу от Понта Эвксинского находится «озеро-болото».

Важно и то, что на фазах потепления происходило осолонение озера, благоприятствовавшее массовому развитию биоценозов моллюсков вида *Cardium* и *Venus*, требующих солености не менее 11–14 ‰. Возрастание пресного стока способствовало угнетению биоценозов и массовому отмиранию моллюсков. Эти взаимообусловленные процессы также обеспечивали формирование специфических гидролого-геохимических черт водоема и процессов осадконакопления.

Уже отмечалось, что существовали периоды, при которых ПалеоДон «втекал» в узость Киммерийского Боспора, не контактируя с водной толщей Меотийского озера. Но на фазах значительного возрастания водности рек Тавриды и Скифии, а возможно, и в условиях аномальных паводков р. Танаис площадь Меотийского озера возрастала в 1,5–1,8 раза (рис. 1). Оно заполняло вогнутость, ныне занятую Темрюкским заливом и частично дельтой Кубани. В результате воздымающийся уровень водоема способствовал переливу вод в сторону Киммерийского Боспора. Возможно, именно отсюда у греков возник образ «Меотиды – матери [кормилицы] Понта».

Автором настоящей статьи в 1981–1984 гг. из тел азовских кос и пересыпей отобраны створки моллюсков *Cardium* для определения абсолютного возраста по C^{14}. Всего отобрано 16 проб, возраст которых отражен в таблице 1, а местоположение – на рисунках 1, 2, 3.

Таблица 1

Возраст по C^{14} образцов ракушечных наносов, отобранных из тел ряда аккумулятивных форм Азовского моря

Аккумулятивное тело	Место отбора проб	Дата отбора проб	№ проб	Возраст по C^{14}, лет
коса Белосарайская	- 25 м от уреза ср. части западного берега	1984	Бл1	2810÷120
	- центр. часть, 0,7 км от коренного берега		Бл2	3280÷340
	- центр западного берега, 10 м от уреза		Бл3	соврем. отлож.
коса Обиточная	- прикорневой участок	06.1983	Об1	3100÷60
	- оконечность косы		Об2	1500÷120
коса Бирючий остров	См. на рис. 2	07.1979	БО1	1600÷45
			БО2	3100÷50
			БО3	3600÷60
			БО4	4600÷70
			БО5	4600÷95
Арабатская стрелка	4 км южнее с. Стрелковое, в 150 м от уреза	07.1981	Ар1	5890÷90

дельта Кубани	Казачья гряда (см. рис. 1)	10.1983	Куб1 Куб2 Куб3	1300÷40 2700÷130 1600÷50
коса Долгая	См. на рис. 3	1984	Д1 Д2 Д3 Д4	6050÷190 2300÷150 1670÷120 1570÷110

Возраст определялся для характеристики пространственно-временной эволюции ракушечных валов, последовательное причленение которых обеспечивало развитие кос, пересыпей, террас, устьевых баров и др. Датировки показали, что основная часть тел форм всех типов образовалась в течение нимфейской трансгрессии, так как их абсолютный возраст в среднем составляет 1500–1670 лет. Автор настоящей статьи не вводил поправку на так называемый «резервуарный эффект» из-за невнятного объяснения его физической сущности [Дикарев и др., 2010, с. 66]. Кроме того, большое значение имеет учет гидромеханических свойств бентогенных наносов.

В 1982–1989 гг. проведены многочисленные эксперименты по загрузке сотен окрашенных яркими люминесцентными красителями и даже люминофорами створок раковин *Cardium* в зону глубин 8-10 м на подводных склонах косы Бирючий остров и Арабатской стрелки. Обследования побережья и результаты визуальных наблюдений с аквалангом доказали, что раковины, вымытые из зоны продуцирования, на первых порах имеют на дне форму, подобную сфере (полураскрытые створки при сохранении хряща в замке). Это позволяет створкам переноситься под действием волновых импульсов и течений на многие километры во время одного штормового цикла. С разложением мышц замка створки образуют на дне волноустойчивую поверхность и перемещаются только при сочетании горизонтальных придонных импульсов не менее 30-40 см/с и вертикальной компоненты орбитальной скорости. Захоронения створок не происходит очень долго. На берег даже спустя полгода-год выносилось не более 0,1-1% загруженных на дно раковин-маркеров. Отмечались случаи возвращения раковин почти в начальную точку мигрирования. Это означает, что раковины могут захораниваться и вновь вовлекаться во вдольбереговой и поперечный перенос многократно в течение десятилетий и даже столетий. Поэтому твердо установить соответствие места продуцирования и захоронения практически невозможно. К тому же, неоднократные фазы захоронения и вымывания из толщи осадков, обогащенных сероводородом, неизбежно приводят к старению створок благодаря развитию процессов сульфатредукции. Как показали эксперименты в волновых бассейнах и специализированных лотках, огромное значение имеет вид моллюска. Створки разных видов обладают разной гидравлической крупностью, прочностью и характеристиками литодинамического переноса, что влияет на длительность переноса и условия захоронения [Артюхин, 1983, с. 851–856; Артюхин, Алексеенко, 1989, с. 25–36].

В телах кос отложения с возрастом 1700–2200 лет не выявлены из-за редкой встречаемости этих генераций, возможно, разреженной сетки пробоотбора. Установлено, что только небольшие по площади корневые части кос «азовского» типа и стрелок, центральная и тыльная часть Арабатской пересыпи (ее ошибочно причисляют к типу стрелок) имеют возраст свыше 3 тыс. лет, за исключением косы Бирючий остров (рис. 1,2,3). То есть они возникли в условиях разных фаз джеметинской трансгрессии (3–5 тыс. лет назад).

В центральной части Арабатской стрелки (с. Стрелковое, шурф, пройденный Ю.Г. Баландиным в первой половине 1970-х годов) ракушечные отложения в интервале 0,35-0,45 м от дневной поверхности стрелки имеют возраст 470±90 лет [Ковалюх и др., 1977]. Возраст раковин в интервале шурфа (считая от поверхности аккумулятивного тела) 0,6-0,65 м составляет 1600±130 лет; 1,45-1,5 м – 1920±200; 1,67-1,75 м – 5300±220, а 2,1-2,15 м – 7400±310 лет. Анализ геологического строения Арабатской пересыпи на основе буровых данных позволяет заключить, что к началу нимфейской трансгрессии котловина Сиваша была отделена от котловины Меотийского озера четырьмя лессовидными останцами, частично соединенными низкими (затопляемыми) аккумулятивными пересыпями джеметинского возраста. На карте Птолемея пересыпь (Арабатская стрелка) вообще отсутствует, что не соответствует действительности и противоречит даже данным Страбона. Южная часть Арабатской пересыпи не соединялась с Крымским полуостровом, поскольку здесь постоянно существовали депрессия или пролив, обусловленные интенсивными колебательными тектоническими движениям по Индоло-Кубанскому прогибу.

Из приведенных палеогеографических данных следует, что уже к началу античной колонизации побережья Меотийского озера не существовало системы аккумулятивных форм, площадь и конфигурация которых хоть частично соответствовали бы современным. В античную эпоху была только одна крупная коса – Бирючий остров. Возраст наносов, слагающих ее тело, убывает с севера на юг и с востока на запад (рис. 2). Экстраполяция наиболее древних ее валов указывает на то, что корень этой формы в джеметинскую эпоху располагался в пределах устья р. Молочной, а не как ныне, у абразионного останца с. Кирилловка [Артюхин и др., 1989, с. 91–96]. На существование этой формы в древности указывал Помпоний Мела.

На месте корня современной косы Долгой в джеметинскую эпоху возникли две аккумулятивные террасы типа «наволок», схожие по конфигурации с косой Чумбурской (восточный фланг южного берега Таганрогского залива). На рис. 3, в общем, видно, что прослеживается закономерное убывание возраста раковин (которые составляют свыше 80 % состава наносов тела) от корня косы Долгой к ее оконечности. В пределах северо-восточной террасы в послевоенные годы при прокладке водопровода обнаружен могильник с захоронениями «скорченного» типа, что косвенно подтверждает древность этой части наносной формы. На этом же участке морем из береговой террасы вымываются золотые монеты предположительно античного воз-

раста. На рис. 3 показана оконечность косы Долгой, размытая в течение последних 30 лет. Изучение свидетельствует, что в 3-5 км севернее оконечности 1970 г. в нимфейскую эпоху существовала промежуточная дельта древнего Дона, возникшая на фазе стабилизации уровня по линии «современная коса Долгая – северо-восточный корень косы Белосарайской». Можно предполагать, что один из рукавов древнего Дона протекал как раз в пределах показанного на рис. 3 размытого участка оконечности. Опытным бурением здесь в 2002 г. на глубине 4-5 м в долоте были обнаружены лиманно-лагунные отложения с сильным запахом сероводорода. Следовательно, коса Долгая возникла на месте одного из рукавов дельты древнего Дона. Причем этот механизм возникновения косы типа стрелки, вероятно, соответствует механизму возникновения косы Тузла. Автор убежден, что в ядре Тузлы также располагается древний дельтовый комплекс ПалеоДона. Иначе невозможно объяснить, за счет каких резервов аккумулятивной форме удается сохранять устойчивость при жестких гидродинамических и ледовых силовых воздействиях, направленных перпендикулярно ее продольной оси.

Исследования показывают, что толща отложений кос северного, западного и восточного побережий Азовского моря сформированы преимущественно из створок моллюсков и ракушечного песка при подчиненной роли полимиктовых аллювиальных песков. Из этого следует вполне определенный вывод – фанагорийская регрессия действительно существовала и проявилась в пределах всей северной, северо-восточной и восточной частей котловины древнего Азовского моря. Косы возникли на той стадии нимфейской трансгрессии, когда соленость водоема возросла не менее чем до 11-12 %, в противном случае отложения кос формировали бы тонкостенные и неустойчивые к волновому воздействию раковины пресноводных *Dreissena, Monodakna, Anodonta* и др. В этом случае система уникальных азовских кос давно была бы переработана морем в узкую полосу биогенно-терригенных пляжей. Следовательно, радиоуглеродное датирование ракушечных отложений кос позволяет получить независимое подтверждение факта существования фанагорийской регрессии, генезис которой никак не связан с псевдотектоническими причинами, как это полагают западноевропейские исследователи.

Гораздо убедительнее доводы российских геологов, выполнивших сопоставление морфологии берегов, высотного положения античных построек как в пределах Черного, так и Средиземного морей [Трифонов, Трифонов, 2006, с. 511–519]. Их гипотеза вполне обоснована и заключается в тектонических деформациях порога, отделяющего Дарданеллы и Босфор. Соответственно, перед нимфейской трансгрессией порог «опустился», соленые средиземноморские воды стали поступать на север и повысили уровень Черного моря. Этот процесс способствовал осолонению Меотийского озера-моря, что привело к массовому развитию биоценозов двустворок-фильтраторов. Повышение солености и появление слоя илов на дне дали толчок возникновению азовских кос и постепенному превращению Меотийского озера в полноценную морскую акваторию со средним уровнем солености и высокой

биопродуктивностью вод. На отмеченном рубеже радикально изменились условия проживания и хозяйственной деятельности греков на берегах Понта и Меотиды.

На «речной» стадии развития Киммерийского Боспора водный поток, сбрасывавшийся из Меотийского озера-моря в Понт Эвксинский, подчинялся «закону Кориолиса» и, следовательно, подрезал правые (западные) борта Киммерийской долины. Ранее уже приходилось отмечать, что строение северного фланга Киммерийского Боспора отличалось от современного пролива [Артюхин, 2011, с. 14–16]. Прежде всего, мысы Ахиллеон, Хрони, Варзовка и Фонарь располагались ближе друг к другу вследствие тектонического воздымания и латерального смещения тектонических блоков Таманского и Керченского полуостровов. Соответственно, лессовое плато в пределах подножия горы Горелой было выдвинуто гораздо западнее, чем ныне. Динского залива не существовало, как и косы Чушка. Именно это обстоятельство создало предпосылки для специализации городов Порфмий, а позднее Парфений на обслуживании переправ в самом узком месте Киммерийского Боспора. Но ситуация осложнялась существованием аккумулятивной банки (в последние три столетия именуемой Херсонской), вероятно, возникшей в результате накопления аллювия, выносимого не только древним Доном и западным рукавом древней Кубани, но и мелкими речками Керченского полуострова. Банка отклоняла речной поток древнего Дона, способствуя еще более интенсивной подрезке оползневых массивов северо-восточного фланга Керченского полуострова. Подрезка и увлажнение зеркал скольжения оползней, размыв оползневых массивов речным потоком постепенно привели к выработке на участке между мысами Варзовка – Фонарь – Еникале бухт с малой стрелой прогиба, но предоставлявших убежища для плавсредств. Исследователи признают, что перекрытие и обмеление этих бухт привело сначала к оставлению жителями г. Порфмия, а в последующем – к замиранию жизни в Парфении [Вахтина, Артюхин, 2015, с. 50–52; Столяренко Бейлин, 2015, с. 310–313]. Скорее всего, судьба этих городов была связана не столько с сохранностью бухт, сколько с какими-то радикальными перестройками гидрологии и морфологии противоположного берега Боспора. Этот аспект проблемы требует дополнительного анализа естественных и археологических данных.

Квазиречной поток древнего Дона поступал и в депрессию Пантикапейской бухты, на самом деле являющейся тектоническим грабеном (то есть блоком суши, опущенным по разломам). В северной и западной частях бухты в геологических скважинах фиксируются аллювиальные пески большой мощности, перекрытые илами слоем 1-2 м, но в южной части бухты накапливались заиленные пески. В центральной части Киммерийского Боспора на речной стадии его развития формировалась другая банка, которая ныне располагается между оконечностью косы Чушка и северным берегом озера Тузла. Генезис этой формы до сих пор не раскрыт. Русло древнего Дона проходило западнее этой банки или перед ней раздваивалось на рукава, один из которых протекал вблизи древнего мыса Тузла, второй входил в Пантикапейскую бухту.

Интерес представляют два последних сюжета из приведенного выше описания Страбона – точное расстояние от Патрея до Корокондамы и указание, что от Корокондамы идет плавание прямо на восток, в сторону Синдской гавани и Баты. Из них следует, что в эпоху Страбона Корокондама существовала как реальный объект. Но отталкиваясь от современной карты пролива, трудно представить, чтобы мореплаватели, продвигавшиеся с севера на юг, могли сразу от м. Тузла направлять свои суда на восток и даже юго-восток. Можно предположить, что конфигурация восточного берега южного колена пролива в I в. н.э. была иной, позволявшей сразу за Корокондамой «перекладывать руль» на восток–юго-восток или даже на восток. Такая ситуация могла существовать только в одном случае – при значительно большем, чем ныне выдвижении на запад, в акваторию пролива участка берега между северо-восточным флангом корня бывшей косы Тузла и мыса Тузла. Срезать столь значительный блок суши и радикально изменить конфигурацию восточного берега пролива могло лишь сочетание двух стихийных событий – землетрясения и цунами.

Подобная гипотеза имеет под собой основание, поскольку в современных каталогах землетрясений и вызванных ими цунами включены восьмибалльные землетрясения 63 г. до н.э. и 225 н.э. [Соловьева, Кузин, 2005, с.]. Океанологи уверенно считают, что в 63 г. до н.э. землетрясение вызвало цунами. Это предположение все же недостаточно обосновано, поскольку нет абсолютно надежных данных о гидрологическом режиме Керченской акватории в этот период. Если в теснине Керченского грабена протекала река, то возникновение волны цунами даже при восьмибалльном землетрясении в узкой речной акватории требует серьезного обоснования. Вместе с тем землетрясение 63 г. до н.э., очаг которого располагался немного южнее пролива, ныне отделяющего Тузлинскую дамбу от острова Тузла, могло нарушить устойчивость береговых откосов восточного берега Боспора, поскольку вектор сейсмического воздействия распространялся под углом 30-40° к простиранию древнего мысовидного участка. Но вот в 225 г. н.э., когда Меотийское озеро превратилось в полноценное море, а Киммерийский Боспор связывал его с Понтом Эвксинским, возникновение цунами при подобном землетрясении не вызывает сомнения. Исходя из координат землетрясения, волна цунами могла распространяться с равной силой как в восточном, так и в западном направлениях. При этом древний аналог Тузлинской косы или система подводных банок, островов на ее месте могла только увеличить высоту цуга волн. На западном побережье цунами могло способствовать возрастанию заносимости гаваней Нимфея и Тиритаки. Воздействие аномального влияния на восточный берег отличалось.

Интерес представляет анализ строения рельефа сохранившейся части корня бывшей косы Тузла и литологического строения ее береговой толщи. Если спроецировать оси наиболее выраженных глубинных разломов Таманского полуострова на косу Тузлу, то Фанагорийская антиклинальная зона и зона тектонической депрессии между ней и Карабетовской антиклинальной зоной, выделенных А.Н. Шардановым и В.П. Пекло, пересечет под острым углом прикорневую часть этого аккумулятив-

ного тела (рис. 4). Это означает, что одна часть блока континентальных осадочных пород, примыкающая к корню косы, развивалась в условиях воздыманий, другая – опусканий. Причем со временем возможны были замедления и даже смена знака направленности вертикальных движений. В подобных же условиях развивался и подводный склон севернее и южнее косы Тузла.

На топографических картах видно, что в пределах треугольного основания Тузлы располагается относительно пологий склон (рис. 5). На прикорневых участках Азовских и Керченско-Таманских кос глины и суглинки формируют крутые береговые откосы, даже не всегда задернованные. Ни в одном случае, возможно за исключением косы Обиточной, не наблюдалось естественное выполаживание этих уступов. Только на Чушке прослеживается естественный переход поверхности коренных пород мыса Ахиллеон в тело косы. Но этот случай объясняется тектоническими причинами. Антиклинальная зона мысов Ахиллеон – Каменный – Пекло имеет столь значительные темпы воздымания, при которых лессовая терраса, расположенная южнее, приобрела большой градиент уклона.

На рис. 5 показаны характерные профили коренного берега на разных участках треугольного основания бывшей Тузлы и береговых обрывов южнее м. Тузла. Видно, что коренные берега как восточнее корня Тузлы, так и южнее имеют совершенно иное строение, нежели между мысом Тузла и рыбпромом Комсомольск (участок с тремя причальными эстакадами), хотя время их развития в волновых условиях одинаково. Эти данные позволяют предположить, что восьмибалльное землетрясение, вызвавшее даже небольшую волну цунами высотой 3-4 м, способно было под воздействием нескольких аномальных гребней сначала подрезать, а затем и обрушить блок пород древнего мыса Тузла и смежных с ним рыхлых береговых толщ, уже подвергшихся некоторой дезинтеграции землетрясением 63 г. до н.э. Соответственно, участок, в пределах которого ныне располагается корень бывшей косы Тузла, также испытал эродирующее действие потока, насыщенного обломками горных пород. Именно поэтому только здесь прикорневой участок аккумулятивного тела имеет более пологое строение (рис. 5, профили I и II). Подобная гипотеза позволяет объяснить причины исчезновения Корокондамы и изменения условий навигации, описанные Страбоном.

На рис. 6 приведен график, показывающий характер соотношения площадей городов и их некрополей по мере удревления возраста. Он построен на основе данных планиметрирования соответствующих социальных объектов в пределах городов юга России XVIII–начала XX вв. и некоторых античных городищ на берегах Киммерийского Боспора. В частности, данные по Нимфею, Акре, Тиритаке заимствованы из обобщающей сводки В.Н. Зинько [Зинько, 2007], а материалы по Порфмию любезно предоставлены М.Ю. Вахтиной. Полученные немногочисленные и требующие уточнения данные показывают следующую тенденцию – по мере старения города площадь некрополя возрастает, а коэффициент зрелости города, определяемый как соотношение площади города к площади некрополя, асимптотически приближается к значениям К = 0,45-0,09. Можно говорить об очевидной истине: на-

селение с удревлением города при прочих равных условиях стареет. Если взять за основу коэффициенты, полученные для Нимфея, Тиритаки и Порфмия, то площадь Корокондамы предположительно могла составлять не менее 1,2-1,8 га. Примерные размеры поселения вряд ли превышали 90 м х 200 м или 100 м х 180 м. В этом случае цунами должно было срезать блок береговых пород шириной не менее 100–200 м. Отчасти такие оценки подтверждаются шириной грядового бенча, обнаруженного геоморфологами на подводном склоне мыса. То есть подводная абразионная терраса, возникшая вследствие катастрофического воздействия, имеет примерно сходные параметры, как и срезанная толща береговых пород. Использование геолокатора севернее треугольного основания Тузлы позволило зафиксировать на прибрежном мелководье элемент донного рельефа, похожий на грядовый бенч (эхограмму геолокатора для ознакомления автору любезно предоставил А.В. Кондрашев]. На остальных участках восточного побережья Керченского пролива подобных аномалий морфологии берега и дна пока не обнаружено.

Куда же делся значительный объем осадочного материала участка между мысом Тузла и корнем бывшей косы Тузла, который можно предположительно оценить в 2-3 млн. м^3? На рис. 7 показано строение толщи донных отложений по линии, проходящей посередине треугольного основания бывшей косы Тузла, вдоль осей Тузлинской дамбы (отсыпанной в 2004 г.) и естественного острова Тузла. Бурением охвачена толща глубиной в некоторых местах до 80–95 м. Из разреза видно, что существуют два песчаных горизонта переменной мощности (показаны на разрезе черной клетчатой штриховкой). Один горизонт приурочен к интервалу глубин примерно 45–55 м, второй – к поверхностным отложениям мощностью в среднем 8-9 м, на отдельных участках 12-15 м. Судя по данным датировок исследователей МГУ, ракушечно-песчаные наносы до глубины 2,5 м от поверхности имеют возраст 750-1310±70 лет, в интервалах 5-7 м (алеврит с включениями створок раковин) – 2730±100 лет, 9-10 м (плотный алеврит) – 3030±80 лет [Каплин и др., 2010, с. 90; Свиточ и др., 2010, с. 125]. Между этими отложениями, в составе которых значительна доля аллювиальных песков и супесей, залегают илы с разной степенью увлажненности. Следовательно, аналоги косы Тузла возникали задолго до фанагорийской регрессии. Причем на процесс формирования фрагментов островной аккумулятивной системы или псевдодельты накладывались ураганы и цунами. В противном случае трудно объяснить природные условия, приведшие к захоронению на отметках минус 45–57 м значительного объема валунов (на рис. 7 валуны обведены кружком). Валунное тело располагается сравнительно недалеко от предполагаемого древнего мыса Тузла и, возможно, было сброшено предшествующими катаклизмами в толщу илов позднечетвертичного моря.

Следует оговориться, что ограниченные геологические данные, фактически отражающие литологию толщи в пределах одной плоскости, не позволяют интерпретировать трехмерную картину палеогеографических обстановок в фанагорийско-нимфейскую эпоху. В частности, невозможно проследить боковые

генерации аккумулятивного тела древней Тузлы или древней дельты Дона. Можно лишь, опираясь на данные фрагментарных морских геологических исследований ИО АН СССР и ИГН АН УССР, предполагать, что на ранних стадиях ингрессии черноморских вод в Киммерийский Боспор возникали аналоги Тузлинской косы, но имеющие субширотную ориентировку, от современного мыса Тузла к пересыпи Тобечикского озера [Невесский, 1958; Шнюков и др., 1981]. Нимфейская же генерация Тузлы ориентирована иначе, с перекосом западного фланга на север. Видимо, на этот процесс повлияла тектоника.

Если спроецировать тектонические разломы, выявленные в пределах Таманского и Керченского полуостровов, на ось аккумулятивной системы «дамба – остров Тузла», то можно на качественном уровне схематично наметить участки воздымания и погружения (рис 7). Начиная от вершины треугольного основания бывшей косы Тузла и до средней части дамбы фиксируется весьма значительное погружение подошвы аккумулятивного тела, сформированного плотными глинами. Совершенно очевидно, что столь аномальная пачка осадочных толщ сформировалась в условиях зоны активного погружения. Причем это погружение видно по литологическим границам и вышележащим слоям. Если действительно произошло цунами на фоне землетрясений в III в. н.э., то срезанный волной цунами объем рыхлой толщи сначала сформировал на подводном склоне обширное грунтовое тело, постепенно переработанное морем и захороненное на участке интенсивного тектонического погружения. Возможно, часть осадочного материала была сброшена на банку, ныне располагающуюся к северу от острова Тузла.

Подводное тело вблизи мыса Тузла дало толчок началу формирования современной косы Тузла. Как видно из разреза, песчаная толща, а тем более аллювиальные супеси, формируют неоднородное по мощности тело, разделенное перерывами. В их пределах, вероятно, в древности существовали многочисленные проливы или протоки древней дельты Дона. То есть на рубеже II–III вв. ингрессия черноморских вод обеспечила подтопление Киммерийского Боспора и вызвала волновую переработку древней дельты Дона, возникшей на стадии временного подъема уровня, линия уреза которого простиралась от современного мыса Тузла до берега между озером Тобечикским и корнем Камыш-Бурунской косы. Но процесс перестройки аллювиальной дельты в морскую косу происходил на фоне разнонаправленных тектонических движений блоков, формирующих дно и берега Киммерийского Боспора. Бурение показывает, что западная часть Киммерийского Боспора развивалась в условиях интенсивного тектонического погружения. Скважинами здесь пройдена аномальная толща илов, превышающая 25-30 м, а местами и 40-50 м. Именно эта толща не дала возможность Тузлинской косе прирасти к коренному Керченскому берегу, поскольку наносы диффундировали в огромный объем жидких илов.

Роль участков тектонического опускания в эволюции песчано-ракушечных береговых форм наглядно показали геологические изыскания на примере Чурубашского

озера и Камыш-Бурунской косы [Шнюков и др., 1981, с. 134]. По их данным, коса интенсивно выдвигалась на север, как раз в зону активных нисходящих тектонических движений. Аккумулятивное тело Тузлы, как и Камыш-Бурунская коса, активно смещалось на север, к зоне тектонического прогиба. На этот процесс накладывалась пространственная неоднородность поставки наносов. Больше их поступало с севера. В результате система островов, а в средневековье коса Тузла, приобрела ориентировку с юго-востока на северо-запад.

Но наиболее значительным фактором изменения природных условий существования древнегреческих колоний в позднеантичную стадию стала ингрессия вод из Черного моря в Киммерийский Боспор. В число первых древнегреческих городов, попавших в зону подтопления морем, входят Акра, Нимфей и др. Но помимо подтопления значительную негативную роль играло развитие вдольбереговых потоков биогенных наносов, способствовавших перекрытию береговыми валами гаваней и других хозяйственных объектов [Поротов, Зинько, 2013, с. 15–17; Зинько, 2015, с. 153–158]. Возможно, естественной реакцией колонистов на этот процесс являлась отсыпка многочисленных противонагонных (ограждающих) дамб, которые чаще всего исследователи, не учитывая ориентацию древней береговой линии, воспринимают в качестве причалов или молов. Весь опыт гидротехнического строительства свидетельствует, что портовыми причалами могут служить конструкции из крупногабаритных камней, гарантирующих сохранность верхней, незатопляемой части сооружения даже в условиях жестких штормов. Сооружения, которые являются непроницаемые для воды и распластываемые морем, не дают гарантии сохранности корпуса деревянных судов при швартовке.

Приведенные выше данные позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Развитие древнегреческих колоний в Приазовье-Причерноморье не менее V–VI веков происходило в условиях низкого стояния уровня морей. Важную роль в развитии городов и хозяйственной деятельности колонистов могло играть Меотийское озеро. Его площадь, гидрологический режим и взаимодействие с древним Доном со временем менялись, порождая новые реальности судоходства и рыбных промыслов. В пределах частично осушенного дна Киммерийского Боспора и котловины Корокондамского озера возникли многочисленные греческие города, порты и хозяйственные постройки.

2. На рубеже эпох проявился комплекс принципиально иных природных факторов. В одних случаях подъем уровня моря привел к уничтожению городов, помимо Корокондамы, вероятно, и Зефирия, в других – подтопление нижних частей городов Акра, Нимфей, Фанагория, Гермонасса, Патрей и др., виноделен и засолочных комплексов (бассейны на дне озера Тобечикского), причалов, в третьих – ухудшение условий функционирования портов и изменения фарватеров.

3. Даже приведенные схематичные геолого-геоморфологические данные показывают, что вплоть до позднеантичного времени не существовало не только древней Чушки, но и консолидированного тела древней косы Тузла. Следовательно, нет осно-

ваний для использования в научных построениях идеи «кос - мостов» для переходов варваров через Киммерийский Боспор.

4. Гипотеза совокупного влияния аномальных землетрясений и волн цунами позволяет сформулировать возможную схему исчезновения поселения Корокондамы. Автор по этой причине не склонен отвергать построения А.Н. Шамрая [2003, с. 277–291], но вряд ли обнаруженные на дне современного моря артефакты стоит напрямую относить к античной эпохе.

5. Фактически современные исследователи находятся лишь на начальном этапе понимания всей сложной гаммы процессов, влиявших на существование древнегреческих полисов и их хозяйственную деятельность. Необходимо реализовать более масштабную программу отбора ракушечных проб и торфа с целью получения разветвленной сети радиоуглеродных датировок ключевых участков хотя бы побережья Киммерийского Боспора. Если они могут быть продублированы датированными археологическими находками, то это позволит получить несоизмеримо более полную картину комплексных изменений среды и древнего общества на пространстве Приазовья-Причерноморья.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Артюхин Ю.В. Видовой состав раковин отложений пляжей и его роль в развитии береговой зоны моря // Океанология. Т. XXIII. 1983. Вып. 5.

Артюхин Ю.В., Алексеев В.В. Бентогенная аккумуляция на берегах и шельфе морей. Апатиты. Кольского научного центра АН СССР, 1989.

Артюхин Ю.В., Грудинова Л.Я., Обыховская И.А. Равновесные береговые формы как основа для палеогеографических реконструкций. Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1989. № 3.

Артюхин Ю.В. Влияние эволюции береговой зоны северо-восточной части Керченского пролива на сохранность некоторых объектов античной эпохи // Древности Боспора. М., 2011. Вып. 15.

Вахтина М.Ю., Артюхин Ю.В. Порфмий в контексте эволюции рельефа побережья в античную эпоху // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015.

Дикарев В.А. Поротов А.В., Масленников А.А. Оценка величины резервуарного эффекта при радиоуглеродном датировании для античного периода на Керченском проливе // Черноморский регион в условиях глобальных изменений климата: закономерности развития природной среды за последние 20 тыс. лет и прогноз на текущее столетие. М., 2010.

Зинько В.Н. Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского (VI–I вв. до н.э.). Симферополь-Керчь, 2007.

Зинько В.Н. Природно-ландшафтный фактор в эллинской колонизации Европейского Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015.

Забелин И.Е. Объяснение Страбоновых свидетельств о местностях Боспора Киммерийского // Труды третьего археологического съезда в России. Том второй. Киев, 1878.

Каплин П.А., Пешков В.М., Поротов А.В. Влияние природных и техногенных факторов на динамику и развитие косы Тузла //Черноморский регион в условиях глобальных изменений климата: закономерности развития природной среды за последние 20 тыс. лет и прогноз на текущее столетие. М., 2010.

Ковалюх Н.Н., Митропольский А.Ю., Соботович Э.В. Радиоуглеродный метод в морской геологии. Киев. «Наукова Думка», 1977.

Невесский Е.Н. К вопросу о новейшей черноморской трансгрессии. Тр. ИО АН СССР. 1958. Т. XXVIII.

Плахотный Л.Г., Пасынков А.А., Герасимов М.Е., Чир Н.М. Разрывные нарушения Керченского п-ва // Геологический журнал. 1989. № 5.

Поротов А.В., Зинько В.Н. Изменение уровня моря и рельеф приморской полосы хоры Тиритаки и Нимфея в античное время (западное побережье Керченского пролива) // Боспорские исследования. Симферополь-Керчь, 2013. Вып. XXVIII.

Свиточ А.А., Дикарёв В.А., Янина Т.А. и др. Материалы комплексной обработки скважины МГУ-02 (коса Тузла) // Черноморский регион в условиях глобальных изменений климата: закономерности развития природной среды за последние 20 тыс. лет и прогноз на текущее столетие. М., 2010.

Соловьева О.Н., Кузин И.П. Сейсмичность и цунами северо-восточной части Черного моря // Океанология. 2005. Т. 45.

Столяренко П.Г., Бейлин Д.В. К вопросу реконструкции палеогеографической ситуации в северо-восточной части Керченского полуострова в античное время (район городищ Парфений и Порфмий // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015.

Сурков Ф.А., Бронфман А.М., Чернус В.Г. и др. Моделирования абиотических факторов экосистемы Азовского моря // Изв. Сев.-Кавк. научн. центра ВШ. Сер. естеств. наук. 1977. № 2.

Трифонов В.Г., Трифонов Р.В. Происхождение и экологические последствия фанагорийской регрессии Черного моря // Геоэкология, инженерная геология, гидрогеология, геокриология. 2006. № 6.

Хрусталев Ю.П., Щербаков Ф.А. Позднечетвертичные отложения Азовского моря и условия их накопления. Изд. Ростовского ун-та, 1974.

Шамрай А.Н. Гавань и якорная стоянка античной Керкондамы // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности. Керчь, 2003.

Шарданов А.Н., Пекло В.П. Новые данные о тектонике западного погружения Кавказа и Тамани. Тр. Кр.ф. ВНГНИИ. Геол. сб. 1961, вып. 6.

Шнюков Е.Ф., Аленкин В.М., Путь А.Л. и др. Керченский пролив. Киев, Наукова Думка, 1981.

REFERENCES

Artiukhin Iu.V. Vidovoi sostav rakovin otlozhenii pliazhei i ego rol' v razvitii beregovoi zony moria. *Okanologiia*. T. XXIII. 1983. Vyp. 5.

Artiukhin Iu.V., Alekseev V.V. *Bentogennaia akkumuliatsiia na beregakh i shel'fe morei*. Apatity. Kol'skogo nauchnogo tsentra AN SSSR. 1989.

Artiukhin Iu.V., Grudinova L.Ia., Obykhovskaia I.A. Ravnovesnye beregovye formy kak osnova dlia paleograficheskikh rekonstruktsii. *Izv. AN SSSR.* Ser. Geogr., 1989. № 3

Artiukhin Iu.V. Vliianie evoliutsii beregovoi zony severo-vostochnoi chasti Kerchenskogo proliva na sokhrannost' nekotorykh ob''ektov antichnoi epokhi. *Drevnosti Bospora*. M., 2011. Vyp. 15.

Dikarev V.A., Porotov A.V., Maslennikov A.A. Otsenka velichiny rezervuarnogo effekta pri radiouglerodnom datirovanii dlia antichnogo perioda na Kerchenskom prolive. *Chernomorskii region v usloviiakh global'nykh izmenenii klimata: zakonomernosti razvitiia prirodnoi sredy za poslednie 20 tys. let i prognoz na tekushchee stoletie.* M., 2010.

Kaplin P.A., Peshkov V.M., Porotov A.V. Vliianie prirodnykh I tekhnogennykh faktorov na dinamiku I razvitie kosy Tuzla. *Chernomorskii region v usloviiakh global'nykh izmenenii klimata: zakonomernosti razvitiia prirodnoi sredy za poslednie 20 tys. let i prognoz na tekushchee stoletie.* M., 2010.

Khrustalev Iu.P., Shcherbakov F.A. *Pozdnechetvertichnye otlozheniia Azovskogo moria I usloviia ikh nakopleniia.* Rostov Univers. Pb., 1974.

Kovaliukh N. N., Mitropol'skii A.Iu., Sobotovich E.V. *Radiouglerodnyu metod v morskoi geologii.* Kiev. "Naukova Dumka", 1977.

Nevesskii E.N. K voprosu o noveishei chernomorskoi transgressii. *Tr. IO AN SSSR.* 1958. T. XXVIII.

Plakhotnyi L.G., Pasynkov A.A., Gerasimov M.E., Chir N.M. Razryvnye narusheniia Kerchenskogo p-va. *Geologicheskii zhurnal.* 1989. № 5.

Porotov A.V., Zin'ko V.N. Izmenenie urovnia moria i rel'ef primorskoi polosy khory Tiritaki i Nimfeia v antichnoe vremia (zapadnoe poberezh'e Kerchenskogo proliva). *Bosporskie issledovaniia.* Simferopol'-Kerch', 2013. XXVIII.

Solov'eva O.N., Kuzin I.P. Seismichnost' I tsunami severo-vostochnoi chasti Chernogo moria. *Okeanologiia*. 2005. T. 45.

Stoliarenko P.G., Beilin D.V. K voprosu rekonstruktsii paleograficheskoi situatsii v severo-vostochnoi chasti Kerchenskogo poluostrova v antichnoe vremia (raion gorodishch Parfenii I Porfmii). *Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Geograficheskaia sreda i sotsium.* Kerch', 2015.

Surkov F.A., Bronfman A.M., Chernus V.G. etc. Modelirovaniia abioticheskikh faktorov ekosistemy Azovskogo moria. *Izv. Sev.-Kavk. Nauch. Tsentra VSh. Ser. Estestv. Nauk.* 1977. № 2.

Svitoch A.A., Dikarev V.A., Ianina T.A. etc. Materialy kompleksnoi obrabotki skvazhiny MGU-02 (kosa Tuzla). *Chernomorskii region v usloviiakh global'nykh izmenenii klimata: zakonomernosti razvitiia prirodnoi sredy za poslednie 20 tys. let i prognoz na tekushchee stoletie*. M., 2010.

Trifonov V.G., Trifonov R.V. Proiskhozhdenie I ekologicheskie posledstviia fanagoriiskoi regressii Chernogo moria. *Goekologiia, inzhenernaia geologiia, gidrogeologiia, geokriologiia.* 2006. № 6.

Shamrai A.N. Gavan' I iakornaia stoianka Korokondamy. *Bospor Kimmeriiskii I varvarskii mir v period antichnosti.* Kerch', 2003.

Shardanov A.N., Peklo V.P. Novye dannye o tektonike zapadnogo pogruzheniia Kavkaza I Tamani. *Tr.Kr.F. VNGNII. Geol. Sb.* 1961, 6.

Shniukov E.F., Alenkin V.M., Put' A.L. etc. *Kerchenskii proliv*. Kiev, "Naukova Dumka", 1981.

Vakhtina M.Iu., Artiukhin Iu.V. Porfmii v kontexste evoliutsii rel'efa poberezh'ia v antichnuiu epokhu. *Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Geograficheskaia sreda i sotsium.* Kerch', 2015.

Zabelin I.E. Ob''iasnenie Strabonovykh svidetel'stv o mestnostiakh Bospora Kimmeriiskogo. *Trudy tret'ego arkheologicheskogo s"ezda v Rossii. T.II.* Kiev, 1878.

Zin'ko V.N. *Khora gorodov evropeiskogo poberezh'ia Bospora Kimmeriiskogo (VI–I vv. do n.e.).* Simferopol'-Kerch', 2007.

Zin'ko V.N. Prirodno-landshaftnyi factor v ellinskoi kolonizatsii Evropeiskogo Bospora. *Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia/ Geograficheskaia sreda i sotsium.* Kerch', 2015.

Резюме

Рассмотрены гипотезы, объясняющие местоположение и эволюцию такого географического объекта, как Меотийское озеро, возможные природные причины катастрофического разрушения коренного берега в пределах м. Тузла, приведшие к уничтожению Корокондамы. На основе комплекса природных данных подтверждено существование «фанагорийской» регрессии, игравшей заметную роль в становлении греческих колоний развития хозяйства в VII–II вв. до н.э. Приведены геологические данные, позволяющие показать возможную схему возникновения и развития косы Тузла и на этой основе исключить возможность разработки концепций «кос-мостов» для миграции племен через Киммерийский Боспор.

Ключевые слова: Природные условия, Меотида, Боспор Киммерийский, греческие колонии, коса Тузла, миграции.

Summary

The article observes ypotheses to explain the location and the evolution of such geographical object as Meotian lake, the possible natural causes of the catastrophic destruction of the original bank within Tuzla Cape, which led to the destruction of Korokondamy. The existence of «Fanagoria» regression, which played a prominent role in the establishment of the Greek colonies of the economy in the VII-II centuries BC, is confirmed on the basis of the complex of natural data. Geological data are given to show a possible scheme for the emergence and development of the Tuzla Spit, and on this basis to eliminate the possibility of the development of the concepts of «splits - bridges» for the migration of tribes across the Cimmerian Bosporus.

Keywords: Natural conditions, Meotida, Cimmerian Bosporus, Greek colonies, Tuzla Spit, migration.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Артюхин Юрий Владимирович, канд. геогр. наук,
старший научный сотрудник, ООО НПЦ «Берегозащита»,
главный специалист.
+7-(861-32)6-80-03
vart-abr@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
Yury Artyukhin - PhD (Geography),
senior research assistant,
LLC «Scientific-Project Center «Choreprotection»
Chif specialist.
+7-(861-32)6-80-03
vart-abr@mail.ru

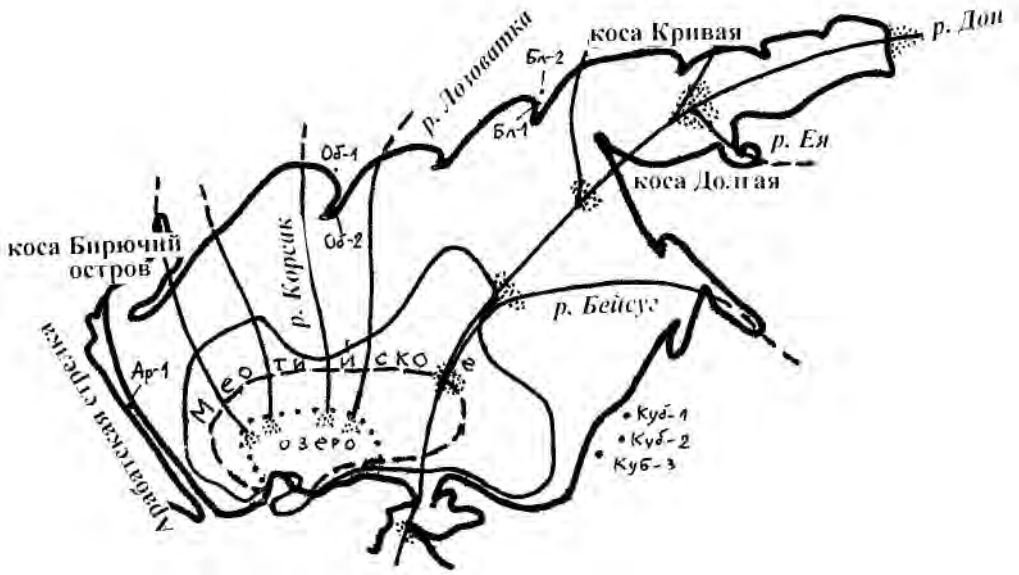


Рис. 1. Схема местоположения Меотийского озера (сплошной штриховой и пунктирными линиями показаны пределы изменений конфигурации и площади озера) и питающих его речных систем. Полем точек обозначены промежуточные дельты древнего Дона (в пределах дельты между косой Кривой и Ейским лиманом в 1970-е годы при добыче ракуши поднято из-под воды на поверхность несколько сотен обломков и десятки целых кувшинов). Жирными точками и аббревиатурой обозначены участки отбора некоторых проб на радиоуглеродный анализ.

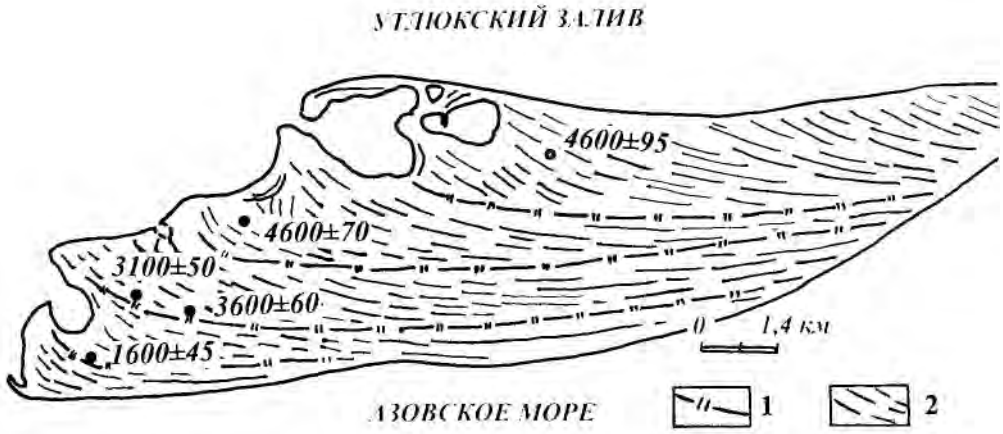


Рис. 2. Схема расположения точек отбора проб на косе Бирючий остров и возраст некоторых генераций береговых валов по данным радиоуглеродного анализа.

1 – зоны смены лито-морфодинамического режима (размыва); 2 – генерации валов.

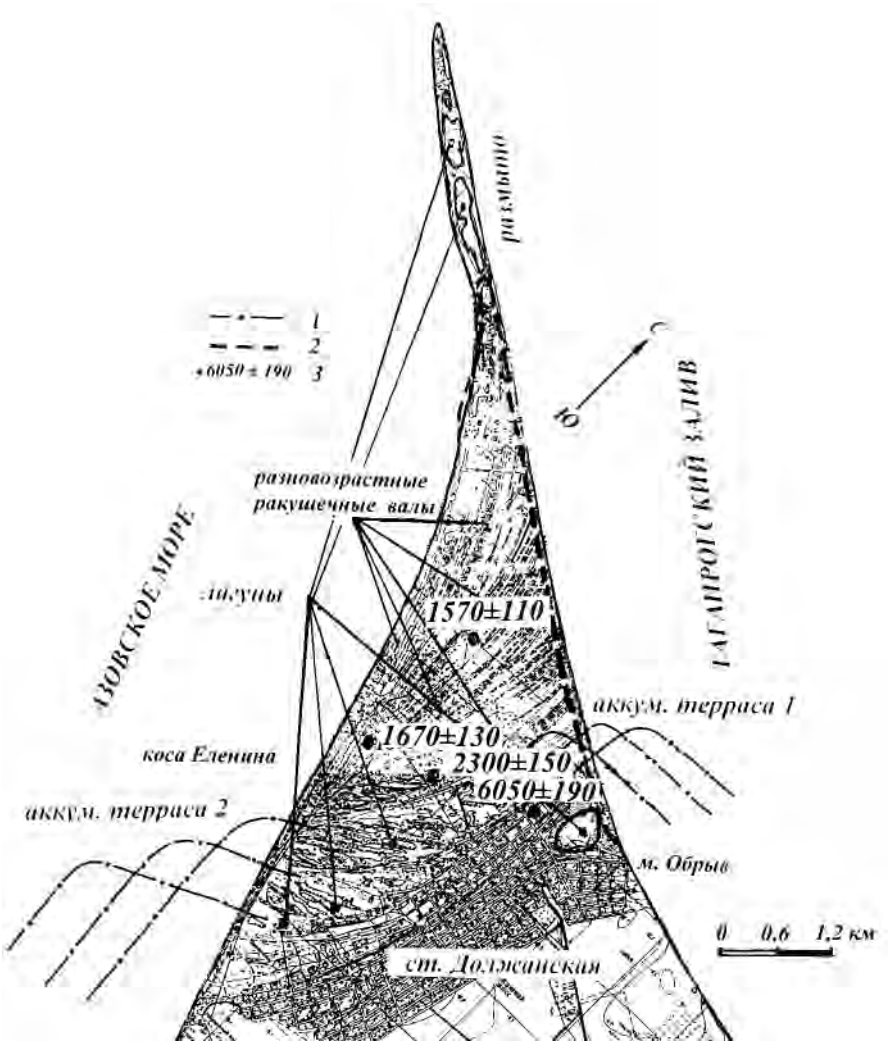


Рис. 3. Схема морфологии косы Долгой, некоторых особенностей ее эволюции и современного развития. Исходная конфигурация аккумулятивного тела дана по состоянию на 1970 г. (размытый за период 1970–2009 гг. участок оконечности подписан).

1 – эволюция аккумулятивных террас джеметинского возраста; 2 – участок берега, уничтоженный морем в 1970–2015 гг.; 3 – точки определения возраста ракушечных отложений по С14.

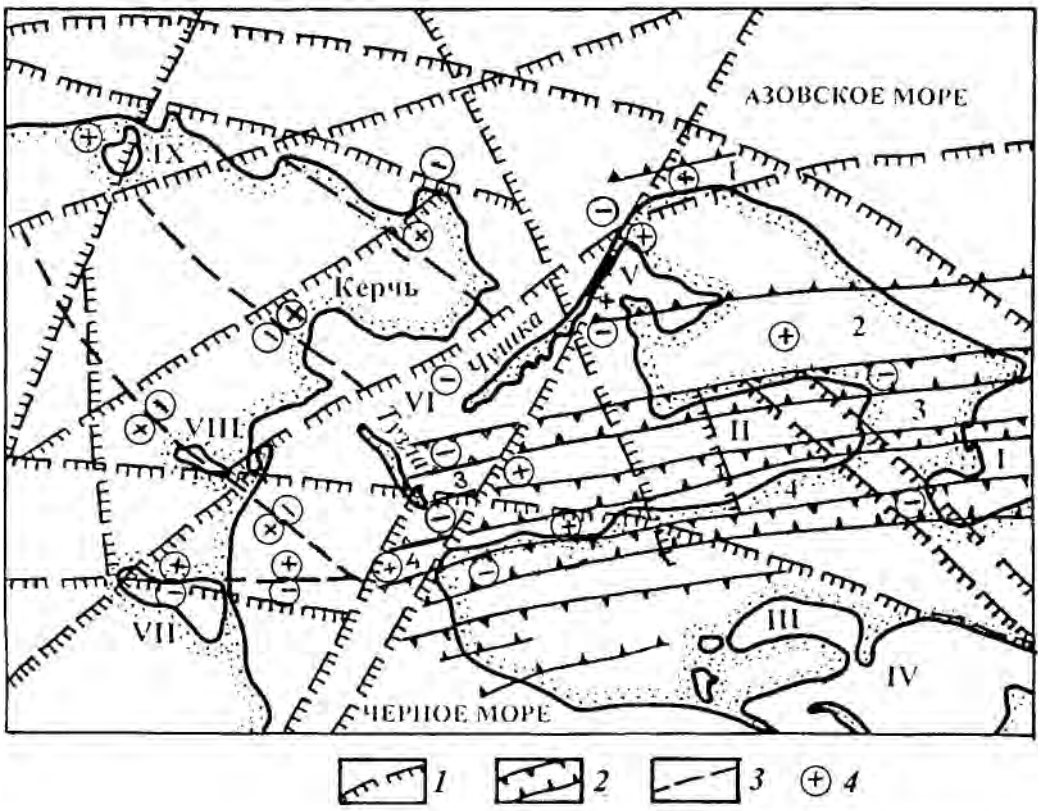


Рис. 4. Схема расположения тектонических структур в пределах западной части Таманского полуострова, Керченского пролива и восточной части Керченского полуострова, ограниченных глубинными разломами.

Структуры, выделенные: 1 – Шнюков и др., 1974; 2 – Шарданов, Пекло, 1961; 3 – Плахотный и др., 1989; 4 – направленность вертикальных тектонических движений (минус – опускание, плюс – воздымание).

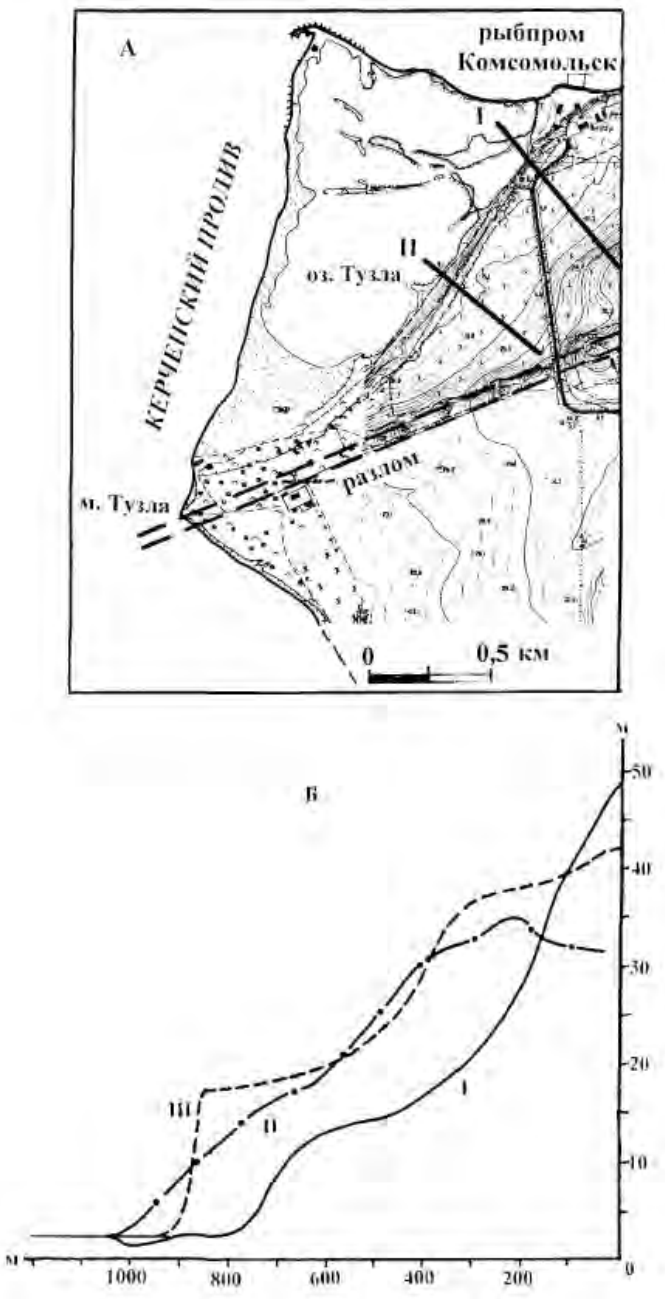


Рис. 5. Морфология прикорневого участка бывшей косы Тузла.

А – схема расположения глубинного разлома по линии гора Карабетова – мыс Тузла и геоморфологических профилей I, II, профиль III расположен в нескольких километрах южнее мыса Тузла. Б – особенности строения береговых откосов в пределах профилей I – III.

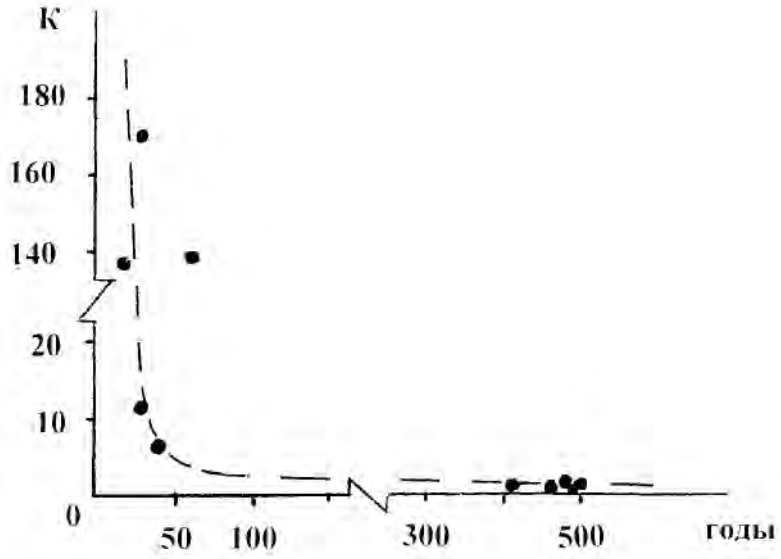


Рис. 6. Характер зависимости коэффициента зрелости городов (отношение площади городской застройки к площади некрополя) от их возраста.

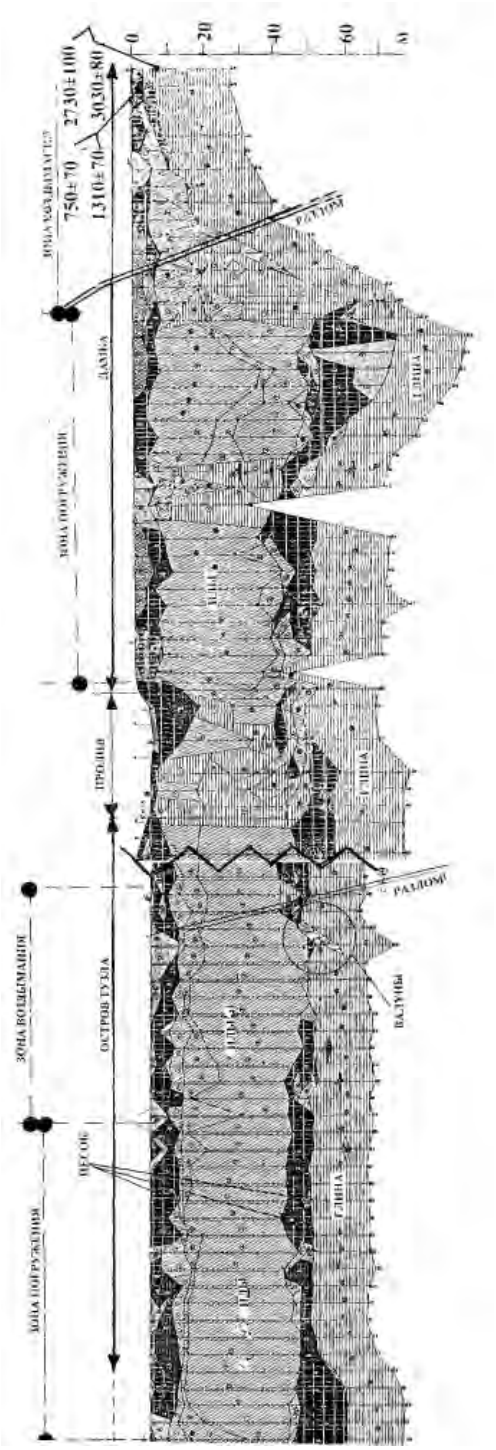


Рис. 7. Схема строения осадочной толщи и местоположение некоторых тектонических структур, литологических зон по линии «средняя часть треугольного основания бывшей косы Тузла – осей Тузлинской дамбы – острова Тузла».

А.И. АЙБАБИН
A.I. AIBABIN

ВИЗАНТИЙСКИЕ ПОРТЫ В КРЫМУ В IV–VII ВВ.[1]
THE BYZANTINE PORTS IN THE CRIMEA IN THE IV–VII CENTURIES

В немногословной информации письменных источников зафиксировано функционирование в IV–VII вв. в Крыму нескольких византийских портов.

Херсонес-Херсон являлся крупнейшим в регионе портовым городом (рис.1). Его называли Херсонесом в античную эпоху и в IV–V вв. [Dagron, 1974, p. 531; Zosime, 1979, p. 266, IV. 5. 2; Codex Theodosiani, 1905, XVI. IX.40.24], тогда как авторы VI в. [Иордан, 1994, с. 128] и более поздние, например, автор написанной в конце VII в. «Космографии» [Pekkanen, 1979, p. 111–114; Ravennatis anonymi, 1860, p. 172–174], именовали Херсоном. О его принадлежности Восточно-Римской империи уже со второй половины IV в. вполне определенно свидетельствуют письменные источники [Аммиан Марцеллин, 1996, с. 377, XXVI. 10. 8; Zosime, 1979, II, IV. 5. 2, p. 266; Oxford Dictionary, 1991, p. 1731; Ajbabin, 2010, p. 397; Храпунов, 2010, с. 370–372]. Город сооружен на выступающем в открытое море скалистом мысу, в который с востока врезается совершенно закрытая от морских ветров бухта (ныне Карантинная) (рис. 2). Она представляла собой исключительно удобную стоянку для кораблей. На берегу бухты и под водой все еще не обнаружены остатки городских портовых сооружений [Блаватский, 1961, с. 150–157]. Однако, по словам автора «Анонимного перипла Понта Эвксинского», в Херсонесе Таврическом были «…пристань и хорошие гавани» [Латышев, 1890, с. 284].

Вопрос о дате этого перипла вызвал дискуссию. По утверждению А. Диллера, перипл следует датировать по содержащимся в тексте топонимам, появившимся в письменных источниках во второй половине VI в. [Diller, 1952, p. 112-113]. С ним согласилась М.В. Скржинская [Скржинская, 1980, с. 115]. По мнению М.В. Агбунова, сочинение, известное как «Анонимный перипл» и обычно датируемое V веком, является расширенной редакцией перипла, составленного Аррианом во II в., и основное его содержание относится ко II веку, а византийский переписчик добавил некоторые современные ему названия [Агбунов, 1987, с. 10–14; Агбунов, 1992, с. 85]. Отмечу, что анонимный автор внес в текст Арриана правку, отражающую реальности VI в. Так, в описание Херсонеса добавлена цитированная выше характеристика

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10169 «История Крыма».

порта, а сам город назван и Херсонесом Таврическим, и Херсоном [ср.: Арриан – Латышев, 1890, с. 225 и Анонимный перипл – Латышев, 1890, с. 284]. По-новому в «Анонимном перипле» описана и Феодосия: «опустевший город, имевший гавань … и это был древний эллинский город. Ныне же Феодосия на аланском или таврском наречии называется Ардабда, то есть семибожный» [Латышев, 1890, с. 284]. В перипле не случайно сказано о запустении города. Античную Феодосию разрушили в IV в. В результате археологических раскопок выявлены только находки античного, генуэзского и османского периодов. Слои разрушений IV в. перекрывал мощный стерильный слой. Над ним выявлен слой с фрагментами поливной керамики, амфор и монетами 1340-80-х гг. – XIV в. Скорее всего, автор пояснил, как крымские варвары-аланы называли известный с античного времени пункт на побережье. Упоминание Феодосии в «Космографии» Равенского анонима [Ravennatis anonymi, 1860, p. 172–174] можно объяснить некритичной компиляцией ранних периплов.

Вопреки тому, что Прокопий локализовал Херсон «в самой крайней точке римского мира» [Procopius, 1964, p. 100–101, III.7.10; Procopius, 1963, p. 57, I.12.7; Dagron, 2000, p. 289–301], город по морю близок к Константинополю. В 364 г. из столицы в Херсонес на корабле бежал родственник императора Юлиана узурпатор Прокопий, восставший против императора Валента. Через некоторое время Прокопий, опасаясь, что горожане выдадут его преследователям, на попутном корабле уплыл в Константинополь [Zosime, 1979, p. 266, IV.5.2; Oxford Dictionary, 1991, p. 1731]. В Херсонес морем отправляли в ссылку неугодных. В 366 г. в город сослали Фронемия, замешанного в заговоре Прокопия [Аммиан Марцеллин, 1996, с. 377б XXVI.10.8], в начале 460-х гг. – монофиситского патриарха Тимофея Элура [Hamilton, Brooks, 1899, p. 79-80], в годы правления императора Ираклия (610-641) – Евпрепия (умер в 655 г.) и Феодора (умер в 667 г.) [Шестаков, 1908, с. 120; Vasiliev, 1936, p. 78; Migne, 1864, p. 684], а в 655 г. – папу Мартина [Бородин, 1991, с. 179; The Chronicle of Theophanes Confessor, 1997, p. 484-485]. Скорее всего, с попутными торговыми кораблями высланные в город патриарх Тимофей Элур и папа Мартин переписывались со сторонникам в других городах империи.

В гавани Херсона завершался самый короткий морской путь из Византии, начинавшийся в порту Синопы. О плавании в 576 г. по этому пути посольства, посланного императором Тиберием во главе с Валентином, писал Менандр [Blockley, 1985, fr. 19,1. 171, 173, 275; Айбабин, 1999, с. 134].

По крайней мере, с начала V в. в городе строили корабли. В одной из новелл Кодекса Феодосии содержится датированное сентябрем 419 г. постановление императоров Гонория и Феодосия II об освобождении по ходатайству городского епископа Асклепиада от наказания жителей Херсонеса, передавших варварам секреты кораблестроения [Codex Theodosiani, 1905, libri XVI, IX,40,24].

По мнению Ю. А. Кулаковского, во исполнение морской повинности, которая именовалась τὰ πλώϊμα, Херсон поставлял в империю суда и корабельную оснастку,

а в 575 г. император Тиберий в связи с восшествием на престол отменил эту повинность [Кулаковский, 1914, с. 61]. В новелле император обязал префектуру возместить жителям Херсонеса и Боспора стоимость поставлявшихся ими в счет налога *плоймы* (τὰ πλώϊμα) изделий или продукции для флота [Corpus juris civilis, 1895, III, 751, Nov. CLXIII], очевидно, базировавшегося в названных портах. Эта новелла подтверждает предположение Е. Арвейлер о базировании в VI–VII вв. военных эскадр в гаванях Боспора и Херсона [Ahrweiler, 1966, p. 12].

Со второй половины IV в. Херсонес вел активную торговлю с черноморскими и средиземноморскими портами империи. В панегирике, произнесенном в 361 г., ритор Фемистий назвал Херсонес в числе главных поставщиков хлеба в Константинополь [Dagron 1968, 25; 1974, 531–532: Dagron, 1974, p. 531, 532], который могли доставлять только на кораблях. В одном из писем римского папы Мартина I сообщается о вывозе из города в империю соли [Бородин, 1991, с. 179, 187]. По предположению А.И. Романчук, из Херсона экспортировали и рыбу [Романчук, 1976, с. 16–18].

По мнению В. В. Латышева, найденная в Херсонесе надпись 488 г. позволяет говорить о создании в городе императором Зиноном (474–491 гг.) *практия* (πρακτεῖον), то есть таможни [Латышев, 1896, с. 10–15, № 7]. К. Цукерман полагал, что данный термин означает не таможенный сбор, а местные налоги и пошлины, которые собирал упомянутый в надписи командир гарнизона Херсона викарий – заместитель для специальных поручений командующего войсками провинции (magister militum) Фракии [Цукерман, 1994, с. 559, 560]. Согласно The Oxford Dictionary of Byzantium, практий был одним из видов таможенных сборов [Oxford Dictionary, 1991, p. 566]. Очевидно, подчинявшаяся Викариату таможня – πρακτεῖον собирала пошлины, в том числе с торговых кораблей. На эти средства содержали баллистариев и ремонтировали крепостные стены [Nystazopoulou-Pélékidou, 1998, p. 568; Ajbabin, 2010, p. 397]. Происходящие из Херсона печати византийских коммеркиариев VII в., в том числе главного коммеркиария апотеки Константинополя 688/689 гг. [Соколова, 1991, с. 205–206, 208, №№ 10, 26; Алексеенко, 2005, с. 1592–1594], документируют существование в городе таможни и в VII в.

Оживленную торговлю города в V–VII вв. с портами Черноморско-Средиземноморского бассейна подтверждают извлеченные из исследованных в Херсонесе слоев многочисленные фрагменты использовавшихся для транспортировки вина и оливкового масла амфор типа LR4 из Сирии и Палестины (рис. 3,1) [Якобсон, 1979, с. 12-13, рис. 2,4-5; Riley, 1979, p. 115, 223; Golofast, 2007, p. 46-47, 50, fig. 1,6; 9,5-6,8; Голофаст, Рыжов, 2011, с. 378, рис. 13, 4,6], распространенных в Средиземноморье и Причерноморье амфор типа LRA1 (рис. 3, 3-5,7-10,12,13) [Якобсон, 1979, с. 13-14, рис. 2,6; 3,8-9; Riley, 1979, p. 212-216; Hayes, 1992, p. 64, fig. 47,156-157; Sodini, Villeneuve, 1992, p. 197; Pieri, 2005, p. 72, 76; Golofast , 2007, p. 47-48, 53, fig. 4; 5; 12; Голофаст, Рыжов, 2011, с. 371, 382, рис. 16; 17,5], производившихся на Хиосе, Книде и в Арголиде амфор типа LRA2 (рис. 3,6) [Riley, 1979, p. 217-218; Hayes, 1992, p. 66; Golofast, 2007, p. 49-50, fig. 7,3-6; Голофаст, Рыжов, 2011,

с. 371, 374, рис. 7,6; 9,2,3; 10], сделанных в Малой Азии [Sodini, Villeneuve, 1992, p. 199, fig. 3,1-2] амфор типа LRA10 [Robinson, 1959, p. 73, 78, 79,114-116, 119, Pl. 17,L50,51; 33,M335; 34,M3; Якобсон, 1979, с. 11-12, рис. 2,2; Riley, 1979, p. 229-230, fig. 48; Peacock, 1984, p. 121, fig. 34,4,5; 35,14; Tomber, Williams, 1986, p. 49, fig. 7,D; Ajbabin, 2010, p. 404] и в Синопе амфор типа "Carrot" [Якобсон, 1979, с. 9, рис. 1,1; Kassab Tezgör, Tatlıcan, 1998, p. 423-442, fig. 7-25; Opait, 2010, p. 397-399, fig. 9,4–6]. В тех же слоях найдены фрагменты краснолаковых сосудов, изготовлявшихся в византийских городах в Северной Африке (рис. 4) [Голофаст, 1996, с. 77–82, рис. 1–4] и в Малой Азии в районе Фокеи [Голофаст, 2002, с. 135–178, 184–197, рис. 1–13; 15–16], а также стеклянные сосуды, привезенные из средиземноморских и причерноморских центров [Голофаст, 2001, с. 138–141].

В VI–VII вв. для украшения новых базилик в город привозили цветную смальту для мозаик, изготовленные в императорских мастерских Проконнесса мраморные капители, колонны, плиты, алтарные преграды и другие детали [Якобсон, 1959, с. 132, 152]. Из византийских городов и Подунавья, Остроготского королевства в Италии и Боспора импортировались пряжки, фибулы и украшения [Айбабин, 1999, с. 130, 132; Kazanski, 1994, p. 162–164].

Через порт Херсона в V–VII вв. велась транзитная торговля с готами и аланами Юго-Западного Крыма и кочевниками. По словам Иордана, в Херсон доставляли свои товары и купцы из Азии [Iordanis, 1882, V,37]. В названные регионы поступали необходимые товары (в том числе амфоры, краснолаковые и стеклянные сосуды, декоративные мраморы, разнотипные пряжки, фибулы, раковины каури и другие украшения) из Византии, Северной Италии, Подунавья, Северной Европы и других мест [Айбабин, 1999, с. 83, 130, 132, 150, 158, 161, рис. 20,3; 21,1-15; 22,1-4; 25,12,14; 29,1,4-11; 35,21; 43,3; 47; 68,1,2,4,5,6; 70, табл. XVIII; XIX,1,2,6; XXV; XXVII; Айбабин, 2009, с. 60-65, рис. 1; 4; Айбабин, Хайрединова, 2005, с. 289–290, рис. 1; 2; 3,3; Айбабин, Хайрединова, 2008 , рис. 12,1,32-33; 13,20; 14,4; 15,11; 16,1,2,12,14,15; 18,12,16,17; 21,39,44,45; 22,18; 24,1-8,12-23; 25,4,17-20; 116,3; 118,6; 119,5; 132,a; 139,6; Айбабин, Хайрединова, 2014, табл. 78,1; 79,6; 91,1,3; 223,2; 228,1,5; Хайрединова, 2014, с. 79–80, рис. 1,1; 6,2]. Торговые сделки херсонцев с готами и аланами оплачивали византийскими монетами и выпущенными в городе херсоно-византийскими монетами [Соколова, 1968, с. 262; Сидоренко, 2003, с. 367, 368].

Гавань Символа (Συμβόλων λιμήν), Гавань Символов (Συμβόλου λιμένα) Арриан и автор «Анонимного перипла» 2-й половины VI в. [Diller, 1952, p. 112-113] помещали неподалеку от Херсонеса [Латышев, 1890, с. 224, 225, 284]. Впервые она упомянута у Страбона (ок. 64/63 г. до н.э. – ок. 23/24 г. н.э.) и Плиния Старшего (23–79 гг.) [Сарновский, Савеля, 2000, с. 29]. В «Анонимном перипле» отмечено: в бухте была «…спокойная гавань» [Латышев, 1890, с. 284]. Ю. А. Кулаковский отождествлял Символ с Балаклавой [Кулаковский, 1996, с. 271]. Балаклавская бухта (рис. 5) образовалась в результате тектонического разлома. Она врезана в глубь расщелины

скального массива в северном направлении на расстояние до 1500 метров. Ширина 200–400 м (в самом узком месте – 45 м), глубина 5–10 м в верховьях, до 25 м у пляжа и до 35 м на горловине. Вход в бухту расположен между мысами Георгия (он же Балаклавский, восточный берег) и мысом Курона (он же Западный, Батарейный). У входа в бухту на восточном берегу находится гора Крепостная (Кастрон) с руинами генуэзской крепости Чембало. Изогнутая, живописная, скрытая горами бухта незаметна со стороны моря. Извилистый фарватер защищает бухту от сильных штормов. Феофан и Никифор свидетельствуют о функционировании в бухте порта и в начале VIII в. В 704 г. ссыльный император Юстиниан II приплыл на галиаде (рыбацкое судно) и встал на якорь в гавани Символа. Взяв на борт своих сторонников, Юстиниан II отплыл в устье Истра [Nikephoros patriarch of Constantinopole, 1990, p. 100-101; The Chronicle of Theophanes, 1997, p. 521].

Боспором уже в античности нередко именовали расположенную на берегу одноименного пролива (рис. 6) столицу Боспорского царства Пантикапей. Например, Демосфен в речи против Лептина (355/354 г.) говорил о «новом торговом порте Феодосии, который, по словам моряков, ничуть не хуже Боспора» [Латышев, 1890, с. 365], а Гай Плиний Секунд (между 22 и 24–79 гг. н.э.) в «Естественной истории» писал, что «Пантикапей некоторые называют Боспором» [Латышев, 1904, с. 170]. Так же именовал город и Зосим, повествуя о набегах германцев на столицу Боспорского царства [Zosime, 1971, I, XXXI.3, XXXII,3, p. 30, 31]. Стефан Византийский (527-565 гг.) использовал два имени Боспор и Пантикапей [Латышев, 1890, с. 256, 257, 264], тогда как другие византийские авторы (Прокопий, Малала и др.) именовали Боспором.

Порт Пантикапея описан Страбоном (ок. 64/63 г. до н.э. – ок. 23/24 г. н.э.): «Пантикапей представляет собой холм, со всех сторон заселенный, окружностью в 20 стадий; с восточной стороны от него находится гавань и доки приблизительно для 30 кораблей» [Латышев, 1890, с. 124]. По мнению В.Д. Блаватского, гавань была защищена построенным при Спартокидах большим молом, нанесенным на планы А.Б. Ашика (1848 г.) и И. П. Бларамберга (1827/1858 гг.) [Дебрюкс, 2010, рис. 417, 427]. В 1845 году еще просматривались очертания занесенного песком мола (рис. 6, S). Гавань находилась на месте Таманской пристани и занимала не менее 300 м береговой линии [Блаватский, 1951, с. 25–26].

Тексты надписей V в. из Керчи и с Таманского полуострова позволяют говорить о сохранении Боспорским царством независимости до конца V в. [Виноградов, 1998, с. 234–240, 244–245; Айбабин, 1999, с. 78; Ajbabin, 2011, p. 70]. В 522 г. император Юстин I (517–527 гг.) попытался заключить с кочевавшими по соседству гуннами симмахию (союз) и направить их в Иберию для войны с персами. Для переговоров с гуннами император послал на Боспор патриция Проба с большой суммой денег, но его миссия закончилась неудачей [Procopius, 1963, Book I, XII,6,7]. Правда, в завершенной в 569 г. хронике Захарии Ритора из Митилены рассказывается об иной цели посольства Проба по отношению к гуннам: «для того чтобы купить из них воинов» [Пигулевская, 2011, с. 398, 596].

Прокопий в разных книгах «Истории войн» излагает несколько версий присоединения Боспора к империи. В первой книге «Война с персами» упомянуты жившие издавна независимо боспорцы, которые отдали себя под власть василевса Юстина I [Procopius, 1963, Book XII,8], а во второй книге «Война с персами» идет речь о захвате Юстинианом I (527–565 гг.) подчиненного гуннам Боспора [Procopius, 1963, Book II, III,40]. В книге «Война с готами» в рассказе о правлении Юстиниана I говорится о не так давно подчинившемся римлянам городе Боспоре [Procopius, 1963a, Book VIII, V,26]. Прокопий в книге «О постройках», характеризуя деяния Юстиниана I, писал: «Особенно он укрепил стенами Боспор; с давних времен этот город стал варварским и находился под властью гуннов; император вернул его под власть римлян» [Procopius, 1964, III, VII,10-12]. Как мы видим, в названных сочинениях Прокопия Боспор назван и независимым городом, и подчиненным гуннам, кочевавшим в степях между Херсоном и Боспором, у Понта и у Меотиды.

Современники Прокопия Иоанн Малала (ок. 491-578 гг.) и Иоанн Эфесский (507–586 гг.) описывали прибытие в Константинополь правителя живших близ Боспора гуннов Горда, его крещение и возвращение на Боспор [Joannis Malalae, 1831, fr. 432, 250-251; Кулаковский, 1891, с. 26-27; Пигулевская, 2011, с. 310-311]. Рассказ Иоанна Малалы об этом событии повторен в более поздних хрониках Иоанна Никиусского [Charles, 1916, p. 141, 66] и Феофана [Чичуров, 1980, с. 51, 79, 80], а также в Сагах Ландульфа [Landulfus, 1877, p. 369] и «Историческом синопсисе» Георгия Кедрина [Georgius Cedrenus, 1838, I, 644-665]. Вторая часть «Истории» Ионна Эфесского включена в сочинение псевдо Дионисия Тельмахрского и Михаила Сирийца [Пигулевская, 2011, с. 216, 310-311]. Согласно Малале, Горд прибыл в Константинополь в первый год правления Юстиниана I, а по Иоанну Эфесскому в 534 г. по словам Малалы, сам василевс стал восприемником Горда и, богато одарив, отпустил его домой с тем, чтобы он охранял области римлян и Боспор. Император разместил в городе отряд римских солдат, которые были италийцами, называемыми испанцами, под командой трибуна. В городе Боспор шел обмен между римлянами и гуннами. Вернувшись на родину, Горд переплавил гуннских идолов, сделанных из серебра и электрона, и обменял их на милиарисии в Боспоре. По наущению возмущенных жрецов гунны убили Горда. К власти пришел его брат Муагерий. Гунны захватили Боспор и уничтожили византийский гарнизон. Император послал на Боспор морем эскадру с отрядом готов под командой комита устьев Евксинского Понта апоипата Иоанна и одновременно отправил в поход против гуннов по суше от Одиссополя Годилу и стратига Фракии стратилата Бадурия. Гунны, узнав о приближении византийцев, бежали из города, которым овладели войска ромеев. Феофан и Малала отнесли описанные события к 527/528 гг. [Чичуров, 1980, с. 50, 51; Joannis Malalae, 1831, fr. 431-433, 250, 251; Charles, 1916, p. 141].

После изгнания мятежников боспорские портовые города присоединили к империи. На фрагменте строительной надписи с Таманского полуострова, отнесенной В. В. Латышевым к 533 г., он прочитал имя и часть титула императора Юстиниана, а

в 9-11 строках – «...трудом Ангулата …трибуна» «…πράττ]οντος Ἀνγουλά]του τοῦ…]άτου τριβού]νου καί ἐργο?]λάβου", в 8 и 9 строках – титул «комита этого города», «…κόμητο?]ς ταύτης τῆς πό[λεως,…». По мнению В. В. Латышева, комит являлся представителем императорской власти на Боспоре [Латышев, 1894, с. 567–569]. По словам Д. Фисселя, в этой надписи упомянуты трибун Ангулат (родом из Исаврии) и «pater civitatis – отец города – ...[του πατρὸ]ς ταύτης τῆς πό[λεως,…]» [Feissel, 1987, p. 219-220]. В Византии pater civitatis с IV в. возглавлял городскую администрацию [Feissel, 2004, p. 105], отвечал за сбор налогов и их администрирование [Jones, 1973, p. 286, 521, 726, 730, 731, 755]. А. Х. М. Джонс отмечал, что после завоевания Северной Италии в Ломбардии местным гарнизоном командовал трибун или комес города, который фактически управлял городом, то есть исполнял обязанности pater (curator) civitatis [Jones, 1973, p. 760]. Очевидно, по повелению Юстиниана I в Боспоре расквартировали гарнизон под командой трибуна иссаврийца Ангулата и назначили его главой городской администрации patercivitatis [Айбабин, 1999, с. 100]. Судя по тексту упомянутой выше новеллы императора Тиберия, в гавани Боспора была оставлена эскадра военных кораблей [Corpus juris civilis, 1895, III, 751, Nov. CLXIII].

Боспор стал важным византийским портом на берегу Боспорского пролива, через который проходили пути на Северный Кавказ, в Прикаспийские степи, в Западный Тюркский каганат и в Китай. Юстиниан I повелел укрепить разрушенные стены города Боспора [Procopius, 1964, III, VII,10,12-13].

Материалы археологических раскопок свидетельствуют о сохранении прежних границ города Боспора. Т. И. Макарова раскрыла в приморской части города остатки базилики (купель и колодец), видимо, построенной при Юстиниане I [Макарова, 1991, с. 140]. Из многих центров Причерноморья и Средиземноморья на Боспор ввозились разнотипные амфоры, краснолаковые и стеклянные сосуды [Айбабин, 1999, с. 105; Ajbabin, 2011, Abb. 55,56; Смокотина, 2008, с. 103–123; Смокотина, 2009, с. 132-156]. Наряду с торговлей, металлообработкой и судостроением в Боспоре сохранилась традиционная отрасль экономики – рыболовство и промышленная переработка рыбы. Рыбаки, очевидно, жили в приморской части города, неподалеку от порта. Именно там, у подножия горы Митридат, на участке, примыкающем к зданию Керченского историко-археологического музея, в 2007–2008 гг. экспедиция Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины раскопала остатки жилых и хозяйственных сооружений трех усадьб рыбаков, отнесенных к VI в. (рис. 8). В одной усадьбе зачищена рыбозасолочная цистерна, оштукатуренная темно-розовой цемянкой.

В 576 г. тюрки в союзе с утигурами [Кулаковский, 1896, с. 12–14] захватили Боспор [Blokcley, 1985, fr. 19,1. 171, 173, 179], сожгли и разрушили городские кварталы на холме Митридат и в приморской части, а в 581 г. угрожали Херсону. В надписи из Тамани сообщается о восстановлении стратилатом и дукой Херсона Евпатерием в 590 г. «кесарского здания» на Боспоре [Латышев, 1894, с. 671-672]. Надпись сви-

детельствует о восстановлении власти империи на Боспоре и создании во владениях империи на полуострове единой администрации, которой управлял дука Херсона [Ajbabin, 2011, p. 128].

Однако на протяжении VII в. в городе Боспоре так и не восстановили все кварталы. На участке, раскопанном автором статьи в центре города, из трех сгоревших усадьб заново отстроили одну. На склоне горы Митридат и поверх руин упомянутого выше рыбацкого квартала устроили христианский некрополь [Айбабин, 2012, с. 5-6]. Рыбу продолжали засаливать в цистернах, расположенных в приморской части города [Макарова, 1991, с. 140-141].

Феофан, Никифор и Анания Ширакаци сообщали об экспансии хазар в понтийские степи между 660 г. и 665 г. [Цукерман, 2001, с. 330–332]. Никифор писал о «безнаказанном захвате» хазарами всех селений у Понта [Nikephoros, 1990, p. 88–89]. Выявленный на территории приморской части города Боспора мощный слой пожара с монетой 654–659 гг. дает terminus post quem для даты вторжения хазар в Северное Причерноморье. Дата пожара согласуется с рассказом «Армянской Географии» о захвате хазарами до 665 г. Северного Причерноморья [Hewsen, 1992, p. 55; Айбабин, 2000, с. 169; Aibabin, 2006, p. 33, 35, fig. 2; Ajbabin, 2011, p. 170-171, Abb. 54–56].

Судак (рис. 1) многие считают византийским портовым городом. Он впервые упомянут в Космографии Равеннского анонима конца VII в., где назван Сугдеей – Sugdabon [Ravennatis anonymi, 1860, p. 175; Васильевский, 1915, CXLV]. Вероятно, хазары переселили в захваченный Юго-Восточный Крым в последней четверти VII в. сугдов. Так византийцы называли низовых прикубанских адыгов. Они основали на побережье ремесленно-торговое поселение Сугдея. Наиболее ранней печатью из найденных в Судаке является моливдовул 696/697 гг. Кириака апоипата и главного лагофета Константинополя [Шандровская, 1995, с. 120-121]. В первой половине VIII в. благодаря динамичному росту экономики Восточного Крыма Сугдея стала важным хазарским торговым портом региона. Вероятно, в начале столетия была создана в городе таможня. В акватории порта найдено свыше 400 византийских печатей VIII–XII вв. Опубликованные В.С. Шандровской упомянутая печать Кириака и печати главных коммеркиариев апотеки Онориады, Пафлагонии и побережья Понта императорского волнитора Анастася и ипата Иоанна периода совместного правления Льва III и Константина V 720–741 гг., «императорских коммеркий епархий богохранного императорского Опсикия» 745/746 гг. [Sandrovskaja, 1993, p. 86-90; Шандровская, 1995, с. 120-122] говорят о ведении Сугдеей прямой торговли с Константинополем и другими византийскими портами Малой Азии.

Рассказ Феофана [The Chronicle of Theophanes, 1997, p. 519–523] и Никифора [Nikephoros, 1990, p. 106–109] о событиях, связанных с высылкой в Херсон в 695 г. Юстиниана II, дает основание говорить о подчинении хазарам почти всего Крыма. Несколько лет хазарский тудун управлял Херсоном. После 712 г. хазары вернули Херсон Византии, но сохранили свою власть над остальным Крымом. В хранящемся в Кембридже хазарско-еврейском документе X в. упомянут BWLSSY – Булшци,

наместник кагана, управлявший азиатским Боспором. Он был и HMQR – hapaqid. В древнееврейском языке это слово означает «начальник отряда, гарнизона» [Golb, Pritsak, 1982, p. 116-117]. Приведенные источники однозначно говорят о захвате хазарами портовых городов Боспора и Фанагории и установлении контроля над Боспорским проливом – важнейшим участком пути из Византии в Приазовье и далее в Азию [Ajbabin, 2011, S. 183].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Агбунов М.В. Античная лоция Черного моря. М., 1987.

Агбунов М.В. Античная география Северного Причерноморья. М.: Наука, 1992.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 168–185.

Айбабин А.И. Ранневизантийские воинские фибулы с подвязной ножкой из Юго-Западного Крыма // АДСВ. 2009. Т. 39. С. 60–70.

Айбабин А.И. Раскопки нового рыбозасолочного комплекса в г. Боспор // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации: материалы научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2012. С. 5–6.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Новые византийские пряжки из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 289–313.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у с. Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 годов. Симферополь; Керчь, 2008. 334 с. (Боспорские исследования. Suppl. 4).

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у с. Лучистое. Т. II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 годов. Симферополь; Керчь, 2014. 400 с. (Боспорские исследования. Suppl. 14).

Алексеенко Н.А. Таможня и коммеркиарии Херсона // Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Харьков, 2005. Т. 2. С. 1592–1626.

Аммиан Марцеллин. Римская история (Res Gestae) / Пер. Кулаковский Ю.А., Сони А.И. СПб.: Алетейя, 1996.

Блаватский В.Д. Материалы по истории Пантикапея // МИА. 1951. № 19. С. 9–62.

Блаватский В.Д. Работы подводной Азово-Черноморской экспедиции 1960 г. // СА. 1961. № 4. С. 148–157.

Бородин О.Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 173–190.

Васильевский В.Г. Труды. Петроград, 1915. Т. III.

Виноградов Ю.Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. 1998. № 1. С. 233–247.

Голофаст Л.А. Штампы V–VII вв. на посуде группы «Африканской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 77–84.

Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 97–260.

Голофаст Л.А. Штампы V–VII вв. на посуде группы “Фокейской краснолаковой” из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 135–216.

Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 363–411.

Дебрюкс П. Собрание сочинений. Т. II. Иллюстрации / Сост. и ред. И.В. Тункина. СПб., 2010.

Иордан. Гетика // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М., 1994.

Кулаковский Ю.А. Керченская христианская катакомба 491/2 г. // Материалы по археологии России. 1891. Вып. 6. С. 1–30.

Кулаковский Ю.А. К истории Боспора Киммерийского в конце VI в. // ВВ. 1896. Т. III. С. 1–17.

Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Киев, 1914.

Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. III. 602–617 годы. СПб.: Алетейя, 1996.
Латышев В.В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890.
Латышев В.В. Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. 1894. Т. I. С. 657–672.
Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.
Латышев В.В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Т. II. Латинские писатели. СПб., 1904.
Макарова Т.И. Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 121–146.
Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. СПб., 2011.
Сарновский Т., Савеля О.Я. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000.
Сидоренко В.А. Медная чеканка византийского Боспора (590–668 гг.) // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 355–392.
Скржинская М.В. Перипл Понта Евксинского анонимного автора // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 115–125.
Смокотина А.В. Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 103–144.
Смокотина А.В. Штампы на ранневизантийской краснолаковой керамике из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 132–173.
Соколова И.В. Находки византийских монет VI–XII вв. в Крыму // ВВ. 1968. Т. 29. С. 254–264.
Соколова И.В. Византийские печати VI – первой половины IX вв. из Херсонеса // ВВ. 1991. Т. 52. С. 201–213.
Романчук А.И. Херсонес VI – первой половины IX вв. Свердловск, 1976.
Хайрединова Э.А. Перстень-амулет первой четверти VII в. из Юго-Западного Крыма // АДСВ. 2014. Вып. 42. С. 69–89.
Храпунов Н.И. О надписи с именем императора Гонория из Херсонеса // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 365–375.
Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсонеса в IV веке // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 545–561.
Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 312–333.
Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: “Хронография” Феофана, “Бревиарий” Никифора. М., 1980.
Шандровская В.С. Таможенная служба в Сугдее VII–X вв. // Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995.
Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. М., 1908.
Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. М., 1959. № 63.
Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
Aibabin A. Early khazar archaeological monuments in Crimea and to the North of the Black Sea // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar. Paris, 2006. P. 31–65.
Ajbabin A.I. Das frühbyzantinische Chersonesos/Cherson // Byzanz – das Römerreich im Mittelalter. Mainz, 2010. P. 397–423. (Monographien der Römische-Germanischen Zentralmuzeum. Band 84,2,1).
Ajbabin A.I. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit. Mainz, 2011. (Monographien der Römische-Germanischen Zentralmuzeum. Band 98).
Ahrweiler H. Byzance et la mer. La Marine de Guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe-XVe siècles. Paris: Presses Universitaires de France, 1966.
Blockley R.C. The history of Menander the Guardsman. Liverpool, 1985.
Charles R.H. The chronicle of John (c. 690 A.D.) coptic bishop of Nikiu. London; Oxford, 1916.
Codex Theodosiani / Ed. Th. Mommsen, P. Meyer. I-II. Berlin, 1905.
Corpus juris civilis. Vol. III. Novellae / Ed. R. Schoell, G. Kroll. Berolini, 1895.
Dagron G. L’Empire Roman d’orient au IVe siècle et les traditions politiques de l’hellénisme // Travaux et memoires. Paris, 1968. Vol. 3. P. 1–242.

Dagron G. Naissance d'une capitale. Paris, 1974.
Dagron G. Crimée ambiguë (IV – Xe siècles) // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 289–301.
Diller A. The tradition of the minor Greek geographers. New York; Lancaster; Oxford: American Philological Association, 1952.
Feissel D. Nouvelles données sur l'institution du πατήρ της πόλεως // Dagron G., Feissel D. (Eds). Inscriptions de Cilicie. Paris, 1987. P. 215–220.
Feissel D. L'empereur et l'administration impériale // Morrisson C. (Ed.). Le Mond Byzantin. Paris, 2004. P. 79–110.
Georgius Cedrenus. Compendium Historiarum / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).
Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca, London, 1982.
Golofast L. Early Byzantine deposits from Chersonesos // Aibabin A., Ivakin H. (Eds.). Kiev – Cherson – Constantinople. Ukrainian Papers at the XXth International Congress of Byzantine Studies (Paris, 19-25 august 2001). Paris, 2007. P. 45–75.
Hamilton F.J., Brooks E.W. The Syrian chronicle known as that of Zachariah of Mitylene. London, 1899.
Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Princeton, 1992.
Hewsen R.H. The Geography of Ananias of Širak. The Long and the Short Recensions. Wiesbaden, 1992.
Iordanis. Romana et Getica / Recensuit T. Mommzen. Monumenta Germaniae Historika V. Berlini, 1882.
Joannis Malalae. Chronographia / Ed. L. Dindorf. Bonnae, 1831.
Jones A.H.M. The Late Roman Empire 284-602. Vol. I-II. Oxford, 1973.
Kassab Tezgör D., Tatlıcan İ. Fouilles des ateliers d'amphores à Demirci près de Sinop en 1996 et 1997 // Anatolia Antiqua. 1998. Tom 6. P. 423–442.
Kazanski M. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve-VIe siècles // Archéologie Médiévale. Caen, 1994. Tom XXIV.
Landulfus Sagax. Addimenta ad Pauli Historiam Romanam / Ed. H. Droysen. Monumenta Germaniae Historica, AA, 2. Berlin, 1877. P. 227–376.
Migne J.P. Patrologie Cursus Completus. Series Latina. Tom CXXIX. Paris, 1864.
Nikephoros patriarch of Constantinopole. Short history / Text, tr. and com. C. Mango. Washington, 1990.
Nystazopoulou-Pélékidou M. L'administration locale de Cherson à l'époque byzantine (IVe-XIIe s.) // ΕΥΨΥΧΙΑ. Mélanges offerts à hélène ahrweiler. Byzantina Sorbonensia 16. Paris, 1998. P. 567–579.
Opait A. Sinopean, Heraklean and Chersonesan "Carrot" Amphorae // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden, 2010. Vol. 16. P. 371–401, 552–556.
Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991.
Peacock D.P.S. The amphorae and chronology // Excavations at Carthage. Sheffield, 1984. Vol. I. Part 2. P. 116–140.
Pekkanen Tuomo. The Pontic civitates in the Periplus of the Anonymous Ravennas // Arctos: Acta Philologica Fennica. Helsinri, 1979. Vol. 13. P. 111–128.
Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (Ve-VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth, 2005.
Procopius. De bello Persico / Ed. J. Haury, G.Wirth. Leipzig, 1963.
Procopius. De Bello Gotico. Opera Omnia / Ed. J. Haury, G.Wirth. Bibliotheca scriptorium graecorum et romanorum Teubneriana. II. Lipsiae, 1963a.
Procopius. De Aedificiis / Ed. J. Haury, G. Wirth. Leipzig, 1964.
Ravennatis anonymicos mographia et Guidonis geographica: ex libris manuscriptis by Geographus Ravennas; Guido, geographical writer / Ed. G. Parthey, M. Pinder. Berolini, 1860.
Riley J.A. Coarse Pottery // Excavations at Sidi Khrebish. Benghazi (Berenice). Vol. II. Suppl. to Libya Antiqua – V, vol. II. Tripoli, 1979.
Robinson H.S. Pottery of the Roman period. The Athenian Agora. Vol. V. Princeton, 1959.
Šandrovskaja V. Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak // Studies in Byzantine Sigilography. Washington, 1993. Vol. 3. P. 85–99.

Sodini J.-P., Villeneuve E. Le passage de la ceramique Byzantine a la ceramique Omeyyade en Syrie du Nord, en Palestine et en Transjordanie // La Syrie de Byzance a l'Islam (VIIe-VIIIe siecles). Actes du colloque international. Damas, 1992.

The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History AD 284-813 / Text, tr. and com. by C. Mango R. and Scott. Oxford, 1997.

Tomber R., Williams, D.F. Late Roman amphorae in Britain // Journal of Roman Pottery Studies. 1986. N 1. P. 42–54.

Vasiliev A.A. The Goth in the Crimea. Cambridge, 1936.

Zosime. Histoire nouvelle / Texte établi et traduit par F. Paschoud. Paris, 1971. Tom I; 1979. Tome II; 1979. Tome IV.

REFERENCES

Agbunov M.V. *Antichnaia lotsiia Chernogo moria.* Moskow, 1987.

Agbunov M.V. *Antichnaia geografiia Severnogo Prichernomor'ia.* Moskow, Nauka Publ., 1992

Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma.* Simferopol', 1999.

Aibabin A.I. Khazarskii sloi v Kerchi. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol', 2000, Vol. VII, pp. 168–185.

Aibabin A.I. Rannevizantiiskie voinskie fibuly s podviaznoi nozhkoi iz Iugo-Zapadnogo Kryma. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2009, Vol. 39, pp. 60–70.

Aibabin A.I. Raskopki novogo rybozasolochnogo kompleksa v g. Bospor. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "XIII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Problemy urbanizatsii"*. Kerch', 2012, pp. 5–6.

Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Novye vizantiiskie priazhki iz Iugo-Zapadnogo Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2005, Vol. XI, pp. 289–313.

Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u s. Luchistoe. T. I. Raskopki 1977, 1982-1984 godov.* Simferopol'; Kerch', 2008. 334 p. (Bosporskie issledovaniia. Suppl. 4).

Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u s. Luchistoe. T. II. Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993-1995 godov.* Simferopol'; Kerch', 2014. 400 p. (Bosporskie issledovaniia. Suppl. 14).

Alekseenko N.A. Tamozhnia i kommerkiarii Khersona. S*orochan S.B. Vizantiiskii Kherson*. Khar'kov, 2005, T. 2, pp. 1592–1626.

Ammian Martsellin. *Rimskaia istoriia (Res Gestae)*, Trans. Kulakovskii Iu.A., Soni A.I. St.Petersburg, Aleteiia Publ., 1996.

Blavatskii V.D. Materialy po istorii Pantikapeia. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moskow, 1951, Vol. 19, pp. 9–62.

Blavatskii V.D. Raboty podvodnoi Azovo-Chernomorskoi ekspeditsii 1960 g. *Sovetskaia arkheologiia*, Moskow, 1961, no. 4, pp. 148–157.

Borodin O.R. Rimskii papa Martin I i ego pis'ma iz Kryma. *Prichernomor'e v srednie veka*, Moskow, 1991, pp. 173–190.

Vasil'evskii V.G. Trudy. Petrograd, 1915, T. III.

Vinogradov Iu.G. Pozdneantichnyi Bospor i ranniaia Vizantiia. *Vestnik drevnei istorii*, Moskow, 1998, no. 1, pp. 233–247.

Golofast L.A. Shtampy V–VII vv. na posude gruppy «Afrikanskoi krasnolakovoi» iz raskopok Khersonesskogo gorodishcha. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 1996, Vol. V, pp. 77–84.

Golofast L.A. Steklo rannevizantiiskogo Khersonesa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol', 2001, Vol. VIII, pp. 97–260.

Golofast L.A. Shtampy V–VII vv. na posude gruppy "Fokeiskoi krasnolakovoi" iz raskopok Khersonesskogo gorodishcha. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2002, Vol. IX, pp. 135–216.

Golofast L.A., Ryzhov S.G. Severnyi raion Khersonesa v rannevizantiiskoe vremia (kvartaly VIII i IX). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2011, Vol. XVII, pp. 363–411.

Debriuks P. *Sobranie sochinenii. Tom II. Illiustratsii*. I.V. Tunkina (Ed.). St.Petersburg, 2010.

Iordan. *Getika*. Svod drevneishikh pis'mennykh izvestii o slavianakh. T. I. Moskow, 1994.

Kulakovskii Iu.A. Kerchenskaia khristianskaia katakomba 491/2 g. *Materialy po arkheologii Rossii*, Moskow, 1891, Vol. 6, pp. 1–30.

Kulakovskii Iu.A. K istorii Bospora Kimmeriiskogo v kontse VI v. *Vizantiiskii vremennik*, Moskow, 1896, T. III, pp. 1–17.

Kulakovskii Iu.A. *Proshloe Tavridy*. Kiev, 1914.

Kulakovskii Iu.A. *Istoriia Vizantii.* T. III. 602–617 gody. St.Petersburg, Aleteiia Publ., 1996.

Latyshev V.V. *Izvestiia drevnikh pisatelei, grecheskikh i latinskikh, o Skifii i Kavkaze*. T. I. Grecheskie pisateli. St.Petersburg, 1890.

Latyshev V.V. Etiudy po vizantiiskoi epigrafike. *Vizantiiskii vremennik*, Moskow, 1894, T. I, pp. 657–672.

Latyshev V.V. *Sbornik grecheskikh nadpisei khristianskikh vremen iz Iuzhnoi Rossii*. St.Petersburg, 1896.

Latyshev V.V. *Izvestiia drevnikh pisatelei, grecheskikh i latinskikh, o Skifii i Kavkaze*. T. II. Latinskie pisateli. St.Petersburg, 1904.

Makarova T.I. Bospor-Korchev po arkheologicheskim dannym. *Vizantiiskaia Tavrika*, Kiev, 1991, pp. 121–146.

Pigulevskaia N.V. *Siriiskaia srednevekovaia istoriografiia*. St.Petersburg, 2011.

Sarnovskii T., Savelia O.Ia. *Balaklava. Rimskaia voennaia baza i sviatilishche Iupitera Dolikhena*. Varshava, 2000.

Sidorenko V.A. Mednaia chekanka vizantiiskogo Bospora (590-668 gg.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2003, Vol. X, pp. 355–392.

Skrzhinskaia M.V. Peripl Ponta Evksinskogo anonimnogo avtora. *Issledovaniia po antichnoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ia*, Kiev, 1980, pp. 115–125.

Smokotina A.V. Keramicheskii kompleks vtoroi poloviny VI v. iz raskopok g. Bospora. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2008, Vol. XIV, pp. 103–144.

Smokotina A.V. Shtampy na rannevizantiiskoi krasnolakovoi keramike iz raskopok g. Bospora. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2009, Vol. XV, pp. 132–173.

Sokolova I.V. Nakhodki vizantiiskikh monet VI-XII vv. v Krymu. *Vizantiiskii vremennik*, Moskow, 1968, T. 29, pp. 254–264.

Sokolova I.V. Vizantiiskie pechati VI – pervoi poloviny IX v. iz Khersonesa. *Vizantiiskii vremennik*, Moskow, 1991, T. 52, pp. 201–213.

Romanchuk A.I. *Khersones VI – pervoi poloviny IX v*. Sverdlovsk, 1976.

Khairedinova E.A. Persten'-amulet pervoi chetverti VII v. iz Iugo-Zapadnogo Kryma. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2014, Vol. 42, pp. 69–89.

Khrapunov N.I. O nadpisi s imenem imperatora Gonoriia iz Khersonesa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2010, Vol. XVI, pp. 365–375.

Tsukerman K. Episkopy i garnizon Khersonesa v IV veke. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 1994, Vol. IV, pp. 545–561.

Tsukerman K. Khazary i Vizantiia: pervye kontakty. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2001, Vol. VIII, pp. 312–333.

Chichurov I.S. *Vizantiiskie istoricheskie sochineniia: "Khronografiia" Feofana, "Breviarii" Nikifora*. Moskow, 1980.

Shandrovskaia V.S. Tamozhennaia sluzhba v Sugdee VII–X vv. *Vizantiia i srednevekovyi Krym*, Simferopol', 1995.

Shestakov S.P. *Ocherki po istorii Khersonesa v VI–X vekakh po R. Khr*. Moskow, 1908.

Iakobson A.L. Rannesrednevekovyi Khersones. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moskow, 1959, Vol. 63.

Iakobson A.L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki*. Leningrad, 1979.

Aibabin A. Early khazar archaeological monuments in Crimea and to the North of the Black Sea. *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*, Paris, 2006, pp. 31–65.

Ajbabin A.I. Das frühbyzantinische Chersonesos/Cherson. *Monographien der Römische-Germanischen Zentralmuzeum. Band 84,2,1. Byzanz – das Römerreich im Mittelalter*, Mainz, 2010, pp. 397–423.

Ajbabin A.I. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit. *Monographien der Römische-Germanischen Zentralmuzeum. Band 98*, Mainz, 2011.

Ahrweiler H. *Byzance et la mer. La Marine de Guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe-XVe siècles*. Paris, Presses Universitaires de France, 1966.

Blockley R.C. *The history of Menander the Guardsman*. Liverpool, 1985.

Charles R.H. *The chronicle of John (c. 690 A.D.) coptic bishop of Nikiu*. London; Oxford, 1916.

Codex Theodosiani. Ed. Th. Mommsen, P. Meyer. I-II. Berlin, 1905.

Corpus juris civilis. Vol. III. Novellae. Ed. R. Schoell, G. Kroll. Berolini, 1895.

Dagron G. L'Empire Roman d'orient au IVe siècle et les traditions politiques de l'hellénisme. *Travaux et memoires*, Paris, 1968, Vol. 3, pp. 1–242.

Dagron G. *Naissance d'une capitale*. Paris, 1974.

Dagron G. Crimée ambiguë (IV-Xe siècles). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2000, Vol. VII, pp. 289–301.

Diller A. *The tradition of the minor Greek geographers*. New York; Lancaster; Oxford, American Philological Association, 1952.

Feissel D. Nouvelles données sur l'institution du πατήρ της πόλεως. *Dagron G., Feissel D. (Eds). Inscriptions de Cilicie*, Paris, 1987, pp. 215–220.

Feissel D. L'empereur et l'administration impériale. *Morrisson C. (Ed.). Le Mond Byzantin.* Paris, 2004, pp. 79–110.

Georgius Cedrenus. *Compendium Historiarum*. Ed. I. Bekker. Bonn, 1838. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).

Golb N., Pritsak O. *Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century*. Ithaca; London, 1982.

Golofast L. Early Byzantine deposits from Chersonesos. *Aibabin A., Ivakin H. (Eds.). Kiev – Cherson – Constantinople. Ukrainian Papers at the XXth International Congress of Byzantine Studies (Paris, 19–25 august 2001).* Paris, 2007, pp. 45–75.

Hamilton F.J., Brooks E.W. *The Syrian chronicle known as that of Zachariah of Mitylene.* London, 1899.

Hayes J.W. *Excavations at Sarachane in Istanbul*. Vol. 2. The Pottery. Princeton, 1992.

Hewsen R.H. *The Geography of Ananias of Širak. The Long and the Short Recensions.* Wiesbaden, 1992.

Iordanis. *Romana et Getica.* Rec. T. Mommzen. Monumenta Germaniae Historika V. Berlini, 1882.

Joannis Malalae. *Chronographia*. Ed. L. Dindorf. Bonnae, 1831.

Jones A.H.M. *The Late Roman Empire 284–602*. Vol. I–II. Oxford, 1973.

Kassab Tezgör D., Tatlıcan İ. Fouilles des ateliers d'amphores à Demirci près de Sinop en 1996 et 1997. *Anatolia Antiqua*, 1998, Tom 6, pp. 423–442.

Kazanski M. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve-VIe siècles. *Archéologie Médiévale*, Caen, 1994, Tom XXIV.

Landulfus Sagax. *Addimenta ad Pauli Historiam Romanam*. Ed. H. Droysen. Monumenta Germaniae Historica, AA, 2. Berlin, 1877, pp. 227–376.

Migne J.P. *Patrologie Cursus Completus. Series Latina*. Tom CXXIX. Paris, 1864.

Nikephoros patriarch of Constantinopole. *Short history*. Text, tr. and com. C. Mango. Washington, 1990.

Nystazopoulou-Pélékidou M. L'administration locale de Cherson à l'époque byzantine (IVe-XIIe s.). *ΕΥΨΥΧΙΑ. Mélanges offerts à hélène ahrweiler. Byzantina Sorbonensia 16.* Paris, 1998, pp. 567–579.

Opait A. Sinopean, Heraklean and Chersonesan "Carrot" Amphorae. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, Leiden, 2010, Vol. 16, pp. 371–401, 552–556.

The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991.

Peacock D.P.S. The amphorae and chronology. *Excavations at Carthage*, Sheffield, 1984, Vol. I, Part 2, pp. 116–140.

Pekkanen Tuomo. The Pontic civitates in the Periplus of the Anonymous Ravennas. *Arctos: Acta Philologica Fennica*, Helsinri, 1979. Vol. 13, pp. 111–128.

Pieri D. *Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (Ve-VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule*. Beyrouth, 2005.

Procopius. *De bello Persico.* Ed. J. Haury, G.Wirth. Leipzig, 1963.

Procopius. *De Bello Gotico. Opera Omnia.* Ed. J. Haury, G.Wirth. Bibliotheca scriptorium graecorum et romanorum Teubneriana. II. Lipsiae, 1963a.

Procopius. *De Aedificiis.* Ed. J. Haury, G. Wirth. Leipzig, 1964.

Ravennatis anonymicos mographia et Guidonis geographica: ex libris manuscriptis by Geographus Ravennas; Guido, geographical write. Ed. G. Parthey, M. Pinder. Berolini, 1860.

Riley J.A. Coarse Pottery. *Excavations at Sidi Khrebish. Benghazi (Berenice)*. Vol. II. Suppl. to Libya Antiqua – V, vol. II. Tripoli, 1979.

Robinson H.S. *Pottery of the Roman period. The Athenian Agora*. Vol. V. Princeton, 1959.

Šandrovskaja V. Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak. *Studies in Byzantine Sigilography,* Washington, 1993, Vol. 3, pp. 85–99.

Sodini J.-P., Villeneuve E. Le passage de la ceramique Byzantine a la ceramique Omeyyade en Syrie du Nord, en Palestine et en Transjordanie. *La Syrie de Byzance a l'Islam (VIIe-VIIIe siecles). Actes du colloque international*, Damas, 1992.

The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History AD 284–813. Text, tr. and com. by C. Mango, R. Scott. Oxford, 1997.

Tomber R., Williams, D.F. Late Roman amphorae in Britain. *Journal of Roman Pottery Studies*, 1986, no. 1, pp. 42–54.

Vasiliev A.A. T*he Goth in the Crimea.* Cambridge, 1936.

Zosime. *Histoire nouvelle.* Texte établi et traduit par F. Paschoud. Paris, 1971. Tom I; 1979. Tome II; 1979. Tome IV.

Резюме

В немногословных сообщениях письменных источников зафиксировано функционирование в IV–VII вв. в Крыму двух крупных портов в городах Боспор и Херсон и гавани в бухте Символа (Балаклава). В письменных источниках содержатся неоднозначные свидетельства о присоединении Боспора к Византии в первые десятилетия VI в. Город стал важным византийским портом на берегу Боспорского пролива, через который проходили пути на Северный Кавказ, в Прикаспийские степи, в Западный Тюркский каганат и в Китай. Портовый город Судак впервые упомянут в Космографии Равеннского анонима конца VII в., где он назван Сугдеей «Sugdabon» (на греческом Sougdaia). В первой половине VIII в. благодаря динамичному росту экономики Восточного Крыма Сугдея стала важным хазарским торговым портом региона.

Ключевые слова: Византия, порт, бухта, Херсонес, Боспор, бухта Символа, Судак.

Summary

Laconic accounts of written sources document that the fourth–seventh century Crimea had two large ports in the cities of Bosporos and Cherson and a harbour in the Bay of Symbols (Balaklava). Written sources supply ambiguous evidences on the Byzantine annexation of Bosporos in the first decades of the sixth century. The city became an important Byzantine port on the side of the Strait of Bosporos, where the roads to North Caucasus, Caspian steppes, Western Turkish khanate, and China passed. The port town of Sudak was first mentioned in the "Cosmography" by an anonymous author of Ravenna from the late seventh century under the name of "Sugdabon" (from Greek Sougdaia). In the first half of the eight century, dynamically growing economy of the eastern Crimea made Sougdaia an important Khazar port in the area.

Keywords: Byzantium, port, bay, Chersonesos, Bospor, Symbol Bay, Sudak.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Айбабин Александр Ильич, д.н.и., профессор,
директор Научно-исследовательского центра
истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
aleksandraibabin@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Aibabin Alexander, DSc., Prof.,
Director of the History and Archaeology
of the Crimea Research Centre
of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia).
aleksandraibabin@rambler.ru

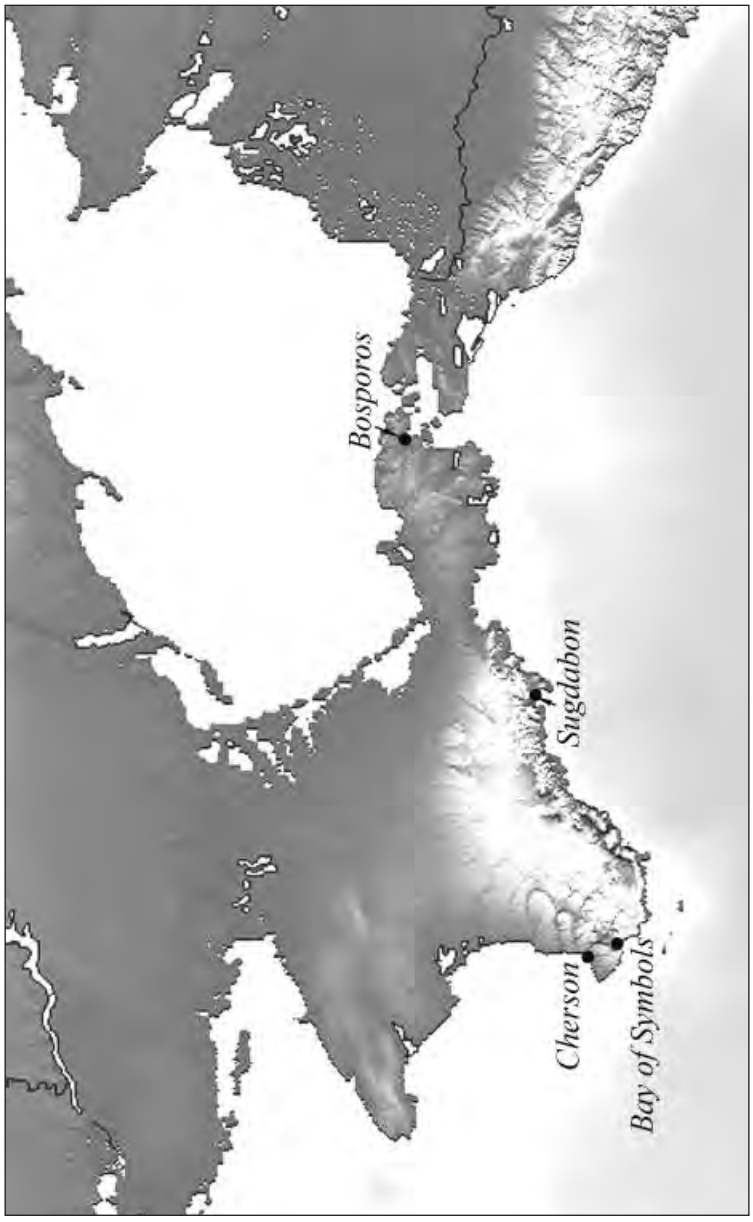


Рис. 1. Византийские порты в Крыму в IV–VII вв.
Херсон, Боспор, бухта Символа (Балаклава) – порты IV–VII вв. Хазарский порт концаVII в.
Сутдабон (Сутдабон) – порт.

Рис. 2. Аэрофотосъемка Херсонеса и Карантинной бухты.
1 - предполагаемое местонахождение порта.

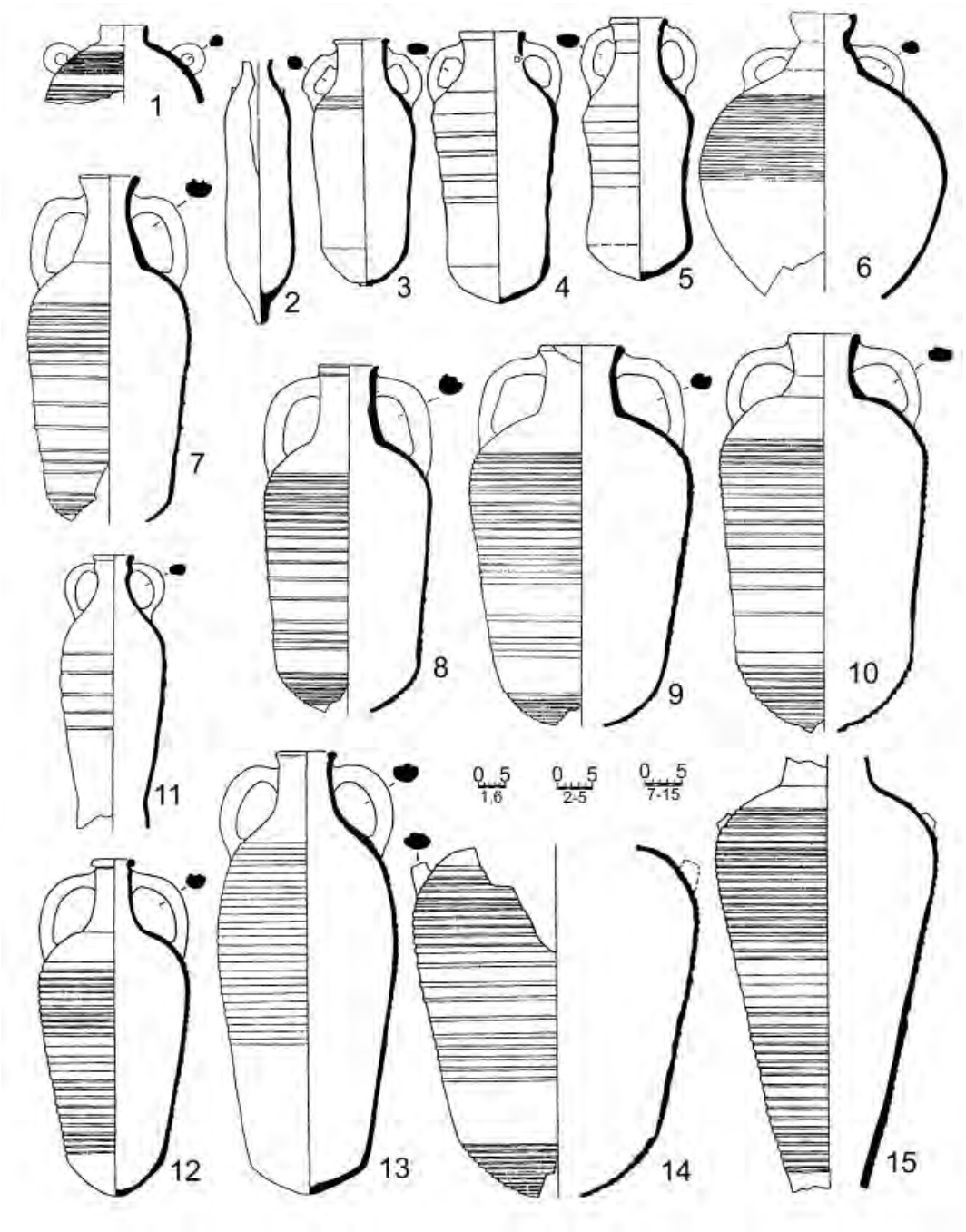


Рис. 3. Византийские амфорыVI – VII вв. из Херсона:

1-6 амфоры из слоя разрушений в Портовом районе. 7 – 15 амфоры из цистерны 9а в Северном районе.

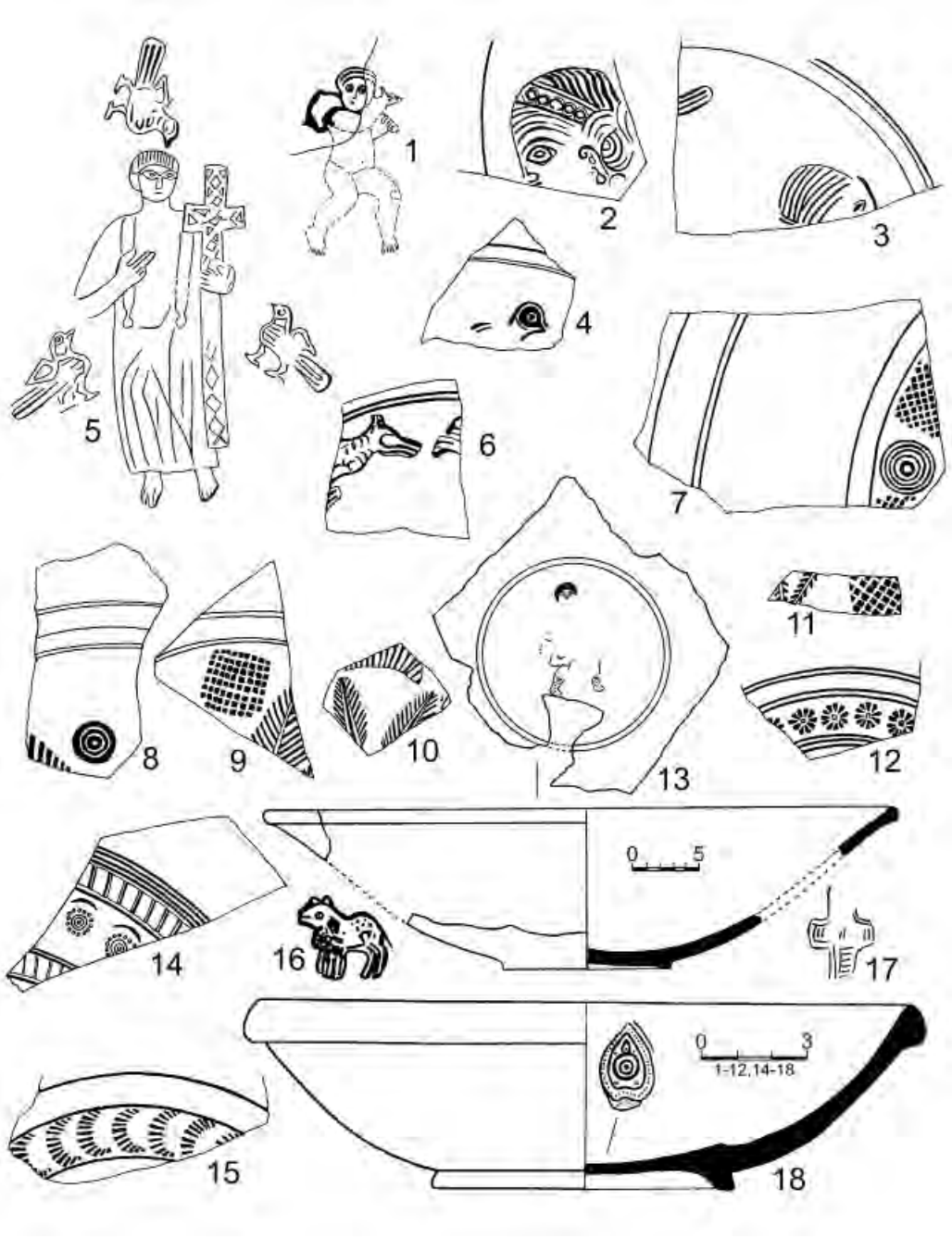


Рис. 4. Штампы на византийских краснолаковых сосудах из Херсонеса (Голофаст, 1996, рис. 1).

Рис. 5. Бухта Символа в Балаклаве.

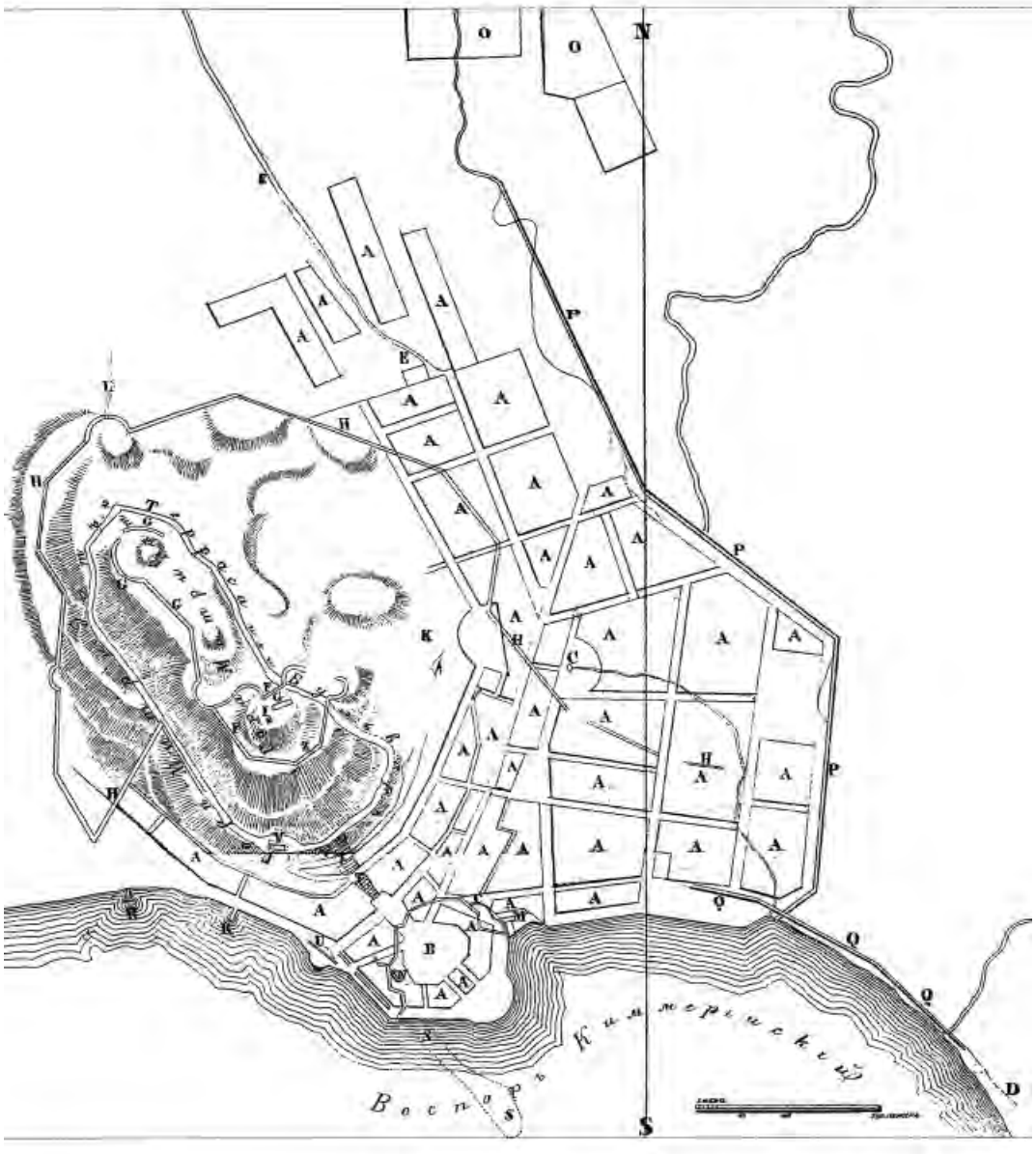


Рис. 6. План Керчи и акрополя Пантикапея 1848 г. по А.Б. Ашику.
S- остатки средневекового мола (Дебрюкс, 2010, рис. 417).

Рис. 7.

1 - Вид с горы Митридат на порт. 2 - Пролив Боспор (Керченский).

Рис. 8. Дом рыбака в Боспоре VI в.

А.А. ТОРТИКА
A.A. TORTIKA

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ КОЧЕВНИКОВ КРЫМА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ V – НАЧАЛЕ VII ВВ.: ЭКОЛОГИЯ ХОЗЯЙСТВА И ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ[1]

HISTORICAL GEOGRAPHY OF NOMADS OF CRIMEA IN THE SECOND HALF OF V – BEGINNING OF VII AGES: ECOLOGY OF ECONOMY AND QUANTITY OF POPULATION

Кочевой образ жизни раннесредневековых племен степной зоны Восточной Европы был описан современниками с большей или меньшей степенью подробности и точности. Как правило, особенности кочевого быта, культуры, военного дела, последнего в особенности, привлекали оседлых соседей в случае усиления того или иного степного народа. Так произошло и в т.н. гуннскую эпоху, когда с конца IV и до середины VII в. пространство между Волгой и Дунаем было занято гуннами, родственными им племенами или их потомками: гунно-болгарами, болгарами, кутригурами, утигурами, оногурами. Если гунны угрожали самому существованию сложившегося в мире порядка, то сменившие их племенные союзы, хотя и не создавали угрозы такого масштаба, все же часто беспокоили Византию грабительскими набегами или, в иных случаях, представляли для нее интерес как союзники. Сведения о кочевниках в трудах древних и средневековых авторов отрывочны, фрагментарны, случайны, только изредка они изложены в форме специального экскурса, как у Аммиана Марцелина или Иордана, и даже там объективные данные приходится извлекать из массы эмоциональных характеристик и шаблонных оценочных суждений. Тем не менее в письменных источниках есть ряд свидетельств, позволяющих выявить конкретные признаки экстенсивного кочевого скотоводства населения степей Восточной Европы в гуннскую эпоху и некоторые эколого-географические характеристики их среды обитания.

В частности, классическое описание кочевников, на примере гуннов и аланов, дает Аммиан Марцелин. Опуская известный набор признаков «дикости» гуннов и характеристики их военных навыков, отметим только основные из их этнографических «кочевнических» черт, обусловленных их хозяйственно-культурным типом. Гунны IV в. «так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного попреть» [6, с. 491]. И действительно, вплоть до начала XX в. потомки средневековых кочевых народов Евразии использовали собранные в степи травы и коренья

[1] Работа выполнена в рамках гос. задания Минобрнауки РФ № 2015/701-3 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

в качестве приправ, а конину, вяленную под седлом, считали одним из лучших деликатесов[2].

«Никогда они не укрываются в какие бы то ни было здания; напротив, они избегают их как гробниц…» [6, с. 491]. Так и в XVI в. Сигизмунд Герберштейн, описывая ордынских татар, отмечал у них сходные привычки и признаки быта: «…Они не остаются долго на одном месте, считая за сильное несчастие долго пребывать на одном том же месте. Поэтому иногда, рассердившись на детей и призывая на них тяжелое несчастие, они обычно говорят им: «Чтобы тебе, как христианину, оставаться всегда на одном месте и нюхать собственную вонь» [11, с. 143].

«Они кочуют по горам и лесам, с колыбели приучены переносить холод, голод и жажду» [6, с. 491]. Выносливость и неприхотливость кочевников подчеркивают и более поздние авторы. Сигизмунд Герберштейн в XVI в.: «…. Насчет голода и сна до такой степени выносливы, что иногда выдерживают это лишение целых четыре дня, предаваясь, тем не менее, необходимым трудам…» [11, с. 140–142] и И.И. Георги в XVIII в.: «…Они едят чрезвычайно мало, но и недостаток в пище могут сносить долго и без роптания…» [23, с.14]. Подобное положение дел характерно для всех обществ с низким уровнем производства и потребления, которое сильно зависит от природных условий, меняется по временам года. Описанная в источниках выносливость кочевников была результатом естественного отбора и высокой детской смертности. Выжившие и воспитанные в суровых условиях, они действительно сильно отличались от наблюдавших их быт европейцев и вызывали удивление авторов письменных источников.

«Голову покрывают они кривыми шапками, свои обросшие волосами ноги – козьими шкурами, обувь, которую они не выделывают ни на какой колодке, затрудняет их свободный шаг. Поэтому они не годятся для пешего сражения; зато они словно приросли к своим коням, выносливым, но безобразным на вид…» [6, с. 491]. Со времен скифов и центрально-азиатских сюнну лошадь является главным животным в стаде кочевников, несмотря на то, что численность лошадей обычно была меньше овец. Судя по костям, находимым при раскопках сюннуских погребений, лошади в основном были типичными монгольскими табунными. Небольшого роста, коренастые, грубого, мускулистого сложения, с короткой и широкой мордой. Видимо, на лошадях именно такой породы гунны ворвались в пределы Европы. По мнению В.С. Таскина, они могли покрывать такое же расстояние, как и монгольские, которые пробегали за день 150–200 верст. По сообщениям китайских авторов, лошади сюнну были неутомимы,

[2] Так Ал Я'Куби писал о том, что: «…В Туркестане нет земледелия, кроме проса…. Пища их – только молоко кобылиц, и они едят их мясо, а больше всего едят дичь» [44, с. 150]. Из записок же Марко Поло следует, что основным продуктом питания в Монголии XIII в. также было мясо: «…Едят они (монголы) мясо, молоко и дичь; едят они фараоновых крыс (сурки)... Едят они лошадиное мясо и собачье и пьют кобылье молоко. Всякое мясо они едят» [37, с. 236]. Позднее, уже в XIV в., Эломари обращал внимание на рацион ордынцев, которые по его словам питались следующим образом: «…Большая часть их еды (состоит) из мяса (добываемого посредством) охоты, из молока, сала и проса» [60, с. 230–231] и т.д.

легко взбирались на горные кручи и успешно преодолевали водные преграды [59, с. 25–26]. Непрезентабельный внешний вид лошадей кочевых пород отмечают и позднесредневековые авторы. Иосафат Барбаро сообщает, что: «…Лошади татарские не отличной породы, малорослы, имеют отвислое брюхо и непривычны к овсу» [13, с. 34–35]. Не меньшую роль лошадь играла в жизни раннесредневековых кочевников. Авторы письменных источников неоднократно упоминают о конных армиях кутригуров, савир, тюркютов, аваров, протоболгар, хазар и др.

«Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни, кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь…» [6, с. 492]. Ногайцы Днепро-Донского междуречья в XVI в., по сообщению Антона Дженкинсона, высказывали полнейшее презрение к оседлому образу жизни и земледельческому типу хозяйства: «…Зерен они не едят и вовсе не употребляют хлеба; смеются за это над христианами; призирая нашу крепость, они говорят, что мы живем едой верхушек трав и пьем из них же выделанные напитки; чтоб достичь их силы и крепости, рекомендуют есть много мяса и пить молоко» [29, с. 38].

Иордан зафиксировал кочевой образ жизни и скотоводческое хозяйство ряда восточноевропейских племен VI в., среди которых были и протоболгары: «…К югу соседит с ними сильнейшее племя акациров, не ведающее злаков, но питающееся от скота и охоты…. А там и гунны…. летом они бродят по степям, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота…» [31, с. 72].

Приведенная Прокопием Кесарийским поговорка утигуров, произнесенная якобы их послами от имени вождя этого племени – Сандилха, свидетельствует о кочевом образе жизни и хозяйственно-культурном типе утигуров и кутригуров второй половины VI в.: «... И, представ перед лицом императора Юстиниана, они заявили, что, вместо письма, их устами говорит их царь Сандилх следующее: «В детстве одну слыхал я поговорку и помню ее, и если я что-нибудь из нее забыл, то эта поговорка такова. Говорят, что дикий волк мог бы, как это ни трудно допустить, переменить свою волчью шкуру, но характера своего он изменить не может, так как природа его ему этого не позволяет. Вот что говорит Сандилх, пользуясь поговорками, слыхал я еще от стариков, таким иносказательным словом намекавших на человеческие отношения. Знаю это и я сам, научившись на опыте, насколько можно было научиться варвару, живущему в полях. Пастухи берут себе собак еще щенками и заботливо воспитывают их дома; собака – животное очень ценное и преданное тем, кто его кормит, и самое памятливое на оказанное ему добро. Делается это пастухами с той целью, чтобы в случае, если волки кинутся на стадо, эти собаки отразили их нападение, являясь хранителями и спасителями стад…. Так и мы: живем мы в хижинах в стране пустынной и во всех отношениях бесплодной…»» [51, с. 436–438].

Со слов Менандра Византийца утигуры и кутригуры ведут «одинокий образ жизни», т. е. и те, и другие являются кочевниками [18, с. 321]. В Хронике Захария Ритора «бургар, куртаргар, авар, хасар, сирургур и тд.» относятся к числу народов, которые

«живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием» [46, с. 165]. Таким образом, описан кочевой образ жизни, основанный на экстенсивном скотоводстве с внестойловым пастбищным содержанием скота в течение круглого года. При этом значительную роль в рационе, в зависимости от места проживания, могут играть охота и рыбная ловля, а важным источником обогащения являются война и набеги. Древние и средневековые авторы отдавали себе отчет в том, чем кочевники отличаются от оседлого населения, перечисляют этнографические признаки кочевничества, известные современной науке, как правило, им можно доверять, когда они характеризуют тот или иной народ именно как кочевой.

Оснований для реконструкции исторической географии кочевого населения степного Крыма и Керченского полуострова, Приазовья и Причерноморья в гуннское и постгуннское время немного. Здесь, как правило, используется достаточно ограниченный и давно известный набор сведений письменных источников, а также данные археологии, которые невозможно связать напрямую с какими-то этническими группами кочевого населения или конкретными событиями кочевой истории, но в то же время они дают достаточно определенные основания для хронологических построений и общих этнокультурных характеристик.

К числу основных письменных источников, традиционно цитируемых в научной литературе, относятся труды Иордана, Прокопия Кесарийского, Иоанна Малалы, в меньшей степени Агафия Миринейского, Феофилакта Симоккаты, Менандра, Феофана.

Некой точкой отсчета, условным хронологическим рубежом, для проведения историко-географических реконструкций, попыток определения территория расселения гуннских, гунно-болгарских, болгарских племен на названных территориях, является смерть Аттилы в 453 г. и последовавший за этим распад возглавляемого им объединения варварских племен и народов.

Иордан отмечает, что после поражения гуннов в битве при Недао и смерти старшего сына Аттилы Эллака в 454 г. остальных гуннов «погнали вплоть до берега Понтийского моря, где,.. сидели раньше готы» [32, с. 111]. В данном случае речь идет, видимо, о северо-западном Причерноморье. Однако, описывая дальнейшее расселение варварских народов, Иордан фиксирует, что «племя гуннов занимает свои давние места» [32, с. 112], под которыми он же в дальнейшем понимает области в районе Меотиды. После очередного поражения от готов, «обращенные в бегство, они направились в те области Скифии, по которым протекают воды реки Данапра…» [32, с. 113].

Таким образом, с середины – второй половины V вв. кочевые племена гуннов снова осваивают степи Причерноморья, нижнего Поднепровья и, видимо, северного Приазовья [32, с. 337]. Следует отметить, что эти территории отнюдь не были для них новыми и незнакомыми. После того как гунны еще в 375 г. перешли с восточного на западный берег Дона (Танаиса) и начали громить остроготов Германариха, они проникли и в Приазовье, и в Степной Крым. Как отмечает А.И. Айбабин, «продвига-

ясь к Дунаю, гунны захватили и разорили город Боспор, уничтожили другие города и поселения в Восточном Крыму и поселения в окрестностях Херсона» [4, с. 21]. Сведений письменных источников о пребывании гуннов в Крыму в первой половине V в. не сохранилось, частично эту лакуну заполняют данные археологии. Как принято считать, к памятникам этого времени на территории Крыма относятся погребения «в Восточном Крыму – в Марфовке и близ Феодосии, в степи – в Изобильном, в совхозе им. Калинина, в поселке Чикаренко и на некрополе античного городища Беляус» [3, с. 206]. Они датируются первой половиной V в. Предполагается, что «контролировавшаяся гуннами территория простиралась до возвышенностей Третьей гряды в Центральном Крыму» [4, с. 21].

Косвенным признаком появления в районе Третьей гряды гуннов является уход отсюда прежнего, сармато-аланского населения. Оттесненные гуннами аланы покидают места своего прежнего обитания в районе могильников Нейзац, Дружное и Перевальное и оседают в районе Второй (Скалистое, Бакла, Мангуп) и Первой (Лучистое) гряды Крымских гор. Датируются эти процессы достаточно коротким периодом с начала до середины V в. [4, с. 22]. В то же время характерно, что гунны не уничтожили эти группы алан и не увели их с собой на Дунай. По всей видимости, в это время их пребывание в Крыму не было постоянным, а давление на прежнее население не носило системного характера, что и позволило аланам не только обосноваться на новых местах, но также стабилизировать и перестроить в соответствии с новыми природными условиями свое хозяйство. Здесь мы наблюдаем типичный пример вынужденной седентаризации, когда потерпевшие военное поражение кочевые или полукочевые группы покидают степь, переходят к различным формам оседлого скотоводства, осваивают земледелие, а более сильный противник занимает их прежние места обитания.

В то же время эти аланы не были ограблены, порабощены, не были превращены в податное население. Они сохранили свои социальные (родоплеменные) структуры, хозяйственный потенциал, определенный уровень благополучия. Принадлежавшие им ценности, украшения, оружие сопровождают умерших и на новых местах, в новых могильниках, несмотря на вынужденный отказ от кочевания и изменение военно-политической ситуации. В условиях кочевого нашествия такое положение дел выглядит удивительно. Ведь известно, что гунны не церемонились с предшествующим населением Восточной Европы, их жестокость не знала меры ни в отношении варваров (алан, готов)[3], ни в отношении римлян. Аланы-танаиты были частично

[3] Эвнапий Сардиец (360–414?) с ужасом рассказывает о погроме, произведенном гуннами в готском объединении Германариха: «Скифы [готы], побежденные, были истребляемы Уннами. Множество их погибло совершенно. Одних ловили и побивали вместе с женами и детьми, и жестокости при убиении их не было меры…» [18, с. 125]. Гунны завоевывали себе новую территорию для жизни и кочевания, а им не нужны были пленные, так как в кочевом хозяйстве нет необходимости для использования рабского труда. Поэтому старое население завоеванных территорий изгонялось, либо, особенно если оно оказывало сопротивление, уничтожалось. Примеры такого геноцида неоднократно встречаются в исто-

уничтожены, частично присоединены к движению гуннов на запад, та же судьба постигла готов в Приазовье и Причерноморье [6, с. 491–492, 494–495 и т.д.; 32, с. 85].

Складывается впечатление, что в период максимальной активности гуннов на западе с конца IV в., особенно во времена Аттилы (30–50-е гг. V в.), степи Крыма и Днепро-Донского междуречья не имели постоянного кочевого населения. Разве что какие-то отдельные, не слишком многочисленные группы (аилы?), по тем или иным причинам отделившиеся от основного массива гуннского объединения, появлялись здесь и кочевали по практически пустым степям. Их представители и были погребены у Марфовки, на территории городища Беляус и т.д. При этом, учитывая единичность погребений, отсутствие массовых могильников, используемых в течение жизни нескольких поколений сородичей, нет оснований говорить о складывании здесь устойчивых маршрутов кочевания и наличии постоянных зимников. Вообще тенденция к тому, чтобы в каждом погребении кочевника видеть маркер зимника, представляется ошибочной. Обитатели кочевого мира, так же как их оседлые соседи, умирали не только в зимнее время и хоронили их необязательно только в зоне расположения зимних пастбищ.

Это наблюдение подтверждают также выводы М.М. Казанского, который попытался выявить этнокультурные различия между двумя основными массивами кочевого населения гуннского времени на огромном пространстве между Дунаем и Уралом. В результате картографирования находок на этой территории, анализа особенностей погребального обряда, сопровождающих конские погребения, инвентаря и т.д. были выделены две группы гуннов. Первая, западная группа, «царские» гунны, входившие в объединение Атиллы. Их этнокультурная зона определяется Дунаем с запада и Днепром с востока. И следующая, восточная группа, возможно акациры и другие родственные им племена, названия которых не известны авторам письменных источников, проживавшие от Дона до Волги, в Предкавказье и далее, до Урала. Характерно, что между этими двумя этнокультурными зонами наблюдаются пустые пространства, на которых либо вовсе отсутствуют, либо крайне малочисленны гуннские погребения. К числу таких незанятых кочевниками территорий М.М. Казанский относит приазовские степи к востоку от р. Молочной, а также крымские степи [34, с. 124]. Характерно, что хронологически описанное положение дел относится к первой половине – середине V в. [34, с. 122], т.е. опять же ко времени существования гуннского союза на Западе, вплоть до смерти Атиллы.

Очевидно также, что войны с Римом, Константинополем и союзными с ними варварским народами требовали привлечения больших людских ресурсов. Гунны не только побеждали и грабили, но и погибали в боях и походах. Например, «битва народов»

рии Китая, Рима, Византии, в кочевом мире наиболее последовательно подобную политику проводил Чингисхан и его преемники. Жестокость эту можно объяснить тем, что экстенсивное кочевое хозяйство требует больших площадей для выпаса скота. Она как бы отражает экологию кочевой жизни, в которой нет места моральным соображениям и жалости к врагу, а продолжают действовать биологические закономерности.

на Каталаунских полях 451 г. запомнилась современникам, помимо всего прочего, огромным количеством погибших с обеих сторон. Демографический ресурс гуннского общества неизбежно истощался. Мужчины были отвлечены от основной хозяйственной деятельности, не участвовали в выпасе скота. Хозяйство деградировало или находилось в состоянии стагнации. Их семьи и стада, по всей видимости, располагались где-то недалеко от основного театра боевых действий. Если не в Паннонии, то в междуречье Дуная и Днестра, Днестра и Южного Буга. И только после ряда поражений, во время которых неизбежно погибало большое количество мужчин репродуктивного возраста, гунны откочевали в Поднепровье, Северное Приазовье и Крым.

Таким образом, обитателей горного Крыма спасло прежде всего то, что первоначально они находились в стороне от основного направления гуннского нашествия. Потом, в середине 50-х гг. V в., когда разрозненные и деморализованные поражениями группы гуннов вернулись в Днепро-Донское междуречье и, видимо, стали проникать в степи Крыма, не последнюю роль сыграла их собственная обороноспособность, в том числе и наличие укреплений в горной местности. Сами гунны в это время делятся на племена или племенные союзы, которые достаточно равномерно распределяются по степной зоне Восточной Европы. Границами между ними служили крупные реки – Днестр, Днепр, Дон, а также Азовское море. Видимо, в это время кочевникам хватало свободных территорий для расселения и выпаса скота. Они быстро налаживали оптимальные маршруты перекочевок, перемещаясь по степи в составе традиционных родоплеменных коллективов. Обычно, в отсутствие угрозы нападения внешнего противника, кочевники ведут свое хозяйство большими семьями (патронимиями) – аилами или объединениями нескольких больших семей (родами) – кошами. Условия местности Причерноморья, северного и восточного Приазовья, Днепро-Донского междуречья и степного Крыма способствовали развитию кочевого скотоводства, стада росли в численности, что обеспечивало и прирост населения самих кочевников. Соответственно рос и воинский потенциал этих новых, сложившихся из осколков державы Аттилы кочевых групп и племенных союзов. Их племенные названия, дополняемые новыми волнами пришельцев с востока, начинают постепенно вытеснять имя гуннов со страниц письменных источников и наряду с гуннами, а потом и самостоятельно в событиях конца V – VI вв. в сообщениях древних авторов фигурирую акациры, булгары, сарагуры, уроги, кутригуры, утигуры, савиры, оногуры и т.д.

Определенные сведения о расселении этих крупных племенных союзов содержатся в «Гетике» Иордана, «Войнах с готами» и «Войнах с персами» Прокопия Кесарийского, «Хронографии» Иоанна Малалы. Как известно, Иордан в своей географической справке о территории Скифии очень неопределенно указывает на места расселения гуннского племени акациров, название которых было известно еще до распада гуннской державы[4]. Тогда они обитали неподалеку от Паннонии, возмож-

[4] Одно из свидетельств об этническом составе и социальной организации кочевников гуннского времени и, в частности о преобладающем положении племени акациров, находится в Готской истории

но, в междуречье Дуная и Днестра. Со слов же Иордана, они жили где-то южнее эстов – «сильнейшее племя акациров, не ведающее злаков, но питающееся от скота и охоты». «Далее за ними тянутся над Понтийским морем места расселения булгар…. А там и гунны, как плодовитейшая поросль из всех самых сильных племен, закишели надвое разветвившейся свирепостью к народам. Ибо одни из них зовутся альциагирами, другие – савирами, но места их поселений разделены: альциагиры – около Херсоны, куда жадный купец ввозит богатства Азии; летом они бродят по степям, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота; зимой же переходят к Понтийскому морю» [32, с. 67–68]. Иордану вторит Прокопий Кесарийский: «Расположенные между Херсоном и Боспором местности заняты гуннами» [52, с. 32].

Интересно, что Иордан фиксирует не только демографическое благополучие кочевников начала – первой половины VI в. («плодовитейшая поросль», «закишели»), но и дает некоторые сведения о направлении маршрутов перекочевок. Летом (видимо, также весной и осенью) гунны-альциагиры пасут скот в открытой степи, зимой переходят к морскому побережью. Это типичная ситуация для экстенсивного кочевого скотоводства. Море аккумулятор тепла, в прибрежных балках и долинах скот можно прятать от ветра и бури, если в море впадают реки, то их дельты содержат большое количество сухого корма, пригодного для зимнего выпаса животных. Налицо тот тип кочевого хозяйства, который С.А. Плетнева назвала «второй стадией кочевания» [50, с. 36–83] и который на самом деле является наиболее распространенным среди кочевого населения евразийских степей и полупустынь с I тыс. до н. э. по новое время (XVIII, а местами и по XIX в.) включительно.

Более точная географическая привязка данных Иордана, скорее всего, невозможна. Трактовать их можно по-разному. Первый вариант – гунны кочуют в степях Керченского полуострова и Центрального Крыма в теплое время года, а зимой уходят в Северное Причерноморье и Северное Приазовье. Второй – из открытых степей они переходят к морскому побережью, не выходя за пределы Крымского полуострова в Восточном Крыму и на юго-западе. Отсюда и памятники наподобие Марфовки, Феодосии, Беляуса. Наконец, кочевники могли реализовывать оба варианта маршрутов перекочевок, часть из них оставалась на морском побережье в Крыму, наиболее рационально это было для групп, находившихся на территории Керченского полуострова, а также в районе Евпатории[5]. Часть же уходила в Северное

Приска Панийского и связано с событиями, происходившими около 448 г. «...У этого народа [акациров] было много начальников по коленам и родам; император Феодосии послал им дары для того, чтобы они, по взаимному соглашению, отказались от союза с Аттилой и предпочли союз с римлянами. Но посланный с дарами роздал их не по порядку каждому из царьков народа, так что Куридах, старший по власти, получил дары вторым и, как обиженный и лишенный принадлежавших ему даров, призвал Аттилу против своих соправителей...» [43, с. 252].

[5] Возможность использования скотоводами приморских территорий степного Крыма и Керченского полуострова в качестве зимних пастбищ была хорошо известна в крымско-татарский период. По на-

Причерноморье. В любом случае до 527 г. сам город Боспор находился под контролем гуннов. Вероятно, это свидетельствует об их постоянном присутствии на территории Керченского полуострова в течение всей второй половины V – начала VI вв.[6]

В частности, Иоанн Малала характеризует ставшего союзником Юстиниана и принявшего крещение в Константинополе предводителя гуннов Грода как «находящегося вблизи Боспора». «Сам василевс… отпустил его домой с тем, чтобы он охранял области римлян и Боспор». И, наконец, «этот самый вождь, став христианином и отправившись в свою землю близ Боспора, застал там своего брата» [30, с. 469–470]. Все остальные сюжеты этой истории вращаются вокруг Боспора. Где-то здесь были переплавлены гуннские идолы, именно в Боспоре они были обменяны на милиарисии, после чего Грод был убит, а Боспор снова захвачен гуннами. Все указывает на то, что упомянутые гунны жили именно в степях Керченского полуострова и непосредственно соприкасались с территорией Боспора. Их локализация в Восточном Приазовье, на Кубани противоречит и показаниям средневекового автора, и здравому смыслу. В обход, по суше из Покубанья к Боспору, путь долог и пролегает по территории других кочевых племен, флота у гуннов не было (по крайней мере, об этом ничего не известно), а рассчитывать на регулярное и надежное замерзание Керченского пролива не приходится, это явление достаточно редкое, что и отмечают источники.

Таким образом, к концу V – первой половине VI вв. в степном Крыму и на Керченском полуострове формируется постоянное кочевое население. Сначала их называют просто гуннами или гуннами-альциагирами, потом в источниках появляются названия новых крупных гуннских племенных союзов – кутригуров и утигуров[7]. Об их расположении на территории Восточной Европы и взаимоотношениях друг с другом, а также с Византией пишут Прокопий Кесарийский, Агафий Миринейский, Менандр и Феофилакт Симокатта.

блюдениям П.С. Палласа, «ни одна местность России не представляет таких благоприятных условий для овцеводства, как Крым, приспособленный самой природой для этого, так как летом овцы находятся на равнинах и на альпийских пастбищах яйл, а зимой их перегоняют в южные бесснежные долины или на находящиеся у моря плоскогорья, где благодаря бесснежной и мягкой зиме они пасутся свободно» [45, с. 194].

[6] В частности, А.И. Айбабин отмечает, что на территории Керченского полуострова обнаружено небольшое количество впускных кочевнических погребений в курганы предшествующих эпох. Они совершенны в перекрытых деревом ямах. Скелеты ориентированы черепами на северо-восток или северо-запад. По конструкции и обряду они близки могилам конца V в. По мнению исследователя, могилы VI – первой половины VII вв. оставили племена, кочевавшие в Припонтийской степи с середины V в. [4, с. 27].

[7] В любом случае утигуры и кутригуры считаются гуннскими народами, происходящими от одного корня, родственными друг другу: «Народ гуннов некогда обитал вокруг той части Меотидского озера, которая обращена к востоку, и жил севернее реки Танаиса, как и другие варварские народы, которые обитали в Азии за Имейской горой. Все они назывались гуннами, или скифами. По племенам же в отдельности одни из них назывались котригурами, другие – утигурами, некоторые – ультизурами, прочие

Один из эпизодов, связанных с расселением гуннских племен в Восточной Европе после распада державы Аттилы, приводит Прокопий. Несколько путаясь в хронологии перемещений гуннов в Центральную Европу и обратно, на берега Азовского моря, он приводит легенду о двух сыновьях гуннского предводителя – Утигуре и Кутригуре. Перед своим окончательным поселением в восточном Приазовье утигуры столкнулись с готами-тетракситами. По мнению различных исследователей, это могло произойти в районе Перекопа [Артамонов 1962, с. 86] или на Керченском полуострове [4, с. 22].

Так или иначе современное ему расселение и взаимное расположение кутригуров и утигуров в VI в. Прокопий Кесарийский знает и неоднократно описывает в «Войнах с готами». «…Простирающаяся отсюда страна называется Эвлисия; прибрежную ее часть, как и внутреннюю, занимают варвары вплоть до так называемого «Меотийского болота» и до реки Танаиса, который впадает в «Болото». Само это «Болото» вливается в Эвксинский Понт. Народы, которые тут живут,.. теперь зовутся утигурами. Дальше, на север от них, занимают земли бесчисленные племена антов. Рядом с теми местами, откуда начинается устье «Болота», живут так называемые готы тетракситы» [51, с. 384]. Далее он же отмечает, рассказывая о взаимном расселении кутригуров и утигуров: «…так как кутригуры, как я уже сказал, остались в землях по ту сторону Болота (на запад), то утигуры одни завладели страной, не доставляя римлянам никаких затруднений, так как по месту жительства они совершенно не соприкасались с ними» [51, с. 387–388]. «…За Меотийским болотом и рекой Танаисом большую часть лежащих тут полей, как мною было сказано, заселили кутригуры-гунны. За ними всю страну занимают скифы и тавры, часть которой еще и ныне называется Таврикой…» [51, с. 523]. «…Если идти из города Боспора в город Херсон,.. то всю область между ними занимают варвары из племени гуннов…» [51, с. 526]. Что говорит о том, что и степи Крымского полуострова входят в зону кочевий кутригуров, ибо других «гуннов» в это время здесь уже не было. Гепиды в середине VI в. в поисках союзников для войны с лангобардами и римлянами «…послали к властителям кутригуров, которые жили тогда у Меотийского болота…». В ответ на это Юстиниан отправил послов «…к правителям гуннов-утигуров, которые жили по ту сторону Меотийского болота…» [51, с. 434]. Причем тогда же для войны с кутригурами утигуры «всем народом перешли реку Танаис» [51, с. 435].

Вопрос о расселении кутригуров и утигуров породил обширную историографию[8]. Об этом в разное время писали И. Маркварт, В. Златарски, А. Бурмов, Ив. Богданович,

– вуругундами. Спустя много столетий они перешли в Европу, или действительно ведомые оленем, как передает басня, или вследствие другой случайной причины, во всяком случае перешли каким-то образом Меотидское болото, которое раньше считалось непроходимым, и, распространившись по чужой территории, причинили ее обитателям величайшие бедствия своим неожиданным нападением» [1, с. 147–148].

[8] Подробный обзор различных мнений выполнен С.А. Ромашевым [54, с. 215–218].

Д. Димитров, М.И. Артамонов, А.П. Новосельцев и многие другие. На сегодня в целом устоялась и принята такая точка зрения, что в период, описанный Прокопием, утигуры занимали восточное Приазовье, в основном территорию между Кубанью и Доном[9]. Кутригуры кочевали западнее Дона, в северном Приазовье, Поднепровье и, вероятно, еще западнее, вплоть до Днестра. Они совершали регулярные набеги на византийские земли, доходили до Константинополя, что говорит об их близком соседстве с Византией[10]. Вероятно, так же как и в гуннское время, в период господства акациров, крайне западные кочевья кутригуров подходили к Нижнему Дунаю. По всей видимости, до начала спровоцированных Юстинианом войн между утигурами и кутригурами основные территории последних находились все же в Днепро-Донском междуречье. Причем именно здесь находились пастбища, предназначенные для выпаса лошадей, наиболее ценного вида скота, принадлежавшего кочевникам[11]. Именно такая их локализация предполагает возможность неожиданного нападения утигуров, перешедших Дон и разгромивших незащищенные кочевья, когда воины находились в набеге где-то за Дунаем. Трудно предположить, что так же неожиданно утигуры могли переправиться не только через Дон, но и через Днепр, Буг и т.д.

---

[9] Насколько далеко на восток, в сторону Каспийского моря, распространялись владения утигуров, неизвестно. Где-то в Северном Предкавказье проходила граница между ними и племенным союзом савиров, занимавшим западный Прикаспий. В любом случае Прокопий знает, что все степи Северного Кавказа в его время были заняты кочевниками: « (5) Далее (к северу от Дербента или Дарьяла – Каспийских ворот – А.А.Т.) идут равнины, удобные для езды верхом и орошаемые обильными водами; страна большая, ровная и удобная для разведения лошадей. (6) Здесь поселились почти все гуннские племена, занимая пространство до озера Меотиды» [52, с. 27–28]. И утигуры, и савиры беспокоили владения персов и византийцев в Закавказье: «И он (речь идет о царе лазов – А.А.Т.) вместе со своими подданными тщательно охранял границы земли, чтобы враждебные гунны гор Кавказа, соседствующего с ними, не прошли через Лазику и не вторглись в земли римлян» [52, с. 104]. Стратегическое положение Лазики понимали не только византийцы, но и персы. Так Хосров считал, что «персидская держава навсегда избавится от опустошительных набегов соседствующих с Лазикой гуннов, которых ему [Хосрову] будет легче и без особого труда насылать на римскую державу, когда ему только заблагорассудится, ибо Лазика не что иное, как передовое укрепление против живущих на Кавказе варваров» [52, с. 136].

[10] Например, в 539 г. произошло очередное вторжение гунно-болгар, по всей видимости, кутригуров, на Балканы: «Тотчас же огромное войско гуннов, переправившись через Истр, вторглось в Европу, наводнив всю ее. Это часто случалось и раньше, но никогда прежде не обрушивалось на жителей этих мест столько несчастий и таких огромных бед» [52, с. 80].

[11] Менандр Византиец сообщает о том, что: «…Юстиниан, полагая, что котригуры опять придут опустошать Фракию, не давал отдыха вождю утигуров Сандилху, частыми посольствами и другими способами подстрекая его во что бы то ни стало воевать против Завергана. К увещаниям император присоединил и обещание, что передаст Сандилху и то жалование, какое от римской державы назначено было Завергану, если только Сандилх одолеет котригуров. Сандилх, хотя и желал быть в дружеских сношениях с римлянами, однако ж так писал к царю: «Было бы неприлично и притом беззаконно в конец истребить наших единоплеменников, не только говорящих одним языком с нами, ведущих одинаковый образ жизни, носящих одну с нами одежду, но притом и родственников наших, хотя и подвластных другим вождям. При всем том (как того требует Юстиниан!) я отниму у котригуров коней и присвою их себе, чтобы им не на чем было ездить и невозможно было вредить римлянам»» [18, с. 320–321].

Таким образом, очевидно, что, по крайней мере, до начала войн с утигурами кутригуры контролировали степи Приазовья и Крыма. Группы гуннов, которыми в свое время управлял Грод и которые после 528 г. окончательно потеряли Боспор, по всей видимости, входили в состав объединения кутригуров или были ему подчинены. Для середины VI в. нет сведений о каких-то иных кочевых племенах или племенных союзах, независимых от кутригуров и проводивших самостоятельную политику на территории Крыма. Но в 50-е гг. VI в. между кутригурами и утигурами шла перманентная война, которая сделала практически невозможной нормальную кочевую жизнь в районе Северного Приазовья. Эти войны в конечном итоге ослабили и кутригуров, и утигуров [7, с. 98] и привели к тому, что с 60-х гг. VI в. кутригуры вступают в союз с аварами [7, с. 110; 21, с. 109], теряют самостоятельность и оказываются вовлеченными в военные действия Аварского каганата в Центральной Европе и на Балканах. Утигуры после 568 г., но не позднее 576 г., подчиняются Западному тюркскому каганату [20, с. 95] и используются его правителями для нападения на Боспор, а также для войн на Кавказе и в Закавказье против Ирана [26, с. 38; 54, с. 228–232].

Таким образом, в сложившуюся в конце V – начале VI вв. систему расселения и сезонных перекочевок снова вмешивается военно-политический фактор. Авары громят утигуров и уводят кутригуров с собой, в Паннонию. Днепро-Донское междуречье превращается в зону противостояния между Аварским и Тюркским каганатами. Все это также не способствует мирной кочевой жизни, с размеренным ритмом сезонных перекочевок и рациональным использованием ресурсов степной зоны. И вот посольство Тиберия во главе с Валентином по пути к ставке тюркского кагана в 576 г. находит кочевья предводителя утигуров Анагея уже в Северном Приазовье [4, с. 29]. Возможно, он не кочевал там, а готовился к походу на Боспор [7, с. 138; 20, с. 96], но в любом случае кутригуров, способных оказать ему сопротивление, ни здесь, ни в Крыму в это время уже не было.

Характерно, что в этот раз (576 г.) кочевые армии утигуров Анагея и тюрок Бохана проходят в Крым через приазовские степи. Они не переправляются через Керченский пролив, что вообще и странно предполагать. Тем более, неправдоподобными выглядят утверждения о том, что те или иные кочевники могли в ходе годового цикла перекочевок пересекать (как минимум дважды в год, туда и обратно) столь сложную водную преграду. Переход кочевых групп через пролив, всего населения аилов, с имуществом, со стадами овец, лошадей, коров теоретически был бы возможен только в зимнее время в результате устойчивого и достаточно долговременного замерзания воды. При этом нет никакой уверенности ни в том, что пролив замерзал ежегодно в течение какого-то длительного периода (нескольких десятилетий, полустолетия), достаточного, чтобы могла выработаться и закрепиться привычка таких перекочевок, ни в том, что крепкий лед держался всю зиму (около 80–100 дней). Кроме того, даже если такие явления устойчивого замерзания пролива и наблюдались в определенный исторический период, то знание особенностей кочевого хозяйства, кочевых привычек, организации циклов сезонных перекочевок не позволяют

согласиться с возможностью регулярного осуществления подобных перемещений. Кочевники должны занять зимние пастбища еще в конце осени до начала устойчивых холодов и обильных снегопадов. На зимнике они находятся дольше, чем на любых других сезонных пастбищах, не меняют мест проживания, не перевозят и не переставляют юрты без крайней нужды, только перемещают стада вокруг центра зимника. Именно поэтому площадь зимников всегда больше, чем летника, а место выбирается с большим количеством сухого травостоя и урочищами, закрытыми от ветра, где можно прятать скот во время зимних буранов. К тому времени, когда Керченский пролив замерзал (если он в этом году вообще замерзал), кочевые аилы уже давно должны были находиться на зимних пастбищах, которые они не покидали до начала весны, таяния снега и появления новой зеленой травы. Конечно, под давлением неблагоприятных обстоятельств (например, нападение врагов) кочевые группы могли покинуть зимник и до окончания сезона, но это было чревато потерей большей части стада, голодом и гибелью людей. Что касается боевых отрядов, не отягощенных семьями и стадами, то они могли совершать рискованные дальние походы, в том числе и переправляться через водные преграды, особенно зимой, по льду. Сообщения о подобных переходах неоднократно встречаются в письменных источниках.

Таким образом, необходимо отметить, что в силу относительно небольших расстояний в масштабах изучаемого региона, ограниченности территории самого Крымского полуострова (конные отряды противника в считанные дни могли наводнить всю его площадь) огромное значение в расселении кочевников здесь имел военно-политический фактор. Расстановка сил в самой кочевой среде, военные возможности Римской империи, позднее Византийской, основные направления кочевых походов и войн того времени, чьими союзниками являлись кочевники на данном этапе, Византии, Ирана или они осуществляли самостоятельную политику, все эти факторы влияют на распределение групп кочевников в степи. От этого во многом зависит и их локализация в том или ином месте.

Малочисленность упоминаний письменных источников о кочевниках в Крыму во второй половине VI – начале VII вв. можно объяснить рядом факторов. 1) В середине VI в. в результате интриг Византии и взаимной ревности кутригуры и утигуры вели перманентную войну, взаимно истребляя друг друга. Степи Крыма находились в пограничной зоне этих союзов племен и были просто опасны для проживания. 2) Большую часть кутригуров авары после 668 г. увели с собой в Паннонию и Западное Причерноморье, где использовали их в войнах с Византией. 3) И, наконец, данные климатологов свидетельствуют о том, что VI и VII вв. были наиболее засушливыми для степной зоны Восточной Европы, что затрудняло ведение кочевого хозяйства и приводило к уменьшению средней плотности кочевого населения. Только с IX в. начинается постепенное увлажнение степи, которое достигает максимума в первой половине II тыс. н.э. в половецкое и ордынское время. Именно тогда кочевники были наиболее многочисленными и боеспособными.

Общепризнанным является факт сильной зависимости кочевого хозяйства от

ландшафтных и климатических условий, а также определены требования, предъявлявшиеся всеми кочевниками к зимним пастбищам. Они должны располагаться в местах с высоким травостоем, малоснежных, имеющих естественные убежища для скота на случай ветра и бури (балки, долины рек, понижения между холмами, перелески, заросли камыша или тростника).

Часто одна и та же территория определяла для кочевников различных исторических периодов сходные способы использования ландшафтных и природно-климатических ресурсов, маршруты кочевания и т.д. Например, потомки половцев и монголо-татар – кубанские ногайцы еще в XVIII в. зимовали в низовьях Кубани и на восточном берегу Азовского моря, а лето проводили в среднем течении Кубани, в предгорьях Кавказа и на западе Ставропольской возвышенности [22]. Крымские татары и ногайцы проводили зиму в степях Крыма, Присивашье, Нижнем Поднепровье и Северном Приазовье, причем восточной границей их кочевий были или Миус, или Молочная [58].

Рассмотрим природные условия названных территорий с точки зрения возможности ведения на них кочевого хозяйства. Здесь выделим два основных региона – Присивашье и степной Крым.

В Присивашье рельеф представляет собой равнину с пологими понижениями – руслами балок и речных долин. Понижениям балок Присивашья соответствуют в плане узкие и длинные заливы Сиваша, а межбалочным возвышенностям – такие же узкие и длинные мысы [9, с. 21]. Такая структура береговой линии кажется удобной для устройства на ней зимних пастбищ с естественными границами между отдельными аилами. На низменном побережье Черного моря и Сиваша встречаются опустыненные полынно-ковылково-типчаковые и житняковые степи. Солончаки заняты пустынными группировками растений [15, с. 99]. На самых низких, сырых и наиболее засоленных участках растут такие галофиты, как солерос, сведа и сарсазан, а также морская полынь и местами тростник. Галофиты имеют немалое значение в кормовом отношении. Если летом и осенью солерос и сарсазан не употребляются скотом в пищу, то после первых же морозов они становятся пригодными для выпаса на них крупного рогатого скота и овец [9, с. 25–27]. Средняя продуктивность галофитно-луговых угодий, распространенных в приморской полосе, Присивашье и некоторых степных подах колеблется в пределах 5–7ц /га сена [61, с. 167–170]. Снежный покров в Присивашье есть всегда, но он невелик и держится от одного до полутора месяцев, оттепели часто сгоняют снег. Безморозный период в восточной части Сиваша продолжается 165 дней, а в западной – 229 дней в году [9, с. 14]. Этот район также пригоден для зимнего содержания скота на подножном корму.

Степи характерны для северной и центральной части Крыма, Тарханкутского и Керченского полуостровов [10, с. 9]. Они являются продолжением степей Украины и занимают ровное пространство, постепенно повышающееся к югу и только у Симферополя принимающее волнистый характер. Здесь встречаются ковыльные (центр полуострова), полынные (приморская полоса) степи и галофитная раститель-

ность солонцов и солончаков (пологие морские побережья) [16, с. 170–171]. По склонам балок и долинам рек, в подах распространены заросли степных кустарников: терна, степной вишни и т.д. Количество осадков за год составляет 300–400 мм [10, с. 26]. Климат характеризуется жарким и сухим летом и сравнительно холодной зимой с невысоким снежным покровом. Зимой бывают морозы и сильные ветра, сдувающие снежный покров в овраги и балки. Степи Крыма могли использоваться кочевниками в осенне-зимний период или ранней весной, но, скорее всего, были малопригодны для массового выпаса скота в летнее время. Связано это, в частности, с тем, что повторяемость весенних засух в северной части степного Крыма (до линии Джанкой – Стерегущий) составляет около 40%. Летние засухи в степной части – почти ежегодное явление, их повторяемость – 80 – 90%. Осенние засухи наблюдаются реже, их повторяемость – 20% [17, с. 25].

Если ландшафт описываемой территории практически не изменился за последние тысячелетия [38, с. 205], то возникает закономерный вопрос, насколько современные условия климата и растительного покрова соответствуют положению дел в VII в. н. э.? А.В. Шнитников в ритме увлажненности материков Северного полушария выделяет т. н. эпоху III-б. I-го тыс. н. э., характеризующуюся пониженной увлажненностью, засушливую и теплую. Наибольшее потепление отмечено для VI в. [36, с. 31], а продолжается оно до VIII – XI вв. [35, с. 45]. К этому времени относится длительный период низкого стояния Каспия [70, с. 268–271], что по Л.Н. Гумилеву должно свидетельствовать о пониженной увлажненности лесной зоны Евразии и о хорошей увлажненности атмосферными осадками степей [25, с. 32–39]. В Китае с VII по X в. наблюдается большое количество сильных засух. С конца I-го тыс. происходит постепенное увлажнение и похолодание [14, с. 47–48]. М. Шварцбах также отмечает, что в 500–700 гг. н. э. в Европе и части Азии было сухо, а в 1100–1250 гг. было обилие осадков [69, с. 205]. Ю.Л. Раунер в рамках суббореальной климатической эпохи выделяет 2-ю ксеротермическую фазу, которая датируется 100–650 гг. н. э. и длится 550 лет. В конце VI – первой половине VII вв. на сто лет приходилось 30-35 засушливых, т.е. засухи в это время случались каждые три года [53, с. 7–14]. С.И. Костин период с V по VIII в. называет вторым ксеротермическим периодом за последние 4500 лет [40, с. 110]. Интересно, что с конца XIX в. начинается эпоха IV-б (по А.В. Шнитникову), характеризующаяся постепенным понижением увлажнения и устойчивым понижением уровня Каспия. XX в. рассматривается как переходный период к этой эпохе, следовательно, если и нельзя говорить о полном соответствии климатов VII и XX вв., то, по крайней мере, нет оснований говорить и о сильном их различии [12, с. 55].

В настоящее время климат степи умеренно теплый. Лето жаркое, зима холодная, в большинстве малоснежная. Средние январские температуры колеблются от –7 градусов на северо-востоке, до –2 в степной части Крыма. Современная средняя годовая температура 9,7 градуса. Наиболее холодные месяцы – январь и февраль. Зимой и весной преобладают сухие восточные ветры, которые к маю часто перерастают в

«черные бури» [63, с. 47]. Зима характерна сильными оттепелями, после которых нередко наступает сильное похолодание, что ведет к образованию ледяной корки. Безморозный период на северо-востоке 150 дней, в Крыму – 230 дней. Первые морозы на северо-востоке наблюдаются в начале октября, в Крыму – в конце октября. Окончание морозов в среднем происходит в конце апреля. Вегетационный период на юге начинается в среднем в третьей декаде марта, на северо-востоке – в первой декаде апреля. В северной степи устойчивый снежный покров устанавливается около 20 декабря, а на юге около 25 декабря и удерживается до 1 марта. В центральной и южной степи устойчивый снежный покров бывает только местами в конце декабря. Средняя высота снежного покрова 10–20 см, более 20 см образуется редко, чаще бывает менее 10 см. Число дней со снежным покровом колеблется от 30–50 на юге и в Крыму до 100 на Донецком кряже [15, с. 100–104]. Сплошной снежный покров в Приазовье образуется очень редко. Обычно снег задерживается в понижениях рельефа, на зимнем травостое, в районе лесных участков.

Что касается растительности, пригодной для стравливания домашним животным, то, по мнению специалистов в позднем голоцене, по крайней мере, уже в скифское время, на юге Украины были распространены степи, растительность которых имела современный характер. Скорее всего это были разнотравно-типчаково-ковыльные степи, на юге степной зоны – полыни, на засоленных почвах – галофиты [8, с. 157; 16, с. 117–118]. Следовательно, в рассматриваемый период состав степной растительности и ее продуктивность не должны были сильно отличаться от современных показателей.

Зональным типом здесь является степная травянистая растительность ксерофильного характера с относительно низким уровнем продуктивности [66, с. 3–4]. Валовая продуктивность южных типчаково-ковыльных пастбищ составляет 7–10, злаково-полынных – 5–8 ц /га сухого сена. При усилении выпаса в южной части степной зоны до 3–5 ц /га сухого сена [61, с. 104]. В долинах рек и болотах, особенно важных для зимнего выпаса, наблюдается водно-болотная и луговая растительность [71, с. 52]. При благоприятных условиях средняя урожайность лугов речных долин достигает 2–4 ц сена с 1 га. Сильная испаряемость приводит к засолению почвы и появлению солончаков [5, с. 124], которые также являются одним из видов зимних пастбищ. Растительность подов в засушливые годы мало отличается от окружающих степей, а в годы со значительным количеством осадков на подах появляются болотно-луговые травы [15, с. 99].

Анализ природных условий названных территорий с точки зрения возможности ведения на них кочевого хозяйства показывает, что они были засушливы, мало пригодны для использования в летнее время (с середины весны по середину осени). Оптимальный режим их использования кочевниками – в качестве зимних пастбищ. Особенно это актуально для степей Крыма, климат которых характеризуется жарким и сухим летом и сравнительно теплой зимой с невысоким снежным покровом.

Изучение климата показывает, что в 500–700 гг. н. э. в Европе и части Азии было сухо, а в 1100–1250 гг. было обилие осадков. В конце V – начале VII вв. на сто лет приходилось 30–35 засушливых, т.е. засухи в это время случались каждые три года.

По мнению специалистов в позднем голоцене, по крайней мере уже в скифское время, на юге Украины были распространены степи, растительность которых имела современный характер. Скорее всего это были разнотравно-типчаково-ковыльные степи, на юге степной зоны – полыни, на засоленных почвах – галофиты. Следовательно, в рассматриваемый период состав степной растительности и ее продуктивность не должны были сильно отличаться от современных показателей. Для периода зимнего выпаса на подножном корму не будет ошибкой установить как среднее значение продуктивность пастбищ степного Крыма в размере 2 ц сена с 1 га.

Известно также, как интересующую нас территорию использовали другие кочевые народы. Эти данные могут быть привлечены как доказательство, поскольку общепризнанным является факт сильной зависимости кочевого хозяйства от ландшафтных и климатических условий, а также определены требования, предъявлявшиеся всеми кочевниками к зимним пастбищам, а ведь именно от зимних пастбищ и с учетом речной сети, особенно крупных рек, строились маршруты кочевания.

В скифо-сарматское время степи Приазовья, Причерноморья и Крыма использовались как зимние пастбища [57; 19].

После распада Болгарии Кубрата, по данным археологии, зимние кочевья протоболгар конца VII – начала VIII вв. находились в Нижнем Подонье и по берегам Азовского моря [48; 68].

По крайней мере, часть печенегов в IX в. использовала степи Северо-западного Приазовья и Крыма как сезонные пастбища. Об этом сообщает Константин Багрянородный, когда описывает расселение четырех печенежских «родов», расположенных «по ту сторону реки Днепра», т.е. на левобережье и далее на восток. Они проживают, помимо прочего, «напротив… Херсона и прочих Климатов», а страна печенегов – Пачинакия в целом «к Херсону очень близка, а к Боспору еще ближе» [39, с. 157]. Вообще расположение печенегов в Крыму в X в. напоминает описанное Прокопием Кесарийским размещение «гуннов» между Боспором и Херсоном в VI в. Они, по всей видимости, занимают большую часть Керченского полуострова, Третью гряду, юго-запад, северо-запад с Тарханкутом и всю степную часть Крыма.

В XI–XII вв. у половцев наблюдается концентрации зимних угодий на северном берегу Азовского моря в районе Молочной и Миуса, в Нижнем Поднепровье, отдельная половецкая орда занимает восточное побережье Азовского моря и Покубанье [41; 49].

В Золотой Орде XIII – начала XV вв. естественными границами кочевий ханских темников являются большие реки Восточной Европы – Волга, Дон, Днепр, вдоль течения которых и располагались сезонные пастбища: на юге, в районе устья этих рек у Каспийского, Азовского и Черного морей – зимние, на севере в лесостепи – летние [24; 64; 27].

Полученные данные можно использовать для вычисления экологически возможного кочевого населения территории степного Крыма второй половины V – начала VII вв. по формуле[12]:

Числ.мин = (0,0202 У * Пзим) / (К * Д) или = (Кс * У * Пзим) / (К * Д)

Где **У** – это урожай сухого сена на корню в ц/га, **Пзим.** – площадь зимних пастбищ в га., **К** – количество корма, необходимое для выпаса одной овцы в день, **Д** – количество дней зимнего выпаса.

Тогда максимальное экологически возможное население можно будет определить по формуле:

Числ.макс = Числ.мин * 1,5, где 1,5 – коэффициент максимально возможного стравливания кормов.

Известно, что Степной Крым занимает 16 840 км², что составляет около 63% территории всего Крыма (традиционно географы не включают сюда площадь Керченского полуострова, которая составляет 3250 км²). Тем не менее приведенные выше данные письменных источников показывают, что Керченский полуостров был населен кочевниками, которые вели себя достаточно активно и даже вплоть до 527 г. контролировали город Боспор. Следовательно, для общих[13] расчетов численности кочевого населения Крыма может быть использована цифра 20 000 км². Чаще всего степи Крыма использовались кочевниками лишь как одна из составных частей их территории, в которую входили в разные эпохи степи Приазовья, Нижнего Поднепровья, Причерноморья, Днепро-Донского междуречья. В частности, в V – начале VII вв. в период, когда степи Крыма и Приазовья занимали племена гуннов, акациров, кутригуров и утигуров, а также в период создании конфедерации племен во главе с оногурами (Великая Болгария Кубрата), Северо-западное Приазовье и Нижнее Поднепровье, скорее всего, играли роль зимника, степи левобережного Поднепровья и Донецкого кряжа (вплоть до границы лесостепи) – летника.

Сложнее определить значение в кочевом хозяйстве степного Крыма. Своеобразные географические условия, наличие только одного пути, ведущего на север, в Приазовье и Поднепровье, усложняли передвижение кочевых групп, вели к их частичной изоляции на территории полуострова. Возможно также, что кочевники делили степи на более мелкие участки, обеспечивавшие удобство и эффективность природопользования, меньшую протяженность маршрутов перекочевок. Тогда территория Крымского полуострова могла использоваться локально и служила местом размещения всех видов сезонных пастбищ – весенних, летних, зимних, осенних. В этом случае степные пастбища могли использоваться прежде всего зимой, в первой

[12] Подробнее обоснование формулы см. в статье, специально посвященной этому вопросу [62, с. 141–161].

[13] Подчеркиваю, что речь идет пока о самых общих и приблизительных расчетах. Более точные данные, надеюсь, будут получены со временем, после дополнительного изучения соответствующего комплекса географической и сельскохозяйственной литературы.

половине весны, во второй половине осени. При таком режиме зимние пастбища занимали до 50% пригодной для выпаса территории, поскольку обеспечивали сохранение поголовья скота в наиболее сложное для кочевого хозяйства время года[14].

Рассчитаем экологически возможную численность кочевого населения, исходя из двух условно обозначенных режимов использования пастбищ степного Крыма: 1) как одного большого зимнего пастбища, в этом случае летниками являются степи Приазовья и Нижнего Поднепровья, Причерноморья, тогда исходная цифра для расчетов 20 000 км²; 2) как замкнутой локальной пастбищной территории, в которой только часть площадей может быть отведена под зимники, т.е. около 10 000 км².

Учитывая наличие непригодных для выпаса скота мест в районах расположения зимних пастбищ, доступная для хозяйственного использования территория может быть определена как 70% от общей площади зимних угодий. Следовательно, площадь пригодных для зимнего выпаса пастбищ – **Пзим** будет 1) около 14000 км^2; 2) около 7000 км^2.

Продолжительность зимнего периода, а, следовательно, и времени выпаса – Д, в изученном регионе может быть определена в среднем не более 80 дней[15]. Зимняя продуктивность пастбищ – У, учитывая берега лиманов и степи с нетронутым травостоем, можно считать равной не менее чем 2 ц /га. Дневные потребности овцы в корме – К считаются равными 2 кг сухого корма. Теперь можно произвести расчеты по формулам:

1) Числ.мин. = (0,0202 У * Пзим) / (К * Д) = (0,0202 * 200 кг /га * 1400000 га) / (2 кг * 80 дней) = 35350 человек.

Числ.макс. = Числ.мин * Кмакс. = 35350 * 1,5 = 53025 человек.

2) Числ.мин. = (0,0202 У * Пзим) / (К * Д) = (0,0202 * 200 кг /га * 700000 га) / (2 кг * 80 дней) = 17765 человек.

Числ.макс. = Числ.мин * Кмакс. = 17765 * 1,5 = 26512 человек.

Проведем подобные расчеты отдельно для территории Керченского полуострова в режиме замкнутого использования. Тогда площадь зимников будет составлять около 1200 км^2. Исходные данные: продолжительность зимнего периода – **Д**, здесь может быть определена как 45 дней. Зимняя продуктивность пастбищ – **У** – 2 ц /га. Дневные потребности овцы в корме – **К** – 2 кг. Теперь можно произвести расчеты:

---

[14] В частности, П.С. Палас неоднократно подчеркивает мягкость крымских зим, в связи с этим благоприятные условия для размножения и выпаса различных видов скота. Особенно показательны в этом отношении верблюды. Ведь известно, что в Золотой Орде, в Поволжье они были, как правило, привозными, плохо размножались из-за холода, дорого стоили. Зимний выпас верблюда не возможен в условиях существования длительного и мощного снежного покрова. У верблюда нет копыт, он в отличие от лошади и овцы не в состоянии добывать корм из-под снега самостоятельно. Здесь же мы наблюдаем обратную ситуацию: «Мягкие зимы в Крыму очень благоприятны для размножения верблюдов, и число их – более чем можно было предположить» [45, с. 193].

[15] Зима на территории Керченского полуострова мягкая и короткая, продолжается 40-50 дней. На остальной территории степного Крыма – около 80-90 дней.

Числ.мин. = (0,0202 У * Пзим) / (К * Д) = (0,0202 * 200 кг /га * 120000 га) / (2 кг * 45 дней) = 5387 человек.

Числ.макс. = Числ.мин * Кмакс. = 5387 * 1,5 = 8080 человек.

Таким образом, в результате использования в качестве одного большого зимника степи Крыма могли обеспечить кормами стадо, необходимое для существования кочевого подразделения численностью от 35 до 50 тысяч человек. Учитывая известный и общепринятый для кочевников коэффициент расчета военного потенциала от численности населения, равный 1/5, они могли выставить от 7 до 10 тысяч всадников.

Если кочевники оказывались замкнутыми на территории полуострова, то в степной его части могло безбедно существовать от 18 до 27 тыс. человек. Соответственно, они могли выставить от 3,6 до 5,4 тысячи воинов всадников.

Зимники Керченского полуострова могли обеспечить кочевое общество численностью от 5 до 8 тыс. человек, с военным контингентом от 1000 до 1600 всадников. Видимо, жители Боспора, как правило, имели дело именно с такими отрядами кочевников. В случае же присоединения к ним обитателей всего степного Крыма эта армия увеличивалась до 5–6–7 тысяч.

Естественно, в приведенных расчетах не учитывались пастбищные возможности предгорий и долин, а также альпийские пастбища горного Крыма. Как известно, их ресурсы были достаточны для выпаса многотысячных отар овец. В горных условиях могли выпасаться и табуны лошадей кочевых пород. Впрочем, такие пастбища не могли использоваться в зимнее время. Также не учитывались группы кочевников, перешедшие к оседлости или полуоседлости, занятию земледелием, рыболовством. Численность подобных групп не может быть определена при помощи данной формулы. Их система обеспечения необходимыми продуктами построена на иных, нежели у чистых кочевников закономерностях. Тем не менее они были, и общее население степи и ее окраин было, видимо, несколько больше полученных результатов. В то же время следует отметить, что потерявшие свой скот и возможность кочевать бывшие номады находились на самом низком социальном уровне в своем обществе и, естественно, не могли выставлять воинов-всадников в общеплеменном ополчении. Таким образом, их можно не учитывать при расчете численности военных контингентов.

Данные расчеты указывают на достаточно ограниченные ресурсы степной зоны Крымского полуострова, они не могут обеспечить нормальные условия для ведения экстенсивного кочевого хозяйства большими по численности кочевыми подразделениями. Здесь видится два выхода из положения. 1) Либо кочевники осваивают прилегающие территории Приазовья и Днепро-Донского междуречья, что было отмечено выше, используя степи Крыма в основном для зимнего или иного сезонного выпаса. Как правило, в исторической ретроспективе наблюдается именно такая ситуация. 2) Либо замкнутые на ограниченной территории кочевники вынуждены постепенно оседать, переходить к другим видам хозяйственной деятельности. По всей видимости, что-то подобное произошло с протоболгарами в хазарское время. Хазары вытес-

нили их из степей Приазовья и Днепро-Донского междуречья, возможно, что потеснили и в степном Крыму. Как результат, протоболгарские группы массово оседают в различных местах Крыма, в том числе на территории Керченского полуострова, переходят к земледелию, в их материальной культуре появляются явные признаки салтово-маяцкой культуры, характерной именно для оседлого и полуоседлого населения Хазарского каганата. Подобные явления, хотя и в связи с иными причинами, видимо, имели место и в скифо-сарматское время[16] и в Крымском ханстве[17].

Для сопоставления полученных данных о численности населения можно отметить, что во время войны хазар с арабами в 737 г. армия Хазар-Тархана, состоявшая, по мнению М.И. Артамонова из собственно хазар, насчитывала 40 тыс. человек [7]. Таким образом, численность хазар должна была быть около 200 тыс. Сравнительно большие размеры хазарской армии в этой войне связаны с опасностью положения, когда решался вопрос о существовании государства, и естественно, что Хазар-Тархан был вынужден воспользоваться всеми военными силами хазарского кочевого народа.

Для набегов и локальных войн на чужих территориях, а также для помощи союзникам в их военных предприятиях кочевники, как правило, использовали гораздо меньшие воинские контингенты. Так, в войне с Персией на Кавказе в 50-е гг. VI в. византийцы использовали 2-тысячный отряд савиров [1, с. 88]. Примерно в те же годы на стороне персов сражался отряд из 12 тыс. тех же савиров [51, с. 416]. В 60-е. гг. VI века престарелый Велизарий под стенами Константинополя разгромил 2-тысячный отряд кутригуров [1, с. 155–158]. Когда в те же годы VI в. гепиды попросили кутригуров помочь им в войне с ланго-бардами, те прислали им отряд в 12 тыс. человек [51, с. 434]. Феофилакт Симокатта упоминает о стычке между ромеями и десятью сотнями булгар, входивших в состав армии аварского кагана [68, с. 156]. В 668 г. аварский каган «Ваян… приказал десяти тысячам Уннов,

---

[16] В позднескифском царстве в Крыму в III до н. э. – II в. н.э. население вело в основном оседлый или полуоседлый образ жизни. Авторы Атласа позднескифских городищ предгорного Крыма отмечают наличие природных условий для ведения в этой области скотоводческого хозяйства, в составе стада был и мелкий и крупный рогатый скот и лошади. Однако наличие 53 городищ с примыкающими к ним селищами свидетельствует о сложившейся оседлости. Это население могло использовать в качестве пастбищ территорию северного склона куэст Внешней горной гряды и первого межгрядного понижения, могли выходить и на вторую гряду. Также скот мог летом (от 3 до 4 месяцев) содержаться на горных пастбищах – яйлах. В зимнее время отары овец отгонялись на юго-запад, в район Евпатории или на юго-восток к Феодосии и далее. Возможно, как зимние пастбища использовались и территории степного Крыма [56, с. 14–15].

[17] Описанные П.С. Палласом признаки татарского скотоводства, при всей его развитости и обилии скота (присутствуют все виды, характерные для кочевников Евразии: лошадь, овца, коза, крупный рогатый скот, разводились даже верблюды), не позволяют отнести его к кочевому. При том, что некоторые рудименты кочевого быта сохранены элитой общества – «богатые татары очень гордятся, перевозя свои семьи в закрытых возах, запряженных верблюдами…» [45, с. 193–195], основная масса населения живет оседло, в поселках, деревнях и городах, и только пастухи уходят со скотом на яйлы или в степь. Этот тип скотоводства обычно называют отгонным, и главным его признаком является постоянная оседлость основной массы населения.

называемых контригурами, перейти реку Саву, и разорять Далматию…» [18, с. 391]. В 80-е. гг. VI в. к аварам присоединилась дополнительная военная сила, бежавшие от тюркютов и родственные им «забендеры» из народа уар и хуни в числе 10 тыс. человек [67, с. 161]. И, наконец, историк франков Фредегарт сообщает, что в 631–632 гг. часть кутригуров, потерпевших поражение от авар в борьбе за ханский престол в числе 9 тыс. человек, переселяется в Баварию [42, с. 90].

Таким образом, складывается впечатление, что средними размерами кочевой армии, совершавшей набеги на оседлых соседей, были 10–12 тыс. человек. Это военные силы одного – двух кочевых племен. После первых побед над пограничными войсками оседлых государей эта армия разбивалась на 1–2-тысячные отряды, которые рассредоточивались по большой территории, занимаясь грабежами и уничтожая небольшие гарнизоны оседлых соседей. Такое положение дел характерно для того времени, когда кочевники разъединены, кочуют племенами или небольшими союзами племен, образуют небольшие каганаты со стабильной территорией и сравнительно невысоким воинским потенциалом. Большие кочевые армии появляются на границах оседлых государств, когда кочевники создают громадные империи, охватывающие иногда до половины населения Великой Степи.

Результаты вычислений по формулам подтверждают также данные по численности других кочевых народов средневековья и нового времени, содержащиеся в письменных источниках. Известно, что авары (уархуниты), потрепанные в войне с тюркютами беглецы без семей, пришли в Восточную Европу в 658 г. в числе 20 тыс. человек [18, с. 374]. Большинство историков настаивает на том, что это была общая численность населения, состоявшего в основном из мужчин-воинов, которым удалось бежать от поражения и подчинения тюркам. В этом случае речь идет не о традиционной кочевой общественной единице, а об осколках армии разбитых врагами племен. Тем не менее и эта цифра дает не противоречащие представления, полученные при расчетах размеров кочевых орд и их армий.

Военный потенциал мадьяр во время их пребывания в Ателькузе (в степях между Доном и Днепром?) был равен 20 тыс. всадников [7, с. 345]. В отличие от протоболгар VI–VII вв. мадьяры не были старожилами этих мест, пробыли здесь несколько десятков лет в очень невыгодной для себя военно-политической ситуации, под постоянным давлением хазар, черных булгар и печенегов, но даже в таких обстоятельствах их численность должна была составлять, исходя из указанных размеров воинского контингента, около 100 тыс. человек.

Когда Ал-Бекри пишет о буртасах X в., он оценивает их численность в 10 тыс. всадников, следовательно, все население этого племени составляло около 50 тыс. человек [28, с. 62]. Почти такие же размеры племен были установлены для кочевого населения степного Крыма.

По мнению С.А. Плетневой, в печенежское и половецкое время, да и вообще для любой кочевнической орды средний размер может составлять 30–40 тыс. человек. Столько было печенегов, взятых в плен вместе с женами и детьми Алексеем

Комниным, столько же было и берендеев, участвовавших в 1139 г. в междоусобице Ярополка и Всеволода Ольговича [49, с. 79]. В 1237 г. половецкий хан Котян, спасаясь от монголо-татар, откочевал в Венгрию с ордой в 40 тыс. чел. [49, с. 114]. При этом размеры кочевий каждой орды не превышали, как считает С.А. Плетнева, 70 – 100 тыс. км^2 [49, с. 118], тогда площадь зимников могла быть около 30 – 40 тыс. км^2. Эти показатели можно проверить при помощи знания минимальной экологически возможной плотности кочевого населения – **Р** = 0,84 чел /км^2, по формуле:

Числ.мин. = Р * Пзим. = 0,84 чел /км^2 * 35000 км^2 = 29,4 тыс. человек.

Если же продуктивность зимних пастбищ считать равной не 1 ц /га, как было допущено при определении минимальной плотности, а 2 ц /га, что более характерно для юга степей Восточной Европы, то автоматически вероятная плотность возрастет в два раза, и будет составлять 1,68 чел /км^2 зимнего пастбища. Тогда население средней кочевой половецкой орды будет равно:

Числ.мин. = Р * Пзим. = 1,68 чел /км^2 * 35000 км^2 = 58800 тыс. человек.

Таким образом, предположения С.А. Плетневой в целом совпадают с полученными при эколого-демографических расчетах данными, а поскольку они основаны на информации письменных источников, сообщающих о численности конкретных кочевых обществ, можно говорить и о реальности результатов расчетов, производимых по предложенным формулам.

В половецкое время, что также отмечает С.А. Плетнева, в степях Предкавказья, между Кубанью и Доном могло располагаться около 230–240 тыс. человек кочевников [49, с. 96]. По всей видимости, есть все основания расширить их территорию до пределов Ергеней, Мочаг, Ставропольской возвышенности, степей западного Прикаспия, поскольку, во-первых, степи только между Кубанью и Доном не выдержали бы такой нагрузки кочевого населения, во-вторых, в XI–XII вв. у половцев не было конкурентов в использовании всех указанных выше земель. Эта мысль подтверждается и тем, что монголы в начале XIII в. застали половецкие кочевья в степях между Каспием и Азовским морем.

И, наконец, как считает С.А. Плетнева, если средние размеры кочевой орды были 20–40 тыс., а преобладали орды в 40 тыс. человек, и при этом в степях Восточной Европы известно около 12–15 половецких орд, всего половцев могло быть примерно 500–600 тыс. [49, с. 115]. Если учесть, что это кочевое население занимало степи между Каспийским и Азовским морями, Волгой и Доном, Доном и Днепром, включая Крым, Днепром и Дунаем, то предложенная С.А. Плетневой цифра кажется вполне реальной.

В XIII–XIV вв., по сообщению Плано Карпини [47] и Рубрука [24], ордынские темники кочевали вдоль Днепра, вверх и вниз по течению, с левой и правой стороны, вдоль Дона, Волги и т. д. Тьма в монгольской армии – это 10 тыс. всадников [65, с. 48], такое количество могло выставить население в 40–50 тыс. человек. В этом случае, если между Днепром и Доном, а также в Крымских степях кочевало две тьмы, а на левом берегу Дона еще одна тьма [27, с. 164], то и в ордынское время

степи изучаемой территории могли прокормить около 150 тыс. кочевников. Если же подключить к этому региону Покубанье, то можно говорить о 200 тыс. кочевом населении. Что также соответствует полученным при расчетах данным.

Только в одном степном Крыму в середине XV в. по сообщению Иосафата Барбаро жило столько кочевых татар, что они в случае необходимости могли выставить 4000 всадников. Следовательно, в это время степи Крыма могли прокормить стада 20000 кочевников [13, с. 49]. Что дает цифры, очень близкие полученным расчетам. В то же время следует помнить, что уже в XV в. значительная часть крымских татар отошла от кочевой модели экономики, проживала оседло или полуоседло, хотя и практиковала различные формы скотоводческого хозяйства (пастушество, отгонное, яйлажное и тд.). Соответственно в V–VII вв. кочевое население Крыма могло превышать по численности такое же население в XV в.

В 1770-е. гг., после подчинения ногайцев Российской империи, им были отведены «Ногайские или Крымские степи по берегу Черного моря. Число их (по данным И.И. Георги) простиралось до 70000 душ» [22, с. 38]. В конце XVIII в. восточные или кубанские ногайцы в составе трех улусов числом 10 тыс. семей, т.е. около 50 тыс. человек, «кочевали между устьями Кубани до вершины Маныча» [22, с. 39]. Таким образом, общая численность ногайцев, кочевавших в этот период между Днепром и Доном, Доном и Кубанью, была около 120 тыс. чел. Следует предположить, что до русско-турецких войн и присоединения этой территории к Российской империи их было больше. Нужно отметить, что Скальковский, опираясь на собственные наблюдения, сообщает несколько меньшую цифру. По его мнению, в 1783 г. между Кубанью и Доном кочевало 30 тыс. ногайцев, а в северном Приазовье не более 40 тыс., т.е. общее их число – 70 тыс. человек [55, с. 12–13, 17]. Правда, в отличие от протоболгар в состав их кочевий не входили Крым, Нижнее Поднепровье, Ергени, Ставропольская возвышенность и Нижний Дон, уже осваивавшиеся тогда русскими казаками. Тем не менее все эти цифры находятся в одном порядке с полученной при вычислениях по формуле для кочевого населения степного Крыма, а размеры кочевых племен соответствуют в точности принятой средней величине.

Подводя итог, следует отметить, что в дальнейшей работе предполагается более точный учет природно-климатических условий Крыма в целом и отдельных его районов в частности. Как уже отмечалось выше, сами крымские степи обычно не являлись основным и единственным местом обитания кочевых групп. Они могли быть частью кочевой территории, выполняли роль одного или нескольких сезонных пастбищ. Заходившие в Крым аилы или племена имели дополнительные кормовые базы в северном Приазовье, нижнем Поднепровье, как левобережном, так и правобережном, могли перемещаться в меридиональном направлении вдоль Днепра и других рек Причерноморья или Приазовья. Если кочевники были сильны и владели степью севернее Крыма, они вели полноценное кочевое хозяйство с ежегодным циклом перекочевок и практически не имели тенденции к оседлости.

Если возникала ситуация, когда кочевые группы, потерпевшие поражение от более сильного противника, или в силу каких-то иных обстоятельств, оказывались запертыми на территории Крымского полуострова, то, по всей видимости, очень скоро они все, или большая их часть, переставали кочевать и постепенно переходили к другим формам кочевого скотоводства, полукочевому, полуоседлому, отгонному, яйлажному и т. д.

Таким образом, наблюдается локальная историческая закономерность. Сами по себе степи и предгорные пастбища Крыма могли обеспечить ресурсами для выпаса только небольшую по численности группу кочевников, которой в силу ограниченных военных возможностей было сложно отстоять свою независимость. В режиме полуоседлого, отгонного, яйлажного скотоводства, с постепенным переходом части населения к оседлости Крым вмещал в себя уже гораздо большее население, имевшее и достаточную экономическую базу, и большие мобилизационные ресурсы. Однако в этой ситуации речь идет уже не о кочевничестве и кочевниках, а о совершенно иных хозяйственно-культурных типах. Если же изучаются «классические» кочевники с экстенсивным кочевым скотоводством, сезонными перемещениями стада и всего населения и тд., необходимым условием для сохранения их ХКТ будет стабильная возможность перемещаться за пределы Крымского полуострова, как минимум, в Нижнее Поднепровье и Северное Приазовье.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агафий*. О царствовании Юстиниана / Пер., статья и примеч. М.В. Левченко. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 219 с.
2. *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 1990. В. 1. С. 4–86.
3. *Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н.* Основные проблемы этнической истории Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1993. В. 3. С. 211–222.
4. *Айбабин А.И.* Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII вв. / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. 533 с.
5. *Алексеев Н.А.* Подземные воды Северо-западного Приазовья // Географическое общество. Мелитопольский отдел. Природные условия и хозяйство Северо-западного Приазовья. Л., 1972. В. 2. С. 19–28.
6. *Аммиан Марцеллин.* Римская история (Res Gestae) / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сони. СПб.: Алетейя, 2000. 576 с.
7. *Артамонов М.И.* История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.
8. *Артюшенко А.Т.* Растительность лесостепи и степи Украины в четвертичном периоде. К.: Наукова думка, 1970. 174 с.
9. *Бабков И.И.* Сиваш. Симферополь: Крымиздат, 1954. 56 с.
10. *Бабков И.И.* Климат Крыма. Л.: Гидрометиоиздат, 1961. 88 с.
11. *Барон Сигизмунд Герберштейн.* Записки о Московитских делах; Павел Иовий Новокамский. Книга о Московитском посольстве. СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1908. 382 с.
12. *Берг Л.С.* Климат и жизнь. М.: ОГИЗ, 1947. 356 с.
13. Библиотека иностранных писателей о России / Трудами В. Семенова. СПб.: Иждивением М. Калистратова, 1836. Т. 1. 553 с.
14. *Бучинский И.Е.* О климате прошлого русской равнины. Л.: Гидрометиоиздат, 1957. 142 с.

15. *Бучинский И.Е.* Климат Украины. Л.: Гидрометиоиздат, 1960. 130 с.
16. *Буш Н.А.* Ботанико-географический очерк Европейской части СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 192 с.
17. *Ведь И.П.* Климатический атлас Крыма. Симферополь, 2000. 118 с.
18. Византийские историки: Дексиппъ, Эвнапий, Олимпіодоръ, Малхъ, Петръ Патрицій, Менандръ, Кандидъ, Нонносъ и Феофан Византиец / Перевод Спиридона Дестуниса; примечания Гавріила Дестуниса. СПб.: Иждивен. Духовного ведомства, 1860. XIII, 516 с.
19. *Гаврилюк Н. А.* Скотоводство степной Скифии. К.,1995. (Препр. / АН Украины. Ин-т археологии; 930.26). 140 с.
20. *Гадло А.В.* Этническая история северного Кавказа IV–X вв. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. 216 с.
21. *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге: Больше-Тарханский могильник. М.: Наука, 1964. 212 с.
22. *Георги И.И.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 2. 178 с.
23. *Георги И.И.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. – СПб., 1799. Ч. 4. 385 с.
24. *Гильом де Рубрук.* Путешествие в Восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 86–187.
25. *Гумилев Л.Н.* История колебаний уровня Каспия за 2000 лет (с IV в. до н. э. по XVI в. н. э.) // Колебания увлажненности Арало-каспийского региона в голоцене. М., 1980. С. 32–47.
26. *Димитров Д. Ил.* Прабългарите по северното и западното Черноморие. Варна: Книгоиздателство «Георги Бакалов», 1987. 303 с.
27. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.
28. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах / статьи и размышления А. Куника и барона В. Розена. СПб., 1878. Ч. 1. 192 с.
29. Известия англичан о России XVI в.: Ченслер, Дженкинсон, Рандольф, Баус / Пер. с англ. С.М. Середонина. М., 1884. 105 с.
30. *Иоанн Малала.* Хронография // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. с греч., вступ. статья, коммент. А.А. Чекаловой. СПб.: Алетейя, 2001. С. 465–503.
31. *Иордан.* О происхождении и деяниях готов. М.: Изд-во Вост. лит., 1960. 436 с.
32. *Иордан.* Гетика / Вступ. Статья, перевод, коммент. Е.Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2013. 505 с.
33. История Болгарии. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1. 575 с.
34. *Казанский М.М., Мастыкова А.В.* «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 114–126.
35. *Кислов А.В., Полтараус Б.В.* О временной упорядоченности колебаний климата разных масштабов // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М.: Наука, 1989. С. 44–47.
36. *Климанов В.А.* Цикличность и квазипериодичность климатических колебаний в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М.: Наука, 1989. С. 29–33.
37. Книга Марко Поло. М.: Мысль, 1997. С. 190–380.
38. *Комаров Н.Ф.* Этапы и факторы эволюции растительного покрова черноземных степей // Записки Всесоюзного географического общества. Новая серия. Т.13. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1951. 328 с.
39. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М.: Наука, 1991. 496 с.
40. *Костин С.И.* Колебания климата на Русской равнине в историческую эпоху // Труды главной геофизической обсерватории. 1965. № 181. С. 56–74.
41. *Кудряшев К.В.* Половецкая степь // Записки Всесоюзного географического общества. Новая серия. Т. 2. М.: ОГИЗ, 1948. 162 с.
42. *Кулаковский Ю.* История Византии. К., 1915. Т. 3. 432 с.
43. *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1948. № 4 (26). С. 223–298.

44. Материалы по истории Туркмении и туркмен. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 1. 612 с.
45. *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793–1794 годах / Пер. с нем. М.: Наука, 1999. 246 с.
46. *Пигулевская Н.* Сирийские источники по истории народов СССР / АН СССР, Ин-т востоковед. М.: Изд-во АН СССР, 1941. 171 с.
47. *Плано Карпини.* История Монгалов. М.: Мысль, 1997. С. 30–85.
48. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам: Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. 198 с.
49. *Плетнева С.А.* Половцы. М.: Наука, 1990. 206 с.
50. *Плетнева С.А.* Кочевники средневековья: поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. 188 с.
51. *Прокопий из Кесарии.* Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 515 с.
52. *Прокопий Кесарийский*. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. с греч., вступ. статья, коммент. А.А. Чекаловой. СПб.: Алетейя, 2001. 541 с.
53. *Раунер Ю.Л.* Динамика экстремумов увлажнений за исторический период // Известия АН СССР: Сер. географическая. 1986. № 6. С. 5–22.
54. *Ромашев С.А.* Болгарские племена Северного Причерноморья в V–VII вв. // АЕМА. 1994. V. 8. С. 207–252.
55. *Сергеев А.* Ногайцы на Молочных водах (1790–1832) // Известия Таврической ученой Архивной комиссии. 1912. № 48. С. 1–144.
56. *Смекалова Т.Н., Колтухов С.Г., Зайцев Ю.П.* Атлас позднескифских городищ Предгорного Крыма. СПб.: Алетейя, 2015. 248 с.
57. *Страбон.* География в 17 книгах / Пер., статья и коммент. Г.А. Стратановского; Под. ред. проф. С.Л. Утченко. М.: Наука, 1964. 943 с.
58. *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки МГУ. Сер. история. 1940. Т. 2. В. 61. С. 3–71.
59. *Таскин В.С.* Скотоводство сюнну по китайским источникам // Вопросы истории и историографии Китая. М.: Наука, 1968. С. 21–44.
60. *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. 563 с.
61. Типология лугов Украины и их рациональное использование / Л.С. Балашев, Л.М. Сипайлова, В.А. Соломаха, Ю.Р. Шеляг-Сосонко. К.: Наукова думка, 1988. 236 с.
62. *Тортика А.А., Михеев В.К.* Методика эколого-демографического исследования традиционных кочевых обществ Евразии // Археология Восточноевропейской лесостепи. В. 15. Воронеж, 2001. С. 141–161.
63. *Тюкова В.В., Горобий А.М.* К вопросу о хозяйственном использовании земель Северо-западного Приазовья // Географическое общество. Мелитопольский отдел. Природные условия и хозяйство Северо-западного Приазовья. Л., 1972. В. 2. С. 47–51.
64. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. 274 с.
65. *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во Московского ун-та, 1973. 180 с.
66. *Федосеев А.П.* Зональная продуктивность растительного покрова в связи с показателем соотношения тепла и влаги // Материалы Харьковского отдела географического общества СССР. Харьков, 1965. В. 2. С. 3–8.
67. *Феофилакт Симокатта.* История / Реч. Н.В. Пигулевской, пер. С.П. Кондратьева, примечания К.А. Осиповой. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 224 с.
68. *Флеров В.С.* Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М.: Б.и., 1996. 100 с.
69. *Шварцбах М.* Климаты прошлого: Введение в палеоклиматологию. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 283 с.
70. *Шнитников А.В.* Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария // Записки географического общества СССР. Новая серия. Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т.16. 337 с.

71. *Яценко А.В.* О водно-болотной и луговой растительности Северо-западного Приазовья // Географическое общество. Мелитопольский отдел. Природные условия и хозяйство Северо-западного Приазовья. Л., 1972. В. 2. С. 52–54.

REFERENCES

1. Agafiy. *O tsarstvovanii Yustiniana* / Per., statya i primech. M.V. Levchenko. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1953. 219 p.
2. Aybabin A.I. Hronologiya mogilnikov Kryima pozdnerimskogo i ranne-srednevekovogo vremeni // *Materialyi po Arheologii, Istorii i Etnografii Tavrii.* Simferopol,1990. V. 1. P. 4–86.
3. Aybabin A.I., Gertsen A.G., Hrapunov I.N. Osnovnyie problemyi etnicheskoy istorii Kryima // *Materialyi po Arheologii, Istorii i Etnografii Tavrii*. Simferopol, 1993. V. 3. P. 211–222.
4. Aybabin A.I. *Kryim, Severo-Vostochnoe Prichernomore i Zakavkaze v epohu srednevekovya IV–XIII vv.* / Otv. red. T.I. Makarova, S.A. Pletneva. – M.: Nauka, 2003. – 533 p.
5. Alekseev N.A. Podzemnyie vodyi Severo-zapadnogo Priazovya // *Geograficheskoe obschestvo. Melitopolskiy otdel. Prirodnyie usloviya i hozyaystvo Severo-zapadnogo Priazovya.* L., 1972. V. 2. P. 19–28.
6. Ammian Martsellin. *Rimskaya istoriya (Res Gestae)* / Per. s lat. Yu.A. Kula-kovskogo i A.I. Soni. SPb.: Aleteyya, 2000. 576 p.
7. Artamonov M.I. *Istoriya hazar*. L.: Izd-vo gos. Ermitazha, 1962. 523 s.
8. Artyushenko A.T. *Rastitelnost lesostepi i stepi Ukrainyi v chetvertichnom periode.* K.: Naukova dumka, 1970. 174 p.
9. Babkov I.I. *Sivash*. Simferopol: Kryimizdat, 1954. 56 p.
10. Babkov I.I. *Klimat Kryima*. L.: Gidrometioizdat, 1961. 88 p.
11. Baron Sigizmund Gerbershteyn. *Zapiski o Moskovitskih delah*; Pavel Ioviy Novokamskiy. *Kniga o Moskovitskom posolstve*. SPb.: Izd-vo A.S. Suvorina, 1908. 382 p.
12. Berg L.S. *Klimat i zhizn*. M.: OGIZ, 1947. 356 p.
13. *Biblioteka inostrannyih pisateley o Rossii* / Trudami V. Semenova. SPb.: Izhdiveniem M. Kalistratova, 1836. T. 1. 553 p.
14. Buchinskiy I.E. *O klimate proshlogo russkoy ravninyi*. L.: Gidrometioiz-dat, 1957. 142 p.
15. Buchinskiy I.E. *Klimat Ukrainyi*. L.: Gidrometioizdat, 1960. 130 p.
16. Bush N.A. *Botaniko-geograficheskiy ocherk Evropeyskoy chasti SSSR*. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1935. 192 p.
17. Ved I.P. *Klimaticheskiy atlas Kryima*. Simferopol, 2000. 118 p.
18. *Vizantiyskie istoriki: Deksipp', Evnapiy, OlimpIodor', Malh', Petr' PatritsIy, Menandr', Kandid', Nonnos' i Feofan Vizantiets* / Perevod Spiridona Destunisa; primechaniya GvrIila Destunisa. SPb.: Izhdiven. Duhovnogo vedomstva, 1860. XIII, 516 p.
19. Gavrilyuk N. A. *Skotovodstvo Stepnoy Skifii*. K., 1995. (Prepr. / AN Ukrainyi. In-t arheologii; 930.26). 140 p.
20. Gadlo A.V. *Etnicheskaya istoriya severnogo Kavkaza IV–X vv.* L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1979. 216 p.
21. Gening V.F., Halikov A.H. *Rannie bolgaryi na Volge: Bolshe-Tarhanskiy mogilnik.* M.: Nauka, 1964. 212 p.
22. Georgi I.I. *Opisanie vseh obitayuschih v Rossiyskom gosudarstve narodov*. SPb., 1799. Ch. 2. 178 p.
23. Georgi I.I. *Opisanie vseh obitayuschih v Rossiyskom gosudarstve narodov.* SPb., 1799. Ch. 4. 385 p.
24. Gilom de Rubruk. Puteshestvie v Vostochnyie stranyi. M.: Myisl, 1997. P. 86–187.
25. Gumilev L.N. Istoriya kolebaniy urovnya Kaspiya za 2000 let (s IV v. do n. e. po XVI v. n. e.) // *Kolebaniya uvlazhnennosti Aralokaspiyskogo regiona v golotsene.* – M., 1980. P. 32–47.
26. Dimitrov D. Il. *Prab'lgarite po severnoto i zapadnoto Chernomorie.* Varna: Knigoizdatelstvo «Georgi Bakalov», 1987. 303 p.
27. Egorov V.L. *Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordyi v XIII – XIV vv.* M.: Nauka, 1985. 245 p.
28. *Izvestiya Al-Bekri i drugih avtorov o Rusi i slavyanah* / stati i razmyishleniya A. Kunika i barona V. Rozena. SPb., 1878. Ch. 1. 192 p.

29. *Izvestiya Anglichan o Rossii XVI v.: Chensler, Dzhenkinson, Randolf, Baus* / Per. s angl. S.M. Seredonina. M., 1884. 105 p.
30. Ioann Malala. *Hronografiya* // Prokopiy Kesariyskiy. Voyna s persami. Voyna s vandalami. Taynaya istoriya / Per. s grech., vstup. statya, komment. A.A. Chekalovoy. SPb.: Aleteyya, 2001. P. 465–503.
31. Iordan. *O proishozhdenii i deyaniyah getov*. M.: Izd-vo Vost. lit., 1960. 436 p.
32. Iordan. *Getika* / Vstup. Statya, perevod, komment. E.Ch. Skrzhinskoy. SPb.: Aleteyya, 2013. 505 p.
33. *Istoriya Bolgarii.* M.: Izd-vo AN SSSR, 1954. T. 1. 575 p.
34. Kazanskiy M.M., Mastyikova A.V. «Tsarskie» gunnyi i akatsiryi // *Gunnyi, gotyi i sarmatyi mezhdu Volgoy i Dunaem.* SPb.: Fakultet filologii i iskusstv SPbGU, 2009. P. 114–126.
35. Kislov A.V., Poltaraus B.V. O vremennoy uporyadochennosti kolebaniy klimata raznyih masshtabov // *Paleoklimatyi pozdnelednikovya i golotsena.* M.: Nauka, 1989. P. 44–47.
36. Klimanov V.A. Tsiklichnost i kvaziperiodichnost klimaticheskih kolebaniy v golotsene // *Paleoklimatyi pozdnelednikovya i golotsena.* M.: Nauka, 1989. P. 29–33.
37. *Kniga Marko Polo.* M.: Myisl, 1997. P. 190–380.
38. Komarov N.F. Etapyi i faktoryi evolyutsii rastitelnogo pokrova chernozemnyih stepey // *Zapiski vsesoyuznogo geograficheskogo obschestva. Novaya seriya.* T.13. M.: Gos. izd-vo geogr. lit., 1951. 328 p.
39. Konstantin Bagryanorodnyiy. *Ob upravlenii imperiey.* M.: Nauka, 1991. 496 p.
40. Kostin S.I. Kolebaniya klimata na Russkoy ravnine v istoricheskuyu epohu // *Trudyi glavnoy geofizicheskoy observatorii*. 1965. Vol. 181. P. 56–74.
41. Kudryashev K.V. Polovetskaya step // *Zapiski Vsesoyuznogo geograficheskogo obschestva.* Novaya seriya. T. 2. M.: OGIZ, 1948. 162 p.
42. Kulakovskiy Yu. *Istoriya Vizantii.* K., 1915. T. 3. 432 p.
43. Latyishev V.V. Izvestiya drevnih pisateley o Skifii i Kavkaze // *Vestnik drevney istorii.* 1948. Vol. 4 (26). – P. 223–298.
44. *Materialyi po istorii Turkmenii i turkmen*. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1939. T. 1. – 612 p.
45. Pallas P.S. *Nablyudeniya, sdelannyie vo vremya puteshestviya po yuzhnyim namestnichestvam russkogo gosudarstva v 1793–1794 godah* / Per. s nem. M.: Nauka, 1999. 246 p.
46. Pigulevskaya N. *Siriyskie istochniki po istorii narodov SSSR / AN SSSR*, In-t vostokoved. M.: Izd-vo AN SSSR, 1941. 171 p.
47. Plano Karpini. *Istoriya Mongalov.* M.: Myisl, 1997. P. 30–85.
48. Pletneva S.A. *Ot kocheviy k gorodam: Saltovo-mayatskaya kultura.* M.: Nauka, 1967. 198 p.
49. Pletneva S.A. *Polovtsyi*. M.: Nauka, 1990. 206 p.
50. Pletneva S.A. *Kochevniki srednevekovya: Poiski istoricheskih zakonomernostey.* M.: Nauka, 1982. 188 p.
51. Prokopiy iz Kesarii. *Voyna s gotami* / Per. S.P. Kondrateva. M.: Izd-vo AN SSSR, 1950. 515 p.
52. Prokopiy Kesariyskiy. *Voyna s persami. Voyna s vandalami. Taynaya istoriya* / Per. s grech., vstup. Statya, komment. A.A. Chekalovoy. SPb.: Aleteyya, 2001. 541 p.
53. Rauner Yu.L. Dinamika ekstremumov uvlazhneniy za istoricheskiy period // *Izvestiya AN SSSR: Ser. geograficheskaya.* 1986. Vol. 6. P. 5–22.
54. Romashev S.A. Bolgarskie plemena Severnogo Prichernomorya v V–VII vv. // *AEMA*. 1994. V. 8. S. 207–252.
55. Sergeev A. Nogaytsyi na Molochnyih vodah (1790 – 1832) // *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy Arhivnoy komissii*. 1912. Vol. 48. P. 1–144.
56. Smekalova T.N., Koltuhov S.G., Zaytsev Yu.P. *Atlas pozdneskifskih gorodisch Predgornogo Kryima*. SPb.: Aleteyya, 2015. 248 p.
57. Strabon. *Geografiya v 17 knigah* / Per., statya i komment. G.A. Stratanovskogo; Pod. red. prof. S.L. Utchenko. M.: Nauka, 1964. 943 p.
58. Syiroechkovskiy V.E. Muhammed-Geray i ego vassalyi // *Uchenyie zapiski MGU. Ser. istoriya.* 1940. T. 2. V. 61. P. 3–71.

59. Taskin V.S. Skotovodstvo syunnu po kitayskim istochnikam // *Voprosyi istorii i istoriografii Kitaya.* M.: Nauka, 1968. P. 21–44.
60. Tizengauzen V. *Sbornik materialov, otnosyaschihsya k istorii Zolotoy Ordyi.* SPb., 1884. T. 1. 563 p.
61. *Tipologiya lugov Ukrainyi i ih ratsionalnoe ispolzovanie* / L.S. Balashev, L.M. Sipaylova, V.A. Solomaha, Yu.R. Shelyag-Sosonko. K.: Naukova dumka, 1988. 236 p.
62. Tortika A.A., Miheev V.K. Metodika ekologo-demograficheskogo issledovaniya traditsionnyih kochevyih obschestv Evrazii // *Arheologiya Vostochnoevro-peyskoy lesostepi.* V. 15. Voronezh, 2001. P. 141–161.
63. Tyukova V.V., Gorobiy A.M. K voprosu o hozyaystvennom ispolzovanii zemel Severo-zapadnogo Priazovya // *Geograficheskoe obschestvo. Melitopolskiy otdel. Prirodnyie usloviya i hozyaystvo Severo-zapadnogo Priazovya*. L., 1972. V. 2. P. 47–51.
64. Fedorov-Davyidov G.A. *Kochevniki Vostochnoy Evropyi pod vlastyu Zoloto-ordyinskih hanov*. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1966. 274 p.
65. Fedorov-Davyidov G.A. *Obschestvennyiy stroy Zolotoy Ordyi*. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1973. 180 p.
66. Fedoseev A.P. Zonalnaya produktivnost rastitelnogo pokrova v svyazi s pokazatelem sootnosheniya tepla i vlagi // *Materialyi Harkovskogo otdela geograficheskogo obschestva SSSR*. Harkov, 1965. V. 2. P. 3–8.
67. Feofilakt Simokatta. *Istoriya* / Rech. N.V. Pigulevskoy, per. S.P. Kondrateva, primechaniya K.A. Osipovoy. M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. 224 p.
68. Flerov V.S. *Rannesrednevekovyie yurtoobraznyie zhilischa Vostochnoy Evropyi*. M.: B.i., 1996. 100 p.
69. Shvartsbah M. *Klimatyi proshlogo: Vvedenie v paleoklimatologiyu*. M.: Izd-vo inostr. lit., 1955. 283 p.
70. Shnitnikov A.V. Izmenchivost obschey uvlazhnennosti materikov severnogo polushariya // *Zapiski geograficheskogo obschestva SSSR.* Novaya seriya. L.: Izd-vo AN SSSR, 1957. T.16. 337 p.
71. Yatsenko A.V. O vodno-bolotnoy i lugovoy rastitelnosti Severo-zapadnogo Priazovya // *Geograficheskoe obschestvo. Melitopolskiy otdel. Prirodnyie usloviya i hozyaystvo Severo-zapadnogo Priazovya*. L., 1972. V. 2. P. 52–54.

Резюме

Анализируются историческая география, хозяйственная база и демографический потенциал кочевого населения Крыма в первой половине V – начале VII веков. В источниках есть ряд свидетельств, позволяющих выявить признаки экстенсивного кочевого скотоводства населения степей Восточной Европы в гуннскую эпоху и некоторые географические характеристики их среды обитания.

Общепризнанным является факт сильной зависимости кочевого хозяйства от ландшафтных и климатических условий, а также определены требования, предъявлявшиеся к зимним пастбищам. Они должны располагаться в местах с высокой травой, малоснежных, имеющих естественные убежища для скота на случай ветра и бури.

Характеристика природных условий Крыма с точки зрения возможности ведения кочевого хозяйства показывает, что они были засушливы, почти не пригодны для использования в летнее время. Оптимальный режим их использования кочевниками – в качестве зимних пастбищ.

По мнению специалистов, в рассматриваемый период состав степной растительности и ее продуктивность не должны были отличаться от современных показателей.

Имеющиеся данные можно использовать для вычисления экологически возможного кочевого населения территории степного Крыма первой половины V – начала VII веков.

В результате использования в качестве одного большого зимника степи Крыма могли

обеспечить кормами стадо, необходимое для существования 35– 50 тысяч человек. Учитывая общепринятый для кочевников коэффициент расчета военного потенциала от численности населения, равный 1/5, они могли выставить от 7 до 10 тысяч всадников.

Если кочевники оказывались замкнутыми на территории полуострова, то в степной его части могло безбедно существовать от 18 до 27 тысяч человек. Соответственно, они могли выставить от 3,6 до 5,4 тысячи воинов всадников.

Зимники Керченского полуострова могли обеспечить кочевое общество численностью от 5 до 8 тысяч человек, с военным контингентом от 1 до 1,6 тысячи всадников. Видимо, жители Боспора имели дело именно с такими отрядами. В случае присоединения к ним обитателей всего степного Крыма эта армия увеличивалась до 5–7 тысяч.

В приведенных расчетах не учитывались пастбищные ресурсы предгорий и долин, а также альпийские пастбища горного Крыма. Также не учитывались группы кочевников, перешедшие к оседлости или полуоседлости, занятию земледелием, рыболовством. Численность подобных групп не может быть определена при помощи формулы. Их система обеспечения построена на иных закономерностях.

Ключевые слова: кочевник, география, режим, сезонность, численность.

Summary

The article analyzes historical geography, economic base and demographic potential of nomadic population of the Crimea in the first half of the V – the beginning of VII ages. In sources there is a row of evidences, allowing find the signs of the extensive nomadic cattle breeding of population of steppes of Eastern Europe in Hunnic epoch and some geographical descriptions of their environment of dwelling.

The fact of strong dependence of nomadic economy from landscape and climatic terms is confessed. Requirements to winter pastures are determined. They must be disposed in places with high grass, little snow, natural shelters for cattle in case of wind and storm.

Description of environmental conditions of the Crimea shows from point of possibility of conduct of nomadic economy, that they were droughty, almost not suitable for the use in summer time. Optimum mode of their use by nomads was the use as winter pastures.

In opinion of specialists, composition of xeropolum and its productivity in an examined period did not differ from modern indexes.

Present data can be used for a calculation of ecologically possible nomadic population on the territory of steppe Crimea in the first half of the V – the beginning of the VII centuries.

As a result of the use as one large winter pastures, steppes of the Crimea could provide sterns herd, necessary for existence of 35–50 thousand people. Taking into account the coefficient of calculation of military potential generally accepted for nomads from the quantity of population, equal to 1/5, they could propose from 7 to 10 thousand riders.

If nomads appeared reserved on the territory of the peninsula, there could comfortably live from 18 to 27 thousand people in its steppe part. Accordingly, they could propose from 3.6 to 5.4 thousand warriors- riders.

The winter pastures of the Kerch peninsula could provide nomadic society a quantity from 5 to 8 thousand people, with a military contingent from 1 to 1.6 thousand riders. Apparently the habitants of the Bosporus dealt exactly with such detachments. In the case of tacking inhabitants of all steppes of the Crimea to them this army was increased to 5–7 thousands.

The pasture resources of foot-hills and valleys, and also alpine pastures of mountain Crimea,

have not been taken into account in the resulted calculations. Similarly, the groups of nomads passing to settled way of life or semi-settled way of life, to ploughing and fishing have not been taken into account. The quantity of similar groups cannot be found with the formula. Their system of providing was composed on other principles.

Key words: nomad, geography, mode, seasonality, quantity.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Тортика Александр Александрович, д. и. н., проф.
Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского,
Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Вернадского, 4
ведущий научный сотрудник.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Tortika Aleksandr, DSc, Prof.
Scientific Research Center for History and Archeology of Crimea
of Crimean Federal University of V.I. Vernadskiy,
Russian Federation, Republic of Crimea, Simferopol, Vernadskogo Avenue, 4
senior researcher.

Э.А. ХАЙРЕДИНОВА
E.A. KHAIREDINOVA

ПРЯЖКИ ТИПА «СИРАКУЗЫ» ИЗ КЕРЧИ[1]
«SYRACUSAE» BUCKLE TYPE FROM KERCH

Небольшие византийские пряжки, целиком отлитые из бронзы с овальным щитком, украшенным полупальметтами или стилизованным изображением листьев аканта, в эпоху раннего средневековья были одним из самых распространенных видов поясных застежек, бытовавших на широком пространстве от Пиренейского полуострова до Северного Кавказа и от Северной Африки до Южной Британии [Отчет 1890, с. 44, 139, рис. 122; Чаллань, 1954, с. 326; Werner, 1955, S. 37, 46, Karte 1; Riemer, 1995, Abb. 30; Riemer, 2000, S. 149-152, Abb. 16; Schulze-Dörrlamm, 2002, S. 176, Abb. 62; Kadioglu, Rummel, 2003, S. 119, Abb. 13; Таманский, 2003, табл. 64, 10; 73, 23; 77, 64; 78, 44; Дмитриев, 2003, с. 250, табл. 83, 17]. В специальной литературе для их обозначения зачастую используется введенный Й. Вернером термин – пряжки типа «Сиракузы» [Werner, 1955, S. 37]. А.И. Айбабин выделил названные пряжки в вариант II4-1 цельнолитых византийских застежек с овальным кольцом [Айбабин, 1990, с. 43], М. Шульце-Доррлямм – отнесла к типу D12 византийских застежек [Schulze-Dörrlamm, 2002, S. 171-179]. Вслед за Й. Вернером многие исследователи датировали пряжки типа «Сиракузы» концом VI – первой половиной VII вв. [Werner, 1955, S. 37; Чаллань, 1954, с. 329–330; Vinski, 1974, с. 25; Garam, 2001, S. 95; Kadioglu, Rummel, 2003, S. 108]. После того как в Коринфе и на Самосе пряжки были найдены в могилах с монетами Константа II (641–668 гг.) [Pallas, 1981, p. 298], некоторые исследователи продлили время их бытования до третьей четверти VII в. [Schulze-Dörrlamm, 2002, S. 179, 247; Eger, 2010, S. 135]. А.И. Айбабин привел убедительные доказательства того, что пряжки типа «Сиракузы» носились на протяжении всего VII в. [Айбабин, 1990, с. 43, рис. 2,122; 42,6,7]. Новые находки пряжек из могильников Баклинский овраг и у с. Лучистое позволяют говорить о том, что в Юго-Западном Крыму пряжки использовались и в начале VIII в. [Хайрединова, 2010, с. 136].

В Крыму пряжки типа «Сиракузы» найдены в Херсоне, в гото-аланских могильниках Юго-Западного Крыма и на Боспоре [Айбабин, 1990, с. 43; Хайрединова, 2008, с. 165–167, рис. 1,9; Хайрединова, 2010, с. 133–136, ил. 3; 4; Chajredinova, 2010, S. 69–76]. До недавнего времени пряжки из Керчи этого типа

[1] Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 2015/701-3 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

были известны в основном по экземплярам из коллекций нескольких европейских музеев. По две пряжки хранится в Британском музее (рис. 1,4) [Riemer, 1995, S. 800, Nr. 57] и Римско-германском центральном музее г. Майнца (рис. 2,3; 3,3) [Schulze-Dörrlamm, 2002, S. 171, Kat.Nr. 142-143], по одной – в Берлине, в Музее доисторического периода и ранней истории [Чаллань, 1954, с. 317, 328, табл. II, 9] и в Оксфорде, в Эшмоловском музее искусства и археологии [Mac-Gregor, 1997, S. 241, Nr. 1909.805]. Пряжки коллекции Британского музея происходят из раскопок Д. Мак-Ферсона, проводившихся в 1855 г. в Керчи, оккупированной союзными войсками в ходе Крымской войны (рис. 1,4) [Мак-Ферсон, 2008, ил. V]. Обстоятельства находки остальных пряжек не установлены. Кроме перечисленных, известна еще одна пряжка типа «Сиракузы», обнаруженная в 1955 г. в плитовой могиле 36 некрополя на горе Митридат [Якобсон, 1959, с. 274, прим. 2]. Пряжка и материалы этого погребения не опубликованы.

В 2007 г. экспедицией Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины под руководством А.И. Айбабина на нижней террасе юго-восточного склона горы Митридат, в Босфорском переулке, исследовался участок раннесредневекового некрополя [Айбабин, Хайрединова, 2009, с. 15-16; Айбабин, Хайрединова, 2015, с. 354–355, 363, рис. 1]. В пяти плитовых могилах (№№1, 23, 29, 42 и 64) было выявлено *in situ* семь пряжек типа «Сиракузы» (рис. 4; 5) [Хайрединова, 2013, с. 308, 311, рис. 1,А-С; 4,29,6]. В предлагаемой статье публикуются новые находки, рассматриваются их морфологические особенности, выявляется круг аналогий, обосновывается датировка, изучается назначение в костюме разных половозрастных групп населения.

Типология и хронология пряжек

По декору, форме и размерам найденные в Керчи пряжки типа «Сиракузы» представлены тремя вариантами.

К варианту 1 отнесены пряжки из могил 1 (рис. 2,2), 23 (рис. 2,1), 29 (рис. 1,3), 42 (рис. 1,1,2) и хранящиеся в коллекциях Британского музея (рис. 1,4) и Римско-германского центрального музея г. Майнца (рис. 2,3). Они отлиты из бронзы с овальной, граненой рамкой и овальным, вытянутым в длину щитком с небольшим прямоугольным выступом на завершении. На прилегающей к рамке части щитка изображены листья на изогнутых стеблях, соединяющихся в центральном поле щитка. Вдоль краев щитка вырезаны стебли, завершающиеся двумя крупными листьями, расположенными зеркально друг другу. На передней стороне рамки прорезаны вытянутые треугольники (рис. 1,1; 2,2,3) или небольшие кружки (рис. 1,2). Язычок большинства пряжек граненый, отлитый с двумя небольшими квадратными выступами на верхней стороне. У пряжек из могилы 42 язычки были сделаны из бронзовой круглой в сечении проволоки (рис. 1, 2) или из железного стержня (рассыпался при реставрации) (рис. 1,1). На обратной стороне щитка напаяны две прямоугольные пластины с круглыми отверстиями для крепления на ремне. Размеры пряжек: длина 4,8-5,0 см; ширина рамки 3,1-3,4 см, щитка – 2,3-2,7 см.

Описанные застежки относятся к самому распространенному варианту пряжек типа «Сиракузы» [Schulze-Dörrlamm 2002, S. 171–179; Eger 2010, pl. 15]. В Юго-Западном Крыму их найдено около сотни: в некрополе Херсона [Якобсон, 1959, с. 273–275, 139, 1,2; Византийский, 1991, с. 71, кат. №67] и в гото-аланских могильниках Сахарная Головка [Веймарн, 1963, с. 53, рис. 11,1], на склонах Эски-Кемена [Репников, 1932, с. 160, 169; Айбабин, 1990, с. 221, рис. 42,6; Айбабин, 1991, с. 237, рис. 2,3] и Чуфут-Кале [Айбабин, 1982, с. 167, рис. 1,11], на некрополях Мангупа – Алмалык и Адым-Чокрак [Сидоренко, 1984, с. 329, рис. 3; Герцен, 2013, с. 45, рис. 1; Bemmann, 2013, S. 155, Abb. 8, 1; Gertsen, 2015, p. 29, fig. 3,3], у с. Малое Садовое [Омелькова, 1990, рис. 1,43; 6,36; 10,41], Узень-Баш [Айбабина, 1993, с. 364, рис. II, 7; V, 4,9], у с. Аромат [Лобода, 1976, с. 139-140, рис. 4,2,3,5; 5,24], Скалистое [Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 28,8; 31,5; 47,12; 85,4], Симеиз [Турова, 2014, с. 141, рис. 1, кат. 1-6], Суук-Су [Репников, 1906, табл. X, 19; Репников, 1909, с. 105, могила 191; Банк, Бессонова 1977, с. 121-122, кат. №172в], Артек [Репников, 1906, с. 37, №25], Алония [Турова, Черныш, 2015, рис. 18,85,86] и у с. Лучистое [Khaïrédinova, 2007, p. 30, fig. 3,18,24; Айбабин, 1994/1995, с. 150, рис. 6,2,4,5; Айбабин, Хайединова, 2008, рис. 17,16,17,21; 18,23; 19,3,7,11; 21,12,16,25; 22,6; 23,2-5; табл. 4,8; 41,9; 42,6; 49,14; 122,4; 129,6; 130,1; 147,11; Айбабин, Хайединова, 2014, табл. 6,3; 7,6; 14,4,9; 62,5; 68,3,7,8; 100,7; 102,11; 142,1; 210,4,5,7,8; 217,1-4; 229,5,6; 236,5]. Недавняя находка пряжки варианта 1 на поселении Завал-Восточное, на северо-восточной оконечности Керченского полуострова [Бейлин, Понамарев, 2012, с. 24, рис. 2,1] позволяет говорить о распространении этого вида застежек не только у горожан, но и у сельского населения из окрестностей Боспора.

Й. Вернер, обосновывая дату появления пряжек типа «Сиракузы», отметил факт их отсутствия в византийских крепостях Подунавья, погибших в самом конце VI в. [Werner, 1955, S. 39]. Некоторые из крепостей Дунайского лимеса, например Царичин Град, продолжали свое существование до 614-615 гг., однако и в них пряжки типа «Сиракузы» не найдены. На исследованном участке некрополя в Босфорском переулке стали хоронить в начале VII в. Могилы впущены здесь в засыпь разрушенных жилых и хозяйственных построек, функционировавших до самого конца VI в. [Айбабин, Смокотина, Хайединова, 2008, с. 5, 7; Смокотина, 2008, с. 122–123]. В Коринфе пряжка типа «Сиракузы» варианта 1 найдена в одной из могил у базилики Кранейон с монетами Константа II (641–668 гг.) [Pallas, 1981, p. 298], на Самосе – в могилах №3 с монетами Ираклия 611/12 гг. и 613/14 гг. и №4 с монетами Ираклия 613–616 гг. и 615/16 гг. и Константа II, из которых самая ранняя – 643/44 гг., а самая поздняя – 659–665 гг. [Martini, Steckner, 1993, S. 124–126], на Крите и в Сирии – в слоях VII в. [Chavane, 1975, p. 163; Poulou-Papadimitriou, 2005, p. 694], на Афинской Агоре в слое с монетами 711/713 гг. [Pallas, 1981, p. 298, Anm. 18]. В Юго-Западном Крыму большинство пряжек происходит из комплексов 8-ой и 9-ой хронологических групп раннесредневековых древностей Крыма, датированных первой и второй половиной VII в. соответственно [Айбабин, Хайединова,

2008, с. 56–61]. Время бытования пряжек наглядно демонстрируют их находки в могильнике у с. Лучистое, в склепах с многослойными захоронениями. Самые ранние пряжки зачищены в склепах 38 и 113, в слоях с погребениями, содержавших орлиноголовые пряжки 2-го варианта конца VI – первой четверти VII вв. [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 37, рис. 19,11,17; табл. 127,15]. В склепе 43, использовавшемся на протяжении всего VII в., выявлено три слоя с остатками десяти захоронений. Пряжки варианта 1 лежали на костяках нижнего слоя с инвентарем первой половины VII в. и в погребениях верхнего слоя последней четверти VII в. [Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 10–12, рис. 1,12–14,24,26,27; табл. 2,13,15,16; 4,17,18,22]. В склепе 54 в конце VI–VIII вв. похоронили двадцать два человека, чьи тела уложили в четыре слоя. Здесь интересующие нас пряжки были выявлены в погребениях третьего слоя с инвентарем первой четверти – середины VII в. [Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 16–20, рис. 3,16,23,37; табл. 49,4,19,37,39]. В склепах 38, 228, 232, 238 погребения с пряжками типа «Сиракузы» перекрывали захоронения с орлиноголовыми пряжками 5-го варианта второй половины VII в. [Айбабин, Хайрединова, 2008, рис. 13,3; 19,3; 23,2–5], в склепе 122А – захоронение с подвеской из потертого фоллиса Юстиниана II, выпущенного в 686 г. В могильнике Узень-Баш, в склепе 1/1926 г., пряжка типа «Сиракузы» найдена вместе с другими византийскими застежками конца VII–IX вв. [Айбабина, 1993, рис. II, 7]. По форме и пропорциям пряжка отличается от ранних экземпляров: прилегающая к кольцу часть щитка сделана без выступов, щиток вытянут, а в его центре два круглых отверстия. Узор на щитке сделан схематично и листья аканта скорее угадываются. Описанная пряжка из Узень-Баша является самым поздним образцом местного производства застежек типа «Сиракузы». Приведенные аргументы позволяют говорить о том, что пряжки типа «Сиракузы» варианта 1 бытовали на протяжении всего VII в., а в Юго-Западном Крыму их продолжали носить еще и в начале VIII в.

К варианту 2 относятся две пряжки – из могилы 1 (рис. 3,1) и из коллекции Римско-германского центрального музея г. Майнц (рис. 3,3). По форме, размерам и способу крепления на ремне они идентичны застежкам варианта 1, но отличаются декором. В центральной части щитка между листьями аканта изображен стилизованный цветок или завязь цветка, а на пространстве около язычка и рамки – орнамент из кружков, треугольников и завитков (рис. 3,1,3). Такой же геометрический декор присутствует на боковых сторонах щитка и на передней стороне рамки. Язычок пряжки из Римско-германского центрального музея, как и у остальных однотипных застежек, отлит с двумя небольшими квадратными выступами на тыльной стороне (рис. 3,3). Язычок пряжки из могилы 1 сделан из сегментовидной в сечении бронзовой проволоки (рис. 3,1).

Различия в декоре щитка пряжек типа «Сиракузы» отметил Д. Чаллань, считавший экземпляры варианта 2 более поздней и более высокой степенью развития [Чаллань, 1954, с. 329]. Однако в Крыму пряжки с декором обоих вариантов найдены в комплексах одних и тех же хронологических групп, а зачастую и в одном погре-

бении, что указывает на их одновременное существование [Айбабин, Хайединова, 2008, с. 56, 58]. В Босфорском переулке, в могиле 1 (рис. 4,3,4), и в Лучистом, в склепах 43 [Айбабин, Хайединова 2014, табл. 7,6,7; 14,8,9] и 223, пряжки обоих вариантов лежали на одном костяке. В крипте церкви святой Фёклы в Мериамлике (Силифке, Турция) пряжки двух вариантов также найдены вместе [Sodini, 1987, p. 252-253, pl. LXIV, 1,3]. Использованные в декоре пряжек варианта 2 элементы часто встречаются в орнаменте византийских золотых ювелирных изделий – на медальонах, подвесках и крестах из кладов VI–VII вв. и на щитках шарнирных пряжек VII в., принадлежавших знати [Банк, Бессонова, 1977, с. 118, каталог № 161б,в; Brown, 1984, pl. III. 9. 12; Andrási, Aibabin, 2008. Pl. 45, Cat.No85; Айбабин, Хайединова, 2005, рис. 1; 3,1,2]. Видимо, мастера, делавшие пряжки варианта 2, копировали декор элитных украшений.

В Крыму пряжки варианта 2 выявлены в Херсоне, в квартале XXII, в цистерне Б [Залесская, 2006, с. 119, кат. № 203] и в гото-аланских могильниках на склоне Эски-Кемена [Айбабин, 1990, с. 221, рис. 42,7; Khaïrédinova, 2007, p. 30, fig. 3,34], у с. Аромат [Лобода, 1976, с. 139-140, рис. 4,4; 5,23], в Баклинском овраге [Айбабин, 1993, рис. 50,2] и у с. Лучистое [Айбабин, Хайединова, 2014, табл. 7,7; 14,8; 206,5; 210,6,9; 249,14]. В Лучистом они составляют около 15% от общего числа найденных в могильнике пряжек типа «Сиракузы», а на склоне Эски-Кермена – около 14%.

Для хронологии застежек варианта 2 показательны находки в могильнике у с. Лучистое, в погребениях с орлиноголовыми пряжками, типология и хронология которых детально разработана [Айбабин, 1990, с. 33; Айбабин, Хайединова, 2008, с. 20–22, рис. 12]. Самая ранняя пряжка типа «Сиракузы» варианта 2 найдена в склепе 154, в погребении 2 с орлиноголовой пряжкой 2-го варианта конца VI – первой четверти VII в. [Айбабин, 1990, с. 33–34, рис. 2,90; 30,2; 31,1; Айбабин, Хайединова, 2008, с. 21, рис. 12,21] и с двумя днепровскими фибулами – пальчатой 1-го типа и с бордюром из птичьих голов 3-го типа, появившимися в регионе в начале VII в. [Айбабин, Хайединова, 2008, с. 21, 29, рис. 12,23,24]. В склепе 154 погребение 2 перекрывало женское захоронение 6 с однотипной орлиноголовой пряжкой 2-го варианта. Поскольку интересующее нас погребение 2 совершено позже, то и датировать его следует поздним периодом бытования орлиноголовых пряжек 2-го варианта – то есть первой четвертью VII в. [Хайединова, 2010, с. 137, ил. 5,4].

В склепе 122а пряжка типа «Сиракузы» лежала в слое 5 на костяке 12 с орлиноголовой пряжкой 3-го варианта второй четверти VII в.; в склепе 95 – в слое с орлиноголовой пряжкой 4-го варианта второй половины VII в.; в склепе 223 – на костяке 1, в слое 1, перекрывавшем слои 2 и 3 с погребением 8 с орлиноголовой пряжкой 5-го варианта второй половины VII в.; в склепе 43 – в слоях 1 и 3, между которыми в слое 2 была захоронена женщина с орлиноголовой пряжкой 4-го варианта второй половины VII в. [Айбабин, Хайединова, 2014, с. 11, рис. 1,12,16,26]. В Баклинском овраге, в могиле 11а, пряжка типа «Сиракузы» обнаружена вместе с литой антропоморфной фибулой [Айбабин, 1993, рис. 50,2,3], аналогичной застеж-

кам из Пастырского городища конца VII – первой половины VIII вв. [Приходнюк, 2005, с. 200, рис. 97,11].

Таким образом, пряжки типа «Сиракузы» вариантов 1 и 2 бытовали одновременно и имели общий ареал распространения. При этом застежки варианта 1 преобладали в количественном отношении.

К варианту 3 отнесена пряжка из могилы 64 (рис. 3, 2). Она отлита из белого металла (оловянистой бронзы?) с овальной граненой рамкой, переходящей в почти круглый щиток с небольшим прямоугольным выступом на завершении. В отличие от пряжек варианта 1 и 2 пряжка из могилы 64 не имеет в месте перехода рамки в щиток небольшие дуговидные выступы на боковых сторонах. Орнамент пряжки подобен декору застежек варианта 2. Центральное поле щитка занимает стилизованное изображение завязи цветка, ограниченное с двух сторон листьями аканта, расположенными зеркально друг к другу. На боковых сторонах щитка вырезаны треугольники и кружочки, на передней стороне рамки видны небольшие черточки от геометрического орнамента. Размеры пряжки: длина 5,3 см; ширина рамки 3,7 см, щитка – 3,0 см. На обратной стороне щитка у его краев напаяны три пластинчатые петли с круглыми отверстиями для крепления на ремне.

Это самая редкая разновидность пряжек типа «Сиракузы». Известно лишь несколько подобных изделий, найденных в Италии, Тунисе, Египте, Израиле и в Турции [Чаллань, 1954, с. 317, 328, табл. III,6; Werner, 1955, S. 37, Taf. 8,14; Schulze-Dörrlamm, 2002, S. 175, Kat.Nr. 153; Eger, 2010, p. 135, Pl. 4; 15, 99–105]. Керченская находка свидетельствует о значительно более широком, чем считалось ранее, ареале распространения подобных пряжек. Близость декора на пряжках вариантов 2 и 3 позволяет говорить об их одновременном существовании. В могиле 64 вместе с пряжкой найдены 14-гранные бусины из темно-синего глухого стекла (рис. 4,8). В Юго-Западном Крыму наборы таких бусин использовали в нагрудных ожерельях второй половины VI – первой половины VII вв. [Хайрединова, 2000, с. 105, рис. 10,10; Айбабин, Хайрединова, 2008, табл. 144, 5b; 149, 2d; Айбабин, Хайрединова, 2014, табл. 171,2; 198,7; 199,7; 250,7,13,16,24,26], а единичные их экземпляры продолжали носить и во второй половине VII в. [Айбабин, Хайрединова, 2008, табл. 36,5]. В Босфорском переулке в 2,0 м к северо-востоку от могилы 64 находилась могила 71, в которой найден фоллис Ираклия (610–641 гг.) или Константа II (641–668 гг.) [Хайрединова, 2013, рис. 3,3; Айбабин, Хайрединова, 2015, с. 363, рис. 1,64,71]. Находка позволяет говорить о том, что участок некрополя с могилами 64 и 71 начал использоваться не раньше 610 г. Скорее всего, погребение в могиле 64 было совершено во второй четверти – второй половине VII в.

Производство пряжек

Пряжки типа «Сиракузы» были изделиями массового производства, рассчитанными на торговлю. Д. Чаллань считал, что обилие одинаковых по форме и декору, по материалу и технике изготовления пряжек свидетельствует об их централизованном

производстве в Константинополе [Чаллань, 1954, с. 326]. По мнению Й. Вернера, однообразие типов византийских пряжек и отсутствие индивидуальных черт работы свидетельствуют о том, что их производили ремесленники в литейных мастерских по всему византийскому миру [Werner, 1955, S. 38].

Большинство найденных в Крыму цельнолитых пряжек были привозной византийской продукцией [Якобсон, 1959, с. 273; Айбабин, 1990, с. 70; Айбабин, 1999, с. 141–142]. По импортным образцам пряжки типа «Сиракузы» изготовляли в Херсоне. Химический состав найденных на городище остатков литейного производства (слитков и полуфабрикатов) и пряжек типа «Сиракузы» идентичен. Последние могли отливать в городских мастерских из привозившегося из Малой Азии сырья [Кадеев, 1970, с. 43, 60; Айбабин, 1982а, с. 190, 196; Aibabine, 1993, p. 167; Айбабин, 1999, с. 168]. Находки бракованных экземпляров, собственная интерпретация стандартного декора, не характерные для импортных образцов метки мастеров позволили предположить наличие собственного производства названных пряжек и в Юго-Западном Крыму, в регионе проживания гото-аланского населения [Хайрединова, 2010, с. 140-141; Chajredinova, 2010, S. 87–88, Abb. 6; 7].

На исследованном в Босфорском переулке участке некрополя найдено девять ви-зантийских цельнолитых застежек, из которых семь – пряжки типа «Сиракузы». Судя по количеству находок, именно этот тип поясных застежек пользовался наибольшей популярностью у жителей Боспора. Скорее всего, пряжки привозили вместе другими товарами из Византии. О существовании торговых контактов Боспора с различными регионами империи в VII в. свидетельствуют находки в слоях и в плитовых могилах этого времени импортных сосудов и металлических аксессуаров одежды [Айбабин, 1990, с. 45, рис. 44, 1; Айбабин, 1999, с. 139-142, рис. 55; 56]. До середины VII в. на Боспор привозили амфоры с вином из Киликии и Кипра [Смокотина, 2014, с. 74]. Напомним, что в этих регионах известны находки пряжек типа «Сиракузы» [Chavane, 1975, p. 162–163, N466, pl. 46, 466; 69, 466; Sodini, 1987, p. 252–253, pl. LXIV, 1,3].

По привезенным из Византии образцам пряжки могли делать и на месте. В эпоху раннего средневековья Боспор был крупным центром ювелирного производства, в мастерских которого отливали металлические детали одежды и украшения [Aibabine, 1993, p. 164–165; Айбабин, 1999, с. 141–142]. Местные ювелиры изготавливали из медных сплавов большие орлиноголовые пряжки и пальчатые фибулы различных вариантов. Боспорские пальчатые фибулы были в ходу не только у горожанок, но и поступали в Юго-Западный Крым, жительницы которого использовали их в местном традиционном костюме [Хайрединова, 2000, с. 95, рис. 11,1,3; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 28, рис. 12,16,17,38,39]. В Керчи найдена каменная литейная форма для изготовления пальчатых бронзовых фибул [Айбабин, 1999, с. 142]. В VII в. жительницы Боспора носили сделанные местными мастерами по византийским образцам перстни с изображением ангела или святого всадника [Хайрединова, 2014, с. 444–448, рис. 2,1,2,5; 3,1,6; 5,1; 6,2,3].

Использование пряжек в костюме

В эпоху раннего средневековья жители Боспора хоронили умерших в прижизненной одежде, а не в специально сделанном для погребения одеянии. Об этом свидетельствуют следы поношенности и ремонта на металлических аксессуарах. На трех пряжках типа «Сиракузы» поломанные литые язычки заменены кусками железной или бронзовой проволоки (рис. 1,1,2; 3,1). Однотипные происходящим из захоронений пряжки выявлены и на поселениях [Бейлин, Пономарев, 2012, с. 24, рис. 2,1], что подтверждает их использование в повседневной жизни.

Пряжки типа «Сиракузы» вариантов 1 и 2 предназначались для ремня шириной 2,1-2,4 см. На ремне они крепились при помощи двух пластинчатых петель, припаянных на обороте щитка (рис. 5,2). В петли вставлялся бронзовый, деревянный или железный стержень (рис. 5,2,II,III). Деревянный стержень полностью сохранился в петлях пряжки из могилы 23 (рис. 5,3). Остатки дерева зафиксированы в петлях пряжек из могил 1 и 29. По находкам из Юго-Западного Крыма известно, что некоторые пряжки просто пришивали к ремню [Хайрединова, 2010, ил. 3,4]. Найденная в могиле 64 пряжка варианта 3 служила для застегивания более широкого ремня (около 3,0 см) (рис. 5, 1). Пряжки этого варианта были более массивными, поэтому для их крепления на ремне на обороте щитка припаивали по три пластинчатые петли с отверстием. В петли вставляли два деревянных стержня: один – поперек, второй – вдоль щитка (рис. 5, III). Такой способ крепежа пряжки прослежен по остаткам деревянных стержней в отверстиях на пластинчатых петлях.

Пряжка типа «Сиракузы» была универсальной застежкой – ее носили и мужчины, и женщины, и дети [Хайрединова, 2008, с. 165–167]. В Керчи пряжки найдены в детском (рис. 6,23), женском (рис. 6,29) и трех мужских погребениях (рис. 4).

В двух мужских погребениях из могил 1 и 42 выявлено по две пряжки (рис. 4,1–4). В могиле 1 мужчину похоронили со сложенными на животе руками (рис. 4,1). Поэтому пряжки оказались под костями рук: одна – под левой локтевой, вторая – под фалангами пальцев на тазовых костях (рис. 4,3,4). В могиле 42 мужчину захоронили с вытянутыми вдоль туловища руками (рис. 5,42). Пряжки лежали на расстоянии 0,1 м друг от друга, одна – на поясничных позвонках, вторая – на крестце (рис. 4,1,2). Одна пряжка предназначалась для поясного ремня, вторая – для ремня от штанов (рис. 7,1). Судя по расположению пряжек в погребении (кольцом влево), оба ремня застегивались справа налево. О том, как ремень фиксировался на штанах, можно судить по иконографическим данным. На фресках гробницы IV в. из Силистры (Дуросторума) изображены слуги, подающие одежду своему господину [Frova 1943, fig. 9; Хайрединова, 2013, с. 308, рис. 1,D]. У одного из слуг через плечо перекинуты господские штаны и хорошо видно, что ремень на них продет через специально нашитые поверх штанов петли – шлевки и застегнут на пряжку. Шлевки удерживали ремень в определенном положении.

В мужском погребении из могилы 64 в области пояса зачищены: пряжка из белого металла типа «Сиракузы» (рис. 4,7), две 14-гранные бусины из темно-синего

глухого стекла (рис. 4,8), железные нож (рис. 4,10), шило (рис. 4,6), кресало с двумя кремнями (рис. 4,9) и фрагмент ножа (рис. 4,5). Пряжкой застегивался поясной кожаный ремень шириной 3,0 см, к которому были подвешены необходимые в повседневной жизни предметы (рис. 7,2). На поясе справа мужчина, погребенный в могиле 64, носил прикрепленные отдельно нож и шило. Небольшой острый нож (длина лезвия 9,5 см) предназначался, скорее всего, для разрезания пищи. По существу, это был столовый прибор, единственный для той эпохи [Горбачева, 2000, с. 28]. Рукоять ножа была сделана из дерева – ее остатки зафиксированы на черешке. Деревянную рукоять закрепляли железной заклепкой. На лезвии ножа прослежены остатки деревянных ножен. Возможно, деревянные ножны обтягивали кожей или тканью. Следы таких ножен отмечены в одной из могил на северо-восточном склоне горы Митридат [Блаватский, 1962, с. 7, 38]. В представленной нами реконструкции (рис. 7,2) за образец ножен взяты полностью сохранившиеся изделия подобного рода из раннесредневековых погребений алано-адыгского могильника Мощевая Балка на Северном Кавказе [Иерусалимская, 2012, с. 256–259, ил. 149; 150; 152; 153]. Шило сделано из железного стержня с круглой в сечении и заостренной рабочей частью (длиной 4,35 см) и овальным в сечении черешком (длиной 3,5 см) (рис. 4,6). В эпоху раннего средневековья такие шилья были широко распространены в Крыму [Khaïrédinova, 2007, p. 33, fig. 6, 5,13,27]. Как правило, они входили в набор «мужских» повседневных принадлежностей, носившихся на поясе или в специальных поясных сумочках. Рукояти шильев, как и чехол для игольной части, делали из дерева.

Слева к поясу была подвешена небольшая кожаная или тканая сумочка, заменявшая карман (в те времена карманы в одежде не делали). В ней находился набор для высекания огня, состоявший из кресала и двух кремней (размеры: 1,8 х 2,8 см и 2,7 х 4,0 см). В качестве кресала использовали две железные небольшие пластины. Одна из них – прямоугольной формы размерами 2,5 х 7,3 см (рис. 4,9). Вторая сделана из обломка старого ножа размерами 1,75 х 8,4 см (рис. 4,5). Остатки сумочек в виде темно-коричневого органического тлена часто фиксируются в погребениях. В одной из плитовых могил, раскопанной на северо-восточном склоне горы Митридат, В.Д. Блаватский отметил «на верхней части левого бедра остатки кожаного кошелька» [Блаватский, 1962, с. 33]. В могиле 64 рядом с кресалом лежали две 14-гранные бусины (длиной 1,65 и 1,95 см) (рис. 4,8), предназначавшиеся для украшения сумочки или, как представлено в нашей реконструкции, – для ее застегивания.

Бронзовые пряжки типа «Сиракузы» выявлены в погребениях мужчин 35–39 лет (могила 42) или 35–40 лет[2] (могилы 1 и 64), тогда как в захоронениях более молодых мужчин – 25–35 лет в области пояса лежали железные трапециевидные пряжки [Хайрединова, 2013, с. 287, 308–310, рис. 1–3]. Мужчины постарше – 35–40 лет носили два одинаковых ремня с бронзовыми пряжками, один – поверх рубахи, второй – на штанах (рис. 1). Этот костюмный комплекс престижней и, вероятно, характерен

[2] Возраст и пол погребенных определены В.Ю. Радочиным [Радочин, 2013, с. 218, 226, 227, 232, 240].

для рядового зажиточного населения. Отметим, что мужчины с двумя бронзовыми пряжками похоронены в плитовых могилах, тогда как носители поясов с железной пряжкой – в простых грунтовых могилах. Не исключено, что различия в двух костюмных комплексах связаны не только с имущественным, но и с общественным положением владельца.

Только одна пряжка типа «Сиракузы» найдена в женском погребении. В могиле 29 женщину 20–25 лет похоронили в одежде, подпоясанной узким ремнем с пряжкой (рис. 6,29,2). Судя по расположению пряжки, женский пояс застегивали справа налево, так же, как и мужские пояса (рис. 6,Б). В могиле 23 пряжка типа «Сиракузы» лежала в погребении мальчика 4-5 лет (рис. 6,23).

Интересно, что и у населения Юго-Западного Крыма пряжка типа «Сиракузы» была распространенной застежкой, использовавшейся в одежде и мужчин, и женщин, и детей. Начиная с середины VI в. и вплоть до конца VII в. замужние женщины Юго-Западного Крыма носили парадный костюм, состоявший из подпоясанного широким ремнем с большой пряжкой верхнего платья и из наплечной накидки, которую, как правило, пристегивали к платью парой одинаковых фибул. В традиционном местном женском костюме с большой поясной пряжкой небольшие пряжки типа «Сиракузы» использовались в качестве застежки для сумочки или для узкого ремня с ножом [Chajredinova, 2010, Abb. 8, II; 9, 4]. К концу VII в., когда большие поясные застежки вышли из моды, их место в женском костюме заняли пряжки типа «Сиракузы». Это изменение в моде наглядно демонстрируют находки из склепов с многослойными погребениями из Лучистого. В склепах 38, 122А и 232, в женских погребениях из нижних слоев лежали большие пряжки, а в перекрывавших их женских захоронениях из верхних слоев зафиксированы только пряжки типа «Сиракузы» [Chajredinova, 2010, Abb. 10; Айбабин, Хайрединова, 2008, рис. 19,3,4,6,7; 23,2-5,7,8,12]. В костюме детей и подростков пряжки типа «Сиракузы» использовались в основном в качестве застежки для поясного ремня.

В костюме мужчин-воинов, носивших наборные пояса со свисающими короткими ремешками с металлическими наконечниками, пряжка типа «Сиракузы» встречается только один раз (могильник у с. Лучистое, склеп 95). В названном случае ею застегивали не основной ремень, а только сумочку с кресалом. В костюме гражданских мужчин пряжка типа «Сиракузы» была застежкой для пояса, реже – для сумочки с кресалом и инструментами. Довольно часто в погребениях мужчин и детей лежали по две пряжки типа «Сиракузы» [Айбабин, Хайрединова, 2014, табл. 2,15,16; 4,17,18; 7,6,7; 14,8,9; Турова, Черныш, 2015, с. 167, рис. 20,85,86]. Одна из них предназначалась для поясного ремня, вторая – для сумочки или штанов. В Лучистом, в склепе 265, в одном из погребений ребенка в области пояса зачищены три пряжки типа «Сиракузы». Одна из них служила для застегивания поясного ремня, вторая – для ремешка, на котором крепился нож, третью, поломанную пряжку использовали в качестве наконечника ремня [Chajredinova, 2010, Abb. 8, I]. Для этого щиток пряжки пришили к поясу узкими кожаными ремешками, следы от которых сохранились на поверхности.

Подводя итоги, можно отметить следующее. В VII в. жители Боспора использовали в своей одежде металлические аксессуары и украшения, привезенные из Византии либо изготовленные местными мастерами по импортным прототипам. Особой популярностью у рядового зажиточного населения пользовались небольшие, отлитые из бронзы пряжки типа «Сиракузы». Их предпочитали носить мужчины 35–40 лет, используя в качестве застежки для поясного ремня, опоясывающего верхнюю одежду, и для ремня на штанах. Значительно реже пряжка типа «Сиракузы» встречается в костюме женщин и детей. Распространение византийских пряжек у боспорян – яркий показатель влияния византийской моды на городской костюм. Можно говорить о том, что в VII в. городское население Боспора одевалось так же, как и жители Византийской империи.

Найденные в Керчи бронзовые цельнолитые пряжки типа «Сиракузы» представлены в основном распространенными стандартными вариантами (рис. 1; 2; 3,1,2), производившимися в ремесленных мастерских по всему византийскому миру. Особо отметим пряжку из могилы 64, отнесенную нами к варианту 3 (рис. 3, 2), которая является пока единственной находкой подобного рода в Крыму, зафиксированной *in situ*. Аналогичные изделия редко встречаются и на византийских памятниках. Находки пряжек типа «Сиракузы» на Боспоре свидетельствуют о существовании в VII в. развитых торговых связей между городом и различными регионами Византийской империи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А.И. Погребения конца VII – первой половины VIII вв. в Крыму // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков: [сб. научн. трудов / отв. ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели]. М.: Наука, 1982. С. 165–192.

Айбабин А.И. О производстве поясных наборов в раннесредневековом Херсоне // СА. 1982а. № 3. С. 190–198.

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Симферополь: Таврия, 1990. Вып. I. С. 3–86.

Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. Симферополь: Таврия, 1991. Вып. II. С. 43–51, 236–242.

Айбабин А.И. Отчет о раскопках средневекового могильника в Баклинском овраге и в г. Боспоре в 1992 году. Симферополь, 1993.

Айбабин А.И. Комплексы с большими двупластинчатыми фибулами из Лучистого // МАИЭТ. Симферополь: Таврия, 1994/1995. Вып. IV. С. 132–172.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Изд-во «Дар», 1999. 352 с.

Айбабин А.И., Смокотина А.В., Хайединова Э.А. Некоторые итоги раскопок раннесредневековой Керчи в 2007 г. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. IX Боспорские чтения. Керчь, 2008. С. 5–8.

Айбабин А.И., Хайединова Э.А. Новые византийские пряжки из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. Симферополь, 2005. Вып. XII. С. 289–313.

Айбабин А.И., Хайединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. 1 (Раскопки 1977, 1982–1984 гг.). / Боспорские исследования. Supplementum 4. Симферополь-Керчь, 2008. 336 с.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Раскопки некрополя раннесредневекового Боспора в 2007–2008 г. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. X Боспорские чтения: материалы междунар. научной конф. – Керчь, 2009. С. 15–16.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у с.Лучистое. Том II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 гг. / / Боспорские исследования. Supplementum 14. Симферополь-Керчь, 2014. 400 с.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Плитовые могилы с высеченными крестами из раннесредневекового некрополя Боспора // БИ. Вып. XXXI. Керчь, 2015. С. 354–378.

Айбабина Е.А. Об этнической атрибуции могильника Узень-Баш // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. III. С. 118–121, 360–364.

Банк А.В., Бессонова М.А. Искусство Византии в собраниях СССР. Т. 1. М.: «Советский художник», 1977. 192 с.

Бейлин Д.И., Пономарев Л.Ю. К изучению раннесредневековых памятников северо-восточной оконечности Керченского полуострова (поселение Завал-Восточное) // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Материалы междунар. научной конф. – Керчь, 2012. С. 17–24.

Блаватский И.Д. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. // Пантикапей. МИА. №103. М., 1962. С. 6–85.

Веймарн Э.В. Археологічні работи в районі Інкермана // АП УРСР. К.: Видавництво АН УРСР, 1963. Т. XIII. С. 5–17.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. К.: Наукова Думка, 1993. 201 с.

Византийский Херсон: [каталог выставки / отв. ред. И.С. Чичуров]. М.: Наука, 1991. 256 с.

Герцен А.Г. Моливдовул из могильника Алмалык (Мангуп) // Сфрагистический меридиан: КИІВ – КОРСУНЬ / ХЕРСОN – КОNСТАNТІNОПОЛІС: Материалы международного коллоквиума по русско-византийской сфрагистике. Севастополь: СПД Арефьев, 2013. С. 45-46.

Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века [Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева]. М.: Наука, 2003. С. 200–206, 246–259.

Залесская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII вв.: каталог коллекции. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2006. 271 с.

Иерусалимская А.А. Мощевая Балка. Необычный памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2012. 384 с.

Кадеев В.И. Очерки истории экономики Херсонеса в I–IV вв. н.э. Харьков: «Вища школа», 1970. 162 с.

Лобода И.И. Новые раннесредневековые могильники в Юго-Западном Крыму // СА. 1976. № 2. С. 135–147.

Мак-Ферсон Д. Древности Керчи / Пер. с англ. О.Н. Герардини: коммент. А.Д. Тимиргазина. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2008. 176 с.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1897. СПб., 1890.

Омелькова Л.А. Раннесредневековый могильник в Бельбекской долине // Античная древность и средние века. Византия и сопредельный мир: [сб. научн. трудов / отв. ред. М.А. Поляковская]. Свердловск : Уральский государственный университет, 1990. С. 73–94.

Приходнюк О.М. Пастирське городище. Київ-Чернівці, 2005. 244 с.

Радочин В.Ю. Антропологические материалы из раскопок раннесредневековой Керчи // МАИЭТ. Симферополь-Керчь, 2013. Вып. XVIII. С. 217–276.

Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. 1906. Вып. 19. С. 1–80.

Репников Н.И. Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 году // ИАК. 1909. Вып. 30. С. 99–126.

Репников Н.И. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. // ИГАИМК. 1932. XII. Вып. 1–8. С. 153–180.

Сидоренко В.А. Исследования склонов горы Мангуп // Археологические открытия 1982 года. М.: Наука, 1984. С. 328–330.

Смокотина А.В. Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. Симферополь, 2008. Вып. XIV. С. 103–144.

Смокотина А.В. Амфоры LR1 на Боспоре // МАИЭТ. Симферополь-Керчь, 2014. Вып. XIX. С. 68–87.

Таманский полуостров и Северо-Восточное Причерноморье // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века [Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева]. М.: Наука, 2003. С. 146–269.

Турова Н.П. Полевые и историко-архивные материалы «Симеизского склепа 1955 г.» в фондах Ялтинского историко-литературного музея // МАИЭТ. Симферополь-Керчь, 2015. Вып. XIX. С. 118–146.

Турова Н.П., Черныш С.А. Раннесредневековый могильник Алония на Южном Берегу Крыма (по материалам раскопок 1998, 2001, 2002 гг.) // МАИЭТ. Симферополь: «Соло-Рич», 2015. Вып. XX. С. 133–184.

Хайрединова Э.А. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. Симферополь: Таврия, 2000. Вып. VII. С. 91–133.

Хайрединова Э.А. Византийские пряжки VII в. в женском костюме крымских готов // МАИЭТ. Вып. XIV. Симферополь, 2008. С. 161–183.

Хайрединова Э.А. Византийские цельнолитые пряжки VII в. из Юго-Западного Крыма // Византия в контексте мировой культуры. Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2010. Вып. LI. С. 129–148.

Хайрединова Э.А. Костюм городского населения Боспора в VII–VIII вв. (по находкам из некрополя в Босфорском переулке) // БИ. Симферополь-Керчь, 2013. Вып. XXVIII. С. 286–317.

Хайрединова Э.А. Перстни и кольца раннесредневекового времени из Керчи // БИ. Симферополь-Керчь, 2014. Вып. XXX. С. 442–460.

Чаллань Д. Памятники византийского металлообрабатывающего искусства, ч. I // Acta Antiqua Hungarica. Budapest, 1954. II, 3-4. С. 311–338.

Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1959. №63. 364 с.

Aibabine A.I. La fabrication des garnitures de ceintures et des fibules à Chersonèse, au Bosphore Cimmèrien et dans la Gothie de Crimée aux VI e – VIII e s. // Outils et ateliers d'orfèvre des temps anciens. Saint-Germain-en-Laye, 1993. P. 163–170.

András J., Aibabin A. The Berthier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and Related Material. London, 2008. 169 p.

Bemmann J., Schneider K., Gercen A., Cernys S., Maczynska M., Urbaniak A., Von Freeden U. Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Adym-Cokrak, Juznyj I und Juznyj II am Fuss des Mangup – ein Vorbericht // Albrecht St., Daim F., Herdick M. (Hrsg.) Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch und Transformation am Nordrand des Byzantinischen Reiches. Monographien des RGZM. Band 113. Mainz, 2013. S. 147–164.

Brown K. The gold breast chain from the early byzantine period in the Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Mainz, 1984. 30 p.

Chajredinova E. Byzantinische Elemente in der Frauentracht der Krimgoten im 7. Jahrhundert // F. Daim, J. Drauschke (Hrsg.), Byzanz – das Römerreich im Mittelalter. Monographien RGZM 84,3. Mainz, 2010. S. 59–94.

Chavane M.-J. Salamine de Chypre. VI. Les petits objets. Paris, 1975. 254 p.

Eger Ch. Byzantine Dress Accessories in North Africa: Koiné and Regionality // Ch. Entwistle, N. Adams (Eds.) «Intelligible Beauty» : Recent Research on Byzantine Jewellery. British Museum Research Publication 178. London, 2010. P. 133–140.

Frova A. Pittura Romana in Bulgaria. Roma, 1943. 33p.

Garam È. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6.bs zum End des 7. Jahrhunderts // Monumenta Avarorum Archaeologica. 5. Budapest, 2001. 432 s.

Gertsen A. A Vault with a Byzantine Seal in the Cemetery of Almalyk (Mangup) // Byzantine and Rus'Seals. Kyiv, 2015. P. 25–35.

Kadioglu M., von Rummel Ph. Frühbyzantinische Bronzefunde aus dem Theater von Nysa am Mäander // Anadolu / Anatolia. 2003. N24. S. 103–119.

Khaïrédinova E. Le costume des barbares aux cinfins septentrionaux de Byzance (VI–VII siècles) // Kiev – Cherson – Constantinople. Kiev, Simferopol, Paris, 2007. P. 11–44.

MacGregor A. A summary catalogue of the continental archaeological collections: Roman Iron Age, migration period, early medieval // British Archaeological Reports. International serie 674. Oxford: Archaeopress, 1997.

Martini W., Steckner C. Das Gymnasium von Samos // Samos. Band XVII. Bonn, 1993. 227 S.

Pallas D. Données nouvelles sur quelques boucles et fibules considérées comme avares et slaves sur Corinthe entre le VIe et le IXe s. // Byzantinobulgarica 1981. 7. P. 295–318.

Poulou-Papadimitriou N. Les plaques-boucles byzantines de l'île de Crète (fin IVe – IXe siècle) // Mélanges Jean-Pierre Sodini. Travaux et Mémoires 15. Paris, 2005. P. 687–704.

Riemer E. Byzantinische Gürtelschnallen aus der Sammlung Diergardt im Römisch-Germanischen Museum Köln // Kölner Jahrbuch. Bd. 28. Köln, 1995. S. 777–810.

Riemer E. Romanische Grabfunde des 5.-8. Jahrhunderts in Italien // Internationale Archäologie. 57. Rahden - Westfalen, 2000. 485 S.

Schulze-Dörrlamm M. Byzantiniche Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römicsch-Germanischen Zentralmuzeum. Teil 1. Mainz 2002. 258 S.

Sodini J.-P. Sculpture architecturale, briques, objets métalliques d'epoque paléochrétienne et byzantine // G. Dagron, D. Feissel. Inscriptions de Cilicie. Travaux et mémoires du Centre d'histoire et civilisation de Byzance. Monographies 4. Paris, 1987. P. 231–258.

Vinski Z. Kasnoantički starosjedioci u Salonitanskoj regiji prema arheološkoj ostavštini predsla-venskog supstrata // Vjesnik za arheologiju I historiju dalmatinsku. LXIX/1967. Split, 1974. C. 5–86.

Werner J. Byzantinische Gürtelschnallen des 6. und 7. Jahrhunderts aus der Sammlung Diergard // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 1955. Bd. 1. S. 36–43.

REFERENCES

Aibabin A.I. Pogrebeniia kontsa VII - pervoi poloviny VIII v. v Krymu // Drevnosti epokhi velikogo pereseleniia narodov V-VIII vekov: [sb. nauchn. trudov / otv. red. A.K. Ambroz, I.F. Erdeli]. M.: Nauka, 1982. S. 165–192.

Aibabin A.I. O proizvodstve poiasnykh naborov v rannesrednevekovom Khersone // SA. 1982a. № 3. S. 190–198.

Aibabin A.I. Khronologiia mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo i rannesrednevekovogo vremeni // MAIET. Simferopol': Tavriia, 1990. Vyp. I. S. 3–86.

Aibabin A.I. Osnovnye etapy istorii gorodishcha Eski-Kermen // MAIET. Simferopol': Tavriia, 1991. Vyp. II. S. 43–51, 236–242.

Aibabin A.I. Otchet o raskopkakh srednevekovogo mogil'nika v Baklinskom ovrage i v g. Bospore v 1992 godu. Simferopol', 1993.

Aibabin A.I. Kompleksy s bol'shimi dvuplastinchatymi fibulami iz Luchistogo // MAIET. Simferopol': Tavriia, 1994/1995. Vyp. IV. S. 132–172.

Aibabin A.I. Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma. Simferopol': Izd-vo «Dar», 1999. 352 s.

Aibabin A.I., Smokotina A.V., Khairedinova E.A. Nekotorye itogi raskopok rannesrednevekovoi Kerchi v 2007 g. // Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Militaria. IX Bosporskie chteniia. Kerch', 2008. S. 5–8.

Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Novye vizantiiskie priazhki iz Iugo-Zapadnogo Kryma // MAIET. Simferopol', 2005. Vyp. XII. S. 289–313.

Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Mogil'nik u sela Luchistoe. T. 1 (Raskopki 1977, 1982–1984 gg.). / Bosporskie issledovaniia. Supplementum 4. Simferopol' – Kerch', 2008. 336 s.

Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Raskopki nekropolia rannesrednevekovogo Bospora v 2007–2008 g. // Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Aktual'nye problemy. X Bosporskie chteniia: Materialy mezhdunar. nauchnoi konf. – Kerch', 2009. S. 15–16.

Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Mogil'nik u s.Luchistoe. Tom II. Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993–1995 gg. // Bosporskie issledovaniia. Supplementum 14. Simferopol'-Kerch', 2014. 400 s.

Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Plitovye mogily s vysechennymi krestami iz rannesrednevekovogo nekropolia Bospora // BI. Vyp. XXXI. Kerch', 2015. S. 354–378.

Aibabina E.A. Ob etnicheskoi atributsii mogil'nika Uzen'-Bash // MAIET. Simferopol', 1993. Vyp. III. S. 118-121, 360–364.

Bank A.V., Bessonova M.A. Iskusstvo Vizantii v sobraniiakh SSSR. T. 1. M.: «Sovetskii khudozhnik», 1977. 192 s.

Beilin D.I., Ponomarev L.Iu. K izucheniiu rannesrednevekovykh pamiatnikov Severo-Vostochnoi okonechnosti Kerchenskogo poluostrova (poselenie Zaval – Vostochnoe) // XIII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Problemy urbanizatsii. Materialy mezhdunar. nauchnoi konf. – Kerch', 2012. S. 17–24.

Blavatskii I.D. Otchet o raskopkakh Pantikapeia v 1945-1949, 1952 i 1953 gg. // Pantikapei. MIA. № 103. M., 1962. S. 6–85.

Veimarn E.V. Arkheologichni raboti v raioni Inkermana // AP URSR. K.: Vidavnitstvo AN URSR, 1963. T. XIII. S. 5–17.

Veimarn E.V., Aibabin A.I. Skalistinskii mogil'nik. K.: Naukova Dumka, 1993. 201 s.

Vizantiiskii Kherson: [katalog vystavki / otv. red. I.S. Chichurov]. M.: Nauka, 1991. 256 s.

Gertsen A.G. Molivdovul iz mogil'nika Almalyk (Mangup) // Sfragisticheskii meridian: KIIV – KORSUN'' / KhERSON – KONSTANTINOPOLIS: Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma po russko-vizantiiskoi sfragistike. Sevastopol': SPD Aref'ev, 2013. S. 45–46.

Dmitriev A.V. Mogil'nik Diurso – etalonnyi pamiatnik drevnostei V–IX vv. // Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia: IV–XIII veka [Otv. red. T.I. Makarova, S.A. Pletneva]. M.: Nauka, 2003. S. 200–206, 246–259.

Zalesskaia V.N. Pamiatniki vizantiiskogo prikladnogo iskusstva IV–VII vv.: katalog kollektsii. SPb.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2006. 271 s.

Ierusalimskaia A.A. Moshchevaia Balka. Neobychnyi pamiatnik na Severokavkazskom shelkovom puti. SPb.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2012. 384 s.

Kadeev V.I. Ocherki istorii ekonomiki Khersonesa v I–IV vv. n.e. Khar'kov: «Vishcha shkola», 1970. 162 s.

Loboda I.I. Novye rannesrednevekovye mogil'niki v Iugo-Zapadnom Krymu // SA. 1976. №2. S. 135–147.

Mak-Ferson D. Drevnosti Kerchi / Per. s angl. O.N. Gerardini: komment. A.D. Timirgazina. Simferopol': OAO «Simferopol'skaia gorodskaia tipografiia», 2008. 176 s.

Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii za 1897. SPb., 1890.

Omel'kova L.A. Rannesrednevekovyi mogil'nik v Bel'bekskoi doline // Antichnaia drevnost' i srednie veka. Vizantiia i sopredel'nyi mir: [sb. nauchn. trudov / otv. red. M.A. Poliakovskaia]. Sverdlovsk : Ural'skii Gosudarstvennyi universitet, 1990. S. 73–94.

Prikhodniuk O.M. Pastirs'ke gorodishche. Kiïv-Chernivtsi, 2005. 244 s.

Radochin V.Iu. Antropologicheskie materialy iz raskopok rannesrednevekovoi Kerchi // MAIET. Simferopol' - Kerch', 2013. Vyp. XVIII. S. 217–276.

Repnikov N.I. Nekotorye mogil'niki oblasti krymskikh gotov // IAK. 1906. Vyp. 19. S. 1–80.

Repnikov N.I. Razvedki i raskopki na iuzhnom beregu Kryma i v Baidarskoi doline v 1907 godu // IAK. 1909. Vyp. 30. S. 99–126.

Repnikov N.I. Raskopki Eski-Kermenskogo mogil'nika v 1928 i 1929 gg. // IGAIMK. 1932. XII. Vyp. 1–8. S. 153–180.

Cidorenko V.A. Issledovaniia sklonov gory Mangup // Arkheologicheskie otkrytiia 1982 goda. M.: Nauka, 1984. S. 328–330.

Smokotina A.V. Keramicheskii kompleks vtoroi poloviny VI v. iz raskopok g. Bospora // MAIET. Simferopol', 2008. Vyp. XIV. S. 103–144.

Smokotina A.V. Amfory LR1 na Bospore // MAIET. Simferopol' - Kerch', 2014. Vyp. XIX. S. 68–87.

Tamanskii poluostrov i Severo-Vostochnoe Prichernomor'e // Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i

Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia: IV–XIII veka [Otv. red. T.I. Makarova, S.A. Pletneva]. M.: Nauka, 2003. S. 146–269.
Turova N.P. Polevye i istoriko-arkhivnye materialy «Simeizskogo sklepa 1955 g.» v fon-dakh Ialtinskogo istoriko-literaturnogo muzeia // MAIET. Simferopol' - Kerch', 2015. Vyp. XIX. S. 118–146.
Turova N.P., Chernysh S.A. Rannesrednevekovyi mogil'nik Aloniia na Iuzhnom Beregu Kryma (po materialam raskopok 1998, 2001, 2002 gg.) // MAIET. Simferopol': «Solo-Rich», 2015. Vyp. XX. S. 133–184.
Khairedinova E.A. Zhenskii kostium s iuzhnokrymskimi orlinogolovymi priazhkami // MAIET. Simferopol': Tavriia, 2000. Vyp. VII. S. 91–133.
Khairedinova E.A. Vizantiiskie priazhki VII v. v zhenskom kostiume krymskikh gotov // MAIET. Vyp. XIV. Simferopol', 2008. S. 161–183.
Khairedinova E.A. Vizantiiskie tsel'nolitye priazhki VII v. iz Iugo-Zapadnogo Kryma // Vizantiia v kontekste mirovoi kul'tury. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. SPb., 2010. Vyp. LI. S. 129–148.
Khairedinova E.A. Kostium gorodskogo naseleniia Bospora v VII–VIII vv. (po nakhodkam iz nekropolia v Bosforskom pereulke) // BI. Simferopol' - Kerch', 2013. Vyp. XXVIII. S. 286–317.
Khairedinova E.A. Perstni i kol'tsa rannesrednevekovogo vremeni iz Kerchi // BI. Simfero-pol' - Kerch', 2014. Vyp. XXX. S. 442–460.
Challan' D. Pamiatniki vizantiiskogo metalloobrabatyvaiushchego iskusstva, ch. I // Acta Antiqua Hungarica. Budapest, 1954. II, 3–4. S. 311–338.
Iakobson A.L. Rannesrednevekovyi Khersones // MIA. M.-L.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1959. №63. 364 s.

Резюме

В VII в. жители Боспора использовали в своей одежде металлические аксессуары и украшения, привезенные из Византии либо изготовленные местными мастерами по импортным прототипам. Особой популярностью у рядового зажиточного населения пользовались небольшие, отлитые из бронзы пряжки типа «Сиракузы». В статье публикуются пряжки, найденные в 2007 г. в плитовых могилах на участке городского некрополя в Босфорском переулке. Они представлены в основном распространенными стандартными вариантами 1 и 2 (рис. 1; 2; 3,1,2), производившимися в ремесленных мастерских по всему византийскому миру. Отличается пряжка из могилы 64 варианта 3 (рис. 3,2), являющаяся пока единственной находкой подобного рода в Крыму, зафиксированной *in situ*. Аналогичные изделия редко встречаются и на византийских памятниках.

Пряжки типа «Сиракузы» носили мужчины 35–40 лет, используя в качестве застежки для поясного ремня, опоясывающего верхнюю одежду, и для ремня на штанах. Значительно реже они встречаются в костюме женщин и детей. Распространение византийских пряжек у боспорян свидетельствует о значительном влиянии византийской моды на городской костюм и о существовании в VII в. развитых торговых связей между городом и различными регионами Византийской империи.

Ключевые слова: византийский Боспор, пряжки типа «Сиракузы», костюм.

Summary

In the VII century, residents of the Bosporus used metal accessories and jewelry imported from Byzantium, or made by local craftsmen under import prototypes, in their costumes. Especially popular among the ordinary prosperous population were small, cast in bronze «Syracusae» type buckles. Buckles, found in 2007 in the area of plate graves in the necropolis of the city in the

Bosforskii lane are published in the article. They are represented by mainly common, standard variants 1 and 2 (Fig. 1, 2, 3, 1.2) which were made in craft workshops throughout the Byzantine world. Different buckle from grave 64 of variant 3 (Fig. 3, 2), is the only discovery of its kind in the Crimea, recorded in situ. Similar products are rare at Byzantine archaeological resources.

The men aged 35-40 wore buckles of «Syracusae» type, using them as fasteners for waist belts for robes, and as belts on trousers. Much less often they occur in costumes of women and children. Distribution of Byzantine buckles among the Bosporus population shows a significant influence of Byzantine fashion on the city costume and the existence in VII development of trade relations between the city and the various regions of the Byzantine Empire.

Key words: Byzantine Bosporus, « Syracusae» buckle type, costume.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Хайединова Эльзара Айдеровна, к.и.н.,
Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма,
Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского.
Симферополь, проспект Вернадского 4. Крым. Россия. 295007,
зав.отделом.
khairedonovaz@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Khairedinova El'zara Aiderovna, CSc,
Research Center of History and Archaeology of the Crimea,
the Crimean Federal University named after Vernadsky.
Simferopol', Vernadsky Prospekt 4. Crimea. Russia. 295007,
Head of department.
khairedonovaz@rambler.ru

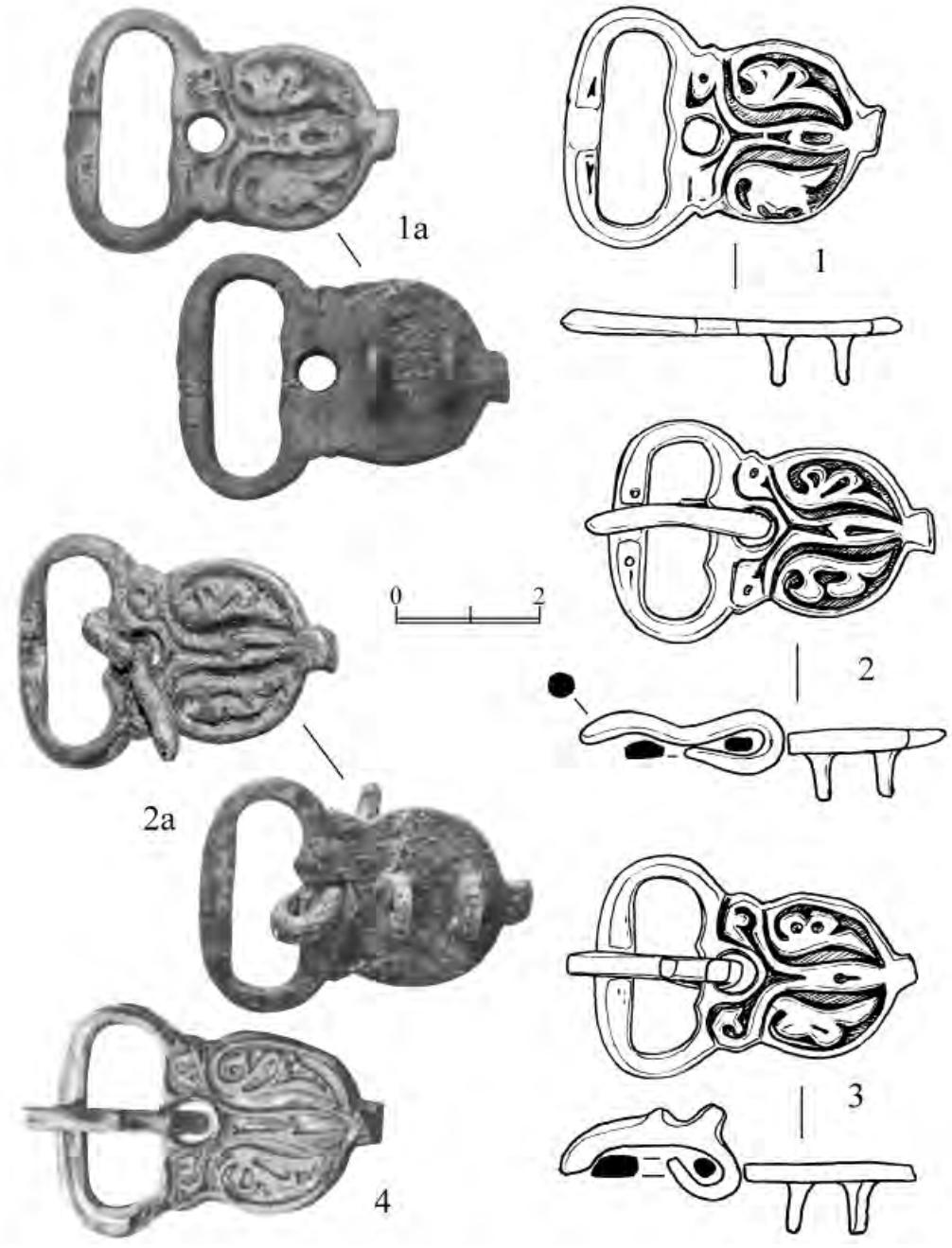


Рис. 1. Пряжки типа «Сиракузы» 1-го варианта из Керчи.
1-3 – некрополь в Босфорском переулке (1,2 – могила 42; 3 – могила 29); 4 – коллекция Д. Мак-Ферсона, Британский музей [по Мак-Ферсон 2008, ил. V].

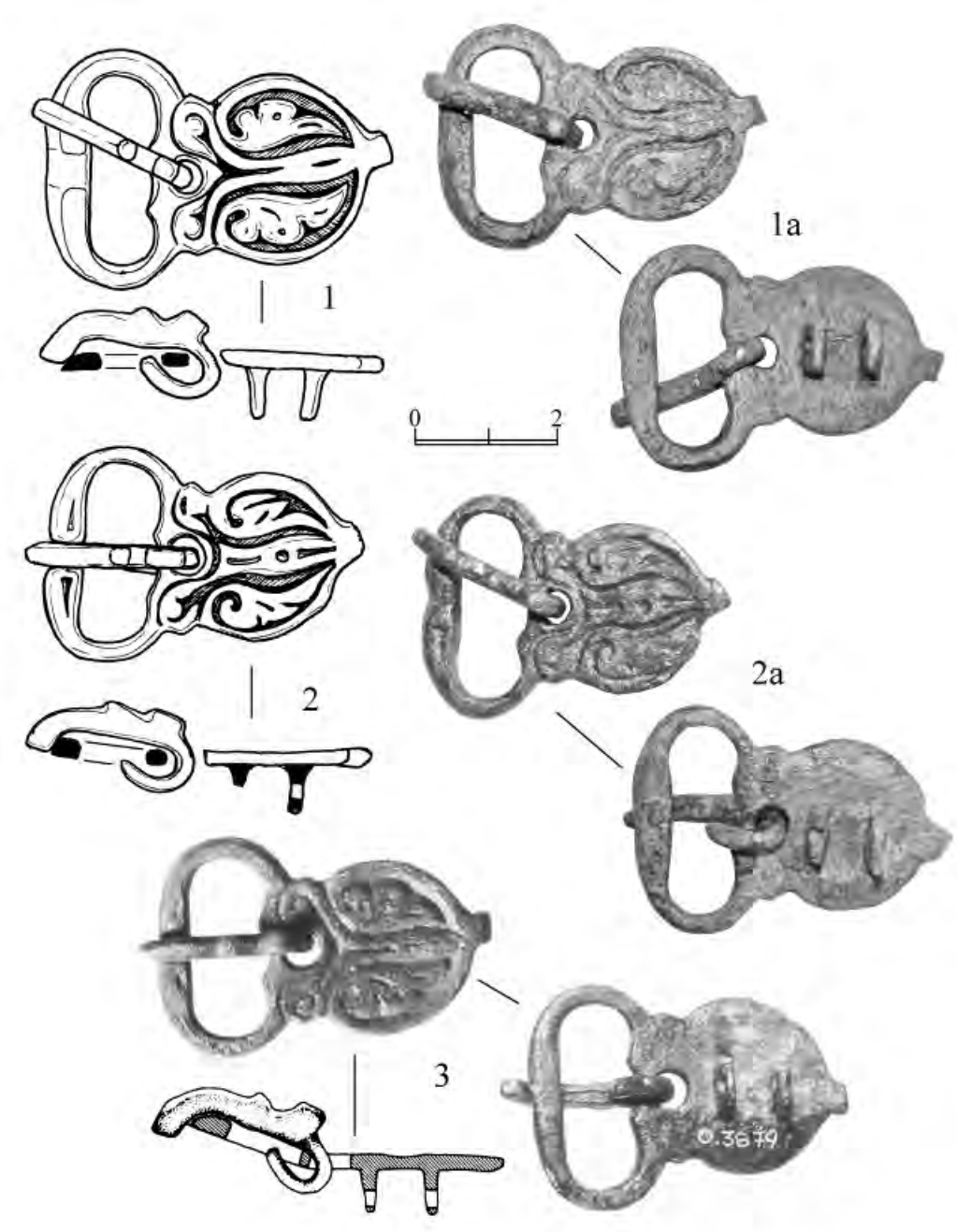


Рис. 2. Пряжки типа «Сиракузы» 1-го варианта из Керчи.

1-2 – некрополь в Босфорском переулке (1 – могила 23, погребение 2; 2 – могила 1); 3 – коллекция Римско-германского центрального музея г. Майнц [по Schulze-Dörrlamm 2002, S. 171, Nr. 143].

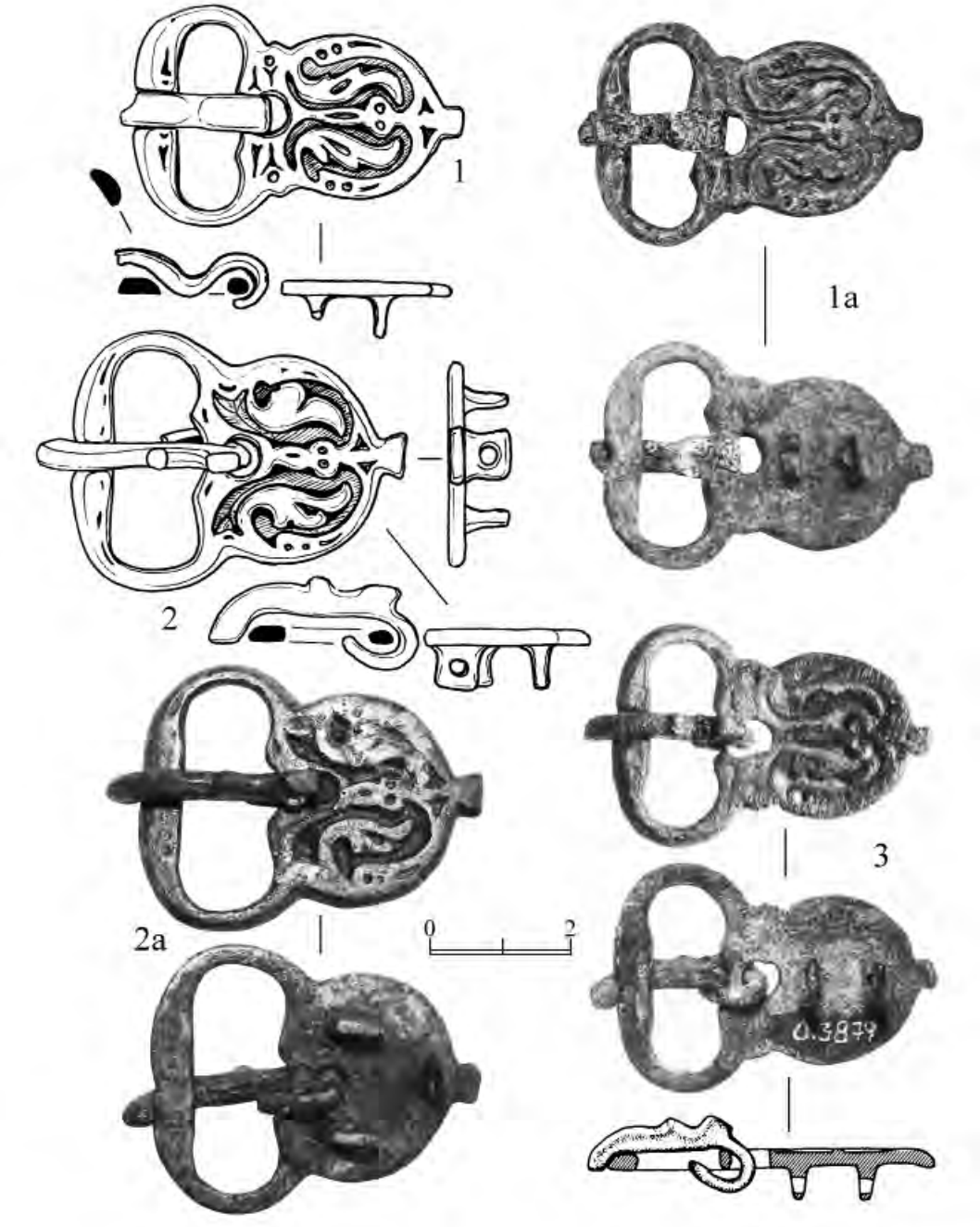


Рис. 3. Пряжки типа «Сиракузы» вариантов 2 (1,3) и 3 (2) из Керчи.

1-2 – некрополь в Босфорском переулке (1 – могила 1; 2 – могила 64); 3 – коллекция Римско-германского центрального музея г. Майнц [по Schulze-Dörrlamm 2002, S. 171, Nr. 142].

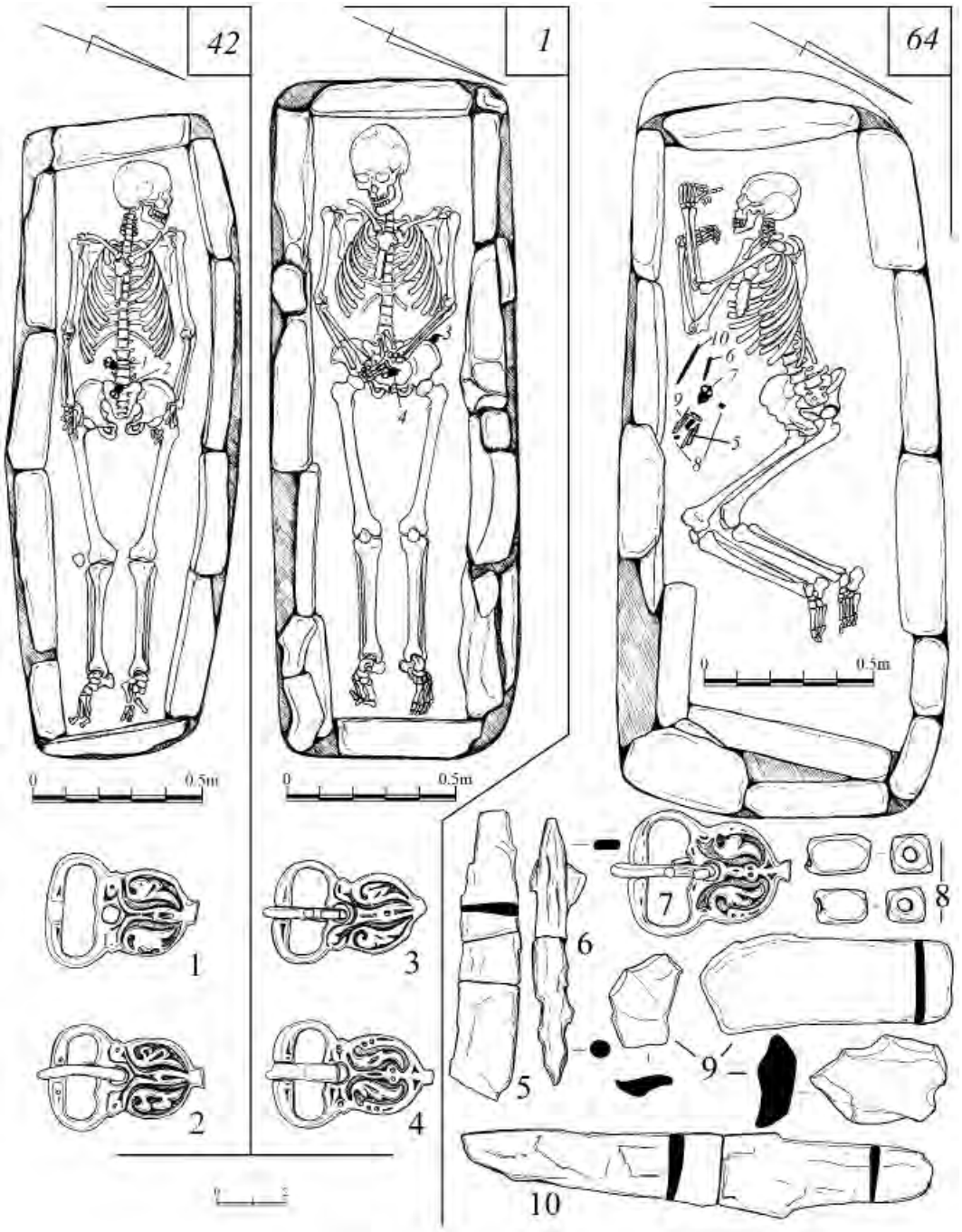


Рис. 4. Керчь, участок раннесредневекового некрополя в Босфорском переулке.
Мужские погребения с пряжками типа «Сиракузы».
1,2 – могила 42; 3,4 – могила 1; 5-10 – могила 64.

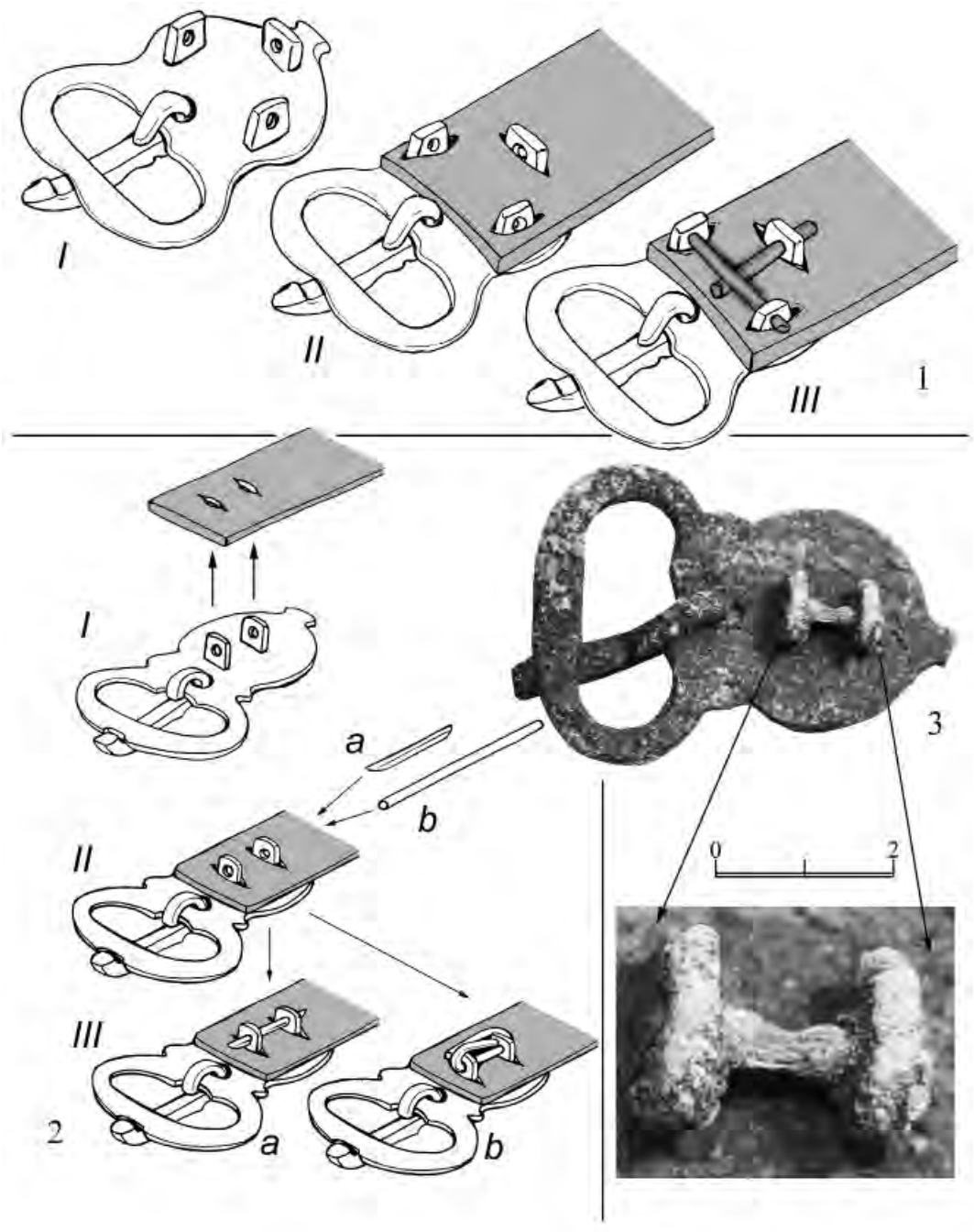


Рис. 5. Способы крепления пряжек типа «Сиракузы» на ремне.

1 – пряжка варианта 3 (могила 64); 2 – пряжки вариантов 1 и 2; 3 – обратная сторона пряжки варианта 1 из могилы 23 с сохранившимся в петлях деревянным стержнем (фото до реставрации).

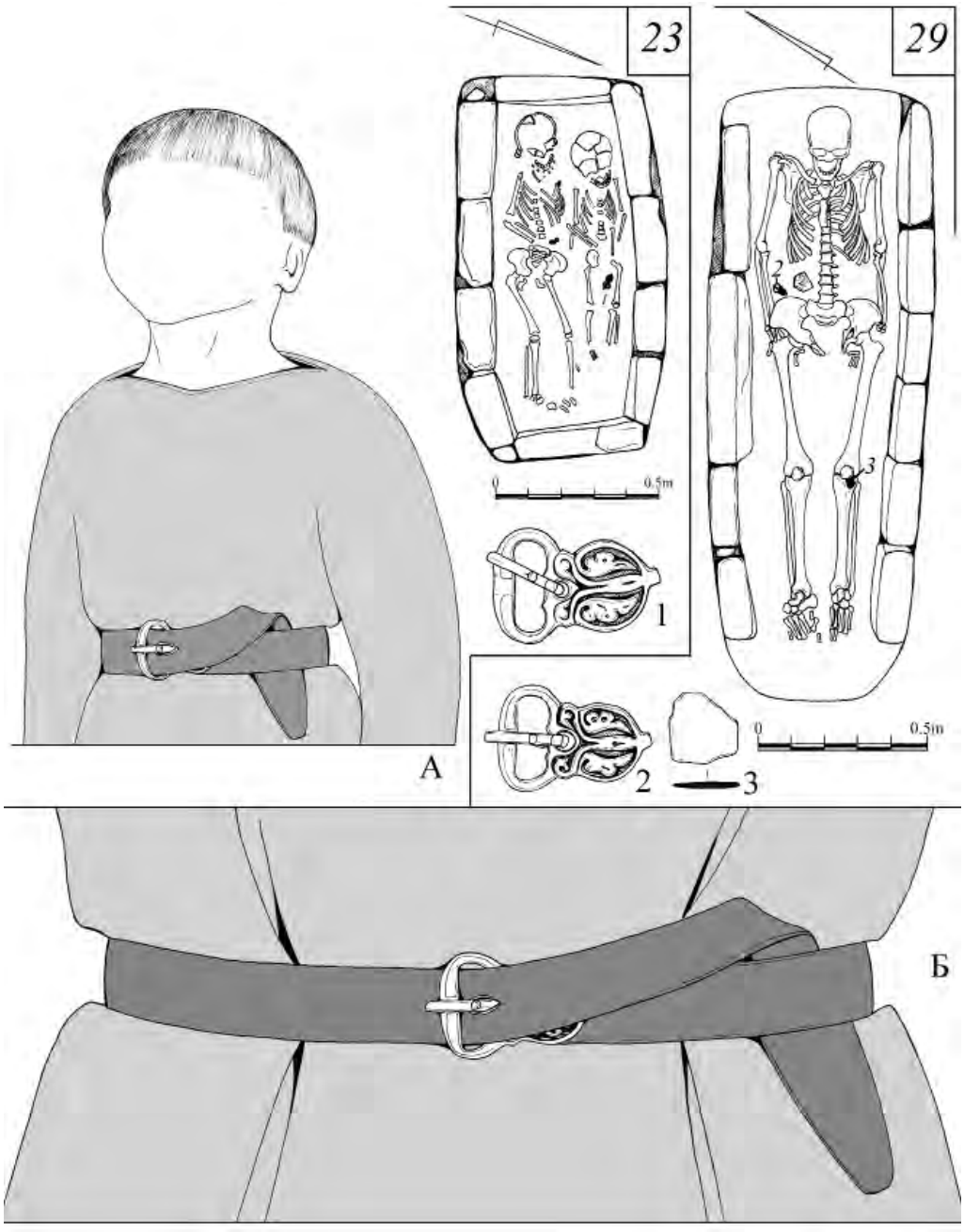


Рис. 6. Керчь, участок раннесредневекового некрополя в Босфорском переулке.
Детское (23) и женское (29) погребения с пряжками типа «Сиракузы».

1 – могила 23, погребение 2; 2,3 – могила 29.
А, Б – реконструкция костюма погребенных.

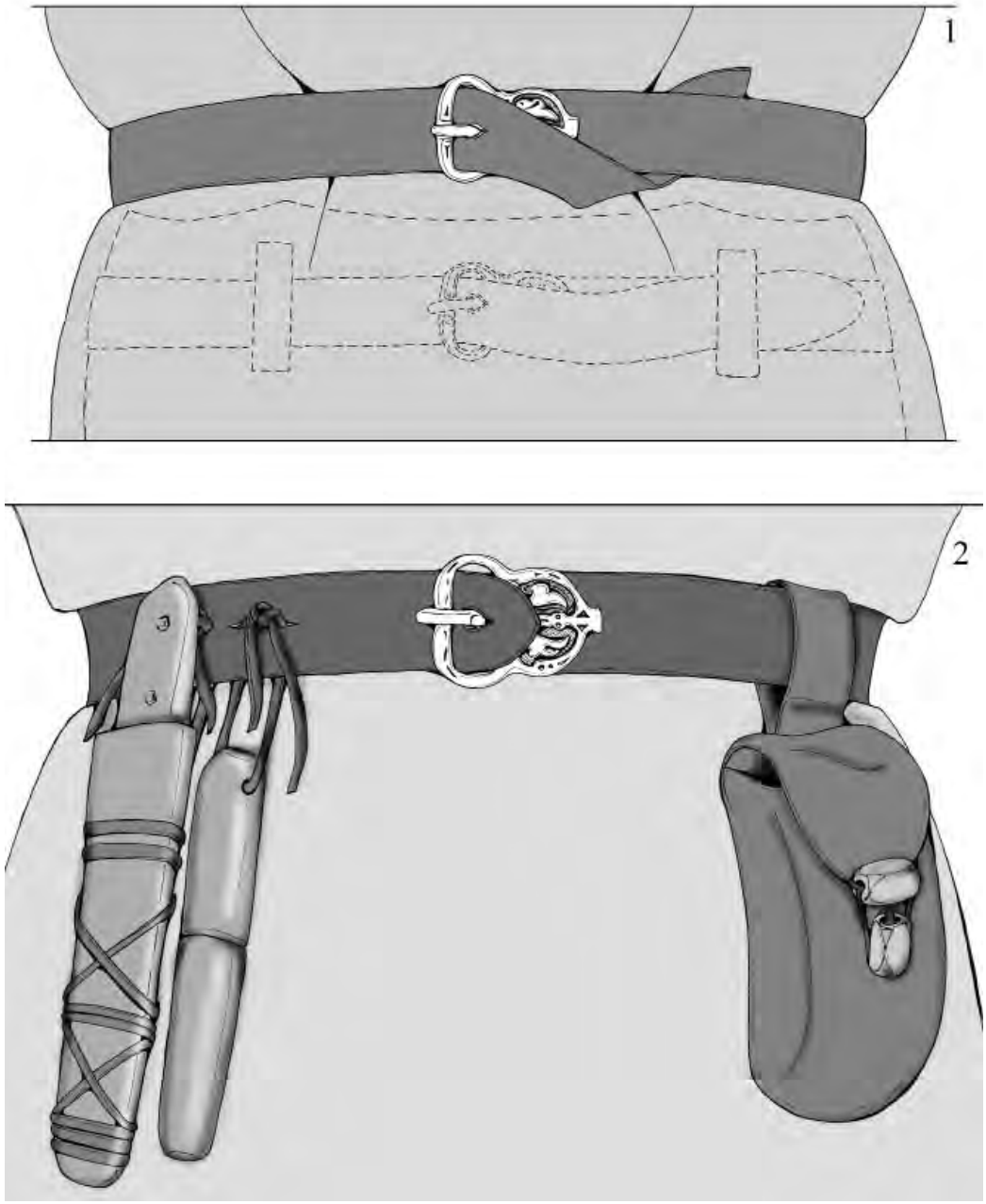


Рис. 7. Керчь, участок раннесредневекового некрополя в Босфорском переулке.
Реконструкция мужских поясов с пряжкой типа «Сиракузы»
по материалам погребений из могил 42 (1) и 64 (2).

Н.И. ВИНОКУРОВ, Л.Ю. ПОНОМАРЕВ
N.I. VINOKUROV, L.IU. PONOMAREV

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ УЧАСТОК САЛТОВО-МАЯЦКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА ГОРОДИЩЕ АРТЕЗИАН (по итогам исследований на раскопе III в 2002–2010 гг.)

CENTRAL SITE SALTOVO-MAYAK SETTLEMENT ON THE FORTIFIED SETTLEMENT ARTESIAN (According to the research in excavation III, 2002–2010)

В середине – второй половине VIII в. на территории античного городища Артезиан[1] разместилось салтово-маяцкое поселение, культурный слой которого выявлен на всех исследованных участках – раскопах I–IV, площадь которых к настоящему времени составила более 6600 кв. м (рис. 1) [Винокуров, 2007, рис. 4; 5; Винокуров, 2014, рис. 4]. Наиболее полно изучена центральная его часть, где были заложены раскопы I и III общей площадью 4285 кв. м[2]. В их пределах обнаружены многочисленные жилищные и хозяйственные комплексы – полуземлянки, наземные и заглубленные каменные постройки, загоны для скота, хозяйственные ямы, вымостки и очаги, а также культовые комплексы и одиночные погребения [Винокуров, 2004а, с. 63–77; Винокуров, 2011а, с. 56–63; Винокуров, Пономарев, 2015б, с. 18–22; Винокуров, Пономарев, 2015в, с. 46–53]. Раскоп III, изучению салтово-маяцких комплексов которого посвящена публикация, примыкает с юга к раскопу I. Работы на нем ведутся с 2002 г., а площадь составляет 1565 кв. м (рис. 1)[3].

Стратиграфия прослеженных в пределах раскопа верхних напластований выгля-

---

[1] Античное городище Артезиан (первая половина IV в. до н. э. – начало IV в. н. э.) открыто В. Г. Зубаревым в процессе разведок, проводившихся Восточно-Крымской археологической экспедицией ИА АН СССР под руководством А. А. Масленникова в 1986 г. [Зубарев, Масленников, 1987, с. 49]. С 1988 г. и по настоящее время оно исследуется Артезианской археологической экспедицией (до 1994 г. Артезианский отряд ВКАЭ ИА АН СССР/РАН). Городище площадью около 7 га расположено в северной части Керченского полуострова, в 2,5 км к северо-западу от с. Чистополье и в 4,5 км к востоку от побережья Азовского моря [Винокуров, 2014, рис. 1]. Оно занимает мыс в центральной части урочища Артезиан, образованный глубокими балками, ограничивающими его с запада, юга и севера. В южной балке, по которой в древности протекала река, находятся действующие артезианские источники [Винокуров, 1998, с. 56].

[2] Площадь раскопа I соответственно составляет 2720 кв. м. Раскоп II площадью 1900 кв. м находится в юго-западной части городища. Выявленным в его пределах салтово-маяцким комплексам посвящена отдельная публикация [Винокуров, Пономарев, 2015а, с. 160–195]. Раскоп IV, заложенный в 2010 г. в северо-западной части городища, имел разведочный характер. Площадь его составила около 30 кв. м.

[3] Среди подъемного материала, собранного на участке, занимаемом раскопом III, находок, относящихся к периоду существования салтово-маяцкого поселения, оказалось не так уж много. Среди них преобладали стенки причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков. Отметим также профильные фрагменты ойнохой скалистинского типа (рис. 2,1,2) и салтово-маяцкий бронзовый перстень с плоским орнаментированным щитком (рис. 2,3).

дит следующим образом. Поверх слоя разрушения античного городища, образование которого, видимо, связано с сильным землетрясением, произошедшим в середине – второй половине III в. н. э., выявлены плохо сохранившиеся остатки построек конца III – IV вв. н. э. [Винокуров, 2015, с. 67–72]. Они, в свою очередь, были перекрыты золистым слоем запустения античного городища мощностью 0,12–0,30 м. Как и слой разрушения, он нарушен более поздними перекопами, для которых являлись находки раннесредневековой керамики, в том числе, причерноморских амфор с бороздчатым и мелким зональным рифлением (рис. 2,11-16) и салтово-маяцких кухонных горшков, часть которых орнаментирована по тулову зональным волнистым рифлением, а по венчику – вдавлениями и насечками (рис. 2,17-18) [Винокуров, 2004б, с. 69–70, прим. 11]. Из других находок особого внимания заслуживает глиняное дисковидное изделие, на одной из сторон которого техникой контррельефа оттиснуто изображение, напоминающее четырехлепестковый крест (рис. 2,19,20). По цвету и структуре формовочной массы оно ничем не отличается от салтово-маяцких горшков. К сожалению, определить его функциональное назначение не удалось, как, впрочем, и сферу его использования – бытовую или сакральную. В качестве рабочей гипотезы можно лишь предположить, что предназначалось оно для нанесения рельефных оттисков.

Выше слоя запустения залегал поддерновый горизонт мощностью 0,05–0,20 м, сформированный слоем гумусированого темно-коричневого суглинка, соответствующего периоду функционирования на территории городища салтово-маяцкого поселения. Этот слой насыщен различными включениями, в том числе костями животных, створками раковин мидий, раковинами виноградных улиток, бутовым камнем и щебнем, отходами металлургического производства (окалины и шлак), а также обломками разновременной, преимущественно античной керамики. Ко времени его формирования относятся немногочисленные фрагменты причерноморских амфор с мелким зональным и бороздчатым рифлением (рис. 2,4-7), высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, ойнохой скалистинского типа (рис. 2,10) и салтово-маяцких горшков (рис. 2,8,9). Поверхность гумусированого темно-коричневого суглинка прослеживается с трудом, поскольку на глубине 0,05–0,15 м от современной дневной поверхности он переходил в гумусный (дерновый) слой, мало чем отличающийся от него по структуре и цветовой гамме.

Для жилой и хозяйственной застройки в пределах этого участка салтово-маяцкого поселения наиболее удобным оказался юго-западный склон возвышенности, где на тот момент еще сохранились античные террасы [Винокуров, 2012, рис. 1] и который гораздо меньше продувался господствующими в осенне-зимний период северо-восточными ветрами. Именно здесь и располагались обнаруженные в пределах раскопа жилые и хозяйственные комплексы, в том числе котлован полуземлянки, каменные фундаменты двухкамерной постройки и фрагменты каменных фундаментов еще двух построек (рис. 3; 4).

Одновременно, на этом же участке жители поселения осуществляли выборку

камня из стен разрушенных античных построек. Пригодный к дальнейшему использованию строительный материал обрабатывался на месте, в выкопанных в процессе его добычи котлованах и траншеях. В результате их борта и дно оказались перекрыты прослойками известняковой крошки. По мере формирования культурного слоя салтово-маяцкого поселения они заполнялись гумусированным темно-коричневым суглинком и бытовым мусором, среди которого преобладали кости животных и фрагментированная керамика из переотложенных слоев античного времени. Находок, датируемых второй половиной VIII – первой половиной X вв., в их засыпи оказалось гораздо меньше. Наиболее обширный котлован перекопа выявлен в западной части раскопа, где осуществлялась разборка стен юго-западной башни цитадели античного городища (рис. 3; 9). Остальные перекопы, гораздо меньших размеров, были бессистемно разбросаны по всей его площади.

Свою особенность имеет и северо-восточный участок раскопа, поскольку исследованные в его пределах салтово-маяцкие комплексы, включая одиночное погребение женщины, захоронение в яме теленка (коровы) и совместное захоронение в античном колодце собак и людей, носили ритуальный характер (рис. 3; 10–13). Все они, по-видимому, входили в состав «южного» культового комплекса, часть объектов которого была открыта в южной части раскопа I [Винокуров, 2004а, с. 64–70, рис. 7; 9; 10].

Таким образом, в зависимости от расположения исследованные в раскопе III салтово-маяцкие комплексы можно условно разделить на два участка – западный и северо-восточный.

В западной части раскопа обнаружены котлован полуземлянки с совершенным в нем захоронением женщины, остатки двухкамерного наземного дома на каменном фундаменте, фрагменты четырех каменных кладок еще двух практически полностью разобранных построек, несколько хозяйственных ям и обширный котлован перекопа, посредством которого осуществлялась добыча камня из стен башни античной цитадели.

Большая часть исследованных объектов имела очень плохую сохранность, при этом стены наземных каменных сооружений были практически полностью разобраны, а полы помещений и «жилые» горизонты вокруг построек оказались уничтоженными прорезавшими их траншеями и котлованами более поздних перекопов[4].

[4] В эпоху позднего средневековья территория городища вновь была заселена, на что указывают находки керамики, датирующиеся не ранее XV–XVI вв. Представлены они обломками поливной монохромной посуды, красноглиняных плоскодонных кувшинов и горшка с рельсовидным венчиком. К этому же или более позднему периоду относятся круглая латунная пуговица (нашивка) и три курительные трубки. Впрочем, на исследованных участках городища культурного слоя и строительных комплексов этого времени обнаружить пока не удалось. Вероятно, позднесредневековое поселение занимало не всю его территорию, а располагалось в северной части мыса, где впоследствии находилась дер. Паша-Салын (Паша-Салы, Урус-Паша, Сердюково), указывавшаяся на топографических картах с начала XIX в. [Ковыркин, Санжаровец, 2014, с. 493].

К числу наиболее ранних строительных комплексов, по всей видимости, относится полуземлянка, котлован которой был прослежен в северо-западном углу раскопа (рис. 4). Исследована пока только ее юго-восточная часть размерами 5,10×5,20 м, а северо-западная часть оказалась за пределами раскопа. Котлован полуземлянки глубиной от 0,80 м до 1,30 м был целиком выкопан в культурных отложениях античного периода, значительно уступающих по своей плотности материковому суглинку. В результате ее борта со временем оплыли, и она утратила свои изначальные очертания. Тем не менее есть все основания полагать, что в плане она имела округлую форму [Винокуров, 2011, с. 58].

В верхней части на глубину от 0,30 до 0,70 м котлован был заполнен плотным грунтом, представлявшим собой затечный слой гумуса. Находки из него представлены античными амфорами, лепными и краснолаковыми сосудами, амфорами причерноморского типа, высокогорлыми кувшинами с плоской ручкой и салтово-маяцкими горшками, часть которых украшена горизонтальным и волнистым рифлением. В придонной его части прослежен рыхлый слой суглинка темно-коричневого (коричнево-черного) оттенка мощностью 0,30–0,50 м, содержавший большое количество известнякового щебня. Среди находок из этого слоя преобладают фрагменты античной керамики, преимущественно первых веков нашей эры. Малочисленные фрагменты раннесредневековой керамики представлены в основном обломками причерноморских амфор с бороздчатым рифлением (рис. 5,1–7), ойнохой скалистинского типа (рис. 5,8) и салтово-маяцких кухонных горшков (рис. 5,12,13). Здесь же был найден обломок днища котла с внутренними ручками-ушками (рис. 5,11). До этого на Керченском полуострове их профильные фрагменты, преимущественно ручки, были найдены в городских слоях Боспора и на салтово-маяцких поселениях Героевка-3, Героевка-2, Пташкино, Осовины-I, Эльтиген Юго-Западное, Челядиново-Восточное и Азовское [Пономарев, Пономарева, 2010, с. 456–457, рис. 2; Пономарев, 2012а, с. 483, рис. 4, 1; Сазанов, 1998, с. 61, рис. IV, 39]. К сожалению, практически весь комплекс раннесредневековой керамики из придонной части котлована имеет широкие рамки бытования, в связи с чем особенно важной представляется находка профильных фрагментов высокогорлых кувшинов с широкой плоской ручкой (рис. 5,9,10). Именно они позволяют датировать заполнение котлована не ранее второй половины IX в. [Чхаидзе, 2008, с. 400; Науменко, 2009а, с. 54–57].

Нижнюю хронологическую границу комплекса, впрочем, как и его функциональное назначение, установить не удалось, поскольку материалов, относящихся к периоду его функционирования, обнаружено не было. Отметим лишь, что в последнее время полуземлянки перестали рассматриваться как наиболее архаичный тип построек салтово-маяцких поселений Крыма. По справедливому замечанию Ю.М. Могаричева, они могли использоваться на начальном этапе их существования, а также в «период обустройства на новом месте, вне зависимости от времени основания» [Могаричев, 2004, с. 175, прим. 8]. Этой же точки зрения придерживается В.В. Майко, по мнению которого переход от строительства полуземлянок к наземным каменным постройкам

следует рассматривать как индивидуальный для каждого поселения и растянутый во времени процесс [Майко, 2009, с. 266; Майко, 2010, с. 428–429]. Примерно такая же ситуация прослежена и на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова. Несмотря на то, что большая часть обнаруженных здесь полуземлянок была заброшена к первой половине – середине IX в., к практике их использования, видимо, обращались на протяжении всего периода их существования [Пономарев, 2012б, с. 67–72].

Помимо времени функционирования рассматриваемой полуземлянки, к числу спорных вопросов относится и ее функциональное назначение. Учитывая плохую сохранность котлована, можно лишь полагать, что она не использовалась в качестве жилища, поскольку имела слишком большие размеры и в ней отсутствовали отопительные устройства и другие хозяйственно-бытовые приспособления – печи, очаги, ямы, лежанки, ниши, полки [ср: Красильникова, 2001, с. 325][5]. Подобного рода неотапливаемые сооружения с полезной площадью более 25 кв. м предназначались, скорее, для хозяйственных нужд, хотя каких именно, учитывая сохранность комплекса, выяснить уже вряд ли удастся [ср.: Колода, Горбаненко, 2010, с. 72–73].

После того как полуземлянка была заброшена, спустя короткий промежуток времени в придонной части ее уже частично засыпанного котлована было совершено захоронение женщины (погребение 14) [Винокуров, 2011а, с. 58–60]. Могильная яма овальной в плане формы размерами 1,51×0,61–0,62 м и глубиной не менее 0,45 м прослежена на уровне придонной части котлована по пятну тлена темно-коричневого (почти черного) оттенка мощностью 1–3 мм. Скелет женщины по всей длине был обложен (возможно, частично придавлен) мелкими и крупными бутовыми камнями. Среди камней обнаружены известняковое корыто (поилка) для животных размерами 0,40×0,32×0,12–0,13 м и фрагмент подобной поилки шириной 0,38 м (рис. 6, 7). Каменная насыпь имела в плане форму неправильного овала, вытянутого в направлении ЮВ–СЗ (рис. 4)[6].

Женщина в возрасте около 35 лет, была уложена на спине с небольшим разворотом на правый бок головой на запад (рис. 6,1). Череп немного запрокинут назад и повернут на северо-запад, лицевой частью на юг. Левая рука вытянута вдоль туловища и немного согнута в локтевом составе, кистью на тазовых костях. Предплечье правой руки отставлено от туловища под углом 45 градусов, при этом рука сильно согнута в локтевом суставе и упирается запястьем в правый бок туловища. Кости кисти неестественно вывернуты. Нижние конечности согнуты в коленях и развер-

[5] Размеры жилых полуземлянок, открытых на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова, варьировались от 3,0×3,0 м – 3,20×3,0 м до 4,0×2,80 м – 4,80×3,10 м. Все они были оборудованы отопительными устройствами – печами-каменками или очагами, сооруженными как по центру помещения, так и у стен котлована и в его углах [Пономарев, 2012б, с. 67–70].

[6] Каменные обкладки и развалы небольших камней обнаружены также в грунтовых погребениях на салтово-маяцких могильниках Эльтиген-1, поселения Героевка-2 и Осовины-1 [Пономарев, 2004, с. 452–454, рис. 14–19; Пономарев, 2011, с. 289, рис. 2; Зинько, Пономарев, 2007, с. 193, рис. 9].

нуты на юг. На среднем пальце правой руки погребенной обнаружено обычное для салтовских захоронений бронзовое кольцо с плоским трапециевидным щитком, на котором выгравировано изображение солярного символа в виде многолучевой звезды (рис. 6,3,4) [Винокуров, 2011а, с. 58–60, рис. 2]. В заполнении могилы, помимо обломков керамики античного времени, найдены венчики ойнохой скалистинского типа, стенки и профильные части горловин и ручек причерноморских бороздчатых амфор (рис. 6,2,5,6), а также обломки стенок высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, позволяющие датировать захоронение не ранее второй половины IX в.

На данный момент в пределах изученной территории поселения выявлено уже четыре одиночных погребения в грунтовых ямах, из них два на раскопе III [Винокуров, 2004а, с. 63–64; Винокуров, 2011а, с. 56–63, рис. 1–3]. Некоторые из них, возможно, связаны с расположенными поблизости культовыми комплексами. На Керченском полуострове подобного рода одиночные грунтовые захоронения были обнаружены также на поселениях Осовины-I и Героевка-6 [Зинько, Пономарев, 2007, с. 192–194, рис. 9; Зинько, Пономарев, 2008, с. 426, рис. 9; 10]. За пределами Крыма погребения, совершенные на территории поселений, в том числе в жилых, хозяйственных и производственных постройках, раскопаны на Саркельском, Сидоровском, Верхнесалтовском, Мохначанском городищах, Дмитриевском и Маяцком поселениях, а также некоторых других поселениях степного и лесостепного ареалов салтово-маяцкой культуры. Однако, поскольку эти погребения будут рассмотрены в отдельной публикации, подробно анализировать причины, по которым они совершались на территории «живых», мы не будем. Отметим лишь, что в основной своей массе, захоронения, выявленные на территории салтово-маяцких поселений (в том числе в заброшенных жилищах и производственных комплексах), имели, по-видимому, ритуальный характер и совершались в силу различных, но иногда тесно связанных между собой причин культурно-религиозного, политического, социально-экономического и общественного характера [Плетнева, 1989, с. 67; Плетнева, Красильников, 1990, с. 106; Винников, Афанасьев, 1991, с. 137–138; Албегова, Гусаков, 2001, с. 127; Колода, 2011, с. 269–270; Колода, 2012–2013, с. 111–112]. К тому же, как справедливо отметил В. В. Колода, проблема их изучения находится «на стадии накопления материала и индивидуального анализа» и как отдельная научная тема пока еще глубоко и всесторонне не разрабатывалась [Колода, 2011, с. 269; Колода, 2012–2013, с. 110].

Примерно в одно и то же время, когда в заброшенной и уже частично засыпанной полуземлянке было совершено захоронение, к югу от нее был возведен двухкамерный, прямоугольный в плане дом, вытянутый по длинной оси в направлении север-юг (рис. 3; 4; 7,4,7). На Керченском полуострове такие жилища раскопаны на салтово-маяцких поселениях Героевка-2, Героевка-3, Героевка-6, Эльтиген-«Памятник», Алексеевка, Осовины-I, Илурат и Мирмекий. Большая часть из них ориентирована в направлении СВ–ЮЗ и СЗ–ЮВ и только двухкамерный дом на поселении Героевка-6, был ориентирован в направлении север-юг [Зинько, Пономарев, 2008, с. 428, рис. 8, 1]. Размеры их помещений варьируются

в пределах от 4,0×2,60 м – 3,90×4,60 м до 5,0×3,0 м – 2,80×3,20 м, при этом одно из них было жилым, другое хозяйственным. В жилой части дома, как правило, помещении меньших размеров, сооружали печь-каменку, чаще всего пристроенную к его северо-западному углу. Иногда ее заменял открытый очаг, а в некоторых случаях они функционировали вместе. В хозяйственных помещениях отопительные устройства чаще всего отсутствовали, но если зимой в них размещали скот, их могли обогревать открытым очагом. Здесь же, если такое помещение использовалось в качестве амбара, обустраивали хозяйственные ямы, предназначавшиеся, видимо, для хранения посевного зерна [Пономарев, 2012в, с. 199–201, рис. 6; Пономарев, 2013, с. 440–461].

Необычная ориентация двухкамерной постройки, раскопанной на городище Артезиан, видимо, была обусловлена направлением остатков кладки контрфорса юго-западной башни античной цитадели, к которым она была пристроена. Восточная – уцелевшая ее часть – позволяет реконструировать внешние размеры постройки в направлении север–юг в пределах 6,65 м. Западная часть постройки, за исключением восточного участка протяженностью 1,10–1,92 м, не сохранилась, вероятно, обвалившись вниз по склону возвышенности.

Восточная стена здания – кладка 87 уцелела по всей длине, составившей 6,50 м[7]. С запада под прямым углом к ней пристроены южная стена – кладка 87.1 и северная стена – кладка 87.3. Толщина кладок варьируется в пределах 0,63–0,85 м. Сохранились они на высоту одного–трех рядов камней до 0,10–0,40 м. Сложены стены из мелкого и среднего бутового камня на суглинистом растворе двухлицевой двухслойной кладкой, на отдельных участках «в елочку» (кладка opus spicatum), при этом камни нижнего ряда, установленные на ребро под углом 45 градусов, имели уклон к северу, камни второго ряда – к югу, камни третьего, сохранившегося ряда, опять к северу. Горизонтальные ряды камней более-менее выдержаны. Нижний ряд кладок сложен в перевязь, верхние ряды – в стык (рис. 7,5–7) [Винокуров, Пономарев, 2015г, рис. 5, 5–12].

К восточной стене примыкала еще одна, параллельная северной и южной стенам – кладка 87.2, толщиной 0,53 м, которая разделяла постройку на два помещения. Соответственно, длина северного помещения составляла 1,96 м, южного помещения – 2,82 м. Размеры помещений, собственно как и самой постройки, в направлении запад–восток остались неизвестными, поскольку полностью разрушенными оказались не только размещавшиеся внутри них хозяйственно-бытовые устройства, но и полы.

Отсутствие полов и связанного с ними «жилого» горизонта привело к тому, что ни одной находки, которую можно было бы отнести ко времени функционирования дома, обнаружить не удалось. Не оказалось датирующего материала и в слое,

[7] Следует отметить, что два верхних ряда в стене 87 были смещены в западном направлении, по отношении к нижнему ряду, на 0,12–0,18 м. Но это не следы перестройки здания, а обычная горизонтальная деформация каменной конструкции, к которой, скорее всего, привело близкое расположение постройки к склону, а также возможные сейсмические подвижки культурных напластований.

перекрывшем остатки его разрушенных стен, поскольку при их расчистке, помимо античной керамики, был обнаружен только один профильный фрагмент причерноморской амфоры с бороздчатым рифлением.

Таким образом, полученный при раскопках двухкамерного дома археологический материал не позволил определить нижнюю и верхнюю дату его функционирования. Тем не менее есть веские основания отнести его ко второму – более позднему хронологическому периоду. Во-первых, аналогичные по конструкции постройки – так называемые «дома-пятистенки» хорошо известны по раскопкам раннесредневековых поселений Крыма и в большинстве своем были сооружены в IX в. При этом обнаруженный на их полах археологический материал, как правило, датируется не ранее второй половины этого столетия [Баранов, 1990, с. 50; 52; Айбабин, 1999, с. 202; Майко, 2004, с. 118; Пономарев, 2013, с. 448]. Во-вторых, на участке, где был возведен дом, располагался более ранний комплекс – хозяйственная яма 287, обнаруженная в северном помещении ниже уровня фундаментов его стен (рис. 3; 5,14). На момент возведения постройки она уже была заброшена и заполнена грунтом и бутовыми камнями, а в процессе нивелировки площадки под двухкамерный дом ее верхняя часть была срезана. В плане яма имела округлую форму, в разрезе трапециевидную. Нижняя ее часть выкопана в материковом суглинке, верхняя – в золистом слое запустения античного городища. Размеры ямы на верхнем – сохранившемся уровне – 0,92×1,08 м, на уровне дна – 1,64×1,68 м. Глубина составляла не менее 1,14–1,32 м. Яма была заполнена золистым грунтом средней плотности с включениями бутовых камней, древесного угля, небольшого количества костей домашних животных, раковин виноградных улиток, обломков античной и раннесредневековой керамики, в том числе причерноморских амфор с бороздчатым и мелким зональным рифлением (рис. 5,15,16), ойнохой скалистинского типа (рис. 5,17,18) и салтово-маяцких горшков (рис. 5,19,20). На ее дне найдена раздавленная причерноморская амфора с бороздчатым рифлением на тулове высотой 46,5 см. (рис. 5,21). Учитывая широкие рамки их бытования [Науменко, 2009б, с. 44–47], она не может служить надежным хронологическим репером, но, принимая во внимание стратиграфическую ситуацию на этом участке раскопа, есть все основания полагать, что хозяйственная яма 287 могла функционировать одновременно с полуземлянкой, которая находилась примерно в 1,5 м к северу от нее.

Помимо двухкамерного дома в северо-западной части раскопа, в 2,10–3,20 м к востоку и юго-востоку от полуземлянки и в 2,10 м к северо-востоку от двухкамерного дома, были обнаружены остатки еще двух разновременных, частично перекрывших друг друга, заглубленных построек (рис. 4).

От более ранней постройки уцелели обрывки фундаментов восточной и западной стен – кладок 84 и 85, сохранившихся на высоту одного ряда камней. Кладка 84 ориентирована по линии север–юг, кладка 85 по линии ССЗ–ЮЮВ. Длина сохранившихся участков стен 85 и 84 – 2,10 м и 1,21 м, толщина – 0,38–0,39 м и 0,35 м, высота – 0,18 м и 0,21–0,24 м. Кладка стен однолицевая постелистая.

Разнокалиберные, преимущественно необработанные камни уложены логом и тычком на суглинистом растворе (рис. 7,3). Расстояние между стенами составляло 1,51 м. Пространство между ними было заполнено темно-коричневым суглинком с мелким известняковым щебнем и обломками разновременной керамики, в том числе причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков. К сожалению, плохая сохранность стен не позволяет реконструировать планировку постройки и тем более определить ее функциональное назначение. Однако, во всяком случае учитывая небольшое расстояние между уцелевшими стенами, она вряд ли могла использоваться как жилой дом.

Более поздняя, возведенная на этом же участке, постройка частично перекрыла своим юго-восточным углом, образованным южной стеной 82 и восточной стеной 83, стену 84 ранней постройки. При этом между ними успела сформироваться прослойка сырцового развала мощностью 0,10–0,25 м, который, видимо, представлял собой остатки разрушенных сырцовых участков стен ранней постройки. Кладки 82 и 83 пристроены друг к другу под прямым углом, в перевязь. Длина кладок 82 и 83 – 1,79 м и 1,30 м, толщина 0,32 м и 0,40–0,43 м. Сохранились они на высоту одного ряда камней до 0,38 м и 0,24–0,34 м. Кладка однолицевая, постелистая, сложена из разнокалиберных, преимущественно необработанных камней на суглинистом растворе (рис. 7,1,2). По всей видимости, постройка имела в плане прямоугольную форму и была ориентирована в направлении ССВ–ЮЮЗ.

К сожалению, при расчистке стен обеих построек датирующих находок обнаружено не было. Можно лишь предполагать, что возведены они были не ранее середины IX в. и, таким образом, относились ко второму хронологическому периоду, но разным его строительным этапам. Подобного рода «наслоившиеся» друг на друга строительные комплексы уже фиксировались на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова [Гайдукевич, 1952, рис. 122, 123; Зинько, Пономарев, 2005, с. 242]. Однако выделить соответствующие им «жилые» горизонты и установить их хронологические рамки также не удалось.

Помимо строительных комплексов в юго-западном углу раскопа III было обнаружено еще несколько хозяйственных ям.

Одна из них раскопана в 2,70 м к юго-западу от двухкамерного дома. В плане она имела округлую форму и, возможно, предназначалась для установки в нее нижней части пифоса. Ее диаметр составлял 0,45 м, глубина – 0,40 м. Заполнена она была рыхлым обугленным грунтом серо-черного оттенка, насыщенным мелкими костями птиц, обломками античной и раннесредневековой керамики. В яме найдены верхняя часть красноглиняного пифоса, несколько ручек античных амфор, обломки лепных горшков, венчик краснолакового кувшина, верхняя часть и дно ойнохои скалистинского типа.

Еще две ямы – 296 и 296.2 исследованы в 4 м к юго-западу от двухкамерного дома (рис. 3). Горловины и борта ям обвалились и сильно разрушены, поскольку были выкопаны в золистом слое запустения античного городища. Первоначальную

их форму установить не удалось. По мере обрушения на месте ям образовался овальный в плане котлован размерами 2,80×2,24 м и глубиной до 1,63 м. Он был заполнен рыхлым грунтом серого оттенка, при расчистке которого обнаружены обломки античной керамики, причерноморских амфор с бороздчатым и мелким зональным рифлением (рис. 8,1-6), ойнохой скалистинского типа, салтово-маяцких горшков (рис. 8,7-15,17,18) и фрагмент глиняного пряслица (рис. 8,16).

По всей видимости, все хозяйственные ямы, собственно как и две фрагментарно сохранившиеся постройки, были взаимосвязаны с двухкамерной постройкой и составляли с ней единый жилищно-хозяйственный комплекс – усадьбу, появление которых на салтово-маяцких поселениях Крыма относят к IX в. или второй половине этого же столетия [Баранов, 1981, с. 69–70; Баранов, 1990, с. 52–53; Айбабин, 1999, с. 202]. На Керченском полуострове близкий ему по структуре жилищно-хозяйственный комплекс исследован на поселении Героевка-2. Он состоял из дома-пятистенки и двух разновременных, сооруженных на месте друг друга хозяйственных построек. Со всех сторон их окружало огороженное подворье, на территории которого был отсыпан небольшой зольник и устроено несколько хозяйственных ям [Зинько, 1997, с. 122, рис. 70; 71; Зинько, Пономарев, 2005, с. 241–244, рис. 11; 15].

С добычей строительного материала для построек усадьбы на раскопе III может быть связан котлован перекопа, обнаруженный в 6 м к востоку от двухкамерного дома (рис. 3; 9). Образовался он в процессе выборки стен юго-западной башни цитадели античного городища [Винокуров, 2004б, с. 62; Винокуров, 2005, с. 53]. В плане котлован имел форму, приближенную к овалу. Площадь его составила более 200 кв. м, глубина достигала 1,12–2,10 м. Выбросы из котлована над башней, а также из траншей выборок западной и южной крепостных стен, отходивших от котлована на север и восток, образовали валообразную насыпь переотложенного культурного слоя, имевшую довольно крутые склоны, направленные в южную и юго-западную стороны – к южной балке урочища Артезиан. Перекоп заполнял темно-коричневый суглинок с включением большого количества щебня, костей животных и керамики, преимущественно I–III вв. н. э. Помимо керамики из переотложенных античных слоев, в заполнение котлована попали фрагменты причерноморских амфор (рис. 8,19-24) и ойнохой скалистинского типа. К сожалению, установить, как долго функционировала эта своеобразная «каменоломня», на имеющемся материале не представляется возможным. По крайней мере, каких-либо построек в непосредственной близости от котлована так и не возвели.

Не было зафиксировано следов застройки и в восточной части раскопа, но в северо-восточном его углу были обнаружены ритуальные захоронения людей и животных, возможно, связанные с «южным» культовым комплексом в раскопе I.

В одном из них – погребении 16 было совершено захоронение молодой женщины. Погребение обнаружено в северо-восточном углу раскопа III при стыковке с раскопом I (рис. 10). Оно располагалось в 2,12 м южнее каменного «колодца» с захоронением подростка вместе с черепом и костями быка, входившем в «южный»

культовый комплекс [Винокуров, 2004а, с. 64–70, рис. 9; 10; Винокуров, Сон, 2011, с. 66; Винокуров, 2011а, с. 62–63, рис. 3].

Контуры могильной ямы удалось зафиксировать только ближе ко дну, так как участок, где она располагалась, существенно поврежден более поздними перекопами. Тем не менее удалось установить, что она была впущена с уровня «жилого» горизонта салтово-маяцкого поселения, при этом тело погребенной было уложено на уже частично разрушенную кладку позднеантичной постройки.

Размеры овально-вытянутой в плане могильной ямы составляли 1,54×0,56–0,60 м, глубина варьировалась в пределах 0,44–0,50 м. У южного борта могильной ямы выявлено пятно горелого грунта размерами 0,29×0,56×0,14 м с прослойками черной жирной сажи (от сожжения какой-то органики?), золы и мелких древесных угольков. Находилось оно на 0,44–0,46 м выше дна могилы, фиксируя уровень поверхности, с которого было совершено захоронение. Возможно, сожжение было связано с погребальной церемонией, которая проводилась после совершения захоронения.

Погребенная в могиле 16 женщина была уложена на спину, в вытянутом положении, головой на ЗСЗ (рис. 11). Ее череп был немного запрокинут назад и повернут лицевой частью на ЮЮЗ. Левая рука согнута в локтевом суставе под прямым углом, кистью с правой стороны туловища на нижних ребрах грудной клетки. Правая рука сильно согнута в локтевом суставе и поднята к голове, кистью на правой стороне груди, ниже ключицы. Положение нижних конечностей выяснить не удалось, так как их кости были смещены и частично выбраны позднейшим перекопом.

На нижней челюсти с правой стороны обнаружена прижизненная травма, нанесенная предметом с узким режущим краем (острием лезвия или наконечником стрелы?). Удар был достаточно сильным, нанесен справа, немного снизу, но, по-видимому, на излете. В результате ранения из челюсти был выбит один из резцов, а на кости остался заметный след от проникшего сквозь мышечную ткань лезвия или наконечника. Однако следов заживления или изменившего структуру костной ткани длительного воспалительного процесса на челюсти выявлено не было.

Под головой женщины, зафиксирована прослойка золистого темно-серого грунта толщиной до 0,08 м, ниже которой было уложено несколько небольших уплощенных бутовых камней. В золистом слое среди камней этого своеобразного «изголовья», на уровне дна могилы, были обнаружены несколько практически полностью разложившихся матовых стеклянных бусин, покрытых патиной песочно-желтого оттенка.

Отсутствие каких-либо датирующих находок в могиле, а также внятного стратиграфического контекста на прилегающем участке раскопа не позволили определиться с узкими хронологическими рамками погребения.

Второй, обнаруженный в северо-восточном углу раскопа III ритуальный объект представлял собой яму с захоронением теленка или комолой коровы, раскопанную в 12,85 м к юго-западу от погребения 16 [Винокуров, 2011а, с. 61–62]. Контуры ямы удалось зафиксировать только ближе ко дну, так как участок, где она располагалась, был существенно поврежден более поздними перекопами. Тем не менее удалось

установить, что она была впущена с уровня «жилого» горизонта второй половины VIII – первой половины X вв. В плане яма имела форму, приближенную к овалу (рис. 12,1). Размеры ее составляли – 1,08×0,91–0,97 м, глубина – 0,37–0,52 м. В разрезе она имела неправильную трапециевидную форму, а ровное дно – небольшой уклон к югу. Яма была заполнена плотным глинистым грунтом серо-коричневого оттенка с мелким известняковым щебнем и крошкой, а также немногочисленными фрагментами стенок и профильных частей керамики первых веков нашей эры.

К сожалению, сохранность скелета теленка (коровы), благодаря которому и стало возможным причислить яму к числу культовых объектов, оказалась очень плохой. Большая часть его костей была смещена или раздавлена и к тому же перемешана с мелким бутовым камнем. Тем не менее отдельные кости указывают на то, что животное, вероятно, было уложено на левый бок, головой к ССВ (рис. 12,2).

Следы обрядов, при совершении которых в качестве жертвенного животного приносилась корова, бык и теленок (или части их расчлененных туш), зафиксированы на многих поселениях и могильниках салтово-маяцкой культуры, включая и Керченский полуостров [Флеров, 1971, с. 261–262, рис. 2; Артамонова, 1963, с. 185, 186, рис. 7; Белинский, Кулаков, 2013, с. 152, 162, рис. 7; Плетнева, 1996, с. 78; Ключников, 2009, с. 244–246; Колода, 2001, с. 129; Винников, Ковалевский, 2007, с. 54–55; Зинько, Пономарев, 2005, с. 245, рис. 19; Винокуров, 2004а, с. 67, рис. 9]. По-видимому, как и у многих других земледельческих народов, эти животные являлись символом благополучия, плодородия и производящих сил природы и, соответственно, могли быть связаны с земледельческими и животноводческими культами, «обеспечивавшими» в языческом сознании людей не только их благосостояние, но и само дальнейшее существование.

Третье, исследованное в северо-восточном углу раскопа III ритуальное захоронение было совершено в шахте заброшенного античного колодца 4 (рис. 3) [Винокуров, 2011б, с. 70, рис. 8]. Обнаружен он при зачистке придонной части обширного котлована, образовавшегося в результате выборки камня из античных построек. Котлован диаметром более 10–11 м и глубиной до 1,8 м находился примерно в центре цитадели античного городища и был окружен валообразными выбросами из траншей выборок ее крепостных стен и башен. Его заполнял темно-коричневый, почти черный гумусовый грунт, содержащий в большом количестве мелкий известняковый щебень, раковины виноградных улиток, кости животных, обломки стенок античной керамики, амфор причерноморского типа и салтово-маяцких горшков. Здесь же были найдены разрозненные человеческие кости, принадлежащие, по меньшей мере, двум или трем взрослым индивидуумам, в том числе фрагмент нижней челюсти, обломки черепа (правой теменной кости и задней части левой теменной кости) и четыре фрагмента правой лучевой и локтевых костей.

Колодец ориентирован по оси ССЗ–ЮЮВ. В плане и сечении он имел прямоугольную форму. Горловина шахты на несколько рядов кладки выбрана в древности. Размеры устьевой части на сохранившемся уровне: 2,10×1,30 м. Размеры дна

установить не удалось, поскольку колодец по техническим причинам был раскопан не полностью. Его исследованная глубина составила 4,5–6,0 м (12–14 рядов кладки)[8]. По этой же причине под вопросом остается и время сооружения колодца, хотя керамика, обнаруженная на уровне его горловины (в заполнении ямы под колодезную шахту), позволяет предварительно говорить о периоде не позднее I–III вв. н. э., возможно, даже I–II вв. н. э. В пользу этой даты указывают также особенности техники обработки и укладки камней его шахты, существенно отличавшиеся от кладки бортов «колодца» с ритуальным захоронением подростка и быка на раскопе I («южный» культовый комплекс), сооруженного, вероятно, не ранее второй половины VIII в.

Борта колодца 4 сложены из квадров и блоков, установленных логом и тычком однолицевой, однослойной, постелистой кладкой (рис. 13,2). Углы сложены в перевязь. Вяжущего раствора в кладке не зафиксировано, поскольку щели между камнями затекли глинистым, очень вязким и плотным черным грунтом, который просачивался вместе с дождевой водой, когда колодец уже был заброшен и засыпан.

В кладке бортов колодца использован рыхлый по структуре, но простой в обработке известняк-ракушечник светло-желтого и серого оттенков. Размеры камней варьируются от 0,56×0,52×0,38 м до 0,94×0,54×0,36 м – 0,80×0,44×0,39 м. Обращает на себя внимание наличие в некоторых из них технологических пазов для упора балок деревянных конструкций. На уровне 3 и 4 ряда камней кладки вырублена небольшая прямоугольная ниша размерами 0,28×0,14×0,12 м.

Горловина колодца с северной стороны, судя по всему, была намеренно заужена двумя квадрами, установленными под углом друг к другу и для устойчивости зафиксированными в месте сочленения вертикальной плитой-контрофорсом (рис. 13,1). С западной стороны, в верхнем сохранившемся ряду кладки, для уменьшения размеров шахты использовали три блока, уложенных таким образом, что на одну треть своей ширины они нависали над горловиной колодца. При этом камни верхнего ряда находились, несомненно, во вторичном использовании. На их поверхности остались следы подтесов под круглые и прямоугольные в сечении деревянные балки. Возможно, сужение горловины – результат позднейшей перестройки устьевой части колодца.

Шахта колодца от верхнего сохранившегося и до четырнадцатого ряда кладки была заполнена влажным глинистым грунтом коричнево-черного оттенка с большим количеством бутового камня, кусков серой глины и бытовым мусором, преимущественно керамикой античного времени. На уровне нижнего ряда найдены обломки горловин и стенки двух пифосов, венчики и стенки красноглиняных амфор II–III вв. н. э., амфор с воронкообразным горлом II–IV вв. н. э., узкогорлых амфор с профилированными ручками типов A-D по Д. Б. Шелову, позднесинопских амфор, а также

[8] На раскопе III обнаружено еще три античных колодца, относившиеся к периоду функционирования поздней цитадели [Винокуров, 2011б, с. 52–70, рис. 1]. Они также имели прямоугольную форму, но были существенно меньше по размеру и их борта были облицованы не камнем, а деревянным плахами. К сожалению, полностью раскопать ни один из колодцев не удалось, так как ниже 4–7 м их шахты были выкопаны в неустойчивом песчано-глинистом грунте.

фрагменты столовой и кухонной посуды первых веков н. э. Находок, относящихся ко второй половине VIII – первой половине X вв., за исключением профиля плоского днища сероглиняного лощеного кувшина, не обнаружено. Этот фрагмент, очевидно, отмечает последний этап его засыпки.

Примерно с уровня 3–4 ряда кладки среди бутовых камней были обнаружены черепа и скелеты нескольких десятков собак (рис. 13, 2). При этом большая часть костей, как и черепа, не пострадали, сохранив первоначальное анатомическое сочленение в суставах. Но не один из скелетов полностью расчистить и зафиксировать не удалось, так как в процессе разложения мягких тканей кости проваливались между камнями, образуя аморфные и частично перекрывшие друг друга скопления, затекшие к тому же чрезвычайно вязким черным грунтом. По этой же причине недоступными для фиксации оказались останки нескольких человеческих индивидуумов, раздавленные черепа которых вместе с отдельными костями конечностей были найдены на уровне 5–6 рядов кладки у северной и южной стенки шахты колодца.

К сожалению, как уже указывалось выше, комплекс доследован не был, тем не менее уже и на этом этапе его расчистки есть все основания утверждать, что частично засыпанный колодец был использован для совместного ритуального захоронения людей и собак – обряда, широко практиковавшегося народами салтово-маяцкой культуры, в том числе и салтовским населением Керченского полуострова [Артамонова, 1963, с. 205–206, рис. 138; Квитковский, 2012, с. 26–28, рис. 2; 3; Марти, 1941, с. 32; Винокуров, 2004а, с. 70–72, рис. 12; 13][9]. К сожалению, находок, относящихся к этому времени, в его заполнении было обнаружено немного. Поэтому датировать захоронение можно лишь в общих пределах – между второй половиной VIII – первой половиной X вв. При этом следует отметить, что сам колодец был возведен в первые века нашей эры.

Таким образом, все открытые в пределах раскопа культовые комплексы не имеют узких датировок. В отличие от них жилищные и хозяйственные комплексы можно разделить на два хронологических периода. К первому периоду, нижняя и верхняя дата которого предварительно может быть определена между второй половиной VIII – первой половиной IX вв., относятся хозяйственная яма 287 и нежилая полуземлянка в северо-западном углу раскопа. Соответственно, ко второму периоду, нижняя хронологическая граница которого условно варьируется в пределах второй половины IX в., относится жилищно-хозяйственный комплекс, возможно, обо-

[9] В ритуальной практике многих древних народов собака рассматривалась не только в качестве приношения высшим силам или проводника в потусторонний мир, но и как составная часть культа плодородия, зерна и земли [Крижевская, 1990, с. 46; Рыбаков, 1994, с. 207; Чибиров, 1983, с. 100]. Особая роль в «кровавых» ритуалах и погребальных обрядах отводилась собакам и у народов салтово-маяцкой культуры [Флеров, 1995, с. 89; Белинский, Кулаков, 2013, с. 152, 162, рис. 7; Флеров, 1971, с. 261–262, рис. 2; Плетнева, 1996, с. 80–81, рис. 26, б; 31, а; Плетнева, 1989, с. 206, 243] во многом, видимо, и потому, что при жизни им доверялся целый ряд ответственных функций, в том числе по управлению и охране стада, а также охране жилища и человека [Плетнева, 2004, с. 67; Михеев, 1985, с. 28].

собленная усадьба, включавшая в себя двухкамерный дом, две разновременные хозяйственные(?) постройки и группу хозяйственных ям.

Что же касается планировки исследованной части поселения, то, как и на других его раскопанных участках, следов плотной и регулярной застройки обнаружено не было. Более того, получается, что за весь период его существования на площади более 1500 кв. м, не считая полуземлянки, функционировал только один жилищно-хозяйственный комплекс. Прилегающая к нему с востока территория так и осталась незастроенной и использовалась для добычи камня и совершения ритуальных захоронений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.

Албегова З.Х., Гусаков М.Г. Культовое назначение постройки 21 Маяцкого селища // Практика и теория археологических исследований / Труды отдела охранных раскопок ИА РАН / под ред. Н. В. Малиновской. М.: Институт археологии РАН, 2001. С. 122–131.

Артамонова О.А. Могильник Саркела – Белой Вежи / Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III // МИА. 1963. № 109. С. 9–215.

Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культовые комплексы Маяцкого селища (материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1991. 192 с.

Баранов И.А. Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма // Плиска-Преслав. Прабългарската култура. Материали от българо-съветската среща. Шумен, 1976. София, 1981. Т. 2. С. 57-71.

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.

Белинский И.В., Кулаков А.А. Средневековый слой поселения Октябрьское I // Хазарские древности: сб. научных статей / под ред. В.В. Ключникова, А.А. Кулакова. Аксай: Аксайский военно-исторический музей, 2013. С. 140–162.

Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1998. 216 с.

Винников А.З., Ковалевский В.Н. Могильник салтово-маяцкой культуры у с. Тихий Дон в Воронежской области // Хазарский альманах. Киев; Харьков, 2007. Т. 6. С. 51–64.

Винокуров Н.И. Работы в Ленинском районе // Археологические исследования в Крыму. 1994 год: Сб. науч. ст. / под ред. В.А. Кутайсова. Симферополь: СОНАТ, 1997. С. 62–65.

Винокуров Н.И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М.: Агентство ВРК, 1998. 152 с.

Винокуров Н.И. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам раскопок ритуальных захоронений в Крымском Приазовье) // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. М., 2004а. Вып. 3. С. 55–87.

Винокуров Н.И. Исследование юго-западной части городища Артезиан // V Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы: материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2004б. С. 59–70.

Винокуров Н.И. Гибель ранней «Цитадели» городища Артезиан // VI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф: материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2005. С. 50–60.

Винокуров Н.И. Исследование некрополя городища Артезиан в 2000 г. // Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия, Скифия, Боспор / под ред. А.А. Масленникова, Н.А. Гаврилюк. Запорожье: Дикое поле, 2007. С. 351–401.

Винокуров Н.И. Погребальные комплексы античного и средневекового времени: разрыв традиции или преемственность (на примере городища и некрополя Артезиан) // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияния культур: материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2011а. С. 55–67.

Винокуров Н.И. Гидротехнические сооружения античного городища Артезиан в Крымском Приазовье // ДБ. 2011б. Т. 5. С. 45–72.

Винокуров Н.И. Хозяйственно-жилые кварталы городища Артезиан первой половины первого века н. э. // ДБ. 2012. Т. 16. С. 51–76.

Винокуров Н.И. Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.) / Боспорские исследования. Supplementum 12. К.: ТОВ «Оранта Арт Бук», 2014. 680 с.

Винокуров Н.И. Новые свидетельства палеосейсмической активности на Боспоре в первые века нашей эры (по материалам раскопок городища Артезиан) // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум: материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь, 2015. С. 60–74.

Винокуров Н.И., Сон Н.А. Исследования Международной Российско-Украинской Артезианской археологической экспедиции в Крымском Приазовье // Археологічні дослідження в Україні – 2010 / под. ред. Д.Н. Козака. Київ; Полтава, 2011. С. 64-66.

Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Южный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по материалам исследований на раскопе II) // ПИФК. 2015а. № 3 (49). С. 160–195.

Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкое поселение на античном городище Артезиан (Керченский полуостров) // LAUREA I. Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Материалы / под ред. С.И. Посохова, С.Б. Сорочана. Харьков, 2015б. С. 18–22.

Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие комплексы городища Артезиан (по материалам раскопок 1994–2010 гг.) // Таврические студии. Исторические науки. Симферополь, 2015в. № 7. С. 46–53.

Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Жилищные и хозяйственные комплексы салтово-маяцкого времени в центральной части городища Артезиан // ДБ. 2015г. Т. 19. С. 28–42.

Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 15–134.

Зинько В.Н. Охранные археологические исследования на хоре Нимфея // Археологические исследования в Крыму. 1994 год: Сб. науч. статей / под. ред. В.А. Кутайсова. Симферополь: СОНАТ, 1997. С. 119–124.

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 у пос. Эльтиген // БИ. 2005. Вып. X. С. 236–268.

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 183–196.

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове // Древности Юга России: памяти А. Г. Атавина / под ред. Г.Е. Афанасьева. М.: Ин-т археологии РАН: ТАУС, 2008. С. 420–440.

Зубарев В.Г., Масленников А.А. Историческая география Европейского Боспора по Клавдию Птолемею // СА. 1987. № 3. С. 40–52.

Квитковский В.И. Захоронение в круглой яме на селище Пятницкое-I // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Харків, 2012. Вип. 2. С. 26–29.

Ключников В.В. Особенности строительно-хозяйственных комплексов городища Золотые Горки на Нижнем Дону // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и

хазарское время. Сборник статей по материалам XII международной науч. конф. / под ред. В.В. Ключникова, А.Н. Коваленко, Ростов-на-Дону, 2009. С. 241–255.

Ковыркин К.К., Санжаровец В.Ф. Керченский полуостров. Географический словарь // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, 2014. Вып. IV. С. 443–585.

Колода В.В. Работы на Мохначанском городище в 2000 г. // Археологічні відкриття в Україні 1999–2000 рр. / под ред. Д.Н. Козака, Н.О. Гаврилюк. Киев, 2001. С. 129–131.

Колода В.В. Новые материалы к проблеме оседания средневековых кочевников: критерии выделения и подходы к решению (на примере исследований городища Мохнач) // Хазарский альманах. Харьков, 2005. Т. 4. С. 216–233.

Колода В.В., Горбаненко С.А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. К.: Институт археологии АН Украины, 2010. 216 с.

Колода В.В. К вопросу о погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач) // Древности, 2011: Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2011. Вып. 10. С. 261–272.

Колода В.В. Жилище с парным захоронением на городище Мохнач // Хазарский альманах. Киев; Харьков, 2012–2013. Т. 11. С. 106–115.

Красильникова Л.И. Конструктивные признаки жилых построек и их типология на поселениях Степного Среднедонечья VIII – нач. X в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2001. Т. 2. Хазарское время. С. 323–332.

Крижевская Л.Я. Погребения животных как форма проявления первобытных верований // Конференция «Реконструкция древних верований: источники, метод, цель». Тез. докл. Л., 1990. С. 44–46.

Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев: «Академпериодика», 2004. 316 с.

Майко В.В. Археологические материалы для реконструкции посада раннесредневековой Сугдеи // Древности, 2009: Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2009. Вып. 8. С. 259–268.

Майко В.В. Юго-Восточный Крым VIII–XI вв. Два примера провинциально-византийской культуры // Византия в контексте мировой культуры. Материалы конф., посвящ. памяти Алисы Владимировны Банк – 1906–1984 гг. / ТГЭ. 2010. Т. LI. С. 428–437.

Марти Ю.Ю. Разведочные работы вне городских стен Тиритаки // Археологические памятники Боспора и Херсонеса / МИА. 1941. № 4. С. 25–36.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: «Вища школа», 1985. 148 с.

Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. // ХСб. 2004. Вып. XIII. С. 163–180.

Науменко В.Е. Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. / Боспорские исследования. Supplementum 5. Киев: АДЕФ-Україна, 2009а. С. 50–57.

Науменко В.Е. Амфоры // В. Н. Зинько, Л. Ю. Пономарев Тиритака. Раскоп XXVI. Том. I. Археологические комплексы VIII–X вв. / Боспорские исследования. Supplementum. 5. Киев: АДЕФ-Україна, 2009б. С. 35–50.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.

Плетнева С.А. Саркел и «шелковый» путь. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1996. 168 с.

Плетнева С.А. Экологичные привычки жителей Хазарского каганата // Природа. М., 2004. № 9 (1069). С. 64–68.

Плетнева С.А., Красильников К.И. Гончарные мастерские Маяцкого комплекса // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / под ред. С.А. Плетневой. М.: Институт археологии АН СССР, 1990. С. 92–139.

Пономарев Л.Ю. Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген // БИ. 2004. Вып. V. С. 445–475.

Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкий плитово-грунтовый могильник поселения Героевка-2 (как один из примеров взаимодействия культур и религий на окраинах византийского мира) // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияния культур: материал международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2011. С. 287–295.

Пономарев Л.Ю. О разведках и раскопках Д. Л. Талиса на Керченском полуострове в 1960 г. // БИ. 2012а. Вып. XXVI. С. 479–511.

Пономарев Л.Ю. К эволюции и хронологии жилищ салтово-маяцких поселений Керченского полуострова (юртообразные постройки и полуземлянки) // Дриновський збірник. Харків; Софія, 2012б. Вип. V. С. 65–78.

Пономарев Л.Ю. Жилища Восточного Крыма эпохи Хазарского каганата (по материалам раскопок салтово-маяцких поселений Керченского полуострова) // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2012в. Вып. V. С. 186–209.

Пономарев Л.Ю. Двухкамерные жилища (дома-пятистенки) салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // Ῥωμαίος: сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана / Нартекс. Byzantine Ukrainensis. Харьков, 2013. Т. 2. С. 440–461.

Пономарев Л.Ю., Пономарева И.А. Редкие формы салтово-маяцкой нелощеной керамики из раннесредневековых поселений Керченского полуострова (предварительная информация) // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2010. Вып. IV. С. 453–464.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. Изд. 2-е. М.: Наука, 1994. 608 с.

Сазанов А.В. Хронология слоев средневековой Керчи // ПИФК. 1998. Вып. V. С. 50–88.

Флеров В.С. Поселение VIII–IX вв. у ст. Богоявленской // СА. 1971. № 2. С. 258–265.

Флеров В.С. Общинное хранилище (к проблеме социальных взаимоотношений в Хазарском каганате) // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н. э. Тез. докл. науч. конф. М., 1995. С. 88–91.

Чибиров Л.А. Аграрные истоки культа животных у осетин // СЭ. 1983. № 1. С. 94–102.

Чхаидзе В.Н. Высокогорлые кувшины с плоскими ручками из раскопок Фанагории и их распространение в Причерноморье // Древности Юга России: памяти А. Г. Атавина / под ред. Г.Е. Афанасьева. М.: Ин-т археологии РАН: ТАУС, 2008. С. 398–419.

REFERENCES

Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma.* Simferopol': DAR Publ., 1999, 352 p.

Albegova Z.Kh., Gusakov M.G. Kul'tovoe naznachenie postroiki 21 Maiatskogo selishcha. *N.V. Malinovskaia (Ed.). Praktika i teoriia arkheologicheskikh issledovanii. Trudy otdela okhrannykh raskopok IA RAN.* M.: Institut arkheologii RAN Press., 2001, pp. 122–131.

Artamonova O.A. Mogil'nik Sarkela – Beloi Vezhi. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR,* 1963, № 109 (Trudy Volgo-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii, vol. III), pp. 9–215.

Vinnikov A.Z., Afanas'ev G.E. *Kul'tovye kompleksy Maiatskogo selishcha* (Materialy raskopok Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoi ekspeditsii). Voronezh: Voronezhskii universitet Press., 1991, 192 p.

Baranov I.A. Nekotorye itogi izucheniia tiurko-bolgarskikh pamiatnikov Kryma. *Pliska-Preslav.* Prab''lgarskata kultura. Materiali ot b''lgaro-s''vetskata sreshcha. Shumen, 1976. Sofiia, 1981, vol. 2, pp. 57–71.

Baranov I.A. *Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ia (saltovo-maiatskaia kul'tura).* Kiev: Naukova dumka, 1990, 168 p.

Belinskii I.V., Kulakov A.A. Srednevekovyi sloi poseleniia Oktiabr'skoe I *V.V. Kliuchnikov, A.A. Kulakov (Ed.). Khazarskie drevnosti: sb. nauchnykh statei.* Aksai: Aksaiskii voenno-istoricheskii muzei, 2013, p. 140–162.

Vinnikov A.Z., Pletneva S.A. *Na severnykh rubezhakh Khazarskogo kaganata. Maiatskoe poselenie*. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet Press., 1998, 216 p.

Vinnikov A.Z., Kovalevskii V.N. Mogil'nik saltovo-maiatskoi kul'tury u s. Tikhii Don v Voronezhskoi oblasti. *Khazarskii al'manakh.* Kiev; Khar'kov, 2007, vol. 6, pp. 51–64.

Vinokurov N.I. Raboty v Leninskom raione *V.A. Kutaisov (Ed.). Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu. 1994 god: Sb. nauch. st.* Simferopol': SONAT Publ., 1997, pp. 62–65.

Vinokurov N.I. *Arkheologicheskie pamiatniki urochishcha Artezian v Krymskom Priazov'e.* Moscow: Agentstvo VRK Publ., 1998, 152 p.

Vinokurov N.I. Praktika chelovecheskikh zhertvoprinoshenii v antichnoe i srednevekovoe vremia (po materialam raskopok ritual'nykh zakhoronenii v Krymskom Priazov'e). *OPUS: mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii.* Moscow, 2004, vol. 3, pp. 55–87.

Vinokurov N.I. Issledovanie iugo-zapadnoi chasti gorodishcha Artezian. *«V Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Etnicheskie protsessy»*. Kerch', 2004, pp. 59–70.

Vinokurov N.I. Gibel' rannei «Tsitadeli» gorodishcha Artezian. *«VI Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Periody destabilizatsii, katastrof»*. Kerch', 2005, pp. 50–60.

Vinokurov N.I. Issledovanie nekropolia gorodishcha Artezian v 2000 g. *A.A. Maslennikov, N.A. Gavriliuk (Ed.). Antichnyi mir i varvary na iuge Rossii i Ukrainy: Ol'viia, Skifiia, Bospor*. Zaporozh'e: Dikoe pole. Publ., 2007, pp. 351–401.

Vinokurov N.I. Pogrebal'nye kompleksy antichnogo i srednevekovogo vremeni: razryv traditsii ili preemstvennost' (na primere gorodishcha i nekropolia Artezian) // *«XII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Vzaimovliianiia kul'tur»*. Kerch', 2011, pp. 55–67.

Vinokurov N.I. Gidrotekhnicheskie sooruzheniia antichnogo gorodishcha Artezian v Krymskom Priazov'e. *Drevnosti Bospora*, vol. 5, pp. 45–72.

Vinokurov N.I. Khoziaistvenno-zhilye kvartaly gorodishcha Artezian pervoi poloviny pervogo veka n. e. *Drevnosti Bospora*, 2012, vol. 16, pp. 51–76.

Vinokurov N.I. *Nekropol' antichnogo gorodishcha Artezian v Krymskom Priazov'e (materialy raskopok 1999–2007 gg.).* Bosporskie issledovaniia. Supplementum 12. Kiev: TOV «Oranta Art Buk». Publ., 2014, 680 p.

Vinokurov N.I. Novye svidetel'stva paleoseismicheskoi aktivnosti na Bospore v pervye veka nashei ery (po materialam raskopok gorodishcha Artezian). *«XVI Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Geograficheskaia sreda i sotsium»*. Kerch', 2015, pp. 60–74.

Vinokurov N.I., Son N.A. Issledovaniia Mezhdunarodnoi Rossiisko-Ukrainskoi Artezianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v Krymskom Priazov'e. *D.N. Kozak (Ed). Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni – 2010.* Kiïv; Poltava, 2011, pp. 64–66.

Vinokurov N.I., Ponomarev L.Iu. Iuzhnyi uchastok saltovo-maiatskogo poseleniia na gorodishche Artezian (po materialam issledovanii na raskope II). *Problemy istorii, filologii, kul'tury,* 2015, № 3 (49), pp. 160–195.

Vinokurov N.I., Ponomarev L.Iu. Saltovo-maiatskoe poselenie na antichnom gorodishche Artezian (Kerchenskii poluostrov). *S.I. Posokhov, S.B. Sorochan (Ed.). LAUREA I. Chteniia pamiati professora Vladimira Ivanovicha Kadeeva.* Materialy. Khar'kov, 2015, pp. 18–22.

Vinokurov N.I., Ponomarev L.Iu. Saltovo-maiatskie kompleksy gorodishcha Artezian (po materialam raskopok 1994–2010 gg.). *Tavricheskie studii. Istoricheskie nauki.* Simferopol', 2015, № 7, pp. 46–53.

Vinokurov N.I., Ponomarev L.Iu. Zhilishchnye i khoziaistvennye kompleksy saltovo-maiatskogo vremeni v tsentral'noi chasti gorodishcha Artezian. *Drevnosti Bospora,* 2015, vol. 19, pp. 28–42.

Gaidukevich V.F. Raskopki Tiritaki v 1935–1940 gg. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1952, № 25, pp. 15–134.

Zin'ko V.N. Okhrannye arkheologicheskie issledovaniia na khore Nimfeia. *V.A. Kutaisov (Ed.). Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu. 1994 god: Sb. nauch. statei. Simferopol'*: SONAT. Pabl., 1997, pp. 119–124.

Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. Rannesrednevekovyi gorizont poseleniia Geroevka-2 u pos. El'tigen. *Bosporskie issledovaniia,* 2005, vol. X, pp. 236–268.

Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. Saltovo-maiatskie kompleksy poseleniia Osoviny-I. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2007, vol. XIII, pp. 183–196.

Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. Rannesrednevekovyi gorizont poseleniia Geroevka-6 na Kerchenskom poluostrove. *G.E. Afanas'ev (Ed.). Drevnosti Iuga Rossii: pamiati A. G. Atavina.* Moscow: Institut arkheologii RAN Press., TAUS. Publ., 2008, pp. 420–440.

Zubarev V.G., Maslennikov A.A. Istoricheskaia geografiia Evropeiskogo Bospora po Klavdiiu Ptolemeiu. *Sovetskaia arkheologiia*, 1987, № 3, pp. 40–52.

Kvitkovskii V.I. Zakhoronenie v krugloi iame na selishche Piatnitskoe-I. *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennia.* Kharkiv, 2012, vol. 2, pp. 26–29.

Kliuchnikov V.V. Osobennosti stroitel'no-khoziaistvennykh kompleksov gorodishcha Zolotye Gorki na Nizhnem Donu. *V.V. Kliuchnikova, A.N. Kovalenko (Ed.). Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogo moria v skifo-antichnoe i khazarskoe vremia. Sbornik statei po materialam XII mezhdunarodnoi nauch. konf.* Rostov-na-Donu, 2009, pp. 241–255.

Kovyrkin K.K., Sanzharovets V.F. Kerchenskii poluostrov. Geograficheskii slovar'. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika*. Simferopol', 2014, vol. IV, pp. 443–585.

Koloda V.V. Raboty na Mokhnachanskom gorodishche v 2000 g. *D.N. Kozak, N.O. Gavriliuk (Ed.). Arkheologichni vidkrittia v Ukraïni 1999–2000 rr.* Kiev, 2001, pp. 129–131.

Koloda V.V. Novye materialy k probleme osedaniia srednevekovykh kochevnikov: kriterii vydeleniia i podkhody k resheniiu (na primere issledovanii gorodishcha Mokhnach). *Khazarskii al'manakh.* Khar'kov, 2005, vol. 4, pp. 216–233.

Koloda V.V., Gorbanenko S.A. *Sel'skoe khoziaistvo nositelei saltovskoi kul'tury v lesostepnoi zone.* Kiev: Institut arkheologii AN Ukrainy Press., 2010, 216 p.

Koloda V.V. K voprosu o pogrebeniiakh na poseleniiakh (na primere bogatogo zhenskogo zakhoroneniia na gorodishche Mokhnach). *Drevnosti, 2011: Khar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik.* Khar'kov, 2011, vol. 10, pp. 261–272.

Koloda V.V. Zhilishche s parnym zakhoroneniem na gorodishche Mokhnach. *Khazarskii al'manakh.* Kiev; Khar'kov, 2012–2013, vol. 11, pp. 106–115.

Krasil'nikova L.I. Konstruktivnye priznaki zhilykh postroek i ikh tipologiia na poseleniiakh Stepnogo Srednedonech'ia VIII – nach. Kh v. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia.* Donetsk, 2001, vol. 2. Khazarskoe vremia, pp. 323–332.

Krizhevskaia L.Ia. Pogrebeniia zhivotnykh kak forma proiavleniia pervobytnykh verovanii. *Konferentsiia «Rekonstruktsiia drevnikh verovanii: istochniki, metod, tsel'»*. Tez. dokl. Leningrad, 1990, pp. 44-46.

Maiko V.V. *Srednevekovoe gorodishche na plato Tepsen' v iugo-vostochnom Krymu*. Kiev: «Akademperiodika» Publ., 2004, 316 p.

Maiko V.V. Arkheologicheskie materialy dlia rekonstruktsii posada rannesrednevekovoi Sugdei. *Drevnosti, 2009: Khar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik.* Khar'kov, 2009, vol. 8, pp. 259–268.

Maiko V.V. Iugo-Vostochnyi Krym VIII–XI vv. Dva primera provintsial'no-vizantiiskoi kul'tury. *Vizantiia v kontekste mirovoi kul'tury. Materialy konf., posviashch. Pamiati Alisy Vladimirovny Bank – 1906–1984 gg. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 2010, vol. LI, pp. 428–437.

Marti Iu.Iu. Razvedochnye raboty vne gorodskikh sten Tiritaki. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR,* 1941, № 4, pp. 25-36.

Mikheev V.K. *Podon'e v sostave Khazarskogo kaganata.* Khar'kov: «Vishcha shkola» Publ., 1985, 148 p.

Mogarichev Iu.M. O nekotorykh voprosakh istorii Kryma serediny – vtoroi poloviny VIII v. *Khersonesskii sbornik,* 2004, vol. XIII, pp. 163–180.

Naumenko V.E. Vysokogorlye kuvshiny s shirokimi ploskimi ruchkami. *Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. Tiritaka. Raskop XXVI. Tom I. Arkheologicheskie kompleksy VIII–X vv.* Bosporskie issledovaniia. Supplementum 5. Kiev: ADEF-Ukraïna Publ., 2009, pp. 50–57.

Naumenko V.E. Amfory. *Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. Tiritaka. Raskop XXVI. Tom. I. Arkheologicheskie kompleksy VIII–X vv.* Bosporskie issledovaniia. Supplementum. 5. Kiev: ADEF-Ukraïna Publ., 2009, pp. 35–50.

Pletneva S.A. *Na slaviano-khazarskom pogranich'e. Dmitrievskii arkheologicheskii kompleks.* Moscow, Nauka Publ., 1989, 288 p.

Pletneva S.A. *Sarkel i «shelkovyi» put'.* Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet Press., 1996. 168 p.

Pletneva S.A. Ekologichnye privychki zhitelei Khazarskogo kaganata. *Priroda*. Moscow, 2004, № 9 (1069), pp. 64–68.

Pletneva S.A., Krasil'nikov K.I. Goncharnye masterskie Maiatskogo kompleksa. *S.A. Pletneva (Ed). Maiatskii arkheologicheskii kompleks. Materialy Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoi ekspeditsii.* Moscow: Institut arkheologii AN SSSR Press., 1990, pp. 92–139.

Ponomarev L.Iu. Biritual'nyi saltovo-maiatskii mogil'nik u poselka El'tigen. *Bosporskie issledovaniia,* 2004, vol. V, pp. 445–475.

Ponomarev L.Iu. Saltovo-maiatskii plitovo-gruntovyi mogil'nik poseleniia Geroevka-2 (kak odin iz primerov vzaimodeistviia kul'tur i religii na okrainakh vizantiiskogo mira). *«XII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Vzaimovliianiia kul'tur»*. Kerch', 2011, pp. 287–295.

Ponomarev L.Iu. O razvedkakh i raskopkakh D. L. Talisa na Kerchenskom poluostrove v 1960 g. *Bosporskie issledovaniia*, 2012, vol. XXVI, pp. 479–511.

Ponomarev L.Iu. K evoliutsii i khronologii zhilishch saltovo-maiatskikh poselenii Kerchenskogo poluostrova (iurtoobraznye postroiki i poluzemlianki). *Drinovs'kii zbirnik*. Kharkiv; Sofiia, 2012, vol. V, pp. 65–78.

Ponomarev L.Iu. Zhilishcha Vostochnogo Kryma epokhi Khazarskogo kaganata (po materialam raskopok saltovo-maiatskikh poselenii Kerchenskogo poluostrova). *Sugdeiskii sbornik*. Kiev; Sudak, 2012, vol. V, pp. 186–209.

Ponomarev L.Iu. Dvukhkamernye zhilishcha (doma-piatistenki) saltovo-maiatskikh poselenii Kerchenskogo poluostrova. *'Ρωμαίος: sbornik statei k 60-letiiu prof. S. B. Sorochana. Narteks. Byzantine Ukrainensis.* Khar'kov, 2013, vol. 2, pp. 440–461.

Ponomarev L.Iu., Ponomareva I.A. Redkie formy saltovo-maiatskoi neloshchenoi keramiki iz rannesrednevekovykh poselenii Kerchenskogo poluostrova (predvaritel'naia informatsiia). *Sugdeiskii sbornik*. Kiev; Sudak, 2010, vol. IV, pp. 453–464.

Rybakov B.A. *Iazychestvo drevnikh slavian.* Izd. 2-e. Moscow: Nauka Publ., 1994, 608 p.

Sazanov A.V. Khronologiia sloev srednevekovoi Kerchi. *Problemy istorii, filologii, kul'tury,* 1998, vol. V, pp. 50–88.

Flerov V.S. Poselenie VIII–IX vv. u st. Bogoiavlenskoi. *Sovetskaia arkheologiia*, 1971, № 2, pp. 258–265.

Flerov V.S. Obshchinnoe khranilishche (k probleme sotsial'nykh vzaimootnoshenii v khazarskom kaganate). *Kul'tury stepei Evrazii vtoroi poloviny I tys. n. e. Tez. dokl. nauch. konf.* Moscow, 1995, pp. 88–91.

Chibirov L.A. Agrarnye istoki kul'ta zhivotnykh u osetin. S*ovetskaia etnografiia*, 1983, № 1, pp. 94–102.

Chkhaidze V.N. Vysokogorlye kuvshiny s ploskimi ruchkami iz raskopok Fanagorii i ikh rasprostranenie v Prichernomor'e. *G.E. Afanas'ev (Ed.). Drevnosti Iuga Rossii: pamiati A. G. Atavina*. Moscow: In-t arkheologii RAN Press., TAUS Publ., 2008, pp. 398–419.

Резюме

В статье рассматриваются жилые, хозяйственные, культовые и погребальные комплексы, которые были исследованы на раскопе III в центральной части салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан. В целом они датируются второй половиной VIII – первой половиной X вв. Некоторые из них удалось разделить на два хронологических периода. Рубежной датой для них условно принята середина IX в. Немногочисленные жилые и хозяйственные комплексы сконцентрированы в западной части исследованного участка. В центральной его части обнаружен обширный котлован, образовавшийся в результате добычи камня из античных

построек. В северо-восточной части раскопа зафиксированы культовые комплексы, представленные ритуальными захоронениями людей и животных. Таким образом, как и на других исследованных участках поселения, в пределах раскопа III не было прослежено плотной и регулярной застройки.

Ключевые слова: Керченский полуостров, Артезиан, салтово-маяцкое поселение

Summary

The article deals with residential, economic, religious and funerary complexes, which have been investigated on the excavation III in the central part of Saltovo-Maiak settlement on the fortified settlement Artezian. In general, they date from the second half of the VIII – the first half of the X centuries. Some of them managed to be divided into two chronological periods. A landmark date for them is conditionally accepted as the middle of the IX century. A few residential and economic complexes are concentrated in the western part of the investigated area. In the central part of a vast pit was discovered, which had been formed as a result of extraction of stone from ancient buildings. In the northeastern part of the excavation, religious complexes represented ritual burial of humans and animals have been documented. Thus, as in the other studied areas of the settlement, dense and regular construction areas within the excavation III have not been traced.

Key words: Kerch Peninsula, Artezian, Saltovo-Maiak settlement.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Винокуров Николай Игоревич – д.и.н., профессор,
Московский педагогический государственный университет (МПГУ),
зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков,
8(916) 541-57-74.
vinokurovn@list.ru

Пономарёв Леонид Юрьевич –
исследователь, археолог, Республика Крым.
l_ponomarev@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS
Vinokurov Nikolai Igorevich. - DSc, Professor,
Moscow State Pedagogical University (MSPU),
Head of the Department of Ancient History and Middle Ages,
8 (916) 541-57-74.
vinokurovn@list.ru

Ponomarev Leonid Iur'evich,
researcher, archaeologist,
Republic of Crimea.
l_ponomarev@mail.ru

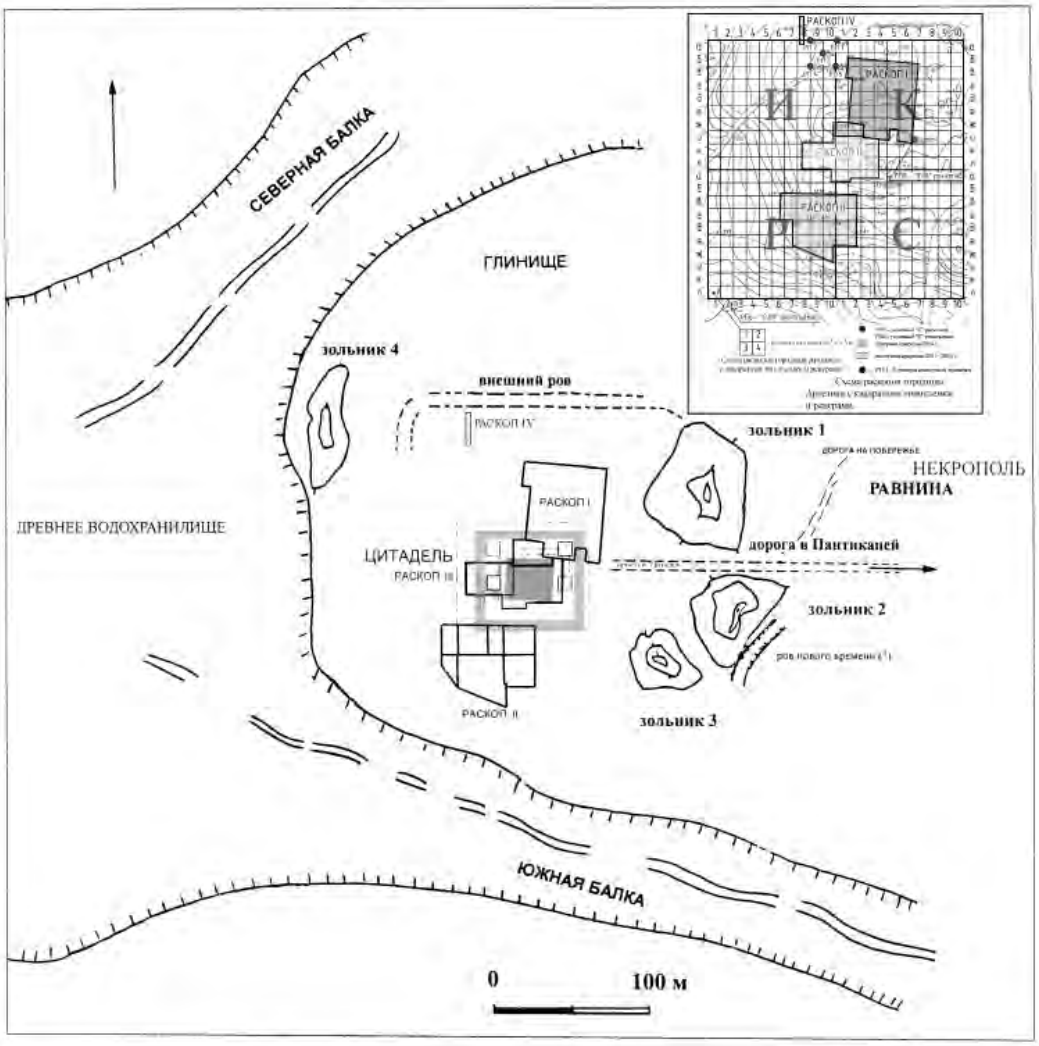


Рис. 1. План-схема городища Артезиан и схема расположения раскопов I–IV с сеткой квадратов топографической съемки.

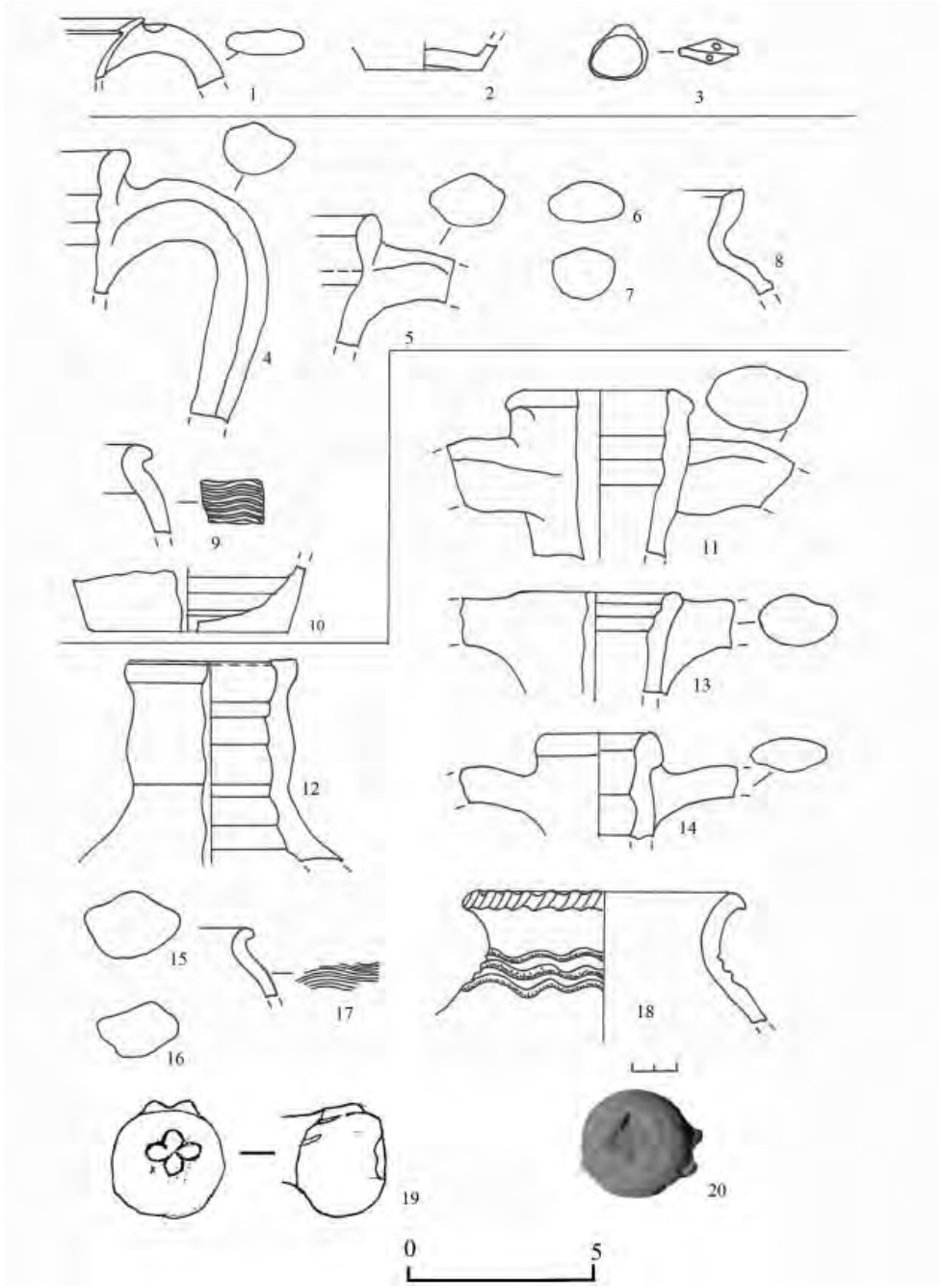


Рис. 2. Керамика и находки второй половины VIII– первой половины X вв.

1-3 – подъемный материал; 4-10 – керамика из гумусированого темно-коричневого суглинка; 11-20 – керамика из перекопов в слое разрушения и золистом слое запустения античного городища.

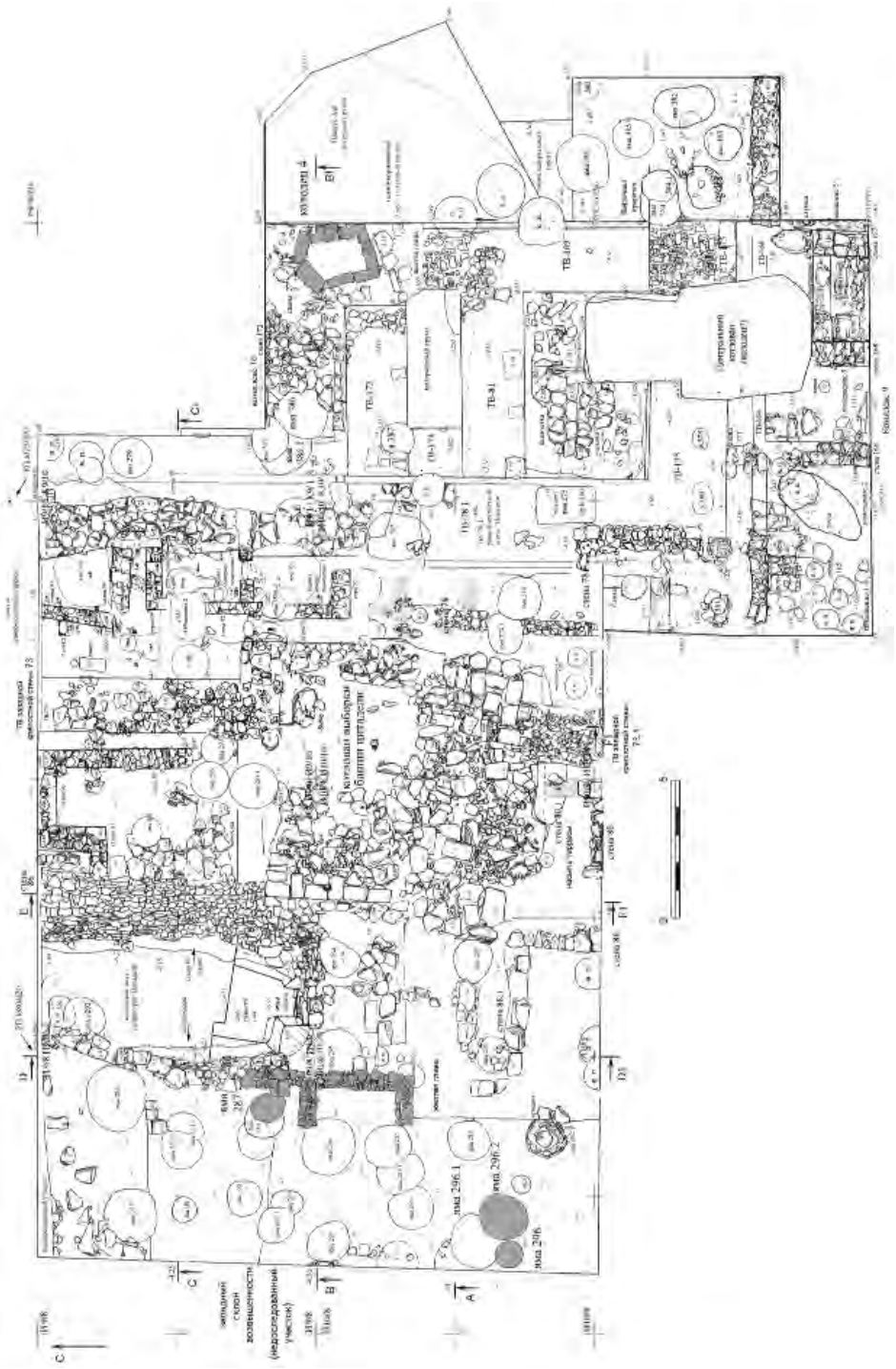


Рис. 3. План раскопа III (2008 г.) на уровне позднеантичных и салтово-маяцких комплексов.

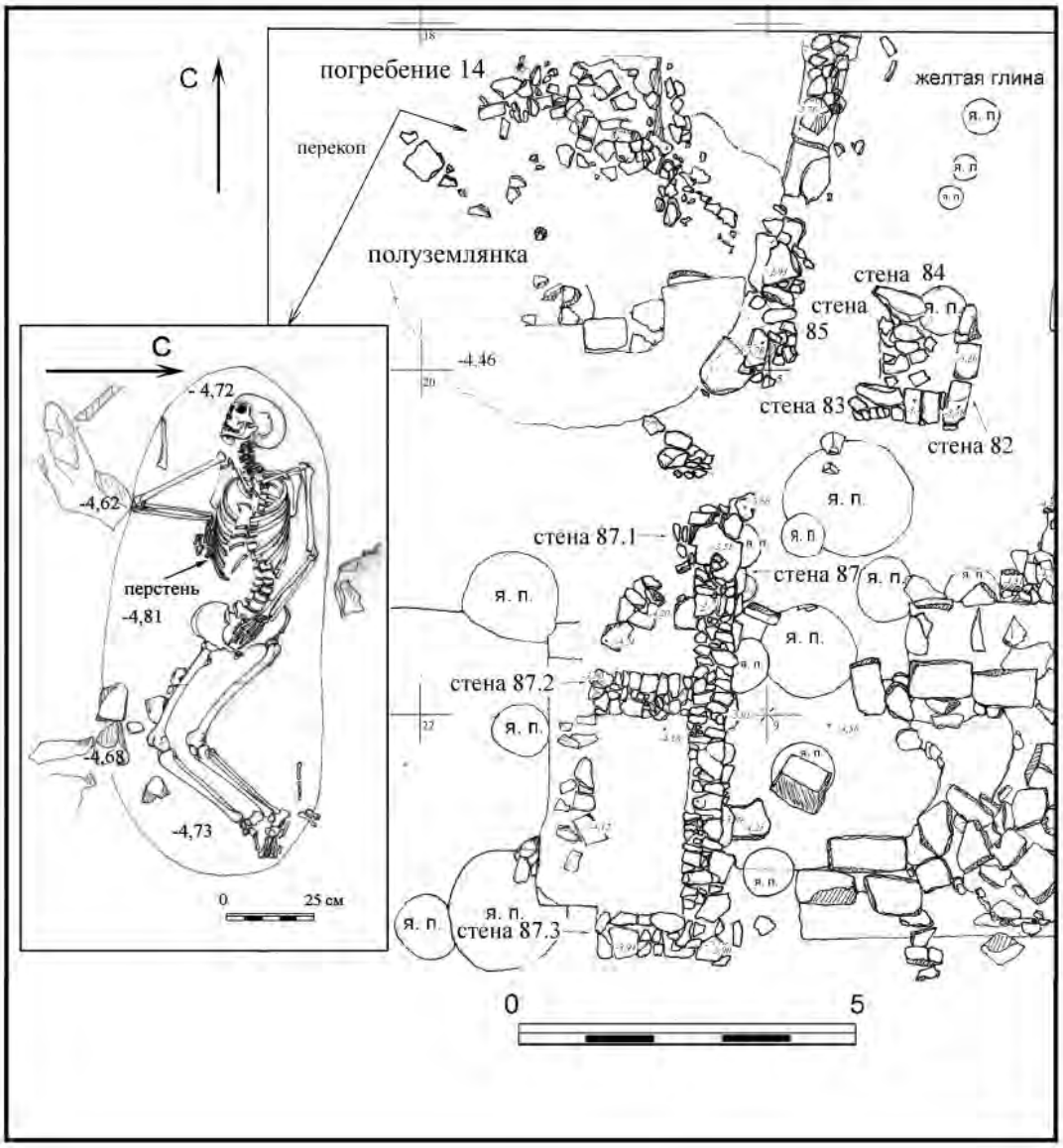


Рис. 4. План северо-западного участка раскопа III и план погребения 14.

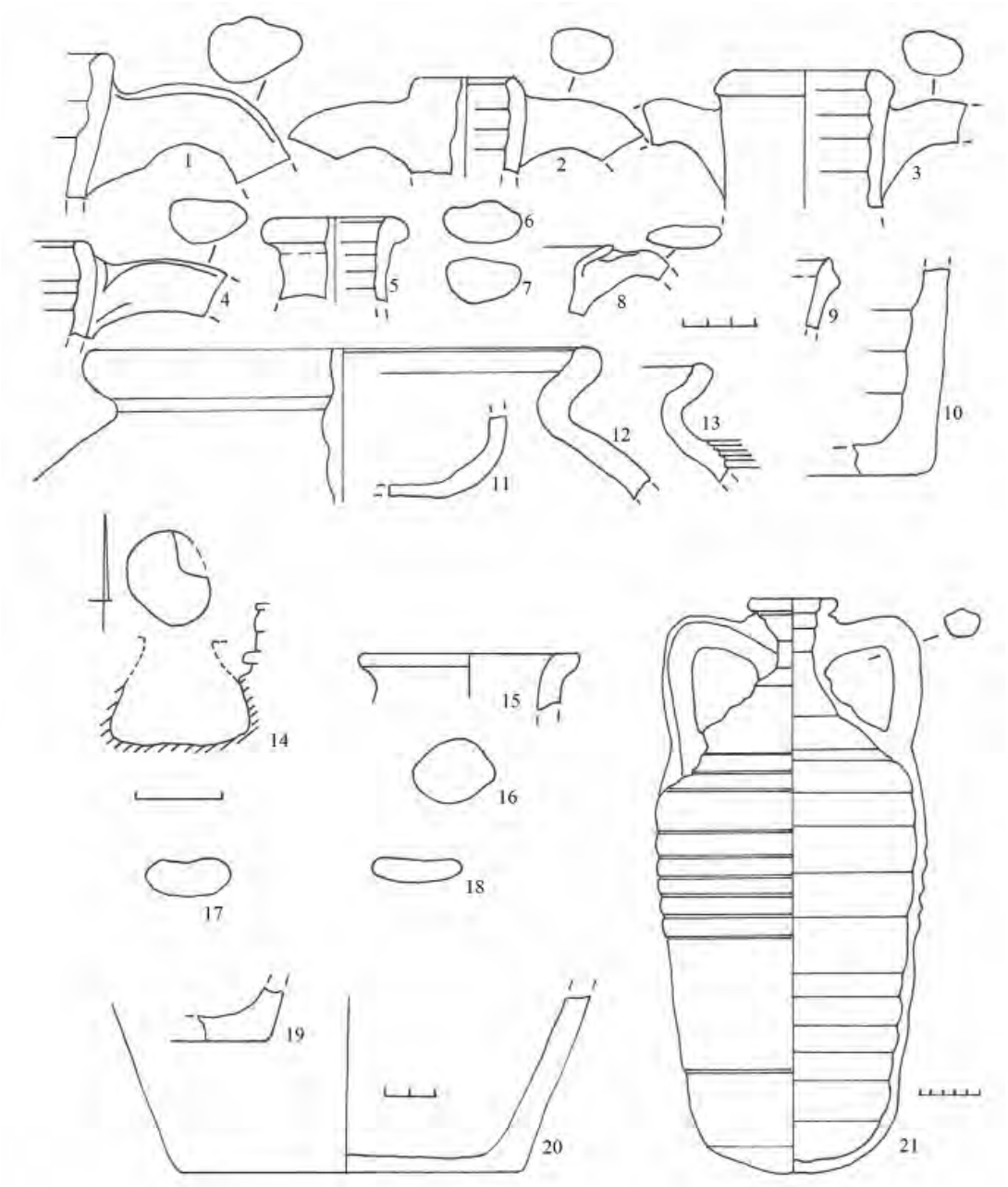


Рис. 5. Полуземлянка и хозяйственная яма 287.

1-13 – керамика из придонной части заполнения котлована полуземлянки; 14 – хозяйственная яма 287. План и разрез; 15-20 – керамика из заполнения хозяйственной ямы 287; 21 – причерноморская амфора из хозяйственной ямы 287.

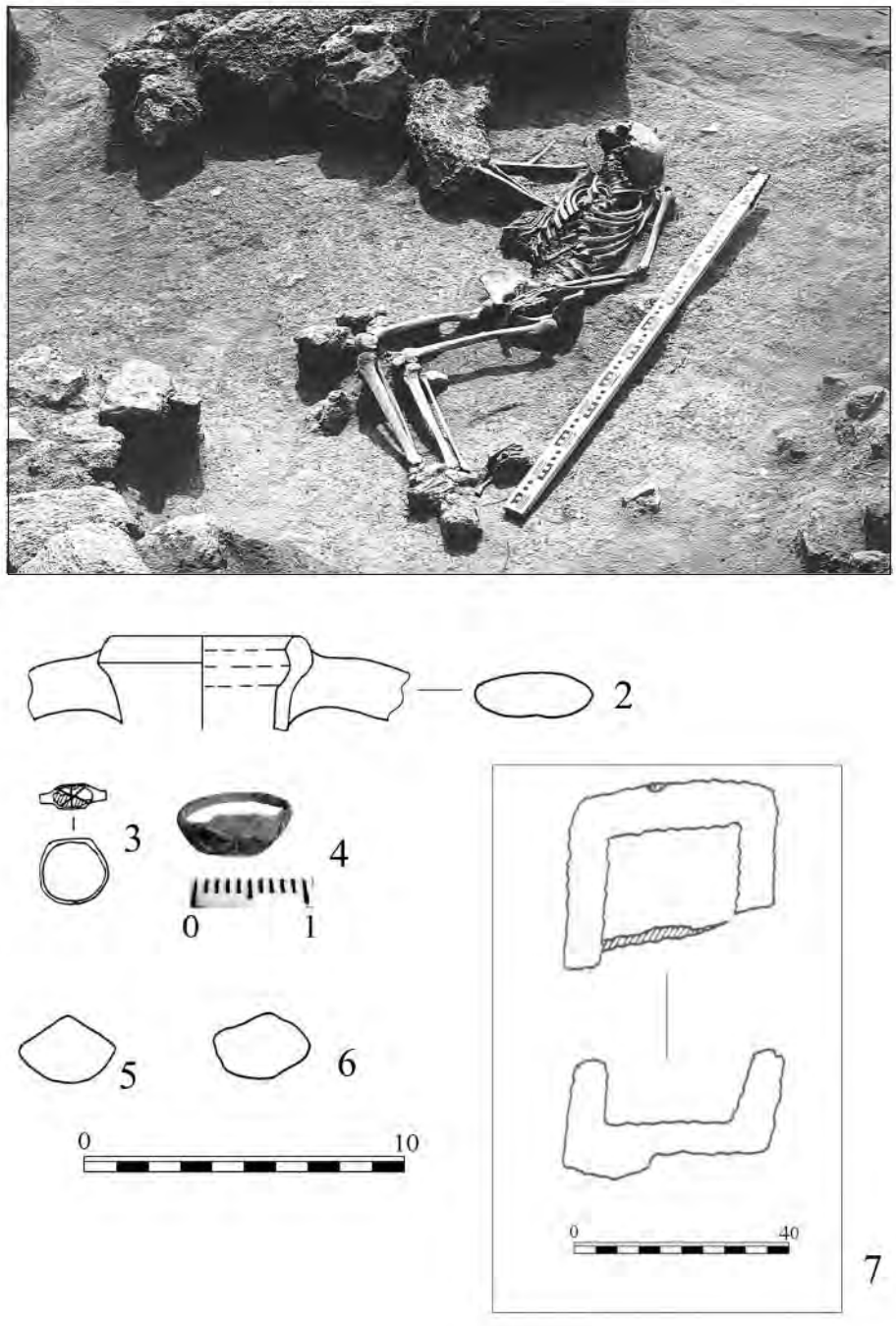


Рис. 6. Погребение 14.

1 – вид на погребение с северо-востока; 2-6 – погребальный инвентарь и находки из заполнения погребения.

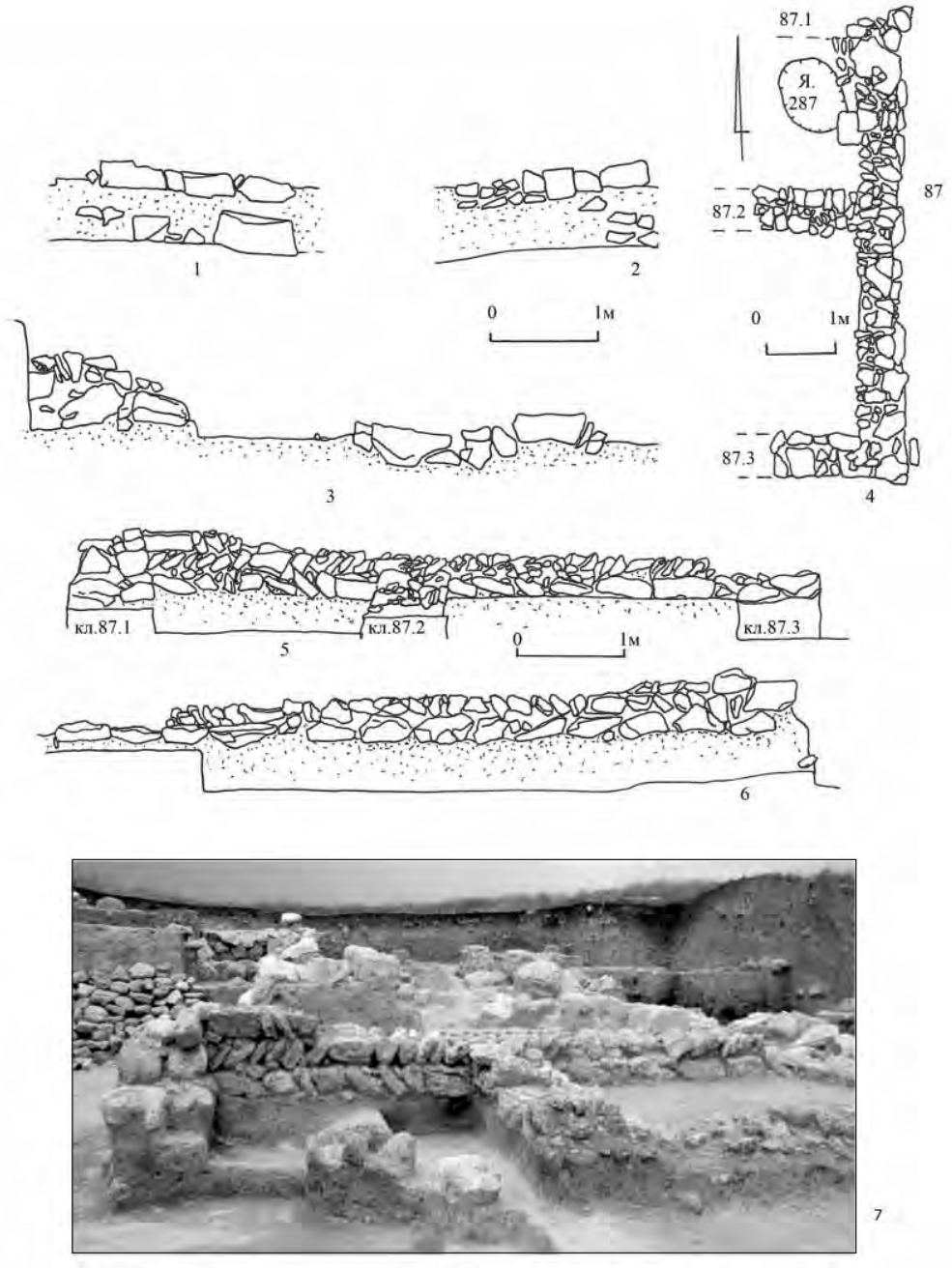


Рис. 7. Двухкамерная постройка и стены двух построек к северу от нее.

1 – профиль стены 82. Вид с юга; 2 – профиль стены 83. Вид с запада; 3 – профиль стены 85. Вид с востока; 4 – двухкамерный дом. План; 5 – профиль стены 87. Вид с запада; 6 – профиль стены 87. Вид с востока; 7 – вид на постройку с запада.

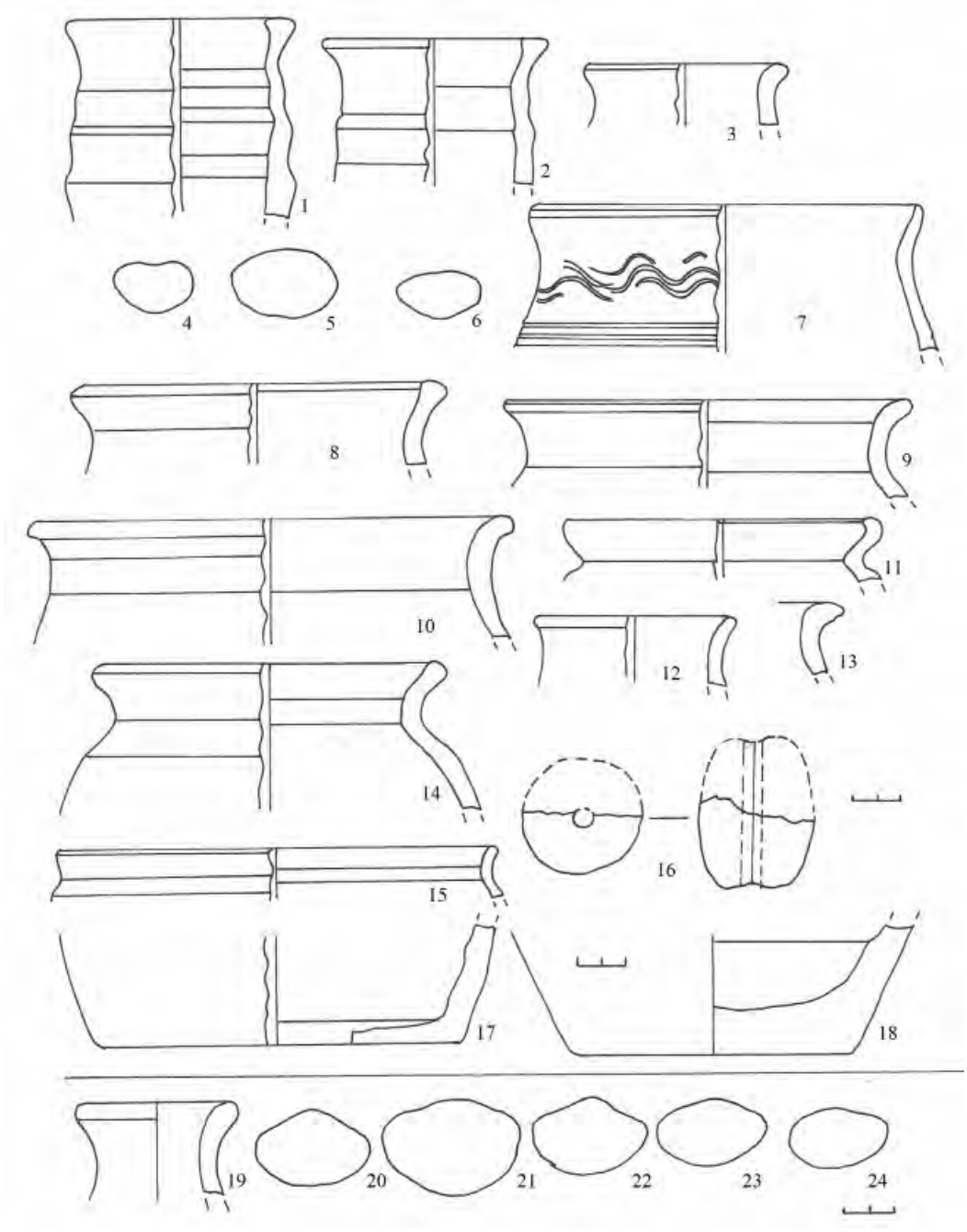


Рис. 8. Находки из хозяйственных ям и котлована перекопа.

1-18 – находки из заполнения хозяйственных ям 296 и 296.2; 19-24 – керамика из заполнения котлована перекопа на месте башни античной цитадели.

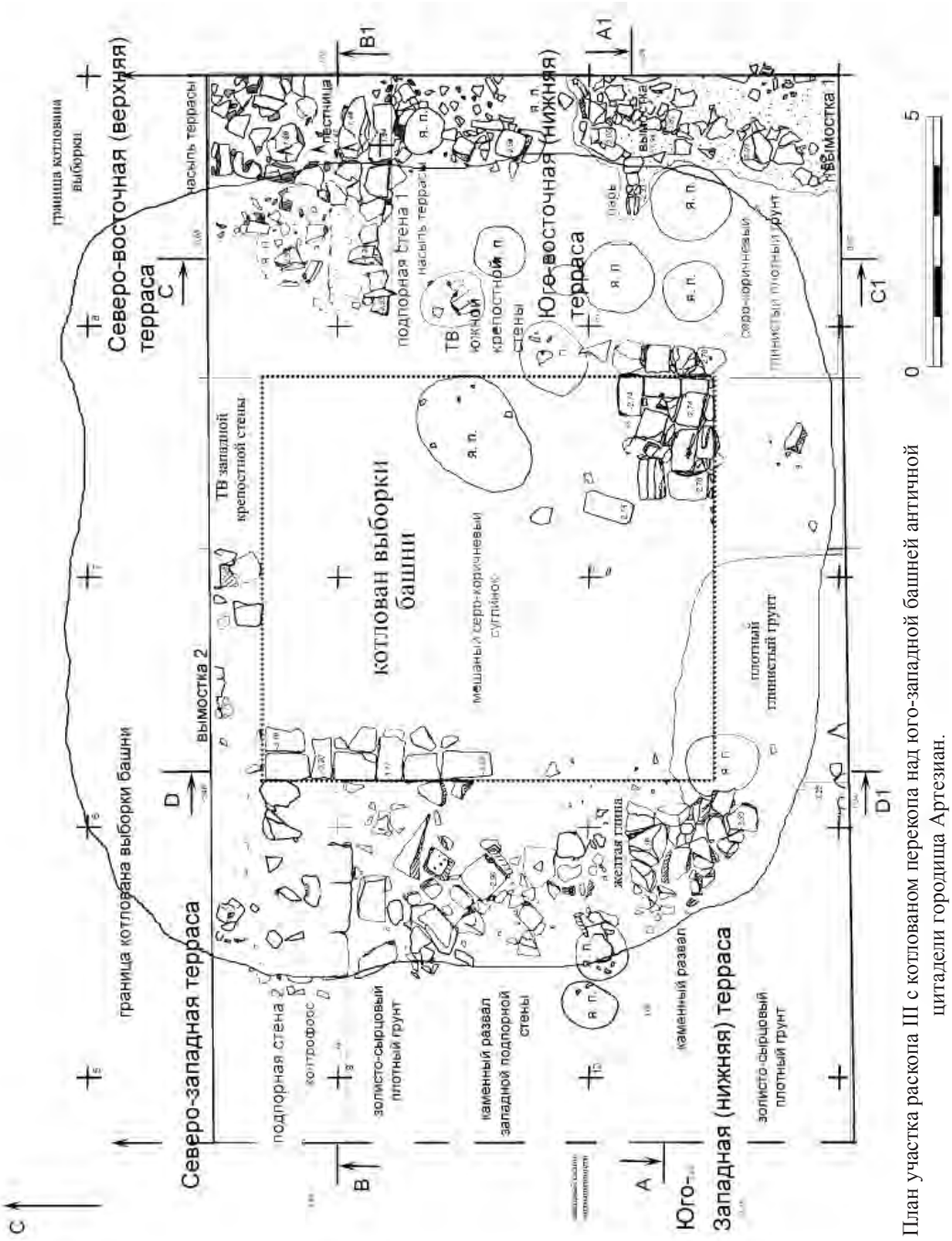


Рис. 9. План участка раскопа III с котлованом перекопа над юго-западной башней античной цитадели городища Артезиан.

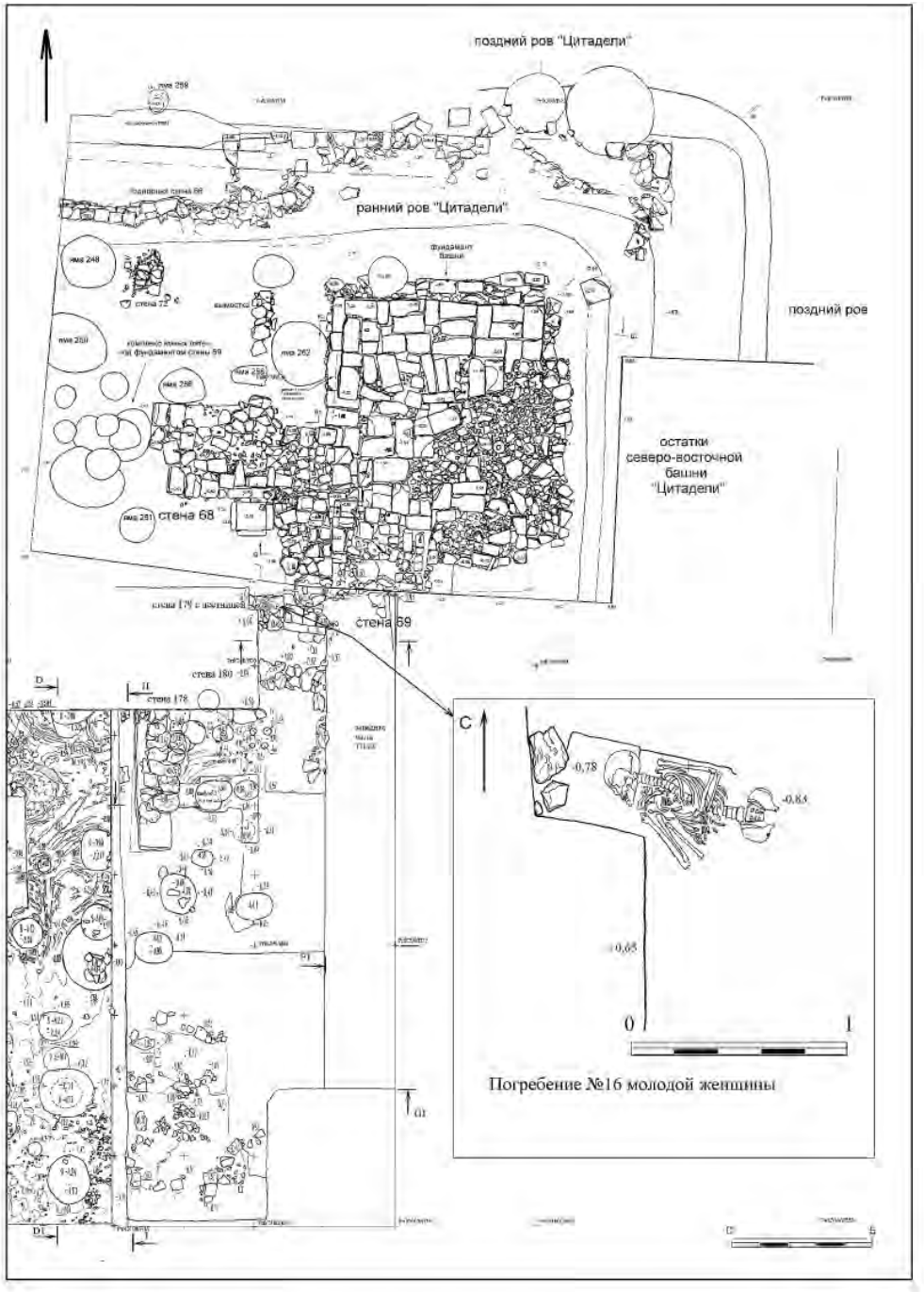
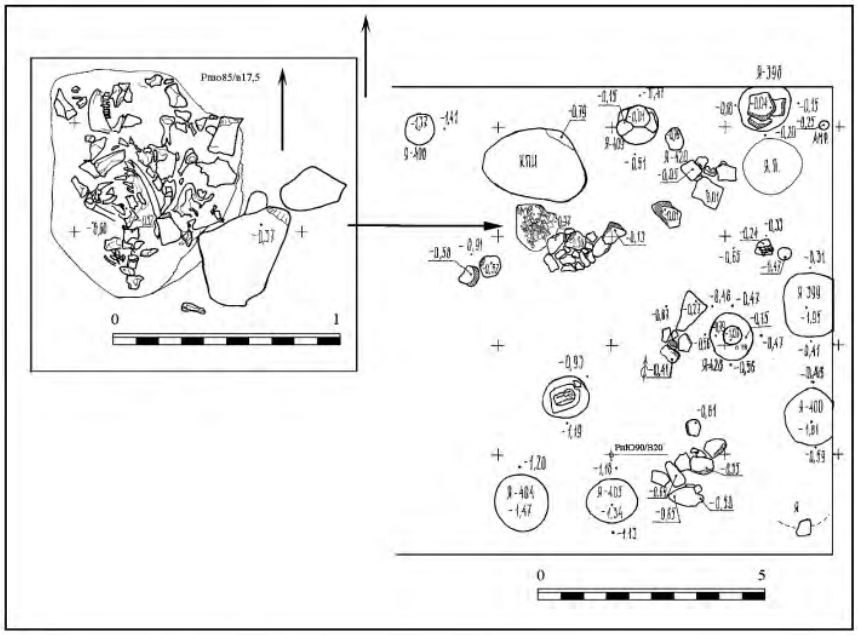


Рис. 10. Северо-восточный участок раскопа III и погребение 16.

1 – план северо-восточного участка раскопа III (восточная прирезка раскопа 2010 г.) и южный участок раскопа I;
2 – план погребения 16.

Рис. 11. Погребение 16.
1 – вид с юга; 2 – вид с юго-востока.



1

2

Рис. 12. Захоронение теленка (коровы) на северо-восточном участке раскопа III.

1 – план участка раскопа и ямы на уровне костей скелета теленка (коровы); 2– вид с востока на захоронение теленка (коровы).

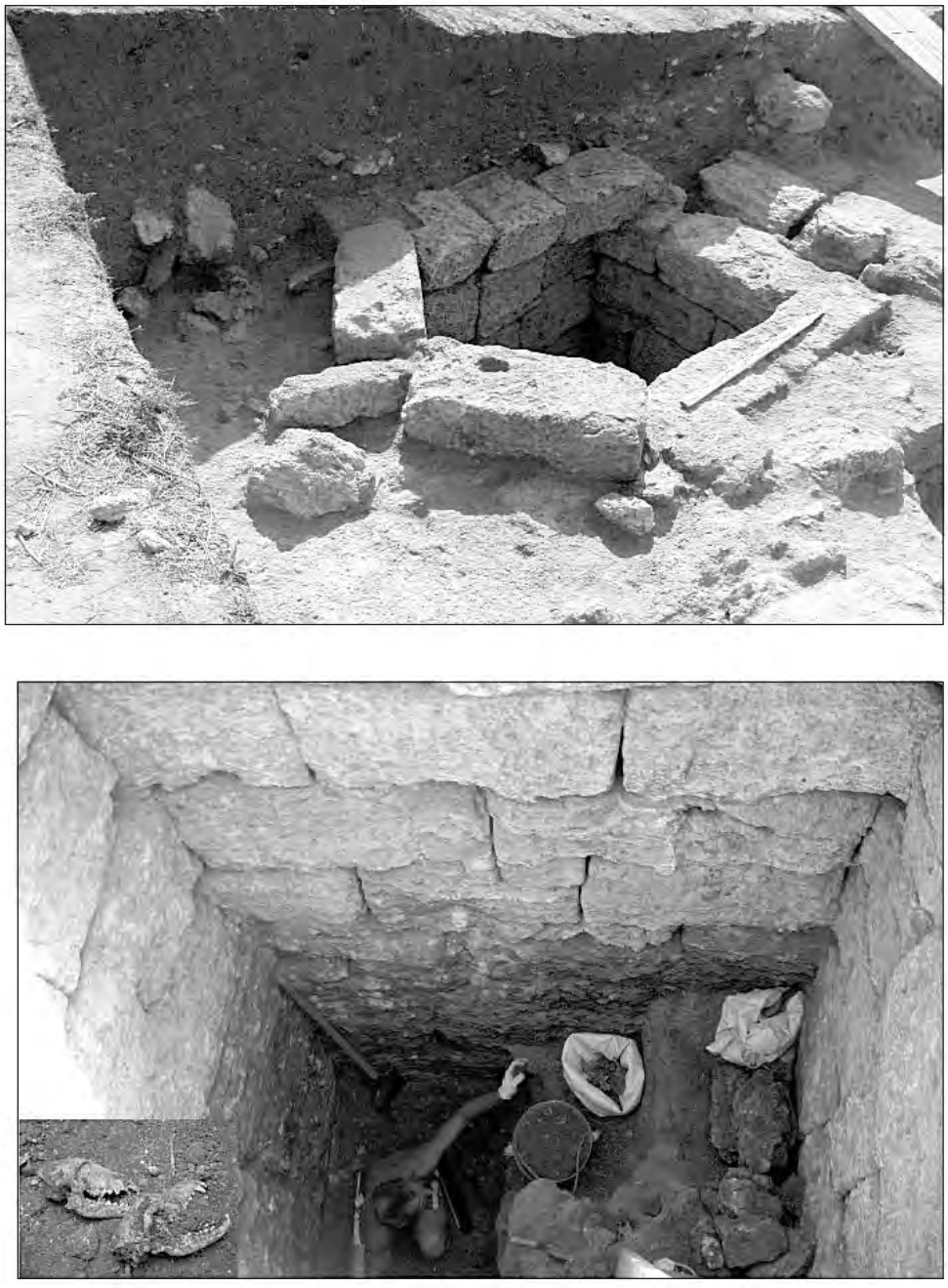


Рис. 13. Колодец 4 с захоронением людей и собак.

1 – вид с северо-запада на горловину колодца; 2 – шахта колодца в процессе расчистки (крупным планом показаны черепа двух собак).

В.В. МАЙКО
V.V. MAIKO

ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ СУГДЕИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII В.
FORTIFICATION BUILDINGS OF SUGDEA FIRST HALF OF XIII CENTURY

В истории формирования фортификационных сооружений Сугдеи византийского времени можно выделить три основные этапа. Первые два в настоящее время изучены достаточно полно [Баранов, 1989, с. 46–62; Баранов, 1990, с. 55–56; Баранов, Майко, Кузьминов, 1998, с. 52–53; Баранов, Майко, Фарбей, 2001, с. 75-76; Айбабина, Бочаров, 2003, с. 11; Баранов, Майко, Кузьминов, 2007, с. 21-23; Майко, 2012, с. 161–170; Майко, 2012а, с. 363–393; Майко, 2014, с. 57–62; Майко, Джанов, 2015, с. 302, 317–320]. Они не являются темой данного исследования. Очень коротко напомню, что первый из них датируется т.н. хазарским временем. Система кладки, особенности строительных приемов, состав раствора в настоящее время описаны и опубликованы [Баранов, 1989, с. 46–62; Баранов, 1990, с. 55–56; Джанов, 2004, с. 45–74]. Однако о дате сооружения первоначальных крепостных стен ведется дискуссия [Джанов, 2006, с. 334–335]. Однозначно то, что в хазарское время все выявленные первоначальные крепостные стены существовали.

Второй этап можно датировать второй половиной X – началом XIII вв., когда оборона Сугдеи приспосабливается к фортификационным требованиям Византийской империи. Начался он сразу после прекращения функционирования салтово-маяцкой культуры полуострова. Предшествующая система фортификации использовалась в данный период практически в полном объеме. Однако на всех исследованных участках отмечены следы серьезных ремонтов, перестроек, строительство оборонительных башен. Техника кладки, в отличие от предшествующего времени, в большинстве случаев отличается небрежностью и носит следы поспешного строительства [Майко, 2012, с. 161–170; Майко, 2014, с. 57–62; Майко, Джанов, 2015, с. 302, 317–320]. Аналогичные процессы происходят на территории Южного берега Крыма и в Херсонесе.

Последний этап, условно датируемый первой половиной XIII в., до сегодняшнего дня, кроме отдельных упоминаний в литературе [Виноградов, Джанов, 2004, с. 402–424; Майко, 2014а, с. 30–32; Майко, Джанов, 2015, с. 302, 317–320], специально не рассматривался. Именно он и является предметом публикации.

Фортификационные объекты этого времени были обнаружены благодаря раскопкам 1996–1998 гг. пока только на т.н. участке квартала I к юго-западу от привратных башен (рис. 1). Этот участок уникален и тем, что именно здесь прослежены также

и фортификационные объекты всего времени существования средневекового города. К фортификационным сооружениям интересующего нас времени относятся остатки трех куртин, одного башенного выступа и воротного проема (рис. 2). Отнесение к этому комплексу построек башни № 1 (рис. 2), пристроенной к башенному выступу и расположенной к востоку от куртины, нуждается в дополнительном обосновании. Башня № 1, открытая и полностью исследованная в 1995 г., сложена в основном из блоков сланца на известковом растворе с добавлением в него фрагментов керамических сосудов. Характер кладки, особенно состав скрепляющего раствора, близок пристроенным к башне с восточной и западной сторон куртинам. Последние датируются раннегенуэзским временем. Все это заставляет думать, что башня № 1, возможно, синхронна раннегенуэзским куртинам и сооружена позже рассматриваемых фортификационных сооружений. С другой стороны узко датированного археологического материала на полу данной башни обнаружено не было.

Все анализируемые объекты пристроены к первоначальной фортификации и сооружениям второго хронологического периода. Техника кладки отличается небрежностью, все они сложены на глинистом растворе в основном из обработанных блоков песчаника. Толщина кладок не превышает 0,85 м.

Прямоугольный в плане привратный башенный выступ размерами 2,70 х 3,35 м пристроен непосредственно к первоначальной оборонительной стене (рис. 3). Полностью прослежены только восточная и северная стены сложенные в большинстве из пиленых блоков ракушечника. В кладке северной стены по всей длине присутствует мощная антисейсмическая деревянная балка (рис. 6,2). Согласно радиоуглеродному анализу, она датируется третьей четвертью XIII в. [Виноградов, Джанов, 2004, с. 407-408]. В кладке внутреннего панциря восточной стены на высоте 1,10 м от уровня пола в районе северо-восточного и юго-восточного углов прослежены два прямоугольных паза шириной 0,10 м (рис. 3,3). В эту же кладку вмонтирован и фрагмент византийского надгробия, на рукавах и перекрестье креста которого помещена надпись с формулой «свет, жизнь» (рис. 3,2). Это надгробие опубликовано и проанализировано в специальной публикации [Виноградов, Джанов, 2004, с. 406–407]. Необходимо отметить, что восточная стена, перекрывая кладку более раннего времени, пристроена к стене, которая, в свою очередь, перекрывает первоначальную оборонительную стену и выступает за ее линию на 0,65 м (рис. 3. 1). Последняя может быть датирована второй половиной X–XII вв. Западная стена описываемого башенного выступа полностью не сохранилась. Дата разрушения объекта определяется дирхемами золотоордынского хана Токты (1291–1313), обнаруженными при раскопках 1996 г. [Виноградов, Джанов, 2004, с. 408].

К башенному выступу с запада и востока пристроены две куртины, сложенные в аналогичной технике. Обе они практически параллельны первоначальной крепостной стене и находятся на расстоянии 5-5,5 м от нее. Восточная куртина прослежена в длину на 6,60 м (рис. 4, 2,3). Далее она была полностью разобрана при сооружении Лоджии (т.н. «Дом с камином») генуэзского времени. На расстоянии 4,60 м от башен-

ного выступа данная куртина, помимо этого, в верхней части перекрыта канализационным каналом генуэзского времени.

Длина западной куртины составляет 8,05 м (рис. 5,3). С первоначальной куртиной она соединена при помощи перпендикулярной кладки, толщина которой в отличие от остальных стен составляет 0,90 м (рис. 5,2). Данная кладка, сложенная из крупных пиленых блоков ракушечника, своим внешним панцирем непосредственно пристроена к восточной стене башни второй половины X–XII вв. В кладке внутреннего панциря присутствует крупная тщательно оформленная блоками песчаника ниша. Угол этой кладки и самой западной куртины, вследствие нахождения на краю склона, оказался сильно разрушенным. Сама западная куртина также сложена из крупных и средних по размеру тщательно подогнанных блоков ракушечника (рис. 6,1). Как и описанная кладка, вследствие нахождения на склоне куртина сильно разрушена. Частично сдвинутый в северном направлении внешний ее панцирь затрудняет определение ширины. На расстоянии 3,10 м от западного угла куртины находился воротный проем шириной 0,70 м (рис. 7,3,4). Внешние его углы оформлены крупными пилеными блоками ракушечника с пазами для установки воротного полотна (рис. 7,1,2).

К сожалению, в процессе раскопок описанных фортификационных сооружений археологический материал был сильно фрагментирован и перемешан с находками, происходящими из вышележащих слоев. Аналогичная картина наблюдалась и на уровне фундаментов объектов. Наиболее яркий синхронный археологический материал обнаружен в слое пожара толщиной 0,40 м в прямоугольнике на участке между кладками XXIX, XXX, XXXI и соединяющей две последние кладкой (рис. 8). Находки, обнаруженные на данном участке, пока затруднительно связать с каким-либо археологическим объектом. Однако он происходит из одного слоя, подстилающего кладку XXX и XXIX, в то же время находящегося на уровне верхних рядков кладки XXXI. Поэтому, с некоторыми оговорками, он может рассматриваться как закрытый комплекс.

Этот комплекс опубликован [Майко, 2012а, с. 363–393], так что напомню только самые главные отличия керамического комплекса. Большинство тарной керамики составляют веретенообразные амфоры с гребенчатым рифлением на тулове и высокоподнятыми ручками (рис. 8,1), в том числе с разнообразными граффити, вероятно, трапезундского производства, хотя по этому поводу дискуссия продолжается. Амфоры с дуговидными ручками константинопольского производства встречены значительно реже (рис. 8,11). Вероятно, они только начинают поставляться в Таврику. Граффити на них самые разнообразные: от греческих букв до изображений кораблей, но это тема отдельного исследования.

Именно в комплексах этого времени, как, впрочем, и третьей четверти XIII в., обязательной составляющей амфорной тары являются светлоглиняные сосуды (рис. 8,2). Это амфоры на плоско-вогнутом дне с рифлением в придонной части и на тулове выше середины высоты. Ручки уплощенные, отходящие от края венчика

перпендикулярно к нему. Они в настоящее время достаточно полно проанализированы [Майко, Василиненко, Соков, Тищенко, 2014, с. 340–341, рис. 2,3], что избавляет от повторений. Вероятно, именно в первой четверти XIII в. они начинают проникать в Таврику и получают наибольшее распространение в третьей четверти этого столетия.

Довольно широко представлены красно- и оранжевоглиняные кувшины с линейно-волнистым или пролощенным орнаментом. Выделяется фрагмент верхней части аналогичного сосуда с подлощенной поверхностью, украшенной орнаментом в виде сочетания линейно-волнистого орнамента и наколов (рис. 8, 10). Представляет интерес набор кухонной керамики. Это, во-первых, достаточно толстостенные крупные горшки с уплощенными плавно отогнутыми венчиками на высоком горле (рис. 8, 8), а также меньшие серо- и коричневоглиняные сосуды, изготовленные из рыхлой глины, с уплощенной ручкой и коническим туловом на плоском дне (рис. 8, 12).

Наиболее яркой отличительной чертой описываемого комплекса является набор столовой керамики. Подавляющее большинство находок представлено поливными тонкостенными кувшинами и тарелками, изготовленными из белой глины. К сожалению, они представлены либо нижними частями, либо мелкими фрагментами венчиков, донышек и стенок, не позволяющих полностью реконструировать профиль сосуда. Наиболее информативны две нижние части белоглиняных тонкостенных кувшинов. Один из них (рис. 8,13) имеет ярко выраженное плиточное дно и шаровидное тулово, на середине высоты которого находится нижний прилеп уплощенной ручки. Внешняя поверхность кувшина до придонной части покрыта тонким слоем грязно-зеленой поливы. Второй фрагмент принадлежит типологически близкому сосуду, но покрытому слоем грязно-зеленой поливы и с внешней и с внутренней стороны (рис. 8,9). Кроме того, в этом слое встречены мелкие фрагменты донышек аналогичных кувшинов (рис. 8,6,7). К категории поливной белоглиняной столовой керамики принадлежат и мелкие фрагменты венчиков и кольцевых поддонов с росписью кобальтом тарелок (рис. 8,4,5). В отличие от белоглиняной коалиновой византийской керамики второй половины IX–начала XI вв. у данной категории посуды пока не установлены четкие хронологические рамки бытования. Вероятнее всего, в Сугдее она приходит на смену ранней белоглиняной и существует до конца XII–первой половины XIII вв. Аналогичная керамика, особенно описанные выше кувшины с шаровидным туловом на плиточном дне с узкой вытянутой шейкой, в настоящее время достаточно хорошо известна [Майко, 2013, с. 69–90]. Помимо белоглиняной поливной столовой посуды, в данном слое встречен и фрагмент нижней части красноглиняной поливной биконической глубокой тарелки на низком профилированном кольцевом поддоне с прочерченным глубокой и широкой коричневой линией по светло-зеленой поливе орнаментом (рис. 8,14). Из-за плохой сохранности фрагмента сказать, является ли он сюжетным, затруднительно. Внешняя поверхность тарелки покрыта тонким, едва заметным слоем белого ангоба. Подобные импортные красноглиняные тарелки довольно редки для Сугдеи,

но достаточно хорошо известны среди материалов Херсонеса, где датируются в широких хронологических рамках XII–XIII вв.

Индивидуальные находки, обнаруженные в этом слое, достаточно бедны. Это мелкие фрагменты стеклянных сосудов и фрагментированные бытовые железные вещи, частично опубликованные [Майко, 2012а, с. 363-393].

Для датировки данного материала и коротко описанных выше фортификационных объектов в целом огромное значение имеют находки двух монет (рис. 8,15,16). Первая из них (рис. 16,15) – бронзовая скифатная, происходит из описанного выше закрытого комплекса. Сохранность изображений оставляет желать лучшего, тем не менее, вероятнее всего, экземпляр принадлежит чеканке Алексея III Ангела (8.04.1195 – 17.07.1203). На лицевой стороне сохранились изображения: справа императора Алексея и слева святого Константина со скипетрами и лабарумом с державой между ними. На оборотной стороне едва различимое изображение спаса Эммануила и титлы IC. Согласно каталогу византийских монет Британского музея, данный экземпляр относится к варианту 2 типа 4, который характеризуется присутствием имени Комнинус и легендой на реверсе ηθει, ηθε ι, ηθ ει [Wroth 1908, p. 603-604]. Несмотря на то, что легенды нашего экземпляра не сохранились, наиболее близки ему экземпляры с лицевой стороной …..[ΩΔ?] O [ƟK] TΩKOM [Wroth 1908, pl. LXXIII, 11] и оборотной с легендой +KERO HθE I [Wroth 1908, pl. LXXIII, 10]. Согласно современным типологиям, исходя из сохранности монеты, точное ее отнесение к варианту B(b) [Catalogue of the Byzantine Coins… 1999, p. 312] или варианту C(b) [Catalogue of the Byzantine Coins… 1999, p. 313] затруднительно. В целом этот тип монет датируется 1195–1203 гг.

По мнению В.В. Гурулевой, эта монета может принадлежать чеканке не Алексея III, а являться так называемой болгарской имитацией монет выпуска Алексея, чеканившихся венецианцами для обеспечения балканского рынка привычной им монетой. Для более точного суждения, имитация это или монета Алексея III, нужно проанализировать детали костюмов императора и святого Константина[1].

Вторая монета (рис. 16,16) обнаружена в культурном слое на уровне фундаментов кладки 3 в 1998 г. По мнению В.В. Гурулевой, это латинская имитация монет Алексея III довольно редкого типа. На л.с. – св. Николай в позе Оранта, на о.с. – св. Иоанн Предтеча (Продром). Согласно мнению исследовательницы, такие монеты известны на Балканах, в Херсонесе, в Восточном Крыму они встречены пока впервые[2].

Таким образом, судя по археологическому и нумизматическому материалу, а также на основании радиоуглеродного анализа, все рассмотренные фортификационные объекты, вероятно, начали возводиться в первом десятилетии XIII в.

---

[1] Любезное сообщение В.В. Гурулевой, проанализировавшей данную монету и готовящей ее к публикации.

[2] Любезное сообщение В.В. Гурулевой, проанализировавшей данную монету и готовящей ее к публикации.

Как известно, после падения Византийской империи в 1204 г. на её развалинах возник целый ряд греческих, славянских и латинских государств. Помимо южнопонтийских областей, в состав новообразовавшейся Трапезундской империи вошли, очевидно, бывшие византийские владения в южной и восточной части Таврики.

Прямые указания на это в нарративных источниках отсутствуют. Однако в пользу этого может свидетельствовать официальный титул Великих Комнинов: «Цари и самодержцы всего Востока, Иверов и Заморья». При этом термин «Заморье», или «заморские провинции» вполне может означать владения трапезундских императоров на противоположном Трапезунду берегу Эвксинского понта, т.е. в Таврике [Джанов, 2006, с. 322–357]. В настоящее время существует достаточно представительная доказательная база, но в данном случае она не является предметом исследования.

По крайней мере, с первой половины XIII в. система административного управления Сугдеи претерпевает изменения, хотя, возможно, это могло произойти и раньше указанного времени. Если раньше высшим административным лицом Сугдеи являлся стратиг в ранге протоспафария, то, по данным «Сугдейского синаксаря», уже с 1249 г. городскую администрацию Сугдеи возглавляют севасты. Сущность и эволюция этой титулатуры – тема отдельного исследования.

Вероятнее всего, в течение первых десятилетий XIII в. пришедшие в ветхость крепостные сооружения Сугдеи византийская администрация города пыталась приспособить для нужд обороны. Видимо, главное внимание было обращено на участок, где во второй половине X–XII вв. находился один из центральных входов в средневековый город. Активно использовались при этом и существовавшие фортификационные сооружения. Стратегическую важность этого участка подтверждают и неоднократные попытки его усиления в генуэзское время. Однако серьезным препятствием проанализированные крепостные сооружения вряд ли являлись. По свидетельству письменных источников в 20-е гг. XIII в., Сугдея уже находилась под контролем половцев. После вхождения в состав улуса Золотой Орды крепостные стены Сугдеи, в том числе и эти, на рубеже XIII–XIV вв. были практически полностью разобраны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Раскопки на территории Судакской крепости в 2001 г. // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр. К., 2003. С. 11.

Баранов И.А. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях востока и запада в XII–XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989. С. 46–62.

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К., 1990. 168 с.

Баранов І.А., Майко В.В., Кузминов О.В. Археологічні дослідження Сугдеї-Солдаї у 1998 р. // Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр. К., 1998. С. 52–53.

Баранов И.А., Майко В.В., Кузьминов А.В. Археологические исследования на территории средневековой Сугдеи и ее посада // Археологические исследования в Крыму, 1995 год. Симферополь, 2007. С. 21–23.

Баранов И.А., Майко В.В., Фарбей А.М. Археологические исследования средневековой Сугдеи в 2000 г. // Археологічні відкриття в Україні 1999-2000 рр. К., 2001. С. 75–76.

Виноградов А.Ю., Джанов А.В. Греческие надписи Сугдеи // Сугдейский сборник. Вып. I. Киев-Судак, 2004. С. 402–424.

Джанов А.В. Сугдея в III–VII вв. // Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2004. С. 45–74.

Джанов А.В. Судакская крепость двести лет исследований // Скржинская Е.Ч. Судакская крепость. История-археология-эпиграфика. Сборник работ и материалов. Киев-Судак-СПб., 2006. С. 322–357.

Майко В.В. Фортификация Сугдеи второй половины X–XI вв. // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах, № 28. Донецк, 2012. С. 161–170.

Майко В.В. Стратиграфические исследования на т.н. участке квартала I Судакской крепости в 1997 г. // Сугдейский сборник. Вып. V. Киев-Судак, 2012а. С. 363–393.

Майко В.В. Закрытый комплекс первой половины XIII в. в портовой части средневековой Сугдеи // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ «империя» и «полис». Сборник науч. трудов. Севастополь, 2013. С. 69–90.

Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. К., 2014. С. 57–62.

Майко В.В. Византийская фортификация Сугдеи первой половины XIII в. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ «империя» и «полис». Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2014а. С. 30-32.

Майко В.В., Василиненко Д.Э., Соков П.В., Тищенко И.Б. Материалы к типологии, хронологии и клеймению некоторых типов византийских амфор XIII–XIV вв. (по материалам Восточного Крыма и Западного Закубанья) // Боспорские исследования. Т. XXX. Симферополь-Керчь, 2014. С. 329–343.

Майко В.В., Джанов А.В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь, 2015. 448 с.

Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks collection and in the Whittemore collection. Vol. 4. Part 1. Alexius I to Alexius V (1081-1204) / Michael F. Hendy. Washington, 1999. 443 p.

Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks collection and in the Whittemore collection. Vol. 4. Part 2. The Emperors of Nicaea and Their Contemporaries (1204-1261) / Michael F. Hendy. Washington, 1999. 736 p. + LIV plates.

Wroth Warwick William. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum in two volumes and 79 plates. Vol. II. London, 1908. 687 p.

REFERENCES

Aybabina Ye.A., Bocharov S.G. Raskopki na territorii Sudakskoy kreposti v 2001 g. // Arheologichni vidkrittya v Ukrainy S. 2001-2002 rr. K., 2003. S. 11.

Baranov I.A. Periodizatsiya oboronitel'nykh sooruzheniy Sudakskoy kreposti // Severnoye Prichernomor'ye

i Povolzh'ye vo vzaimootnosheniyakh vostoka i zapada v XII -XVI vv. Rostov-na-Donu, 1989. S. 46–62.

Baranov I.A. Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ya (saltovo - mayatskaya kul'tura). K., 1990. 168 s.

Baranov I.A., Mayko V.V., Kuzminov O.V. Arkheologichni doslidzhennya Sugdeí - Soldaí u 1998 r. // Arkheologichni vidkrittya v Ukraíni 1997-1998 rr . K., 1998. S. 52–53.

Baranov I.A., Mayko V.V., Kuz'minov A.V. Arkheologicheskiye issledovaniya na territorii srednevekovoy Sugdei i yeye posada // Arkheologicheskiye issledovaniya v Krymu 1995 god . Simferopol', 2007. S. 21–23.

Baranov I.A., Mayko V.V., Farbey A.M. Arkheologicheskiye issledovaniya srednevekovoy Sugdei v 2000 g. // Arkheologichni vidkrittya v Ukraini 1999-2000 rr . K., 2001. S. 75–76 .

Vinogradov A.YU., Dzhanov A.V. Grecheskiye nadpisi Sugdei // Sugdeyskiy sbornik. Vyp. I. Kiyev - Sudak, 2004. S. 402–424.

Dzhanov A.V. Sugdeya v III–VII vv. // Sugdeyskiy sbornik. Kiyev - Sudak, 2004. S. 45–74.

Dzhanov A.V. Sudakskaya krepost' dvesti let issledovaniy // Skrzhinskaya Ye.Ch. Sudakskaya krepost'. Istoriya - arkheologiya - epigrafika. Sbornik rabot i materialov. Kiyev - Sudak - SPb., 2006. S. 322–357.

Mayko V.V. Fortifikatsiya Sugdei vtoroy poloviny X–XI vv. // Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika. Arkheologicheskiy al'manakh, № 28. Donetsk, 2012. S. 161–170.

Mayko V.V. Stratigraficheskiye issledovaniya na t.n. uchastke kvartala I Sudakskoy kreposti v 1997 g. // Sugdeyskiy sbornik. Vyp. V. Kiyev - Sudak, 2012a. S. 363–393.

Mayko V.V. Zakrytyy kompleks pervoy poloviny XIII v. v portovoy chasti srednevekovoy Sugdei // CHERSŌNOS THEMATA «imperiya» i «polis». Sbornik nauch. trudov. Sevastopol', 2013. S. 69–90.

Mayko V.V. Vostochnyy Krym vo vtoroy polovine X -XII vv . K., 2014. S. 57–62.

Mayko V.V. Vizantiyskaya fortifikatsiya Sugdei pervoy poloviny XIII v. // CHERSŌNOS THEMATA «imperiya» i «polis». Tez. dokl. i soobshch. Sevastopol', 2014a. S. 30–32.

Mayko V.V., Vasilinenko D.E., Sokov P.V., Tishchenko I.B. Materialy k tipologii, khronologii i kleymeniyu nekotorykh tipov vizantiyskikh amfor XIII–XIV vv. (Po materialam vostochnogo Kryma i zapadnogo Zakuban'ya) // Bosporskiye issledovaniya. T. XXX. Simferopol' - Kerch', 2014. S. 329–343.

Mayko V.V., Dzhanov A.V. Arkheologicheskiye pamyatniki Sudakskogo regiona Respubliki Krym. Simferopol', 2015. 448 s.

Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks collection and in the Whittemore collection. Vol. 4. Part 1. Alexius I to Alexius V (1081-1204) / Michael F. Hendy. Washington, 1999. 443 p.

Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks collection and in the Whittemore collection. Vol. 4. Part 2. The Emperors of Nicaea and Their Contemporaries (1204–1261) / Michael F. Hendy. Washington, 1999. 736 p. + LIV plates.

Wroth Warwick William. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum in two volumes and 79 plates. Vol. II. London, 1908. 687 p.

Резюме

В статье проанализированы фортификационные постройки Сугдеи, обнаруженные к западу от центрального входа в средневековый город. Раскопками 1977, 1995–1998 годов обнаружены остатки башенного выступа и две куртины. В одной из них был сделан воротный проем. Эти фортификационные сооружения были пристроены к первоначальной крепостной стене и фортификационным постройкам второй половины X–XI веков. Судя по немногочисленному археологическому и нумизматическому материалу, проанализированные фортификационные постройки можно датировать первой половиной XIII века. Вероятно, византийская администрация города пыталась по возможности обезопасить его жителей от набегов половцев. При этом она, вероятно, не имела возможности поддерживать предшествующие фортификационные сооружения в должном состоянии. Возведенные на глине, эти новые простейшие фортификационные объекты не являлись серьезным препятствием для регулярной армии.

Ключевые слова: Восточный Крым, средневековая Сугдея, фортификация, первая половина XIII века.

Summary

The article analyses the fortification constructions of Sugdeia found to the West from the central entrance to the medieval city. Excavation of 1977, 1995-1998 found the remains of a tower ledge and two curtains. There was a gate aperture in one of them. These fortification constructions were attached to an initial fortification wall and fortification constructions of the second half of the X-XI centuries. Judging by not numerous archaeological and numismatic material, the analyzed fortification constructions can be dated to the first half of the XIII century. The Byzantine city administration might have tried to secure its inhabitants from attacks of Polovcians whenever possible. Thus, it probably had no opportunity to support the previous fortification constructions in a due state. These new simple fortification objects built on clay weren't serious obstacles for the regular army.

Key words: East Crimea, medieval Sugdeia, fortification, first half of the XIII century.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Майко Вадим Владиславович, д.и.н.,
Институт археологии Крыма РАН,
проспект Академика Вернадского, 2,
Симферополь, Крым, Российская Федерация,
директор,
+7(978)7354827.
vadimmaiko1966@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Maiko Vadim Vladislavovich, DSc,
Institute of Archaeology of Crimea of RAS,
ave. Arademika Vernadskogo, 2,
Simferopol, Crimea, Russian Federation;
director,
+7(978)7354827.
vadimmaiko1966@mail.ru

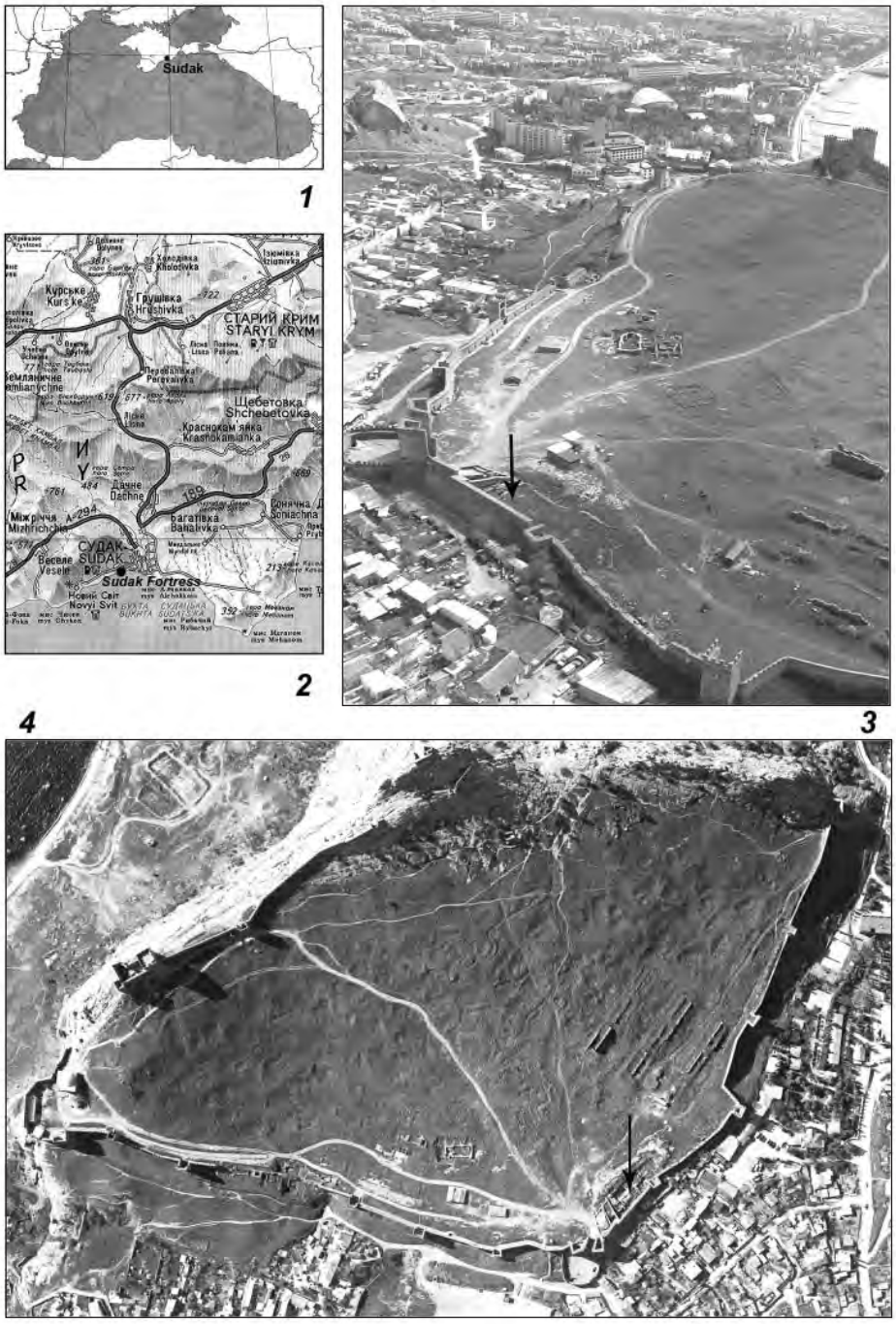


Рис. 1. Месторасположение Сугдеи и участка с фортификационными сооружениями первой половины XIII в.

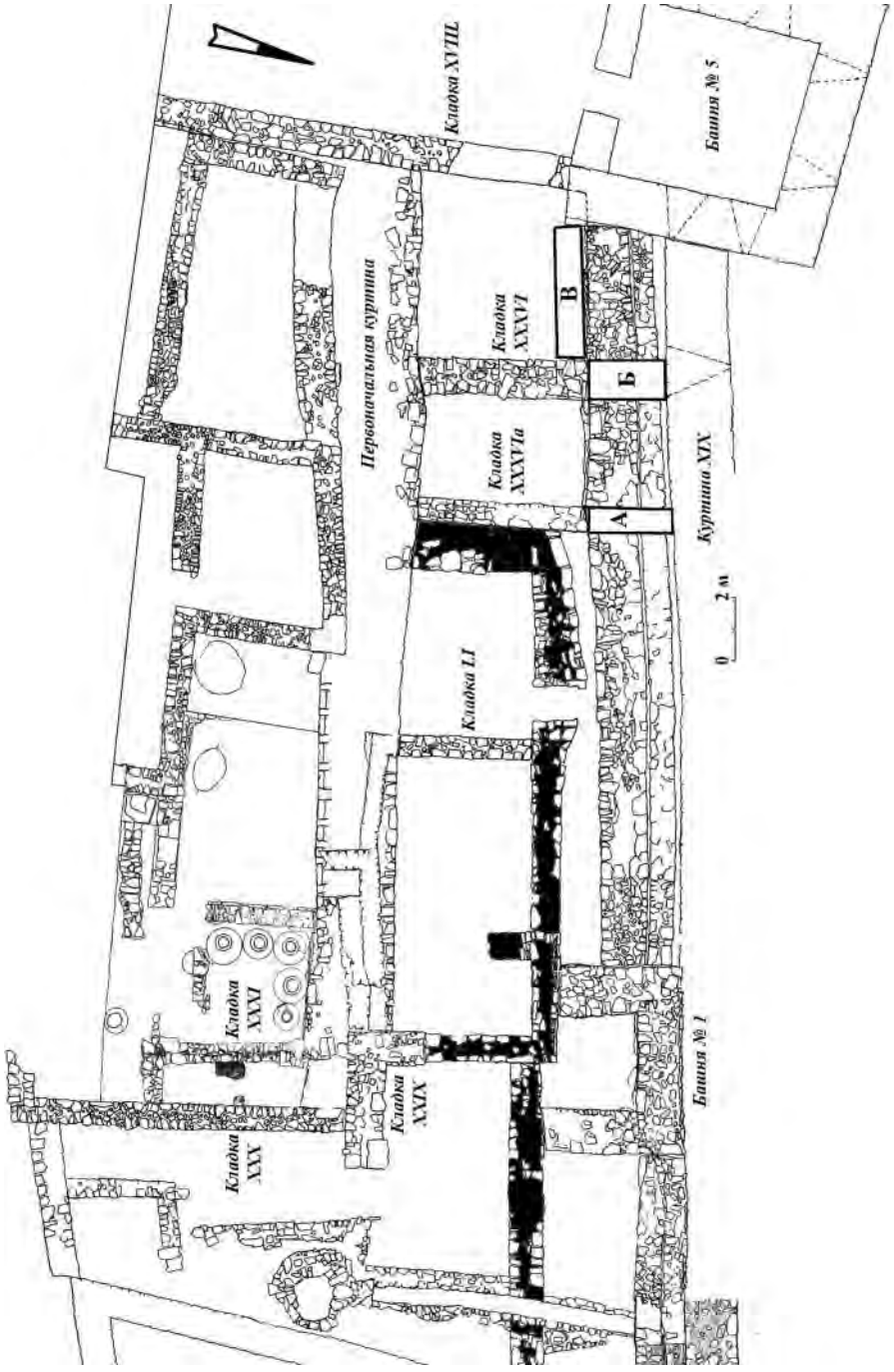


Рис. 2. Фортификационные сооружения на участке к западу от центрального входа в средневековую Сугдею и объекты первой половины XIII в.

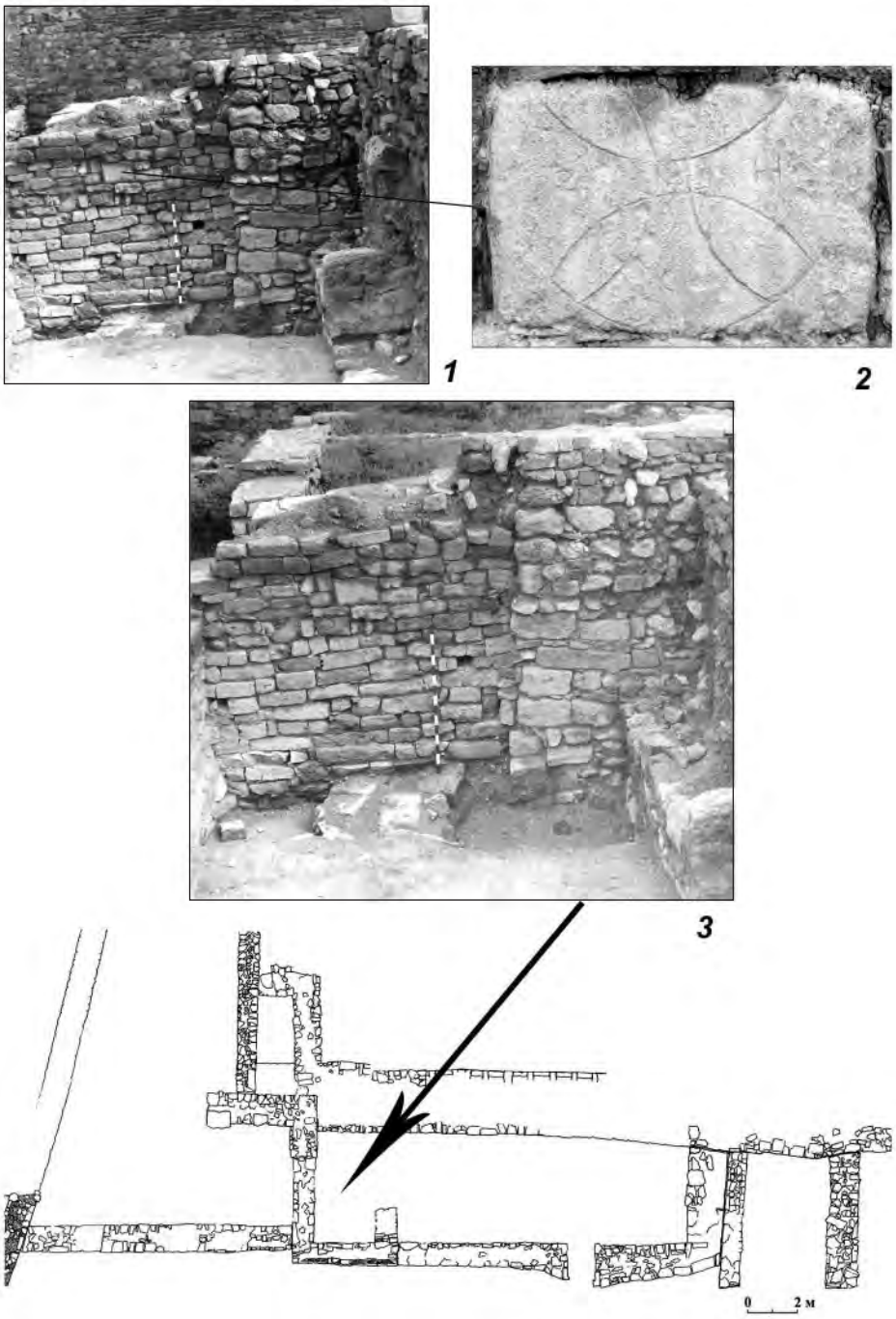


Рис. 3. Месторасположение, план и общие виды башенного выступа в системе фортификации Сугдеи первой половины XIII в.

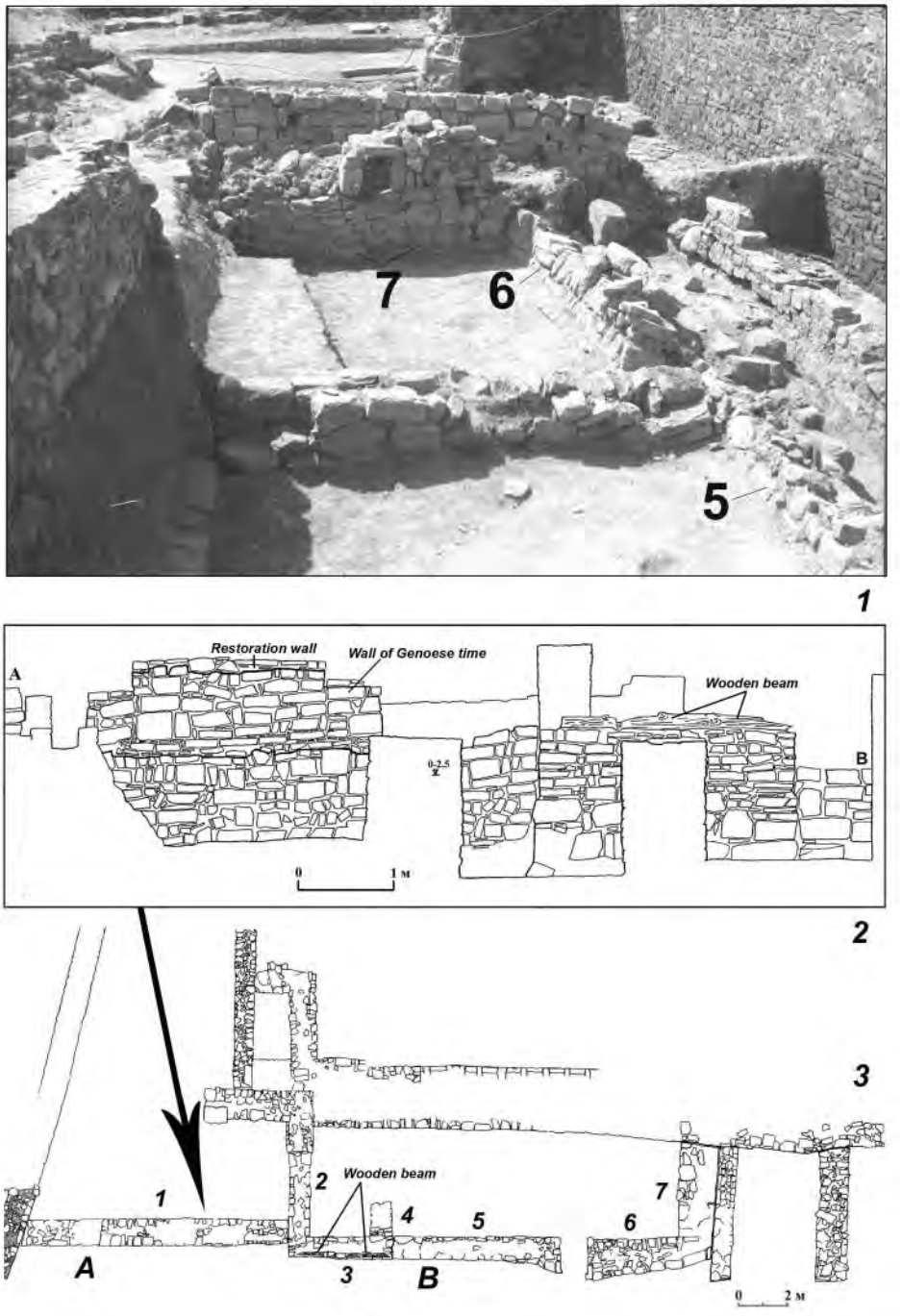


Рис. 4. Общий вид, фассировка внешнего панциря и план куртины к востоку от башенного выступа в системе фортификации Сугдеи первой половины XIII в.

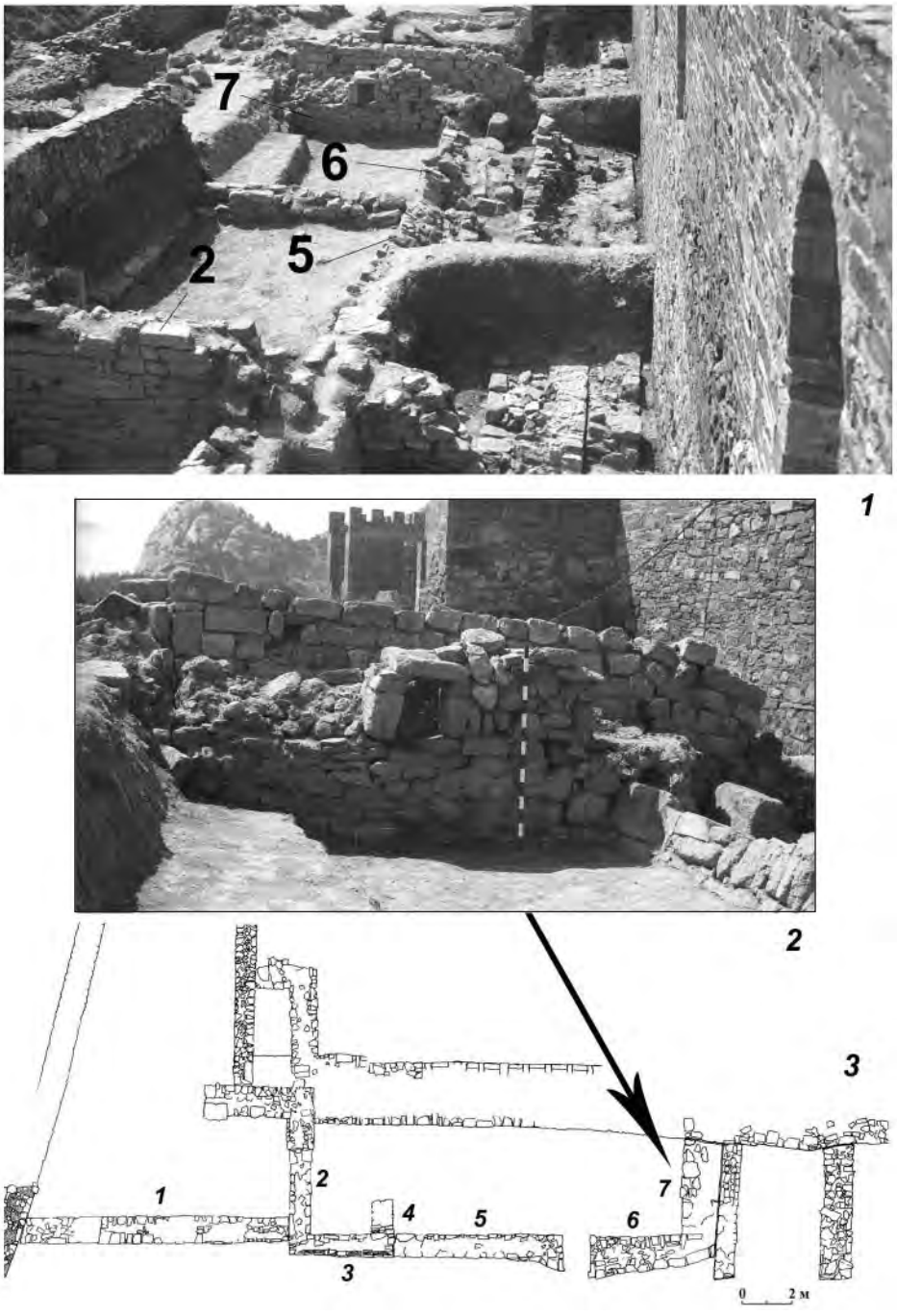


Рис. 5. Общий вид и план куртины к западу от башенного выступа в системе фортификации Сугдеи первой половины XIII в.

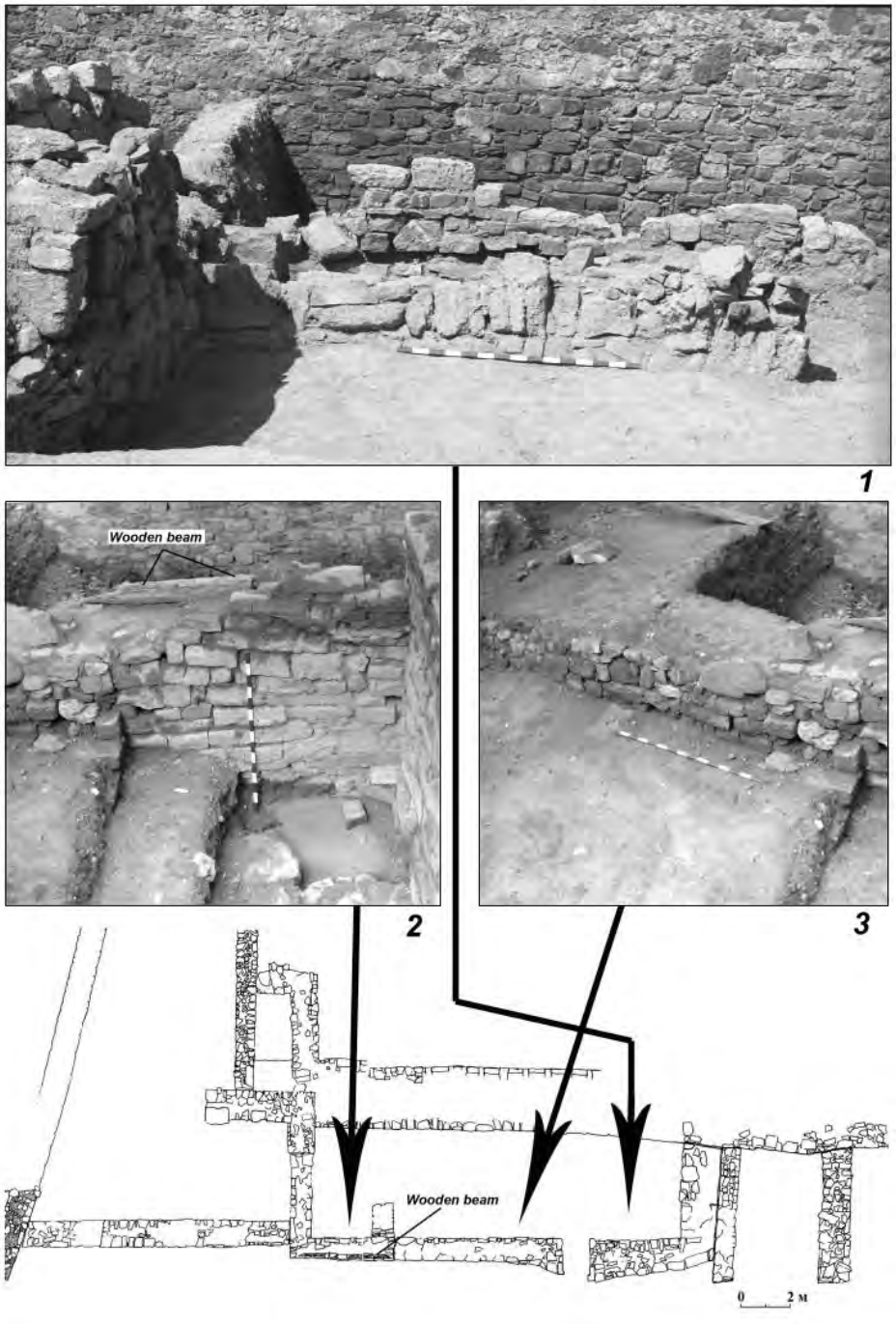


Рис. 6. Общие виды и план башенного выступа и куртин к востоку и западу от него в системе фортификации Сугдеи первой половины XIII в.

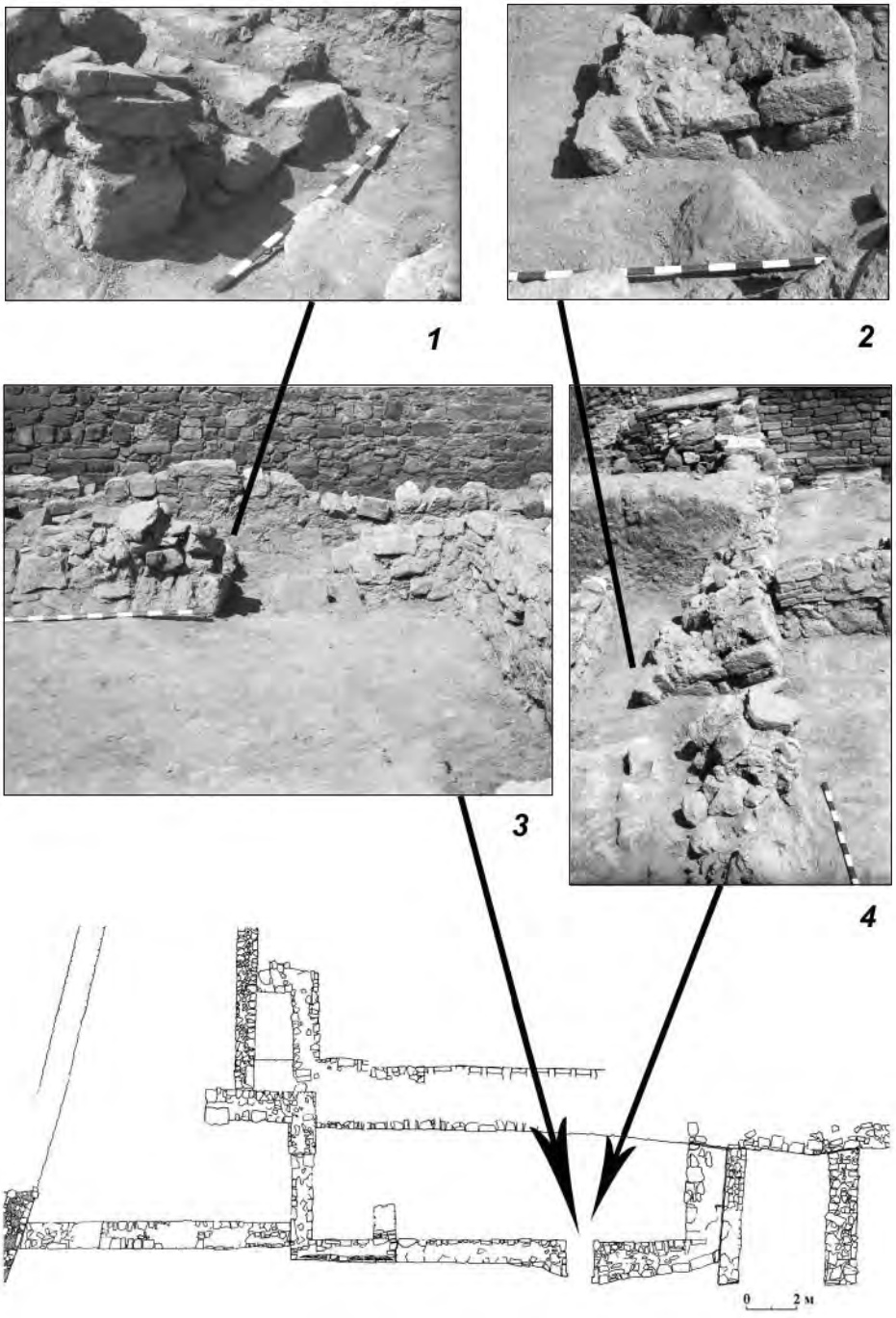


Рис. 7. Общие виды и месторасположение воротного проема в куртине к западу от башенного выступа в системе фортификации Сугдеи первой половины XIII в.

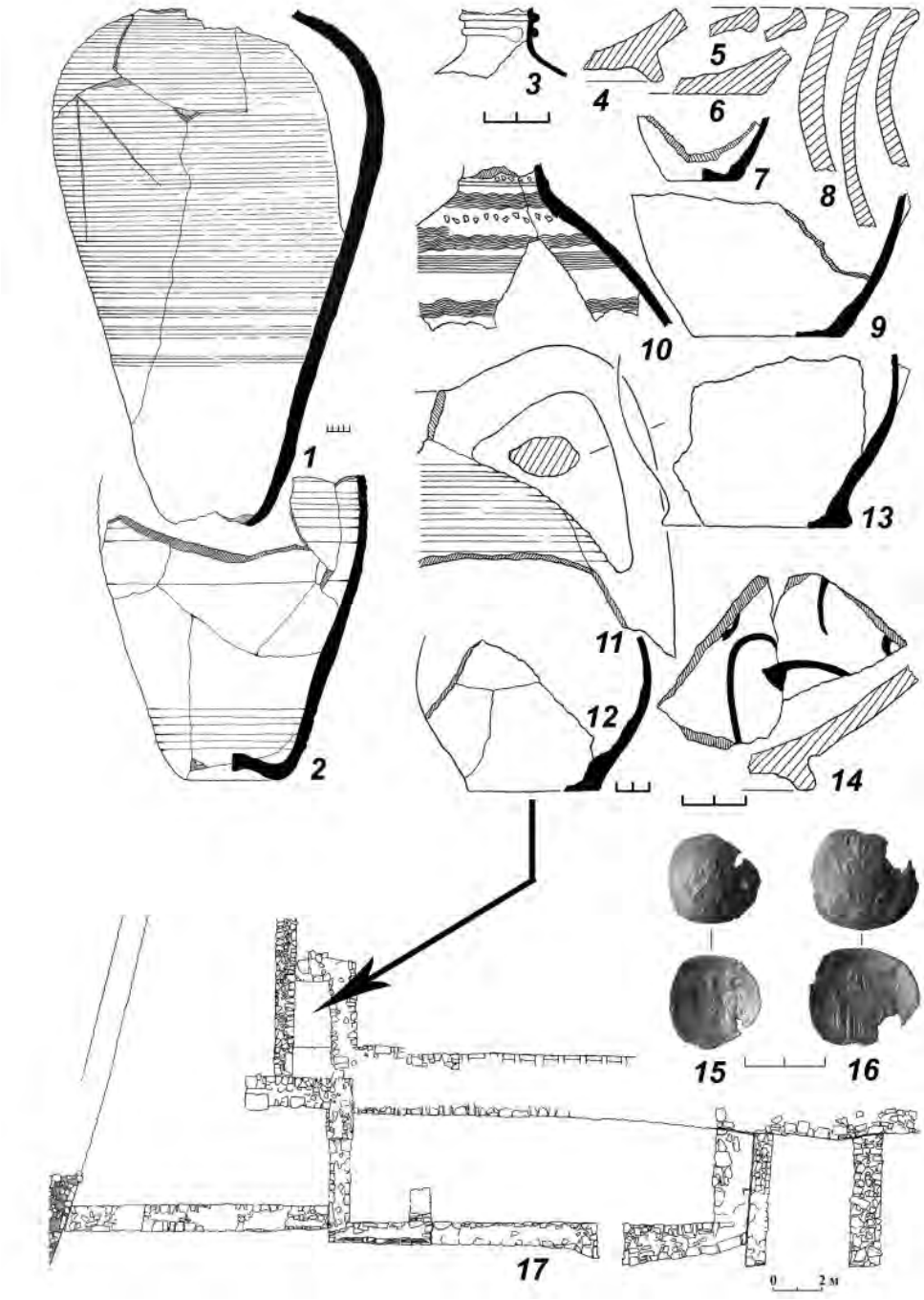


Рис. 8. Археологический и нумизматический материал первой половины XIII в. из комплекса к югу от башенного выступа в системе фортификации Сугдеи.

Д.А. ПРОХОРОВ
D.A. PROKHOROV

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИРОДНЫХ КАТАКЛИЗМОВ И СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ НА КРЫМСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В ОПИСАНИЯХ АВТОРОВ И ДОКУМЕНТАХ XVII–XVIII ВВ.[1]

EFFECTS OF NATURAL HAZARDS AND NATURAL DISASTERS IN THE CRIMEAN PENINSULA IN THE DESCRIPTIONS OF AUTHORS AND DOCUMENTS OF THE XVII–XVIII CENTURIES

Некоторые сведения о природных катаклизмах и стихийных бедствиях, имевших место на территории Крымского полуострова в XVII–XVIII вв., приведены в публикациях Н.Н. Мурзакевича, В.Д. Смирнова, А.А. Новосельского, В.В. Каргалова, Г.А. Санина [Мурзакевич, 1850, с. 568–658; Мурзакевич, 1881, с. 249–329; Смирнов, 2005; Новосельский, 1948; Каргалов, 1974; Санин, 1987]. Проблемой истории распространения и локализации эпидемий и пандемий различных заболеваний на территории России, а также их изучением их последствий занимались такие авторы, как Ф.А. Дёрбек, И.И. Пантюхов, Б.В. Владыкин, А. Гирш, Г.И. Архангельский, П.Е. Заблудовский, М.Ю. Лахтин, К.Г. Васильев, А.Е. Сегал, Е.И. Смирнов, В.А. Лебединский, Н.С. Гарин, К.К. Васильев и др. [Архангельский, 1874; Пантюхов, 1876; Hirsch, 1883; Гозевер, 1897; Владыкин, 1899; Дёрбек, 1905; Лахтин, 1909; Заблудовский, 1960; Смирнов, Лебединский, Гарин, 1988; Васильев, Сегал, 1960; Васильев, 2009]. Данные о землетрясениях на Крымском полуострове и сопредельных с ним территориях проанализированы в публикациях А.И. Маркевича, А.Ф. Слудского, М.В. Смирнова, А. Полумба, И.И. Попова, А.А. Никонова, В. Хапаева [Маркевич, 1915, с. 254–259; Маркевич, 1928, с. 64–73; Слудский, 1928, с. 17–24; Смирнов, 1931; Полумб, 1933; Попов 1969, с. 447–459; Никонов, 1986, с. 79–85; Никонов, 1994, с. 20–31; Никонов, 2000, с. 53–62; Хапаев, 2009, с. 77–80].

Целью предлагаемой статьи является обобщение уже известных данных, а также анализ исторических сведений о чрезвычайных ситуациях, возникавших вследствие природных катаклизмов на территории Крымского полуострова в период с XVII до конца XVIII в. Информация о них приведена в официальной делопроизводственной переписке, отчетах официальных послов и резидентов, находившихся в Крыму, а также в мемуарах, очерках и записках непосредственных участников указанных событий. Помимо этого, в ходе работы над статьей использовались официальная документация созданного после присоединения Крыма в 1783 г. Таврического областного правления, переписка должностных лиц и материалы, хранящиеся в фондах государственного казенного учреждения Республики Крым «Государственный архив

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10112 «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825».

Республики Крым» (ГКУ РК ГАРК, г. Симферополь); некоторые из них впервые вводятся в научный оборот.

Одной из основных проблем в истории Крымского ханства на протяжении довольно длительного периода являлось обеспечение населения продовольствием. В XVII в. на Крымском полуострове выращивали пшеницу, рожь, просо, овес, чечевицу и ячмень, причем Иоганн Тунманн обращал внимание на то, что посевы ячменя давали хороший урожай, частично отправлявшийся в Константинополь – ежегодно из Крыма вывозилось до 60 судов [Тунманн, 1991, с. 43]. По словам французского посла в Крыму Шарля де Пейссонеля (1753 г.), из крымских портов ежегодно выходило от 100 до 150 судов, груженных ячменем, просом и пшеницей для Оттоманской Порты, а другой француз Обри де ля Мотре в 1711 г. охарактеризовал Крым как заслуживающий «звания житницы Греции, как его называли ранее» [Peyssonnel, 1787, p. 165; Мотре, 2006, с. 189]. Налог с собиравшегося в Крыму в конце XVIII в. урожая зерновых составлял от 12 000 до 40 000 четвертей в год, при этом сама стоимость зерна была невысокой – «не более 7–8 пара[2] за киле[3]» [Лашков, 1897, с. 30; Мотре, 2006, с. 190]. Тем не менее довольно часто Крымское ханство нуждалось в привозном хлебе, поэтому наблюдалась парадоксальная ситуация: с одной стороны, кочевое и оседлое земледелие позволяло отправлять хлеб на экспорт; с другой – в неурожайные годы в Крыму начинался настоящий голод – «длительные засухи, неурожаи и вызванные ими голодовки вели к массовому падежу скота и вымиранию населения» [Каргалов, 1974, с. 8].

Например, русский посланник в Крыму Петр Савелов сообщал, что в 1626 г. «лето в Крыму было сухмяное» и неурожайное, «хлеб и сено не родился», а цены на все съестные припасы чрезвычайно поднялись и члены посольской свиты, находившиеся в Чуфут-Кале в течение 9 недель, буквально голодали, «траву и корень всякой собираючи ели, а где будет <…> у жидов[4], что добудут», причем четверик[5] ячменя стоил полтора золотых, за четверик пшеницы платили от 2 до 15 золотых (цена на нее доходила и до 40 золотых), баранина продавалась по цене 10 золотых, говядина – от 15 до 20 золотых, можара[6] сена – 10 золотых, а ведро воды – 2 золотых [Савелов, 1902, с. 75; Савелов, 1906, с. 8, 71, 72, 102, 103]. Вынужденные искать защиты за крепостными стенами Чуфут-Кале, послы П. Савелов и С.И. Тарбеев сообщали о том, что члены русской дипломатической миссии, ограбленные крымскотатарскими

---

[2] Пара – турецкая серебряная монета, бывшая в денежном обращении в Крыму в XVII–XVIII вв.

[3] Киле – единица измерения сыпучих тел. Размер киле отличался в разных областях. 1 крымский киле составлял 2 пуда 10 фунтов.

[4] Под «жидами» в приведенном отрывке подразумеваются представители караимской общины Чуфут-Кале.

[5] Четверик – в XV–XX вв. русская единица измерения объёма сыпучих тел; равнялся 1/8 четверти, или 26,24 литра.

[6] Можар, можара – длинная двух- и- четырехколесная повозка с решеткой из деревянных палок по бокам; использовалась в хозяйствах крымских жителей вплоть до начала XX в.

мурзами и потерявшие все свои сбережения, лошадей, а также привезенные для хана поминки, «из жидовского городка бились с ними [татарами] беспрестани <…> и в осаде, государь, мы помирали голодною смертью <…> хлеба печеного и никакого жита и мяса купить не добыли» [Савелов, 1906, с. 7, 10, 71, 72]. Русские посланники Кологривов и Дуров платили за четверик пшеницы от 26 алтын[7] 4 деньги и до 1 рубля, а за четверик ячменя – по 4 и более гривен [Новосельский, 1948, с. 182].

Кроме погодных катаклизмов и неурожая в течение 1628–1629 гг. в Крыму, по данным многих источников, свирепствовала эпидемия чумы: многие «сидячие и юртные деревни... стали пусты» [Новосельский, 1948, с. 182]. «Моровое поветрие» опустошило такие города, как Бахчисарай, Гёзлёв, Карасубазар, Керчь, Балаклава, Мангуп и Чуфут-Кале. Глава миссии доминиканских монахов в Кафе Эмиддио Дортелли д'Асколли упоминал, что «жесточайшая чума смела сотни тысяч людей». Ситуация осложнялась и тем, что «четыре года сряду появлялась саранча, каждый раз в большем количестве и ранее прежнего, причиняя невероятные убытки не только людям, в виде сильной дороговизны, но, кроме того, в зимнее время погибло великое множество скота по недостатку подножного корма и запасов сена; наконец, выпадали часто великие снега при сильнейших морозах». Около 30 000 крымских татар переселились с семьями, «кто морем, кто сухим путем», в Румелию, «причем из каждого поселения уходило то более, то менее одной или двух тысяч человек, смотря по числу жителей» [д'Асколли, 1902, с. 125, 126]. Эпидемия, которая распространилась и на территорию современной Украины, стала затихать лишь весной 1629 г. А летом 1632 и 1645 гг. нашествия саранчи вновь уничтожили хлеб «без остатку» во всех улусах [Новосельский, 1948, с. 182, 194, 342].

В начале декабря 1642 г. прибывшие в Крым московские посланники Б. Приклонский и Г. Лавров сделали в статейном списке запись о большом неурожае в Крыму и сопровождавшей его засухе. В этом документе были перечислены цены на некоторые основные продукты питания: например, за «острамок»[8] соломы нужно было платить 3 золотых, за можару сена – 5–6 золотых, за четверть ячменя – по 6 золотых, за четверть ржи или пшеницы – по 8 золотых [Новосельский, 1948, с. 313]. В августе 1643 г. «ближний царев человек» (приближенный хана) Маметша Ага заявил посланникам, что татары с голода продают жен и детей: «Ныне де царю никоторыми мерами татар-воров унять немочно, потому что стал голод большой, жен и детей своих продают; кому де не своровать, сворует за нужею, хотя смерть свою видит, и тех де воров где сыскать» [Новосельский, 1948, с. 313]. Московские посланники Г. Неронов и Н. Головнин, прибывшие в Крым в декабре 1643 г., сообщали о голоде на полуострове, продолжавшемся третий год. Они упоминали о том, что не смогли добыть корм для кречетов и ястребов, которых они везли в подарок царю, и все

[7] Алтын – номинал русской денежной системы; составлял от 3 до 6 копеек.

[8] Острамок – на Руси единица для определения количества сена, составлял приблизительно от 1 до 2 возов сена.

птицы погибли; рацион же самих послов был сильно урезан. Летом и осенью 1645 г., по свидетельству посланников Т. Караулова и Грязного Акишева, голод в Крыму продолжал свирепствовать: «хлеб и конский корм» не уродились, дождей не было вовсе, «жары великие, земля выгорела, а которой кормишко и был и тот саранча поела». Значительное число крымских татар откочевало за Перекоп в степи. Один из пленных «языков» в мае 1646 г. свидетельствовал в Посольском приказе, что в Крыму голод, и хлеб не родился уже шестой год [Новосельский, 1948, с. 313].

Частые неурожаи и голод вынуждали крымских татар идти в набеги, о чем свидетельствует и обращение крымского хана Мехмеда IV Герая к султану в 1644 г. за разрешением отправиться в поход на Москву: «Меженина, хлеб не родился четыре года и от того де они (татары) голодни» [Новосельский, 1948, с. 333]. В одном из донесений сотника астраханских стрельцов И. Лутовинова, захваченного татарами в плен весной 1646 г., говорилось, что «без войны де крымским и ногайским людям быть не уметь, изнела их скудость и большой голод <…> и крымские де, и ногайские люди, и черные татаровя полоном хотят быть корыстны и войне ради» [Новосельский, 1948, с. 390]. В 1645 г., по словам послов Т. Караулова и Грязного Акишева, необыкновенная засуха уничтожила большинство посевов, а нашествие саранчи довершило бедствие: послы сообщали в Москву, что в Крыму «голод большой», какого не бывало, «как Крым стал». Московскую четверть хлеба покупали по 3 рубля, «да и купить негде и нечем»; митрополит Браиловский Мелетий писал в Москву, чтобы ожидали нового нападения татар, потому что в Крыму голод, и татары едят человечину [Новосельский, 1948, с. 342; Каптерев, 1914, с. 325].

Здесь следует заметить, что нашествия саранчи на земли Крымского полуострова продолжались и в последующие годы, при этом они носили регулярный характер. Так, например, немец Пирс-Бальтазар фон Кампенгаузен, состоявший на русской службе в конце XVIII в., писал в своих мемуарах о подобном нашествии, сообщая, что «двадцать второго августа 1791 года такое облако пролетало мимо места, где мы стояли лагерем с подразделением российской армии. Узнав об их приближении, я приказал войскам стрелять в тот момент, когда они окажутся на расстоянии выстрела. Это было сделано, но, не смотря на гибель тысяч насекомых, я не заметил, чтобы пролетавшее мимо облако хоть немного уменьшилось» [Храпунов, 2013, с. 462]. Некоторые из путешественников делали наблюдение, что магические действия, призванные истребить саранчу, совершали дервиши и муллы: с помощью якобы волшебной воды они призывали черных птиц, которые пожирали вредителей без остатка [Храпунов, 2013, с. 462]. Разумеется, достоверность этих сведений довольно сомнительна.

В связи с ослаблением Османской империи в XVII в. подвоз зерна из Египта в Крымское ханство, в котором был очередной неурожай из-за сильных зимних морозов, начал давать сбои. Во время шестой турецко-венецианской войны 1645–1669 гг. Стамбул в течение трех лет (1655–1657 гг.) был блокирован с юга, и султан Мухаммед IV Герай приказал везти хлеб из Крыма. Однако в 1657 г. на полуостро-

ве после суровой зимы и вынужденного военного бездействия вновь был голод: «в Крыму у татар многие конские и животинные стада з бескормицы померли. А почала быть в Крыму весна апреля с 1 числа» [Санин, 1987, с. 192]. В «Статейном списке бывших в Крыму посланников Романа Жукова и подьячего Лариона Пашина», отправленных на полуостров в феврале 1657 г., сообщалось, что цена осьмины[9] ржи на бахчисарайском рынке составляла 50, 60, 80 копеек, и доходила до 1 рубля золотом [Санин, 1987, с. 192]. Караим Юсуп (=Юсуф, Иосиф) со слов турецких купцов сообщал, что в столице Оттоманской Порты цена на рожь достигала невероятного даже по тем временам предела в 8–9 крымских золотых (3 рубля русскими деньгами). «Таков де дорог хлеб, что за пять или за шесть денег человек не наестся. А по хлеб де и по соль посылают беспрестанно в Крым в Козлев город. И оттоле де в Царьград беспрестанно корабли приходят со пшеницею и с солью». Опасаясь голода в собственных владениях, Мухаммед IV Герай, вопреки фирману турецкого султана, запретил вывоз зерна под страхом смертной казни, а когда из Стамбула пришли 15 галер за хлебом и солью, крымский правитель приказал отгрузить только одну соль [Санин, 1987, с. 192]. Зерновым поставщиком Стамбула в Северном Причерноморье в подобных ситуациях становилась Бессарабия [Барабанов, 1993, с. 279]. В 1645 г. султан, в свою очередь, наложил запрет на доставку хлеба из Турции в Крым в связи с тем, что весь флот был задействован в средиземноморской войне [Новосельский, 1948, с. 342, 418].

О засухе, неурожаях и голоде на Крымском полуострове сообщал Равви Иаков бен Мордухай в 1685 г. Его сочинение было издано как приложение к книге «Иггерет а-викуах» («Послание спора»)[10] Равви Ильи. В записках Равви Иакова бен Мордухая (очевидно, принадлежавшего к караимской общине Чуфут-Кале) приводилось несколько исторических заметок о событиях, произошедших на полуострове после участия крымского хана Мурад-Герая в венском походе в 1683 г. Тогда вновь наблюдалась кризисная ситуация в связи с неурожаем: «В этом году <1684> во время жатвы произошел голод в Крыму, в Румелии и в Молдавии. Говорят, что в последней стране такой был голод, что, увидев кого-нибудь приезжающего из чужой земли, бедные жители падали пред их лошадьми и умоляли, чтобы их взяли с собой, и что они будут рабами, лишь бы спаслись от голодной смерти <…> В Крыму голод начался в Августе месяце 1684 года, а в Мае и Июне месяцах 1685 года цена четверти пшеницы в Бахчи-Сарае доходила до 500, а в Карасу-Базаре до 880 левок[11]» [Несколько исторических заметок, 1856, с. 132].

---

[9] Осьмина, осьминник – одна из основных мер сыпучих тел на Руси; в соответствии с «Положением о мерах и весах» Российской империи 1899 г., 1 осьмина равнялась 104,956 литра.

[10] Текст трактата Равви Ильи перекликается с трудом испанского философа и поэта XIII в. Шмуэля Товии бен Йосефа Фалакеры (1225 – ок. 1290) «Иггерет а-викуах», посвященным проблемам взаимоотношений между философией и религиозными догматами [Giron-Negron, 2001, p. 66].

[11] «Левок», «левки» – распространенное в XVII в. в название голландского левендальдера (т.н. «львиный талер»).

«Я сам, – продолжал свое повествование автор заметок, – купил оку[12] муки за 12 левок, 6 июня 1685 года, в г. Кыр<к>-ер а в Карасу-Базаре платили за оку пшена и пшеничной муки по 15 левок, а за сарачинское пшено по 36 левок, слышно было, что в г. Кафе 30 и 25 драхм[13] хлеба продавалось за 1 левку монет Селим-Гирей-Хана. Не только хлеб, но все съестные припасы были очень дороги; так, например: 12 волошских орехов продавалось за 1 левку. Селим-Гирей-Хан, видя, что не привозят в город хлеба, послал своих чиновников в деревни искать хлеба и увещевать, что, если находится у кого хлеб, пусть привозит на продажу и пощадит жителей от ужасов голода. Несмотря на то, что начали привозить и продавать, голод не облегчился, пока не помиловал Господь и не дал дождя. Бог внушил милосердие в сердце нашего общества города Кыр<к>-ер. Богатейшие хозяева призревали бедных и нищих, всякий по своему состоянию, да воздаст им Господь стократ за их доброе сердце!» [Несколько исторических заметок, 1856, с. 133].

Далее Равви Иаков бен Мордухай сетовал, что 1686 г. был тоже неурожайным для всего полуострова: «четверть пшеницы продавалась ценою 400 левок, проса 240 левок: так дороговизна продолжалась до Ноября месяца 1687 года <…> Весь Декабрь этого года был очень дождлив. В течение же следующих двух месяцев не было ни дождя, ни снегу; только 14 Марта 1688 года упал небольшой дождь, и с этого месяца началась возвышаться цена хлеба <.> 13 числа я заплатил за четверть пшеницы 180 левок, за четверть проса 728 лев: за оку муки 21 левок, по этой цене Козловский батман муки стоит 140 серебряных левок, что составляет 11,000 левок монеты Селим-Гирей-Хана, стоимость серебряной левки равняется 100 левкам медным, ока проса стоила 16 лев., ока сарачинского пшена 20 лев., ока соленой баранины 14 лев., ока не соленой 10, отрубей 8 лев. Говорят, что в деревнях ока муки продавалась 25 лев., а ока сена – 5 и 6 лев., ока коровьего масла 50 лев., свечного сала 40 лев; бекмеза (сырых овощей) 18 лев., четверть ржи 800 лев., десяток волошских орехов 1 левок, за провоз четверти пшеницы из Козлова в Бахчи Сарай 90 левок. Весною того года овца с ягненками стоила 170 лев., коза с козлятами 150 лев., корова 7 червонцев» [Несколько исторических заметок, 1856, с. 133].

Описывая несчастья, которые выпали на долю населения, автор заметил, что «многие из Татар питались кровью животных и падалью, рассказывали, что ели даже человеческое мясо, потому что многие умирали с голоду на улицах и на рынках, и во всех дворах был плач и стон. Нищих, просящих милостыню по домам, было бесчисленное множество. В этом году вещи золотые, серебряные, медные и разные платья продавались за бесценок. Известный вес золота отдавали за 70 и даже 60 левок, а серебра 50 и 60 левок, око меди 40 и 35 лев: многие распродали все свои дорогие вещи для доставления себе хлеба, и сделались очень бедными и ходили по домам просить милостыню. Из бедного же народа очень много померло от голода; некоторые из

[12] Ока, окка – мера веса в Крымском ханстве; 1 окка – 1283 грамма.

[13] Драхма – мера веса, равная 1,5 золотника, т.е. около 6,39 грамма.

них, по большой части деревенские жители, валялись по улицам без погребения» [Несколько исторических заметок, 1856, с. 134].

Наиболее опустошительным и катастрофическим по своим последствиям бедствием, неоднократно имевшим место на территории Северного Причерноморья на протяжении всей его истории, были вспышки эпидемии чумы. Как известно, одна из крупных пандемий этого заболевания была зафиксирована в XIV в.: в 1346 г. чума была занесена в Крым из Восточного Китая, а затем – в Европу. Путешественник де-Мюсси, который находился в то время в Каффе, сообщал, что в Причерноморье «вымерли бесчисленные племена татар и сарацинов от неожиданной необъяснимой болезни… Огромные пространства земли опустели, наиболее населенные города почти обезлюдели» [Васильев, Сегал, 1960, с. 27]. Татары осадили Каффу, принадлежавшую в то время генуэзцам, однако в течение 3 лет не могли его взять из-за появления в войске смертельной эпидемии, ежедневно уносившей множество жизней. Осаждавшие с помощью метательных машин стали перебрасывать в осажденный город трупы людей, умерших от болезни. В городе началась паника, и генуэзцы, оставив его, вынуждены были спасаться морем. Далее де-Мюсси сообщал, что по пути на родину среди беженцев началась ужасная эпидемия: из тысячи в живых осталось не более 10 человек. «Родные и друзья и соседи поспешили к нам… но мы принесли с собой убийственные стрелы, при каждом слове распространяли мы свой смертный яд». Таким образом в 1337 г. чума была занесена в Италию, и в 1348 г. распространилась во всех прибрежных городах Средиземноморья. «Того же лета казнь бысть от бога под восточною страною на город Орначь, и на Хозторокань, и на Сарай, и на Бездеж, и на прочие грады во странах их, – сообщала Воскресенская летопись 1346 г. – бысть мор силен на Бесермены и на Татары, и на Ормены и на Обезы, и на Жиды, и на Фрязы, и на Черкасы, и на всех тамо живущих яко не кому их погребати» [Васильев, Сегал, 1960, с. 27, 28]. По разным данным, тогда от пандемии чумы погибло от 14 до 25 млн человек. В 1351 г. новая вспышка чумы поразила Польшу и Русь, после чего еще несколько лет спустя в Европе фиксировались ее проявления.

Как уже было сказано выше, эпидемии чумы опустошали Крымский полуостров и в XVII в. После эпидемии 1628–1629 гг. болезнь вновь появилась в Крыму в 1636 г.: тогда из-за угрозы распространения в Крыму «морового поветрия» не были допущены в Москву и подвергнуты карантину в Ливнах и Осколе крымские гонцы, ранее посланные к крымскому хану с дипломатической миссией [Васильев, Сегал, 1960, с. 52]. В 1680 г. для заключения соглашения о перемирии между Турцией, Крымским ханством и Россией по результатам войны 1676–1681 гг. в Крым направились русские посланники: резидент в Польше стольник и полковник Василий Тяпкин, дьяк Никита Зотов и генеральный писарь Войска Запорожского Семен Ракович. 22 октября 1680 г. в с. Азетмале их встретил «бея разменного[14] при-

[14] «Разменный бей» – вельможа, отвечавший в Крымском ханстве за обмен пленных и занимавшийся их выкупом.

сланный татарин и посольского двора сторож» Джумалей и, для начала расспросив о состоянии здоровья русских послов, сообщил, что ему было велено их принять и проводить, «не занимаючи Бахчисарая, на реку Алму, на посольской старой стан, от Бахчисарая в 10 верстах, для того, что Хан сам вышел из Бахчисарая, живет бегаючи от морового поветрия, на той же реке Алме, в деревне, недалеко от посольского стану» [Статейный список, 1850, с. 32, 33]. Предосторожности в отношении посольской миссии были обоснованы тем, что с 1674 по 1684 г. очаги эпидемии чумы были отмечены в ряде стран Европы (в частности, в европейской части Османской империи, Польше, Галиции, Австрии и Германии). Массовые случаи заболевания происходили и в самом Крыму – из числа сопровождавших посольскую свиту «государевых людей померло язвою 12 человек» [Васильев, Сегал, 1960, с. 73]. При этом, описывая условия своего пребывания в ханской ставке, В. Тяпкин и Н. Зотов сообщали, что «кормов нам и лошадям нашим ничего не давали, и купить с великою нуждою хлеба и ячмени и соломы на силу добывали и то самою высокою ценою» [Статейный список, 1850, с. 34].

Подписание Бахчисарайского договора крымским ханом Мурад-Гераем и русскими посланниками состоялось 13 (23) января 1681 г. При этом любопытны некоторые подробности самой церемонии – в соответствии с дипломатическим протоколом, грамота, направленная русским царем через посла, должна быть вручена хану лично в руки; тем же образом вручались грамоты хану от русских послов. В. Тяпкин и Н. Зотов в ответ на требование ханского аталыка[15] и разменного бея, явившихся в посольский стан и потребовавших царскую грамоту для передачи ее хану, заявили, что «прежде Ханова В-<еличест>ва, с грамотою Великого Государя, к ближним его людям ни к кому не пойдем, и мимо его Ханских рук никому из ближних его людей Великого Государя нашей грамоты не дадим» [Статейный список, 1850, с. 35–37]. Тем не менее после того, как в момент подписания договора Мурад-Герай приложил печати к «шертной своей и Салтанова В-<еличест>ва грамотам», хан распорядился передать документы послам одному из приближенных, Агмет-Аге. При этом он заявил В. Тяпкину, «чтоб мы посланники Ц-<арско>го В-<еличест>ва о приеме тех грамот не из его Ханских рук не оскорблялись и не спорывались для того, что самому его Ханову В-<еличест>ву из своих рук, для страху морового поветрия отдать не годится; а не для какой гордости и нелюбви. А когда-де было от морового поветрия бесстрашно, и тогда-де его Ханово В-<еличест>во не токмо государские грамоты и письма ваши посольские принимал у вас своими руками, и договоры посольские с вами чинил своею особою, чего при прежних Крымских Ханах от века не бывало» [Статейный список, 1850, с. 222, 223]. Точно так, не лично в руки, а через Агмет-Агу крымскому хану были переданы и грамоты, подписанные русскими послами.

По возвращении посольства В. Тяпкина и Н. Зотова они сразу не были допуще-

[15] Атылык (букв.: «заступающий место отца») – титул, которым владел воспитатель, «дядька» крымского хана.

ны в Москву, «потому что от морового поветрия во всех государствах имеют великое опасенье»; писарю же Семену Ракову было предписано отправляться в Сечь к гетману Самойловичу, не заезжая в Москву, т.к. он проходил вместе с послами «заморными местами» [Васильев, Сегал, 1960, с. 73]. Остальным членам посольства было приказано в качестве противоэпидемического мероприятия «Салтана Турского и Крымского Хана шертные грамоты перевести чрез огонь» для предотвращения возможного распространения болезни. Данная предосторожность была вызвана последствиями одной из самых страшных эпидемией чумы XVII в., которая вспыхнула в Москве в августе 1654 г. и продолжалась до 1657 г., распространившись и на другие территории государства. До наступления зимы 1654 г. значительная часть населения Москвы и окрестных деревень вымерла (всего погибло около 300 тыс. – 350 тыс. человек). В целях профилактики распространения заболевания врачеватели советовали окуривать помещения дымом сжигаемого можжевельника или полыни – средство, которое продолжали использовать и в конце XVIII в. для борьбы с опасной болезнью.

На дорогах, ведущих в города или области, где возникала угроза эпидемии, устраивали специальные заставы и засеки (их создание фиксируется в русских летописях серединой XVI в.) [Васильев, Сегал, 1960, с. 75–77]. Например, в Цареве Борисове (город на месте впадения р. Бахтин в р. Оскол на территории Слободской Украины) была учреждена особая «сберегательная» застава, где приезжие останавливались и окуривали свое имущество; что касается послов, то они должны были сжигать старые бумаги, а привезенные документы передавать по назначению лишь после осуществления процедуры окуривания; с теми же, кто прибыл из «заморных мест», переговоры велись с «великим пристрастием», «издалека», «не сходясь» или «через огонь», причем допрашивающий во избежание заражения должен был находиться на расстоянии слышимости человеческого голоса [Статейный список, 1850, с. 266; Васильев, Сегал, 1960, с. 77]. Например, все переговоры В. Тяпкин и Н. Зотов вели по возвращении «не сходясь» с подьячим Прокофьем Возницыным; после чего членам посольства было велено ехать «со всеми людьми в Тульскую или в Веневскую свою деревню» [Статейный список, 1850, с. 266, 267]. По окончании карантина В. Тяпкин и Н. Зотов, ободренные выплаченным им «взыскательным жалованьем <…> чтоб в задержанье своем для опасения морового поветрия не оскорблялись», представили царю Федору III Алексеевичу подробный отчет о завершении дипломатической миссии, в котором отдельно упомянули и о «моровом в Крыме будущем поветрии» [Статейный список, 1850, с. 265, 282].

Что касается соблюдения профилактических противочумных мер, то за самовольный обход застав и игнорирование запретов нарушителей жестоко наказывали; тех же, кто бежал из охваченных чумой городов и у кого на заставах выявляли болезнь, было приказано ловить и жечь: «а которые люди побегаша из града и тех беглецов имаша и жгаша» [Васильев, Сегал, 1960, с. 48, 49]. Подобные карантинные мероприятия на Руси осуществлялись и ранее, в XVI в., о чем сообщал посол в Московии С. Герберштейн [Герберштейн, 1988, с. 133].

Угроза распространения эпидемии чумы на территории Крымского полуострова сохранялась в 1704 и в 1725–1730 гг., когда она охватила Стамбул и некоторые другие регионы Османской империи; особенно сложным положение было в 1726 г., когда эпидемия приняла угрожающие масштабы [Васильев, Сегал, 1960, с. 94, 101, 102]. Несмотря на принятые меры предосторожности, болезнь все же проникла в Крым в ноябре 1727 г. Верховный тайный совет Российской империи получил сведения о том, что «в Крым есть <…> великий мор <…> и для этого турки <…> еще в летнее время из Крыма выехали» [Васильев, Сегал, 1960, с. 102].

Первая половина XVIII в. охарактеризовалась новым усилением борьбы западноевропейских держав, России и Турции за раздел сфер влияния в Северном Причерноморье. Геополитические претензии Российской империи, заинтересованной в укреплении своего торгового и экономического потенциала, приобретали конкретные формы. В 1735 г. неудачную попытку военного похода на Крым предпринял генерал-лейтенант М. Леонтьев. Армия, в которой насчитывалось 39 795 человек, из которых большинство было «нерегулярного войска», и 46 орудий, выступила в поход 1 октября. Однако ухудшение погодных условий, а также начавшиеся в войсках болезни людей и падеж лошадей вынудили командующего русской армией принять решение о возвращении: полки находились в очень плохом состоянии; в походе было потеряно около 9000 человек и столько же лошадей. Подавляющее большинство потерь являлись небоевыми – от болезней, голода и т.п. [Турецкая война, 1878, с. 256].

Во время русско-турецкой войны 1734–1739 гг. генерал-фельдмаршал Бурхард Кристоф Миних 21 мая 1736 г. взял Перекоп и вступил на Крымский полуостров. 5 июня 1736 г. его войска овладели Гёзлёвом, где захватили значительную добычу. Наступление было продолжено, и 16 июня 1736 г., когда Миниху удалось овладеть столицей Крымского ханства – Бахчисараем, в котором были «как дворец, так и город обращены в пепел», все местные жители были вынуждены, побросав свои дома и большую часть имущества, бежать в горы [Турецкая война, 1878, с. 256; Манштейн, 1810, с. 248]. Затем та же участь постигла и Ак-Мечет; Б.К. Миних планировал направить войска к Кефе, однако стоявшие в это время года на полуострове «сильные жары, породившие множество опасных болезней, заставили его возвратиться к Перекопу» [Турецкая война, 1878, с. 256; Манштейн, 1810, с. 250, 251]. Противник же, полагая, что армия Б.К. Миниха далее двинется к Кефе, фактически опустошил окрестности города и сжег все села. Очевидец описываемых событий сообщал, что местные жители-татары, скрываясь от российской армии, «выжигали сами деревни и истребляли все, даже воду, чтобы лишить Русских возможности достать себе что-либо на возвратном пути» [Турецкая война, 1878, с. 256; Манштейн, 1810, с. 251]. Генерал-майор прусской службы Кристоф Герман Манштейн, состоявший в действующих частях российской армии и закончивший русско-турецкую войну 1734–1739 гг. адъютантом Б.К. Миниха, отмечал, что крымские татары, оставляя свои позиции, не только уничтожали весь провиант, но и забрасывали колодцы с водой нечистотами [Манштейн, 1810, с. 243, 244, 310]. По словам адъютанта генерал-майора Карла

Бирона, за один только хлеб и «за худой окорок» он вынужден был заплатить 6 рублей; «многие и немолотый хлеб жарили и так его ели; а иные ели и совсем сырой», что, естественно, не могло не привести к отравлениям и возникновению инфекционных заболеваний [Турецкая война, 1878, с. 261, 262]. Дефицит наблюдался и в отношении фуража для лошадей. Разумеется, при жаркой летней погоде недостаток питьевой воды и припасов отрицательно сказался на санитарном состоянии армии.

Несмотря на локальные успехи, серьезно укрепиться в Крыму российским войскам не удалось; из-за недостатка воды и начавшейся эпидемии болезней Б.К. Миних утратил почти половину армии: из 30 000 выбывших из строя боевые потери составили менее 2000 человек [Манштейн, 1810, с. 258]. В августе русская армия покинула Крымский полуостров. В связи с большими потерями и недостатком фуража Б.К. Миних отказался от нового похода в Крым осенью того же года. «Для русской армии всего менее были страшны турки и татары, – резюмировал по этому поводу Манштейн. – Гораздо гибельнее действовали на нее голод, жажда, постоянные труды и переходы в самое ужасное время года», осложнявшиеся к тому же изнуряющей жарой на полуострове [Манштейн, 1810, с. 260, 277, 278; Турецкая война, 1878, с. 262].

В 1737 г. новый поход в Крым осуществил генерал-фельдмаршал Петр Петрович Ласси, войскам которого удалось захватить Карасубазар; город также «разграбили и обратили в пепел», после чего разорению подверглись и окрестные села [Манштейн, 1810, с. 353]. Новая эпидемия чумы была занесена на юг Украины в 1738 г. (по некоторым сведениям, болезнь распространилась из Валахии и достигла Белгородской и Курской губерний) [Васильев, Сегал, 1960, с. 102, 108]. Во время кампании 1738 г. в районе боевых действий у крепости Бендеры погибло две трети гарнизона крепости Очаков, находившейся под контролем российских войск, только в январе 1738 г. умерло более 1000 человек. В мае умерло 1080 человек, а в июне – 642 [Васильев, Сегал, 1960, с. 102, 113]. К.Г. Манштейн констатировал, что в Кинбурне и Очакове «язва водворилась <…> и причиняла ужаснейшие в них опустошения» [Манштейн, 1810, с. 422]. Осаду турками Очакова сопровождали недостаток в пище у гарнизона и антисанитария, вызванная гниением трупов людей и павшего скота [Манштейн, 1810, с. 363]. Весьма редко выпадали и осадки, в связи с чем растительность в степи высохла, поэтому ощущался серьезный дефицит корма для лошадей. Кроме того, татары поджигали степь и части российской армии вынуждены были делать по нескольку переходов в поисках корма для лошадей и для рогатого скота [Манштейн, 1810, с. 344, 413].

В результате из 8-тысячного российского гарнизона в конце сентября 1738 г. насчитывалось только 5000, из которых 1000 составляли больные. Многие рекруты из числа новобранцев, присланные в гарнизон Очакова, «помирали все подобно мухам» [Манштейн, 1810, с. 421, 422]. Вскоре из контингента пяти стоявших в Очакове российских полков в живых осталось только 300 человек [Васильев, Сегал, 1960, с. 113]. Для того, чтобы обезопасить остатки войск в Кинбурне и Очакове от дальнейшего распространения эпидемии, российское командование было вынуждено оставить

эти крепости. Боевые потери вновь были несопоставимы с тем, что в армии находилось множество больных, «из коих большая часть померла»; погибло огромное количество лошадей и крупного рогатого скота [Манштейн, 1810, с. 412]. Проведение противоэпидемиологических мероприятий российскими властями позволило приостановить дальнейшее распространение инфекции в глубь страны, однако некоторые небольшие города и населенные пункты в ходе эпидемии практически полностью обезлюдели [Васильев, Сегал, 1960, с. 107–112; Манштейн, 1810, с. 423, 424].

В июне 1738 г. П.П. Ласси вновь предпринял наступление на Крым. Подойдя в июне к Перекопу и овладев его укреплениями, генерал-фельдмаршал направил войска в глубь полуострова, однако найдя его в «худом состоянии и почти вовсе необитаемым» (крымские татары вновь применили тактику выжженной земли перед наступающей русской армией), вскоре был вынужден повернуть назад из-за недостатка продовольствия [Манштейн, 1810, с. 416–418]. В сентябре 1739 г. в одном из полков российской армии, вернувшейся из крымского похода, были зафиксированы 43 случая заболевания «моровой язвой»; 5 из них закончились летальным исходом [Васильев, Сегал, 1960, с. 113]. В 1747 г. и в 1753–1755 гг. в Турции были очередные вспышки чумы, в связи с чем российскими властями был издан указ об учреждении застав «на Дону от войска, в степи к морю и на Кубанской и Крымской стороне» и карантина в Таганроге; в 1765 г. сообщалось о появлении в Крыму «опасной на людях болезни». Начальникам и командирам застав было приказано, чтобы они с «приезжающими во время поветрия татарскими и из Турции народами поступали с крайней предосторожностью» [Васильев, Сегал, 1960, с. 115, 116].

Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. вспышки таких эпидемических заболеваний, как тиф, дизентерия, малярия и чума, были отмечены среди военнослужащих турецкой армии; распространение чумы среди русских солдат и офицеров (часто с летальным исходом) наблюдалось после взятия российской армией Галаца в 1770 г. Источником заражения могли стать турецкие военнопленные или захваченные у неприятеля трофеи. В специально организованном русским командованием госпитале в Яссах от чумы умерло несколько тысяч солдат (из 5 полков осталось в живых лишь 200 человек); также было инфицировано и умерло значительное число жителей городов Яссы и Батуманы; в дальнейшем эпидемия распространилась и на другие территории (например, болезнь свирепствовала в Нежине, Хотине, Киеве, Таганроге, Москве), и длилась она до 1773 г. [Васильев, Сегал, 1960, с. 118–122, 124].

Распространение чумы из Египта и Малой Азии вновь пришлось на 1783 г.; из Турции болезнь была занесена в Херсон, Кременчуг и Дубоссары [Васильев, Сегал, 1960, с. 156]. О последствиях эпидемии сообщали многие авторы того времени: например, барон Шарль де Бар писал, что болезнь унесла жизни значительного числа крымских жителей и свирепствовала на Таманском полуострове [Храпунов, Гинькут, 2015, с. 416, 420]. Шарль-Жильбер Ромм, посетивший Кременчуг в 1786 г. и встретившийся там с дивизионным врачом российской армии Д.С. Самойловичем

(Сушинским) (последний был вскоре назначен «главным доктором при карантинах», созданных в соответствии с императорским указом 6 июня 1793 г., и отвечал за санитарную безопасность Новороссии и Крыма) [Васильев, Сегал, 1960, с. 142], привел подробное описание применявшихся в то время методов борьбы с этим заболеванием [Ромм, 1941, с. 19, 20]. О роли Д.С. Самойловича, «описавшего признаки чумы, которую он, кажется, изучил лучше, нежели кто-либо иной до него», писал и Франсиско де Миранда [Миранда, 2001, с. 90]. По заключению последнего, Д.С. Самойлович был весьма изобретателен в проведении микроскопных исследований, «его теория является чрезвычайно убедительной, а рекомендуемые им прививки вполне доступны» [Миранда, 2001, с. 91].

В июне 1783 г. генерал-губернатор Новороссийского края Г.А. Потемкин, извещенный о том, что на второй почтовой заставе от Салгира по направлению к Перекопу вновь наблюдалось распространение «моровой язвы», распорядился максимально ограничить контакты почтовых курьеров с населением (а для приобретения провианта и фуража у местных жителей от каждого полка назначалось по нескольку человек, которые должны были быть, в целях санитарной безопасности, расквартированы в отдалении от своего воинского подразделения); инфицированные подвергались немедленному карантину [Мурзакевич, 1881, с. 270, 288, 289].

Г.А. Потемкин напомнил вновь о строгом соблюдении карантинных мер в ордере от 1 января 1783 г. на имя командующего русскими войсками в Крыму графа Антона Богдановича де Бальмена в связи с «открывшейся в прибывшем из Керчи Азовском пехотном полку заразе», в результате чего умерло 66 человек (причиной распространения болезни стало бесконтрольное перемещение местных рыбаков по Керченскому проливу между Таманским и Керченским полуостровом). Правитель Новороссии распорядился, чтобы вещи зараженных были уничтожены, а личный состав Азовского пехотного полка был подвергнут карантину; допустивший проникновение чумы обер-комендант Филисов был смещен, а на его место определен генерал-майор А.Г. Розенберг. В дальнейшем командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Ф.А. Клокачеву вменялось в обязанность заботиться о «возможном сбережении людей и о предосторожности от язвы, часто в том краю бываемой». В свою очередь, начальнику воинского гарнизона Перекопской крепости было сделано распоряжение организовать врачебный досмотр всех лиц, прибывающих на территорию полуострова с материка, и в качестве противоэпидемиологической меры осуществлять окуривание въезжавших в Крым, а также принадлежавших им вещей, о чем предлагалось делать специальную отметку в проездных документах; инфицированных приказано было изолировать, а умерших – «зарывать глубоко в землю со всем платьем их, сожигать оставшееся после зараженных». По всей линии черноморского побережья до Сиваша учреждалась пограничная стража, которая обязана была следить за тем, чтобы никто не мог покинуть Крымский полуостров без разрешения и специального досмотра. Графу А.Б. де Бальмену следовало ежедневно рапортовать Г.А. Потемкину об эпидемиологическом состоянии

вверенной его юрисдикции территории, а также о числе лиц, проезжающих через Перекоп [Мурзакевич, 1881, с. 257, 258, 260, 262, 263, 264].

В июне 1783 г. назначенному обер-комендантом Перекопской крепости полковнику Фридриху фон Фоку правитель Новороссии подтвердил ранее сделанные указания о «хранении строгих предосторожностей от заразительной болезни»; аналогичные распоряжения были даны в августе 1783 г. и назначенному на пост командующего российскими сухопутными и военно-морскими силами в Крыму барону Осипу Андреевичу Игельстрому [Мурзакевич, 1881, с. 276, 278, 281, 283, 288, 292]. В отношении лиц, прибывших из Константинополя должен был выдерживаться строгий шестинедельный карантин, а бесконтрольное передвижение по морю лодок – всячески пресекаться. Строгие меры контроля приказано было осуществлять и по отношению к турецким судам, оказавшимся в результате непогоды и штормов вблизи берегов Крымского полуострова, не допуская возможные контакты экипажей с местными жителями (что объяснялось также предосторожностями политического характера) [Мурзакевич, 1881, с. 305, 329].

Особенное внимание, по мнению Новороссийского генерал-губернатора, должно было быть уделено рациону питания российских войск: им предписывалось избегать излишеств в еде, а для заболевших в числе основных мер назывались «чистота, опрятство, уксус для опрыскивания и для питья с водою и говядина», а также горячее вино. В качестве средства для санитарной обработки личного состава войск и их вещей использовались дегтярное мыло и порошок для окуривания, подробные инструкции по применению которых Г.А. Потемкин направил в январе 1784 г. барону О.А. Игельстрому для последующего доведения до подчиненных [Мурзакевич, 1881, с. 294, 295]. Среди военнослужащих и местных жителей проводилась разъяснительная работа по соблюдению правил к предотвращению заражения [Мурзакевич, 1881, с. 262, 263, 283, 303].

И хотя в сентябре 1784 г. правитель Таврической области Василий Васильевич Каховский докладывал правителю канцелярии Г.А. Потемкина В.С. Попову о том, что на территории полуострова «нет заразительной болезни», тем не менее вскоре стали поступать сообщения о случаях заражения – так, например, в Ак-Мечети умерло 28 отставных солдат, 3 чиновника канцелярии, 1 купец, а 7 служащих были опасно больны (в том числе и вице-губернатор области А.А. Лангель). В связи с этим В.В. Каховский просил В.С. Попова прислать к нему опытных лекарей для зачисления в штат правления. Вскоре распространение болезни удалось локализовать, и правитель Таврической области в октябре 1785 г. сообщал, что «благодаря Всевышнего, в Симферополе не умирают», а в начале 1786 г. 22 человека из собственного окружения В.В. Каховского, ранее заразившиеся, пошли на поправку [Письма правителя, 1877, с. 237–239, 248, 257].

В 1785 г. вспышка эпидемии чумы наблюдалась уже в Очакове, поэтому князь Г.А. Потемкин в своем ордере от 6 декабря 1785 г. на имя В.В. Каховского распорядился, чтобы «по таковой близкой в рассуждении смежности Очакова с вверенною

Вам Областию опасности имеете Вы принять все потребные предосторожности к отвращению сего зла от пределов Российских, усугубив особливо бдение карантинной стражи». 19 июня 1786 г. Г.А. Потемкин вновь сообщал В.В. Каховскому о появившейся в «Шио, в Родосе, в Кипре, в Сирии и во многих других местах заразительной болезни» и рекомендовал Таврическую область «оградить строгим бдением, дабы зло сие не могло каким-либо образом туда вкрасться» [Киреенко, 1888, с. 3, 29]. Общая продолжительность эпидемии чумы на Крымском полуострове, которая то затихала, то вспыхивала вновь, составила около года (с 1784 г. до середины 1785 г.) [Киреенко, 1897, с. 14; Мурзакевич, 1881, с. 286].

Одним из обстоятельств, серьезно осложнивших деятельность российских властей по организации работы вновь созданных государственных учреждений после присоединения Крыма к России, стала эпидемия инфекционных болезней, вспыхнувшая в новой столице Таврической области – г. Симферополе в 1786–1787 гг.: «Многими это место считалось нездоровым, лихорадочным к реке, и многие из его обитателей, военных и гражданских служащих, переболели» [Маркевич, 1924, с. 42]. «Желчевой горячкой», или гепатитом заразился командующий российскими сухопутными и военно-морскими силами в Крыму Михаил Васильевич Каховский – брат правителя области вместе с супругой [Письма правителя, 1877, с. 248, 257, 258].

В 1793–1795 гг. «моровая язва» вновь охватила территории Турции, Венгрии, Валахии, Трансильвании, Боснии, Герцеговины, Сирии и Галиции [Васильев, Сегал, 1960, с. 156, 157]. А в мае 1796 г. правитель Таврической области С.С. Жегулин направил на Фанагорийский остров (Таманский полуостров)[16] начальника Таврического карантина надворного советника Ивана Гохфельта, а также председателя 2-го департамента Таврической областной верхней расправы коллежского асессора Петра Ванникова, судью Симферопольской нижней расправы капитана Ивана Михайлова и ряд других чиновников в связи с «открывшейся там в разных местах опасной болезнью <…> дабы далее пагубное зло опасности сей далее не распространилось» [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 441. Л. 1, 1 об., 3, 6].

Для предохранения от распространения эпидемии на территории Крыма были созданы карантины и заставы от Керчи и Еникале до оконечности Арбатской стрелки и Мариуполя, о чем сообщалось в донесении ратмана Боспорского городского магистрата в Таврическое областное правление. Было приказано воинским чинам строжайше «никаких лодок не пущать до берегу», а торговым и рыболовным судам воспрещалось хождение по Керченскому проливу. Всем жителям Керчи и Еникале предписывалось пройти медицинское освидетельствование на предмет выявления инфекции; кроме того, было опубликовано распоряжение, что без ведома Боспорского магистрата никто из жителей Керчи и Еникале не должен был покидать

[16] После присоединения Крыма к России в 1783 г. все земли Кубанского, или Черноморского казачьего войска были разделены на пять округов, один из которых был назван «Фанагорийским в Тамани для Фанагорийского острова» [Щербина, 1910, с. 550].

место проживания; населению также запрещалось общение «с посторонними людьми». При совершении торговых сделок предписывалось проводить предварительную санитарную обработку денег (монет и купюр) уксусом [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 441. Л. 10, 10 об.].

Д.С. Самойлович, которому была поручена ликвидация этой эпидемии, констатировал, что инфекция получила распространение и из-за непрофессионализма некоторых должностных лиц, а именно «нерадением начальствующего на Бугасе над флотилиею капитана Данильченко, тут же язвою и умершего; а паче, что нарушал он непозволительное сообщение в Анапу, посредством сего сообщения нанесена оттоль была зараза смертоносная и на Бугас, где и оказалась промеж казаками, служащими во флотилии» [Васильев, Сегал, 1960, с. 157].

Деятельность некоторых российских чиновников, направленных на Тамань, также не способствовала оперативному решению поставленной задачи: один из них, «не быв во всем сведущ», по прибытию в Еникале потребовал у командовавшего местными Вятского мушкетерского полка генерал-майора И.И. Спета отрядить для охраны команды егерей и донских казаков. Затем приказал запереть церковь, а всех жителей, кроме «торгашей и кабатчиков», – выслать из города в карантинный лагерь. После этого он приказал сжечь все дома в городе, в которых когда-либо была чума, и даже корабли черноморской флотилии и амбар, где хранились запасы этой флотилии. Кроме того, был издан приказ сжечь на рыбных заводах невода, веревки, икру в бочках и уже завяленную рыбу [Васильев, Сегал, 1960, с. 157].

В с. Стеблиевском одежда всех поселенцев была снесена в одну избу, которую затем сожгли вместе с одеждой. В домах, в которых хозяева отсутствовали и клети были заперты, сбивались замки и сжигалось все имущество: книги, оружие и даже жемчуг. Ответной реакцией местного населения на происходившее стала паника: жители прятали свое имущество в камышах, зарывали в землю и разбегались «повсюду, где казалося токмо что возможно сим будет сыскать средство избегнуть огненного истребления всему имуществу своему». Таким образом чума была разнесена по всем населенным пунктам, расположенным неподалеку от Тамани [Васильев, Сегал, 1960, с. 157].

Д.С. Самойлович, направленный в Тамань, писал: «Город был найден отовсюду стражею окруженным и аки бы неприятелем опустошенный». Дома и все улицы заросли бурьяном, везде горели «куровища», наводившие страх и уныние. Все окна и двери в домах были открыты и «ужас токмо сверхъестественный сим причиняли». Карантинный лагерь, куда согнали жителей, являл собой удручающее зрелище: «Старики, не ведая, где от жестокости стихий прикрыться, а матери – как своих детей предохранять новорождающихся». Приступив к ликвидации эпидемии, Д.С. Самойлович приказал очистить все здания, скосить бурьян на улицах, а горожан отпустить по домам. «Куровища» на улицах и площадях были залиты, дома приведены в порядок и побелены, окна и двери вставлены, «через что весь город как будто расцвел» [Васильев, Сегал, 1960, с. 158].

Наблюдение за наведением порядка было возложено на квартальных смотрителей, а сам город – разделен на кварталы. После проведения профилактических мероприятий в Тамани Д.С. Самойлович отправился в Бургас, где в лагере находились казаки Черноморской флотилии. Казаков перевели в Тамань, причем тех из них, у кого было выявлено подозрение на инфекцию, помещали в карантины, а «зачумленных» отправляли в больницу. В карантин и в больницы были определены подлекари и надзиратели. В это же самое время, по свидетельству Д.С. Самойловича, чума появилась в Екатеринодаре и нескольких селениях Екатеринодарского уезда [Васильев, Сегал, 1960, с. 158].

15 августа 1796 г. правитель Екатеринославского наместничества генерал-поручик И.И. Хорват уведомил С.С. Жегулина, что 40-дневный карантинный срок противоэпидемиологических мероприятий закончился, и по его окончании «благодарение Богу, в Фанагории, его округе и во всех черноморских селениях миновавшей заразительной болезни не открылось». Участвовавшие в ликвидации эпидемии главный доктор карантинов Новороссийской губернии Д.С. Самойлович и надворный советник фон Л.Я. Матиас (смотритель Очаковского карантина) объявили местным жителям о возобновлении «с Тавридою и соседними губерниями сообщении» [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 441. Л. 16].

Последующие вспышки эпидемии чумы наблюдались в 1797 г. в Одессе и Каменец-Подольске, в 1799 г. – в Дубоссарах, и в 1799 г. – в Елисаветграде и в Феодосии [Васильев, Сегал, 1960, с. 158; Васильев, 2009, с. 8–13]. В ликвидации их последствий деятельное участие принимал Д.С. Самойлович. В 1799 г. в Феодосию прибыло купеческое судно из Константинополя, на котором в пути умерло от чумы 6 матросов, а один «смертозачумленный и зельми трудноболезнующий» был снят с судна в Феодосии и помещен в феодосийский карантин, где затем и выздоровел. Других случаев заражения чумой в городе отмечено не было. В 1800 г. карантинная служба в России была реорганизована [Змерзлый, Воронина, 2014, с. 24–32].

Суровым испытаниям подвергалось население во время происходивших на Крымском полуострове в разные эпохи землетрясений. В дневнике Хачатура Кафаеци, жившего в Кефе в XVII в., имеется упоминание о 9 землетрясениях, произошедших на Крымском полуострове в период с 1615 по 1656 г., причем наиболее сильное из них (магнитудой до 8 баллов) отмечалось 5 июня 1615 г. В этот день, по словам Х. Кафаеци, «было землетрясение в городе Каффа: развалилась стена (городская), затряслась земля, развалились дома, заколебалась земля, изумились твари, плакали женщины, кричали дети, поднялось море, заколыхалось и пошло обратно» [Никонов, 1986, с. 79; Хапаев, 2008, с. 94]. По заключению А.А. Никонова, последствия этого землетрясения (т.н. «афтершоки») фиксировались еще на протяжении более чем 40 лет (в 1617 г., в 1618 г. – трижды, а также в 1619, 1640 и 1656 гг.) [Никонов, 1986, с. 80, 81]. Катастрофические последствия имело и крымское землетрясение, произошедшее в мае 1626 г., о котором сообщали Х. Кафаеци и турецкий историк Абдуллах ибн Ризван: «земля разверзлась, горы и скалы столкнулись друг

с другом и сползли вниз», причем в тот же год, по словам Абдуллаха ибн Ризвана, в Крыму был голод от неурожая, что подтверждается и свидетельством русского посла Петра Савелова, о котором упоминалось выше [Никонов, 1986, с. 80; Хапаев, 2008, с. 94; Савелов, 1906, с. 7, 10, 71, 72].

В период с 31 декабря 1785 по февраль 1786 года в районе деревни Кучук-Кой наблюдались активные сдвиги грунта, в результате чего произошел крупный оползень, приведший в итоге к уничтожению самой деревни и ее сельскохозяйственной округи. Данное событие нашло отражение в сообщениях ряда авторов, а также в официальной переписке местных властей. В частности, в рапорте прапорщика Абдулы Мемешева, направленного правителем Таврической области В.В. Каховским для выяснения обстоятельств происшествия, речь шла о том, что в течение нескольких дней в районе Кучук-Коя «обваливались пригорки и скатывались вдоль деревни», было разрушено 2 мельницы. 13 февраля 1786 г. поверхность земли «начала трескаться и расседаться настолько, что в этот же день ручей, приводящий в действие две маленькие татарские мельницы, исчез в этих расселинах. Два дня спустя, после того как земля все более и более трескалась и татары, живущие поблизости, от страха покинули жилища со своим скотом и имуществом, вся площадь земли между описанными оврагами, от высокого гребня скал до моря на протяжении приблизительно 900 саженей, или почти двух верст, и от 350 до 500 саженей в ширину, около полуночи обрушилась с страшным грохотом; это обрушение продолжалось до 28 февраля и образовало провал глубиной от 10 до 20 саженей» [Паллас, 1881, с. 146]. В результате в деревне было уничтожено 8 дворов, 13 садовых участков (всего 481 дерево) и пахотные поля (43 четверти пшеницы и 76 ока чеснока). Одновременно с обвалом в Кучук-Кое также обрушился выдающийся в море мыс между Кучук-Узенем и Куру-Узенем. Пострадавшим от обвала жителям Кучук-Коя императрица Екатерина II пожаловала 2000 рублей, которые были им вручены лично В.В. Каховским в Бахчисарае 16 июля 1786 г. [Маркевич, 1915, с. 256].

По словам самих жителей Кучук-Коя, сильное землетрясение, произошедшее за пятьдесят лет до описываемого события (по разным данным, в 1735 или в 1751 гг.), «оставило следы, причинив разрушение береговых гор»; П.С. Паллас предположил, что эти разрушения явились следствием сейсмической волны, дошедшей до Крымского полуострова после землетрясений в Силезии и Венгрии [Паллас, 1881, с. 146; Маркевич, 1915, с. 255]. В марте 1817 г. в этом районе вновь произошел обвал, разрушивший участок дороги от дер. Мшатка до Кучук-Коя; также «были разорены многие сады и поля» [Маркевич, 1915, с. 258, 259].

Как сообщалось в рапорте Таврического областного правления Правительствующему Сенату от 5 января 1794 г., 27 ноября 1793 г. «пополудни в 8-м часу в Карасубазаре, Бахчисарае и Перекопе чувствуемо было почти неприметное и непродолжительное землетрясение, которое же однако никакого вреда не причинило»; в соответствии с имеющимися сведениями сила толчков могла составлять до 5–6 баллов по шкале Рихтера [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 152. Л. 12; Попов,

1969, с. 448]. Об этом событии упоминалось и в труде П.С. Палласа, который заметил, что землетрясение произошло затем в марте 1790 г. на Южном берегу Крыма, однако оно было «несравненно сильнее» – его толчки ощущались по всему Крыму, однако эпицентр данного землетрясения не установлен (возможно, он находился в Румынии) [Паллас, 1881, с. 69; Смирнов, 1931, с. 10, 11, 25].

Одним из проявлений сейсмической активности на Крымском полуострове является грязевой вулканизм, связанный с фазами интенсивной тектонической деятельности. Сведения о его проявлениях встречаются в официальных документах Таврического областного правления конца XVIII в. Так, например, смотритель Таманского карантина поручик К. Линтварев сообщал, что 27 февраля 1794 г. в Фанагорийском уезде Таврической области, в районе мыса Коса Северная, «в большом кургане, который от Тамана расстоянием по проливу до двенадцати, а объезд оного сухопутно до шестидесяти верст», произошло извержение грязевого вулкана: по словам очевидцев, сначала был слышен «подобно грому стон», а затем появился столб густого черного дыма и огня высотой «более пятидесяти и в окружности до тридцати саженей», после чего на месте извержения возник глубокий кратер, вокруг которого образовалась вулканогенная брекчия. Само извержение длилось более часа, после чего активность вулкана еще некоторое время фиксировалась направленными туда наблюдателями. Те вскоре рапортовали: опрошенные ими местные жители свидетельствовали, что до этого вулкан не проявлял своей активности; кроме того, в документе сообщалось, что на территории Фанагорийского уезда расположено значительное число подобных вулканов, из которых, по словам местных жителей, «выходит земляной называемый нефтью деготь» [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 152. Л. 54–58].

Очевидно, что вышеприведенные сведения описывают извержение грязевого вулкана Куук-Обо, которое сопровождалось «оглушительным шумом» и землетрясением, ощущавшимся в Бахчисарае, Карасубазаре и Перекопе [Маркевич, 1928, с. 4]; подробное описание последствий этого извержения оставил П.С. Паллас, отметивший, что во время этого природного явления наблюдался высокий огненный столб из кратера (вероятно, от вспышки нефти), а также клубы дыма и потоки грязи (выброшено было около 650 000 куб. м), извергавшиеся из вулкана. «Кипение, свист и шум продолжались до ночи, – сообщал ученый, – и до третьего дня гора еще выбрасывала иногда грязь на высоту двойного роста человека. Затем еще раз был слышен треск, гора снова начала выбрасывать грязь в вышину, но огонь более не показывался» [Паллас, 1999, с. 138, 139].

В марте 1795 г. сейсмическая активность была отмечена на Таманском полуострове (территория Черноморского казачьего войска), в шести верстах от Ахтанизовского лимана, где, как сообщал правитель Таврической области С.С. Жегулин, вулканический холм диаметром 17 метров приподнялся от дневной поверхности на более чем 1 метр, в результате чего вокруг холма образовались «расселины, и сквозь оных был слышан подземный шум» [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 361. Л. 44–46]. В 1799 г.

извержение вулкана произошло в Азовском море, недалеко от Темрюка: «в ста пятидесяти саженях от берега был слышен подземный гул, сопровождавшийся страшным громом, за которым следовал удар как бы от пушечного выстрела, и сейчас же <…> поднялся на поверхность моря с довольно глубокого морского дна [около пяти-шести саженей] остров, как большой могильный курган, окружность которого можно считать приблизительно в сто саженей» [Паллас, 1999, с. 136, 137]. После извержения были зафиксированы подземные толчки, которые ощущались даже в Екатеринодаре (на расстоянии более 200 км).

В «Наставлении Губернаторам от 21 апреля 1764 г.», изданном Правительствующим Сенатом, которое было затем подтверждено указами 4 сентября 1788 г., 7 августа 1790 г. и 17 января 1794 г., губернаторам и правителям областей, в частности, предписывалось: обо «всех чрезвычайных приключениях, как то: пожары, голод, наводнение и о прочих в губерниях их случающихся важных происшествиях, сем подобных, рапортовать всегда Сенату» [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 152. Л. 4]. В соответствии с этим распоряжением власти Таврической области в 1790, 1791 и 1792 гг. извещали Правительствующий Сенат, что «таковых происшествий в Таврической области не было» [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 152. Л. 6–9]. В 1793 г. в рапорте Таврического областного правления, между прочим, было указано, что область «от опасной болезни состоит благополучно, и слуху о ней нигде нет» [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 152. Л. 11].

В сочинениях путешественников и архивных документах имеются сведения о происшествиях на море. Так, например, француз Обри де ла Мотре, побывавший в Крыму в 1711 г., в своих записках упомянул о нескольких случаях кораблекрушения, о которых ему рассказали местные жители. По их словам, Черное море «съедало» ежегодно до 60 кораблей – в 1711 г. «кроме многочисленных бригантин, которые потерпели крушение, не прошло и 3-х месяцев, как 22 большие чайки, которые перевозят столько же товара, как наши самые крупные торговые суда <…> темной ночью, при ветре <…> разбились у берега. Спаслось только 150 человек из более чем 1000 рабов и 30 членов экипажа, находившихся на борту каждой чайки» [Мотре, 2006, с. 200].

В октябре 1783 г. у берегов Крыма, вблизи мыса Сарыч, потерпело крушение турецкое судно; князь Г.А. Потемкин распорядился оказывать «всякое способствование и благоприятство» спасшимся с него морякам и при первом удобном случае доставить их в Очаков или Анатолию [Мурзакевич, 1881, с. 291]. А 11 апреля 1793 г. «пополудни с 4-го часа <…> свирепствовала пресильная от Запада буря над состоящими на евпаторийском рейде российскими и турецкими судами», причем «два из них были разбиты до основания, два, сорвавшись с якорей, стали на мель, да одно потеряло мачту и в некоторых местах повредилось». Как сообщалось далее в документе, одно из российских трехмачтовых судов, принадлежавшее некоему херсонскому купцу, потеряло весь груз пшеницы (1300 четвертей), а из находившихся на судне 25 человек спаслось только 14, остальные – погибли, причем спасти их было невозможно,

как утверждал автор рапорта, из-за сильного волнения, поднявшегося в тот день на море. Турецкое судно, груженное 1635 киле купленной в Крыму казенной соли, также потеряло весь свой груз, однако экипаж не пострадал. Остальные суда получили небольшие повреждения [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 152. Л. 101, 101 об.].

Стихия стала причиной трагедии и в Феодосии: 28 мая 1793 г. российское купеческое судно, возвращавшееся из Константинополя и находившееся в 20 верстах (11,5 морские мили) от порта, было застигнуто в море сильной грозой. В результате прямого попадания молнии один матрос погиб, другие члены экипажа получили множественные ожоги. Об этом происшествии Таврическому вице-губернатору К.И. Габлицу докладывал начальник Таврических карантинов надворный советник Иван Гохфельт [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 152. Л. 101, 101 об.].

Непогода причиняла серьезный ущерб сельскому хозяйству. В мае 1793 г. в Днепровском уезде Таврической области (в с. Большая Знаменка) прошла сильная буря и град, в результате которых были зафиксированы многочисленные убытки: погиб весь урожай хлеба, «в церкви и домах оконцы были побиты, две деревянные мельницы сломаны» [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 152. Л. 11, 11 об., 12]. Напротив, в апреле следующего года и.о. земского исправника Днепровского и Мелитопольского уездов ротмистр Ф. Лемешев рапортовал в Таврическое областное правление, что с наступлением весны на территории уездов вообще не выпадало осадков, в связи с чем вся посеянная жителями пшеница, а также трава для сенокоса пришли «в совершенную сухость» [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 152. Л. 84]. Летом 1795 г. на территории Днепровского и Перекопского уездов была зафиксирована эпидемия среди домашнего скота, вызвавшая его массовый падеж, который прекратился только с наступлением холодов; в мае 1796 г. Ф. Лемешев рапортовал о повторной вспышке эпизоотии в с. Белозерке, Рогачике и «других степных местах», против распространения которой сразу же были приняты соответствующие меры [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 360. Л. 25–35, 47, 78; ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 361. Л. 5–7, 37, 38].

В 1795 г. погодная стихия нанесла урон и в Симферопольском уезде. Староста с. Мангуш сообщал, что 22 июня в результате сильного дождя с градом «величиной больше грецкого ореха и весом в полфунта», который продолжался более двух часов, были уничтожены посевы яровой пшеницы, «огородные продукты совсем выбиты, дерева повреждены» (среди прочих было уничтожено множество садовых деревьев), в церкви и в жилых домах были выбиты стекла в окнах; по словам очевидца, град был такой силы, что даже сбивал с ног телят, а «птиц совсем в смерть убивало» [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 361. Л. 1–3]. 14 августа 1796 г. после сильного ливня с градом вышла из берегов р. Бельбек и последовавший за этим разрушительный сель уничтожил несколько строений в дер. Дуванкой (в том числе ряд хозяйственных помещений на земле, принадлежавшей вице-адмиралу Ф.Ф. Ушакову, 8 домов и мельницу); в этом наводнении погибли два местных жителя [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 361. Л. 31, 32]. Об этом событии упоминал и П.С. Паллас: «Туча (ливень)

разразилась летом 1796 года близ Дуванкоя, последствием чего было сильное наводнение, давшее много обвалов, которое снесло громадное количество камней, засыпавших значительную часть садов и на неделю сделавших непроезжей почтовую дорогу» [Паллас, 1999, с. 35].

Таким образом, рассмотренные материалы позволяют сделать ряд выводов. На протяжении XVII–XVIII вв. Крымский полуостров неоднократно сотрясали природные катаклизмы и стихийные бедствия. Негативным фактором, серьезно отражавшимся на состоянии региона, являлись засухи, которые приводили к частым неурожаям и, как следствие, к массовому голоду и болезням среди населения. Схожая ситуация наблюдалась в отдельных районах и после присоединения Крыма к России в конце XVIII в., однако она имела гораздо меньшие последствия в связи с интенсивным ведением хозяйства и увеличением посевных площадей. Помимо сообщений о погодных катаклизмах и неурожаях, в источниках неоднократно упоминается и о нашествиях такого сельскохозяйственного вредителя, как саранча, которые также приводили к массовому голоду среди населения.

Однако наиболее существенный ущерб полуострову все же наносили инфекционные болезни – в частности, чума и холера. Эпидемии чумы, или «моровой язвы», были зафиксированы на территории Крыма и сопредельных с ним областей в 1628–1629, 1636, 1680, 1727, 1735, 1738, 1739, 1770, 1783, 1796 и 1799 гг. Число заболевших и умерших исчислялось тысячами; распространению чумы способствовала антисанитария и отсутствие эффективных способов борьбы. Действенные меры по пресечению эпидемических болезней или профилактике заболевания стали приниматься только после опустошительных эпидемий середины XVII – начала XVIII вв. в Европе. Одним из наиболее результативных способов по предупреждению распространения инфекции стала организация карантинов и карантинных застав, на которых осуществлялся санитарный контроль и проводились противоэпидемиологические мероприятия.

В сочинениях путешественников и документах XVII–XVIII вв. имеются свидетельства о землетрясениях и проявлениях вулканической деятельности на Крымском полуострове. Выявлено, что наиболее заметные фазы сейсмической активности наблюдались в период с 1615 по 1656 год, а также в 1751, 1786, 1790 и 1793 гг. Сообщения о проявлениях грязевого вулканизма, характерного для восточной части Крыма, встречаются в официальных документах администрации Таврической области конца XVIII в. Корреляция проанализированных в статье данных позволяет составить подробную картину происходивших на полуострове природных катастроф.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

д'Асколли Эмиддио Дортелли. Описание Черного моря и Татарии (1634 г.); пер. Н.Н. Пименова; прим. А.Л. Бертье-Делагарда // ЗООИД. Одесса, 1902. Т. 24, Ч. II: Материалы. С. 89–180.

Архангельский Г.И. Холерные эпидемии в Европейской России в 50-летний период 1823–1872 гг.: Дис. на степ. д-ра мед. Г. Архангельского. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1874. [2], IV, VIII, 342, [1] с.

Барабанов О.Н. Товарооборот черноморской торговли в XVIII веке (Крым, Запорожье, Турция, Россия) // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. III. С. 279–284.

Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России: материалы и очерки / Под ред. А.И. Метелкина. М.: Медгиз, 1960. 400 с.

Васильев К.К. Медицина Южной Пальмиры. Одесса: Optimum, 2009. 423 с.

Владыкин Б.В. Материалы к истории холерной эпидемии 1892–95 гг. в пределах Европейской России: Дис. на степ. д-ра мед. Б.В. Владыкина. СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1899. 95 с.

Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. Вступительная статья А.Л. Хорошкевич; Под ред. В.Л. Янина. М.: изд-во МГУ, 1988. 430 с.

Гозевер З.Х. Чума: история, сущность и борьба с ней. М.: т-во И.Д. Сытина, 1897. 16 с.

Государственный архив Республики Крым (ГКУ РК ГАРК). Ф. 799. Оп. 1. Д. 152. 236 л.

ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 360. 235 л.

ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 361. 95 л.

ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 441. 32 л.

Дёрбек Ф.А. История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени. СПб., 1905. 385 с.

Заблудовский П.Е. История отечественной медицины. Период до 1917 года: Материалы к курсу истории медицины в мед. ин-тах и ин-тах усовершенствования врачей / М-во здравоохранения СССР. Центр. ин-т усовершенствования врачей В 2 Т. М.: [б. и.], 1960. Ч. 1: Период до 1917 года. 399 с.

Змерзлый Б.В., Воронина Е.О. Правовые основы создания и деятельности карантинных учреждений в Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. (на материалах Таврической губернии). Симферополь, 2014. 261 с.

Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI–XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914. IV, 567, IV с.

Каргалов В.В. На степной границе. Оборона «крымской Украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М.: Наука, 1974. 182 с.

Киреенко Г.К. Об ордерах князя Потемкина и графа Зубова, хранящихся в архиве Таврического Губернского Правления (1784–1796). Ордера князя Потемкина за 1786 год // ИТУАК. Симферополь, 1888. № 3. С. 1–35.

[*Киреенко Г.*] Ордера князя Потемкина. 1786 год // ИТУАК. Симферополь, 1897. № 4. С. 1–31.

Лахтин М.Ю. Борьба с эпидемиями в допетровской Руси. Труды кафедры истории и энциклопедии медицины Имп. Моск. ун-та. М.: тип. торг. дома Мошкина и Ге, 1909. [2], 21 с.

[*Лашков Ф.Ф.*] О Камеральном описании Крыма. Сообщение Ф.Ф. Лашкова // ИТУАК. Симферополь, 1897. 2-е изд-ие. № 2. С. 20–33.

Манштейн Х.Г. Современные записки о России. В историческом, политическом и военнодейственном отношениях. Дерпт: университетская типография М. Гренциуса, 1810. III, 378 с.

Маркевич А.И. К появлению ополозней Яйлы близ дер. Кучук-Кой Ялтинского уезда в марте 1915 года (архивная справка) // ИТУАК. 1915. № 52. С. 254–259.

Маркевич А.И. Симферополь. Его исторические судьбы, старина и недавнее прошлое. Симферополь, 1924. 113 с.

Маркевич А.И. Летопись землетрясений в Крыму (историческая справка) // Черноморское землетрясение 1927 г. и судьбы Крыма. Симферополь, 1928. С. 64–73.

Миранда Ф. Путешествие по Российской Империи. М.: МАЙК «Наука/Интерпериодика», 2001. 380 с.

[*Мотре де ля О.*] Путешествие г-на О. де ля Мотре по Европе, Азии и Африке; географические, исторические и политические исследования в Италии, Греции, Турции, в Тартарии (Крыму) и т.д. / пер. Н.Н. Хлебко, Н.Ш. Шульгиной; предисл. И.И. Вдовиченко // Историческое наследие Крыма. 2006. № 12–13. С. 184–207.

Мурзакевич Н.Н. Список из статейного списка великого государя его царского величества посланников: стольника и полковника и наместника переяславского Василия Михайлова сына Тяпкина, дьяка Никиты Зотова // ЗООИД. 1850. Т. 2. С. 568–658.

Мурзакевич Н.Н. Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического касательно устроения Таврической области с 1781 по 1786 год // ЗООИД. 1881. Т. 12. С. 249–329.

Несколько исторических заметок, написанных Равви Иаковом, сыном Равви Мордухая в конце книги Игерет-Гави-Кувах [иск. ивр. Иггерет а-викуах]. Пер. А.С. Фирковича // Временник Императорского общества истории и древностей российских. 1856. Кн. 24. Ч. II. С. 100–134.

Никонов А.А. Сильные землетрясения и сейсмический потенциал Западно-Крымской (Севастопольской) очаговой области // Физика Земли. 1994. № 11. С. 20–31.

Никонов А.А. Землетрясения XVII века в Восточном Крыму // Известия АН СССР. Физика Земли. 1986. № 6. С. 79–85.

Никонов А.А. Сейсмический потенциал Крымского региона: сравнение региональных карт и параметров выявленных событий // Физика Земли. 2000. № 7. С. 53–62.

Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М., Л.: АН СССР, 1948. 447 с.

Паллас П.С. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793–1794 гг. // ЗООИД. 1881. Т. 12. С. 62–208.

Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства. М. Наука. 1999. 246 с.

Пантюхов И.И. Эпидемии в Польше и Западной России до конца XVIII века: (Чит. в заседании О-ва киев. врачей 12 июня 1876 г.) [Ред., секр. о-ва Маковецкий]. [Киев]: тип. М.П. Фрица, [1876]. 26 с.

Письма правителя Таврической области Василия Васильевича Коховского правителю канцелярии В.С. Попову, для доклада Его Светлости Князю Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому // ЗООИД. 1877. Т. 12. С. 235–361.

Попов И.И. Землетрясения в Крыму и прилегающих к нему частях Черного моря // Геология СССР. Т. VIII. Крым. Ч. 1. Геологическое описание. М.: Недра, 1969. С. 447–459.

Полумб А. Очерк крымских землетрясений. Гос. изд-во Крым АССР, 1933. 70 с.

Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. Ленинград: тип. ЛГУ, 1941. 79 с.

Слудский А.Ф. Исторический очерк землетрясений в Крыму // Крым. 1928. № 1 (15). С. 17–24.

[*Савелов Л.М.*] Посылки в Крым в XVII веке. Сообщил Л.М. Савелов // ЗООИД. Одесса: «Экономическая» типография и литография, 1902. Т. 24. Ч. II: Материалы. С. 73–82.

[*Савелов Л.М.*] Из истории сношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Федоровиче. Посольство С.И. Тарбеева в Крым в 1626–1628 гг. Пред. Л.М. Савелова // ИТУАК. Симферополь, 1906. № 39. С. 1–105.

Санин Г.А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в. М.: Наука, 1987. 270 с.

Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII ст.; под ред. С.Ф. Орешниковой. М.: изд. дом «Рубежи XXI», 2005. 541 с.

Смирнов Е.И., Лебединский В.А., Гарин Н.С. Войны и эпидемии; АМН СССР. М.: Медицина, 1988. 236, [2] с.

Смирнов М.В. Каталог землетрясений в Крыму. Симферополь, 1931. 48 с.

Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, посольства в Крым в 1680 году, для заключения Бахчисарайского договора. Одесса: городская типография, 1850. VI, 284 с.

Тунманн И.Э. Крымское ханство (прим., предисл. и прил. Н.Л. Эрнста). Симферополь, 1991. 92 с.

Турецкая война при императрице Анне. Современная рукопись. Предисловие. Писанное в 1836 году. Записка о том, сколько я памятую о крымских и турецких походах [1736–1739 гг.] // Русский архив. 1878. Кн. 1. С. 255–274.

Хапаев В.В. Крымские землетрясения древности и средневековья: к истории вопроса // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма: электрон. научн. журн. Симферополь, 2008. Вып. I. С. 89–116. URL: http://maiask.ucoz.ru/news/2008-11-02-1 (дата обращения: 15.01.2016).

Хапаев В.В. Землетрясения 1292 и 1341 гг. в Крыму: к преодолению историографического мифа // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2009. № 164. С. 77–80.

Храпунов Н.И. Крымский полуостров после присоединения к России в сочинении Бальтазара фон Кампенгаузена // МАИЭТ. Симферополь-Керчь, 2013. Вып. XIII. С. 456–473.

Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // МАИЭТ. Симферополь-Керчь, 2015. Вып. XX. С. 395–430.

Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т. 1. [734] с.

Giron-Negron, Luis. M. Alfonso de la Torre's «Vision deleytable»: Philosophical rationalism and the religious imagination in 15th century Spain. Leiden: Brill, 2001. 306 p.

Hirsch A. Handbook Of Geographical And Historical Pathology. London, 1883. 730 p.

Peyssonnel Claude-Charles, de Traité sur le commerce de la mer Noire. Paris: Cuchet, 1787. T. I. IV, 340 p.

REFERENCES

d'Askolli Emiddio Dortelli. Opisanie Chernogo morja i Tatarii (1634 g.); per. N.N. Pimenova; prim. A.L. Bert'e-Delagarda *ZOOID*. Odessa, 1902. T. 24, Ch. II: Materialy. p. 89–180.

Arhangelskij G.I. *Holernye jepidemii v Evropejskoj Rossii v 50-letnij period 1823–1872 gg.*: Dis. na step. d-ra med. G. Arhangel'skogo. SPb.: tip. M. Stasjulevicha, 1874. [2], IV, VIII, 342, [1] p.

Barabanov O.N. Tovarooborot chernomorskoj torgovli v XVIII veke (Krym, Zaporozh'e, Turcija, Rossija) *MAIET*. Simferopol', 1993. Vyp. III. p. 279–284.

Vasil'ev K.G., Segal A.E. *Istorija jepidemij v Rossii: Materialy i ocherki* / Ed. By A.I. Metelkina. M.: Medgiz, 1960. 400 p.

Vasil'ev K.K. *Medicina Juzhnoj Pal'miry.* Odessa: Optimum, 2009. 423 p.

Vladykin B.V. *Materialy k istorii holernoj jepidemii 1892–95 gg. v predelah Evropejskoj Rossii:* Dis. na step. d-ra med. B.V. Vladykina. SPb.: tip. P.P. Sojkina, 1899. 95 p.

Gerbershtejn S. *Zapiski o Moskovii* / Per. s nem. A.I. Maleina i A.V. Nazarenko. Vstupitel'naja stat'ja A.L. Horoshkevich; Ed. by V.L. Janin. M.: izd-vo MGU, 1988. 430 p.

Gozever Z.H. *Chuma: Istorija, sushhnost' i bor'ba s nej.* M.: t-vo I.D. Sytina, 1897. 16 p.

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GKU RK GARK). F. 799. Op. 1. D. 152. L. 1–236.

GKU RK GARK. F. 799. Op. 1. D. 360. L. 1–235.

GKU RK GARK. F. 799. Op. 1. D. 361. L. 1–95.

GKU RK GARK. F. 799. Op. 1. D. 441. L. 1–32.

Djorbek F.A. *Istorija chumnyh jepidemij v Rossii s osnovanija gosudarstva do nastojashhego vremeni.* SPb., 1905. 385 p.

Zabludovskij P.E. *Istorija otechestvennoj mediciny. Period do 1917 goda: Materialy k kursu istorii mediciny v med. in-tah i in-tah usovershenstvovanija vrachej* / M-vo zdravoohranenija SSSR. Centr. in-t usovershenstvovanija vrachej V 2 T. M.: [b. i.], 1960. Ch. 1: Period do 1917 goda. 399 p.

Zmerzlyj B.V., Voronina E.O. *Pravovye osnovy sozdanija i dejatel'nosti karantinnyh uchrezhdenij v Rossijskoj*

imperii v konce XVIII – nachale XX vv. (na materialah Tavricheskoj gubernii). Simferopol', 2014. 261 p.

Kapterev N.F. *Harakter otnoshenij Rossii k pravoslavnomu Vostoku v XVI–XVII stoletijah.* Sergiev Posad, 1914. IV, 567, IV p.

Kargalov V.V. *Na stepnoj granice. Oborona «krymskoj Ukrainy» Russkogo gosudarstva v pervoj polovine XVI stoletija.* M.: Nauka, 1974. 182 p.

Kireenko G.K. Ob orderah knjazja Potemkina i grafa Zubova, hranjashhihsja v arhive Tavricheskogo Gubernskogo Pravlenija (1784–1796). Ordera knjazja Potemkina za 1786 god *ITUAK*. Simferopol, 1888. № 3. S. 1–35.

[Kireenko G.] Ordera knjazja Potemkina. 1786 god *ITUAK*. Simferopol', 1897. № 4. p. 1–31.

Lahtin M.Ju. *Bor'ba s jepidemijami v do-Petrovskoj Rusi.* Trudy Kafedry istorii i jenciklopedii mediciny Imp. Mosk. un-ta. M.: tip. torg. doma Moshkina i Ge, 1909. [2], 21 p.

[Lashkov F.F.] O Kameral'nom opisanii Kryma. Soobshhenie F.F. Lashkova *ITUAK*. Simferopol, 1897. 2-e izd-ie. № 2. p. 20–33.

Manshtejn H.G. *Sovremennye zapiski o Rossii. V istoricheskom, politicheskom i voennodejstvennom otnoshenijah.* Derpt: universitetskaja tipografija M. Grenciusa, 1810. III, 378 p.

Markevich A.I. K pojavleniju opolznej Jajly bliz der. Kuchuk-Koj, Jaltinskogo uezda v marte 1915 goda (arhivnaja spravka) *ITUAK*. 1915. № 52. p. 254–259.

Markevich A.I. *Simferopol'. Ego istoricheskie sud'by, starina i nedavnee proshloe.* Simferopol, 1924. 113 s.

Markevich A.I. Letopis' zemletrjasenij v Krymu (istoricheskaja spravka) *Chernomorskoe zemletrjasenie 1927 g. i sud'by Kryma*. Simferopol, 1928. p. 64–73.

Miranda F. *Puteshestvie po Rossijskoj Imperii*. M.: MAJK «Nauka/Interperiodika», 2001. 380 p.

[Motre de lja O.] Puteshestvie g-na O. de lja Motre po Evrope, Azii i Afrike; geograficheskie, istoricheskie i politicheskie issledovanija v Italii, Grecii, Turcii, v Tartarii (Krymu) i t.d. / per. N.N. Hlebko, N.Sh. Shul'ginoj; predisl. I.I. Vdovichenko *Istoricheskoe nasledie Kryma.* 2006. № 12–13. p. 184–207.

Murzakevich N.N. Spisok s statejnogo spiska velikogo gosudarja ego carskogo velichestva poslannikov: stol'nika i polkovnika i namestnika perejaslavskogo Vasilija Mihajlova syna Tjapkina, d'jaka Nikity Zotova *ZOOID*. 1850. T. 2. p. 568–658.

Murzakevich N.N. Rasporjazhenija svetlejshego knjazja Grigorija Aleksandrovicha Potemkina-Tavricheskogo kasatel'no ustroenija Tavricheskoj oblasti s 1781 po 1786 god *ZOOID*. 1881. T. 12. p. 249–329.

Neskol'ko istoricheskih zametok napisannyh Ravvi Iakovom, synom Ravvi Morduhaja v konce knigi Igeret-Gavi-Kuvah [isk. ivr. Iggeret a-vikuah]. Per. A.S. Firkovicha *Vremennik imperatorskogo Obshhestva Istorii i Drevnostej Rossijskih*. 1856. Kn. 24. Ch. II. p. 100–134.

Nikonov A.A. Sil'nye zemletrjasenija i sejsmicheskij potencial Zapadno-Krymskoj (Sevastopol'skoj) ochagovoj oblasti *Fizika Zemli.* 1994. № 11. p. 20–31.

Nikonov A.A. Zemletrjasenija XVII veka v Vostochnom Krymu *Izvestija AN SSSR. Fizika Zemli.* 1986. № 6. p. 79–85.

Nikonov A.A. Sejsmicheskij potencial Krymskogo regiona: sravnenie regional'nyh kart i parametrov vyjavlennyh sobytij *Fizika Zemli*. 2000. № 7. p. 53–62.

Novosel'skij A.A. *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoj polovine XVII v.* M., L.: AN SSSR, 1948. 447 p.

Pallas P.S. Puteshestvie po Krymu akademika Pallasa v 1793–1794 gg. *ZOOID*. 1881. T. 12. p. 62–208.

Pallas P.S. *Nabljudenija, sdelannye vo vremja puteshestvija po juzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva.* M. Nauka. 1999. 246 s.

Pantjuhov I.I. *Jepidemii v Pol'she i Zapadnoj Rossii do konca 18 veka*: (Chit. v zasedanii O-va kiev. vrachej 12 ijunja 1876 g.) [Ed. by Makoveckij]. [Kiev]: tip. M.P. Frica, [1876]. 26 p.

Pis'ma pravitelja Tavricheskoj oblasti Vasilija Vasil'evicha Kohovskogo pravitelju kanceljarii V.S. Popovu,

dlja doklada Ego Svetlosti Knjazju Grigoriju Aleksandrovichu Potemkinu-Tavricheskomu *ZOOID*. 1877. T. 12. p. 235–361.
Popov I.I. Zemletrjasenija v Krymu i prilegajushhih k nemu chastjah Chernogo morja *Geologija SSSR*. T. VIII. Krym. Ch. 1. Geologicheskoe opisanie. M.: Nedra, 1969. p. 447–459.
Polumb A. *Ocherk krymskih zemletrjasenij*. Gos. izd-vo Krym ASSR, 1933. 70 p.
Romm Zh. *Puteshestvie v Krym v 1786 g*. Leningrad: tip. LGU, 1941. 79 p.
Sludskij A.F. Istoricheskij ocherk zemletrjasenij v Krymu *Krym*. 1928. № 1 (15). p. 17–24.
[Savelov L.M.] Posylki v Krym v XVII veke. Soobshhil L.M. Savelov *ZOOID*. Odessa: «Jekonomicheskaja» tipografija i litografija, 1902. T. 24. Ch. II: Materialy. p. 73–82.
[Savelov L.M.] Iz istorii snoshenij Moskvy s Krymom pri care Mihaile Fedoroviche. Posol'stvo S.I. Tarbeeva v Krym v 1626–1628 gg. Pred. L.M. Savelova *ITUAK*. Simferopol', 1906. № 39. p. 1–105.
Sanin G.A. *Otnoshenija Rossii i Ukrainy s Krymskim hanstvom v seredine XVII v*. M.: Nauka, 1987. 270 p.
Smirnov V.D. *Krymskoe hanstvo pod verhovenstvom Ottomanskoj Porty v XVIII st.*; Pod red. S.F. Oreshnikovoj. M.: Izd. dom «Rubezhi XXI», 2005. 541 p.
Smirnov E.I., Lebedinskij V.A., Garin N.S. *Vojny i jepidemii*; AMN SSSR. M.: Medicina, 1988. 236, [2] p.
Smirnov M.V. *Katalog zemletrjasenij v Krymu.* Simferopol', 1931. 48 p.
Statejnyj spisok stol'nika Vasilija Tjapkina i d'jaka Nikity Zotova, posol'stva v Krym v 1680 godu, dlja zakljuchenija Bahchisarajskogo dogovora. Odessa: Gorodskaja tipografija, 1850. VI, 284 p.
Tunmann I.J. *Krymskoe hanstvo* (Ed. by N.L. Ernst). Simferopol', 1991. 92 p.
Tureckaja vojna pri imperatrice Anne. Sovremennaja rukopis'. Predislovie. Pisannoe v 1836 godu. Zapiska o tom, skol'ko ja pamjatuju o krymskih i tureckih pohodah [1736–1739 gg.] R*usskij arhiv*. 1878. Kn. 1. p. 255–274.
Hapaev V.V. Krymskie zemletrjasenija drevnosti i srednevekov'ja: k istorii voprosa *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*: jelektron. nauchn. zhurn. Simferopol, 2008. Vyp. I. S. 89–116. URL: http://maiask.ucoz.ru/news/2008-11-02-1 (data obrashhenija: 15.01.2016).
Hapaev V.V. Zemletrjasenija 1292 i 1341 gg. v Krymu: k preodoleniju istoriograficheskogo mifa *Kul'tura narodov Prichernomor'ja.* Simferopol', 2009. № 164. p. 77–80.
Hrapunov N.I. Krymskij poluostrov posle prisoedinenija k Rossii v sochinenii Bal'tazara fon Kampengauzena *MAIET*. Simferopol'-Kerch', 2013. Vyp. XIII. p. 456–473.
Hrapunov N.I., Gin'kut N.V. Krym v 1784 g. po svidetel'stvu francuzskogo puteshestvennika barona de Bara // *MAIET*. Simferopol'-Kerch', 2015. Vyp. XX. p. 395–430.
Scherbina F.A. *Istorija Kubanskogo kazach'ego vojska.* Ekaterinodar, 1910. T. 1. [734] p.
Giron-Negron, Luis. M. *Alfonso de la Torre's «Vision deleytable»: Rhilosophical rationalism and the religious imagination in 15th century Spain.* Leiden: Brill, 2001. 306 p.
Hirsch A. *Handbook Of Geographical And Historical Pathology.* London, 1883. 730 p.
Peyssonnel Claude-Charles, *de Traité sur le commerce de la mer Noire*. Paris: Cuchet, 1787. T. I. IV, 340 p.

Резюме

В статье проанализированы исторические сведения о чрезвычайных ситуациях, возникавших вследствие природных катаклизмов на территории Крымского полуострова в период с XVII до конца XVIII в. Информация о них приводится в официальной делопроизводственной переписке, отчетах официальных послов и резидентов, находившихся в Крыму, а также в мемуарах, очерках и записках непосредственных участников указанных событий. При работе использовались официальная документация созданного после присоединения Крыма в 1783 г. Таврического областного правления, переписка должностных лиц и материалы. Выявлено, что на протяжении XVII–XVIII вв. Крымский полуостров неоднократно

сотрясали природные катаклизмы и стихийные бедствия. Негативным фактором, серьезно отражавшимся на состоянии региона, являлись засухи, которые приводили к частым неурожаям и, как следствие, к массовому голоду и болезням среди населения. Эпидемии чумы, или «моровой язвы», были зафиксированы на территории Крыма и сопредельных с ним областей в 1628–1629, 1636, 1680, 1727, 1735, 1738, 1739, 1770, 1783, 1796 и 1799 гг. Одним из наиболее результативных способов по предупреждению распространения инфекции стала организация карантинов и карантинных застав, на которых осуществлялся санитарный контроль и проводились противоэпидемиологические мероприятия. В сочинениях путешественников и документах XVII–XVIII вв. имеются свидетельства о землетрясениях и проявлениях вулканической деятельности на Крымском полуострове. Наиболее заметные фазы сейсмической активности наблюдались в период с 1615 по 1656 год, а также в 1751, 1786, 1790 и 1793 гг.; помимо всего прочего, на Керченском и Таманском полуостровах были зафиксированы проявления грязевого вулканизма.

Ключевые слова: Крымский полуостров, природные катаклизмы, стихийные бедствия, эпидемии, землетрясения.

Summary

The article analyzes the historical information about emergency situations arising from natural disasters in the territory of the Crimean peninsula in the period from the XVII to the XVIII centuries. Information about them is contained in the official record keeping correspondence, reports of official ambassadors and residents, who were in the Crimea, as well as in memoirs, essays and notes of direct participants of those events. We used the official records of Taurida regional government created after the annexation of the Crimea in 1783, the correspondence of officials and other materials. It was found that during the XVII-XVIII centuries the Crimean peninsula was repeatedly shaken by natural hazards and natural disasters. Negative factor, seriously reflected on the state of the region was drought, which led to frequent crop failures, and, as a consequence, mass starvation and diseases among the population. Plague or «pestilence» epidemics was recorded in the Crimea and close regions in 1628-1629, 1636, 1680, 1727, 1735, 1738, 1739, 1770, 1783, 1796 and 1799. One of the most effective ways to prevent the spread of infection was the organization of quarantine and quarantine outposts, where sanitary control was carried out, anti-epidemic measures were taken. The writings of travellers and the documents of XVII-XVIII centuries contain evidence of earthquakes and volcanic activity on the Crimean peninsula. The most notable phases of seismic activity were observed in the period from 1615 and 1656, as well as in 1751, 1786, 1790 and 1793. Among other things, mud volcanoes activity was recorded on the Kerch and Taman peninsulas.

Keywords: Crimean peninsula, natural hazards, natural disasters, epidemics, earthquakes.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Прохоров Дмитрий Анатольевич, к.и.н., старший научный сотрудник
НИЦ истории и археологии Крыма,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет им. В.И. Вернадского», г. Симферополь,
старший научный сотрудник
prohorov1da@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Prokhorov Dmitrii Anatol'evich, CSc
Scientific Research Center of History
and Archaeology of Crimea,
«Crimean Federal University.
Named after Vernadsky», Simferopol',
Senior Resarcher.
prohorov1da@yandex.ru

И.А. ЗАВАДСКАЯ
I.A. ZAVADSKAIA

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЛОЕВ РАЗРУШЕНИЯ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ: О РОЛИ АРХЕОСЕЙСМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ[1]
PROBLEMS OF INTERPRETATION OF THE DESTRUCTION LAYERS AT ARCHAEOLOGICAL SITES: ABOUT THE ROLE OF ARCHAEOSEISMOLOGICAL INVESTIGATION

При изучении слоев разрушения перед исследователями стоят задачи, связанные, прежде всего, с установлением времени и причин их образования. Данные слои могут быть результатом как разных природных явлений, так и действий, произведенных людьми. Сложность заключается в том, что последствия разрушений различного происхождения могут быть во многом схожи. Выяснение причин разрушений на древних памятниках входит в задачи относительно молодой, развивающейся науки – археосейсмологии, которая выявляет и изучает признаки древних, доинструментальных землетрясений на археологических объектах.

Древние землетрясения и их последствия, а также вопросы сейсмостойкости сооружений интересовали как зарубежных, так и отечественных исследователей с XIX и особенно с начала XX века [De Rossi, 1874; Lanciani, 1918; Agamennone, 1935; Башкиров, 1948; избранная библиография о крымских землетрясениях: Завадская, 2010, с. 480-483]. Одним из первых, кто связал археологический слой разрушения с сильным землетрясением, был Артур Эванс (A. Evans), проводивший раскопки Кносского дворца на Крите [Evans, 1928; Sintubin, 2009, p. 147; Rodriguez-Pascua et al., 2011, p. 21]. Однако ранний этап поиска и изучения сейсмических свидетельств характеризуется определенной легковесностью выводов и склонностью без критического разбора интерпретировать выявленные признаки в пользу древней сейсмичности. Со временем формируется более критичный подход к оценке таких признаков, которые могут быть последствиями разных событий, также приходит понимание необходимости соблюдать баланс между археологическими, историческими, антропогеографическими, а также геологическими, геоморфологическими и геотехническими данными [Karcza, Kafri, 1978].

С конца 1980–1990 годов изучение землетрясений прошлого становится особенно популярным и распространенным во всем мире. Результаты исследований, посвященных поиску сейсмических признаков на археологических объектах разных регионов Евразии и Америки, отражены в многочисленных публикациях, в основном в естественнонаучных изданиях [Stiros, 1988; Sbeinati et al., 1993; Christoskov et

[1] Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 2015/701-3 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

al., 1995; Никонов, 1996; 1998; Винокуров, Никонов, 1998; Винокуров, 2003; Stiros, 1998; Berberian, Yeats, 2001; Gallia, Galadini, 2001; Altunel1 et al., 2003; Kovach, 2004; Silva et al., 2005; Lunina et al., 2005; Erel1, Adatepe, 2007; Marco, 2008; Kazmer, Major, 2010; Корженков, Мазор, 2013; и многие др.]. Большое внимание уделяется также разработке методологических основ формирующейся дисциплины – археосейсмологии. К числу наиболее ранних специальных работ по этой проблеме принадлежат статьи А.А. Никонова, в которых приведены показательные сейсмические признаки, сформулированы некоторые принципы и рекомендации по выявлению и изучению последствий древних землетрясений на исторических памятниках, а также отмечен междисциплинарный характер археосейсмологических исследований [Nikonov, 1988; Никонов, 1990]. Руководство по идентификации структурных повреждений от землетрясений на археологических объектах с их детальным описанием содержится также в статье С. Стироса (S. Stiros), опубликованной в первом специализированном сборнике «Archaeoseismology» под редакцией С. Стироса и Р. Джонса (R. Jons) [Stiros, 1996]. Авторы сборника подчеркивают, что для получения объективной оценки предполагаемых последствий древних землетрясений необходимо проведение многоотраслевых исследований. Необходимость сотрудничества археологов, историков, геологов, геофизиков, сейсмологов, инженеров и специалистов других дисциплин признают практически все современные исследователи в этой области. Хотя организация подобного взаимодействия является достаточно сложной проблемой. Еще одной важной, до конца не решенной задачей остается разработка стандартной методологии проведения археосейсмологических исследований. Тем не менее на этом пути достигнуты значительные результаты.

Методологическим аспектам посвящено большое количество публикаций и проектов. В некоторых из них предпринимаются попытки предложить практические методики по некоторым дисциплинам. И если в более ранних методологических работах основное внимание было сосредоточено на подборке и описании качественных сейсмических признаков, в последнее десятилетие все большее развитие и приоритет получают количественные методы, которые призваны проверить, протестировать сейсмогенную природу выявленных повреждений [Sintubin et al., 2009; Sintubin, 2011].

Одним из наиболее масштабных проектов, направленных на развитие археосейсмологии, является проект «IGCP-567: Earthquake Archaeology. Archaeoseismology along the Alpine-Himalayan seismic zone» (Археология землетрясений. Археосейсмология вдоль Альпийско-Гималайской сейсмической зоны; http://ees.kuleuven.be/igcp567/index.html), который выполнялся в 2008-2012 гг. в рамках Программы международного геологического сотрудничества (International Geological Correlation Programme, IGCP). Данная программа – результат совместной инициативы ЮНЕСКО и Международного союза геологических наук (МСГН; International Union of Geological Sciences, IUGS). В проекте участвовало 239 специалистов из 37 стран. Одна из главных целей состояла в развитии практических

археосейсмологических методологий и разработке стандартной методологии на базе объединения усилий ведущих специалистов смежных дисциплин. В рамках проекта подготовлено руководство по полевым исследованиям «Structural analysis of Earthquake Archaeological Effects (EAE): Baelo Claudia Examples (Cádiz, South Spain)» (Структурный анализ археологических эффектов землетрясений: примеры Баэло Клаудиа (Кадис, южная Испания)) под редакцией группы испанских и немецких ученых-геологов, опубликованное в материалах 1-го Международного семинара по археологии землетрясений и палеосейсмологии (сентябрь 2009 г., Баэло Клаудиа, Испания) [Giner-Robles et al., 2009]. Авторы руководства стремились создать методологию, которая позволила бы распознавать и измерять деформации, а также отличать действие косейсмических явлений от других энергетических процессов.

Отдельный раздел в этой работе посвящен классификации археологических эффектов землетрясений [Giner-Robles et al., 2009; кратко: Rodríguez-Pascua et al., 2009]. В 2011 г. эта классификация с некоторыми изменениями и дополнениями была опубликована в отдельной статье [Rodríguez-Pascua et al., 2011]. Авторы, учитывая опыт изучения последствий древних и современных землетрясений в разных регионах, в качестве наиболее яркого примера для демонстрации своей методологии использовали римский город Баэло Клаудиа на берегу Гибралтарского пролива, который дважды разрушался землетрясениями: в 40–60-х гг. н.э. и окончательно в 350–395 гг. В руинах города сохранилось большое количество и разнообразие разрушений и деформаций. Их сейсмический характер подтвержден результатами археосейсмологических исследований, которые стали первым в Испании опытом применения новых методов [Silva et al., 2005; Giner-Robles et al., 2009, p. 6].

В предложенной классификации выделены два блока: косейсмические (первичные) и постсейсмические (вторичные) эффекты землетрясений. К первичным отнесены геологические эффекты (Geological effects) и повреждения в структуре сооружений (Building fabric effects). Геологические эффекты описаны по Шкале сейсмической интенсивности на основании природных эффектов (Environmental Seismic Intensity 2007 (ESI-2007), Environmental Earthquake Effects) [Michetti et al., 2007; Guerrieri et al., 2011], которая разделяет их на первичные эффекты (в зоне разлома; on-fault) – сбросовые уступы, разрывы поверхности и тектонические поднятия/опускания, а также вторичные эффекты (вне разлома; off-fault) – разжижение, смещение почв, оползни, камнепады, трещины в грунте, цунами, гидрологические аномалии и т.д. Эффекты в структуре сооружений – это повреждения в постройках и полах, связанные с деформацией земной поверхности и/или сейсмическими волнами. К ним отнесены деформированные, волнообразно изогнутые и вспученные полы и вымостки, ориентированные трещины и выломанные острые углы в плитах вымосток, наклоненные, перемещенные и изогнутые стены, проникающие ориентированные трещины в кладках, отбитые углы в блоках кладок, упавшие в одном направлении колонны, повернутые и смещенные блоки в кладках и барабаны колонн, опустившиеся или выпавшие замковые камни в арках и перемычках окон и дверей,

волнообразная деформация и смещение ступеней лестниц и бордюра, следы от падения блоков на вымостках, полах, разрушенные стены, под которыми обнаружены останки людей, обломки посуды, инструменты и т.д. В классификации отдельным блоком выделены вторичные, косвенные последствия землетрясений: пожары, наводнения, внезапное запустение поселения. Авторы относят также к возможным вторичным доказательствам прошлых землетрясений ремонт и усиление поврежденных конструкций, использование антисейсмических строительных методов, которые, впрочем, могли быть результатом заимствования из других культур, пострадавших от землетрясения.

Авторы классификации, так же как и другие исследователи сейсмических эффектов, отмечают, что большинство из указанных признаков могут быть производными и несейсмических деструктивных природных или техногенных процессов, а часто и их суммированием. В числе возможных причин может быть неравномерная просадка или асейсмичное гравитационное скольжение грунта, действие корней деревьев, оползневое почвенное сползание, нагрузка более поздних отложений и слоев, а также плохие характеристики здания; причиной внезапного разрушения могут быть военные действия и т.д. [Galadini et al., 2006, p. 400–403]. Поэтому одна из главных задач археосейсмологии состоит в том, чтобы проверить все выявленные эффекты и деформации с точки зрения альтернативных причин их появления. Чтобы стать надежными доказательствами сейсмической катастрофы, они должны пройти через многочисленные «фильтры» и процедуру исключения всех других возможных разрушительных событий [Galadini et al., 2006, p. 399, 411; Giner-Robles et al., 2009, p. 6-7]. Землетрясение может считаться причиной разрушений и деформаций лишь в том случае, если другие причины полностью исключены.

Авторы полевого учебного курса важную роль в археосейсмологических исследованиях отводят изучению исторической и современной геологии и геоморфологии региона, истории памятника как до, так и после его гибели (процесс образования слоев, погребения, запустения, исследования), оценке качества конструкций (размеры блоков, кладки стен и фундаментов, растворы и др.). Неотъемлемой составляющей таких исследований является датирование выявленных эффектов, т.к. лишь в случае их принадлежности к единому геоархеологическому горизонту они могут предположительно связываться с одним сейсмическим событием [Giner-Robles et al., 2009, p. 13-15; Rodríguez-Pascua et al., 2011, p. 23–27].

Основной акцент в предложенной методике сделан на ориентации зафиксированных деформаций. Авторы исходят из того, что сейсмические волны производят ориентированный импульс, следовательно, вызванные им деформации, как правило, имеют характерное расположение [Giner-Robles et al., 2009, p. 6]. Применение классических методов геологического структурного анализа позволяет вычислить параметры эллипсоида каждой деформации, т.е. каждого выявленного предположительно сейсмического эффекта на территории всего памятника. Если они являются результатом одного сейсмического источника, направление осей деформаций разных струк-

тур и разных типов эффектов должно быть одинаковым. Количественный анализ ориентации этих деформаций позволит получить последовательный теоретический эллипсоид деформаций для всего памятника. Если же «отдельные эллипсы деформаций из разных типов эффектов, или даже из одного типа, демонстрируют случайные геометрии, направленность движения грунта не может считаться главной причиной для рассматриваемых повреждений» [Rodríguez-Pascua et al., 2011, p. 28-29]. На завершающем этапе археосейсмологического структурного анализа проводится статистический анализ всех полученных данных о сейсмических деформациях с целью установить основные параметры колебания грунта и определить потенциально активные тектонические структуры. Хотя, как признают исследователи, надежное определение параметров источника древних землетрясений по-прежнему остается проблемой [Rodríguez-Pascua et al., 2011, p. 28]. Авторы методики археосейсмологического структурного анализа считают, что его применение должно стать стандартной процедурой при выявлении и изучении возможных сейсмических деформаций на археологических памятниках [Giner-Robles et al., 2009, p. 36; Rodríguez-Pascua et al., 2009, p. 116; Rodríguez-Pascua et al., 2011, p. 29].

Классификация археологических эффектов землетрясения (Earthquake Archaeological Effects, EAE) используется при изучении последствий как древних землетрясений [примеры: Klaus, 2014; Rodríguez-Pascua et al., 2011a], так и современных сейсмических событий [Pérez-López et al., 2011; Giner-Robles et al., 2012a; Martín-González et al., 2014]. Анализ повреждений, вызванных недавними инструментальными землетрясениями (например, в г. Лорка, на юге Испании, 11 мая 2011 г.), дает информацию о кинематике разрушительных процессов и о фокусных параметрах землетрясения, что позволяет откалибровать разработанную методологию и установить пределы погрешности при расчете параметров деформаций на археологических объектах.

Опыт археосейсмологического изучения и анализа повреждений в сооружениях, вызванных древними и современными землетрясениями в одном регионе, а именно в пустыне Негев в Израиле, изложен в статье А.М. Корженкова и Э. Мазор [Корженков, Мазор, 2013]. В статье дана обобщающая характеристика типов сейсмических повреждений, объясняются причины и механизм их образования, а также определяется направление сейсмических волн и их интенсивность. Кроме уже описанных признаков, авторы отмечают еще один критерий высокой интенсивности землетрясения – значительное расстояние обрушившихся обломков от первоначального положения (в несколько раз превышающее первоначальную высоту сооружения) [Корженков, Мазор, 2013, с. 60].

Методологическим аспектам и количественным методам в археосейсмологии посвящены работы многих других исследователей. Основные направления и развернутую блок-схему археосейсмологических исследований предложили Ф. Галадини, К. Хинзен и С. Стирос [Galadini et al., 2006, p. 395-414, fig. 4]. Для подтверждения археосейсмической гипотезы, по мнению авторов, необходимы качественная интер-

претация и количественный анализ предполагаемых следов прошлых землетрясений. Согласно предложенной методике, для проверки возможных природных причин катастрофы должна быть изучена местная геологическая и геоморфологическая ситуация, проведены палеосейсмологические исследования. Для выяснения причин повреждения или разрушения сооружений необходимы геотехнические данные о грунте, на котором построено здание, детальное описание и структурный анализ деформаций. Важное место отведено реконструкции археологической стратиграфии и установлению датировки слоя разрушения, а также реконструкции архитектурной истории (стратиграфии) памятника. В этот блок включено также исследование седиментологических особенностей слоя разрушения, которые могут пролить свет на его происхождение, в частности определить, произошло ли разрушение мгновенно или было медленным процессом [пример геоархеологического анализа: Galadini, 2009]. Для проверки сейсмической гипотезы рекомендуется применять «территориальный» подход, цель которого выявить и указать соотношение синхронных археосейсмических эффектов в регионе и определить протяженность сейсмической зоны [Galadini et al., 2006, p. 407-408; Galadini, 2009, p. 81]. Данный подход основан на том, что сильное землетрясение вызывает характерные деформации и разрушения на гораздо более обширной территории, чем любой другой природный катаклизм или разрушительные действия людей. Большую роль в тестировании гипотезы о землетрясении отводят количественному анализу, который подразумевает исследование характеристик сейсмического источника, движения грунта и динамического поведения зданий с помощью создания количественных моделей. Непременным условием достоверного моделирования является наличие надежных археологических данных и достаточных геофизических входных параметров [Galadini et al., 2006, p. 406-407].

Схему количественных методов моделирования в археосейсмологических исследованиях разработал К. Хинзен вместе с другими немецкими учеными, сопроводив ее описание множеством примеров применения этих методов при изучении памятников в разных странах [Hinzen et al., 2009. P. 50-51, fig. 1; Hinzen, 2010, fig. 2; Hinzen et al., 2011, p. 31–41, fig. 2, tabl. 1]. Первый блок предложенной ими схемы направлен на получение точной документации о поврежденных структурах, в частности, их детальное описание (инвентаризацию) и точное измерение, что является базой для виртуальной реконструкции и моделирования. В качестве дополнения к традиционным археологическим методам фиксации рекомендуется применение современных методов фотограмметрии и 3D лазерного сканирования, которые позволяют провести подробный анализ и реконструкцию повреждений. Определение параметров движения грунта и сейсмического источника входит в задачи следующего блока количественных исследований, который включает в себя создание сейсмологических и геотехнических моделей, а также моделирование движения грунта. Все это позволяет охарактеризовать местные условия сейсмического колебания грунта, оценить статическую и динамическую устойчивость рельефа, рассчитать синтетические сейсмограммы для очага землетрясения. Наряду с

моделированием сейсмического движения грунта в рассматриваемую схему включено обязательное тестирование всех других возможных причин разрушения, связанных с действием природных и антропогенных сил. Блок моделирования поврежденных структур предполагает создание конечно-элементных и дискретно-элементных моделей, которые дают представление о статическом и динамическом поведении целого здания или его части и позволяют определить его строительный потенциал. Авторы методики количественных исследований в археосейсмологии признают, что из-за сложности поставленных проблем, неопределенности входных параметров и недостатков самих количественных моделей они не всегда могут дать однозначные результаты. Более того, в тех случаях, когда поврежденные структуры впоследствии претерпели ремонт или другие изменения, установление точной причины разрушения может оказаться невозможным.

Тем не менее дальнейшее развитие археосейсмологии многие специалисты связывают именно с количественными методами, которые постоянно совершенствуются [Hinzen, 2010]. Разработка стандартной общепринятой методики археосейсмологических исследований по-прежнему остается актуальной проблемой. Однако методологическая основа таких исследований – междисциплинарность признается всеми учеными. Лишь тесное сотрудничество специалистов разных научных отраслей – археологов, геологов, геоморфологов, геофизиков, сейсмологов, архитекторов, инженеров и историков – может обеспечить научный комплексный подход к решению проблем, связанных с интерпретацией слоев разрушения и различного рода деформаций на археологических объектах. Задачи археосейсмологии не ограничиваются изучением и анализом разных повреждений, и проверкой гипотез о древних землетрясениях. Методы по изучению состояния и моделированию поведения исторических сооружений служат также для разработки мер, направленных на повышение устойчивости этих сооружений, и в конечном счете на их сохранение [примеры таких методов: Polymenakos et al., 2005; Mistler et al., 2006]. Кроме того, археосейсмологические исследования играют большую роль при оценке сейсмической опасности региона в целом, что значительно увеличивает их значимость и повышает ответственность специалистов за качество проведенных исследований и сделанные на основании их результатов выводы.

Необходимость проведения комплексных междисциплинарных археосейсмологических исследований особенно актуальна для Крымского полуострова, который признан сейсмоопасным регионом. Оценка его сейсмического потенциала имеет тенденцию повышаться, о чем свидетельствуют карты сейсмического районирования СССР 1978 г., Крыма 1998 г. и Украины 2004 г. [Пустовитенко и др., 2006]. Значительное влияние на это оказывают различные списки и каталоги крымских землетрясений, в том числе древних. Однако информация о некоторых из них, не отраженных в письменных источниках, нуждается в детальной проверке. В частности, это касается землетрясений, которые якобы происходили в Севастопольской очаговой области и имели разрушительные последствия для Херсонеса/Херсона в

III в., в конце V в. и в XI в. [Никонов, 2000; Антонова, Никонов, 2009; *критика*: Завадская, 2010].

Особую популярность приобрела гипотеза о землетрясении XI в. Ее защитники пытаются собрать доказательную базу исключительно из отчетных материалов археологических раскопок некоторых оборонительных, культовых и хозяйственных сооружений, а также некрополя города [Романчук, 1989; Антонова, Никонов, 2009; Хапаев, 2008; 2012]. Однако далеко не все собранные «доказательства» могут быть синхронизированы и связаны с одним событием, поскольку они относятся к разным эпохам либо их датировка точно не определена. Другая важная проблема состоит в определении характера повреждений. В одновременных слоях разрушения, открытых в северном и западном районах города, не выявлены первичные признаки именно сейсмического воздействия. Таким образом, сейсмическая природа выявленных разрушений не доказана и, следовательно, гибель городских кварталов могла быть вызвана другой причиной, в частности военными действиями. Не зафиксированы косейсмические эффекты, которые можно было бы датировать XI в., и на других объектах города и округи [Завадская, 2010].

В последнее время предпринята попытка найти свидетельства разрушительного землетрясения в отчетах о раскопках загородных и внутригородских некрополей Херсонеса [Хапаев, 2012]. С массовыми жертвами такого землетрясения В.В. Хапаев пытается связать многоярусные захоронения в некоторых загородных склепах и гробницах на территории ранневизантийских базилик. Как известно, на южном и западном некрополях открыто не менее 70 коллективных усыпальниц, в которых находились кости от нескольких десятков до нескольких сотен погребенных [Якобсон, 1959, с. 260-267; Сорочан, 2005, с. 1061; и др.]. Судя по находкам, главным образом, монетам, эти сооружения использовали с поздней античности / ранневизантийского времени до VIII–IX/X вв. и более позднего времени (монеты с монограммой «ро» XI–XIII вв.). Использовать их прекратили, скорее всего, также в разное время: во многих склепах самыми поздними были монеты Василия I (867–886), в других – пряжки VII–VIII вв. Хронология многих из этих памятников нуждается в уточнении. Поэтому считать погребения в них следствием одного события нет никаких оснований. Также не выдерживает критики попытка связать появление внутригородских некрополей вокруг базилик с «тотальным разрушением города в начале XI в., сопровождавшимся массовой гибелью людей и необходимостью санитарной очистки города» [Хапаев, 2012, с. 83]. Могилы в нартексах базилик 1935 и 1932 гг., в которых, по мнению В.В. Хапаева, были погребены погибшие в катастрофе, являются, согласно археологическим и стратиграфическим данным, самыми ранними; они появились, когда базилики еще функционировали (т.е. до их разрушения) [Белов, 1938, с. 129; Белов, 1941, с. 236–240]. Захоронения в них совершались на протяжении длительного времени, а не одномоментно. На территории комплекса базилики на холме также открыт некрополь с многочисленными могилами (около 150). С.А. Беляев синхронизирует его с верхней базиликой данного комплекса, построенной на месте разру-

шенной ранней базилики. Хотя не исключено, что были захоронения и более раннего времени. Большинство открытых там могил имели 1-2 костяка. Коллективные погребения сравнительно редки – это гробницы-костницы и несколько могил с многослойными единовременными погребениями, которые С.А. Беляев связывал или с жертвами эпидемии, или с погибшими участниками осады города в 988/989 г., что, по его мнению, более вероятно [Беляев, 1994, с. 25–28, 38]. Следовательно, групповые единовременные захоронения могут быть следствием разных событий и поэтому не должны привлекаться в качестве доказательства сейсмической гипотезы.

Таким образом, весомых аргументов в защиту гипотезы о разрушительной сейсмической катастрофе в Херсоне в XI в. до сих пор нет. Тем не менее эта гипотеза имеет немало сторонников среди исследователей. К сожалению, для многих из них уже сам по себе факт наличия слоев разрушения или засыпи колодцев и цистерн, а также свидетельства ремонтов и перестроек являются достаточными основаниями для вывода о землетрясениях как их естественной причине. Однако при современном уровне развития знаний в данной области подобный подход недопустим и не может считаться научным.

Сейсмическая активность Крымского полуострова в античный и средневековый периоды изучена крайне недостаточно. Редкие упоминания о подземных толчках известны благодаря письменным источникам лишь с конца XIII в. Наверняка и в предшествующее время землетрясения случались и влияли на жизнь людей. Но как часто они происходили и насколько разрушительными были их последствия, лишь предстоит узнать в ходе комплексных междисциплинарных археосейсмологических исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Антонова И.А., Никонов А.А. Следы разрушительных землетрясений в Херсонесе и окрестностях в римское время и в раннем средневековье // Очерки по истории христианского Херсонеса / Отв. ред. С.А. Беляев. С-Пб.: Алетея, 2009. С. 14–51.

Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–1936 гг. Симферополь: Гос. изд-во Крымской АССР, 1938. 349 с.

Белов Г.Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931-1933 гг. // МИА. 1941. № 4. С. 202–267.

Беляев С.А. «Базилика на холме» в Херсонесе и «церковь на горе» в Корсуни, построенная князем Владимиром // Byzantinorussica. M., 1994. № 1. С. 7–47.

Винокуров Н.И., Никонов А.А. О следах землетрясений античного времени на западе Европейского Боспора // Российская археология. 1998. № 4. С. 98–113.

Винокуров Н.И. Сейсмические деформации каменных склепов некрополя Артезиан // IV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: материалы международной научной конференции. Керчь, 2003. С. 51–55.

Завадская И.А. Катастрофа в Херсоне в конце X – XI вв.: критика гипотезы о землетрясении // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 456–487.

Корженков А.М., Мазор Э. Признаки сейсмических повреждений в руинах древних городов в пустыне Негев, Израиль // Геотектоника. 2013. № 1. С. 59–73.

Никонов А.А. К методологии археосейсмических исследований памятников прошлого // Источники и воздействие разрушительных сейсмических колебаний. Вопросы инженерной сейсмологии. М., 1990. Вып. 31. С. 137-142.

Никонов А.А. Обрушение навесов и ниш: опыт исследований в Крыму // Геоморфология. 1996. № 4. С. 65–74.

Никонов А.А. Сейсмический потенциал Крымского региона: сравнение региональных карт и параметров выявленных событий // Физика Земли. 2000. № 7. С. 53–62.

Пустовитенко Б.Г., Кульчицкий В.Е., Пустовитенко А.А. Новые карты общего сейсмического районирования территории Украины. Особенности модели долговременной сейсмической опасности // Геофизический журнал. 2006. Т. 28. № 3. С. 54–77.

Романчук А.И. «Слои разрушения X в.» в Херсонесе (к вопросу о последствиях корсунского похода Владимира) // ВВ. 1989. Т. 50. С. 380–386.

Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков: Майдан, 2005. Ч. 2. 1644 с.

Хапаев В.В. Разрушение Херсонеса на рубеже X–XI веков: к изучению причин // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008. Вып. 3. С. 143-160.

Хапаев В.В. Некрополи средневекового Херсона как источник по истории города в начале XI века // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2012. Вып. IV. С. 77–84.

Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. № 63. 364 с.

Agamennone G. Come e quando rovinò il tempio di Venere Genitrice // Bollettino della Società Sismologica Italiana. Roma, 1935. Vol. XXXIII. P.109–118.

Altunel1 E., Stewart I.S., Barka A., Piccardi L. Earthquake Faulting at Ancient Cnidus, SW Turkey // Turkish Journal of Earth Sciences. 2003. Vol. 12. P. 137–151.

Berberian M., Yeats R.S. Contribution of archaeological data to studies of earthquake history in the Iranian Plateau // Journal of Structural Geology. 2001. Vol. 23 (2–3). P. 563–584.

Bottari C., Barbano M.S., Pirrotta C., Azzaro R., Ristuccia G., Gueli A. Archaeological evidence for a possible first century AD earthquake in the necropolis of Abakainon (NE Sicily) // Quaternary International. 2013. XXX. P. 1–10.

Christoskov L., Gergova D., Iliev I., Rizzo V. Traces of seismic effects on archaeological sites in Bulgaria // Annali di Geofisica. 1995. Vol. XXXVIII. № 5–6. P. 907–918.

De Rossi M.S. La antica basilica di S. Petronilla presso Roma testè discoperta crollata per terremoto // Bullettino del Vulcanismo Italiano. 1874. 1. P. 62–65.

Erel1 T.L., Adatepe F. Traces of Historical earthquakes in the ancient city life at the Mediterranean region // Journal of the Black Sea/Mediterranean Environment. 2007. Vol.13. P. 241–252.

Evans A. The Palace of Minos at Knossos. London, 1928. Vol. II (I). 390 p.

Galadini, F., Hinzen, K.G., Stiros, S. Archaeoseismology: methodological issues and procedure // Journal of Seismology. 2006. 10. P. 395–414.

Galadini F. Defining the Causes of Ancient Building Collapse (Structural Decaying Vs. Seismic Shaking) in Archaeological Deposits of Central Italy // II Quaternario. Italian Journal of Quaternary Sciences. 2009. 22(1). P. 73–82.

Gallia P., Galadini F. Surface faulting of archaeological relics. A review of case histories from the Dead Sea to the Alps // Tectonophysics. 2001. Vol. 335 (3–4). P. 291–312.

Giner-Robles J.L., Rodríguez-Pascua M.A., Pérez-López R., Silva P.G., Bardají T., Grützner C., Reicherter K. (Eds). Structural analysis of Earthquake Archaeological Effects (EAE): Baelo Claudia Examples (Cádiz, South Spain). Field Training Course Notebook // 1st INQUA-IGCP 567 International Workshop on Earthquake Archaeology and Palaeoseismology. Vol. 2. Madrid: Instituto Geológico y Minero de España, 2009. 66 p.

Giner-Robles J.L., Pérez López R., Silva Barroso P., Rodríguez-Pascua M.A., Bardají A.T., Lario G.J., Garduño-Moroy V.H. Archaeoseismology as an emerging science. Natural risks // Seguridad y Medio Ambiente. 2012. № 128. Available at: http://www.mapfre.com/fundacion/html/revistas/seguridad/n128/en/article2.html (accessed: 29.02.2016).

Giner-Robles J.L., Martín-González F., Pérez-López R., Rodríguez-Pascua M.A., Silva P.G. Oriented Fall Structures (Earthquake Archaeological Effect). A Review in Instrumental Earthquakes // Pérez-López R., Silva P.G., Rodríguez Pascua M.A., Garduño-Monroy V.H., Suarez G., Reicherter K. (Eds.). Proceedings of the 3rd INQUA-IGCP-567 International Workshop on Active Tectonics, Paleoseismology and Archaeoseismology, 19-24 November 2012, Morelia, Mexico. Morelia, Mexico, 2012a. P. 51–54.

Guerrieri L., Blumetti A.M,, Esposito E., Michetti A.M., Porfido S., Vittori E., Serva L. The ESI 2007 intensity scale and the EEE Catalogue // 2nd INQUA-IGCP-567 International Workshop on Active Tectonics, Earthquake Geology, Archaeology and Engineering, Corinth, Greece (2011). Available at: http://www.isprambiente.gov.it/files/progetti/inqua/inqua-corinto-workshop-guerrieri.pdf (accessed: 29.02.2016).

Hinzen K.G., Fleischer C., Reamer S.K., Schreiber S., Schütte S., Yerli B. Quantitative methods in archaeoseismology // Pérez-López R., Grützner C., Lario J., Reicherter K., Silva P.G. (Eds.). Archaeoseismology and Palaeoseismology in the Alpine-Himalayan Collisional Zone: Abstracts Volume of the 1st INQUA-IGCP 567 International Workshop on Earthquake Archaeology and Palaeoseismology, 7th-13th September 2009, Baelo Claudia (Cádiz, Spain). Madrid, 2009. P. 50-51.

Hinzen K.-G. Archaeoseismology – How quantitative does it have to be? // European Seismological Commission 32nd General Assembly, September 6-10, 2010, Montpellier, France. Abstract. Available at: http://www.emsc-csem.org/Files/docs/esc2010/abstract/archaeoseismology.pdf (accessed: 29.02.2016).

Hinzen K.-G., Fleischer C., Reamer S.K., Schreiber S., Schütte S., Yerli B. Quantitative methods in archaeoseismology // Quaternary International. 2011. 242 (1). P. 31-41.

Hinzen K.G. Rotation of vertically oriented objects during earthquakes // Journal of Seismology. 2012. 16. doi: 10.1007/s10950-011-9255-6.

Karcza I., Kafri U. Evaluation of supposed archaeoseismic damage in Israel // Journal of Archaeological Science. 1978. Vol. 5 (3). P. 237–253.

Kazmer M., Major B. Distinguishing damages from two earthquakes – Archaeoseismology of a Crusader castle (Al-Marqab citadel, Syria) // The Geological Society of America. Special Paper 471: Ancient Earthquakes. 2010. P. 185–198.

Klaus R. Frontiers of Earthquake Archaeology: The Olympia and Samicum Cases (Peloponnese, Greece) // Proceedings of the 2nd INQUA-IGCP 567 International Workshop on Active Tectonics, Earthquake Geology, Archaeology and Engineering 19-24 September 2011 Corinth (Greece). Vol. 2: Grützner C., Pérez-López R., Fernández-Steeger T., Papanikolaou I., Reicherter K., Silva P.G., Vött A. (Eds.). Earthquake Geology and Archaeology: Science, Society and Critical facilities. Corinth, 2011. P. 194–197.

Kovach R.L. Early earthquakes of the Americas. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 268 p.

Lanciani R. Segni di terremoti negli edifizi di Roma antica // Bullettino della Commissione Archeologica Comunale di Roma. 1918. Vol. 45.1917. P. 1-28.

Lunina O.V., Mart Y., Gladkov A.S. Fracturing patterns, stress fields and earthquakes in the Southern Dead Sea rift // Journal of Geodynamics. Vol. 40. 2005. P. 216–234.

Marco S. Recognition of earthquake-related damage in archaeological sites: examples from the Dead Sea fault zone // Tectonophysics. 2008. Vol. 453. P. 148–156.

Martín-González F., Martín-Velazquez S., Rodrigez-Pascua M.A., Pérez-López R., Silva P. Validation of the Earthquake Archaeological Effects methodology by studying the San Clemente Cemetery Damages generated during the Lorca Earthquake of 2011 // Geophysical Research Abstracts. Vol. 16. 2014.

Michetti, A.M., Esposito E., Guerrieri L., Porfido S., Serva L., Tatevossian R., Vittori E., Audemard F., Azuma T., Clague J., Comerci V., Gürpinar A., Mc Calpin J., Mohammadioun B., Mörner N.A., Ota Y., Roghozin E. Environmental Seismic Intensity scale - ESI 2007 // Memorie Descriptive Della Carta Geologica D'Italia. Roma: SystemCart, 2007. Vol. 74. 50 p.

Mistler M., Butenweg C., Meskouris K. Modelling methods of historic masonry buildings under seismic excitation // Journal of Seismology. Vol. 10. 2006. P. 497–510.

Nikonov A.A. On the methodology of archaeoseimic research into historical monuments // Marinos P.G., Koukis G.C. (Eds.) Engineering Geology of Ancient Works, Monuments and Historical Sites, Preservation and Protection. Balkema, Rotterdam, 1988. P. 1315–1320.

Pérez-López R., Giner-Robles J.L., Rodríguez-Pascua M.A., Martín-González F., García Mayordomo J., Álvarez-Gómez J.A., Rodríguez-Peces M.J., Insua-Árévalo J.M., Martínez-Díaz J.J. and Silva P.G. Testing Archaeoseismological Techniques with Instrumental Seismic Data caused by the Mw 5.1 Lorca Earthquake (5-11-2011, SE of Spain) // Proceedings of the 2nd INQUA-IGCP 567 International Workshop on Active Tectonics, Earthquake Geology, Archaeology and Engineering 19-24 September 2011 Corinth (Greece). Vol. 2: Grützner C., Pérez-López R., Fernández-Steeger T., Papanikolaou I., Reicherter K., Silva P.G., Vött A. (Eds.). Earthquake Geology and Archaeology: Science, Society and Critical facilities. Corinth, 2011. P. 190–193.

Polymenakos L., Papamarinopoulos S., Miltiadou A., Charkiolakis N. Investigation of the foundations of a Byzantine church by three-dimensional seismic tomography // Journal of Applied Geophysics. 2005. Vol. 57 (2). P. 81–93.

Rodríguez-Pascua M.A., Pérez-López R., Giner-Robles J.L., Silva P.G., Garduño-Monroy V.H., Reicherter K. A comprehensive classification of Earthquake Archaeological Effects (EAE) for structural strain analysis in Archaeoseismology // Pérez-López R., Grützner C., Lario J., Reicherter K., Silva P.G. (Eds.). Archaeoseismology and Palaeoseismology in the Alpine-Himalayan Collisional Zone: Abstracts Volume of the 1st INQUA-IGCP 567 International Workshop on Earthquake Archaeology and Palaeoseismology, 7th-13th September 2009, Baelo Claudia (Cádiz, Spain). Madrid, 2009. P. 114–117.

Rodríguez-Pascua M.A., Pérez-López R., Giner-Robles J.L., Silva P.G., Garduño-Monroy V.H., Reicherter K. A comprehensive classification of Earthquake Archaeological Effects (EAE) in archaeoseismology: Application to ancient remains of Roman and Mesoamerican cultures // Quaternary International. 2011. Vol. 242 (1). P. 20–30.

Rodríguez-Pascua M.A., Silva P.G., Perucha Atienza M.A., Giner-Robles J.L., Pérez-López R. Earthquake Archaeological Effects generated by the Lisbon Earthquake (First of November 1755) in the Coria´S Cathedral (Cáceres, Western Spain) // Proceedings of the 2nd INQUA-IGCP 567 International Workshop on Active Tectonics, Earthquake Geology, Archaeology and Engineering 19-24 September 2011 Corinth (Greece). Vol. 2: Grützner C., Pérez-López R., Fernández-Steeger T., Papanikolaou I., Reicherter K., Silva P.G., Vött A. (Eds.). Earthquake Geology and Archaeology: Science, Society and Critical facilities. Corinth, 2011. P. 204–206.

Sbeinati M.R., Darawcheh R., Mouty M. Field archaeological evidences of seismic effects in Syria // EC project «Review of Historical Seismicity in Europe» (RHISE) 1989-1993. Available at: http://emidius.mi.ingv.it/RHISE/ii_17sbe/ii_17sbe.html (accessed: 29.02.2016).

Silva P.G., Borja F., Zazo C., Goy J.L., Bardají T., De Luque L., Lario J., Dabrio C.J. Archaeoseismic record at the ancient Roman City of Baelo Claudia (Cádiz, south Spain) // Tectonophysics. 2005. Vol. 408 (1–4). P. 129–146.

Sintubin M., Stewart I.S., Niemi T., Altunel E. Archaeoseismology: Past, present and future // Pérez-López R., Grützner C., Lario J., Reicherter K., Silva P.G. (Eds.). Archaeoseismology and Palaeoseismology in the Alpine-Himalayan Collisional Zone: Abstracts Volume of the 1st INQUA-IGCP 567 International Workshop on Earthquake Archaeology and Palaeoseismology, 7th-13th September 2009, Baelo Claudia (Cádiz, Spain). Madrid, 2009. P. 147–149.

Sintubin M. Archaeoseismology: Past, present and future // Quaternary International. 2011. Vol. 242 (1). P. 4–10.

Stiros S.C. Archaeology – A tool to study active tectonics // Eos, Transactions American Geophysical Union. 1988. Vol. 69 (50). P. 1633-1639.

Stiros S.C. Identification of Earthquakes from Archaeological Data: Methodology, Criteria and Limitations //

Stiros, S. and Jones, R., (Eds.). Archaeoseismology. Fitch Laboratory Occasional Paper 7. British School at Athens, 1996. P. 129-152.

Stiros S.C. Historical seismicity, palaeoseismicity and seismic risk in Western Macedonia, Northern Greece // Journal of Geodynamics. 1998. Vol. 26 (2–4). P. 271–287.

REFERENCES

Antonova I.A., Nikonov A.A. Sledy razrushitel'nykh zemletriasenii v Khersonese i okrestnostiakh v rimskoe vremia i v rannem srednevekov'e. *Beliaev S.A. (Ed.). Ocherki po istorii khristianskogo Khersonesa* St. Petersburg, Aleteia Publ., 2009, pp. 14–51.

Belov G.D. *Otchet o raskopkakh v Khersonese za 1935–1936 gg.* Simferopol', Gos. izdatel'stvo Krymskoi ASSR Publ., 1938, 349 p.

3. Belov G.D. Raskopki v severnoi chasti Khersonesa v 1931-1933 gg. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 1941, N 4, pp. 202–267.

Beliaev S.A. «Bazilika na kholme» v Khersonese i «tserkov' na gore» v Korsuni, postroennaia kniazem Vladimirom. *Byzantinorussica*, Moskow, 1994, N 1, pp. 7–47.

Vinokurov N.I., Nikonov A.A. O sledakh zemletriasenii antichnogo vremeni na zapade Evropeiskogo Bospora. *Rossiiskaia arkheologiia*, 1998, N 4, pp. 98–113.

Vinokurov N.I. Seismicheskie deformatsii kamennykh sklepov nekropolia Artezian. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "IV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia"*. Kerch', 2003, pp. 51–55.

Zavadskaia I.A. Katastrofa v Khersone v kontse X–XI vv.: kritika gipotezy o zemletriasenii. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* 2010, vol. XVI, pp. 456–487.

Корженков А.М., Мазор Э. Признаки сейсмических повреждений в руинах древних городов в пустыне Негев, Израиль // Геотектоника. Korzhenkov A.M., Mazor E. Priznaki seismicheskikh povrezhdenii v ruinakh drevnikh gorodov v pustyne Negev, Izrail'. Geotektonika, 2013, N 1, pp. 59–73.

Nikonov A.A. K metodologii arkheoseismicheskikh issledovanii pamiatnikov proshlogo. *Istochniki i vozdeistvie razrushitel'nykh seismicheskikh kolebanii. Voprosy inzhenernoi seismologii,* Moskow, 1990, vol. 31, pp. 137–142.

Nikonov A.A. Obrushenie navesov i nish: opyt issledovanii v Krymu. *Geomorfologiia*, 1996, N 4, pp. 65–74.

Nikonov A.A. Seismicheskii potentsial Krymskogo regiona: sravnenie regional'nykh kart i parametrov vyiavlennykh sobytii. *Fizika Zemli*, 2000, N 7, pp. 53–62.

Pustovitenko B.G., Kul'chitskii V.E., Pustovitenko A.A. Novye karty obshchego seismicheskogo raionirovaniia territorii Ukrainy. Osobennosti modeli dolgovremennoi seismicheskoi opasnosti. *Geofizicheskii zhurnal*, 2006, vol. 28, N 3, pp. 54–77.

Romanchuk A.I. «Sloi razrusheniia X v.» v Khersonese (k voprosu o posledstviiakh korsunskogo pokhoda Vladimira). *Vizantiyskiy vremenni*, 1989, vol. 50, pp. 380–386.

Sorochan S.B. *Vizantiiskii Kherson (vtoraia polovina VI – pervaia polovina X vv.). Ocherki istorii i kul'tury.* Khar'kov, Maidan Publ., 2005, vol. 2, 1644 p.

Khapaev V.V. Razrushenie Khersonesa na rubezhe X–XI vekov: k izucheniiu prichin. *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*, Simferopol', 2008, vol. 3, pp. 143–160.

Khapaev V.V. Nekropoli srednevekovogo Khersona kak istochnik po istorii goroda v nachale XI veka. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*, 2012, vol. IV, pp. 77–84.

Iakobson A.L. Rannesrednevekovyi Khersones. Ocherki istorii material'noi kul'tury. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 1959, N 63, 364 p.

Agamennone G. Come e quando rovinò il tempio di Venere Genitrice. *Bollettino della Società Sismologica Italiana*, Roma, 1935, vol. XXXIII, pp. 109–118.

Altunel1 E., Stewart I.S., Barka A., Piccardi L. Earthquake Faulting at Ancient Cnidus, SW Turkey. *Turkish Journal of Earth Sciences*, 2003, vol. 12, pp. 137–151.

Berberian M., Yeats R.S. Contribution of archaeological data to studies of earthquake history in the Iranian Plateau. *Journal of Structural Geology*, 2001, vol. 23 (2–3), pp. 563–584.

Bottari C., Barbano M.S., Pirrotta C., Azzaro R., Ristuccia G., Gueli A. Archaeological evidence for a possible first century AD earthquake in the necropolis of Abakainon (NE Sicily). *Quaternary International*, 2013, vol. XXX, pp. 1–10.

Christoskov L., Gergova D., Iliev I., Rizzo V. Traces of seismic effects on archaeological sites in Bulgaria. *Annali di Geofisica*, 1995, vol. XXXVIII, N 5-6, pp. 907–918.

De Rossi M.S. La antica basilica di S. Petronilla presso Roma testè discoperta crollata per terremoto. *Bullettino del Vulcanismo Italiano*, 1874, vol. 1, pp. 62–65.

Erel1 T.L., Adatepe F. Traces of Historical earthquakes in the ancient city life at the Mediterranean region. *Journal of the Black Sea/Mediterranean Environment*, 2007, vol.13, pp. 241–252.

Evans A. *The Palace of Minos at Knossos*. London, 1928, vol. II (I), 390 p.

Galadini, F., Hinzen, K.G., Stiros, S. Archaeoseismology: methodological issues and procedure. *Journal of Seismology*, 2006, vol. 10, pp. 395–414.

Galadini F. Defining the Causes of Ancient Building Collapse (Structural Decaying Vs. Seismic Shaking) in Archaeological Deposits of Central Italy. *II Quaternario. Italian Journal of Quaternary Sciences*, 2009, 22(1), pp. 73–82.

Gallia P., Galadini F. Surface faulting of archaeological relics. A review of case histories from the Dead Sea to the Alps. *Tectonophysics*, 2001, vol. 335 (3–4), pp. 291–312.

Giner-Robles J.L., Rodríguez-Pascua M.A., Pérez-López R., Silva P.G., Bardají T., Grützner C., Reicherter K. (Eds). Structural analysis of Earthquake Archaeological Effects (EAE): Baelo Claudia Examples (Cádiz, South Spain). Field Training Course Notebook. *1st INQUA-IGCP 567 International Workshop on Earthquake Archaeology and Palaeoseismology*, vol. 2. Madrid: Instituto Geológico y Minero de España, 2009, 66 p.

Giner-Robles J.L., Pérez López R., Silva Barroso P., Rodríguez-Pascua M.A., Bardají A.T., Lario G.J., Garduño-Moroy V.H. Archaeoseismology as an emerging science. Natural risks. *Seguridad y Medio Ambiente*, 2012, № 128. Available at: http://www.mapfre.com/fundacion/html/revistas/seguridad/n128/en/article2.html (accessed: 29.02.2016).

Giner-Robles J.L., Martín-González F., Pérez-López R., Rodríguez-Pascua M.A., Silva P.G. Oriented Fall Structures (Earthquake Archaeological Effect). A Review in Instrumental Earthquakes. *Pérez-López R., Silva P.G., Rodríguez Pascua M.A., Garduño-Monroy V.H., Suarez G., Reicherter K. (Eds.). Proceedings of the 3rd INQUA-IGCP-567 International Workshop on Active Tectonics, Paleoseismology and Archaeoseismology, 19-24 November 2012*, Morelia, Mexico. Morelia, Mexico, 2012a, pp. 51–54.

Guerrieri L., Blumetti A.M,, Esposito E., Michetti A.M., Porfido S., Vittori E., Serva L. The ESI 2007 intensity scale and the EEE Catalogue. *2nd INQUA-IGCP-567 International Workshop on Active Tectonics, Earthquake Geology, Archaeology and Engineering, Corinth, Greece (2011)*. Available at: http://www.isprambiente.gov.it/files/progetti/inqua/inqua-corinto-workshop-guerrieri.pdf (accessed: 29.02.2016).

Hinzen K.G., Fleischer C., Reamer S.K., Schreiber S., Schütte S., Yerli B. Quantitative methods in archaeoseismology. *Pérez-López R., Grützner C., Lario J., Reicherter K., Silva P.G. (Eds.). Archaeoseismology and Palaeoseismology in the Alpine-Himalayan Collisional Zone: Abstracts Volume of the 1st INQUA-IGCP 567 International Workshop on Earthquake Archaeology and Palaeoseismology, 7th-13th September 2009, Baelo Claudia (Cádiz, Spain).* Madrid, 2009, pp. 50-51.

Hinzen K.-G. Archaeoseismology – How quantitative does it have to be? *European Seismological Commission 32nd General Assembly, September 6-10, 2010, Montpellier, France. Abstract.* Available at: http://www.emsc-csem.org/Files/docs/esc2010/abstract/archaeoseismology.pdf (accessed: 29.02.2016).

Hinzen K.-G., Fleischer C., Reamer S.K., Schreiber S., Schütte S., Yerli B. Quantitative methods in archaeoseismology. *Quaternary International*, 2011, vol. 242 (1), pp. 31–41.

Hinzen K.G. Rotation of vertically oriented objects during earthquakes. *Journal of Seismology*, 2012, 16. doi: 10.1007/s10950-011-9255-6.

Karcza I., Kafri U. Evaluation of supposed archaeoseismic damage in Israel. *Journal of Archaeological Science*, 1978, Vol. 5 (3), pp. 237–253.

Kazmer M., Major B. Distinguishing damages from two earthquakes – Archaeoseismology of a Crusader castle (Al-Marqab citadel, Syria). *The Geological Society of America. Special Paper 471: Ancient Earthquakes*, 2010, pp. 185–198.

Klaus R. Frontiers of Earthquake Archaeology: The Olympia and Samicum Cases (Peloponnese, Greece). *Proceedings of the 2nd INQUA-IGCP 567 International Workshop on Active Tectonics, Earthquake Geology, Archaeology and Engineering 19-24 September 2011 Corinth (Greece). Vol. 2: Grützner C., Pérez-López R., Fernández-Steeger T., Papanikolaou I., Reicherter K., Silva P.G., Vött A. (Eds.). Earthquake Geology and Archaeology: Science, Society and Critical facilities*. Corinth, 2011, pp. 194–197.

Kovach R.L. *Early earthquakes of the Americas*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004, 268 p.

Lanciani R. Segni di terremoti negli edifizi di Roma antica. *Bullettino della Commissione Archeologica Comunale di Roma*, 1918, vol. 45.1917, pp. 1–28.

Lunina O.V., Mart Y., Gladkov A.S. Fracturing patterns, stress fields and earthquakes in the Southern Dead Sea rift. *Journal of Geodynamics*, 2005, vol. 40, pp. 216–234.

Marco S. Recognition of earthquake-related damage in archaeological sites: examples from the Dead Sea fault zone. *Tectonophysics*, 2008, vol. 453, pp. 148–156.

Martín-González F., Martín-Velazquez S., Rodrigez-Pascua M.A., Pérez-López R., Silva P. Validation of the Earthquake Archaeological Effects methodology by studying the San Clemente Cemetery Damages generated during the Lorca Earthquake of 2011. *Geophysical Research Abstracts*, 2014, vol. 16.

Michetti, A.M., Esposito E., Guerrieri L., Porfido S., Serva L., Tatevossian R., Vittori E., Audemard F., Azuma T., Clague J., Comerci V., Gürpinar A., Mc Calpin J., Mohammadioun B., Mörner N.A., Ota Y., Roghozin E. Environmental Seismic Intensity scale - ESI 2007. *Memorie Descriptive Della Carta Geologica D'Italia*, Roma: SystemCart Publ., 2007, vol. 74, 50 p.

Mistler M., Butenweg C., Meskouris K. Modelling methods of historic masonry buildings under seismic excitation, *Journal of Seismology*, 2006, vol. 10, pp. 497–510.

Nikonov A.A. On the methodology of archaeoseimic research into historical monuments. *Marinos P.G., Koukis G.C. (Eds.) Engineering Geology of Ancient Works, Monuments and Historical Sites, Preservation and Protection.* Balkema, Rotterdam, 1988, pp. 1315–1320.

Pérez-López R., Giner-Robles J.L., Rodríguez-Pascua M.A., Martín-González F., García Mayordomo J., Álvarez-Gómez J.A., Rodríguez-Peces M.J., Insua-Árévalo J.M., Martínez-Díaz J.J. and Silva P.G. Testing Archaeoseismological Techniques with Instrumental Seismic Data caused by the Mw 5.1 Lorca Earthquake (5-11-2011, SE of Spain). *Proceedings of the 2nd INQUA-IGCP 567 International Workshop on Active Tectonics, Earthquake Geology, Archaeology and Engineering 19-24 September 2011 Corinth (Greece). Vol. 2: Grützner C., Pérez-López R., Fernández-Steeger T., Papanikolaou I., Reicherter K., Silva P.G., Vött A. (Eds.). Earthquake Geology and Archaeology: Science, Society and Critical facilities.* Corinth, 2011, pp. 190–193.

Polymenakos L., Papamarinopoulos S., Miltiadou A., Charkiolakis N. Investigation of the foundations of a Byzantine church by three-dimensional seismic tomography. J*ournal of Applied Geophysics*, 2005, vol. 57 (2), pp. 81–93.

Rodríguez-Pascua M.A., Pérez-López R., Giner-Robles J.L., Silva P.G., Garduño-Monroy V.H., Reicherter K. A comprehensive classification of Earthquake Archaeological Effects (EAE) for structural strain analysis in Archaeoseismology. *Pérez-López R., Grützner C., Lario J., Reicherter K., Silva P.G. (Eds.). Archaeoseismology and Palaeoseismology in the Alpine-Himalayan Collisional Zone: Abstracts Volume of the 1st INQUA-IGCP 567 International Workshop on Earthquake Archaeology and Palaeoseismology, 7th-13th September 2009, Baelo Claudia (Cádiz, Spain).* Madrid, 2009, pp. 114–117.

Rodríguez-Pascua M.A., Pérez-López R., Giner-Robles J.L., Silva P.G., Garduño-Monroy V.H., Reicherter K.

A comprehensive classification of Earthquake Archaeological Effects (EAE) in archaeoseismology: Application to ancient remains of Roman and Mesoamerican cultures. *Quaternary International*, 2011, vol. 242 (1), pp. 20–30.

Rodríguez-Pascua M.A., Silva P.G., Perucha Atienza M.A., Giner-Robles J.L., Pérez-López R. Earthquake Archaeological Effects generated by the Lisbon Earthquake (First of November 1755) in the Coria´S Cathedral (Cáceres, Western Spain). *Proceedings of the 2nd INQUA-IGCP 567 International Workshop on Active Tectonics, Earthquake Geology, Archaeology and Engineering 19-24 September 2011 Corinth (Greece). Vol. 2: Grützner C., Pérez-López R., Fernández-Steeger T., Papanikolaou I., Reicherter K., Silva P.G., Vött A. (Eds.). Earthquake Geology and Archaeology: Science, Society and Critical facilities*. Corinth, 201, pp. 204–206.

Sbeinati M.R., Darawcheh R., Mouty M. Field archaeological evidences of seismic effects in Syria. *EC project «Review of Historical Seismicity in Europe» (RHISE) 1989-1993*. Available at: http://emidius.mi.ingv.it/RHISE/ii_17sbe/ii_17sbe.html (accessed: 29.02.2016).

Silva P.G., Borja F., Zazo C., Goy J.L., Bardají T., De Luque L., Lario J., Dabrio C.J. Archaeoseismic record at the ancient Roman City of Baelo Claudia (Cádiz, south Spain). *Tectonophysics*, 2005, vol. 408 (1–4), pp. 129–146.

Sintubin M., Stewart I.S., Niemi T., Altunel E. Archaeoseismology: Past, present and future. *Pérez-López R., Grützner C., Lario J., Reicherter K., Silva P.G. (Eds.). Archaeoseismology and Palaeoseismology in the Alpine-Himalayan Collisional Zone: Abstracts Volume of the 1st INQUA-IGCP 567 International Workshop on Earthquake Archaeology and Palaeoseismology, 7th-13th September 2009, Baelo Claudia (Cádiz, Spain)*. Madrid, 2009, pp. 147–149.

Sintubin M. Archaeoseismology: Past, present and future. *Quaternary International*, 2011, vol. 242 (1), pp. 4–10.

Stiros S.C. Archaeology – A tool to study active tectonics. *Eos, Transactions American Geophysical Union*. 1988, vol. 69 (50), pp. 1633–1639.

Stiros S.C. Identification of Earthquakes from Archaeological Data: Methodology, Criteria and Limitations. *Stiros S. and Jones R. (Eds.). Archaeoseismology. Fitch Laboratory Occasional Paper 7*. British School at Athens, 1996, pp. 129-152.

Stiros S.C. Historical seismicity, palaeoseismicity and seismic risk in Western Macedonia, Northern Greece. *Journal of Geodynamics*, 1998, vol. 26 (2–4), pp. 271–287.

Резюме

В статье рассматриваются проблемы, связанные с выяснением причин образования слоев разрушения на археологических памятниках и проверкой гипотез о древних доинструментальных землетрясениях. Поскольку последствия разрушений природного и антропогенного происхождения могут быть во многом похожи, для правильной интерпретации причин разрушения необходимо проведение комплексных междисциплинарных археосейсмологических исследований, объединяющих усилия разных ученых – археологов, геологов, геофизиков, сейсмологов, архитекторов, инженеров, историков и др. Автор приводит сведения о современном состоянии археосейсмологии и ее методах исследования. В статье подвергнуты критике «новые» аргументы в защиту гипотезы о разрушительном землетрясении, которое якобы имело место в Херсоне (Херсонесе) в XI в. Доказательная база гипотезы основана только на отчетных материалах археологических раскопок разных лет, зачастую понятых и трактованных неверно. В этих отчетах не зафиксированы повреждения указанного времени, которые можно было бы трактовать как первичные косейсмические эффекты. Археосейсмологические исследования на территории и в округе городища Херсонеса до сих пор не проводились.

Ключевые слова: археосейсмологические исследования, археологические эффекты землетрясений, слои разрушения, гипотезы о землетрясениях, Херсонес/Херсон, X–XI вв.

Summary

The article examines the problems associated with the studying of the causes of the destruction layers at archaeological sites and testing hypotheses about the ancient pre-instrumental earthquakes. Since the devastation of natural and anthropogenic origin may be similar in many ways, for the correct interpretation of the causes of destruction it is necessary to conduct comprehensive interdisciplinary archaeoseismological investigation, bringing together the efforts of various scientists - archaeologists, geologists, geophysicists, seismologists, architects, engineers, historians, and others. The author provides information about the current state of archaeoseismology and its research methods. The article criticizes «new» arguments in favor of the hypothesis of the devastating earthquake, which allegedly took place in Chersonese in the XI century. Evidence base of the hypothesis is based only on the accounting materials of archaeological excavations of different years, which have been often understood and interpreted incorrectly. No damage of specified time, which could be interpreted as a primary co-seismic effects has been registered in these reports. Archaeoseismological research in the territory and the Chersonesus settlement vicinity has not been carried out yet.

Key words: archaeoseismological investigation, earthquake archaeological effects, destruction layers, archaeoseismic hypothesis, Chersonesos/Cherson, 10th–11th centuries.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Завадская Ирина Анатольевна, к.и.н.
Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского,
РФ, Республика Крым,
ведущий научный сотрудник.
zavadskaya_irina@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Zavadskaia Irina Anatol'evna, CSc
Research Centre of History and Archaeology of the Crimea
of the Crimean Federal University named after Vernadsky V.I.,
the Russian Federation, Republic of Crimea,
Leading Researcher.
zavadskaya_irina@mail.ru.

ПУБЛИКАЦИИ

А.В. КОТИНА
A.V. KOTINA

КОЛЛЕКЦИЯ ТЕРРАКОТОВЫХ СТАТУЭТОК ИЗ РАСКОПОК В ПАНТИКАПЕЕ АНТОВОГО ХРАМА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ[1]

THE COLLECTION OF TERRACOTTA FIGURINES FROM EXCAVATIONS OF THE HELLENISTIC TEMPLE IN PANTIKAPAION

В ходе раскопок, проводимых в 1992 году археологической экспедицией Керченского историко-культурного заповедника на северном склоне горы Митридат (северо-западная окраина античного городища Пантикапей), обнаружены строительные остатки и слои, которые являются первыми документированными материалами указанного района Пантикапея, так как раньше северный склон горы к западу от Скалистого выступа не подвергался археологическим раскопкам [Зинько, 1994, с. 106]. Предполагалось, что район к юго-западу и западу от Афанасьевского кладбища входил в черту города поздних Спартокидов и римского времени, а до Скалистого выступа доходила крайняя граница акрополя [Толстиков, 1984, с. 31].

Исследованный участок северного склона горы Митридат в древности имел террасную планировку. В IV в. до н. э. на второй террасе была возведена мощная подпорная стена [Зинько, 1996, с. 72]. Основная постройка и большая часть культурного слоя относится к концу III – первой трети I вв. до н. э. В конце III в. до н. э. происходит перепланировка всего участка и возводится культовое здание. Реконструируемые размеры здания – 8,1 × 3,6 м. Постройка ориентирована по сторонам света и состояла из двух помещений – наоса (внутренние размеры – 2,7 × 5 м) и пронаоса (рис. 1). Судя по форме, здание являлось антовым храмом (рис. 2). Вход в него был расположен с северо-восточной стороны, таким образом, храм был обращен в сторону акрополя Пантикапея [Зинько, 1996, с. 72]. Дверной проем был оформлен лепными профилированными наличниками белого цвета. Полностью сохранилось основание северо-западной стены. Кладка постелистая, иррегулярная, из необработанных известняковых камней различной величины. В качестве фундамента храма служил впущенный в светло-желтую глину ряд вертикально поставленных небольших известняковых камней. От юго-восточной стены сохранились всего четыре камня [Зинько, 1993, с. 13]. Здесь же был найден фрагмент антовой капители.Судя по найденным возле входа в храм известняковой дорической и антовой капителям, а также фрагментам колонн, реконструируемая высота здания составляла около 4 м, а высота колонн – 3,08 м.

[1] Автор выражает благодарность начальнику экспедиции В.Н. Зинько за предоставленную возможность ознакомиться с отчетами, фотографиями, находками и опубликовать материал.

Всего было обнаружено 660 фрагментов цветной, расписной и лепной штукатурки [Зинько, 1994, с. 107]. Внутренняя поверхность стен была покрыта штукатуркой и полихромной росписью. Гладкоокрашенные фрагменты представлены двумя тонами – красным с терракотовым оттенком и золотисто-желтым. Имеются и несколько многоцветных фрагментов стилизованного растительного орнамента. На 115 фрагментах штукатурки красного цвета процарапаны рисунки и надписи. Особо следует выделить изображение воина и двух кораблей [Зинько, 1993, с. 14]. Большая часть обнаруженных фрагментов по ряду признаков относится к оформлению стен наоса. Реконструкция позволяет предположить, что стены храма имели 12 красочных поясов общей высотой 3,20 м. Подобный стиль и цветовое решение росписи известно в пантикапейских зданиях и ранее [Зинько Е., 1998, с. 186 – 188].

Пол в наосе первоначально был глинобитный. Позднее он был покрыт белым раствором из жирного известнякового теста с большим количеством наполнителя – гальки, песка и толченого известняка общей толщиной около 0,10 м. Над ним располагался слой раствора терракотового цвета, в который были вдавлены большие гальки темных оттенков, отполированные до зеркального блеска. Что касается пронаоса – там фрагментарно сохранилась каменная отмостка из плоских необработанных плит известняка [Зинько, 1993, с. 15]. Кровля храма была черепичной. Всего было обнаружено 5392 фрагмента боспорских соленов и 291 фрагмент боспорских калиптеров [Зинько, 1993, с. 14].

Рассматриваемые остатки постройки перекрывал глинисто-золистый слой, мощность которого составляла до 1,25 м. Его образование связано с уничтожением и последующей разборкой здания. Судя по всему, храм был сожжен в ходе антимитридатовского восстания, произошедшего в Пантикапее в 63 г. до н. э. Над развалинами здания был образован слой темного гумусированного суглинка. У восточного борта выявлена каменная конструкция, которая интерпретирована автором исследований как алтарь. Алтарь представлял собой прямоугольное сооружение размером 1,3 × 0,9 м, небрежно сложенное из небольших известняковых камней. Западная часть данной конструкции была перекрыта квадратной плитой. Внутри алтаря находился череп быка, под которым были найдены фрагменты сероглиняного сосуда, фрагмент терракоты, черепица [Зинько, 1993, с. 19]. Вторая конструкция, состоящая из сырцовых кирпичей и являющаяся, по всей вероятности, также алтарем, была выявлена у западного борта. Алтарь № 2 был сооружен на «останце» материковой глины и примыкал с запада к остаткам стены описываемого храма. Третья конструкция культового характера была выявлена в развале сырца, который перекрывал остатки стены храма. Конструкция представляла собой овальную ямку глубиной до 0,20 м, заполненную древесным углем. Сверху располагался кусок сырца антропоморфной формы высотой 0,45 м [Зинько, 1993, с. 20].

Стены разрушенного храма были разобраны на камень. После этого какие-либо постройки на данном месте не возводились.

На всех уровнях слоя разрушения исследуемого храма отмечены находки монет, фрагментов штукатурки, керамики, терракот [Зинько, 1996, с. 72].

Керамический материал в своем большинстве представлен амфорными фрагментами. Кроме того, можно выделить 55 фрагментов чернолаковых киликов, 60 фрагментов тарелок, а также фрагменты рыбных блюд, канфаров, лекифов, лекан, пелик. Среди краснолаковой керамики можно выделить 150 фрагментов тарелок, фрагменты пергамских кубков. Среди других форм следует отметить фрагмент пергамской вазы-цедилки – сливное горлышко с маской Эрота, датируемый по Ф.Брюно к. II – пер. третью I вв. до н. э., а также фрагмент пергамского кубка с рельефной эротической сценой, датируемый вышеуказанным автором 110 – 69 гг. до н.э. В числе находок присутствуют фрагменты «мегарских» чаш, а также фрагмент закраины пергамской ситулы [Зинько, 1993, с. 18].

Нумизматический материал представлен 48 экземплярами монет, среди которых авторами публикации особо отмечается превосходно сохранившийся золотой статер Митридата VI Евпатора, датируемый 229 годом понтийской эры, что соответствует 69/68 гг. до н. э. Царь изображен на монете в идеализированном облике бога Диониса [Неверов, 1973, с. 43–46]. Как отмечает М.Г. Абрамзон, характеризуя данную монету, – статер с такой датой найден впервые [Абрамзон, Иванина, 2012, с. 41]. Чеканка монет, на которых присутствует дата по пергамской эре, совпадает с годом вторжения Митридата VI в Азию в 88 г. до н. э. Автор также указывает, что золотые и серебряные монеты с портретом и именем Митридата VI Евпатора были предназначены для обращения в малоазийских провинциях, и вследствие этого не имели распространения на Боспоре. Кроме того, золотые статеры использовались прежде всего для оплаты масштабных военных операций Митридата. Таким образом, уникальный статер из рассматриваемого храма был выпущен в сложный период, когда Митридат Евпатор совместно с армянским царем Тиграном II готовились к войне с римским полководцем Лицинием Лукуллом [Абрамзон, Иванина, 2012, с. 42]. Известно, что в 69-68 гг. до н. э. Митридат при поддержке Тиграна смог на небольшой срок отвоевать свое родовое царство [Сапрыкин, 1996, с. 203]. По мнению В.Н. Зинько, по всей вероятности, с этим событием мог быть связан выпуск обнаруженного золотого статера Митридата VI [Зинько, 2000, с. 220]. Возможно, что золотой статер Евпатора попал в храм в качестве вотива (рис. 3).

Подавляющее большинство обнаруженных монет – пантикапейского производства (25 экземпляров). Другие центры представлены 4 монетами – тетрахалк Амиса (111 – 105 гг. до н. э.), два тетрахалка одного типа из Синопы (80 – 70 гг. до н. э.), а также римская монета последних десятилетий I в. до н.э. [Зинько, 1996, с. 72].

Находки монет, а также наличие обнаруженного бронзового ключа от шкатулки и ее костяной обкладки с изображением волюты, позволили предположить авторам исследования, что данный материал является остатками храмовой казны [Зинько, Аветиков, 1996, с. 72]. Следует также отметить находку подвесной бронзовой печа-

ти, которая выполнена в форме кольца, на щитке которого изображен безбородый мужчина [Зинько, 1993, с. 18], вероятно, Дионис.

Кроме вышеуказанных находок, были обнаружены также фрагменты двух небольших мраморных статуй. Меньшей из них (реконструируемая высота – 0,45 – 0,47 м) принадлежит голень, правая кисть с запястьем, левый локоть с предплечьем и голова безбородого мужчины (рис. 4). Возможно, что к этой же скульптуре относятся часть щита(?) и подставка с вертикальными полосами. Ко второй скульптуре (реконструируемая высота 0,52 – 0,55 м) относятся стопа с голенью и колено с бедром.Наибольший интерес представляет первая скульптура, от которой в числе прочих фрагментов сохранилась голова. Она изображает безбородого молодого мужчину с овальным лицом, заостренным подбородком. Лоб высокий, нос прямой массивный, глаза узкие [Зинько, 2004, с. 185]. Волосы вьющиеся, разделены прямым пробором и перехвачены лентой-диадемой. На темени просверлено круглое отверстие, накрест пересекаемое врезами, которые, по всей видимости, предназначались для крепления накладных деталей; как справедливо указывает С.Ю. Сапрыкин, ими могли быть звезда или полумесяц – символы, которые являлись гербом Митридатидов и изображались, как правило, прямо над головой [Сапрыкин, 2009, с. 292]. Диадема, в свою очередь, указывает на принадлежность к царской семье. Судя по всему, скульптура исполнена местным мастером по канонам эллинистического портретного искусства. Иконографические и стилистические особенности данного изображения сближают его со скульптурными изображениями так называемой «галереи Митридата Евпатора» и относятся к концу II – началу I вв. до н.э. [Сапрыкин, 2009, с. 292]. Таким образом, в данной скульптуре, по всей вероятности, был воплощен облик самого Митридата Евпатора, до триумфа в Пергаме в 88 г. Лицо имеет более реалистичные черты, облик далек от идеального, божественного образа Александра Македонского, в виде которого Митридата часто изображали в более позднее время. Скульптура, найденная при раскопках пантикапейского храма, представляет понтийского царя в качестве богоподобного владыки, провозглашенного Дионисом. Как известно, в идеологии Понтийского царства, созданного путем завоевания различных территорий, с разнообразным в этническом отношении населением культ обожествленного правителя занимал важное место [Сапрыкин, 2009, с. 266]. Для сплочения греков и варваров необходимо было создать почитаемый образ сильного властителя, равного богу, что обуславливало бы его безграничную власть и способность быть защитником и покровителем для всех подданных, вне зависимости от их национальной принадлежности. Таким образом, культ царя формировался уже во второй половине III в. до н.э. С восшествием на престол Митридата VI окружение правителя стало активно создавать идеализированный и героизированный образ царя, используя монеты, скульптуру [Сапрыкин, 2009, с. 275], глиптику, а также легенды и различные события из детства и юности Митридата, истолкованные как знамения и чудеса, указывающие на его героическую, божественную природу. Этой цели также служили культы богов, носившие

синкретический характер и в равной степени почитаемые как эллинским, так и эллинизированным варварским населением понтийского царства.

Помимо вышеуказанных находок, особенно следует выделить группу изделий коропластики. Обнаруженные в ходе раскопок храма терракотовые статуэтки, несмотря на относительную немногочисленность и фрагментарность, все же представляют интерес для изучения. Общее количество рассматриваемых экземпляров составляет 35 шт. Все они были найдены в слое разрушения храма, который, как отмечалось выше, датируется концом III в. – первой третью I в. до н. э. и хранятся в Восточнокрымском историко-культурном музее-заповеднике.

Все обнаруженные статуэтки (за исключением импортной КП-129119) являются изделиями местных мастерских коропластов. Это обстоятельство связано с тем, что именно в эллинистическое время, а точнее со II в. до н. э., производство терракот в Пантикапее принимает массовый характер, растет разнообразие вариантов сюжетов, появляются новые [Кобылина, 1961, с. 72]. Таким образом, отпадает необходимость значительного ввоза импортных изделий коропластики. Статуэтки используют в качестве вотивов, помещают в погребальный инвентарь, а также ими украшают жилища [Финогенова, 1992, с. 238].

Рассматриваемые фрагменты терракот выполнены из разновидностей боспорской глины, красновато-оранжевого или светло-коричневого оттенка [Ильина, Муратова, 2008, с. 289], зачастую с мелкими белыми включениями (известняк), а также мелкими блестками (слюда). Что касается технологии производства рассматриваемых терракот, то, как правило, они оттиснуты в односторонней или двусторонней форме, тыльная сторона заглажена или выполнена схематично, отдельные детали доработаны вручную или при помощи стеки. Швы соединения разной степени качества. Внутри статуэтки полые, а для выхода пара при обжиге имеют различные технологические отверстия (круглые или прямоугольные) – в тыльной стороне фигурки или снизу. Базы оттискивались вместе со статуэтками и в нашем случае имеют прямоугольную форму, срезаны вертикально, а сзади закруглены и сливаются с оборотной стороной изделия. Некоторые базы двухступенчатые, например, база, принадлежавшая, по всей видимости, герме (рис. 6,4). С точки зрения иконографии и стилистики, изображения относятся к весьма распространенным в эллинистическое время на Боспоре типам. Сюжеты также характерны для указанного периода. Статуэтки из пантикапейского антового храма носят вотивный характер, являясь приношениями божествам.

Самую многочисленную группу составляют так называемые жанровые терракоты. Известно, что боспорская коропластика достигает своего расцвета в эллинистическое время и большую популярность приобретают терракоты жанрового характера, изображающие обычных людей, бытовые сцены из их жизни [Финогенова, 1992, с. 238; Krogulska, 2006, s. 68]. В создании статуэток подобного рода пантикапейские коропласты ориентировались на малоазийские образцы. Местные экземпляры отличались индивидуальными особенностями, а также меньшим качеством в передаче

деталей и однофасадностью [Ильина, Муратова, 2008, с. 302]. Кроме того, указанные жанровые статуэтки, например, изображающие женщин, могли выступать в качестве приношений какому-либо божеству.

К вышеуказанной группе терракот можно отнести фрагменты, относящиеся к статуэткам, которые представляют горожанок с разнообразными атрибутами и прическами, изящно задрапированных в одежды. Первый фрагмент является нижней частью объемной статуэтки – стоящей женской фигуры в длинном хитоне и гиматии (КП-129033, размер – 9,2 × 6,3 см; 7.5YR 5/2 (brown) – 7/4 (pink)) (рис. 5,1). Одежда драпирована складками, переданными рельефно и подчеркивающими позу стоящей. Нога согнута и чуть отставлена в сторону. Из-под края одежды выступает носок обуви. Оборотная сторона фрагмента заглажена. Подобные статуэтки относятся к танагрскому типу. В случае пантикапейского подражания данному стилю уместно использовать термин – «псевдотанагрский стиль» [Ильина, 2006, с. 153]. От собственно танагрского данный стиль отличает более низкое качество исполнения, меньшее внимание к деталям и рельефности. Очевидно, что наш фрагмент иконографически восходит к танагрским статуэткам [Белов, 1968, рис. 6; Higgins, Burn, 2001, Pl. 15, 2080; Louvre: Tanagra, Mythe et archéologie 2003, 124]. Основываясь на временных группах, по которым делятся псевдотанагрские статуэтки Пантикапея, разработанных Т.А. Ильиной, исходя из иконографических и стилистических особенностей [Ильина, 2006, с. 155], рассматриваемый фрагмент псевдотанагры можно датировать II в. до н. э.

К рассматриваемой группе принадлежат также еще 3 фрагмента. Нижняя часть объемной статуэтки стоящей женской фигуры (КП-128959, размер – 7,1 × 4,8 см; 7.5YR 7/4 (pink) – 6/4 (light brown)) (рис. 5,2) – фрагмент хитона и гиматия, драпированных складками. Складки переданы четко обозначенными рельефными линиями. Черепок толстый. Дата – вт. пол. III – II вв. до н. э. Аналогичные статуэтки происходят из Танагры, Тиритаки, Феодосии, Херсонеса [Белов, 1970, табл. 14, 2, 5, 6; Кобылина, 1970, табл. 24, 1, 2; Наливкина, 1952, рис. 12, 1; Higgins, Burn, 2001, pl. 7 – 10]. Следующий фрагмент (КП-129058, размер – 4,6 × 3,2 см; 7.5YR 6/3 (light brown)) (рис. 5,3) – передняя стенка (нижняя часть) объемной статуэтки – стоящая женская фигура в хитоне и гиматии. Сквозь легкую одежду видны очертания левой ноги, чуть согнутой. Хитон и гиматий драпированы четко прочерченными складками, переданными рельефно. Оборотная сторона фрагмента заглажена, сохранились отпечатки пальцев коропласта. Дата – вт. пол. III – II вв. до н.э. Подобные фигурки найдены в Танагре, Пантикапее, Тире [Клейман, 1970, табл. 3, 8; Дремсизова-Нелчинова, Тончева, 1971, рис. 60, 61; Higgins, Burn, 2001, Pl. 15, 2080; Summerer,1999, Tafel 44, SII 18.]. Еще один небольшой фрагмент терракоты, который можно отнести к данной группе, – часть гиматия и хитона, драпированных диагональными и вертикальными складками, которые переданы рельефно (КП-129064, размер – 5,4 × 3,2 см; 2.5YR 6/4 (light reddish brown)) (рис. 5,4). Черепок толстый. Оборотная сторона заглажена, сохранились отпечатки пальцев

коропласта. По всей вероятности, фрагмент принадлежал статуэтке задрапированной стоящей женщины.

К числу жанровых статуэток принадлежит фрагмент прямоугольной базы с частью лапы животного, возможно собаки (КП-128965, размер – 4,8 × 2,4 см; 2.5YR 7/6 – 6/6 (light red)) (рис. 5,5). Целые экземпляры представляют собой стоящую женщину или ребенка и прыгающую собачку рядом [Кобылина, 1961, табл. XVII,2; Winter, 1903, II, 78, 3]. Возможно, наш фрагмент принадлежит статуэтке подобного типа. Данный сюжет был широко распространен в пантикапейской коропластике эллинистического периода.

К изображениям детей относится верхняя часть небольшой объемной фигурки, изображающей мальчика в плаще (КП-129085, размер – 3,1 × 2,8 см; 5YR 6/4 (light reddish brown)) (рис. 5,6): круглое, улыбающееся лицо, различимы черты – большие глаза, рельефно выделены брови, нос, рот. Кудрявые волосы спускаются на плечи. Плащ, драпированный складками, перекинут через левую руку и закреплен на правом плече. Торс обнажен, виден округлый животик. Оборотная сторона фигурки передана суммарно. Внутри статуэтка полая. Датировать данную терракоту можно II – I вв. до н. э. Подобные фигурки мальчиков были весьма распространены в разных античных городах – Мирине, Каллатисе, Гермонассе, Пантикапее [Канараке, 1969, рис. 223; Финогенова, 1992, рис. 20; Higgins, Burn, 2001, pl. 52, 2289].

Жанровой статуэтке псевдотанагрского типа, по всей вероятности, принадлежит женская головка в головном уборе в виде валика, из-под которого видны волосы (КП-129086, размер – 2,9 × 2,3 см; 5YR 6/4 (light reddish brown)) (рис. 5,7). Оттиск был произведен в забитой форме, черты лица различимы слабо – глаза, нос, губы. Верхняя часть головы отбита. Датировать данную головку можно II – I вв. до н. э. Близкие изображения происходят из Танагры, Киренаики, Каллатиса, Мирмекия [Денисова, 1981, табл. XIX, д; Канараке, 1969, рис. 144; Higgins, Burn, 2001, Pl. 104, 2666; Louvre: Tanagra, Mythe et archeology, 2003, 195].

В боспорской коропластике позднеэллинистического периода наблюдается две тенденции: первая – развитие в более свободной манере псевдотанагрского стиля; вторая, берущая свои истоки, главным образом в Малой Азии и оттуда переходящая на территорию Боспора, – ориентация на изображения монументальной скульптуры [Krogulska, 2006, c. 68].

Одними из популярнейших персонажей являлись Афродита и Эрот.

Во II – I вв. до н. э. в пантикапейской коропластике широкую популярность приобретают терракотовые статуэтки, изображающие Афродиту в самых разнообразных вариантах. Из нашей коллекции к данной группе можно отнести фрагмент обнаженного торса, который, возможно, принадлежал изображению Афродиты на фоне раковины (КП-129087, размер – 6,0 × 4,0 см; 2.5YR 6/6 (light red)) (рис. 5,8): передняя стенки статуэтки, сохранились обнаженные верхние части плеч и высокая грудь. Черепок толстый. Судя по контексту находки и близким изображениям, датировать фрагмент можно концом III – II вв. до н. э. Фигурки богини с подобными пропорция-

ми происходят из Прекрасной Гавани, Херсонеса [Наливкина, 1970, табл. 1, 3; Белов, 1970, табл. 10, 6].

К терракотам с изображением Афродиты и Эрота следует отнести фрагмент, который, судя по аналогиям, относится к статуэтке с сюжетом «Афродита, сидящая на скале». Наш фрагмент представляет собой часть изображения Эрота на дельфине, которое располагалось в нижней части группы (КП-129027, размер – 6,1 × 4,7 см; 5YR 6/6 (reddish yellow)) (рис. 5,9): плоский, оборотная сторона заглажена. Черепок толстый. На лицевой стороне сохранился фрагмент рельефного изображения Эрота на дельфине (часть туловища и хвост дельфина, сидящая на нем фигурка Эрота, на крыльях которого различимы перья). Также на поверхности фрагмента имеется небольшой полукруглый выступ. Сохранились остатки белой грунтовки. Прямой аналогией служит изображение Афродиты на скале у гермы Приапа из Пантикапея [Силантьева, 1974, табл. 26]. Судя по контексту находки и аналогиям, фрагмент можно датировать II в. до н. э. В данный период изображение широко распространенного с эпохи раннего эллинизма образа Афродиты, сидящей на скале, дополняется гермой и Эротами. Группа данного типа является ярким образцом местной коропластики, так как не известна в других центрах производства, хотя ее отдельные элементы и встречаются в Малой Азии [Силантьева, 1974, с. 12].

Эрот, как известно, являлся божеством круга Афродиты. Его образ также был популярен на Боспоре в эпоху эллинизма, куда он попал через Малую Азию, где активно тиражировался в многочисленных разнообразных вариантах [Ильина, Муратова, 2008, с. 294–295]. Из рассматриваемой коллекции к терракотам с изображением данного божества относятся 5 фрагментов [КП-122959; КП-128894; КП-129062; КП-129083; КП-129089). КП-122959 (рис. 5,10) представляет собой фрагмент передней стенки объемной статуэтки Эрота (размер – 4,0 × 3,2 см; цвет на поверхности – 5YR 6/6 (reddish yellow), в изломе – 5/8 (yellowish red); глина южнопонтийская (?), шершавая, с большим количеством блесток]. Сохранился фрагмент торса и правой руки. Возле плеча различим фрагмент крыла. Рука согнута в локте и прижата к туловищу. Внутренняя сторона фрагмента заглажена. Датируется началом I в. до н.э. Аналогиями к данному фрагменту являются статуэтки Эрота из Пантикапея [Силантьева, 1974, табл. 31, 2; Winter, 1903, II, 274].

Следующий фрагмент терракоты или рельефного сосуда (?) представляет собой изображение так называемого Эрота-Танатосаили крылатого гения (КП-128894; размер – 6,5 × 7,8 см; 5YR 4/3 (reddish brown) – 2.5 Y 4/2 (dark grayish brown) (рис. 5,11); глина привозная, содержит мелкие светлые включения). Персонаж представляет собой обнаженного юношу, расположенного на фоне развернутого гиматия. На голове калаф, видны волосы, слабо различимы черты лица – глаза, нос, рот. За спиной сохранились фрагменты крыльев, как и у аналогичных изображений, они опущены вниз. Мелкими рельефными полосами переданы перья. Сохранились также фрагмент торса и левая рука божества. Складки гиматия переданы рельефно. На поверхности сохранились остатки белой грунтовки и красной краски. Изображение с помощью

куска глины приклеено к более толстой стенке, оборотная поверхность которой заглажена. В историографии по поводу атрибуции рассматриваемого божества нет единой точки зрения. В одной из своих работ исследователь коропластики Т.А. Ильина приводит ряд мнений относительно данной проблемы [Ильина, 2007, с. 340 – 341]. Суммируя их, можно выделить несколько вариантов: описанный выше персонаж – это Танатос, ассоциирующийся со смертью (Г.Д. Белов, И.Б. Клейман), или Эрот-Танатос (М.А. Наливкина); А.С. Русяева видит в нем Иакха – крылатого юношу, чей образ близок элевсинским культам [Русяева, 1979, с. 70]. Т.А. Ильина полагает, что все указанные трактовки не дают исчерпывающих объяснений и предлагает называть данный персонаж «просто крылатым божеством, возможно, связанным с хтоническим культом» [Ильина, 2007, с. 341]. В советской же историографии наиболее распространенной является точка зрения на изображение данного божества как Эрота-Танатоса. Ряд иконографических особенностей сближает его с изображением Эротов, однако задумчивая, грустная поза – с Танатосом. Аналогиями образу юноши, представленного на нашем экземпляре, служат статуэтки из Херсонеса, городища Чайка, Керкинитиды, Ольвии [Белов, 1974, табл. 13, 5 (Эрот-Танатос); Ильина, 2007, рис. 2, 18 (статуэтка крылатого гения, городище Чайка); Леви, 1970, табл. 20, 5 – 6 (статуэтки Эротов); Наливкина, 1970, табл. 5, 1 (Эрот-Танатос)].

С культом Эрота связаны многочисленные терракотовые группы, изображающие Эрота и Психею. Данный сюжет поэтической легенды был весьма распространен в эллинистический период и, как правило, представлял влюбленных персонажей в момент встречи после долгой разлуки. Почти всегда пара представлена целующейся [Финогенова, 1992, с. 269]. К подобной группе, по всей вероятности, относится фрагмент, представляющий собой Эрота (КП-129083; размер – 6,5 × 2,4 см; 2.5YR 6/6 (light red), глина местная, серая в изломе, содержит редкие мелкие блестки) (рис. 5,13), передняя стенка объемной статуэтки. Обнаженная, пухлая фигурка стоящего Эрота – округлый живот, ноги скрещены, правая рука, по-видимому, обнимала Психею. На оборотной стороне фрагмента сохранились отпечатки пальцев коропласта. Близкими аналогиями данному изображению являются терракотовые группы из Пантикапея, Фанагории, Мирины[Силантьева, 1976, кат. 223; Ильина, 2010, табл. III, 4; Higgins, Burn, 2001, pl. 55, 2299]. Исходя из даты слоя, а также аналогий и стилистических особенностей, указанный фрагмент можно датировать II – началом I в. до н. э.

К изображениям, связанным с Эротом, по-видимому, можно отнести фрагменты крыльев (КП-129062; КП-129089). Первый – фрагмент крыла (размер – 4,5 × 3,0 см; 5YR 6/6 (reddish yellow) (рис. 5,12), глина местная, содержит мелкие блестки и темные включения), на поверхности сохранились рельефные полосы, вероятно, передающие перья. Черепок тонкий, слегка выпуклый. Оборотная сторона заглажена, заметны отпечатки пальцев коропласта. Оттиснуто в форме с последующей доработкой. Второй фрагмент – также представляет собой часть крыла (размер – 4,1 × 2,3 см; 10YR 7/3 (very pale brown), глина местная, содержит

редкие мелкие блестки) (рис. 5,14). Фрагмент выпуклый, на лицевой поверхности рельефно переданы короткие (в основной части крыла) и длинные (на конце) перья. Черепок толстый, на оборотной стороне сохранились отпечатки пальцев коропласта. Подобные крылья имеются у эллинистических статуэток Эротов, в большом количестве найденных на городищах Боспора.

Следующая группа фрагментов связана с культом Диониса и его фиаса. Данный религиозный образ был широко почитаем на Боспоре. Дионис – греческое божество умирающей и воскресающей природы, бог виноделия, пиров и плодородия. Кроме того, данный культ являлся царским: Митридат VI Евпатор называл себя Дионисом, добавляя это к своему титулу [Сапрыкин, 2009, с. 94–95]. Культ Диониса особенно почитался в Малой Азии, где его иконографический образ складывается во II в. до н.э. [Summerer, 1999], затем проникая на Боспор. Как справедливо указывает С.Ю. Сапрыкин, Митридат VI выбирает образ Диониса для личного обожествления по причине огромной популярности последнего среди населения [Сапрыкин, 2009, с. 105].

Наиболее значительный экземпляр из нашей коллекции – это часть маски Силена или Сатира (КП-129065; размер – 6,8 × 4,6 см; 5YR 6/4 (light reddish brown) (рис. 5,15), глина местная, серая в изломе, содержит светлые мелкие включения). Сохранилась нижняя часть носа, фрагмент правой щеки, верхняя часть рта и усов, которые показаны рельефными полосами. На носу видны складки. Под губой вертикальными полосами по сырой глине прочерчены зубы. Черепок толстый. Оборотная сторона заглажена. Иконографически близкие данному фрагменту маски происходят из Амиса и Херсонеса [Белов, 1970, табл. 12, 2; Summerer, 1999, Tafel 8, P IV 10; Taf. 20, M I 1; Taf. 21, M I 6; Taf. 25, M II 8; Taf. 26, M II 1].

Следующий фрагмент представляет собой, вероятно, часть маски Диониса-Винограда (КП-129084; размер – 7,3 × 2,9 см; глина местная, хорошо отмученная, содержит мелкие блестки; 5YR 6/6 (reddish yellow) (рис. 5,16). На лицевой стороне сохранились рельефно переданные ягоды и листья винограда. Иконографический тип Диониса-Винограда (Диониса-Ботрюса) характеризуется трактовкой волос и бороды в виде ягод винограда. Данный тип пришел на Боспор также из Малой Азии [Ильина, Муратова, 2008, с. 291]. Подобные маски происходят из Пантикапея, Мирмекия, Амиса [Ильина, Муратова, 2008, ил. 1, 3 – 4; Пругло, 1970, табл. 44, 5].

Фрагменты КП-128964 (рис. 6,1), КП-129069 (рис. 6,2) и КП-129088 (рис. 6,3), вероятно, также относятся к маскам Диониса или его фиаса. Все они выполнены из местной глины. В первом из перечисленных – круглое сквозное отверстие (D=0,4 см) для крепления. По контексту фрагменты можно датировать концом III – первой третью I в. до н. э.

В отдельную группу можно объединить различные базы, принадлежавшие разным статуэткам. Одна из них (КП-129119; размер – 3,5 × 4,4 см; глина местная (Боспор), хорошо отмученная; 2.5YR 6/6 (ligt red) по всей видимости, принадлежала герме (рис. 6,4). Сохранился угол двухступенчатой базы статуэтки. Поверхность

заглажена. Черепок толстый. База подобного типа имеется у гермы Диониса из Пантикапея, датируемой II в. до н. э. [Силантьева, 1974, табл. 35, 2].

КП-129030 (размер – 3,4 × 2,1 см; глина местная (Боспор), содержит мелкие блестки; 5YR 6/6 (reddish yellow); оттиск в форме спосследующей доработкой) также представляет собой угол профилированной базы статуэтки с фрагментом складок одежды (рис. 6,5). Судя по внутренней поверхности, статуэтка, принадлежавшая этой базе, была полой. Черепок тонкий. Базы подобного типа были весьма распространены на Боспоре в эллинистическую эпоху [Алексеева, 2009, рис. 11,1 (женщина с птицей, слой эллинистического времени, Горгиппия); Наливкина, 1952, рис. 11,3 (группа Эрота и Психеи позднеэллинистического времени из Мирмекия)]. Фрагмент КП-129061 (размер – 4,5 × 4,6 см; глина местная (Боспор), серая в изломе, содержит редкие мелкие блестки; 5YR 6/4 (light reddish brown) – 5/4 (reddish brown)), представляет собой угол базы статуэтки, сверху сохранился небольшой фрагмент края одежды (рис. 6,6). Поверхность тщательно заглажена. Сохранились остатки белой грунтовки.

Еще одна группа терракот объединяет различные конечности – фрагменты рук и ног, принадлежавшие разным статуэткам. КП-128960 (размер – 3,5 × 2,7 см; 5YR 6/6 (reddish yellow)) представляет собой фрагмент объемной статуэтки – руку в складках одежды (рис. 6,7), согнута в локте. Складки переданы рельефными полосами.КП-128961 (размер – 3,1 × 2,6 см; 5YR 6/6 (reddish yellow)) – фрагмент объемной статуэтки – складки одежды, переданные рельефными полосами. Черепок тонкий (рис. 6,8).

В период позднего эллинизма (II – I вв. до н.э.) широкое распространение на Боспоре приобретают терракоты с подвесными конечностями, изображающие танцоров, мимов, жонглеров и т.д. [Марченко, 1974, с. 38; Ильина, Муратова, 2008, с. 299]. Нижние конечности данных персонажей были вылеплены отдельно и являлись подвижными. КП-129032 (размер – 5,5 × 2,7 см; 5YR 6/4 (light reddish brown)) представляет собой лепную ногу с широким, уплощенным носком и пяткой, моделированной в виде заостренного выступа (рис. 6,9). Поверхность тщательно заглажена. Аналогичные конечности происходят из Пантикапея, городища Белинское, Херсонеса [Марченко, 1974, табл. 54,8; табл. 55,2; Зубарев, 2007, рис. 1,23; Романчук, Шевченко, рис. 2–10]. Частью лепной подвесной ноги, по всей вероятности, также является КП-129067 (размер – 5,4 × 1,4 см; 10YR 7/3 (very pale brown) – 6/3 (pale brown)) (рис. 6,10).

Еще одним фрагментом ноги, а именно внешней частью стопы, является КП-129028 (размер – 3,2 × 0,9 см; 5YR 6/4 (light reddish brown)). Стопа отбита выше щиколотки, утрачена внутренняя часть (рис. 6,11). Рельефными полосами по сырой глине прочерчены пальцы и круглый выступ на щиколотке. Хорошо моделирована пятка. Подошва плоская, заглажена.

Атрибутация оставшихся шести фрагментов затруднена ввиду их сильной фрагментированности. Все они являются различными частями терракотовых

статуэток местного производства (КП-128886; КП-128893; КП-128963; КП-129029; КП-129105; КП-129107) (рис. 6,12–17).

Суммируя вышеизложенные данные о фрагментах статуэток, обнаруженных в слое разрушения храма, можно отметить, что приведенные экземпляры являются типичным для храмов эллинистического времени на Боспоре наборам вотивных терракот. В качестве примера в данном случае следует привести публикацию Т.А. Ильиной и М.Б. Муратовой, посвященную коллекции терракот из дворцового храма на акрополе Пантикапея [Ильина, Муратова, 2008, с. 287–333]. Все типы, обнаруженные в рассматриваемом нами антовом храме, присутствуют и в дворцовом храме, исследованном Боспорской экспедицией ГМИИ им. А.С. Пушкина в 1985 – 1986 гг. Авторы работы, основываясь на ряде данных, предполагают, что этот храм, по крайней мере в первой половине I в. до н.э., был посвящен Дионису. Окончательное решение вопроса по поводу посвящения конкретным божествам остается открытым, при этом исследователи справедливо подчеркивают, что «при изучении храмов только наличие культовой статуи и/или посвятительных надписей может привести к более конкретным выводам». В нашем случае, как отмечалось выше, были найдены фрагменты статуй, одну из которых с большой долей вероятности можно интерпретировать как изображение Митридата VI Евпатора, провозглашенного Дионисом. Также следует обратить внимание на находку черепа быка в алтаре, которая, возможно, связана с культом Диониса-Быка. С.Ю. Сапрыкин, исследуя культ Диониса, приводит данные раскопок храма II в. до н. э. в Синопе, в ходе которых вместе с терракотами Диониса, масками силенов и сатиров были обнаружены фигурки и протомы быков [Сапрыкин, 2009, с. 102]. Храм был посвящен Серапису, однако связь этого божества с Дионисом несомненна, что подтверждается находками и основывается на их важной роли в культе мертвых, а также как покровителей хтонических сил и плодородия [Сапрыкин, 2009, с. 102].

Таким образом, подводя итог и обобщая данные о локализации и архитектурных особенностях храма, а также находках в слое его разрушения – скульптуре, золотого статера с изображением Митридата в облике Диониса, бронзовой печати с изображением, вероятно, также Диониса, терракотовых статуэтках и иных артефактах, можно предположить, что антовый храм в Пантикапее эллинистического времени был посвящен Дионису, чей культ имел идеологическое, политическое значение благодаря связи с царем Понта – Митридатом VI Евпатором.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамзон М.Г. Клады античных монет: из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. К.: Мистецтво, 2006. 240 с.

Алексеева Е.М. Коропластика в Горгиппии // Древности Боспора. Вып. 13. М., 2009. С. 17–36.

Античная скульптура / Под ред. Л. Давыдовой. К.: Мистецтво, 2004. 256 с.

Белов Г.Д. Терракоты из Херсонеса. Терракотовые статуэтки. Свод археологических источников. Ч. I. Г1-11. М.: Наука, 1970. С. 70–78.

Белов Г.Д. Терракоты Танагры. Л.: Советский художник, 1968. 96 с.

Денисова В.И. Коропластика Боспора. Л.: Наука, 1981. 171 с.

Зинько В.Н. Культовое здание из раскопок северо-западного района Пантикапея // Вещь в контексте культуры. Материалы научной конференции. СПб, 1994. С. 106–107.

Зинько В.Н. Понтийские монеты из пантикапейского храма в антах // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Вып.VII. Симферополь, 2000. С. 219–221.

Зинько В.Н., Аветиков А.А. Монеты из раскопок культового здания северо-западного района Пантикапея // Проблемы истории, филологии и культуры. Москва-Магнитогорск, 1996. Вып. III. С. 71–74.

Зинько В.Н. Отчет о работе комплексной постоянно действующей охранно-археологической экспедиции в 1992 г. Т.1. Керчь, 1993.

Зинько Е.А. Эллинистические фрески Пантикапейского храма в антах //МАИЭТ, вып.VI, Симферополь, 1998, с. 186–193.

Зубарев В.Г. Терракотовые и лепные статуэтки городища Белинское и его некрополя // Древности Боспора. Вып. 11. М., 2007. С. 185–194.

Ильина Т.А. Псевдотанагрские статуэтки из Пантикапея (в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина) // Древности Боспора. Вып. 9. М., 2006. С. 152–176.

Ильина Т.А. Терракотовая статуэтка Диониса с городища Чайка // Материалы исследований городища Чайка в Северо-Западном Крыму (сб. научных трудов). М., 2007. С. 354–365.

Ильина Т.А., Муратова М.Б. Вотивные терракоты из храма на акрополе // Древности Боспора. Вып. 12. М., 2008. С. 287–339.

Канараке В. Танагрские маски и статуэтки из мастерских Каллатиса. Мангалия. Констанцский археологический музей, 1969.

Кобылина М.М. Мастерские пантикапейских коропластов. – Терракотовые статуэтки. Пантикапей. Свод археологических источников. Ч. III. Г1-11. М.: Наука, 1974. С. 47–53.

Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 182 с.

Леви Е.И. Терракоты из Ольвии. Терракоты Северного Причерноморья. Терракотовые статуэтки. Свод археологических источников. Ч. I. Г1-11. М.: Наука, 1970. С. 33 – 56.

Марченко И.Д. Марионетки и культовые статуэтки Пантикапея. Терракотовые статуэтки. Пантикапей. Свод археологических источников. Ч. III. Г1-11. М.: Наука, 1974. С. 38 – 46.

Наливкина М.А. Терракоты Мирмекия и Тиритаки // Материалы и исследования по археологии СССР, № 25. М.-Л., 1952. С. 327–347.

Неверов О.Я., Митридат-Дионис // СГЭ. Л., 1973. Т37. С. 43–46.

Пругло В.И. Статуэтки из Мирмекия. Терракоты Северного Причерноморья. Терракотовые статуэтки. Свод археологических источников. Ч. I. Г1-11. М.: Наука, 1970. С. 90–94.

Романчук А.И., Шевченко А.В. Терракотовые статуэтки из портового квартала I Херсонеса.

Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979.

Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996.

Сапрыкин С.Ю. Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. Москва-Тула, 2009. 426 с.

Силантьева П.Ф. Терракоты Пантикапея. Терракотовые статуэтки. Пантикапей. Свод археологических источников. Ч. III. Г1-11. М.: Наука, 1974. С. 5–37.

Толстиков В.П. О системе обороны акрополя Пантикапея // СГИМ, вып. 7, 1984.
Финогенова С.И. Терракоты Гермонассы (по материалам раскопок 1968 – 1981 гг.) // Археология и искусство Боспора. Вып. 10. М., 1992. С. 257–283.
Финогенова С.И. Терракоты Пантикапея из раскопок последних лет // Археология и искусство Боспора. Вып. 10. М., 1992. С. 237–256.
Дремсизова-Нелчинова Ц., Тончева Г. Антични теракоти от България. София, 1971.
Krogulska M. Terakoty z północnych wybrzeży Morza Czarnego // Studia i Materiały Archeologiczne, Tom 13, Warszawa, Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 2006. S. 59–118.
Louvre. Tanagra. Mythe et archeology. Paris, 2003.
R. Higgins, L. Burn. Greek Terracottas, London, 2001.
SummererL. Hellenistische Terrakotten aus Amisos. Stuttgart, 1999.
Winter Fr. Die Antiken Terrakotten. Berlin und Stuttgart, 1903.
Zin'ko V.N. Summary of Results of the Five-Year Rescue Excavations in the European Bosporus, 1989-1993 // North Pontic Archaeology. ColloguiaPontika 6. Brill, 2001. pp. 295–317.

REFERENCES

Abramzon M.G. *Klady antichnykh monet: izsobraniia Kerchenskogo gosudarstvennogo istoriko-kul'turnogo zapovednika.* K.: Mistetstvo, 2006. 240 s.
Alekseeva E.M. Koroplastika v Gorgippii. *Drevnosti Bospora*. Vyp. 13. M., 2009. S. 17–36.
Antichnaia skul'ptura / Pod red. L. Davydovoi. K.: Mistetstvo, 2004. 256 s.
Belov G.D. Terrakoty iz Khersonesa. Terrakotovye statuetki. *Svod arkheologicheskikh istochnikov.* Ch. I. G1-11. M.: Nauka, 1970. S. 70–78.
Belov G.D. *Terrakoty Tanagry.* L.: Sovetskii khudozhnik, 1968. 96 s.
Denisova V.I. *Koroplastika Bospora*. L.: Nauka, 1981. 171 s.
Zin'ko V.N. Kul'tovoe zdanie iz raskopok severo-zapadnogo raiona Pantikapeia. *Veshch' v kontekste kul'tury. Materialy nauchnoi konferentsii.* SPb, 1994. S.106–107.
Zin'ko V.N. Pontiiskie monety iz pantikapeiskogo khrama v antakh. *Materialy po Arkheologii, Istorii i Etnografii Tavrii.* Vyp.VII. Simferopol', 2000. S. 219–221.
Zin'ko V.N., Avetikov A.A. Monety iz raskopok kul'tovogo zdaniia severo-zapadnogo raiona Pantikapeia. *Problemy istorii, filologii i kul'tury.* Moskva-Magnitogorsk, 1996. Vyp. III. S. 71–74.
Zin'ko V.N., *Otchet o rabote kompleksnoi postoiannodeistvuiushchei okhranno-arkheologicheskoi ekspeditsii v 1992 g.* T.1. Kerch', 1993.
Zin'ko E.A. Ellinisticheskie freski Pantikapeiskogo khrama v antakh. *Materialy po Arkheologii, Istorii i Etnografii Tavrii,* vyp.VI, Simferopol', 1998, s. 186–193.
Zubarev V.G. Terrakotovye i lepnye statuetki gorodishcha «Belinskoe» i ego nekropolia. *Drevnosti Bospora.* Vyp. 11. M., 2007. S. 185–194.
Il'ina T.A. Psevdotanagrskie statuetki iz Pantikapeia (v sobranii GMII im. A.S. Pushkina). *Drevnosti Bospora.* Vyp. 9. M., 2006. S. 152–176.
Il'ina T.A. Terrakotovaia statuetka Dionisa s gorodishcha «Chaika». *Materialy issledovanii gorodishcha «Chaika» v Severo-Zapadnom Krymu (sb. nauchnykh trudov)*. M., 2007. S. 354–365.
Il'ina T.A., Muratova M.B. Votivnye terrakoty iz khrama na akropole. *Drevnosti Bospora*. Vyp. 12. M., 2008. S. 287–339.
Kanarake V. *Tanagrskie maski i statuetki iz masterskikh Kallatisa.* Mangaliia. Konstantsskii arkheologicheskii muzei, 1969.
Kobylina M.M. Masterskie pantikapeiskikh koroplastov. – Terrakotovye statuetki. Pantikapei. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*. Ch. III. G1-11. M.: Nauka, 1974. S. 47–53.
Kobylina M.M. *Terrakotovye statuetki Pantikapeia i Fanagorii.* M.: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1961. 182 s.
Levi E.I. Terrakoty iz Ol'vii. Terrakoty Severnogo Prichernomor'ia. Terrakotovye statuetki. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*. Ch. I. G1-11. M.: Nauka, 1970. S. 33–56.

Marchenko I.D. Marionetki i kul'tovye statuetki Pantikapeia. Terrakotovye statuetki. Pantikapei. *Svod arkheologicheskikh istochnikov.* Ch. III. G1-11. M.: Nauka, 1974. S. 38–46.
Nalivkina M.A. Terrakoty Mirmekiia i Tiritaki. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, № 25. M.-L., 1952. S. 327–347.
Neverov O.Ia., Mitridat-Dionis // SGE. L., 1973. T37. S. 43–46.
Pruglo V.I. Statuetki iz Mirmekiia. Terrakoty Severnogo Prichernomor'ia. Terrakotovye statuetki. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*. Ch. I. G1-11. M.: Nauka, 1970. S. 90–94.
Romanchuk A.I., Shevchenko A.V. *Terrakotovye statuetki iz portovogo kvartala I Khersonesa.*
Rusiaeva A.S. *Zemledel'cheskie kul'ty v Ol'vii do getskogo vremeni.* Kiev, 1979.
Saprykin S.Iu. *Pontiiskoe tsarstvo*. M., 1996.
Saprykin S.Iu. *Religiia i kul'ty Ponta ellinisticheskogo i rimskogo vremeni.* Moskva-Tula, 2009. 426 s.
Silant'eva P.F. Terrakoty Pantikapeia. Terrakotovye statuetki. Pantikapei. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*. Ch. III. G1-11. M.: Nauka, 1974. S. 5–37.
Tolstikov V.P. O sisteme oborony akropolia Pantikapeia. SGIM, vyp. 7, 1984.
Finogenova S.I. Terrakoty Germonassy (po materialam raskopok 1968 – 1981 gg.). *Arkheologiia i iskusstvo Bospora*. Vyp. 10. M., 1992. S. 257–283.
Finogenova S.I. Terrakoty Pantikapeia iz raskopok poslednikh let. *Arkheologiia i iskusstvo Bospora.* Vyp. 10. M., 1992. S. 237–256.
Dremsizova-Nelchinova Ts., Toncheva G. *Antichni terakoti ot B'lgariia*. Sofiia, 1971.
Higgins R, Burn L. *Greek Terracottas*, London, 2001.
Krogulska M. Terakoty z północnych wybrzeży Morza Czarnego. *Studia i Materiały Archeologiczne*, Tom 13, Warszawa, Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 2006. S. 59–118.
Louvre. Tanagra. Mytheet archeology. Paris, 2003.
Summerer L. *Hellenistische Terrakotten aus Amisos*. Stuttgart, 1999.
Winter Fr. *Die Antiken Terrakotten.* Berlin und Stuttgart, 1903.
Zin'ko V.N. Summary of Results of the Five-Year Rescue Excavations in the European Bosporus, 1989–1993. *North Pontic Archaeology. Colloguia Pontika 6*. Brill, 2001. pp. 295–317.

Резюме

В публикации анализируется коллекция вотивных терракот из раскопок антового храма в Пантикапее эллинистического времени. На основании сопоставления данных, полученных в ходе работы, с иными группами находок (фрагменты статуй, монеты, бронзовая печать и др.) делается предположение о посвящении исследуемого культового здания богу Дионису, почитание которого в эпоху Митридата VI Евпатора имело не только религиозное, но также идеологическое, политическое значение.

Ключевые слова: терракотовые статуэтки, храм, Пантикапей, Дионис, Митридат VI Евпатор.

Summary

The publication analyzes the collection of votive Hellinistic period terracotta figurines from the excavations of antae temple in Pantikapaion. Based on the comparison of the data obtained in the course of work with other groups of finds (fragments of statues, coins, bronze seal, etc.), the assumption is made about the dedication of studied cult building to God Dionysus, the veneration of which in the era of Mithridates VI Eupator, had not only religious, but also the ideological, and political significance.

Key words: terracotta figurines, temple, Pantikapaion, Dionysus, Mithridates VI Eupator.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Котина Алла Викторовна, к.и.н.,
Центр археологических исследований
Благотворительного фонда «Деметра»,
РФ, Республика Крым, г. Керчь, ул. Крупской, д. 50,
научный сотрудник.
allakotina@mail.ru.

INFORMATION ABOUT AUTHORS
Kotina Alla Viktorovna, CSc,
Non-Profitable Foundation Demetra,
Krupskoy st., 50, Kerch, Republican Crimea,
Junior Researcher,
allakotina@mail.ru

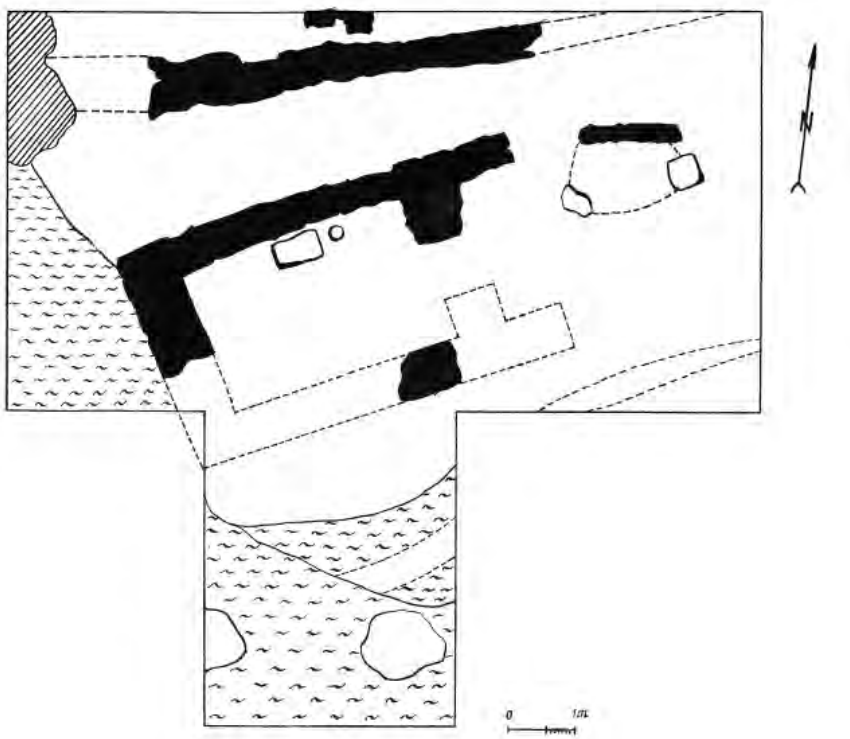


Рис. 1. План храма [по: Зинько, 1996].

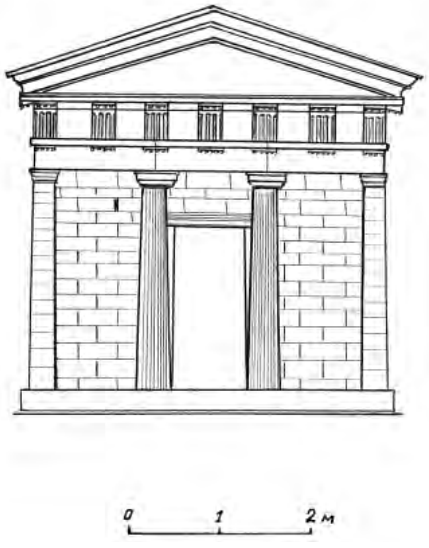


Рис. 2. Реконструкция храма [по: Zin'ko, 2001].

Рис. 3. Золотой статер Митридата VI Евпатора. 69/68 гг. до н. э.

Рис. 4. Фрагмент статуи.

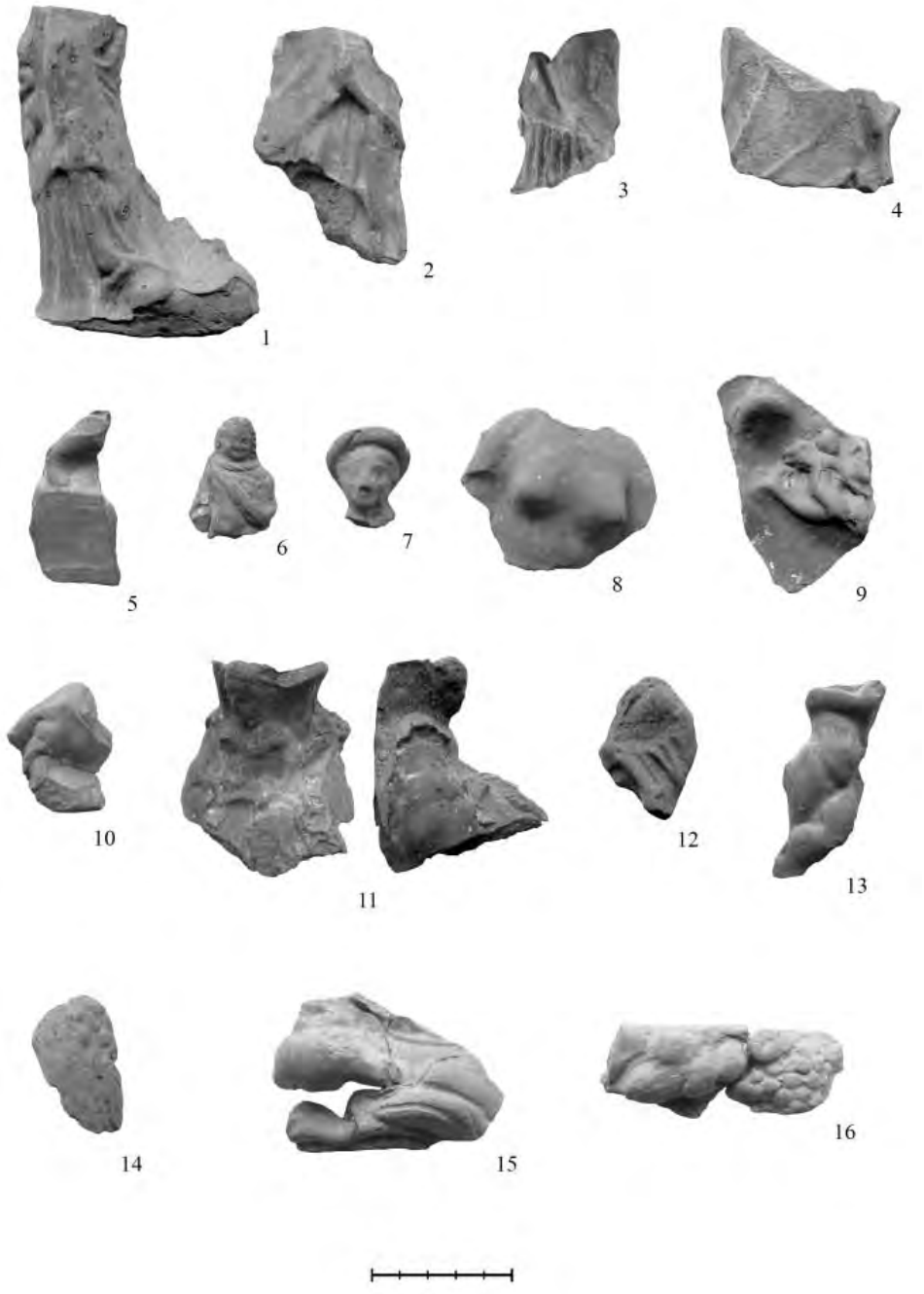


Рис. 5. Фрагменты терракот из антового храма в Пантикапее: 1 – 16 (фото автора).

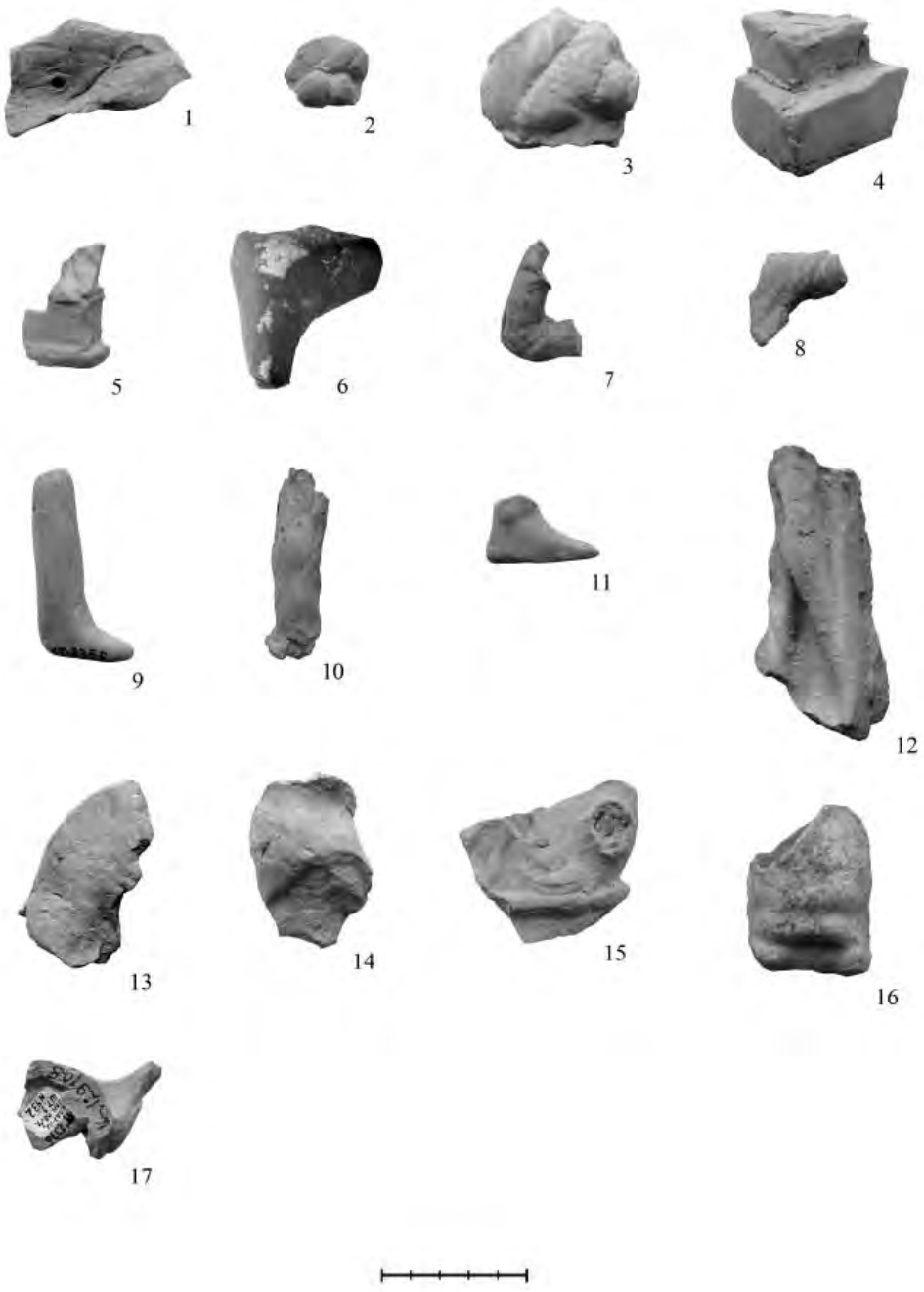


Рис. 6. Фрагменты терракот из антового храма в Пантикапее: 1 – 17 (фото автора).

Е.В. ФОКЕЕВА
E.V. FOKEEVA

ПРОБЛЕМА АТРИБУЦИИ ЖЕНСКОЙ ГЕРМЫ ИЗ КЕРЧЕНСКОГО МУЗЕЯ[1]

HERM OF A GODDESS FROM THE KERCH MUSEUM: STYLE AND DATE

Внимание исследователей уже более ста лет привлекает герма из собрания Керченского историко-археологического музея (рис. 1,А-Г). «Мраморный женский бюст», случайно найденный на горе Митридат, упоминается в докладе о действиях Императорской археологической комиссии за 1883/4 г. (ОАК 1882–1888, с. XXXIII). В.Ф. Гайдукевич писал о герме в связи с предполагаемой локализацией святилища Деметры на северном склоне горы Митридат и описывал скульптуру как «большой мраморный бюст Деметры <…> являющийся хорошей копией римского времени с оригинала IV в. до н.э.» [Гайдукевич, 1949, с. 158–159]. Позднее была предложена датировка копии началом или серединой II в. н.э.; основой для этой гипотезы послужило то, что скульптура выполнена с применением буравчика: эта черта считалась характерной для скульптуры времени Антонинов [Иванова, 1951, с. 191–195]. Г.И. Соколов считал, что можно говорить о подлинной греческой работе IV или даже V в. до н.э. [Соколов, 1973, с. 62; Соколов, 1999, с. 30]. Е.И. Илларионшкина в каталоге Керченского музея определяет ее IV в. до н.э., сохраняя эту дату все-таки под вопросом [Античная скульптура, 2004, с. 74,75].

Таким образом, разброс в датировке памятника в исследованиях велик – от V в. до н.э. до II в. н.э. В настоящее время сложилось представление о некоторых общих закономерностях эволюции гермы как своеобразного типа скульптуры. Рассмотрение памятника на этом фоне позволяет ярче выделить его художественные особенности.

В самом общем виде давая определение герме как типу скульптуры, можно сказать, что это четырехугольный столб с объёмным завершением в виде бюста или полуфигуры. На лицевой стороне изваяния часто располагалась надпись.

Понятие «герма» имеет отношение к нескольким видам искусства: скульптуре, мелкой пластике (терракоте) [Lullies, 1931, S. 15,16,66,71–72,73,79–81; Силантьева, 1974, № 157–159 с. 31, табл. 35,1–3; В.Д. Кузнецов, 2015, с. 115–117, рис.1], вазописи, где она часто являлась мотивом росписи [Lullies, 1931, S. 26–32,72, Taf. 5];

[1] В настоящее время герма (инв. КЛ-799, К 3565) находится в постоянной экспозиции Историко-археологического музея (Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, г. Керчь). Автор выражает глубокую признательность за содействие при проведении данного исследования главному хранителю музея Н.В. Быковской и заведующей отделом лапидария Н.Л. Кучеревской.

известны изображения герм на монетах (в том числе – боспорских) [Анохин, 1986, с. 149, табл. 11,286].

Важная особенность гермы – то, что ее столб не «подставка для бюста», а часть целого произведения. Сочетание антропоморфной верхней части с простым каменным столбом – специфическая задача, которую ставил перед мастером этот широко распространенный тип скульптуры [Ridgway, 1977, p. 318]. Как отмечает Г. Вреде, заказы на изготовление герм поступали к греческим мастерам в таком количестве, что появилось особое наименование скульптора, его мастерской и искусства [Wrede, 1985, S. 6].

В диалоге «Гиппарх», приписываемом Платону, есть упоминание о гермах с надписями, установленных Гиппархом, сыном Писистрата, на дорогах Аттики [Plat. Hipparch. 228d–229b]. Вероятно, это событие относится к 522 – 514 гг. до н.э., уже после постройки Алтаря Двенадцати богов [Wrede, 1985, S.6]. По данным археологических исследований, каменные гермы существовали в Афинах в начале V в. до н.э. [Harrison, 1965, p. 122, pl. 40,41].

Первые гермы, вероятнее всего, представляли собой культовые изображения Гермеса [Wrede, 1985, S. 2]. Многосторонний характер бога Гермеса, которому первоначально посвящались гермы, лаконичность выразительных средств, традиционность изображений способствовали самому широкому распространению культа герм. Уже в IV в. до н.э. появились гермы и других богов – Геракла, Пана, Афродиты; предполагают, что в виде герм изображали прежде всего тех богов, которые сближались с Гермесом в какой-либо исконно подвластной ему сфере [Harrison, 1965, p.125].

Одна из герм Гермеса, работы скульптора Алкамена, стала известна благодаря нескольким десяткам сохранившихся реплик. Утраченный оригинал датируется 450-440 гг. до н.э.; в связи с этим произведением неоднократно обсуждалась проблема архаистического стиля в античном искусстве [Саверкина, 1986, с. 93-94].

Дж. Поллит по смыслу различает три вида архаизации. Символическая архаизация (emblematic archaism) стремится сделать предмет узнаваемым, придать ему традиционный вид. О репрезентативной архаизации (representational archaism) можно говорить в том случае, когда произведение должно было выглядеть определенным образом в соответствии с правилами, независимо от эстетических предпочтений мастера. Наконец, полная архаизация (comprehensive archaism) направлена на достижение эстетического эффекта, гармоничное объединение архаических черт с элементами более позднего «господствующего» стиля. В случае гермы Алкамена все три понятия сложно разделить [Pollitt, 1986, p. 182]. Черты архаического стиля (фронтальность и статичность фигуры, орнаментальная декоративность) позволяли добиться визуального единства произведения, украсить его и одновременно напомнить зрителю о благочестивых обычаях предков.

Скульпторы поздней классики и эллинизма иногда использовали совершенно иные средства: не сглаживали, но, напротив, обостряли контраст между столбом гер-

мы и ее антропоморфной частью; так, среди герм появились поясные и поколенные изображения, детализированные, натуралистично выполненные [Harrison, 1965, p. 125; Kaltsas, 2001, № 528].

С наступлением римского владычества гермы не утратили своей популярности. У римлян уже имелась собственная своеобразная форма скульптуры – бюсты предков; неудивительно, что гермы легко стали частью и римской традиции. Гермы этого времени отличаются большим разнообразием художественных приемов и их сочетаний.

Появились новые разновидности: например, нехарактерные для Греции, но пользовавшиеся спросом среди римлян неоаттические [Harrison, 1965, p. 125] гермы богини Афины; заказчиком такой скульптуры был, в частности, Цицерон [Cic. Att., I, 10 3]. Известны и трехсторонние гермы, где женское лицо интерпретируется как лицо Деметры или Коры; они датированы I в. до н.э. – I в. н.э. [LIMC III, “Dionysos” № 535, 536, p. 468].

Следует заметить, что некоторые гермы римского времени, предназначенные для украшения гимнасиев и вилл, фактически превратились в разновидность декоративной скульптуры. В первую очередь это относится к гермам – копиям статуй и портретным гермам, которые изображали греческих философов, поэтов и политических деятелей. Считается, что выбор скульптурной формы для портрета не случаен: гермы традиционно устанавливались в древнегреческих гимнасиях и связаны с почитанием Гермеса как бога слова, мышления, речи [Wrede, 1985, S. 20; Dillon, 2012, p. 30-31]. Однако существовали и такие произведения, как найденная на вилле Папирусов герма Дорифора работы скульптора Аполлония (середина I в. н.э., Неаполь, Национальный археологический музей). Изменение функции герм сказалось на значении самого термина: если греческое слово обозначает культовое изображение Гермеса, то латинское herma относится прежде всего к разновидности скульптуры и может обозначать изваяния других богов и людей [Wrede, 1985, S. 6].

На территории Боспорского царства монументальные гермы встречаются относительно редко. Интерпретация этих произведений, изготовленных из разных материалов, обнаруженных на большом расстоянии друг от друга, нередко вне археологического контекста, требует большой осторожности: ведь проследить их собственную непрерывную линию развития не представляется возможным. Дополнительно затрудняет атрибуцию плохое состояние сохранности памятников. С учетом всех этих обстоятельств изучение каждой гермы требует индивидуального анализа.

Верхняя часть монументальной (высота сохранившегося фрагмента – 0,76 м) женской гермы (рис. 1), известной сейчас как герма Деметры, была найдена в Керчи случайно. С. И. Веребрюсов написал в рапорте: «6 декабря керченский мещанин Савелий Борзых доставил в музей случайно найденную им в каменных завалах на г. Митридат, за городским кладбищем, мраморную герму вышиною до 1 арш. 4 вершков, представляющую женский бюст увеличенного размера, с венком вокруг чела; правильно

извивающимися рядами на голове волосы спускаются назади широким ровно подрезанным пластом; на заплечьях – остатки обитых локон. К сожалению, лицо бюста обезображено. По поводу этой находки, несмотря на сильные морозы, немедленно было приступлено к расследованию площади за южной оградой кладбища на пространстве до 24 квадратных сажен. Посреди раскрытой площади разбросаны остатки фундамента древней четырехугольной постройки, расположенной соответственно странам горизонта, в форме двухсаженного квадрата, между нагроможденными в беспорядке дикарных камней. Открыты плиты из твердого известняка и мелкие мраморные обломки, принадлежавшие древнему сооружению, расположение которого может разъясниться только впоследствии» [Веребрюсов. Архив ИИМК, Ф.1, Д. 7 (1882), Л. 24-25].

В марте 1883 г. С.И. Веребрюсов обследовал «плоскость на пространстве до 400 кв. саж., вокруг места первоначальной находки бюста и плит. По всей этой плоскости, на глубине 1 ¾ – 2 арш. большое количество камня, то в виде разбросанных масс, то в виде остатков от фундаментов бывших здесь когда-то построек». [Веребрюсов. Архив ИИМК, Ф.1, Д.3 (1883), Л. 36-37].

К сожалению, точный план и назначение древнего сооружения, а также возможную связь гермы с этим зданием выяснить не удалось.

Герма выполнена из белого мрамора и представляет собой погрудное (типа бюста) изображение богини в венке, ориентированное фронтально, без наклонов и поворотов. Волосы надо лбом разделены пробором и забраны назад, за ушами они спускаются на спину единой массой; по два симметрично расположенных локона спускаются на грудь по обеим сторонам широкой прямой шеи. Надо лбом имеется утрата, затрагивающая место стыковки правой и левой половины венка, верхняя часть венка также сбита; отсутствуют свободные части локонов. Сильно повреждено лицо (глаза, губы), полностью утрачен нос, отбиты мочки ушей. Левый передний угол гермы сколот. На правой боковой стороне основания имеется скол, частично затронувший заднюю стенку прямоугольного углубления. С левой боковой стороны в нижней части основания имеется гладкое округлое углубление, – возможно, природный дефект камня.

Столб гермы не сохранился. Однако, судя по конфигурации нижней части мраморного бюста, он либо был составным, либо закреплялся в базе при помощи выступа. Такой способ установки на Боспоре известен, в частности, на примере надгробных стел [Боспорские надгробия, 2009, № 10, с. 39; № 16, с. 52; № 17, с. 53; № 19, с. 55]. Традиция изготовления герм из нескольких отдельных фрагментов известна уже в классическую эпоху, но особенное распространение этот прием получил в римское время, когда популярными оказались комбинации различных материалов [Wrede, 1985, S. 12].

Несмотря на множественные сколы и следы выветривания, уцелели небольшие участки поверхности, позволяющие судить о первоначальной фактуре обработки мрамора. На висках у границы с объемными прядями волос, на шее и груди сохра-

нились гладко отполированные участки. Слева на боковой стороне шеи, у перехода к пласту волос, спускающихся на спину, хорошо заметны тонкие параллельные линии: следы инструмента скульптора, вероятнее всего, рашпиля (рис. 2). Такие следы особенно характерны для скульптуры IV в. до н. э. и римского периода [Palagia, 2011, p. 254–256]. Боковые поверхности бюста ниже плеч сильно повреждены; возможно, они были суммарно обработаны шпунтом.

Задняя поверхность столба выровнена, не имеет следов инструментов и не отполирована. Нет следов полировки и на волосах. На темени волнистые пряди плотно прилегают к голове и из-под венка сбегают на спину параллельными плоскими локонами примерно одинаковой ширины. Задняя грань гермы идёт вертикально; волосы заканчиваются ровной, сглаженной горизонтальной линией. Обрамляющие лицо пряди объемны, хотя и показаны в невысоком рельефе. Их рисунок несимметричен и суховат.

Венок, украшающий голову богини, состоит из двух ветвей, концами переплетенных на затылке. Стилизованные ланцетовидные листья сохранившейся нижней половины венка гладко прилегают к прядям волос и слабо выступают над ними, частично повторяя ритмический рисунок графично обозначенных прядей. Сами ветви выступают несколько сильнее; заметны следы верхнего ряда листьев венка – примерно той же ширины, что и сохранившийся нижний; но о точном объёме и форме верхней части венка, равно как и о месте стыковки ветвей спереди, судить не представляется возможным из-за утрат.

Овал лица представленного персонажа широкий, мягко очерчен. Лоб треугольный, гладкий. Глаза большие, широко поставленные, с четкими плавными линиями верхних век. Глазные яблоки слабо выступают. Рот невелик, уголки губ выполнены с использованием бурава.

Уши небольшие, низко расположенные. Нижняя челюсть под прямым углом переходит в длинную и широкую (что особенно заметно в профиль) четырехгранную шею. Спереди заметна ключичная ямка, пластически подчеркнуто основание шеи. Ниже наклонная передняя поверхность грудной клетки плавно переходит в вертикальную грань столба.

Таким образом, данный памятник обладает своеобразным сочетанием стилистических и иконографических признаков. Архаистические черты, вообще характерные для герм, в данном случае проявляются в строгой фронтальности, симметрии и в способе трактовки волос богини. Распущенные волосы и симметрично лежащие на плечах локоны напоминают архаических кор. Вместе с тем вид гермы с оборотной стороны (рис. 1Б) – ровно обрезанный пласт волос, резкий рисунок волнистых прядей – вызывает в памяти реплики герм Алкамена [Willers, 1967, S. 48–50, abb. 10].

Отдельные черты строгого стиля можно усмотреть в том, как показаны плоскости, моделирующие лицо, с явно выраженными переходами между ними. Низко расположенные ушные раковины напоминают скульптуру времени высокой классики. В то же время мягкие очертания широко расставленных глаз ближе к стилю поздней

классики. Из-за сочетания элементов разновременных стилей, сухой трактовки форм создается впечатление холодности, свойственной римским репликам древнегреческих памятников.

Интересно, что некоторые особенности гермы (широкая шея, дополнительно усиленная сзади пластом волос; необычная прическа со сложным рисунком прядей) встречаются и в архитектурной скульптуре. Дж. Бордмен, в частности, отмечает массивность кариатид Эрехтейона [Boardman, 1991, p. 148-149], оказавших несомненное влияние на последующее развитие античной скульптуры.

У гермы из Керченского музея есть определенное сходство, в том числе и стилистическое, с колоссальными парными кариатидами из Элевсинского святилища, выполненные в 54 г. до н.э. по заказу Аппия Клавдия Пульхра для внутренних пропилей. Считается, что кариатиды изображают жриц в церемониальной одежде, с 8-образным поясом, украшенным маской горгоны. Верхняя часть одной такой скульптуры была найдена Е.Д. Кларком в 1801 г. и сейчас находится в музее Фитцуильяма (Кембридж). Сохранившаяся высота её – 2, 09 м. [Vassilika, 1998, p. 96]. Голова кариатиды слегка повернута вправо, в сторону парной статуи. Руки девушки подняты, капитель над её головой выполнена в виде ритуального сосуда (цисты). Овал лица кариатиды, моделировка подбородка и шеи напоминают герму богини из Керченского музея, но прическа несколько отличается: пряди показаны более объемными, крупными волнами. Надо лбом волосы разделены пробором и забраны назад; ниже затылка распущенные пряди перехвачены лентой и ложатся вдоль мощной шеи ровным пластом.

Внешнее сходство гермы и кариатид, очевидно, обусловлено разными причинами: если в случае гермы их можно объяснить традицией и эстетическими предпочтениями, то для архитектурной скульптуры первостепенное значение имеет ее несущая функция и тектоника. Однако даже внешнее сходство позволяет предположить, что при изготовлении гермы женского божества кариатида теоретически могла послужить источником заимствования.

Рассматривая иконографию гермы богини из Керченского музея, следует заметить, что изображения Деметры или Коры в венке хорошо известны. К их числу относится живопись плафона в кургане Большая Близница [Ростовцев, 1913, табл. VII, VIII; Ростовцев, 1914, с. 18], а также чеканные изображения богинь на золотых пластинах [Ростовцев, 1913, табл. IX] (рис. 3А,Б). Деметра с факелом (рис. 3А) представлена на одной из пластин без покрывала и в пышном венке из ветвей растения с узкими, часто расположенными листьями; голова Коры (рис. 3Б) украшена колосками.

Существуют также композиционно сходные с росписью из кургана Большая Близница изображения элевсинских богинь в венках на терракотовых рельефах из коллекции Кампана, относящихся к гораздо более позднему времени (I в. н.э.) [Rohden, Winnefeld, 1911, IV (1) S. 248; IV (2) Taf. XX.].

Можно предположить, что герма богини в венке интерпретируется как изображение Деметры на основании сходства стилизованных ветвей венка с колосьями.

Несмотря на некоторое сходство иконографии, различия в археологическом контексте находок существенны. Полной аналогии гермы из Керченского музея не встречалось; кроме того, она лишена специфических атрибутов и надписей, которые бы позволили с уверенностью идентифицировать изображение.

Известно, что в ряде античных произведений (например, в неоаттических рельефах) элементы разных стилей целенаправленно подбираются для того, чтобы добиться определенного впечатления и соответствия изображаемому сюжету. Монументальность гермы из Керченского музея, использование элементов архаистического и классицизирующего стиля наводят на мысль о том, что изображено именно божество. Архаический стиль применялся «для придания скульптуре большей древности, «строгий» – для отображения мифологического бытия или событий, классицизирующий – для образов божеств, эллинизирующий – для передачи эпических историй»; причем стили могли и смешиваться [Савостина, 2012, с. 77]. К этому следует прибавить, что уже в IV в. до н.э. в распоряжении мастеров-скульпторов имелось огромное количество образцов для подражания и копирования. Герма богини из Керченского музея может быть репликой некоего известного в древности, но пока не определимого статуарного изображения, процитированного, по римскому обыкновению, в форме гермы-бюста. Возможно, речь идет о копировании элементов не одного, а нескольких произведений, в том числе архитектурной скульптуры, в сочетании с использованием местных мотивов.

Техника обработки мрамора сама по себе не дает основания для датировки гермы II в. н.э. Однако стилистическая неоднородность и эклектичность памятника всё же позволяет предположить, что он был создан в I в. до н.э. – I в. н.э.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Веребрюсов С.И. Рапорт директора Керченского музея древностей в ИАК № 2 от 7 января 1883 г. // Архив ИИМК РАН. Ф.1. Д. 7 Л. 24-25 (1882).

Веребрюсов С.И. Журнал изысканий, произведенных директором Керченского музея древностей в окрестностях г. Керчи и на Таманском п-ве с 15 марта по 1 ноября 1883 г.// Архив ИИМК РАН. Ф.1.Д. 3 Л. 36-37(1883).

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 622 с.

Кузнецов В.Д. Герма из раскопок Фанагории // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности: к 70-летию В.П. Толстикова. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. С. 115–117.

Иванова А.П. Местные мотивы в декоративной скульптуре Боспора // СА, XV. М., 1951. С. 191–195.

Матковская Т., Зинько Е., Илляриошкина Е. и др. Античная скульптура из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Т.1. / Под науч. ред. Л.И. Давыдовой. К.: Мистецтво, 2004. 256 с.

Матковская Т., Твардецки А., Тохтасьев С., Бехтер А. Боспорские надгробия II в. до н. э. – III в. н. э. Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Лапидарная коллекция. Книга 2. Часть I=Супплемент I Bulletin of the National Museum in Warsaw, Киев-Варшава. : Мистецтво, 2009. 496 с.

Доклад о действиях Императорской археологической комиссии за 1883/4 г. // Отчет Императорской археологической комиссии за 1882–1888 годы, с. XXV-LVIII.

Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. СПб. : Императорская археологическая комиссия, 1913. 112 с.

Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Текст. – СПб. : Императорская археологическая комиссия, 1914. 537 с.

Саверкина И.И. Греческая скульптура V в. до н.э. в собрании Эрмитажа: оригиналы и римские копии. Каталог. Л. : Искусство, 1986. 160 с.

Савостина Е.А. Эллада и Боспор. Симферополь-Керчь : АДЕФ-Украина, 2012. 390 с.

Соколов. Г.И. Античное Причерноморье. Памятники архитектуры, скульптуры и искусства. Л. : Аврора, 1973. 191с.

Соколов Г.И. Искусство Боспорского царства. М. : МЭИ, 1999. 530с.

Силантьева П.Ф. Терракоты Пантикапея // САИ. 1974. Г1-11. Ч. III. Терракотовые статуэтки. С. 5–37.

Boardman J. Greek Sculpture: The Classical Period. London, Thames&Hudson, 2005. 252 p.

Dillon S. Ancient Greek Portrait Sculpture: Contexts, Subjects, and Styles. New York, Cambridge University Press, 2006. 217 p.

Gaspari C. Dionysos // LIMC. Vol. III. Zürich, München, Düsseldorf : Artemis & Winkler Verlag, 1986. S. 414–514.

Harrison E. Athenian Agora Vol. 11 Archaic and Archaistic Sculpture. – Princeton, NJ, American School of Classical Studies at Athens, 1965. pp. iii-ix+xi-xix+1–192.

Kaltsas N. Ethniko Archaiologiko mouseio. Ta Glypta. Katalogos. Athena : Kapon, 2001. 375 p.

Lullies R. Die Typen der griechischen Herme. Gräfe und Unzer, Königsberg, 1931.

Palagia O. Marble Carving Techniques // Greek Sculpture: Function, Materials, and Techniques in the Archaic and Classical Periods. Cambrige, 2006. P.243–279.

Pollitt J.J. Art in the Hellenistic Age. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 329 p.

Rohden H. von, Winnefeld H. Architektonische römische Tonreliefs der Kaiserzeit, Die antiken Terrakotten Bd.IV (1). Text. Berlin, Stutgart : Verlag von V. Spemann, 1911 318 S. Available at: http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/rohden1911a (accessed: 31.01.2016)

Rohden H. von, Winnefeld H. Architectonische römische Tonreliefs der Kaiserzeit, Die antiken Terrakotten Bd.IV(2). Tafeln. Berlin, Stutgart : Verlag von V. Spemann, 1911. CXLIII Taf. Available at: http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/stradonitz1911 (accessed: 31.01.2016).

Rigdway B.S. The Archaic Style in Greek Sculpture. Princeton, N.J. : Princeton University Press, 1977. xix, 336 p.

Vassilika E. Greek and Roman Art / Fitzwilliam Museum Handbooks. Cambrige University Press, 2006. 136 p.

Willers D. Zum Hermes Propylaios des Alkamenes // JDAI, 1967 Band. 82. S. 38–109.

Wrede H. Die Antike Herme. Mainz am Rhein.: P. von Zabern, 1985. 96 S.

REFERENCES

Verebriusov S.I. Raport direktora Kerchenskogo muzeia drevnostei v IAK №2 ot 7 ianvaria 1883 g. *Arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi akademii nauk.* F.1. D. 7 L. 24–25.

Verebriusov S.I. Zhurnal izyskanii, proizvedennykh Direktorom Kerchenskogo Muzeia Drevnostei v okrestnostiakh g.Kerchi i na Tamanskom p-ove s 15 marta po 1 noiabria 1883 g. *Arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi akademii nauk.* F.1.D. 3 L. 36–37.

Gaidukevich V.F. Bosporskoe tsarstvo. Moscow-Leningrad : Akademii nauk SSSR Publ., 1949, 622 p.

Kuznetsov V.D. Germa iz raskopok Fanagorii. *S Mitridata duet veter. Bospor i Prichernomor'e v antichnosti: k 70-letiiu V.P. Tolstikova.* Moscow, Universitet Dmitriia Pozharskogo, 2015, pp. 115-117.

Ivanova A.P. Mestnye motivy v dekorativnoi skul'pture Bospora *Sovetskaia arkheologiia,* XV. Moscow, 1951, pp. 191–195.

Matkovskaia T., Zin'ko E., Illarioshkina E. i dr. *Antichnaia skul'ptura iz sobraniia Kerchenskogo gosudarstvennogo istoriko-kul'turnogo zapovednika.* T.1. Davydova L.I. (Ed.). Kiev, Mistetstvo Publ., 2004, 256 p.

Matkovskaya T., Twardecki A., Tokhtasev S., Bekhter A. *Bosporan Funerary Stelae 2nd century BC - 3rd century AD, From the Collection of the Kerch History and Culture Reserve, Lapidary Collection*, vol. III, book 2, part 1=Supplement I Bulletin of the National Museum in Warsaw, Russian-English bilingual edition. Kiev-Warsaw, Mistetstvo Publ., 2009, 496 p.

Doklad o deistviiakh Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii za 1883-4 g. *Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii za1882-1888 gody.* 1891, pp. XXV–LVIII.

Rostovtsev M.I. *Antichnaia dekorativnaia zhivopis' na iuge Rossii. Atlas.* St.Petersburg, Imperatorskaia Arkheologicheskaia komissiia, 1913, 112 p.

Rostovtsev M.I. *Antichnaia dekorativnaia zhivopis' na iuge Rossii. Tekst*. St.Petersburg, Imperatorskaia Arkheologicheskaia komissiia, 1914, 537 p.

Saverkina I.I. *Grecheskaia skul'ptura V v. do n.e. v sobranii Ermitazha: originaly i rimskie kopii. Katalog*. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1986, 160 p.

Savostina E.A. *Ellada i Bospor.* Simferopol'-Kerch', ADEF-Ukraina Publ., 2012, 390 p.

Sokolov. G.I. *Antichnoe Prichernomor'e. Pamiatniki arkhitektury, skul'ptury i iskusstva.* Leningrad, Avrora Publ., 1973, 191c.

Sokolov G. I. *Iskusstvo Bosporskogo tsarstva.* Moscow, MEI Publ., 1999, 530 p.

Silant'eva P.F. Terrakoty Pantikapeia. *Svod arkheologicheskikh istochnikov. Terrakotovye statuetki,* G1-11, Part III, 1974, p. 5–37.

Boardman J. *Greek Sculpture: The Classical Period.* London, Thames&Hudson, 2005, 252 p.

Dillon S. *Ancient Greek Portrait Sculpture: Contexts, Subjects, and Styles.* New York, Cambridge University Press, 2006, 217 p.

Gaspari C. LIMC. Vol. III. "Dionysos", 1986, S. 414–514.

Harrison E. *Athenian Agora Vol. 11 Archaic and Archaistic Sculpture.* Princeton, NJ, American School of Classical Studies at Athens, 1965, pp. iii-ix+xi-xix+1–192.

Kaltsas N. *Ethniko Archaiologiko mouseio. Ta Glypta. Katalogos.* Athena, Kapon, 2001, 375 p.

Lullies R. *Die Typen der griechischen Herme*. Gräfe und Unzer, Königsberg, 1931, 90 p.

Palagia O. Marble Carving Techniques. *Palagia O. (Ed.). Greek Sculpture: Function, Materials, and Techniques in the Archaic and Classical Periods.* Cambrige, Cambridge University Press, 2006, p. 243–279.

Pollitt J.J. *Art in the Hellenistic Age*. Cambridge, Cambridge University Press, 1986, 329 p.

Rohden H. von, Winnefeld H. *Architektonische römische Tonreliefs der Kaiserzeit , Die antiken Terrakotten* Bd. IV (1). Text. Berlin, Stutgart, Spemann, 1911. Available at: http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/rohden1911a (accessed: 31.01.2016)

Rohden H. von, Winnefeld H. *Architectonische römische Tonreliefs der Kaiserzeit, Die antiken Terrakotten* Bd. IV(2). Tafeln. Berlin, Stutgart, Spemann, 1911. Available at: http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/stradonitz1911 (accessed: 31.01.2016).

Rigdway B.S. *The Archaic Style in Greek Sculpture*. Princeton, N.J., Princeton University Press, 1977, xix, 336 p.

Vassilika E. *Greek and Roman Art*, Fitzwilliam Museum Handbooks. Cambrige, Cambrige University Press, 2006. 136 p.

Willers D. Zum Hermes Propylaios des Alkamenes. *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts,* 1967, Band 82, S. 38–109.

Wrede H. Die Antike Herme. Mainz am Rhein.: P. von Zabern, 1985, 96 S.

Резюме

Мраморная женская герма была случайно найдена в Керчи, на горе Митридат, в 1883 г. Предлагались различные датировки памятника: от V в. до н.э. до II в. н.э. В статье памятник проанализирован и рассмотрен в контексте закономерностей эволюции гермы как типа античной скульптуры. Нередко герма бывает репликой (в форме гермы-бюста) более раннего

и часто знаменитого статуарного изображения. Особенностью же рассматриваемой гермы является её стилистическая неоднородность: возможно, здесь сочетаются элементы нескольких разновременных и разнородных произведений, используемых наряду с местными боспорскими мотивами. Эклектичность произведения дает основание предполагать, что оно было создано в I в. до н.э. – I в. н.э.

Ключевые слова: герма, античная скульптура, архаистический стиль, атрибуция, искусство Боспора, Керченский музей.

Summary

An upper part of a heavily damaged herm was accidentally found on the Mount Mithridates (Kerch, the Crimea) in 1883. Larger than life-size (h. 0.76 m) marble bust has a pin for securing in the base. The herm represents a goddess with a wreath on her head and is known as 'The Herm of Demeter'. By some scholars it is considered to be an original Greek work of the V- IV century BC or the II century AD Roman copy. It seems that the goddess is supposed to be Demeter because of the spike-shaped branches of her wreath. This identification is generally accepted, but the herms of Demeter are not numerous, and there is no evidence of their existence in Classical period. The style of the Herm is eclectic and includes more classicising than classical traits. Moreover, the hairstyle of the goddess is similar to the archaistic herm of Hermes by Alkamenes. Uncommon appearance of the herm suggests the later date than Classical period. The herm may have more than one prototype and probably was made in the I century BC - I century AD.

Key words: herm, attribution, ancient sculpture, archaistic style, Bosporan art, Kerch museum.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Фокеева Екатерина Валериевна,
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ),
кафедра истории искусства древнего мира и средних веков
125993, ЦФО, Москва, Миусская площадь, д.6, ГСП-3,
ассистент,
(7)916-0951472.
evfokeeva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Fokeeva Ekaterina V.,
Ass. Prof.
Art History Department
Russian State University for the Humanities
Miusskaya sq. 6, Moscow, GSP-3, 125993, Russia,
(7)916-0951472.
evfokeeva@mail.ru

А

Б

В

Г

Рис. 1 *А–Г*. Герма Деметры.
Мрамор. Высота 0,76 м. Восточно-Крымский историко-археологический музей-заповедник. Инв. КЛ-799, К3565 (рис. 1 *А–В* – из фондов Керченского историко-археологического музея, рис. 1*Г* – фото автора).

Рис. 2. Герма Деметры.
Деталь левой боковой стороны шеи. Фактура поверхности: полировка,
следы инструмента скульптора (рашпиль) (фото автора).

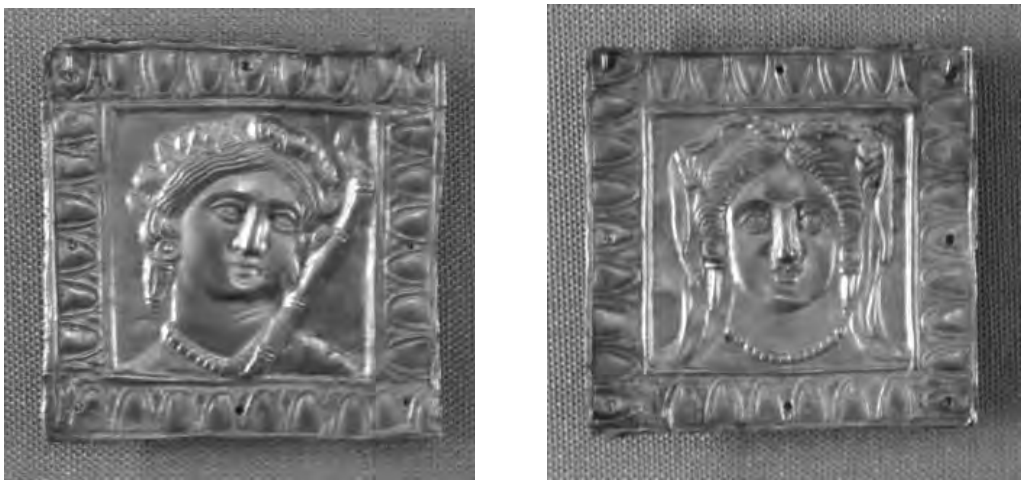


Рис. 3. Золотые пластины из кургана Большая Близница с изображениями Деметры (А) и Коры (Б).
IV в. до н.э. Государственный Эрмитаж (фото автора).

С.Б. ЛАНЦОВ, М.С. ШАПЦЕВ
S.B. LANTSOV, M.S. SHAPTSEV

«МЕГАРСКИЕ» ЧАШИ ИЗ СБОРОВ И РАСКОПОК А.С. ГОЛЕНЦОВА В 70 – 90-х гг. XX В. НА ГОРОДИЩЕ КУЛЬЧУК[1]

MEGARIAN BOWLS FROM A.S. GOLENTSOV'S COLLECTING AND EXCAVATION IN 70 – 90TH OF XX CENTURY ON THE SETTLEMENT KULCHUK

В 2011 г. при работе в фондах Историко-археологического заповедника «Калос-Лимен» в пгт Черноморское Республики Крым авторами статьи были выявлены 23 фрагмента так называемых «мегарских» чаш с городища Кульчук. Три фрагмента относятся к подъёмному материалу, собранному в 1972 г., один фрагмент не промаркирован, 19 происходят из раскопок А.С. Голенцова на указанном городище в 1989–1990 гг.

Многослойное кульчукское городище расположено в Северо-Западном Крыму в 2,5 км к югу от села Громово Черноморского района на черноморском берегу. В IV – II вв. до н.э. поселение относилось к хоре Херсонеса. Во II в. до н.э. – I в. н.э. оно принадлежало крымским скифам. В VIII – X вв. н.э. здесь жили носители салтово-маяцкой археологической культуры. За годы раскопок на памятнике были обнаружены разнообразные категории находок материальной культуры, требующие публикации, среди которых и так называемые «мегарские» чаши.

Этот вид поздней эллинистической рельефной столовой посуды с лаковым покрытием всегда привлекал пристальное внимание исследователей, в первую очередь, в силу своего художественного изящества и кратковременности моды на подобные сосуды, что делает их бесценными хронологическими индикаторами при датировке комплексов. Очень важными представляются не вполне решенные проблемы определения всех центров производства таких чаш, путей их распространения в Крыму, не исчерпаны возможности выделения местных подражаний импортным образцам и др. До недавнего времени обнаруженный нами в фондах вышеуказанный керамический материал оставался необработанным, подготовлен он к публикации в связи с работой над одной из новых государственных плановых тем отдела античной археологии Института археологии Крыма РАН.[2] В ходе изучения двух отчетов А.С. Голенцова выяснилось, что сверх просмотренных нами в музее фрагментов им было зафиксировано еще 7 фрагментов чаш [Голенцов, 1989,

[1] Благодарим сотрудников Крымского республиканского учреждения «Историко-археологический заповедник «Калас-Лимен» за помощь при работе в фондах заповедника.

[2] Плановая тема № 1005 – 2015 - 0004: «Кросскультурные связи населения греческих городов Северо-Западного и Восточного Крыма, Причерноморья и Средиземноморья и их варварской периферии».

л. 26–54; 1990, рис. 52]. В отчете 1989 г. интересующие нас фрагменты прорисованы не были, о них только упоминалось в полевой описи, по которой вещи удалось идентифицировать. В отчете 1990 г. находки отражены в описи и графически зафиксированы, но, по большей части, не известно, где находятся. Общее количество учтенных экземпляров составило 30 единиц, которые публикуются впервые. Второй частью предполагалось издать фрагменты «мегарских» чаш из наших раскопок Кульчукского городища, которые проводятся начиная с 2006 г. по примеру раздельного издания старых и новых коллекций Керченского историко-культурного заповедника [Grzegrzolka, 2010, s. 8]. Подготовка к изданию «мегарских» чаш из старых сборов и раскопок А.С. Голенцова остановилась на уровне подготовки каталога. Именно он был закончен, когда безвременно трагически оборвалась жизнь одного из авторов М.С. Шапцева в ночь со 2 на 3 февраля 2016 г., в возрасте 30 лет. Светлая ему память.

КАТАЛОГ.

1. Кул-72/4; (рис. 3,1)[3]. Подъёмный материал. Фрагмент венчика с туловом чаши, бордюр украшен крупными шестилепестковыми розетками, средняя зона – схематическим изображением виноградной лозы, придонная – листьями аканфа. Лак плотный, глянцевый, красно-коричневого цвета, местами переходящего в графитовый. Глина плотная, светло-коричневого цвета, с примесью слюды. Подобный орнамент характерен для так называемой милето-эфесской группы. Фрагмент может быть датирован серединой – третьей четвертью II в. до н.э. [Турова, Коваленко, 2005, с. 343–344; Шапцев, 2008, с. 330].

2. Кул-72/5; (рис. 4,2). Подъёмный материал. Фрагмент тулова чаши, в верхней зоне изображен растительный орнамент, в нижней – листья аканфа и ланцетовидные листья лотоса. Лак плотный, глянцевый, красно-коричневого цвета, местами переходящего в бурый. Глина плотная, светло-коричневого цвета, с примесью слюды. Характер декора, в частности использование в орнаменте изображения листьев аканфа, указывает на принадлежность публикуемой чаши к милето-эфесской группе, датируемой второй четвертью – серединой II в. до н. э. [Турова, Коваленко, 2005, с. 344].

3. Кул-72/6; (рис. 3,2). Подъёмный материал. Фрагмент венчика чаши, в верхнем бордюре расположен переплетающийся меандр, в нижнем – остатки ов. Лак плотный, глянцевый, красно-коричневого цвета, местами переходящего в графитовый. Глина плотная, светло-коричневого цвета, с примесью слюды. Этот фрагмент принадлежит чаше ионийского производства. Для данной группы чаш характерно распределение орнамента по горизонтальным зонам и прямой венчик [Внуков, Коваленко, 1998, с. 70; Шапцев, 2008, с. 332]. Данный фрагмент можно датировать серединой – третьей четвертью II в. до н. э.

[3] Все рисунки выполнены сотрудником Донузлавской экспедиции П.П. Гецко.

4. Кул-89/19; (рис. 4,5). Фрагмент тулова чаши, в бордюре изображены розетки, под ними расположены пальметта и дельфин в геральдической позе. Лак плотный, глянцевый, красно-коричневого цвета. Глина плотная, светло-коричневого цвета, с примесью слюды. Вероятнее всего, данный фрагмент принадлежит чаше, изготовленной в эолийском городе Кимы. Для чаш этого центра характерно изображение дельфинов в геральдической позе. Находки чаш, произведённых в Кимах, крайне редки в Северном Причерноморье. Их насчитывают не более десятка фрагментов и целых сосудов. Датируются они третьей четвертью II в. до н. э. [Турова, Коваленко, 2005, с. 341].

5. Кул-89/83; (рис. 4,1). Фрагмент венчика чаши, в верхнем бордюре изображены овы, в нижнем – повторяющиеся побеги. Лак плотный, глянцевый, бурого цвета. Глина плотная, светло-коричневого цвета, с примесью слюды. Фрагмент чаши эфесского производства. Для эфесских чаш характерен прямой или вогнутый венчик, деление орнамента по горизонтальным зонам и невысокий рельеф. Датируется фрагмент серединой – третьей четвертью II в. до н. э. [Внуков, Коваленко, 1998, с. 66].

6. Кул-89/210; (рис. 2,5). Фрагмент тулова чаши, в бордюре изображены овы, в средней части – остатки сцены охоты (собака, бегущая за зайцем), придонная часть, по-видимому, была украшена растительным орнаментом. Лак плотный, глянцевый, бордюр покрыт лаком бурого цвета, ниже бордюра фрагмент покрыт лаком красно-коричневого цвета. Глина плотная, светло-коричневого цвета, с примесью слюды. Как и предыдущий, этот фрагмент принадлежит сосуду эфесского производства и датируется также серединой – третьей четвертью II в. до н. э. [Внуков, Коваленко, 1998, с. 66].

7. Кул-89/555; (рис. 3,3). Фрагмент тулова чаши, верхняя часть украшена изображениями дельфинов в геральдической позе, развёрнутых хвостами друг к другу, в нижней орнаментальной зоне изображены пальмовые листья и ланцетовидные листья лотоса. Лак плотный, глянцевый, красно-коричневого цвета. Глина плотная, светло-коричневого цвета, с большой примесью слюды. Как и фрагмент № 4, данная чаша была произведена в Эолии, в городе Кимы, и датируется третьей четвертью II в. до н. э. [Турова, Коваленко, 2005, с. 341].

8. Кул-89/556; (рис. 1,2). Фрагмент тулова чаши. На нем сохранился растительный орнамент и изображение медузы (?). Лак плотный, глянцевый, красно-коричневого цвета. Глина плотная, светло-коричневого цвета, с примесью слюды. Судя по лаковому покрытию и глине, а также невысокому рельефу, вероятнее всего, сосуд эфесского производства и датируется серединой – третьей четвертью II в. до н. э.

9. Кул-89/628; (рис. 3,4). Фрагмент венчика чаши. На нем сохранилась часть бордюра, орнаментированного меандром. Лак плотный, глянцевый. Бортик и бордюр покрыты лаком бурого цвета, ниже бордюра фрагмент покрыт лаком красно-коричневого цвета. Глина плотная, светло-коричневого цвета, с примесью слюды. Этот фрагмент также принадлежит чаше эфесского производства и датируется серединой – третьей четвертью II в. до н. э.

10. Кул-89/637; (рис. 4,3). Фрагмент венчика чаши. Сохранилась часть бордюра с меандром. Лак плотный, глянцевый, чёрного цвета. Глина плотная, красно-коричневого цвета, с примесью слюды. Обломок аналогичен фрагменту сосуда № 9.

11. Кул-89/663; (рис. 2,4). Фрагмент венчика чаши, в бордюре изображены восьмилепестковые розетки. Лак плотный, глянцевый, красно-коричневого и бурого цветов. Глина рыхлая, светло-коричневого цвета, с примесью слюды. Вогнутый венчик и наличие растительных розеток подобной формы указывают на ионийское происхождение сосуда. Он датируется приблизительно серединой II в. до н. э. [Внуков, Коваленко, 1998, с. 69].

12. Кул-89/664; (рис. 1,5). Фрагмент венчика чаши со следами ремонта, в верхнем бордюре изображён меандр, в нижнем сохранились остатки ов. Лак плотный, глянцевый, чёрного цвета. Глина плотная, красно-коричневого цвета, с примесью слюды. Обломок аналогичен фрагменту чаши № 3.

13. Кул-89/670; (рис. 2,1). Фрагмент венчика чаши, в бордюре изображены повторяющиеся побеги, в нижней части – побеги плюща. Лак плотный, глянцевый, красно-коричневого цвета. Глина рыхлая, светло-коричневого цвета, с примесью слюды. Форма венчика и характер орнамента, а также глина и лаковое покрытие фрагмента, позволяют отнести его к ионийскому производству и датировать второй половиной II в. до н. э.

14. Кул-89/719; (рис. 4,8). Фрагмент венчика чаши, бордюр украшен миниатюрной вьющейся лозою. Лак плотный, глянцевый, бурого цвета с внешней стороны и красно-коричневого цвета с внутренней. Глина рыхлая, светло-коричневого цвета, с примесью слюды. Форма венчика и характер глины указывают на ионийское производство чаши, которой принадлежит публикуемый фрагмент. Датировка: середина – третья четверть II в. до н. э. [Турова, Коваленко, 2005, с. 343].

15. Кул-89/737; (рис. 4,7). Фрагмент тулова чаши, в бордюре изображены овы, в нижней части – виноградная лоза с гроздями винограда. Лак плотный, глянцевый, бордюр покрыт лаком бурого цвета, ниже бордюра фрагмент покрыт лаком красно-коричневого цвета. Глина плотная, светло-коричневого цвета, с примесью слюды. В целом, как и предыдущий фрагмент, чаша принадлежит ионийскому производству и также датируется второй половиной II в. до н. э.

16. Кул-89/738; (рис. 1,4). Фрагмент тулова чаши, сохранилась часть бордюра с изображением крыльев, к которым с обеих сторон примыкают две горизонтально расположенные пальметты. Лак плотный, матовый, бурого цвета. Глина плотная, красно-коричневого цвета, с примесью слюды. Фрагмент чаши с аналогичным орнаментом происходит из Танаиса, На нем сохранился верхний бордюр с изображением семилепестковой розетки [Шелов, 1969, с. 230, табл. V, 53]. Вероятно, такой же бордюр был и на кульчукском фрагменте, что позволяет (вместе с характером рельефа, глины и лака) отнести данную находку к ионийскому производству и датировать второй половиной II в. до н. э.

17. Кул-89/807; (рис. 1,3). Фрагмент венчика со следами ремонта и изображени-

ем меандра в бордюре. Лак плотный, глянцевый, красно-коричневого цвета. Глина рыхлая, светло-коричневого цвета, с большой примесью слюды. Аналогичен фрагментам № 3 и № 13.

18. Кул-89/995; (рис. 4,6). Подъёмный материал. Фрагмент венчика с изображением шестилепестковых розеток в бордюре. Лак плотный, глянцевый, бурого цвета с внешней стороны и красно-коричневого с внутренней. Глина плотная, светло-коричневого цвета, с примесью слюды. Аналогичен фрагменту № 11.

19. Кул-90/6; (рис. 2,3). Фрагмент тулова чаши, на внутренней стороне граффито на греческом – А. Снаружи сохранилось изображение музыкантов и остатки растительного орнамента в нижней части. Лак плотный, глянцевый, красно-коричневого, цвета. Глина плотная, светло-коричневого цвета, с небольшой примесью слюды. На фрагменте из Тиры, кроме аналогичного изображения музыкантов (у Т.Л. Самойловой они названы актёрами), сохранилось изображение воинов [Самойлова, 1984, с. 123, рис. I,15]. Видимо, как тирский, так и кульчукский фрагменты следует, предположительно, отнести к пергамскому производству. Помимо вышеописанных, характерных для Пергама, глины и лакового покрытия, продукции этого центра присуща живая трактовка и свободное размещение сюжета по тулову [Внуков, Коваленко, 1998, с. 70; Федосеева, Остапенко, 2010, с. 122]. В орнаментации преобладают растительные мотивы [Горончаровский, 1983, с. 120]. Датировать Кульчукский фрагмент можно второй половиной II в. до н. э. [Внуков, Коваленко, 1998, с. 70]. Граффити «А» на внутренней поверхности чаши, вероятнее всего, первая буква имени владельца сосуда.

20. Кул-90/96; (рис. 2,2). Фрагмент венчика чаши с изображением шестилепестковых розеток в невысоком рельефе. Лак плотный, глянцевый, бурого цвета с внешней стороны и красно-коричневого с внутренней. Глина рыхлая, светло-коричневого цвета, с примесью слюды. Форма венчика, характер глины и лака, а также орнамента в бордюре позволяют отнести чашу, которой принадлежал данный фрагмент, к ионийскому производству и датировать второй половиной II в. до н. э.

21. Кул-90/370; (рис. 3, 5). Фрагмент придонной части чаши с изображением листьев аканфа со скошенной верхушкой (?) и ланцетовидными листьями. Лак плотный, глянцевый, бурого цвета с внешней стороны и красно-коричневого с внутренней. Глина плотная, светло-коричневого цвета, с примесью слюды. Такой орнамент характерен для милето-эфесской группы. Датировать публикуемый фрагмент следует серединой – третьей четвертью II в. до н. э. [Турова, Коваленко, 2005, с. 344; Шапцев, 2008, с. 330].

22. Кул-90/374; (рис. 1,1). Фрагмент венчика с туловом чаши полусферической формы. Тулово покрыто изображениями чередующихся бутонов вьющихся растений, под которыми находятся птицы, между бутонами расположен лист аканфа, на верхушке которого сидит птица. Лак плотный, глянцевый, чёрно-коричневого цвета. Глина плотная, светло-коричневого цвета, с примесью слюды. Данный фрагмент принадлежит чаше так называемой мастерской Кирбея [см.: Коваленко, 1987]

и может быть датирован второй половиной II в. до н. э. [Турова, Коваленко, 2005, с. 341–342].

23. Осколок тулова без маркировки (рис. 4,4), найден вместе с фрагментами 1972 г. На нем сохранились остатки орнамента в виде стилизованной виноградной лозы. Лак плотный, глянцевый, красно-коричневого цвета. Глина плотная, светло-коричневого цвета, с примесью слюды.

Аналогичен № 1, датируется также серединой – третьей четвертью II в. до н. э.

24. Кул-90/8; (рис. 5,1). Фрагмент венчика с изображением меандра и ов в бордюре. Аналогичен фрагментам № 3 и № 13. Известен только по отчёту А.С. Голенцова [1990, рис. 52].

25. Кул-90/87; (рис. 5,2). Фрагмент тулова чаши с остатками изображения батальной сцены в верху и частью ланцетовидного листа в нижней части. Известен только по отчёту А.С. Голенцова [1990, рис. 52]. Данный фрагмент принадлежит продукции мастерских Эфеса (ранее подобные именовали Делосской группой). Датировать данный фрагмент можно серединой – третьей четвертью II в. до н. э. [Внуков, Коваленко, 1998, с. 66].

26. Кул-90/97; (рис. 5,3). Фрагмент венчика с туловом чаши полусферической формы. В бордюре изображены восьмилепестковые розетки, под ним – остатки изображения звезды и дельфина в геральдической позе. В целом, данный фрагмент аналогичен № 7 и датируется также. Известен только по отчёту А.С. Голенцова [1990, рис. 52].

27. Кул-90/99; (рис. 5,4). Фрагмент тулова чаши полусферической формы с изображением батальной сцены. Аналогичен № 25. Известен только по отчёту А.С. Голенцова [1990, рис. 52].

28. Кул-90/98; (рис. 5,5). Фрагмент венчика чаши полусферической формы с восьмилепестковыми розетками в верхнем бордюре и овами в нижнем. Вогнутый венчик и изображение восьмилепестковых розеток указывает на ионийское происхождение сосуда, который датируется приблизительно серединой II в. до н.э. [Внуков, Коваленко, 1998, с. 69]. Известен только по отчёту А.С. Голенцова [1990, рис. 52].

29. Кул-90/114; (рис. 5,6). Фрагмент венчика чаши, в бордюре изображены повторяющиеся побеги, в нижней части – побеги плюща. Аналогичен фрагменту № 13, датируется также. Известен только по отчёту А.С. Голенцова [1990, рис. 52].

30. Кул-90/107; (рис. 5, 7). Фрагмент венчика чаши, сохранилась часть бордюра с изображением меандра. Аналогичен № 9-10, датируется также. Известен только по отчёту А.С. Голенцова [1990, рис. 52].

Как и на большинстве греческих поселений Северного Причерноморья эпохи эллинизма и на их варварской периферии для времени от второй четверти II в. до н.э. до конца II в. до н.э. встречаются импортные, т.н. «мегарские» чаши. Основным регионом, где они производились и откуда поступали на северный берег Понта Эксинского, была Иония. Среди широко относимой к Ионии продукции достаточно твердо выделяется локальная милето-эфесская группа чаш (ранее именуемая де-

лосской), обнаруженная и на Кульчукском городище. Определенную неожиданность представляет нахождение на удаленном от крупных центров, в основном аграрном поселении, крайне редких экземпляров продукции эолийского города Кимы (№ 4, 7, 26), пергамского сосуда данной группы (№ 19) и керамического изделия из авторской мастерской Кирбея (№ 22). Не исключено, что такая посуда была занесена на Кульчук понтийскими солдатами Митридата VI Евпатора во время второй кампании Диофантовых войн, после которой на поселении был размещен хорошо укрепленный понтийский гарнизон.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Внуков С.Ю., Коваленко С.А. «Мегарские» чаши с городища Кара-Тобе // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Труды ГИМ. – М., 1998. Вып. 102. – С. 61–76.

Гжегжулка С. «Мегарские» чаши из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Часть первая. – Варшава, 2010. – 344 с.

Голенцов А.С. Отчет о работе Кульчукского отряда Западно-Крымской экспедиции Института археологии АН УССР за 1989 год. – Научный архив ИА НАНУ. – Киев. – 1989/16а. Ф.е. 23316. – 132 л.

Голенцов А.С. Отчет о раскопках Кульчукского городища и Кульчукского могильника в 1990 г. М., 1990 г. – Научный архив ИА НАНУ. – Киев. – 1990/146. Ф.е. 24202. – 149 л.

Горончаровский В.А. Пергамская керамическая мастерская и её продукция на Боспоре // СА. 1983. № 2. – С. 117–124.

Диатроптов П.Д. «Мегарские» чаши с сюжетным изображением из раскопок городища Беляус // Евразия в скифо-сарматское время. М., 2012. – С. 49–53.

Коваленко С.А. К вопросу о происхождении рельефных чаш с надписью KIPBEI // Вестник МГУ. 1987. Серия 8. История. № 6. – С. 70–80.

Самойлова Т.Л. Рельефная керамика эллинистического времени из раскопок Тиры // Северное Причерноморье. – К., 1984. – С. 119–129.

Турова Н.П., Коваленко С.А. «Мегарские» чаши из археологической коллекции Ялтинского историко-литературного музея // Боспорские исследования. Симферополь-Керчь, 2005. Вып. VIII. – С. 339–349.

Федосеева Т.М., Остапенко П.В. «Мегарские» чаши Тиры // Тира-Белгород-Аккерман (Материалы исследований). – Одесса, 2010. – С. 121–134.

Шапцев М.С. «Мегарские» чаши позднескифского городища Булганак // ПИФК. 2008. Вып. XXI. – С. 325–335.

Шелов Д.Б. Находки «мегарских» чаш в Танаисе // Античные древности Подонья – Приазовья. – М., 1969. – С. 220–247.

REFERENCES

Vnukov S.Ju., Kovalenko S.A. «Megarskie» chashi s gorodishha Kara-Tobe // Jellinisticheskaja i rimskaja keramika v Severnom Prichernomor'e. Trudy GIM. – M., 1998. Vyp. 102. – S. 61–76.

Grzegrzolka S. «Megarian» bowls from the collection of the Kerch history and culture reserve. Vol. one. – Warsaw, 2010. – 344 s.

Golencov A.S. Otchet o rabote Kul'chukskogo otrjada Zapadno-Krymskoj jekspedicii Instituta arheologii AN USSR za 1989 god. – Nauchnyj arhiv IA NANU. – Kiev. – 1989/16a. F.e. 23316. – 132 l.

Golencov A.S. Otchet o raskopkah Kul'chukskogo gorodishha i Kul'chukskogo mogil'nika v 1990 g. M., 1990 g. – Nauchnyj arhiv IA NANU. – Kiev. – 1990/146. F.e. 24202. – 149 l.

Goroncharovskij V.A. Pergamskaja keramicheskaja masterskaja i ejo produkcija na Bospore // SA. 1983. № 2. – S. 117–124.

Diatroptov P.D. «Megarskie» chashi s sjuzhetnym izobrazheniem iz raskopok gorodishha Beljaus // Evrazija v skifo-sarmatskoe vremja. M., 2012. – S. 49–53.

Kovalenko S.A. K voprosu o proishozhdenii rel'efnyh chash s nadpis'ju KIPBEI // Vestnik MGU. 1987. Serija 8. Istorija. № 6. – S. 70–80.

Samojlova T.L. Rel'efnaja keramika jellinisticheskogo vremeni iz raskopok Tiry // Severnoe Prichernomor'e. – K., 1984. – S. 119–129.

Turova N.P., Kovalenko S.A. «Megarskie» chashi iz arheologicheskoj kollekcii Jaltinskogo istoriko-literaturnogo muzeja // Bosporskie issledovanija. Simferopol'-Kerch', 2005. Vyp. VIII. – S. 339–349.

Fedoseeva T.M., Ostapenko P.V. «Megarskie» chashi Tiry // Tira-Belgorod-Akkerman (Materialy issledovanij). – Odessa, 2010. – S. 121–134.

Shapcev M.S. «Megarskie» chashi pozdneskifskogo gorodishha Bulganak // PIFK. 2008. Vyp. XXI. – S. 325–335.

Shelov D.B. Nahodki «megarskih» chash v Tanaise // Antichnye drevnosti Podon'ja – Priazov'ja. – M., 1969. – S. 220–247.

Резюме

В статье впервые опубликован каталог фрагментов «мегарских» чаш II в. до н.э., обнаруженных на городище Кульчук А.С. Голенцовым в 70-90–х годах XX в. Находки хранятся в фондах историко-археологического заповедника «Калос Лимен» в поселке Черноморское Республики Крым. Основные находки принадлежат ионийской продукции, среди которой устанавливается милето-эфесская группа. Наряду с этими широко распространенными в Северном Причерноморье сосудами обнаружены отдельные редкие для региона экземпляры посуды, изготовленные в эолийском городе Кимы, в Пергаме и в авторской мастерской Кирбея. Появление на Кульчуке наиболее редких и поздних чаш соотносится со временем размещения на поселении гарнизона солдат войска царя Понта Митридата VI Евпатора.

Ключевые слова: Северо-западный Крым, Херсонесское государство, Крымские скифы, Митридат VI, городище Кульчук, «мегарские» чаши, эллинизм, II в. до н.э.

Summary

The catalog of fragments of «Megarian» bowls of the IInd century BC found on Kul'chuk settlement by A.S. Golentsov in the 70–90th of the XX century is for the first time published in the article. Archeological finds are stored in funds of the Historical and Archaeological Reserve «Kallos Limen» in Chernomorskoe settlement of the Crimea Republic. The main finds belong to Ionic production, among which the Millet-Efesos group is established. Along with these widespread vessels in the northern Black Sea coast, the separate ware copies, rare for the region made in the Eolian city of Kima in Pergamum and in an author's workshop of Kirbei, are found. Emergence on Kul'chuk of the most rare and late bowls corresponds to placement time of garrison of soldiers of the army of the King of Pontus Mithridates VI Eupator in the settlement.

Key words: Northwestern Crimea, Chersonesos state, Crimean Scythians, Mithridates VI, settlement Kul'chuk, «Megarian» bowls, Hellenism, the IInd century BC.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Ланцов Сергей Борисович, к.и.н.,
Институт археологии Крыма РАН, пр. Академика Вернадского 2,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация,
заведующий отделом античной археологии,
+7 (978) 7353106.
sergey_llantsov@mail.ru

Шапцев Михаил Сергеевич (15.07.1986-2.02.2016)
Институт археологии Крыма РАН, проспект Академика Вернадского, 2,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация,
младший научный сотрудник.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Lantsov Sergey Borisovich, CSc,
Institute of Archaeology of Crimea of RAS, ave. Arademika Vernadskogo, 2,
Simferopol, Crimea, Russian Federation;
head of department of antique archeology,
+7(978)7353106.
sergey_llantsov@mail.ru

Shaptsev Mikhail Sergeyevich (15.07.1986 – 2.02.2016)
Institute of Archaeology of Crimea of RAS, ave. Arademika Vernadskogo, 2,
Simferopol, Crimea, Russian Federation,
junior researcher.

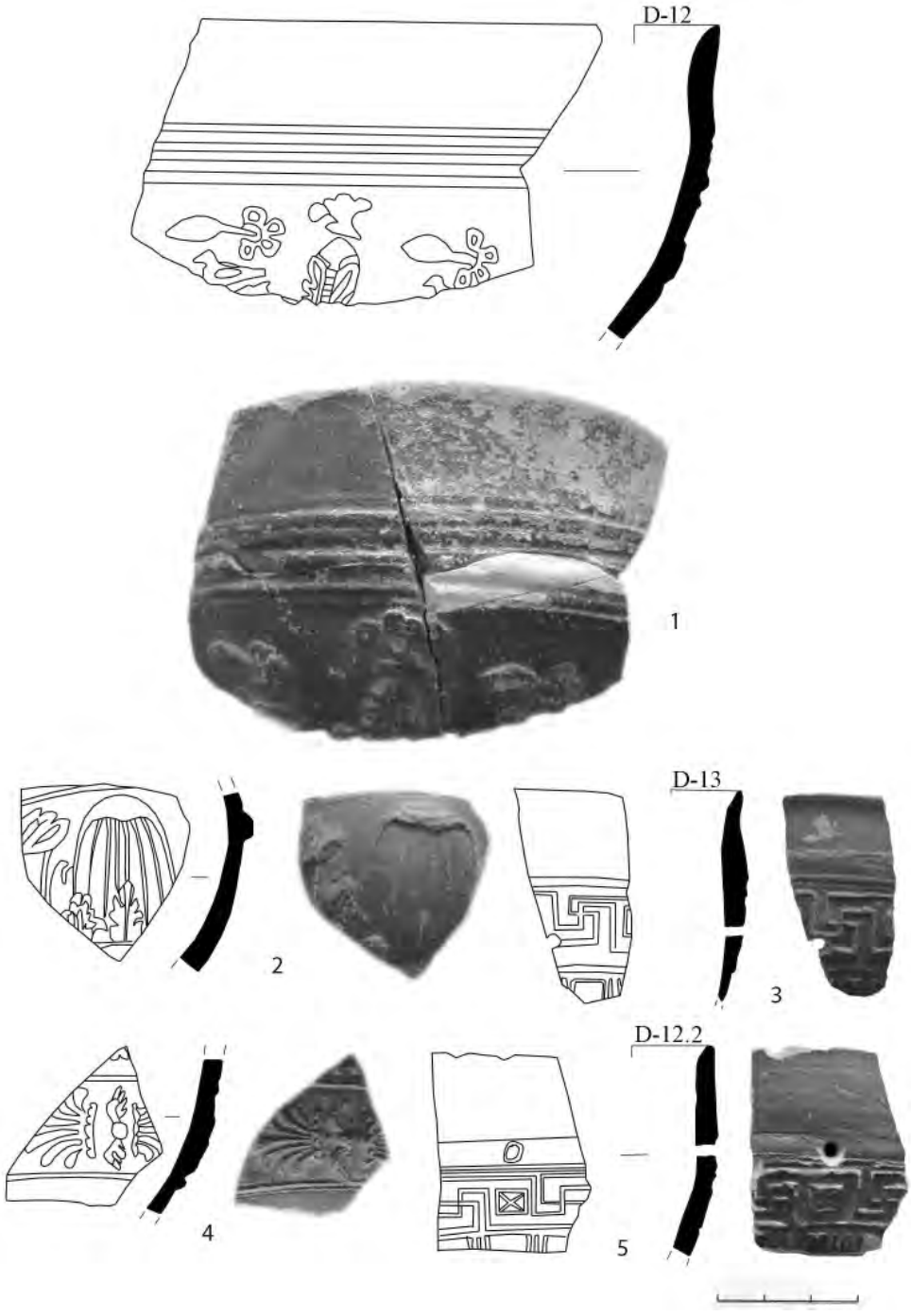


Рис. 1. Фрагменты «мегарских» чаш из Кульчукского городища (находки 70–90-х гг.).

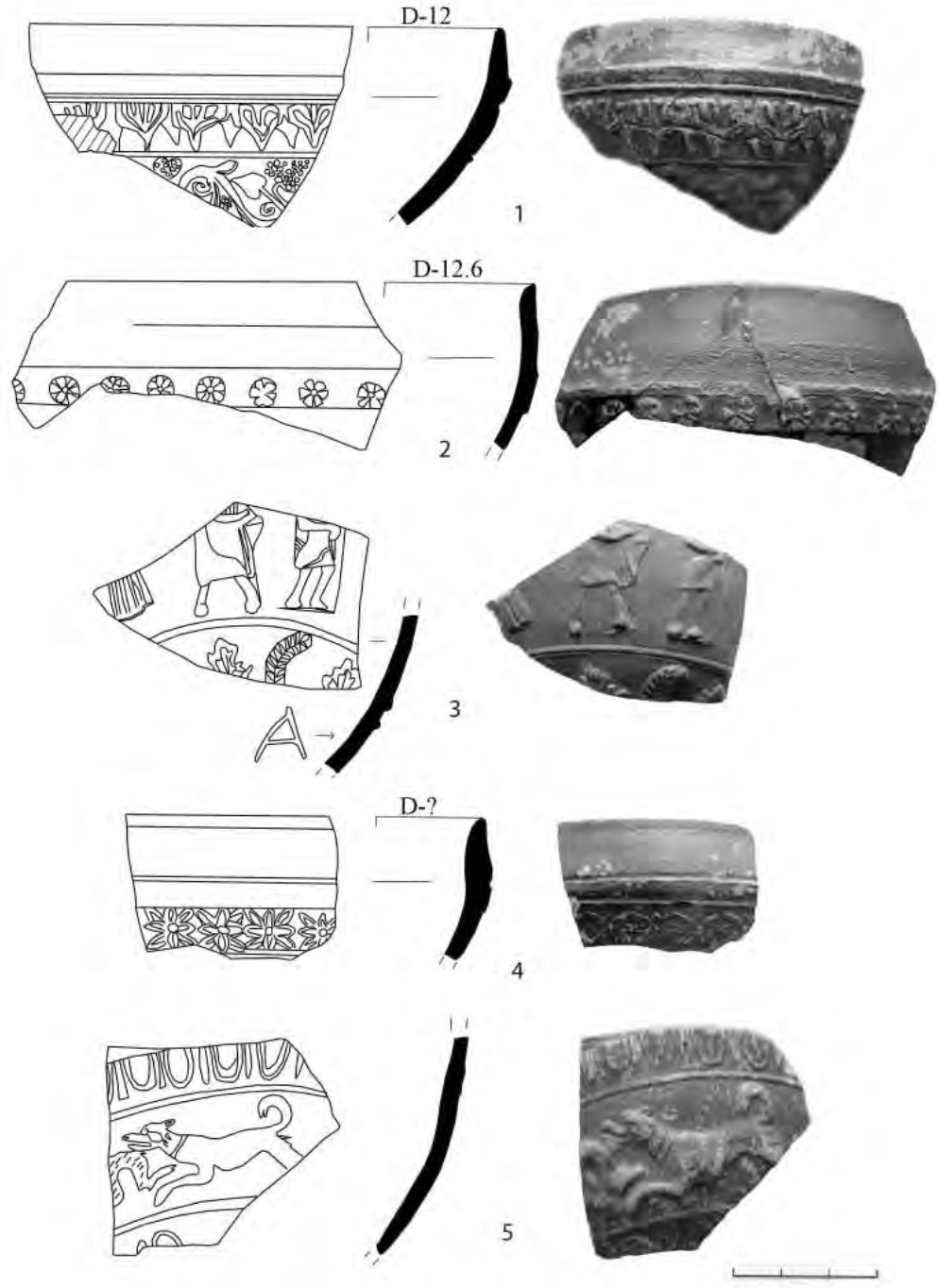


Рис. 2. Фрагменты «мегарских» чаш из Кульчукского городища (находки 70–90-х гг.).

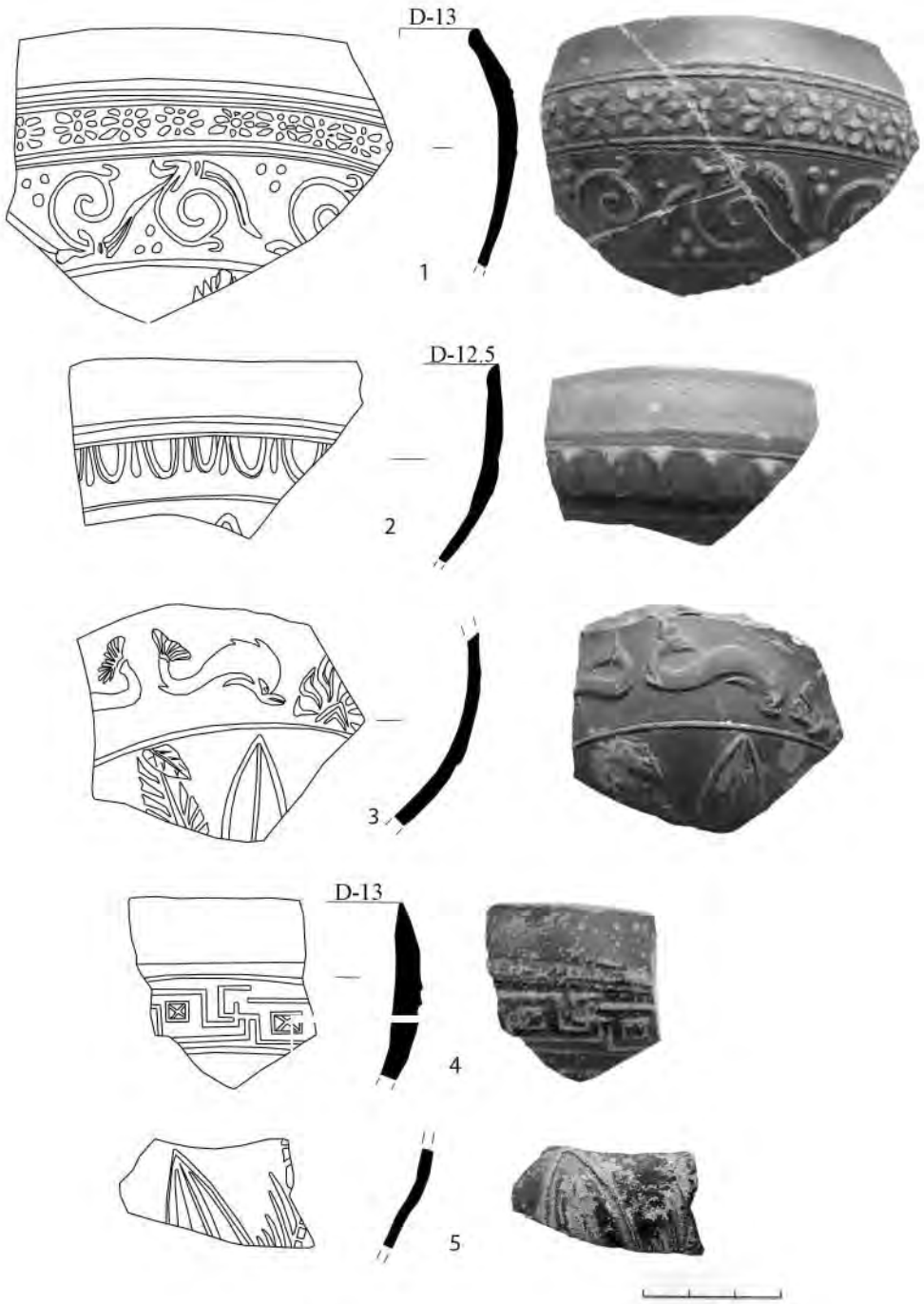


Рис. 3. Фрагменты «мегарских» чаш из Кульчукского городища (находки 70–90-х гг.).

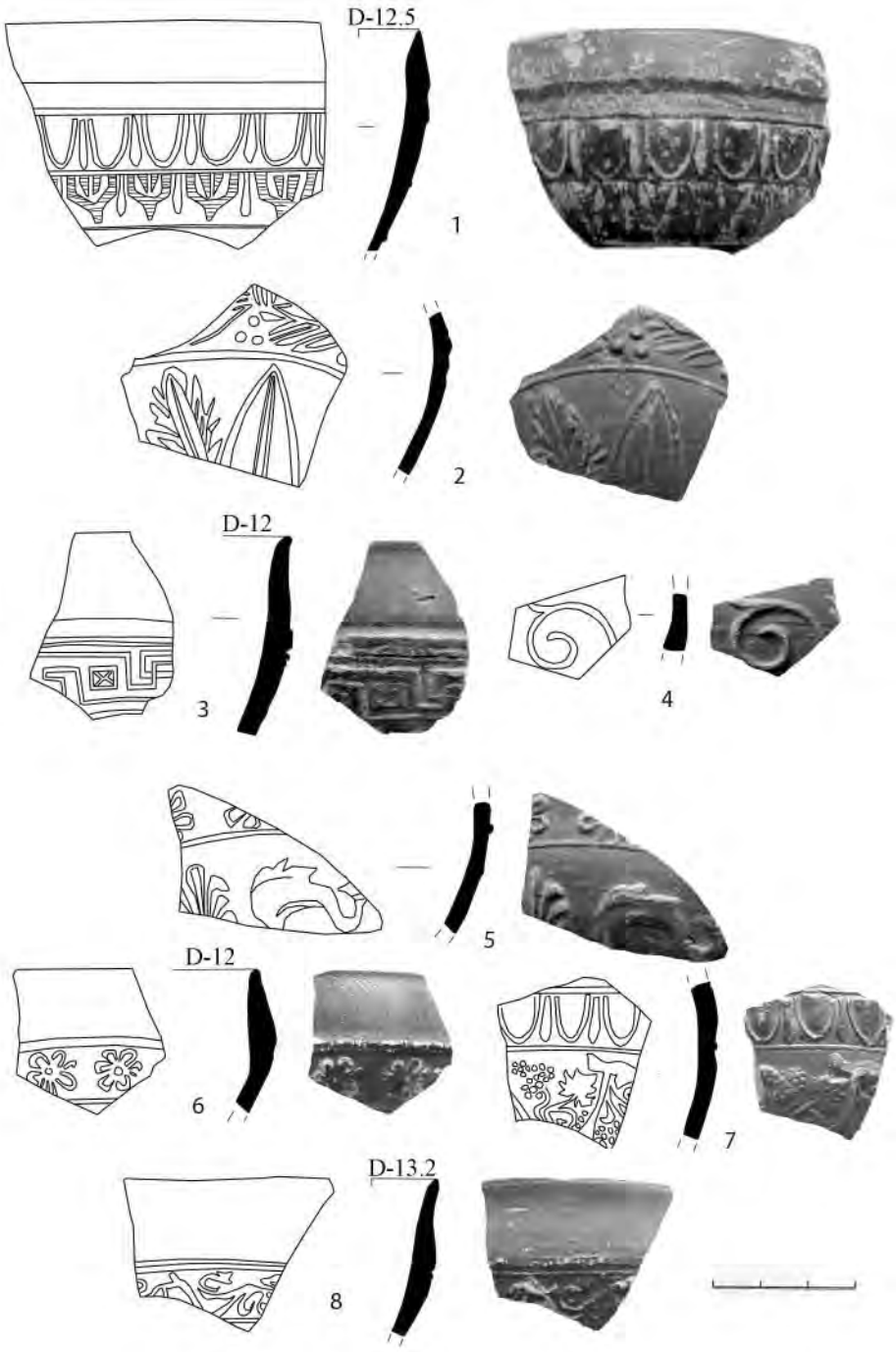


Рис. 4. Фрагменты «мегарских» чаш из Кульчукского городища (находки 70–90-х гг.).

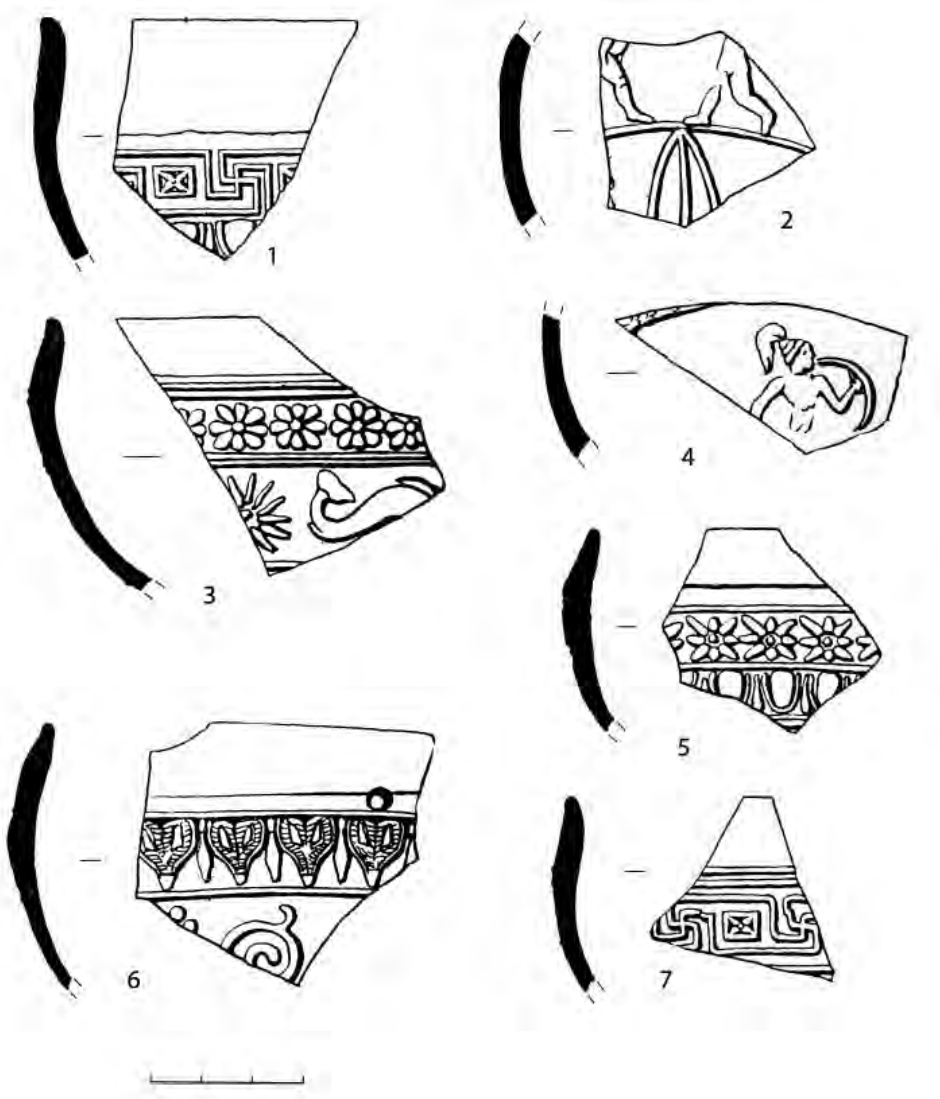


Рис. 5. Фрагменты «мегарских» чаш из Кульчукского городища (находки 70–90-х гг.).

Д.В. ЖУРАВЛЕВ, Д.А. КОСТРОМИЧЕВ
D. ZHURAVLEV, D. KOSTROMICHEV

ДВЕ МОГИЛЫ ИЗ ЗАПАДНОГО НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО (РАСКОПКИ Р.Х. ЛЕПЕРА)[1]

TWO GRAVES FROM THE WESTERN NECROPOLIS OF CHEROSONESOS TAURICA (EXCAVATIONS OF R.KH. LEPER)

Введение в научный оборот результатов масштабных раскопок Херсонеса в Таврике конца XIX – начала XX вв. является задачей давно обозначенной и по-прежнему практически не осуществленной. Ещё в 20-е гг. XX в. К.Э. Гриневич считал это первостепенной целью, стоящей перед исследователями Херсонеса [Гриневич, 1927, с. 255]. Из дореволюционных раскопок Императорской археологической комиссии наиболее перспективными с точки зрения публикации материалов выглядят результаты работ Р.Х. Лепера в 1908–1914 гг. Предметы, найденные в процессе этих раскопок, сохранили паспорта, привязывающие их к определенным археологическим объектам. В частности, из раскопок херсонесского некрополя происходят предметы, которые можно соотнести с погребальными комплексами. Сложность введения в научный оборот этих комплексов состоит в недостатках методики раскопок и упущении важных сторон фиксации археологических памятников. Документация работ велась не в полном объеме. Графическая фиксация погребений не осуществлялась. Описания ограничивались краткими заметками полевых дневников. К.Э. Гриневич опубликовал дневники раскопок некрополя 1908 – 1910 гг. [Гриневич, 1927], а остальные остались неопубликованными. Обычно записи дневников раскопок некрополя представляют собой простое перечисление найденных предметов. Сведения о конструкции и размерах погребальных сооружений, расположении находок, положении погребенных и другая важная информация либо приводятся тезисно, либо вовсе отсутствуют. Вместе с тем подавляющее число предметов снабжено полевыми номерами, проставленными в текстах дневников. Под этими номерами предметы хранятся в фондах херсонесского заповедника. Это дает возможность восстановить наборы вещей из погребений, раскопанных Р.Х. Лепером.

Дополнительную трудность при работе с предметами из этих раскопок добавляет судьба коллекций, сложившаяся в результате непростой истории херсонесского музея в XX веке. Фонды музея пережили эвакуацию в период Великой Отечественной

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проектов «Ювелирное искусство Херсонеса Таврического IV в. до н.э. – IV в. н.э.: комплексное исследование (по материалам собрания Государственного исторического музея)» (№ 15-31-10168) и «Фигурные пряжки римского времени из Северного Причерноморья: вопросы происхождения, типологии и датировки» (№ 15-01-00174/15).

войны. Все предметы из драгоценных металлов были вывезены в 1941 г. в Москву и переданы для хранения в Государственный исторический музей (ГИМ). Благодаря сотрудничеству двух музеев сегодня появляется возможность объединить в рамках единой публикации предметы из драгоценных металлов с находками из погребальных комплексов херсонесского некрополя. Этой задаче посвящена часть проекта по изданию золотых предметов из фондов ГИМ.

Некоторые погребальные комплексы из раскопок Р.Х. Лепера уже вводились в научный оборот, хотя примеры таких публикаций всё ещё немногочисленны [Зубар, Костромічова, 1978; Костромичев, 2005]. С учетом описанной выше сохранности документации раскопок 1908–1914 гг. наиболее ценными, с точки зрения информативности, оказываются предметы из одиночных захоронений. Такие погребения представляют собой узко датированные комплексы, в отличие от многократных захоронений в склепах, которые использовались порой в течение сотен лет [например: Золотарьов, Рижов, 1984; Борисова, 1985; Зубарь, Сорочан, 1986]. Набор погребального инвентаря одиночных захоронений способен дать интересные сведения об индивидуальных особенностях погребенных, материальной культуре определенного времени, хронологии предметов и т.д.

Несмотря на то, что значительный пласт информации о раскопанных в 1908–1914 гг. комплексах приходится считать утраченным, публикация инвентаря из раскопок некрополя необходима для восполнения сведений о жизни херсонеситов и культуре древнего города.

Погребения, являющиеся предметом данной публикации, объединены наличием в них предметов из драгоценных металлов, а также пряжек одного типа. Это пряжки с овально-трапециевидной рамкой, известные также в научной литературе как пряжки типа Раддац С. Такие пряжки не часто встречаются на античных памятниках и ещё реже происходят из документированных контекстов. Поэтому сопровождающий материал и обстоятельства находки способны уточнить хронологию и особенности использования этих предметов (см. предварительную публикацию погребения: [Журавлев, Костромичев, 2015, 132–137])[2].

Группа погребений 114–116 раскопок 1909 года обнаружена в западной части херсонесского некрополя. Раскопки в этом году проводились в периболе, между передней и основной оборонительными стенами [Зубар, 1978, с. 53]. Описание погребений в дневнике раскопок позволяет определить относительную хронологию этих индивидуальных захоронений. Для удобства читателя воспроизведем здесь полностью отрывок, касающийся данных погребений.

«В Юго-Западном конце траншеи VI, неглубоко под поверхностью земли, обнаружена неровно выбитая в скале небольшая могила (восточный край значительно выше, северный конец совсем мелкий, южный глубже). В северном конце наверху

[2] Все рисунки в статье выполнены Д.А. Костромичевым, И.С. Михадюк (керамическая урна), Е.О. Назаровой (драгметаллы); фотографии – К.В. Зыковой, Г.А. Сапожниковым (драгметаллы).

оказался костяк № 24; кости находились в полном беспорядке: череп был в северном конце. Около скелета найдено разбитое краснолаковое блюдо с меткой, ступка (4646)[3]*; куски стеклянного небольшого сосуда, высотою 6 см, лежали на блюдце. Там же найдена часть оселка с дырочкой 5,5 х 1,4 см.*

Погребение № 115 (25)[4]*. В южной половине могилы (до половины отчасти под костями № 114) обнаружены кости скелета № 115, обращенного головой на юг. Кости этого скелета оказались также не в порядке: сверху было очень много разных мелких разбитых костей; при них были найдены: горло бальзамария, длиною 7 см; оселок (4616); пряжка (4617); 10 бус (4620-25); 2 фаянсовых амулета (4618-19); 1 астрагал черный (4627); золотая серьга и обломок (4620*[5]*).*

У юго-восточной стенки могилы, плотно, у её края, стояла урна № 116 (26) с крышкой (2614); ручки и горло урны отбиты, она стояла таким образом, что её дно было выше нижнего костяка. В урне оказался небольшой бальзамарий из очень тонкого стекла (4615)» [Лепер, 1927, с. 205].

Из текста дневника ясно устанавливается, что наиболее поздним захоронением в могиле является ингумация № 114 (24). Урна с кремацией № 116 (26) была найдена выше нижнего костяка, занимая, таким образом, промежуточное положение в последовательности погребений. Самое раннее погребение – это ингумация № 115 (25). Инвентарь хранится в Государственном историко-археологическом музее-заповеднике «Херсонес Таврический» (ГИАМЗ ХТ), за исключением золотой серьги и золотых пронизей, находящихся в ГИМ. Судя по отсутствию полевого номера, куски стеклянного сосуда, фрагмент оселка из погребения № 114 и горло бальзамария из погребения №115 не были взяты на хранение. Из перечисленного в дневнике инвентаря не удалось обнаружить в музейных фондах только бусы из погребения № 115 и крышку урны погребения № 116.

Рассмотрим сохранившийся погребальный инвентарь в последовательности от самого раннего захоронения.

Погребение № 115 (25). Описано не очень четко. Складывается впечатление, что в процессе последующих подзахоронений погребение было потревожено. При этом указание на присутствие большого количества мелких разбитых костей выше скелета может рассматриваться как наличие здесь не одного, а нескольких погребений. В этом случае найденные вещи могут представлять собой инвентарь разных захоронений.

Оселок из камня серого цвета (рис. 1,6; 3,6) (полевой № 4616/09; инв. № 19686) имеет вытянутую ромбовидную форму. В месте максимального расширения сделано сквозное отверстие. Нижний конец отломан. Сохранившаяся длина 8,5 см, максимальная ширина 1,7 см, толщина 1,3 см.

---

[3] Цифры в скобках соответствуют полевым номерам вещей.

[4] Нумерация могил согласно последовательности, введенной К.Э. Гриневичем [Гриневич, 1927, с. 189]. В скобках оригинальные номера из дневников Р.Х. Лепера.

[5] В публикации дневников указан неправильный номер – 4620 [Лепер, 1927, с. 20].

Пряжка бронзовая (рис. 1,7; 3,5) (полевой № 4617/09; инв. № 18676). Передняя часть рамки имеет овальную форму, задняя часть прямоугольная, деформированная (очевидно, первоначально задняя часть была трапециевидной). Передняя часть рамки псевдовитая, украшена внутренними завитками. В задней части рамки сделаны пары отверстий для язычка и оси крепления. Язычок утрачен. В отверстии у края пряжки сохранилась ось. Длина оси 2,25 см, длина пряжки 6,15 см, ширина рамки 3,3 см.

Пронизь фаянсовая в виде фигуры льва, лежащего на прямоугольном постаменте (рис. 1,5; 3,2) (полевой № 4618/09; инв. № 735). Голова уложена между передних лап. Рот приоткрыт. Выделен нос, круглые глаза. Грива передана шестью валиками, рассеченными поперечными углублениями. С левой стороны на боку показаны ребра в виде трех поперечных бороздок. Хвост закручен вправо и прижат к туловищу, из-под хвоста видна задняя правая лапа. Позвоночник передан продольной бороздкой. В постаменте продольное сквозное отверстие. Фигура выполнена из фаянса с патинизированной поверхностью светло-зеленого цвета. Размеры предмета 2,5 х 1,7 х 1 см.

Подвеска фаянсовая в виде женской обнаженной фигуры (рис. 1,4; 3,1) (полевой № 4619/09; инв. № 736). На голове коническая шапка. Руки согнуты, кисти прижаты к подбородку. Между ног расположен гипертрофированный фаллос, превышающий длину ног. На спине сквозное отверстие для подвешивания. Фигура выполнена из белого фаянса, покрытого светло-зеленой глазурью. На затылочной части головы повреждения. Размеры предмета 3,3 х 1,05 х 0,9 см.

Золотая серьга (рис. 1,2; 3,3) (полевой № 4626/09; инв. хранения в ГИАМЗ ХТ № 6326; ГИМ 95570, оп. Б-1054а, № 47). Серьга состоит из согнутой кольцом проволочки (дужки), вдетой в полый конусовидный колпачок, свернутый из золотой пластины. Размеры: 2,1 х 0,9, колпачок – 2,0 х 0,9 см. Дужка – длина 1,2 см. Н.В.Пятышева писала о ней: «техника примитивная, работа грубая» [Пятышева, 1956, с. 52, табл. IV,8]. К слову, она давала паспорт этой серьги, как «Раскопки Лепера Р.Х. в 1909 г., точнее неизвестно».

Золотые пронизи в виде трубочек (рис. 1,3; 3,4) (полевой № 4626/09; инв. хранения в ГИАМЗ ХТ № 6331; ГИМ 95570 Оп.Б-1054/48/1-3).

Астрагал (рис. 1,8; 3,7) (полевой № 4627/09; инв. № 18145). Поверхность приобрела черный цвет в результате действия огня. Размеры – 2,6 х 1,7 х 1,5 мм.

Большинство предметов, найденных в погребении, имеет широкую дату бытования. Оселки подобной формы использовались очень долго, вероятно, на протяжении всей античной эпохи [Малашев, 2008, с. 179]. Пронизь в виде фигуры льва на подставке относится к варианту б типа 68 бус из египетского фаянса по типологии Е.М. Алексеевой. Этот вариант пронизей датируется I – II вв. [Алексеева, 1975, с. 45]. Данный предмет учтен в своде бус Северного Причерноморья [Алексеева, 1975, с. 45, прим. 193]. В могильнике Бельбек IV пронизь этого типа встречена в погребении 3, которое датируется второй четвертью – серединой I в. н.э. [Столярова, 2001, с. 202–204, рис. 2, 20, табл. 18], а также в погребении 24 [Гущина, Журавлев,

в печати, табл. 15, 7] и 29 [Гущина, Журавлев, в печати, табл. 20], относящихся ко второй половине этого столетия. Подвеска в виде женской фигуры относится к варианту б типа 29 бус из египетского фаянса по типологии Е.М. Алексеевой. Данный вариант исследовательница оставила без датировки, подчеркивая то обстоятельство, что ни одна из подвесок не найдена в составе комплексов [Алексеева, 1975, с. 36]. В варварских могильниках предгорного Крыма оба типа подвесок встречаются в комплексах вплоть до первой половины III в. [Стоянова, 2004, с. 288, табл. V, 14, 19; Труфанов, 2005–2009, с. 252, 253].

Золотая серьга найдена во фрагментированном состоянии, поэтому определить точные аналогии ее форме затруднительно. Мы не можем сказать, какую точно форму имела сама серьга. Отметим лишь, что украшения, имеющие похожую верхнюю часть, но витую дужку, известны в ряде памятников позднеэллинистического времени [см. например: Мордвинцева, Трейстер, 2007, табл. 48, А365.1; и др.; Lungu, Covacef, Chera, 2012, pl.VIII]. Золотые пронизи имеют широкую датировку и не могут помочь уточнить дату комплекса[см. литературу и сводку их находок: Трейстер, 2015, с. 126–129].

Наиболее узкой датой обладают пряжки, аналогичные найденной в погребении. Подобные пряжки имеют вытянутую рамку, в передней части которой расположена овальная фигура, напоминающая букву С. Часто, как и у херсонесского образца, рамка в передней части снабжена внутренними завитками. Эти пряжки на материалах Центральной Европы выделены К. Раддацем в тип С. Исследователь отнес их к ступени B1b раннеримского времени, что примерно соответствует 20/35–50/65 гг. [Raddatz, 1957, S. 27, 28]. В типологии центральноевропейских пряжек Р. Мадыды-Легутко наиболее близки изделия типа 23 группы А, которые соотносятся со ступенью B1 относительной центральноевропейской хронологии [Madyda-Legutko, 1986, S. 9, Taf. 4, Typ 23]. Эта ступень на территории Пшеворской культуры приблизительно датируется 40–70 годами н.э. [Щукин, 1991, с.101,102, рис. 2]. На территории Римской империи найдено всего несколько образцов подобных пряжек. Две пряжки из Магдаленсберга (Норик) датируются первой половиной I в. н.э. [Deimel, 1987, S. 278, 279, Taf. 74, 2, 5]. На территории Паннонии известны пряжки из Нойдёрфля [Urban, 1984, S. 77, Abb. 4] и Ейзенштадта [Petculescu, 1995, p. 106, note 11], которые происходят из контекстов середины – второй половины I в.

Значительно больше находок датированных пряжек с овально-трапециевидной рамкой происходит из Крыма. Пряжка из погребения № 115 соответствует варианту Б «дугоконечных» пряжек по типологии А.А. Труфанова [Труфанов, 2004, с. 165–167], который проанализировал находки из северопричерноморских контекстов и датировал существование пряжек довольно узким временем: второй третью или третьей четвертью I в. н.э. [Труфанов, 2004, с. 164–168; Труфанов, 2005–2009, с. 217; Пуздровский, 2007, с. 139]. Основанием для такой датировки послужил ряд комплексов из позднескифского Усть-Альминского некрополя. Следует заметить,

что только в двух из этих комплексов пряжки найдены в погребениях, датирующихся именно этим временем. Это погребение 19 в склепе 88 (вторая треть I в. н.э.) и погребение 19 в склепе 92 (третья четверть I в. н.э.) [Труфанов, 2004, с. 165]. Остальные находки сделаны в комплексах с более широкой датой. В хронологической схеме могильников Предгорного Крыма эти пряжки включены в состав комплексов группы 2, которая датируется 25/50 – 70 гг. н.э. [Труфанов, 2005–2009, с. 273–277]. Можно предположить, что отсутствие овально-трапециевидных пряжек в составе комплексов других хронологических групп по А.А. Труфанову может носить случайный характер, так как подобные пряжки не являются массовыми находками. Вряд ли они могли появиться ещё в первой четверти I в. н.э. Такие комплексы нигде не известны. Но использование пряжек на протяжении всей второй половины I в. н.э. и даже в начале II в. н.э. нельзя исключать, так как многие погребения с этими находками невозможно датировать точнее, чем второй половиной I в. Это, например, погребение 18 склепа 640 и погребение[6] 3 склепа 777 Усть-Альмы [Труфанов, 2004, с. 166, рис. 4,2,8], сарматское погребение из кургана Весняное [Simonenko, 1997, S. 400, 401, 404, Abb. 4, 5].

Погребение № 116 (26). Представляло собой кремацию, помещенную в урну. Положение сосуда в могиле позволяет сделать предположение, что урна была установлена между стенкой могилы и головой первого погребенного в могиле.

В качестве урны был использован крупный красноглиняный кувшин (рис. 2,1; 3,10) (полевой № 4614/09; инв. № 23265). Тулово сосуда яйцевидное с максимальным расширением в верхней части. Верхняя часть тулова покрыта неглубоким рифлением. Горло прямое, широкое. Венчик отогнутый. Под венчиком сделаны две горизонтальные врезные бороздки. Ромбовидная в сечении ручка закреплена на плечиках и на горле ниже венчика сосуда. Дно на невысоком кольцевом поддоне. Высота сосуда 38,8 см; максимальный диаметр тулова 26,6 см; диаметр венчика 11,2 см; диаметр поддона 11,4 см.

Этот кувшин по форме может быть сопоставлен с краснолаковыми сосудами формы 19.2 из могильника Бельбек IV, несмотря на их значительно меньшие размеры [Журавлев, 2010, с. 83, табл. 52]. В бельбекских погребениях эти кувшины датируются концом I – первой половиной II в. н.э. Близки, хотя и не идентичны, менее крупные сосуды из некрополя «Совхоз 10» [Стржелецкий и др., 2005, табл. XX,9], а также из п. 85 Неаполя Скифского [Сымонович, 1983, табл. V,6].

Единственной находкой внутри урны был стеклянный бальзамарий (рис. 2,2; 3,8) (полевой № 4615/09; инв. № 18393). От него сохранилось только горло и часть сферического корпуса. Стекло тонкое, прозрачное, зеленоватого оттенка. Венчик оплавлен, отогнут, край его загнут внутрь. Максимальная сохранившаяся высота сосуда 3,9 см; диаметр венчика 1,6 см.

Несмотря на то, что сохранилась лишь верхняя часть бальзамария, его типо-

[6] А.Е. Пуздровский датировал это погребение серединой I в. н.э. [Пуздровский, 2007, с. 139].

логическая принадлежность довольно уверенно восстанавливается. Он относится к типу III по классификации Н.З. Куниной и Н.П. Сорокиной [Кунина, Сорокина, 1972, с. 168]. В этот тип объединены бальзамарии со сферическим туловом, которые датируются серединой I – серединой II вв. [Алексеева, Сорокина, 2007, с. 62, табл. 41].

Погребение № 114 (24). Было совершено последним и перекрывало ниже лежащие погребения. Инвентарь состоял из краснолаковой тарелки, стеклянного сосуда и оселка.

Тарелка краснолаковая (рис. 1,1; 3,9) (полевой № 4646/09; инв. № 107) сохранилась в двух фрагментах. Тулово сосуда имеет усеченно-коническую форму. Вертикальный бортик выделен выступающим ребром. Венчик слегка отогнут, край граненый. В центре дна остатки клейма, вокруг врезанная окружность диаметром 3,2 см. Глина желто-красная, мелкозернистая, с включениями мелких блесток слюды. Лак красный, тусклый, на венчике красно-коричневого оттенка. Лаком покрыта вся поверхность тарелки, за исключением внутренней части кольцевого поддона. Диаметр сосуда 15 см; высота 3,4 см; диаметр поддона 6,8 см.

Тарелка относится к группе Понтийской сигиллаты А и может быть сопоставлена с формой 1.1.2 могильника Бельбек IV[Журавлев, 2010, с. 42, табл. 11) с датировкой последняя четверть I – первая четверть II вв. Благодаря описанию в дневнике можно определить несохранившееся к настоящему моменту клеймо в виде изображения ступни (*plantapedis*). Это самый распространенный тип клейм на сосудах Понтийской сигиллаты. Наличие клейма, которое датируется серединой I – началом II в. н.э. [Журавлев, 2010, с. 104], позволяет уточнить и дату публикуемой тарелки – последняя четверть I – начало II вв. н.э.

Краснолаковая тарелка из погребения 114 устанавливает terminusantequem для захоронений 115 и 116. Они не могли быть совершены позже начала II в. н.э. Исходя из проведенного анализа, хронология захоронений в группе погребений 114–116 выглядит следующим образом: первое погребение было совершено по обряду ингумации в середине – второй половине I в. н.э., затем, очевидно, в конце I в. н.э. здесь захоронили урну с кремацией, наконец последнее захоронение было совершено не позже начала II в. н.э. Мы не можем установить, какой срок разделяет погребения, но не исключен вариант того, что все умершие были захоронены в течение небольшого промежутка времени в пределах второй половины I в. н.э.

Могила 15 раскопок 1914 г. открыта при раскопках в периболе западных оборонительных стен Херсонеса, в районе 5 и 6 куртин.

«На расстоянии около 1 ½ аршина от стены С на глубине около ½ -1 аршина разбитая урна (погребение № 15) с трупосожжением (все черепки её in situ). В ней два небольших листика золота (1157), бронзовый браслет (1158), бронзовая фибула (1159) и бронзовая пряжка (1160)» [Лепер, 1914, л. 11].

Текст дневника указывает на то, что могила представляла собой урновую кремацию. Отсутствие полевого номера около упоминания урны означает то, что этот

предмет не попал в музейное хранение. Все остальные вещи из погребения находятся в фондах ГИМ и Херсонесского музея-заповедника.

Два бесформенных золотых фрагмента золотой фольги (рис. 4,3) (полевой № 1157/14; инв. хранения в ГИАМЗ ХТ № 6316; ГИМ 95570, оп. Б-1054а/37/1-2).

Браслет бронзовый (рис. 4,6,7) (полевой № 1158/14; инв. № 6979),одновитковый из толстой, круглой в сечении проволоки. Сохранились 4 фрагмента, складывающиеся вместе. Один конец браслета утрачен. Уцелевшее окончание расплющено и оформлено в виде трапециевидного выступа, который украшен гравированным косым крестом. Внешняя поверхность браслета покрыта поясом гравированного орнамента, состоящего из чередующихся пар косых крестов и поперечных пар насечек. Поверхность сохранилась плохо, много утрат из-за коррозии. Диаметр сечения браслета 0,45 см.

Фибула бронзовая лучковая подвязная (рис. 4,1,4) (полевой № 1159/14; инв. № 7028). Пружина четырехвитковая, тетива верхняя. Спинка плавно изогнута. Сечение спинки круглое, ножки – прямоугольные. Ножка и спинка одинаковой ширины. Четырехвитковая обмотка спинки расположена на середине корпуса. Приемник поврежден и деформирован. Длина фибулы 3,4 см, диаметр спинки 0,22 см.

Пряжка бронзовая (рис. 4,2,5) (полевой № 1160/14; инв. № 6997). Передняя часть рамки имеет овальную форму, задняя часть прямоугольная. Рамка немного деформирована. У края задней части рамки устроена пара отверстий для оси, на которой крепился язычок. Передняя часть рамки украшена внутренними завитками, оформленными в виде лебединых головок. Рамка в сечении подпрямоугольная, лицевая поверхность украшена гравированной продольной полосой. Ось пряжки не сохранилась. В отверстии для оси остатки железа. Язычок сохранился отдельно. В сечении он квадратный. В задней части лицевой стороны язычок украшен утолщением, разделенным на 5 зон поперечными углублениями. Одна из зон украшена поперечным косым крестом. Окончание язычка оформлено в виде лебединой головки. Длина пряжки и длина язычка 5,6 см, ширина рамки 2,5 см.

Пряжка принадлежит тому же типу, что и находка из погребения № 115. Она имеет одно конструктивное отличие: в задней части рамки не две, а одна пара отверстий. В этих отверстиях была закреплена ось, которая одновременно служила и для крепления пряжки к ремню, и для шарнирного соединения язычка. Это различие, кажется, не имеет хронологического значения. Пряжка по аналогиям датируется серединой – второй половиной I в. (см. выше).

Браслет имеет трапециевидное окончание, украшенное гравированным косым крестом. По этому признаку предмет можно отнести к типу IV браслетов с зооморфными окончаниями по типологии А.А. Труфанова. Подобные браслеты встречаются в крымских могильниках со второй половины I до третьей четверти II в. По наблюдению А.А. Труфанова угловатые очертания окончаний могут быть признаком изделий, изготовленных до рубежа I–II вв. [Труфанов, 2001, с. 75, рис. 1, 18, 20].

Фибула из кремации по типологии А.К. Амброза относится к варианту 1 серии I

лучковых подвязных застежек [Амброз, 1966, с. 48, 49, табл. 9, 2, 3]. По всем признакам экземпляр соответствует варианту 2 серии I лучковых подвязных фибул по типологии В.В. Кропотова. Этот вариант датируется серединой I – началом II вв. [Кропотов, 2010, с. 72–74, рис. 31]. Такие фибулы в большом количестве встречаются в комплексах 2 хронологической группы по А.А. Труфанову, которая датируется второй-третьей четвертями I в. н.э. [Труфанов, 2005–2009, с. 209, 277].

По совокупности находок могила 15, вероятнее всего, относится к третьей четверти I в. н.э.

Любопытным обстоятельством является то, что две рассмотренные могилы, содержащие находки пряжек с овально-трапециевидной рамкой найдены недалеко друг от друга на западном некрополе Херсонеса, вблизи оборонительных стен. Рядом с могилой 15 в насыпи некрополя около могилы 14 была найдена ещё одна пряжка того же типа с нанесенной на язычок греческой надписью [Костромичев, Намойлик, в печати]. Содержание этой надписи указывает на то, что пряжка принадлежала мужчине. Пряжки с овально-трапециевидной рамкой находят в основном в захоронениях мужчин [Дашевская, 1991, с. 35, 36; Petculescu, 1995, p. 107; Simonenko, 1997, S. 401; Труфанов, 2004, с. 164, 165]. Вероятно, они были связаны с воинской субкультурой. Топографическая и хронологическая близость рассмотренных находок, возможно, свидетельствует о том, что возле западных оборонительных стен находился участок, в котором по смешанному обряду осуществляли захоронения лица, связанные с вооруженными силами Херсонеса второй половины I в. н.э.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1975. Вып. Г1-12. 94 с.

Алексеева Е.М., Сорокина Н.П. Коллекция стекла античной Горгиппии (I–III вв.). Москва: Интербук-бизнес, 2007. 160 с.

Борисова В.В. Склеп I–III вв. н.э. херсонесского некрополя // СА. 1985. № 1. С. 186-201.

Гриневич К.Э. От редактора. В: Лепер Р.Х. Дневники раскопок херсонесского некрополя // ХС. 1927. Вып. 2. С. 255–256.

Гущина И.И., Журавлев Д.В. В печати. Некрополь римского времени Бельбек IVв Юго-Западном Крыму.

Дашевская О.Д. Некрополь Беляуса. Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. 284 с.

Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // МАИЭТ. 2010. Supplementum. Вып. 9. 320 с.

Журавлев Д.В., Костромичев Д.А. Два погребальных комплекса из некрополя Херсонеса // Новая наука: современное состояние и пути развития. Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции (9 декабря 2015 г., г. Стерлитамак). Ч. 3. / Отв. ред. Пилипчук И.Н. Стерлитамак: РИЦ АМИ. С. 132–137.

Золотарьов М.І., Рижов С.Г. Новий склеп західного некрополя Херсонесу // Археологія. 1984. № 48. С. 68–78.

Зубар В.М., Костромічова Т.І. Склеп № 20 з некрополя Херсонеса // Археологія. 1978. Вып. 27. С. 58–61.

Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Новый погребальный комплекс II–IV вв. н.э. и экономическое развитие Хер-

сонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры / Отв. ред. В.А. Анохин. Киев: Наукова думка, 1986. С. 101–129.

Костромичев Д.А. Три погребения римских солдат из некрополя Херсонеса // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 94–118.

Костромичев Д.А., Намойлик А.С. Пряжка с греческой надписью из херсонесского некрополя // АСГЭ. В печати.

Кунина Н.З., Сорокина Н.П. Стеклянные бальзамарии Боспора // ТГЭ. 1972. Вып. 13. С. 146–177.

Лепер Р.Х. Раскопки за западной оборонительной стеной. 1914 г. // Архив ГИАМЗ ХТ. Д. 94.14 Л.

Лепер Р.Х. Дневники раскопок херсонесского некрополя // ХС. 1927. Вып. 2. С. 189–256.

Малашев В.Ю. Археологические памятники Южноуральских степей второй половины II–IV вв. н.э.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (вещевой комплекс) // РА. 2007. № 3. С. 111–121.

Мордвинцева В., Трейстер М. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э. Симферополь-Бонн, 2007. Т. 3. 204 с.

Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-информ, 2007. 480 с.

Пятышева Н.В. Ювелирные изделия Херсонеса. Конец IV в. до н.э. – IV в. н.э. // Памятники культуры. Труды ГИМ. Москва: Гос. изд-во. культурно-просветительной литературы, 1956. Вып. 18. 84 с.

Столярова Е.К. Бусы могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма. Отв. ред. И.И. Гущина, Д.В. Журавлев. Труды ГИМ. Москва, 2001. Вып. 118. С. 194–222.

Стоянова А.А. Бусы и подвески из могильника Нейзац // БИ. 2004. Вып. 5. С. 263–319.

Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Startumplus. 2005. № 4. С. 27–277.

Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства (По материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев: Наукова думка. 1983. 174 с.

Трейстер М.Ю. Золото Фанагории. Типологический, стилистический и хронологический анализ // Золото Фанагории. Отв. ред. М.Ю. Трейстер. Фанагория. Результаты археологических исследований. Том 2. М. 77–181.

Труфанов А.А. К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам крымских могильников позднескифского времени) // Поздние скифы Крыма. Отв. ред. И.И. Гущина, Д.В. Журавлев. Труды ГИМ. Москва, 2001. Вып. 118. С. 71–77.

Труфанов А.А. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // РА. 2004. № 3. С. 160–170.

Труфанов А.А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // Stratumplus. 2005–2009. № 4. С. 117–328.

Щукин М.Б. Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени (к методике историко-археологических сопоставлений) // АСГЭ. 1991. Вып. 31. С. 90–106.

Deimel M. Die Bronzekleinfunde von Magdalensberg. Klagenfurt: Landesmus. f Kärnten, 1987. 412 S.

Lungu V., Covacef Z., Chera C. Bijuterii antice din aur din colecţile muzeului de istorie Naţională şi arheologie Constanţa. Constanţa: Ex Ponto, 2012. 147 p.

Madyda-Legutko R. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford: BAR, 1986. 233 S.

Raddatz K. Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck.Neumünster: Wachholtz, 1957. 158 S.

Petculescu L. Military equipment graves in Roman Dacia // JRMES. 1995. Vol. 6. P. 105–145.

Simonenko A.V. Eine sarmatische Bestattung vom Südlichen Bug // Eurasia Antiqua. 1997. Bd. 3. S. 389–407.

Urban O.-H. Das frühkaiserzeitliche Hügelgräberfeld von Katzelsdorf, Niederösterreich // Archaeologia Austriaca. 1984. Bd. 68. S. 73–110.

REFERENCES

Alekseeva E.M. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, 1975, vol. G1-12, pp. 94.

Alekseeva E.M., Sorokina N.P. *Kollektsiia stekla antichnoi Gorgippii (I-III vv.).* Moskow: Interbuk-biznes Publ., 2007, 160 p.

Borisova V.V. Sklep I–III vv. n.e. khersonesskogo nekropolia. *Sovetskaia arkheologiia*, 1985, No.1, pp. 186-201.

Dashevskaia O.D. *Nekropol' Beliausa.* Simferopol': Predpriiatie Feniks Publ., 2014, 284 p.

Grinevich K.E. Ot redaktora. In: Leper R.Kh. Dnevniki raskopok khersonesskogo nekropolia. *Khesonesskii sbornik*, 1927, Vol. 2, pp. 255–256.

Gushchina I.I., Zhuravlev D.V. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Iugo-Zapadnom Krymu.* In print.

Kostromichev D.A. Tri pogrebeniia rimskikh soldat iz nekropolia Khersonesa. *Materialy po Arkheologii Istorii i Etnografii Tavrii*, 2005, Vol. XI, pp. 94–118.

Kostromichev D.A., Namoilik A.S. Priazhka s grecheskoi nadpis'iu iz khersonesskogo nekropolia. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*. In print.

Kunina N.Z., Sorokina N.P. Stekliannye bal'zamarii Bospora. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 1972. Vol.13. pp. 146–177.

Leper R.Kh. *Raskopki za zapadnoi oboronitel'noi stenoi. 1914 g*. Chersonese Museum Archive, Case 94, 14 p.

Leper R.Kh. Dnevniki raskopok khersonesskogo nekropolia. *Khesonesskii sbornik*, 1927, Vol. 2, pp. 189–256.

Malashev V.Iu. Arkheologicheskie pamiatniki Iuzhnoural'skikh stepei vtoroi poloviny II-IV v. n.e.: pozdnesarmatskaia ili gunno-sarmatskaia kul'tura (veshchevoi kompleks). *Rossiiskaia arkheologiia*, 2007, No.3, pp.111–121.

Mordvintseva V., Treister M. *Proizvedeniia torevtiki i iuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. 2 v. do n.e. – 2 v. n.e.* Simferopol'-Bonn, 2007, T. 3, 204 p.

Puzdrovskii A.E. *Krymskaia Skifiia II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pamiatniki*, Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2007, 480 p.

Piatysheva N.V. Iuvelirnye izdeliia Khersonesa. Konets IV veka do n.e. – IV vek n.e. *Pamiatniki kul'tury. Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeia*. Moskow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo kul'turno-prosvetitel'noi literatury Publ., 1956, Vol. 18. 84 p.

Shchukin M.B. Nekotorye problemy khronologii rannerimskogo vremeni (k metodike istoriko-arkheologicheskikh sopostavlenii). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 1991, Vol. 31, pp. 90–106.

Stoliarova E.K. Busy mogil'nika Bel'bek IV. *Pozdnie skify Kryma. Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeia*, 2001, Vol. 118, pp. 194–222.

Stoianova A.A. Busy i podveski iz mogil'nika Neizats. *Bosporskie issledovaniia*, 2004, Vol. 5, pp. 263–319.

Strzheletskii S.F., Vysotskaia T.N., Ryzhova L.A., Zhestkova G.I. Naselenie okrugi Khersonesa v pervoi polovine I tysiacheletiia novoi ery (po materialam nekropolia «Sovkhoz № 10»). *Startum plus*, 2005, No. 4. pp. 27–277.

Symonovich E.A. *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (Po materialam Vostochnogo mogil'nika Neapolia skifskogo)*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1983, 174 p.

Treister M. Yu. Zoloto Phanagorii. Tipologicheskiy, stilisticheskiy I khronologicheskiy analiz. *Zoloto Phanagorii* (Phanagoriya. Rezul'taty arkeologicheskikh issledovaniy. Vol. 2). Moscow. 77–181.

Trufanov A.A. K voprosu o khronologii brasletov s zoomorfnymi okonchaniiami (po materialam krymskikh mogil'nikov pozdneskifskogo vremeni). *Pozdnie skify Kryma. Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeia,* 2001, Vol. 118. pp. 71–77.

Trufanov A.A. Priazhki rannikh provintsial'no-rimskikh form v Severnom Prichernomor'e. *Rossiiskaia arkheologiia*, 2004, No. 3, pp. 160–170.

Trufanov A.A. Khronologiia mogil'nikov Predgornogo Kryma I v. do n.e. – III v. n.e. *Stratum plus*. 2005-2009. No.4. pp. 117–328.

Zhuravlev D.V. Krasnolakovaia keramika Iugo-Zapadnogo Kryma I – III vv. n.e. (po materialam

pozdneskifskikh nekropolei Bel'bekskoi doliny). *Materialy po Arkheologii Istorii i Etnografii Tavrii*, 2010, Supplementum, Vol. 9, 320 p.

Zhuravlev D.V., Kostromichev D.A. Dva pogrebal'nykh kompleksa iz nekropolia Khersonesa. *Novaia nauka: sovremennoe sostoianie i puti razvitiia.* Mezhdunarodnoe nauchnoe periodicheskoe izdanie po itogam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (09 dekabria 2015 g., g. Sterlitamak), Part 3, Sterlitamak: RITs AMI Publ., pp. 132–137.

Zolotar'ov M.I., Rizhov S.G. Novii sklep zakhidnogo nekropolia Khersonesu. *Arkheologiia*, 1984, Vol. 48, pp. 68–78.

Zubar V.M., Kostromichova T.I. Sklep № 20 z nekropolia Khersonesa. *Arkheologiia*, 1978, Vol. 27, pp. 58–61.

Zubar' V.M., Sorochan S.B. Novyi pogrebal'nyi kompleks II–IV vv. n.e. i ekonomicheskoe razvitie Khersonesa. Anokhin V.A. (Ed.). *Antichnaia kul'tura Severnogo Prichernomor'ia v pervye veka nashei ery,* Kiev: Naukovadumka Publ., 1986, pp. 101–129.

Резюме

В статье опубликованы материалы двух погребальных комплексов из некрополя Херсонеса в Таврике. Погребения исследованы Р.Х. Лепером на западном участке некрополя в 1909 и 1914 гг. Могила 114-116 (1909 г.) содержала несколько погребений. Их порядок устанавливается по описанию в полевом дневнике. Могила 15 (1914 г.) представляла собой одиночное погребение. Могилы найдены недалеко друг от друга. Их объединяет также наличие однотипных пряжек и золотых предметов в составе погребального инвентаря. Анализ находок показывает, что оба комплекса относятся ко второй половине I в. н.э. Аналогии пряжкам из других памятников Европы позволяют соотнести погребенных с воинской субкультурой.

Ключевые слова: Херсонес, некрополь, Р.Х. Лепер, погребения, ювелирные украшения, пряжки, римский период

Summary

In the article materials of the two burial complexes of the necropolis of Chersonesos in Tauris are published. Burials were studied by R.Kh. Leperin the western sector of the necropolis in 1909 and 1914. Grave 114-116 (1909) contained several burials. Their order is established according to the description in the field diary Grave 15 (1914) is a single burial. The graves were found not far from each other. They were also united by the presence of the same type buckles and gold objects as part of the funerary equipment. Analysis of the findings shows that both sets belong to the second half of the I centuryA.D. Analogies of buckles from other European sites let relate the buried with military subculture.

Key words: Chersonesos, necropol, R.Kh. Leper, graves, jewellery, belt-buckles, Roman time.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Журавлёв Денис Валерьевич, к.и.н.,
Государственный исторический музей,
Российская Федерация, 109012, Москва, Красная пл. 1;
ведущий научный сотрудник,
+7(916) 115-95-99.
denzhuravlev@mail.ru

Костромичёв Даниил Александрович, к.и.н.,
Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»,
Российская Федерация, 299045, Севастополь, Древняя ул., 1
главный научный сотрудник,
+7 (8692) 537401.
akfill@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
Zhuravlev Denis, PhD,
Department of Archaeology, State Historical Museum. 1,
Red square, 109012, Moscow, Russia.
Senior Keeper & Researcher,
+7 (916) 1159599.
denzhuravlev@mail.ru

Kostromichev Daniil,PhD,
The State Museum-Preserve “Tauric Chersonese”, 1, Drevnyaya street,
Sevastopol, 299045, Russian Federation
Chief Research Fellow,
+7 (8692) 537401.
akfill@list.ru

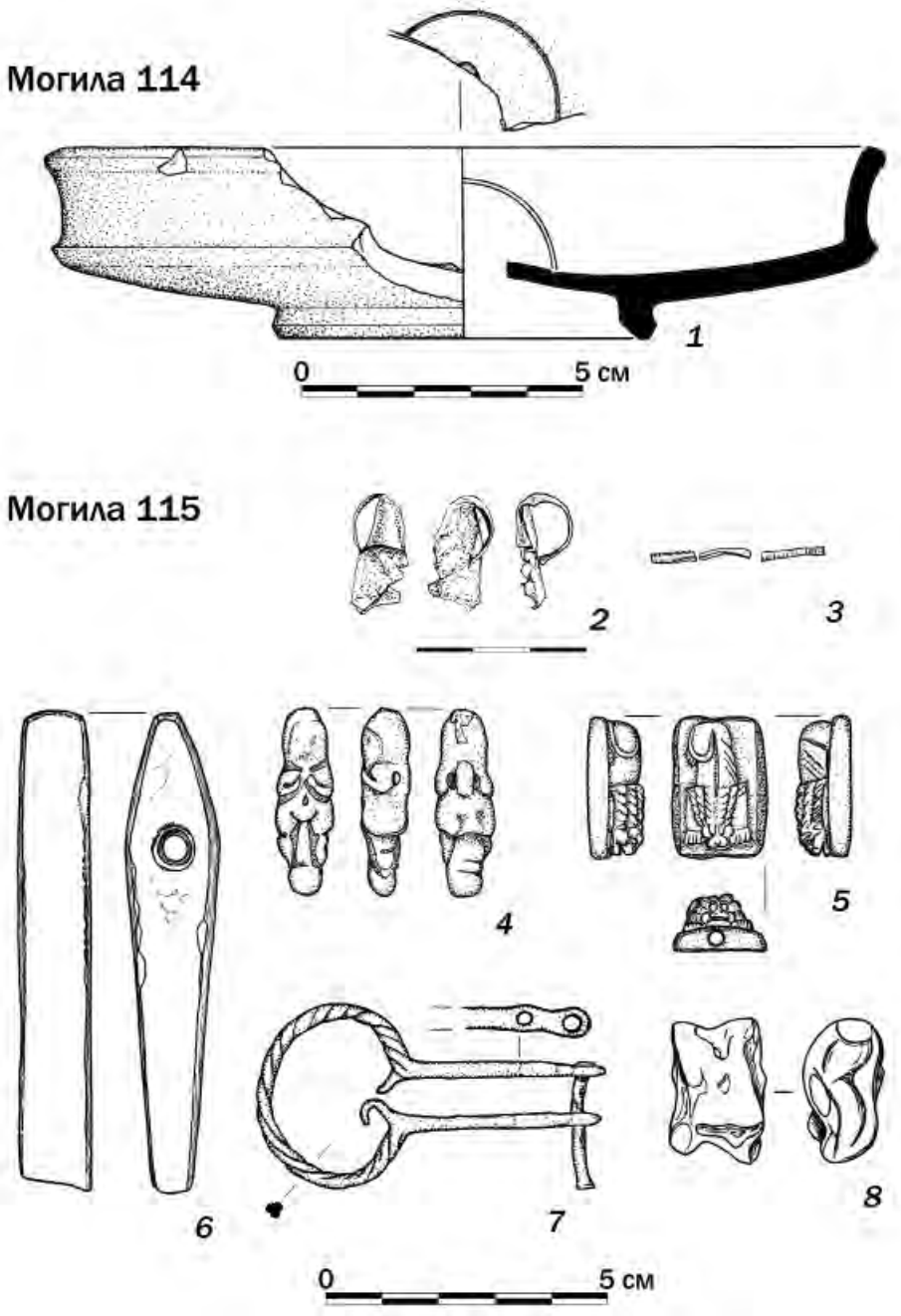


Рис. 1. Инвентарь погребений 114, 115 (1909 г.).

1 – краснолаковая тарелка; 2 – золотая серьга; 3 – золотые пронизи; 4, 5 – подвески из фаянса; 6 – каменный оселок; 7 – бронзовая пряжка; 8 – астрагал.

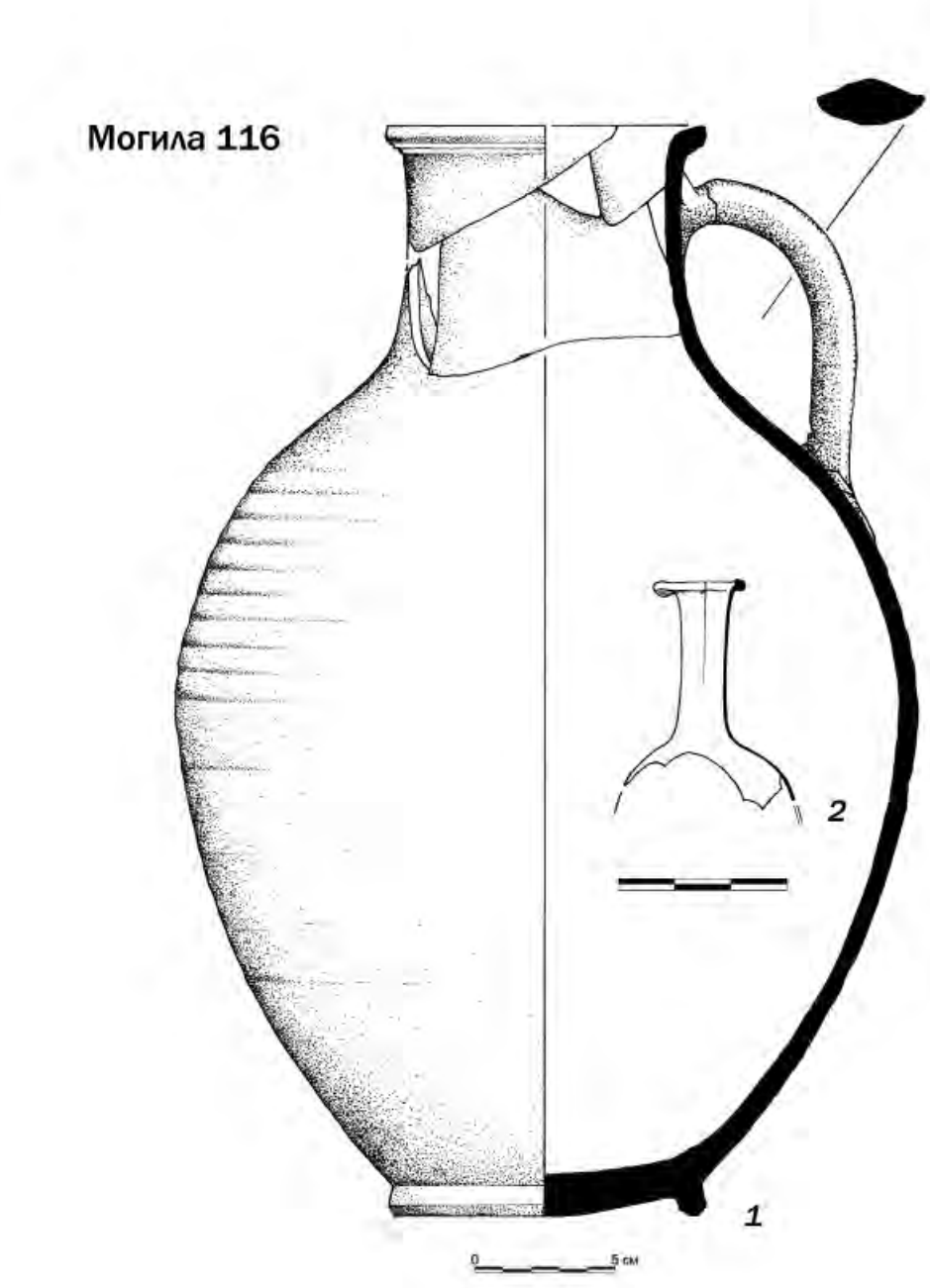


Рис. 2. Инвентарь погребения 116 (1909 г.).
1 – красноглиняный кувшин; 2 – стеклянный бальзамарий.

Рис. 3. Инвентарь погребений 114-116 (1909 г.).

1, 2 – фаянс; 3, 4 – золото; 5 – бронза; 6 – камень; 7 – кость; 8 – стекло; 9, 10 – курамика.

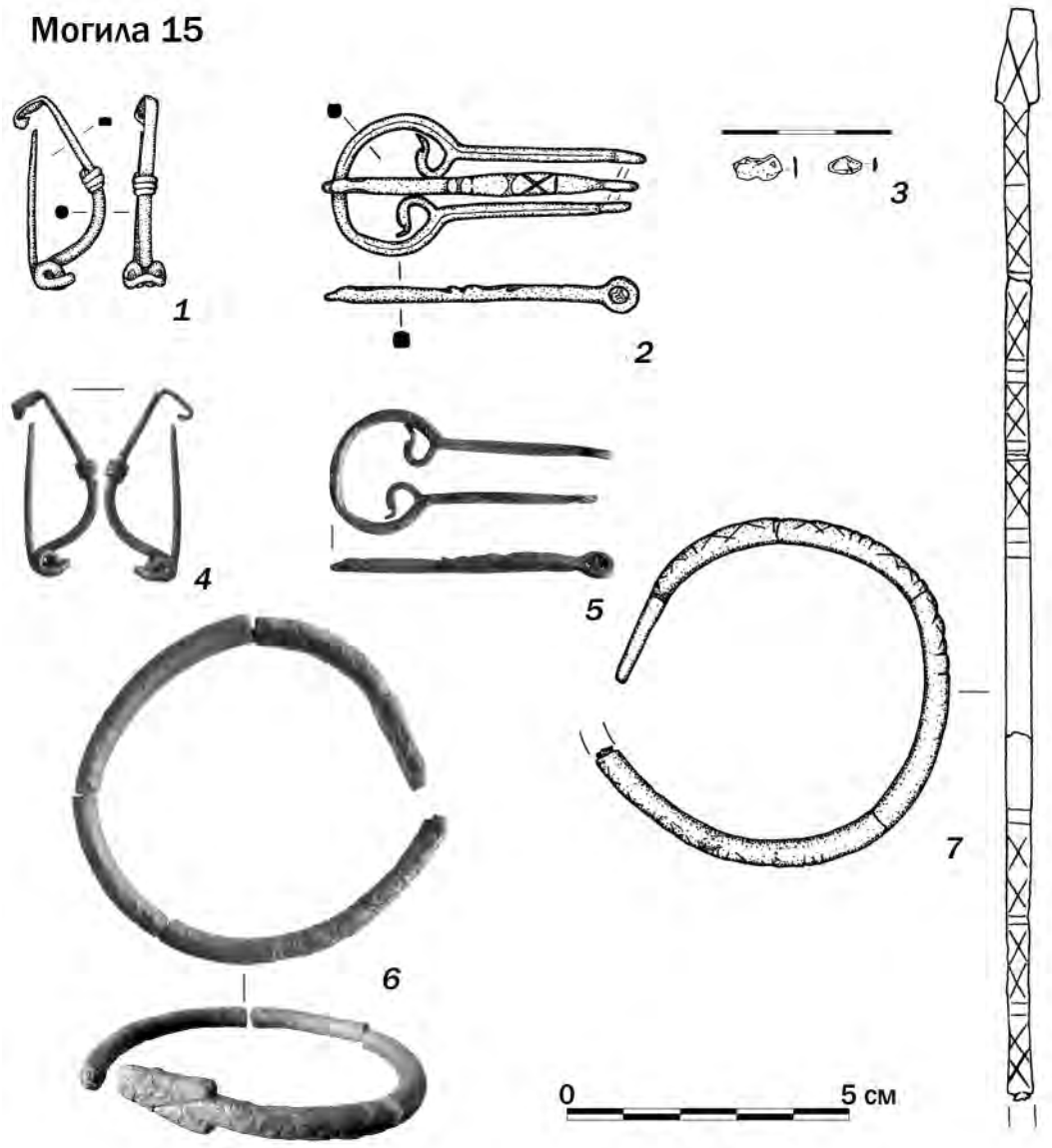


Рис. 4. Инвентарь погребения 15 (1914 г.).
1, 4 – фибула бронзовая; 2, 5 – пряжка бронзовая; 3 – листы золотые; 6, 7 – браслет бронзовый.

М.С. ШАПЦЕВ
M.S. SHAPTSEV

ПОРТРЕТНЫЕ ЭМБЛЕМЫ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ НА ДОНЬЯХ КРАСНОЛАКОВЫХ СОСУДОВ ИЗ РАСКОПОК АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА

PORTRAIT EMBLEMS OF THE ROMAN TIME IN THE BOTTOMS OF RED SLIP VESSELS FROM THE EXCAVATION OF ANCIENT SETTELMENT OF THE CRIMEA

Портретные эмблемы являются редкой группой археологического материала в Крыму (все они относятся к римскому времени). Их появление связано с пропагандой римского владычества и популяризацией культа императоров и членов их семей среди населения как в самой империи, так и среди народов, подвергнувшихся римскому влиянию и вовлечённых в орбиту римской политики.

Портретные эмблемы (emblemata) и эмблемы с различными мифологическими сюжетами появляются в эпоху развитого эллинизма и имели широкое распространение как в различных частях античного мира, так и в странах, подвергшихся влиянию греческой культуры [Вязмитина, 1975, с. 221; Данильченко, 2011, с. 12–13]. Однако особую популярность они получают в римское время. Первые образцы римских портретных изображений на донья сосудов известны со времени Октавиана Августа.

После битвы при Акции Август начинает активно пропагандировать культ правителя. Это проявляется как в скульптуре, так и в чеканке монет. Портретные эмблемы в этом процессе играли вспомогательную роль и были второстепенными инструментами в деле популяризации римского правления.

Керамические сосуды с портретными эмблемами подражали более дорогим изделиям из драгоценных металлов и стоили, конечно же, гораздо дешевле, что позволяло даже несостоятельному населению как самой империи, так и народам вблизи её границы афишировать в быту свою лояльность римским правителям.

В Крыму обнаружено 10 портретных эмблем: четыре экземпляра происходят из Западного Крыма и шесть – из Восточного.

Западный Крым

Фрагмент портретного медальона был обнаружен при исследовании Южно-Днузлавского городища (Поповка) в 1962 г. Медальон оттиснут в форме и наложен на дно краснолакового сосуда (рис. 1,2). Данная находка происходит из слоя, который датируется рубежом эр [Павленков, 1988, с. 257]. Это позволило В. И. Павленкову предположить, что на медальоне был изображён либо Август, либо какой-то член императорской фамилии [Павленков, 1988, с. 256–258, рис. 1].

Два медальона происходят из раскопок городища Кара-Тобе. Первый найден в 2000 г. Изображение на нём также оттиснуто в форме и наложено на дно краснолакового сосуда (рис. 1,5). Слой, из которого происходит находка, можно датировать

второй половиной I в. до н.э. – началом I в. н.э. Анализ изображения позволил считать, что на медальоне также расположен портрет в профиль Октавиана Августа [Шапцев, 2007, с. 354–357, рис. 1].

Второй медальон из раскопок поселения Кара-Тобе был обнаружен в 1999 г., публикуется впервые[1]. От изображения на медальоне сохранились только передняя часть шеи со срезом и бритый подбородок. Судить по ним об изображенном невозможно, ясно только, что голова, как обычно, повернута в профиль влево. Медальон помещен в двойной круглый рельефный рант диаметром 5, 2 см. Изображение накладное, между ним и донцем чаши имеется небольшой зазор (рис. 2,4). Качество оттиска невысокое, контуры нечеткие. Лак красный с буроватым оттенком и графитовым отблеском. Фрагмент найден невдалеке от вышеописанного, в том же слое.

Ещё один медальон происходит из раскопок городища Альма-Кермен Западного Крыма (рис. 1,4,6). По технологии производства он идентичен вышеописанным, в целом датируется также рубежом эр [Висотська, 1970, с. 189, рис. 9,1; Высотская, 1972, с. 116, рис. 9,1].

В 2004 г. при исследовании городища Альма-Кермен были обнаружены фрагменты краснолакового пергамского канфара (рис. 1,4), которые по своим «морфологическим и метрическим признакам» позволили авторам находки предположить, что ранее обнаруженное дно с рельефным медальоном принадлежит этому сосуду [Зайцев и др., 2007, с. 27-28, рис. 1]. Следует отметить, что дно не стыкуется с корпусом сосуда в контакте, а они соединены благодаря графической реконструкции авторов указанной статьи, что вызывает сомнение принадлежность медальона вышеупомянутому сосуду.

Восточный Крым

Две эмблемы куплены в Керчи в конце XIX в. и хранятся в Государственном историческом музее (г. Москва). Они выполнены в той же технике, что и вышеописанные, одно изображение окружено рельефными гирляндами (рис. 1,3) [Вязьмитина, 1975, с. 235].

Одно изображение происходит из раскопок 1957 г. В. Д. Блаватского в Пантикапее (рис. 2,5) [см. Вязмитина, 1975, с. 235].

Также портретный медальон был обнаружен при раскопках Китея. Е. А. Молев (рис. 1,1), обнаруживший его, считает, что данная находка может быть датирована III в. н.э. [Молев, 2002, с. 209; Молев, 2010, с. 86]. Однако такая датировка вызывает сомнения, так как сравнение изображения с вышеописанными образцами и контекст находки позволяют предположить, что данный медальон датируется рубежом эр и является ранней примесью в более позднем слое [см. Молев, 2010, с. 85].

Следующие два медальона происходят из раскопок городища Артезиан (рис. 2,1,2). Оба медальона датируются по контексту рубежом эр – началом I в. н.э. [Винокуров, Трейстер, 2013, с. 270-273; рис. 1–2]. Один из них располагается на целой чаше полу-

[1] Выражаю благодарность д. и. н. С.Ю. Внукову за возможность опубликовать данную находку.

сферической формы (рис. 2,1). Она является первым целым сосудом с портретным медальоном на дне, обнаруженным во всём Северном Причерноморье.

Ещё один медальон с территории Европейского Боспора был обнаружен в Пантикапее (рис. 2,3). Происходит он из мешеного слоя на раскопе Центральный Северный, содержащего находки I–III вв. н. э. [Трейстер, 2014, с. 417].

Вероятнее всего, на всех вышеописанных эмблемах изображен Август либо члены его семьи, о чем свидетельствуют их датировка и анализ портрета [см. Вязмитина, 1975, с. 238–242; Молев, 2002, с. 209; Савельев, 2013, с. 547; Шапцев, 2007, с. 354–355]. С этим предположением не согласен М. Ю. Трейстер, который считает, что на части подобных изделий изображён сподвижник Помпея Великого – Гней Помпей Теофан [Трейстер, 2014]. С этим трудно согласиться, вряд ли этот политический деятель был широко известен в Северо-Причерноморском регионе и пользовался здесь большой популярностью.

Почему в Крыму появились сосуды с портретными эмблемами Августа и членов правящей династии, не вполне понятно. В период его правления в Крыму не было римских солдат. Долговременное их военное присутствие в Таврике фиксируется только со времени Нерона, после экспедиции середины шестидесятых годов н.э. легата Мезии Т. Плавтия Сильвана на помощь Херсонесу, для усмирения скифов. Однако и в более раннее время все Северное Причерноморье находилось в орбите римской политики. Это доказывают и вышеописанные находки.

Исследователи считают, что портретные эмблемы являются средством официальной пропаганды и утверждения престижа Римской империи. Не исключено и их торговое значение [Шапцев, 2007, с. 356]. Находки подобных сосудов в Крыму, возможно, указывают на проживание здесь романофилов, которые стремились демонстрировать свои политические симпатии даже в быту.

Скорее всего эти сосуды с портретными изображениями Августа попадали к поздним скифам Северо-Западного Крыма из соседнего Херсонеса, а на Боспоре поступали из Пантикапея в окрестные города и поселения.

Судя по всему, все вышеописанные портретные эмблемы были произведены в Малой Азии, где ещё с эпохи эллинизма существовали крупные гончарные центры, выпускавшие рельефную столовую посуду.

Их появление в Херсонесе, вероятно, связано с подтверждением при Августе элевтерии городу, впервые дарованной еще Юлием Цезарем. Боспор же при Августе полностью следовал римской политике и был абсолютно проримским государством (вспомним переименования Пантикапея в Кессарию, а Фанагории в Агриппию).

Следует отметить полное отсутствие сосудов с портретными эмблемами в Центральном Крыму. Видимо, этот регион был исключительно варварским и не был подвержен римскому влиянию в период правления Августа и имел слабые экономические связи с прибрежными греческими городами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Висотська Т.М. Городище Алма-Кермен у Криму // Археологія. 1970. Т. XXIV. С. 179–193.

Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наукова Думка, 1972. 191 с.

Данильченко С.А. Чаши с медальоном из Нимфея // Боспорский феномен: Население, языки, контакты: материалы международной научной конференции, Спб., 2011. С. 12-13.

Зайцев Ю.П., Волошинов А.А., Масякин В.В., Мордвинцева В.И., Фирсов К.Б. Флесс Ф. Охранные исследования городища и некрополя Алма-Кермен // Археологічні дослідження в Україні 2005–2007 рр. 2007. Киев. С. 27–29.

Молев Е.А. Рельефные медальоны из Китея // Античный мир и археология. 2002. Вып. 11. С. 205–209.

Молев Е.А. Боспорский город Китей. // БИ. Supplementum 6. Симферополь-Керчь: Афёд-Україна. 2010. 316 с.

Павленков В.И. Фрагмент портретной эмблемы с Южно-Донузлавского городища // СА. 1988. № 1. С. 256–258.

Савельев О.К. Портретные рельефные изображения на керамике римского времени из Тиры // Древнее Причерноморье. 2013. Вып X. С. 544–547.

Трейстер М.Ю. Кто изображён на портретных медальонах из Пантикапея и Китея // Древности Боспора. 2014. Т. 18. С. 417–430.

Шапцев М.С. Портретный оттиск с городища Кара-Тобе // БИ. Вып. XVI. 2002. С. 354–357.

REFERENCES

Visots'ka T.M. Gorodishhe Alma-Kermen u Krimu // Arheologija. 1970. T. XXIV. S. 179–193.

Vysotskaja T.N. Pozdnie skify v Jugo-Zapadnom Krymu. Kiev: Naukova Dumka, 1972. 191 s.

Danil'chenko S.A. Chashi s medal'onom iz Nimfeja // Bosporskij fenomen: Naselenie, jazyki, kontakty: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Spb., 2011. S. 12–13.

Zajcev Ju.P., Voloshinov A.A., Masjakin V.V., Mordvinceva V.I., Firsov K.B. Fless F. Ohrannye issledovanija gorodishha i nekropolja Alma-Kermen // Arheologichni doslidzhennja v Ukraïni 2005-2007 rr. 2007. Kiev. S. 27–29.

Molev E.A. Rel'efnye medal'ony iz Kiteja // Antichnyj mir i arheologija. 2002. Vyp. 11. S. 205–209.

Molev E.A. Bosporskij gorod Kitej. Bosporskie issledovanija. Supplementum 6. Simferopol'- Kerch': Afjod-Ukraïna. 2010. 316 s.

Pavlenkov V.I. Fragment portretnoj jemblemy s Juzhno-Donuzlavskogo gorodishha // SA. 1988. №1. S. 256–258.

Savel'ev O.K. Portretnye rel'efnye izobrazhenija na keramike rimskogo vremeni iz Tiry // Drevnee Prichernomor'e. 2013. Vyp. XX. 544–547.

Trejster M.Ju. Kto izobrazhjon na portretnyh medal'onah iz Pantikapeja i Kiteja // Drevnosti Bospora. T. 18. M., 2014. S. 417–430.

Shapcev M.S. Portretnyj ottisk s gorodisha Kara-Tobe // Bosporskie issledovanija. 2002. Vyp. XVI. S. 354–357.

Резюме

В статье приводятся все найденные в Крыму портретные эмблемы римского времени. Прослеживается их связь с возрастанием римского влияния на Крымский полуостров и появление среди населения людей, поддерживающих официальную римскую политику. Устанавливается принадлежность этих изображений к инструментам распространения культа императора Октавиана Августа.

Ключевые слова: Крым, портретные эмблемы, краснолаковая керамика, Октавиан Август, Рим.

Summary

The article presents the observation of all portrait emblems of the Roman period that were founded in the Crimea. There is traced connections with growing of the Roman influence to the Crimean peninsula and the appearance between the local population some people with the loyalty to the official Roman policy. The pertaining of this images to the tools of spreading of the Emperor Octavian Augustus is stated.

Keywords: Crimea, portrait emblems. Red slip pottery, Octavian Augustus , Rome.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Шапцев Михаил Сергеевич,
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»,
295007, просп. Вернадского, к.2, Симферополь, Крым, Российская Федерация,
младший научный сотрудник.

ABOUT THE AUTHOR
Mikhail Sergeyevich Shaptsev
«Institute of Archeology of Crimea RAS»,
295000, ave. V. I. Vernadsky, building 2, Simferopol, Crimea, the Russian Federation;
Junior researcher.

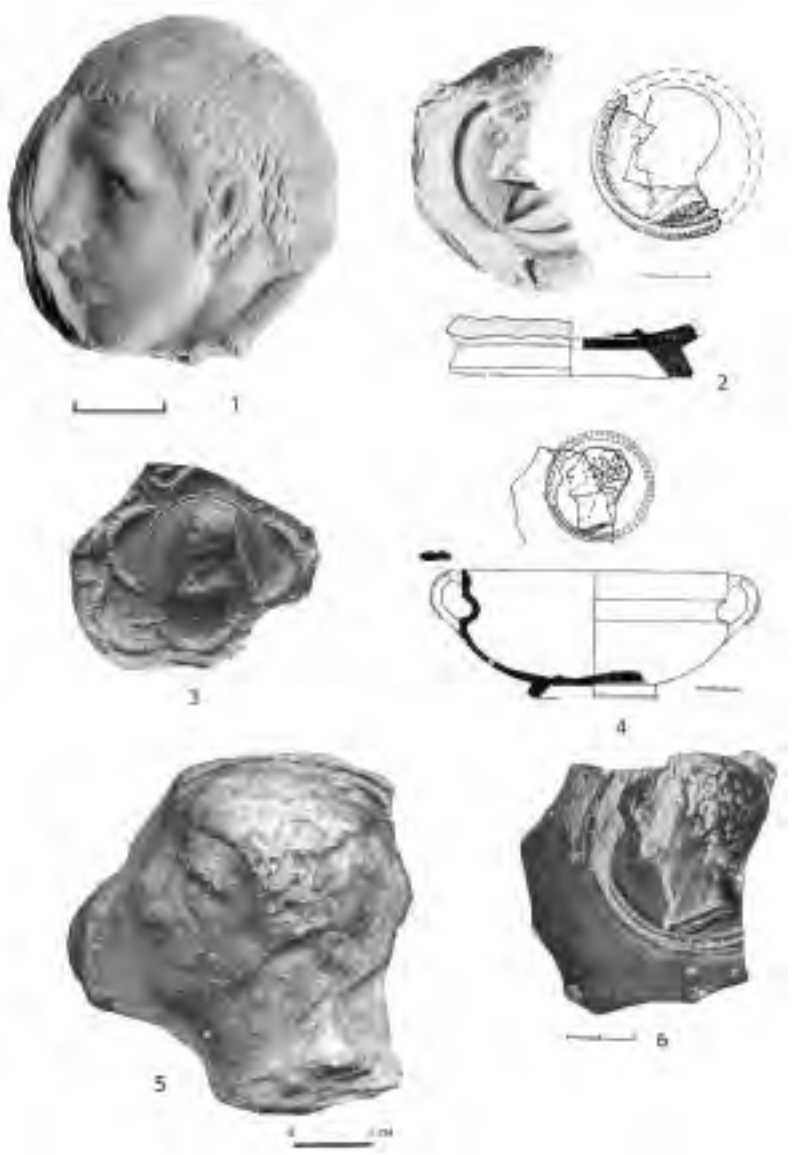


Рис. 1. Портретные эмблемы с территории Крыма:

1. Китей [по: Молев, 2002, рис.1]; 2. Южно-Донузлавское городище [по: Павленков, 1988, рис.1];
3. Керчь [по: Вязьмитина, 1975, рис.3, 3]; 4, Альма-Кермен [по: Высотская, 1972, рис. 9,1];
5. Кара-Тобе [по: Шапцев, 2007, рис. 1]; 6. Альма-Кермен [по: Зайцев и др., 2007, рис. 1].

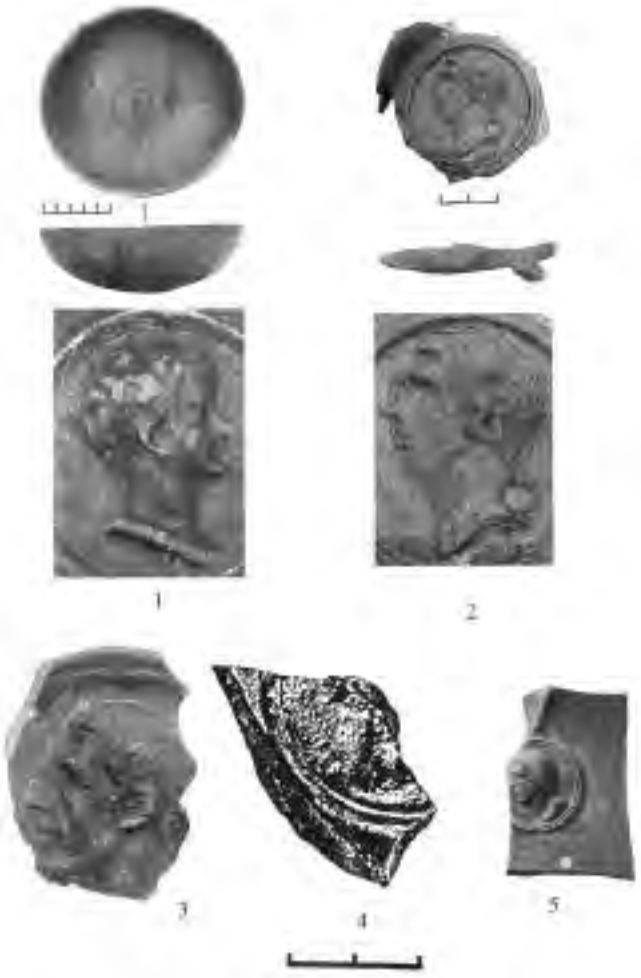


Рис. 2. Портретные эмблемы с территории Крыма:
1, 2. Артезиан [по: Трейстер 2014, рис. 2, 3-4]; 3. Пантикапей [по: Трейстер 2014, рис. 2, 1]; 4. Кара-Тобе; 5. Керчь [по: Вязьмитина, 1975, рис.3, 4].

С.А. МУЛЬД, В.В. КРОПОТОВ
S.A. MULD, V.V. KROPOTOV

ДЕТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В АМФОРЕ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЛЕВАДКИ (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРЫМ)[1]

CHILD BURIAL IN THE AMPHORA FROM CEMETERY LEVADKI (THE CENTRAL CRIMEA)

Могильник Левадки расположен в центральной части Крымского полуострова в 6 км к юго-западу от г. Симферополя, в 1,5 км к югу от одноименного села Симферопольского района Республики Крым. С середины 90-х гг. XX в. грабителями ведется его активное уничтожение: на площади около 2,5 га разрушено не менее 250 погребальных сооружений. Охранно-археологические исследования памятника, начатые в 1997 г., с 2000 г. ежегодно проводятся экспедицией Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины (ныне Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма при Крымском федеральном университете им. В.И. Вернадского) под руководством С.А. Мульда. В настоящее время раскопано 191 погребальное сооружение, в том числе 22 катакомбы, 26 склепов, 94 подбойные могилы, 9 могил с заплечиками, перекрытыми каменными плитами, 35 простых грунтовых могил с погребениями коней, два захоронения в хозяйственных ямах, а также три незавершенных погребальных сооружения. Судя по полученным материалам, некрополь функционировал непрерывно в течение примерно 400 лет с середины II в. до н.э. до середины III в. н.э. Набор погребального инвентаря и обряд захоронений позволяют атрибутировать могильник как типичный памятник позднескифской культуры Центрального Крыма, обладающий всеми ее характерными чертами.

Несмотря на то, что часть открытых в ходе раскопок некрополя могил уже опубликована [Храпунов и др., 2001; Храпунов, Мульд, 2004; Мульд, 2003; 2011; Мульд, Масякин, 2003; Мульд, Кропотов, 2013; и др.], многие погребения, имеющие особый научный интерес, до сих пор остаются малоизвестными широкому кругу исследователей. Среди них – могила 107, представляющая собой единственное детское захоронение в амфоре, открытое на могильнике. Введению в научный оборот этого интересного комплекса посвящена данная работа.

Могила 107 располагалась на южной окраине памятника и была построена

[1] Работа подготовлена в рамках выполнения фундаментальных научных исследований по теме (проекту) Института археологии Крыма РАН №0832-2015-0004 «Кросс-культурные связи населения греческих городов Северо-Западного и Восточного Крыма, Причерноморья и Средиземноморья и их варварской периферии» и гос. задания Минобрнауки РФ № 2015/701-3 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

на краю глубокой балки, резко понижающейся в Курцево-Сабловскую долину. Конструктивно сооружение представляло собой небольшую подбойную могилу, выкопанную в мягком предматериковом грунте, и было ориентировано по оси ЮЮЗ – ССВ (рис. 1). Контуры входной ямы могилы проследить не удалось, так как ее дно находилось на глубине всего 0,1 – 0,3 м от уровня современной дневной поверхности. Предполагаемые размеры входной ямы: длина не менее 0,85 м, ширина 0,3 – 0,4 м. Погребальная камера была вырублена в ее западной стенке и имела длину около 1 м, ширину 0,4 м. Пол камеры ниже дна входной ямы на 0,05 м, переход оформлен в виде пологой ступеньки. От входной ямы погребальная камера была отгорожена рядом вертикально поставленных каменных плит, на момент раскопок завалившихся внутрь сооружения.

В погребальной камере обнаружены остатки захоронения ребенка грудного возраста, помещенного в могилу внутри тулова коричневоглиняной амфоры (рис. 2,10). Кости усопшего полностью истлели, и лишь по расположению инвентаря можно предположить, что покойный был ориентирован головой на Ю-ЮЗ. При погребении найдены: бронзовая фибула с завитком на конце приемника (рис. 2,1), бронзовый полусферический колокольчик (рис. 2,5), пронизь в виде скарабея из египетского фаянса бирюзового цвета (тип 50в)[2] (рис. 2,4) и набор бус – в виде дисков с округлыми краями из прозрачного темно-синего стекла, объединенные по две-три в нерасчлененные столбики (50 экз., тип 15) (рис. 2,3), округлые поперечно сжатые из глухого красного стекла с семью сине-белыми глазками (3 экз., тип 60а) (рис. 2,7), шаровидные ребристые из египетского фаянса бирюзового цвета (2 экз., тип 16б) (рис. 2,8), коротко-цилиндрическая из гагата (тип 27а) (рис. 2,6), а также шаровидные поперечно сжатые из глухого грязно-голубого стекла (2 экз., тип 16) (рис. 2,2); два последних образца были найдены внутри бронзового колокольчика и, возможно, служили для него язычком.

Выявленный в могиле инвентарь хоть и не многочислен, все же достаточно информативен в хронологическом плане.

Так, очень важной находкой является большая коричневоглиняная амфора, в которой было совершено захоронение (рис. 2,9). К сожалению, сосуд сохранился не полностью: его ножка, горло и обе ручки утрачены в древности. Однако представленные части – вытянутое сигарообразное тулово с перехватом посередине корпуса, сформованное из рыхлой глины темно-коричневого цвета с большим количеством примесей (длина сохранившейся части – 73,5 см, максимальный диаметр – 23,5 см), и нижний прилеп одной из ручек, сильно уплощенных в сечении, – весьма выразительны и позволяют отождествить данный образец с так называемыми колхидскими амфорами с коротким воронковидным горлом, небольшими петлевидными ручками и конической ножкой [Внуков, 2003, с. 160 и сл., рис. 66,320-324]. С.Ю. Внуков от-

[2] Здесь и далее при описании пронизей и бус используется типология Е.М. Алексеевой [Алексеева, 1975; 1978].

носит подобные изделия к подварианту Кх В2 и датирует их второй половиной I в. до н.э. – началом II в. н.э. [Внуков, 2001, с. 149], подчеркивая немногочисленность таких сосудов в последней четверти I – начале II вв. н.э., когда они стали быстро вытесняться образцами более позднего варианта КхС [Внуков, 2006, с. 168].

Столь же показательна бронзовая одночленная фибула с сужающейся к ножке пластинчатой спинкой, короткой четырехвитковой пружиной с нижней тетивой и низким сплошным приемником с S-видным завитком на конце (рис. 2,1). Аналогичные застежки А.К. Амброз включил в тип 2 группы 13 своей классификации и датировал второй половиной I и частью II вв. н.э. [Амброз, 1966, с. 46]. Новые исследования лишь незначительно корректируют это определение – фибулы с S-видным завитком на конце приемника данной серии были наиболее популярными во второй половине I – начале II вв. н.э. и только изредка использовались в последующее время [Кропотов, 2010, с. 183].

Более широкую датировку – вторая половина I – первая половина III вв. н.э. – предполагает маленький бронзовый полусферический колокольчик (рис. 2,5), являющийся одной из самых массовых категорий находок на всех позднескифских могильниках первых веков н.э. [Труфанов, 2005–2009, с. 235].

Найденные в погребении бусы и пронизи Е.М. Алексеева датирует широко: округлые поперечно сжатые из синего и грязно-голубого стекла типов 15 и 16, а также гагатовые коротко-цилиндрические типа 27а IV в. до н.э. – IV в. н.э. [Алексеева, 1978, с. 14, 64-65], округлые поперечно сжатые из глухого красного стекла с сине-белыми глазками типа 60а и шаровидные ребристые из египетского фаянса типа 16б – в пределах III-II вв. до н.э. – первой половины II в. н.э. [Алексеева, 1975, с. 33–34, 66], и лишь для пронизей в виде скарабея из египетского фаянса типа 50в допускает более или менее узкую дату – I в. н.э., не исключая бытование отдельных экземпляров как в I в. до н.э., так и во II в. н.э. [Алексеева, 1975, с. 42].

Принимая во внимание приведенные выше определения, весь комплекс могилы 107 в целом следует датировать второй половиной I – началом II вв. н.э., указывая на третью четверть I в. н.э. как на наиболее вероятное время совершения захоронения.

Детские погребения в амфорах, помимо Левадковского могильника, отмечены также и на ряде других позднескифских некрополей – в Беляусе, Заветном, Скалистом III, Балта-Чокраке и Неаполе, где они тоже единичны [Дашевская, 2014, с. 10; Богданова, 1989, с. 24; Богданова и др., 1976, с. 124; Зайцев и др., 2005, с. 175; Пуздровский, 1987, с. 205–207]. Известны такие захоронения и в культурных слоях позднескифских городищ, однако и здесь они немногочисленны [см., например, Высотская, 1972, с. 38–39; 1994, с. 25; Храпунов, 1991, с. 13; Зайцев, 1994, с. 112; Гречко, 2015, с. 184–185]. Два из этих погребений – Неаполь, могила 72 и Беляус, могила 105 – несомненно, датируются I в. н.э. [Пуздровский, 1987, с. 205–207; 1992, с. 188; Дашевская, 2014, с. 10]. Комплексы из Скалистого III (могила Б-13) и Заветного (могилы 100 и 201), по-видимому, относятся к более позднему времени: ко II – III вв. н.э. [Богданова и др., 1976, с. 135–136; Богданова, 1989, с. 31], а захо-

ронение в могиле 34 могильника Балта-Чокрак, судя по найденным в нем янтарным грибовидным подвескам, является самым поздним – оно совершено не ранее середины III в. н.э. [Зайцев и др., 2005, с. 175]. В целом первыми веками н.э. исследователи датируют и амфорные погребения на позднескифских городищах [Высотская, 1972, с. 38–39; Зайцев, 1994, с. 112; Пуздровский, 2007, с. 112–113; Гречко, 2015, с. 187].

Таким образом, детские захоронения в амфорах на позднескифских памятниках единичны и датируются в основном I – III вв. н.э.

Гораздо шире описываемые погребения представлены на античных памятниках Северного Причерноморья. Здесь они встречаются преимущественно на некрополях и массово распространяются уже на раннем этапе греческой колонизации региона: во второй половине VI – начале V вв. до н.э. [Лапин, 1966, с. 225–228; Козуб, 1974, с. 25–26; Сорокина, Сударев, 2000, с. 195 и сл.]. Именно поэтому многие исследователи считают их отличительной чертой античной культуры, а появление данного обряда среди варварского населения Крыма в первые века н.э. трактуют как следствие интенсивного процесса эллинизации варваров, изменения их религиозных представлений [Зубарь, 1982, с. 51; Бунятян, Зубарь, 1991, с. 237; Гречко, 2015, с. 188] или даже как результат непосредственного проникновения греков в позднескифскую среду [Пуздровский, 1987, с. 207].

Вместе с тем следует подчеркнуть сходство позднескифских амфорных захоронений с остальными детскими погребениями, открытыми на этих памятниках: все они, как правило, совершены в таких же небольших подбойных или простых грунтовых могилах и сопровождаются такими же наборами погребального инвентаря – мелкими личными украшениями. По сути, отличие заключается лишь в использовании сосуда в качестве своеобразного гробовища, применявшегося крайне редко. Так, из 59 однотипных детских захоронений, изученных на могильнике Левадки, такой элемент отмечен только в публикуемом комплексе. Близкое соотношение обоих типов погребений зафиксировано на городище и пригороде Неаполя Скифского в ходе раскопок 1978 – 1993 гг. – одно на не менее чем 25 [Пуздровский, 2007, с.112-113]. Показательно и полное отсутствие амфорных захоронений среди 37 детских могил некрополя Опушки [Стоянова, 2012, с. 7 и сл.], а также 10 детских погребений, открытых на поселении в Барабановской балке [Храпунов и др., 2007, с. 6-7; 2009, с. 11].

В этой связи появление обряда захоронения детей в амфорах в позднескифском обществе, с нашей точки зрения, не следует объяснять его интенсивной эллинизацией в первые века н.э. Единичные отклонения от стандартных обрядовых норм скорее свидетельствуют о проникновении отдельных элементов античной моды в глубь Крымского полуострова в результате развития торгово-экономических и культурных связей в Северном Причерноморье, чем о существенном изменении традиционных религиозных представлений поздних скифов после рубежа н.э.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1975. 120 с.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1978. 120 с.

Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. // САИ. Вып. Д1-30. М.: Наука, 1966. 150 с.

Богданова Н.А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Тр. ГИМ. 1989. Вып.70. С. 17–70.

Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I – III вв. н.э.) // СА. 1976. № 4. С. 121–152.

Бунятян Е.П., Зубарь В.М. Новый участок детских погребений позднеантичного некрополя Херсонеса // СА. 1991. № 4. С. 228–239.

Внуков С.Ю. О выделении разновидностей коричневоглиняных амфор // Проблемы истории, филологии, культуры. 2001. Вып. X. С. 144–165.

Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология). М.: Институт археологии РАН, 2003. 236 с.

Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.: Алетейя, 2006. 320 с.

Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наукова думка, 1972. 192 с.

Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская академия евробизнеса, 1994. 208 с.

Гречко Д.С. Исследование городища Джан-Баба в Северо-Западном Крыму // Старожитності раннього залізного віку. Археологія і давня історія України. 2015. Вип. 2 (15). С. 177–190.

Дашевская О.Д. Некрополь Беляуса. Симферополь: Предприятие Феникс, 2014. 284 с.

Зайцев Ю.П. Исследования Южного дворца Неаполя Скифского // Археологические исследования в Крыму. 1993 г. / Ред.-сост. В.А. Кутайсов. Симферополь: Таврия, 1994. С. 111–119.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., Неневоля И.И., Фирсов К.Б., Радочин В.Ю. Позднескифский могильник Балта-Чокрак у с. Скалистое Бахчисарайского района АРК // Херсонесский сборник. 2005. Вып. XIV. С. 169-196.

Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I – IV вв. н.э. Киев: Наукова думка, 1982. 144 с.

Козуб Ю.І. Некрополь Ольвії V – IV ст. до н.е. Київ: Наукова думка, 1974. 184 с.

Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.

Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1966. 240 с.

Мульд С.А. Новые исследования могильника Левадки в Крыму // IV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь, 2003. С. 187–190.

Мульд С.А. Склеп с двумя погребальными камерами из могильника Левадки // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2011. Вып. XVII. С. 94–115.

Мульд С.А., Кропотов В.В. Склеп 96 могильника Левадки (Центральный Крым) // РА. 2013. № 3. С. 114–124.

Мульд С.А., Масякин В.В. Позднескифский склеп № 20 могильника у с. Левадки в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2003. Вып. X. С. 5–31.

Пуздровский А.Е. Погребение в амфоре на некрополе Неаполя Скифского // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н.э. – VII в. н.э. / Отв. ред. Т.Н. Высотская. Киев: Наукова думка, 1987. С. 205–207.

Пуздровский А.Е. Новый участок Восточного некрополя Неаполя Скифского // РА. 1992. № 2. С. 181–199.

Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-информ, 2007. 480 с.

Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Детские погребения Северного Причерноморья VI – III вв. до н.э. // Stratum plus. 2000. № 3. С. 193–204.

Стоянова А.А. Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003 – 2009 гг.). Симферополь: Доля, 2012. 100 с.

Труфанов А.А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // Stratum plus. 2005–2009. № 4. С. 117–328.

Храпунов И.Н. Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981 – 1989 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1991. Вып. II. С. 3–34.

Храпунов И.Н., Мульд С.А. Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры // Проблемы истории, филологии, культуры. 2004. Вып. XIV. С. 239–269.

Храпунов И.Н., Мульд С.А., Стоянова А.А. Позднескифский могильник у с. Левадки // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 2001. Вып. 2. С. 105–168.

Храпунов И.Н., Власов В.П., Смокотина А.В. Поселение в Барабановской балке (по результатам раскопок 2004 – 2006 гг.). Симферополь: Доля, 2007. 56 с.

Храпунов И.Н., Власов В.П., Смокотина А.В., Шапцев М.С. Поселение в Барабановской балке (по результатам раскопок 2007 и 2008 гг.). Симферополь: Доля, 2009. 132 с.

REFERENCES

Alekseeva E.M. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, 1975, vol. G1-12, 120 p.

Alekseeva E.M. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, 1978, vol. G1-12, 120 p.

Ambroz A.K. Fibuly iuga Evropeiskoi chasti SSSR II v. do n.e. – IV v. n.e. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, 1966, vol. D1-30, 150 p.

Bogdanova N.A. Mogil'nik pervykh vekov nashei ery u s. Zavetnoe. *Arkheologicheskie issledovaniia na iuge Vostochnoi Evropy. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia*, 1989, vol. 70, p. 17–70.

Bogdanova N.A., Gushchina I.I., Loboda I.I. Mogil'nik Skalistoe III v Iugo-Zapadnom Krymu (I – III vv. n.e.). *Sovetskaia arkheologia*, 1976, 4, p. 121–152.

Buniatian E.P., Zubar' V.M. Novyi uchastok detskikh pogrebenii pozdneantichnogo nekropolia Khersonesa. *Sovetskaia arkheologia*, 1991, 4, p. 228–239.

Vnukov S.Iu. O vydelenii raznovidnostei korichnevoglinianykh amfor. *Problemy istorii, filologii, kultury*, 2001, vol. X, p. 144–165.

Vnukov S.Iu. *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. (morfologiia)*. Moskva, Institut arkheologii RAN Publ., 2003, 236 p.

Vnukov S.Iu. *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. Chast' II. Petrografiia, khronologiia, problemy torgovli.* Sankt-Peterburg, Aleteiia Publ., 2006, 320 p.

Vysotskaia T.N. *Pozdnie skify v Iugo-Zapadnom Krymu.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1972, 192 p.

Vysotskaia T.N. *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'*. Kiev, Kievskaia Akademiia Evrobiznesa Publ., 1994, 208 p.

Grechko D.S. Issledovanie gorodishcha Dzhan-Baba v Severo-Zapadnom Krymu. *Starozhitnosti rann'ogo zaliznogo viku. Arkheologiia i davnia istoriia Ukrainy,* 2015, vol. 2(15), p. 177–190.

Dashevskaia O.D. *Nekropol' Beliausa*. Simferopol', Predpriiatie Feniks Publ., 2014, 284 p.

Zaitsev Iu.P. Issledovaniia Iuzhnogo dvortsa Neapolia Skifskogo. *Kutaisov V.A. (Ed.). Arkheologicheskie issledovania v Krymu 1993 g.* Simferopol', Tavriia Publ., 1994, p. 111–119.

Zaitsev Iu.P., Mordvintseva V.I., Nenevolia I.I., Firsov K.B., Radochin V.Iu. Pozdneskif-skii mogil'nik Balta-Chokrak u s. Skalistoe Bakhchisaraiskogo raiona ARK. *Khersonesskii sbornik*, 2005, vol. XIV, p. 169–196.

Zubar' V.M. *Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo I – IV vv. n.e.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1982, 144 p.

Kozub Iu.I. *Nekropol' Ol'vii V – IV st. do n.e.* Kyiv, Naukova dumka Publ., 1974, 184 p.

Kropotov V.V. *Fibuly sarmatskoi epokhi.* Kiev, ADEF-Ukraina Publ., 2010, 384 p.

Lapin V.V. *Grecheskaia kolonizatsiia Severnogo Prichernomor'ia*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1966, 240 p.

Muld S.A. Novye issledovaniia mogil'nika Levadki v Krymu. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «IV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriyskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia»*. Kerch', 2003, p. 187–190.

Muld S.A. Sklep s dvumia pogrebal'nymy kamerami iz mogil'nika Levadki. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2011, Vol. XVII, p. 94–115.

Muld S.A., Kropotov V.V. Sklep 96 mogil'nika Levadki (Tsentral'nyi Krym). *Rossiiskaia arkheologiia,* 2013, 3, p. 114–124.

Muld S.A., Masiakin V.V. Pozdneskifskii sklep 20 mogil'nika u s. Levadki v Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2003, Vol. X, p. 5–31.

Puzdrovkii A.E. Pogrebenie v amfore na nekropole Neapolia Skifskogo. *Vysotskaia T.N. (Ed.) Materialy k etnicheskoi istorii Kryma VII v. do n.e. – VII v. n.e.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1987, p. 205–207.

Puzdrovkii A.E. Novyi uchastok Vostochnogo nekropolia Neapolia Skifskogo. *Rossiiskaia arkheologiia*, 1992, 2, p. 181–199.

Puzdrovkii A.E. *Krymskaia Skifiia II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pamiatniki*. Simferopol', Biznes-Inform Publ., 2007, 480 p.

Sorokina N.P., Sudarev N.I. Detskie pogrebeniia Severnogo Prichernomor'ia VI – III vv. do n.e. *Stratum plus*, 2000, 3, p. 193–204.

Stoianova A.A. *Detskie pogrebeniia iz mogil'nika Opushki (po rezul'tatam raskopok 2003 – 2009 gg.).* Simferopol', Dolia Publ., 2012, 100 p.

Trufanov A.A. Khronologiia mogil'nikov Predgornogo Kryma I v. do n.e. – III v. n.e. *Stratum plus*, 2005–2009, 4, p. 117–328.

Khrapunov I.N. Bulganakskoe pozdneskifskoe gorodishche (po raskopkam 1981 – 1989 gg.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* 1991, vol. II, p. 3–34.

Khrapunov I.N., Muld S.A. Katakomby iz mogil'nikov Fontany i Levadki v sviazi s proiskhozhdeniem pozdneskifskoi kultury. *Problemy istorii, filologii, kultury*, 2004, vol. XIV, p. 239–269.

Khrapunov I.N., Muld S.A., Stoianova A.A. Pozdneskifskii mogil'nik u s. Levadki. *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*, 2001, vol. 2, p. 105–168.

Khrapunov I.N., Vlasov V.P., Smokotina A.V. *Poselenie v Barabanovskoi balke (po rezul'tatam raskopok 2004 – 2006 gg.).* Simferopol', Dolia Publ., 2007. 56 p.

Khrapunov I.N., Vlasov V.P., Smokotina A.V., Shaptsev M.S. *Poselenie v Bara-banovskoi balke (po rezul'tatam raskopok 2007 i 2008 gg.)*. Simferopol', Dolia Publ., 2009, 132 p.

Резюме

В статье публикуются результаты исследования единственного детского погребения в амфоре, открытого на могильнике Левадки. Погребальный инвентарь датирует этот комплекс второй половиной I – началом II вв. н.э. Несмотря на то, что амфорные захоронения считаются отличительной чертой античной культуры, а их появление в Предгорном Крыму рассматривается в контексте эллинизации местных варваров, единичность таких погребений на позднескифских памятниках скорее указывает на проникновение отдельных элементов античной моды, чем на существенное изменение религиозных воззрений поздних скифов.

Ключевые слова: Центральный Крым, поздние скифы, могильник, детское погребение, римское время.

Summary

In article results of research of the unique child burial in the amphora occurring from cemetery Levadki are published. The funeral things date this complex to the second half of I – beginning of II centuries AD. In spite of the fact that amphora's burial places are considered as distinctive signs of ancient art and their occurrence in the Foothill Crimea is usually treated in a context of Hellenization

of local barbarians, the singularity of such burials on Late Scythian monuments testifies more likely some distribution of antique fashion, than essential change of their religious views.

Keywords: the Central Crimea, Late-Scythians, cemetery, child burial, Roman period.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Мульд Сергей Альфредович,
Научно-исследовательский центр Истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского.
295033, г. Симферополь, пр. Вернадского, д.4,
научный сотрудник,
+7(978) 824-57-82.
muld@mail.ru

Кропотов Виктор Валерьевич, к.и.н.,
Институт археологии Крыма РАН.
295033, г. Симферополь, пр. Вернадского, д.2,
старший научный сотрудник,
+7(978) 806-37-86.
v-kropotov@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
Mul'd Sergei Alfredovich,
Research Center of History and Archaeology of the University of Crimea
of the Crimean Fed-eral University named after Vernadskii.
pr. Vernadskogo, 4, Simferopol', Crimea 295033,
Researcher,
+7(978) 824-57-82.
muld@mail.ru

Kropotov Viktor Valer'evich, CSc.
Russian Academy of Sciences Institute of Archaeology of the Crimea.
pr. Vernadskogo, 2, Simferopol', Crimea 295033,
Senior Researcher,
+7(978) 806-37-86.
v-kropotov@bk.ru

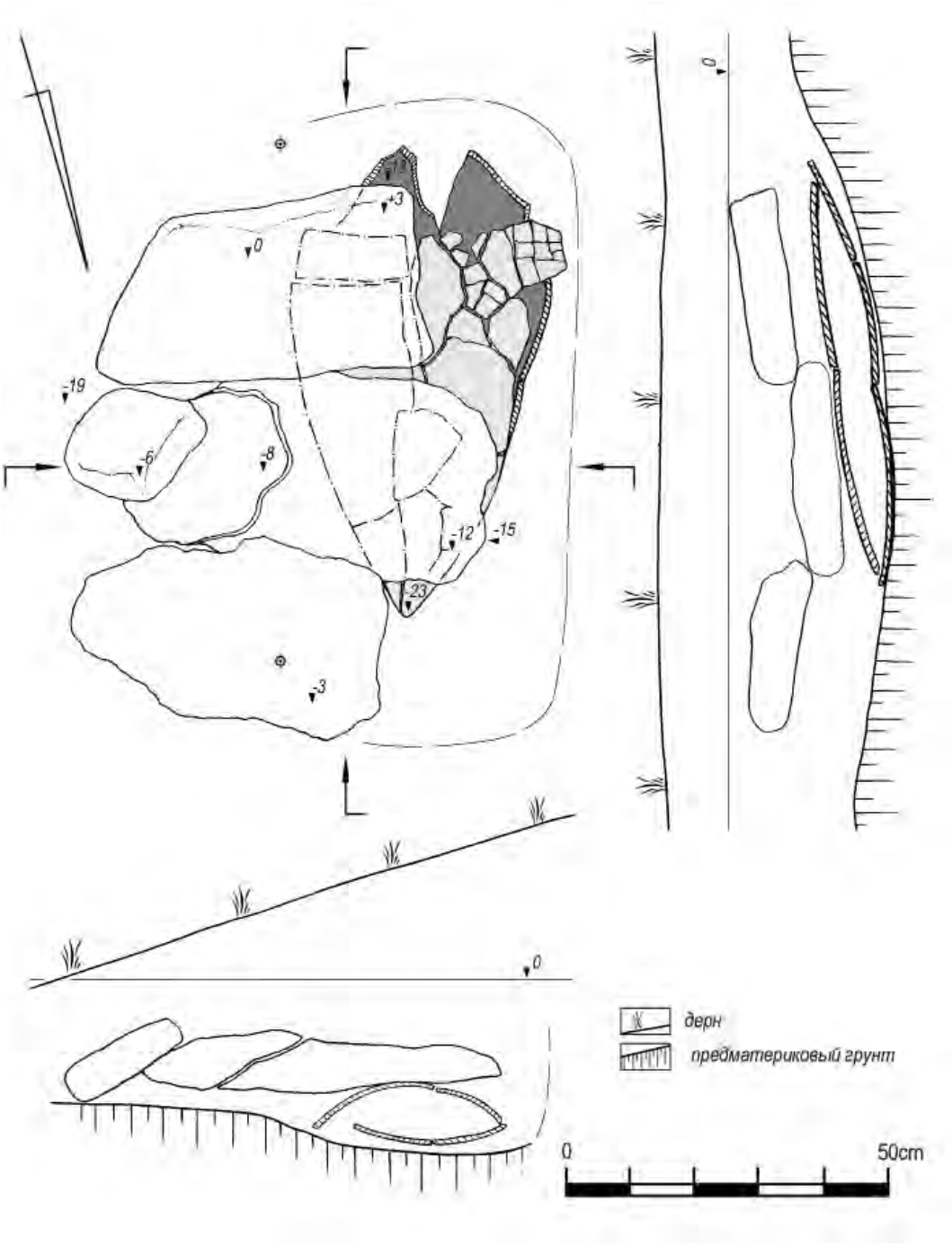


Рис. 1. Могила 107, общий план и разрезы.

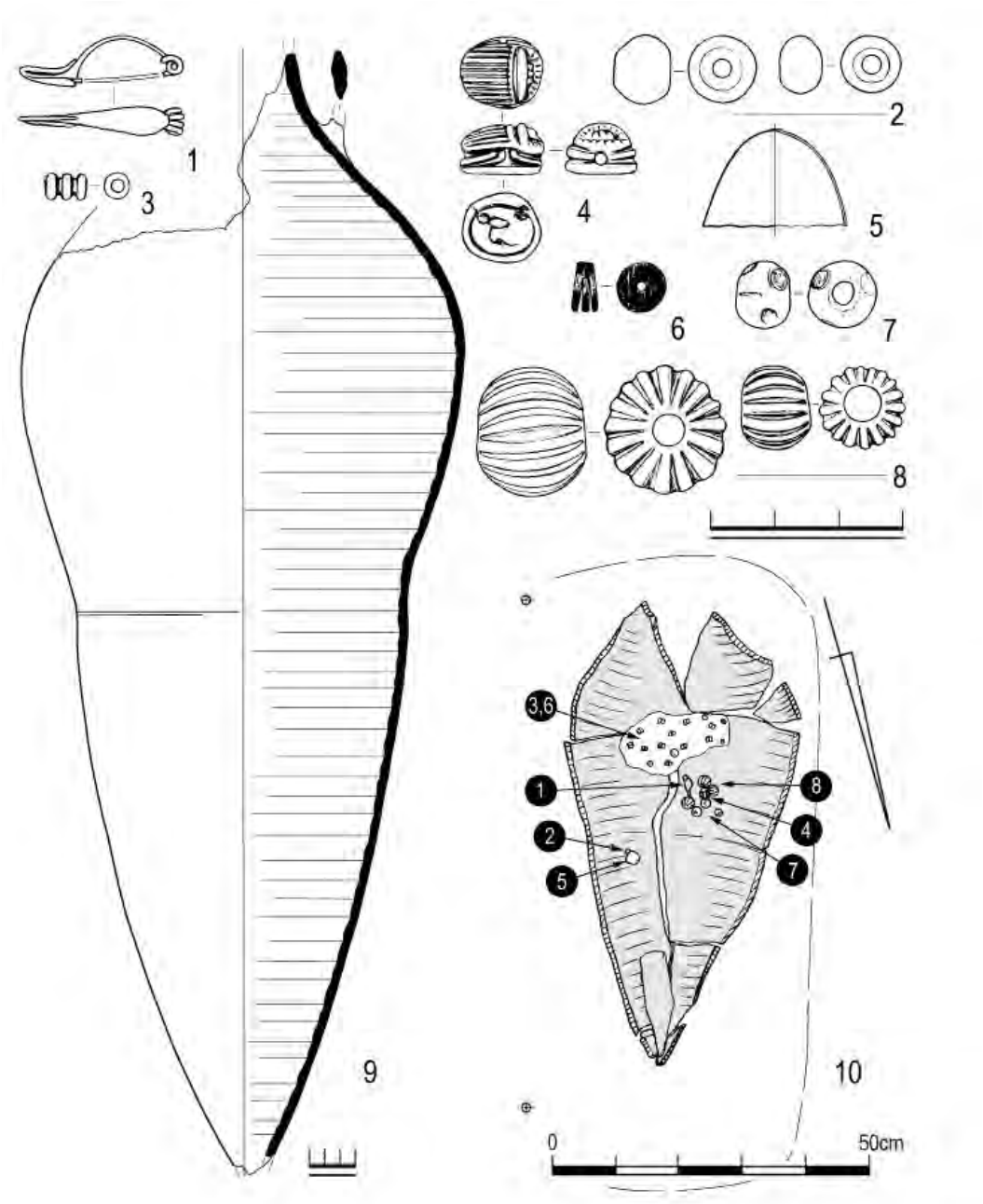


Рис. 2. Могила 107, план погребения и инвентарь:
1,5 – бронза, 2,3,7 – стекло, 4,8 – египетский фаянс, 6 – гагат, 9 – керамика.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Т.Н. СМЕКАЛОВА, Е.Б. ЯЦИШИНА, Ф.Н. ЛИСЕЦКИЙ, А.В. ЧУДИН,
А.С. ГАРИПОВ, А.Е. ПАСУМАНСКИЙ, Р.С. КЕЦКО
T.N. SMEKALOVA, E.B. YACISHINA, F.N. LISETSKY, A.V. CHUDIN,
A.S. GARIPOV, A.E. PASUMANSKII, R.S. KETSKO

ВЫСОКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В АРХЕОЛОГИИ НА ПРИМЕРЕ КРЫМА[1]
HIGH TECHNOLOGIES IN ARCHEOLOGY WITH THE EXAMPLES OF CRIMEA

Активное внедрение естественнонаучных методов в археологию находится в русле общей тенденции нашего времени по сближению точных и гуманитарных наук. Современные археологические исследования уже невозможны без применения всего комплекса естественнонаучных приемов для изучения как самого памятника и его позиции в культурно-историческом ландшафте, так и отдельных элементов культурного слоя.

Археологические памятники как продукты деятельности природы и древнего человека фактически являются «архивами прошлого». Они хранят в себе информацию о самих исторических событиях и о среде обитания древнего человека. Наша задача изучать эти «архивы» всеми доступными, прежде всего неразрушающими способами и одновременно сохранять их для будущих исследователей, которые, несомненно, будут вооружены более совершенными научными технологиями.

Не секрет, что зачастую раскопки являются одновременно и гибелью памятников археологии, так как уничтожается самое главное – культурный слой. Древние строения, веками и тысячелетиями находившиеся непотревоженными под землей, будучи раскрытые раскопками, разрушаются под действием атмосферных условий в течение нескольких лет. Современная археология сейчас только начинает использовать весь арсенал естественных наук, и со временем исследовательские возможности будут только возрастать. Поэтому необходимо оставлять погребенные памятники или их важные части в законсервированном состоянии под землей для будущих ученых. В отличие от природных ископаемых ресурсов археологические объекты, однажды разрушенные, не могут быть восполнены из других источников. Теряя тот или иной археологический памятник, мы безвозвратно теряем часть отечественной и мировой истории.

Археологию невозможно отнести к чисто историческим, гуманитарным наукам, поскольку она изучает материальные остатки прошлых эпох. С точки зрения исследователя-естествоиспытателя, археологические объекты являются неоднородностями в четвертичных отложениях. В геологии специально выделяется антропогеновый период, отличительной чертой которого является появление человека. Фактически,

[1] Статья написана при финансовой поддержке грантов РФФИ № 15-06-04670-а и № 13-06-96510 р, а также гранта РГНФ № 15-31-10151.

археологию можно было бы назвать антропогеновой геологией. При этом, условно рассматривая археологию разделом геологии, логично пользоваться всем мощным исследовательским комплексом, принятым в геологической науке, – геоморфологией, геохронологией, геохимией, петрографией, геофизикой, минералогией и другими методами, которые необходимо специально приспособить для изучения археологических памятников. С другой стороны, археологию можно считать промежуточным звеном между геологией и экологией, то есть изучающей воздействия человека на окружающую среду в древности, иначе это – палеоэкология.

В данной статье мы приведем обзор тех методов точных наук, которые не только ускоряют и облегчают работу археологов-полевиков, но и помогают получить качественно новую информацию об исследуемом памятнике, не доступную для традиционных археологических раскопок.

Современный комплекс естественнонаучных методов, применяемых для исследований в крымской археологии, можно условно разделить на:

- дистанционные методы исследования (анализ космических снимков и аэрофотографий, геоинформационный анализ, трехмерную фотограмметрию, лазерное сканирование поверхности, изучение детальных топографических и специальных карт);
- геофизическую съемку;
- анализы элементов культурного слоя: палеопочвенные, палеоботанические, палеозоологические методы, геохимические анализы;
- геохронологию.

Конечная стадия комплексного археологического изучения – 3-D визуализация памятников и культурно-исторических ландшафтов, графические компьютерные архитектурные реконструкции и виртуальная археология.

Помимо этого, совсем недавно для изучения этнической истории Крыма в раннем железном веке стали применяться современные методы геномного анализа костных останков основных представителей этнических групп древнего населения.

Дистанционные и геофизические методы относятся к разряду полевых разведочных и исследовательских методов. Их можно объединить единым термином «археологическая диагностика» по аналогии с соответствующим медицинским термином. Главная их особенность – то, что они позволяют получить сведения о памятниках археологии не напрямую, а опосредованно, через символы и знаки. Приборы и инструменты, которыми пользуется исследователь, являются «интерфейсом» между ним и реальным миром. Эти устройства помогают уменьшить реальный мир, получить о нем информацию, которую можно зафиксировать на бумаге или в виде компьютерных файлов. Затем, на стадии интерпретации полученных данных, исследователь расшифровывает эти «записи».

Краткая сводка характеристик, возможностей и ограничений основных естественнонаучных методов, применяемых в полевой археологии, собраны в таблице 1. Для достижения наилучшего результата необходимо комплексирование этих

методов. Наиболее эффективным для археологии Крыма является сочетание анализа космических снимков с магнитной съемкой выявленных на космических снимках объектов и наземными автомобильно-пешими разведками.

Таблица 1. Дистанционные и геофизические методы, применяемые в археологии

№	Метод	Краткое описание сути метода	Сфера применения	Примечания
1. Дистанционные методы				
1.1	Дешифровка аэрофотографий.	Фотографии, сделанные с воздуха, дают возможность по прямым или косвенным визуальным признакам выявлять различные археологические объекты. Этот метод применяется еще со времен Первой мировой войны.	Древние поселения, могильники, укрепления. Особенно полезны для выявления протяженных структур – дорог, пахотных полей, следов размежевания, античных виноградников и т.п. Очень важно время года, в которое сделана аэрофотография, так как это позволяет выявлять памятники не только по прямым, но и по косвенным признакам (рельеф, растительность, цвет почвы).	Особенно ценны архивные аэрофотографии, позволяющие анализировать ныне застроенные территории.
1.2	Анализ космических снимков.	Космические снимки высокого разрешения позволяют по прямым и косвенным визуальным признакам (рельефным, почвенным или растительным) обнаруживать и изучать археологические памятники и их положение в окружающем пространстве. Могут применяться спектральные съемки. Получил самое широкое распространение в последние годы.	Сфера применения – та же, что и аэрофотографий. Трехмерные снимки прекрасно иллюстрируют ландшафтное положение археологических объектов одного типа или эпохи. Временная последовательность космических снимков на одну и ту же территорию позволяет проследить динамику современного освоения территорий.	Для наибольшей эффективности метода важно использовать снимки, сделанные в разное время года и суток. На них проявляются памятники разных типов.

1.3	Карто-графия.	Изучение исторических и детальных топографических карт прошлых эпох позволяет идентифицировать исторические и археологические объекты и структуры. Специальные карты (геологические, гидрологические, почвенные и др.) помогают выявлять источники воды, минеральные, почвенные и другие природные ресурсы.	Применяется для выявления курганов, дорог, следов древнего размежевания, колодцев, родников, исчезнувших поселений, кладбищ и могильников. Позволяет анализировать системы расселения в разные эпохи и ландшафтное положение памятников. Отделяет руины недавно заброшенных деревень от более древних памятников.	Необходимо георефери-рование карт разных лет для сравнения друг с другом и с современным состоянием по космическим и аэрофотоснимкам.
1.4	Геоинформационный анализ прямой и взаимной видимости (Viewshed analysis, poin-to-point visibility), экспозиции склонов.	Основан на изучении трехмерных цифровых моделей поверхности. Позволяет анализировать коммуникативные, микроклиматические, агрикультурные и иные особенности ландшафтов.	Применяется для определения визуальной взаимосвязи между древними центрами, широты обзора с той или иной точки, определения недостающих звеньев в системе сигнализации и оповещения, освещенности земельных участков и т.п.	Необходимо иметь цифровую модель поверхности изучаемых ландшафтов и специальные компьютерные программы.
1.5	2D и 3D фото-моделирование и графические реконструкции архитектурных остатков.	Базируется на наземной фотосъемке, фотосъемке с беспилотного самолета или с воздушного змея. Для объектов средней и малой величин применяется метод ближней фотограмметрии. Для получения трехмерных фотоизображений применяется программа Agisoft PhotoScan. Комбинируется с графическими реконструкциями архитектурных остатков.	Широко применяется в исследовательских, документальных целях и реконструкции объектов археологии и архитектуры для 3-D визуализации памятников, изучения и реконструкции культурно-исторических ландшафтов, а также для виртуальной археологии.	Для получения результатов высокого качества необходимо применение мощных компьютеров.

1.6	Лазерное сканирование поверхности (LiDAR) (Light Detection and Raging).	Активный метод дистанционного зондирования, сканирующий поверхность земли. Основан на прецизионном измерении времени пробега лазерного импульса до объекта и обратно и преобразования этих измерений в серию или облако точек.	Применяется для выявления и фиксации памятников и наглядного представления особенностей ландшафтов. Дает сведения о морфологии и микрорельефе археологических объектов или ландшафта.	Дорогостоящий метод, связанный с применением летательного средства. Применим в лесистых местностях.
2. Геофизические методы				
2.1	Магниторазведка.	Наиболее универсальный и эффективный из всех геофизических методов, применяемых в археологии. Необходимое условие для применения магнитометрии – достаточный контраст магнитных свойств искомых объектов и окружающей их среды. Основан на измерении магнитного поля Земли с мелким шагом (не более 0,5 м) и при малой высоте от поверхности памятника (от 0,2 до 0,5 м). Локальные аномалии магнитного поля обоих знаков указывают на местонахождение различных приповерхностных археологических структур.	Применяется для выявления отдельных магнитоконтрастных объектов (гончарных печей, горнов, шлаковых куч, колодцев, хозяйственных ям, полуземлянок, стен, оконтуривания мест пожарищ и кострищ), планировки поселений, обнаружения и точного картирования грунтовых могильников, изучения внутренней структуры курганов, исследования фортификационных линий, индустриальных центров, древних пахотных полей, виноградников, дорог.	Подвержен действию урбанистических и индустриальных помех, поэтому применяется за пределами городов и поселков. Съемка проводится по координатной сетке, обычно 50х50 м, с контролем за дневными вариациями земного магнитного поля.

2.2.	Электроразведка.	Второй по значимости геофизический метод, применяемый в археологии. Основан на измерении электрического сопротивления почв и грунтов в присутствии искусственно создаваемого электрического поля. Проводится контактным способом, поэтому электроды излучателя и измерителя должны иметь хороший контакт с грунтом.	Для выявления планировки поселений, определения наличия или отсутствия защитных сооружений, их материала, картирования каменных структур. Метод вертикального электрического зондирования позволяет определять глубину залегания материка и мощность культурного слоя на археологическом памятнике.	Имеет ограничения при высоком уровне электрических помех и в местах с сухим и сыпучим грунтом, так как необходим надежный электрический контакт с поверхностью.
2.3.	Электромагнитный метод.	Основан на измерении «отклика» на электромагнитные импульсы, посылаемые излучателем в землю. Съемка проводится бесконтактным методом у поверхности земли, с мелким шагом, не превышающим 0,5 м. Аномалии фиксируются на карте и указывают на объекты, отличающиеся от вмещающего пространства по электрическим или магнитным свойствам.	Применяется для картирования рвов, валов, ям, увлажненных мест, колодцев, каменных стен. Годится для определения качества почв и их структуры (состав глинистых компонентов, каменистость, засоленность и т.п.).	Результаты измерения электромагнитного поля зависят от погодных условий: после дождя результаты съемки могут быть отличными от таковых, полученных в засушливый период.

2.4.	Георадар.	Основан на испускании антенной короткого радиоимпульса, создающего волновой фронт, который распространяется вниз и частично отражается от встречающихся в земле неоднородностей. Отраженная энергия детектируется приемной антенной с небольшим временем задержки. Процесс повторяется много раз по мере продвижения системы по профилю. Радар реагирует на изменения диэлектрических свойств грунта, обычно вызываемые различиями в объемном содержании воды.	Радар чувствителен как к металлическим, так и к неметаллическим материалам. Область применения радарных систем: картирование погребенных структур, обнаружение отдельных объектов и быстрая идентификация зон, в которых могут оказаться археологические объекты.	Слой глины делает почти неощутимыми для радара любые объекты под ним, поэтому применение радара ограничено на глинистых почвах.

1. Дистанционные методы в археологических исследованиях.

Появление сначала аэрофотосъемки (со времен Первой мировой войны), а затем, в наши дни, космических снимков высокого разрешения – явилось сильнейшим импульсом в развитии ландшафтной археологии. Ученые получили возможность дистанционно выявлять памятники в культурно-исторических ландшафтах и моментально охватывать взором поистине широкие территории.

Преимущество дистанционных методов состоит в том, что они дают возможность взглянуть на исследуемый памятник в целом как часть культурно-исторического пространства и соединяют отдельные изучаемые фрагменты окружающей среды в единую картину. По образному выражению британского археолога Крауфорда [Crawford, 1952, pp. 51-52], ландшафты являются *палимпсестами*[2] исторических событий. Разновременные структуры наслаиваются одна на другую и создают сложную многослойную и насыщенную картину. Задача ученых – с помощью правильно подобранных естественнонаучных методов провести комплексное исследование и послойную археологическую интерпретацию полученных данных.

[2] Палимпсе́ст (греч. παλίμψηστον, от πάλιν – опять и ψηστός – соскобленный, лат. Codex rescriptus) – рукопись на пергаменте (реже папирусе) поверх смытого или соскобленного текста. Палимпсесты были вызваны дороговизной писчего материала, которая приводила к его неоднократному использованию.

1.1. Дешифровка аэрофотографий.

Аэрофотография – старейший разведочный метод, применяемый в археологии. Первые аэрофотографии древнего Персеполиса в Иране были сделаны еще в 1879 г. Впервые аэрофотосъемка специально для исследовательских археологических целей была применена в Англии, где были выявлены следы римских и доримских структур. История зарождения аэрофотографии в археологии изложена в статье [Ceraudo, 2013, pp. 11–14]. Чрезвычайно увлекательно о первых успехах аэрофотосъемки в археологии рассказал Лео Дойель в своей книге «Полет в прошлое», переведенной на русский язык [Дойель, 1979], в которой также можно найти полезные практические рекомендации по проведению съемок с воздуха.

Аэрофотография относится к категории методов, изучающих состояние поверхности земли, поэтому характер объектов археологии, выявляемых по аэрофотографиям, определяют следующие факторы: форма, размер, тени, цветовой тон, текстура и связанные с ними характеристики. Признаки археологических памятников подразделяются на растительные, почвенные, рельефные, влажностные/снежные/изморозные [Ceraudo, 2013, pp. 28–30; Verhoeven, Sevara, Karel, Ressel, Doneus, Briese, 2013, p. 32]. На практике широко используются аэрофотографии как в видимой, так и в близкой инфракрасной области, получаемые с помощью как пилотируемых, так и беспилотных самолетов и вертолётов, воздушных шаров. Плодотворные исследования в этой области проводились в Метапонте на юге Италии и в Северо-Западном Крыму еще в 1970-е гг. [Ward-Perkins, 1974; Щеглов, 1978].

Поистине великим энтузиастом в применении аэрофотоснимков в археологии был К.К. Шишкин, усилиями которого в ИА РАН в г. Москве был собран очень ценный и полный архив аэрофотографий на многие районы нашей страны, в том числе и на Крым. На обороте некоторых отпечатков имеются карандашные пометки К.К. Шишкина о предполагающихся памятниках. Константин Константинович разработал принципы дешифровки аэрофотографий для археологических целей [Шишкін, 1974]. Архив аэрофото- и картографических документов, созданный К.К. Шишкиным, и в настоящее время находится в идеальном порядке и им с разрешения руководства ИА РАН могут пользоваться археологи, таким образом получившие важный источник для изучения археологических памятников.

В настоящее время фотографии с воздуха, сделанные с беспилотных самолетов и вертолетов, играют важную роль на всех стадиях археологического исследования, от открытия памятника до его документирования. Методические принципы и применяемая аппаратура подробно рассматриваются в работе [Verhoeven, Sevara, Karel, Ressel, Doneus, Briese, 2013, pp. 33–48].

Многочисленные примеры доказывают, что аэрофотоснимки в благоприятных случаях дают детальные планы полностью или частично погребенных археологических объектов. Такие съемки особенно целесообразно проводить в труднодоступных местностях, скажем, в пустынях в Средней Азии [Игонин, 1965; Андрианов, 1965], Турции [Vermeulen, 2013, p. 74, рис. 4,2] или при исследовании больших площадей,

например, при изучении систем древнего размежевания полей. Превосходные результаты получаются при съемке на полях с зерновыми культурами при удачном совпадении погодных условий и вида выращиваемых злаков. Наиболее четкие изображения получаются над неолитическими поселениями, окруженными валами и рвами [Ceraudo, 2013, pp. 22-23, рис. 2,11], заброшенными римскими городами [Vermeulen, 2013, p. 73, 79, рис. 4,1 и 4,5]. Большие успехи в использовании аэрофотографий сделаны археологами Дании. На полях, где вызревает ячмень, после засушливого лета четко видны столбовые конструкции так называемых «длинных домов» поселений бронзового и железного веков. Они выявляются по растительным признакам: ячмень, растущий над столбовыми ямами, желтеет позже, чем на остальном поле [Mikkelsen, Smekalova, 2014; Smekalova, Voss, Smekalov, 2008, p. 56].

Этот метод, однако, имеет свои ограничения. Среди практических трудностей, прежде всего, следует назвать то, что визуальные признаки, отвечающие археологическим объектам, проявляются только в короткий промежуток времени и при особых условиях, когда приметы растительного или почвенного покрова наиболее явственны. Поэтому необходимо бывает сделать много попыток съемки одной и той же местности, часто в течение нескольких лет, прежде чем будет достигнут желаемый результат. Так, вышеупомянутые «длинные дома» на датских полях оказываются видимыми, только когда на них поспевает ячмень после засушливого лета. Другое ограничение относится к глубине залегания объектов, так как обычно аэрофотосъемка выявляет только подповерхностные структуры.

Снимки с воздуха укреплений Севастополя времен Первой мировой войны позволяют увидеть детальную структуру земельных наделов античного Херсонеса [Смекалова, 2012, с. 224, рис. 9а]. На рис. 1 представлен город Херсонес и Гераклейский полуостров, территория которого во второй половине IV в. до н.э. была разделена на равные прямоугольные участки – гражданские наделы херсонесситов. Это так называемая «ближняя» *хора* Херсонеса. Ее общую структуру удалось реконструировать по детальным топографическим картам, составленным русскими военными инженерами, и по наблюдениям путешественников конца XVIII – первой половины XIX вв. Однако наиболее детальная информация о херсонесской хоре содержится именно в аэрофотоснимках.

Особенно ценными для изучения земельных наделов являются советские аэрофотографии 1960–70-х гг., а также немецкие трофейные военные снимки 1943-1944 гг. Последние хранятся в Национальном архиве США, в г. Колледж Парке, пригороде Вашингтона. Детализация фотографий, на которых видны каменные стены – границы земельных наделов и внутренние перегородки участков, а также виноградный и садовый плантажи, позволяет получить детальную структуру земельных наделов Херсонеса и прояснить многие вопросы его социально-экономической истории. Информация об античных земельных наделах, получаемая с помощью этих снимков, настолько подробна, что позволяет детально восстановить каждый из более чем 300 земельных наделов. Для примера приводим аэрофотографию 1944 г. и план участ-

ка № 26, на которых видно внутреннее деление участка, выполненное с помощью херсонесской меры площади – *гекаторюга*, то есть квадрата со стороной 100 египетских локтей (52,5 м). Хорошо заметны плантажные стены, следующие через 2 м (виноградный плантаж *vinea*) (рис. 2).

1.2. Анализ космических снимков.

С появлением открытого доступа к космическим снимкам высокого разрешения археология приобрела новый мощный инструмент для выявления и исследования памятников, находящихся на открытых для обзора пространствах, и значение этого события трудно переоценить. Сейчас спутниковые фотографии широко используются во всем мире для выявления античных поселений [Campana, Piro, Felici, Ghisleni, 2006; Alexakis, Sarris, Astaras, Albanakis, 2009], дорог [Lipo, Hunt, 2005; Siart, Eitel, 2007, p. 203; Kaimaris, Georgoula, Karadedos, Patias, 2009], погребальных сооружений [Trier, Loska, Øyen Larsen, Solberg, 2008], систем древнего землепользования [Harrower McCorriston, Oches, 2002; Radcliffe, 2008].

Одними из первых космические снимки использовали исследователи при проведении польско-российско-украинского научного проекта «Нимфей – история и структура греческого полиса» (1993-1997 гг.) в Восточном Крыму [Зинько, 1996, рис. 2а; Scholl, Zin'ko, 1999, p.11]. В общедоступном интернет-ресурсе Google Earth за последнее десятилетие были последовательно представлены серии разновременных снимков, которые покрывают практически всю территорию Крыма. Эти снимки являются ценнейшим источником для дистанционного обследования и выявления поселений, могильников, следов землепользования и землеустроения, древних коммуникаций и других памятников на полуострове. Благодаря космическим снимкам произошел прорыв в полевой разведочной археологии, который привел, в свою очередь, к качественному скачку во многих исследовательских областях и поколебал некоторые, казалось бы, прочно устоявшиеся в научной литературе мнения. Так, долгое время считавшиеся пустынными и только изредка посещавшимися скифами-кочевниками к моменту греческой колонизации в конце V – начале IV вв. до н.э. глубинные пространства северо-западного Крыма оказались, напротив, густозаселенными. В 2007–2015 гг. комплексными разведками с использованием космических снимков удалось выявить более сотни поселений местного земледельческого населения, синхронного грекам-колонистам [Смекалова, 2010; Кутайсов, Смекалова, 2013].

В силу особенностей ландшафта и археологических памятников спутниковые фотографии оказываются особенно информативными для исследований в степном регионе Крыма. Наиболее информативными являются весенние фотографии по причине избирательного произрастания молодых побегов. Благодаря широте охвата территорий космические снимки позволяют не только выявлять и идентифицировать археологические памятники, но и определять их протяженность, границы и пространственную взаимосвязь между ними.

После появления спутниковых фотографий методика традиционных археологических разведок была коренным образом изменена. Космическим снимкам наряду с подробными картами местности отводится теперь ключевая роль в ходе подготовки материалов для полевых работ и непосредственно полевых выездов. На подготовительном этапе, до выезда в поле, спутниковые фотографии детально, в крупном масштабе изучаются в интернете ”*on-line*”. Увеличенные изображения обнаруженных объектов в окружающем ландшафте копируются и распечатываются для использования в ходе маршрутных выездов. Точные географические (GPS) координаты каждого из выявленных объектов (жилых и хозяйственных построек, «загонов», курганов, следов землепользования) считываются из программного ресурса Google Earth и вносятся в рабочий прибор GPS. Маршруты полевых разведок составляются так, чтобы наиболее эффективно обследовать все выявленные по космическим снимкам объекты. Их координаты, считанные из интернета, служат в качестве навигационных точек при работе GPS приемника в режиме ”*go to*”, поэтому обнаружение искомых объектов на местности не составляет труда и занимает минимально возможное время.

Благодаря опыту, полученному при работе с космическими снимками Крыма в 2007–2011 гг. [Смекалова, 2010а], удается сформулировать критерии выявления археологических памятников, относящихся к эпохе бронзы и раннему железному веку. Выделенные критерии (или признаки) подразделяются на прямые и косвенные, а также на основные и дополнительные. Особенно эффективны космические снимки для выявления поселений и следов землепользования и землеустроения.

На спутниковых фотографиях высокого разрешения хорошо просматриваются архитектурные остатки строений поселений раннего железного века, выступающих над поверхностью земли: стены и заграждения, сложенные из камня-известняка. В благоприятных случаях по этим *основным прямым признакам* удается проследить внешние контуры и внутренние перегородки жилых и хозяйственных построек, контуры загонов и огороженных территорий, то есть выявить планировку архитектурных остатков. Более ранние постройки, относящиеся к эпохе бронзы, обычно полностью или в большой степени погребены под слоем почвы, маскирующим их *прямые визуальные признаки*. Поэтому остатки построек бронзового века можно выявить только по *косвенным признакам*. К ним относятся, прежде всего, более густая растительность, отличающаяся по цвету от окружающих территорий, а при отсутствии растительности – иной цвет почвы.

К *дополнительным признакам* поселений как эпохи бронзы, так и раннего железного века относится такой ландшафтный критерий, как топографическая приуроченность к балочной системе Тарханкутского п-ва: обычно поселения находятся на мысах между двумя балками, на берегах балок, на первой пойменной террасе в придонной части балок, в их верховьях. Такое положение объясняется как гидрогеологическими, так и геоморфологическими особенностями строения полуострова и диктовалось потребностями древнего населения в водоснабжении и более комфортном

микроклимате [Смекалова, 2010, 22-23]. Могильники, ассоциированные с данными поселениями, находятся неподалеку от них по вершинам локальных водоразделов.

Геологические особенности местности, проявляющиеся на спутниковых фотографиях, дают возможность ответить на вопрос об использовании древними людьми природных минеральных ресурсов, например, выявлять каменоломни и карьеры по добыче глины.

В силу охвата больших территорий космические снимки могут служить документом, на основе которого выявляются культурно-исторические ландшафтные зоны и места концентраций археологических памятников, пространственно связанных между собой. Только с помощью космических снимков удается осмотреть всю территорию, даже если в ходе пеших разведок этого сделать не удается из-за наличия физических преград. Снимкам из космоса неведомы ограничения, что позволяет инспектировать все территории, интересные в археологическом отношении, невзирая на ведомственные и имущественные запреты.

Для того чтобы определить характер выявленного по космическим снимкам памятника, необходимы дополнительные полевые исследования. Они проводятся по заранее спланированным маршрутам, проходящим через интересующие точки, координаты которых считаны из ресурса Google Earth. В ходе наземных разведок проводятся визуальные осмотры местности и сбор подъемного материала, а в наиболее перспективных местах применяется геофизическая съемка.

Эффективнось целенаправленной магнитной съемки в Северо-Западном Крыму очень велика. На магнитных картах можно увидеть детальные планировки античных усадеб и виноградников, варварские селища и пахотные поля. Особенно четкие результаты получаются при исследовании античных усадеб, которые были выведены в северо-западную Таврику во второй половине IV в. до н.э. по единому государственному плану, исходящему из античного полиса Херсонес. В качестве примера приведем магнитную карту на усадьбе Ортли в окрестностях Евпатории (рис. 3). Она существовала всего полвека (примерно с 325 по 275 г. до н.э.) и погибла в пожаре и разрушениях при нападении кочевников, скорее всего сарматов. Наиболее интересный результат, полученный с помощью космических снимков, заключается в выявлении виноградника, находящегося в 180 м к востоку от усадьбы на пологом склоне. На космических снимках были видны размытые контуры квадрата со стороной 220 м (рис. 4 а). Последующая магнитная съемка выявила здесь античный виноградник, площадь которого равна одному гражданскому наделу херсонессита в 16 гекаторюгов (гекаторюг – херсонесская мера площади, эквивалентная квадрату со стороной 52,5 м) (рис. 4 б). Удалось проследить не только внешние границы, но и внутреннее функциональное деление участка. Здесь использовался виноградный плантаж с расстоянием между стенками 2 м. Чрезвычайно интересно, что на противоположном берегу лимана, в полутора километрах по прямой на юго-запад от усадьбы Ортли по такой же методике был выявлен и детально исследован еще один античный виноградник, получивший название Мамай-Тюп, размеры которого были на четверть

больше, чем Ортли (рис. 5). Неподалеку от виноградника была обнаружена усадьба херсонесского типа.

1.3. Изучение детальных топографических карт.

Топографические карты XVIII–XX вв. могут служить богатейшим источником для изучения древних памятников Крыма. На наиболее детальных из них тщательно нанесены все видимые следы древностей – курганы, руины крепостей, валы, рвы, заброшенные дороги и тропы. Карты несут в себе большие потенциальные возможности для изучения пространственного размещения населенных пунктов, дорог, рвов, валов, источников, колодцев и других природных и антропогенных объектов. Анализ топографических карт в сочетании с картами геологическими, гидрогеологическими и почвенными, а также трехмерными, помогает понять закономерности в системе расселения, путей сообщения и землепользования и спроецировать эти закономерности в прошлые эпохи.

Карты Крыма, как части греческой ойкумены, вероятно, существовали еще в античные времена [Dilke, 1985, pp. 69-70]. Известен ряд русских и зарубежных карт Крыма, созданных до XVIII века, обзор которых имеется в работах [Маркевич, 1894; Кордт, 1899; Смекалова, 2007].

Определенный вклад в широкое использование старинных карт для археологических целей внесли общедоступные компьютерные сайты и выпущенный в 2004 г. CD диск «Крым на картах XVIII–XX столетия» (составитель С.Л. Смекалов)[3].

Топографические карты Крыма до начала XVIII века несут в себе, как правило, очень обобщенную информацию. Показаны только крупные населенные пункты, дороги не показаны, пропорции полуострова сильно искажены, что значительно затрудняет сопоставление их с современными представлениями (ср., например, карту 1590 г., рис. 6).

Переломный этап в развитии картографии Крыма наступает в конце XVIII в. в связи с русско-турецкой войной 1768–1774 гг. и последующим присоединением Крыма к России в 1783 г. Потребовались подробные карты для передвижения войск и освоения новых земель.

Впервые мы видим дороги на «Генеральной Карте Крыма, сочиненной по новейшим наблюдениям Адъюнктом Федором Черным 1790 года», масштаб которой 12,6 вёрст в дюйме (1:530 000). Очертания полуострова все еще искажены, однако все-таки удается подметить основные тенденции расположения дорог. Прежде всего следует отметить, что данная карта создавалась именно как дорожная. На ней гипертрофированно выделены озера, реки, овраги и крупные балки, являющиеся основ-

[3] Приходится, однако, заметить, что использование на этом диске карт из собрания государственных библиотек и архивов, в том числе Библиотеки академии наук (БАН), не было санкционировано их руководством, что повлекло за собой ограничения в дальнейшей работе исследователей в отделе картографии БАН.

ными препятствиями при движении по главным дорогам, которые необходимо было преодолевать путем переправ. Основные дороги расходятся веером во все стороны Крыма от Перекопа. Возможно, некоторые из этих дорог являются очень древними традиционными путями, восходящими еще ко времени передвижения кочевых племен. Необходимо отметить, что Арабатская стрелка появилась только в раннем средневековье, поэтому та дорога, идущая по ней, помеченная на карте 1790 г. как важная коммуникация, в античные времена еще не существовала.

После учреждения Генерального штаба в 1763 г. картография двигалась вперед в основном благодаря деятельности военных топографов и диктовалось уровнем развития стрелкового и артиллерийского оружия. Необходимость в подробных и точных топографических картах особенно проявилась в боевых операциях против наполеоновской армии в 1796–1815 гг. К этому времени относится Военная топографическая карта полуострова Крыма, составленная генерал-майором Мухиным, выпущенная в Военно-топографическое депо в 1817 г. [Смекалова, 2007]. Эта карта впервые правильно передает очертания полуострова, так как она создавалась с учетом всего передового геодезического опыта стран Западной Европы, с которым могли ознакомиться офицеры квартирмейстерской части, участвовавшие в заграничных походах. На карте Мухина достаточно правильно и наглядно показан рельеф местности, большое количество населенных пунктов и главные дороги.

В 1836–38 годах силами Корпуса военных топографов, под руководством Ф.Ф. Шуберта и Д.Д. Оберга, были выполнены работы по триангуляции Крыма. Результатом этих работ явились карты, созданные на основе топографических съемок полковника Бетева. Карта Бетева 1837 г., выполненная в масштабе 1:210000 («трехверстка»), является поистине богатейшим источником по изучению древних памятников Крыма. На карте 1837 г. наглядно показан рельеф местности, основные и малые дороги, многочисленные поселения. Кроме этого, на нее впервые нанесены источники воды и колодцы, а также показаны уже в довольно большом количестве курганы. Пропорции полуострова практически точно совпадают с данными на современных картах. Поэтому карта Бетева является полноценным источником для изучения особенностей расселения в Крыму.

Однако наиболее ценной для нас является карта Крыма, выпущенная в полуверстовом масштабе в конце XIX – начале XX вв. На ней нанесено огромное количество курганов, показанных внемасштабными знаками с обозначением высот крупнейших насыпей, детально прорисованы источники воды и колодцы, показаны дороги и тропы, в том числе и заброшенные. Рельеф местности изображался горизонталями через 2 сажени[4]. Ее пропорции точно соответствуют современным представлениям о форме Крыма, поэтому выявленные на ней объекты легко переносятся на новые карты и на аэро- и космические снимки, что необходимо для проведения сопоставлений результатов дешифровки различных категорий источников.

[4] 1 сажень = 2,1336 м

Эта карта послужила основой для составления карты распространения курганов в Крыму. Отсканированные листы полуверстовой карты были геореферированы и собраны вместе с помощью программы Mapinfo. Курганы, имеющиеся на этой карте, помечались в специальном слое кружками различной величины, в зависимости от размеров курганов[5]. Всего по полуверстовой карте Крыма удалось выявить более 15,5 тысячи курганов. Они представлены на основе как самой полуверстовой карты (рис. 7,а), так и на карте рельефа местности (рис. 7,б).

Как видно из построенных карт, курганы в Крыму распределены очень неравномерно. На фоне весьма немногочисленных курганов в центральной степной части Крыма очень четко выделяются три основных крупнейших концентрации курганов: в восточной части Керченского полуострова, на полуострове Тарханкут и в районе Крымских предгорий. Плотность курганов в этих районах во много раз превосходит их концентрацию в остальной, срединной части Крыма. Изучение особенностей распространения курганов позволяет сделать важные выводы о системе расселения и основных путях миграций кочевников с древнейших времен.

1.4. Геоинформационный анализ.

Для изучения системы пространственного распределения археологических памятников в Крыму применяется геоинформационный анализ, базирующийстя на цифровой модели поверхности полуострова. Программа MapInfo и ее дополнение Vertical Mapper используется для компьютерного анализа прямой видимости (Viewshed) между античными поселениями. Этот вид анализа позволяет определить участки ландшафта, видимые из выбранных точек на цифровой модели поверхности Земли.

Для построения цифровой модели земной поверхности используются данные SRTM [Shuttle Radar Topography Mission][6]. Точность измерения высот при этом составляет 1 м. Карта рельефа Крыма, построенная на основании этой модели, представлена на рис. 7 б.

Viewshed анализ в недавнее время стал популярным средством исследования в ландшафтной археологии, в том числе в Средиземноморье и Причерноморье. Так, например, группой греческих и бельгийских ученых изучалась роль Минойских святилищ, расположенных на вершинах гор на острове Крит [Soetsens, Driessen, Sarris, Topouzi, 2002]. Эти же исследователи с помощью анализа прямой видимости определили функции ряда наблюдательных башен, расположенных на склонах холмов, окружающих древнегреческий город Мантинею и входящих в систему обороны города [Topouzi, Sarris, Pikoulas, Mertikas, Frantzis, Giourou, 2002]. Г.В. Треблева и Ю.В. Горлов (Институт археологии РАН, г. Москва), с помощью геоинформационно-

[5] На полуверстовой карте рядом с курганами высотой более 1 сажени стоит их высота (в саженях).

[6] Эти данные были преобразованы Нильсом Христианом Нильсеном (Южнодатский университет, г. Эсбъерг) (Niels Chr. Nielsen, Syddansk University) для территории Северного Причерноморья. Данные конвертировались из системы широта–долгота в градусах в систему UTM в метрах. Высотные данные интерполировались для пространственной ячейки величиной 50х50 м.

го анализа занимались исследованием исторического ландшафта Тамани и западной Абхазии [Треблева, Горлов, 2004].

В исследованиях в Крыму применяются три разновидности анализа прямой видимости [Смекалова, 2010, 2011, с. 34–37].

1. Точечный анализ – анализ прямой видимости, проведенный из какой-либо одной точки. С помощью данного анализа удается ответить на вопрос, какую часть территории можно видеть от того или иного античного центра. В качестве примера можно привести результат анализа прямой видимости, проделанный для наивысшей точки Тарханкутского п-ва (точка 27 на рис. 8,а). На этой карте зеленым цветом обозначены территории, видимые из данной точки. Согласно этой карте, от наивысшей точки Тарханкута открывается вид на все южное побережье от Джан-Бабы до Аирчи и южнее, а также на Ак-Мечетскую бухту на севере и на срединную часть Тарханкута.

2. Вторая разновидность Viewshed-анализа позволяет определить, виден ли один пункт из другого (point-to-point visibtity analysis или анализ взаимной видимости). С помощью этого анализа можно наглядно показать, какие пункты были связаны между собой прямой видимостью. Примером может служить карта, построенная для той же наивысшей точки Тарханкута (27), где она соединена лучами с античными поселениями (рис. 8,б) Цвет прямой линии меняется от красного (нет видимости) до зеленого (есть видимость).

Из рассмотрения этой карты становится ясно, что прямая визуальная связь существовала между наивысшей точкой и всеми пунктами на южном побережье Тарханкутского полуострова к востоку от мыса Ойрат. С наивысшей точки также были видны важные античные центры на северо-западном побережье: Калос Лимен, усадьба в бухте Ветреной, Кунан и, возможно, Кипчак.

3. Мультиточечный анализ прямой видимости (Multi-point Viewshed analysis) проводится одновременно для нескольких выбранных точек. Он позволяет определить площади, от которых видны либо все выбранные точки, либо какая-то часть из них. Так, например, выбрав в качестве анализируемых Ак-Мечетское городище (Калос Лимен) на северном и все античные пункты на южном побережье, получаем результат, согласно которому наивысшая точка Тарханкута – единственная на его территории, с которой одновременно открывается вид на все выбранные пункты. Полученный вывод свидетельствует об уникальности именно этого места на Тарханкуте, от которого можно было одновременно вести наблюдение за морским и сухопутным путями, соединяющими Северо-Западный Крым и его главный центр – Калос Лимен – с Керкинитидой (Евпаторией) и Херсонесом. Поэтому мы считаем данную точку ключевой в системе сигнализации и оповещения между херсонесскими усадьбами в Северо-Западном Крыму.

1.5. 2D и 3D моделирование и фотограмметрия.

Метод фотограмметрии позволяет на основании наборов перекрывающихся фотоснимков определять положение и ориентацию камеры во время съёмки. А также

реконструировать плотные облака точек, полигональные модели по рассчитанной информации, на основе чего могут быть сгенерированы цифровые модели рельефа и ортофотопланы.

Универсальность метода позволяет добиваться высококачественных результатов как для небольших объектов, так и для больших площадей, например, на основе данных аэрофотосъёмки. Одним из основных программных продуктов, используемых в мире для подобных задач, в том числе и в сфере археологии, является коммерческий пакет Agisoft PhotoScan (доступный для некоммерческого использования образовательными учреждениями с существенной скидкой). Данный программный продукт успешно применяется для трёхмерной реконструкции больших площадных раскопов [Verhoeven, 2011] при съёмке с летательного аппарата, дрона или даже воздушного змея, получения точных текстурированных моделей интерьеров по перекрывающимся сферическим панорамным изображениям [Kwiatek, Tokarczyk, 2015], для подводной археологии и исследования затонувших объектов или целых поселений [Zhukovsky, Kuznetsov, Olkhovsky, 2013], для документирования наскальной живописи и петроглифов на разрушающихся скалах [Plets, Gheyle, Verhoeven, De Reu, Bourgeois, Verhegge, Stichelbaut, 2012], для документирования фасадов исторических зданий с целью последующей реставрации [Robleda, Pérez, 2015], и, конечно, для документирования небольших находок и экспонатов музейных коллекций [Kaufman, Clement and Rennie, 2015].

В Крыму данный метод также находит своё применение в последние годы. С помощью этого метода делалось документирование состояния боспорских склепов. С применением обычных цифровых фотокамер были задокументированы в виде 3D моделей раскопы античной греческой усадьбы Ортли в середине процесса раскопок и после вскрытия всех запланированных областей перед консервацией памятника [Пасуманский, 2013], отреставрированной амфоры из находок с того же поселения; фотопланы раскопов варварского поселения в Кельшейхской балке и уникального курганного захоронения [Пасуманский, 2013]; некоторые экспонаты из коллекции Черноморского краеведческого музея и раскоп восточной башни с главными воротами на городище Калос-Лимен, а также ряд других менее характерных объектов (например, захоронения типа каменных ящиков, рис. 9).

Фотограмметрическое сканирование позволяет собрать данные для трёхмерных реконструкций за сравнительно небольшой отрезок времени, имея в наличии всего лишь цифровую фотокамеру, благодаря чему производить работу возможно неспециалисту в данной области, обработка же данных может производиться после завершения сезона на мощных компьютерах для получения наивысшего качества, впрочем, получение промежуточных результатов в полевых условиях на обычном ноутбуке почти сразу же позволяет оценить корректность и полноту полученных данных.

Использование реперных точек или масштабирующих расстояний позволяют получать модели в реальных размерах, а также производить геопривязку моделей и

фотопланов в географических системах координат, например, для демонстрации в оболочке Google Earth.

Двух- и трехмерные модели можно комбинировать с графическими архитектурными реконструкциями, что обеспечивает наилучшую визуализацию результатов археологических исследований (рис. 10). Подобные трехмерные модели целых древних городов, помещенных в естественный ландшафт, сейчас очень популярны [Cerato & Pescarin, 2013; Klein, 2013]. Они составляют основу для виртуальной археологии [López-Mencherp Bendicho, 2013; Klein, 2013].

В Крыму опыт трехмерной графической реконструкции был предпринят для античного города-крепости Илурат [Borisov 1999], а также при создании проекта музеефикации боспорского города Тиритака [Зінько, 2006, с.104; Зинько, 2007, с.135].

Основным методом, который используется при графической компьютерной реконструкции археологических объектов, является создание виртуальной или информационной модели объекта. В отличие от простого моделирования, информационная модель содержит ряд реальных параметров, что в свою очередь позволяет генерировать на ее основе большее количество информации (планы, виды, фасады, разрезы, чертежи отдельных элементов) при меньшей затрате ресурсов. Техническая часть реализуется при помощи САПР приложения ArchiCAD, с использованием BIM технологии [Building Information Modeling].

Процессу создания модели предшествуют следующие этапы:

- выдвижение на основе имеющихся входных данных (натурные исследования, магнитная съемка и ее интерпретация), рабочей гипотезы, относительно формы, функционального назначения и пространственной ориентации объекта;
- изучение закономерностей формообразования;
- поиск аналогичных объектов среди надежно датированных, форма и функции которых известны, а также анализ изображений данного объекта (если таковые имеются) из других источников.

1.6. Лазерное сканирование поверхности (LiDAR).

LiDAR-технология позволяет с высокой точностью измерять расстояния, используя лазерный импульс. Она основана на прецизионном измерении времени пробега лазерного импульса до отражающего объекта и от него обратно к прибору, и преобразования этих измерений в серию или облако точек. Данная информация дает сведения о морфологии и микрорельефе объекта или ландшафта [Mlekuž, 2013, p. 113].

Аэро - LiDAR (Light Detection and Raging), иначе ALS (Airborne Laser Scanning) или ALSM (Airborne Laser Swath Mapping) – это активный метод дистанционного зондирования, сканирующий поверхность земли. Лазерное сканирование позволяет получить очень точные трехмерные картины земной поверхности и создавать топографические модели высокого разрешения. Неоспоримым преимуществом этого метода является возможность сканировать даже поверхности, покрытые лесом или другой растительностью.

Высокий уровень детализации модели цифровой поверхности, получаемый с помощью топографических данных лазерного сканирования, помогает нам в детектировании произошедших в древности событий, которые оставили следы на поверхности земли. Большим преимуществом лазерного сканирования является то, что полученный образ рельефа поверхности можно видоизменять для наилучшего результата интерпретации данных.

Лазерное сканирование в некоторых аспектах имеет сходство с 3D-фотографированием, но представляет более сложный метод получения изображения поверхности. Аппаратура для лазерного сканирования с самолета включает лазерный сканер, оборудование для позиционирования и геореферирования (GPS приемник и внутреннее измеряющее устройство) и систему для записи данных. Передатчик посылает лазерный пучок. Большинство аэро-лазерных систем работает в ближней инфра-красной области, хотя лазерные батиметрические исследования проводятся в зеленой области. Твердотельный лазер испускает очень короткие и мощные импульсы с высокой скоростью повторения. Обычно длительность импульса от 4 до 10 наносекунд, что соответствует частоте сканирования 100-150 кГц, или 100000-150000 импульсов в секунду. Лазер соединен с устройством, направляющим лазерный пучок перпендикулярно поверхности земли. Когда пучок достигает поверхности, он имеет диаметр порядка 10 см. Часть его может взаимодействовать с кроной деревьев или другими препятствиями и отражается обратно, но остальная часть продолжает свой путь до земли и отражается от нее [Mlekuž, 2013, p. 115]. Отраженный сигнал принимается устройством, которое измеряет время, затраченное пучком на путь туда и обратно. Позиция аэровоздушного носителя в каждой точке измерения детектируется с помощью дифференциального кинематического GPS приемника.

Таким образом, «сырые» данные LiDAR представляют собой серию измерений времени прихода и интенсивности вернувшегося лазерного пучка. Дальнейшая обработка данных позволяет свести все маршруты в единое облако точек, в котором каждой из них соответствует время, интенсивность, угол сканирования, три пространственных координата.

Технология лазерного сканирования все еще совершенствуется, преимущественно в области повышения скорости повторения импульсов, для того чтобы увеличить детализацию рельефа изучаемой поверхности. В Крыму лазерное сканирование поверхности археологических памятников пока не применялось, но есть целый ряд поселений и городищ, в основном в лесистой местности, на которых необходимо применение этого метода. Один из таких памятников – ранневизантийская крепость Сиваг-Кермен-бурун, расположенная в 5 км к югу от совр. с. Верхнесадовое на заросшей густым лесом горе Керменчик высотой 207,8 м. Крепость была построена в последние годы правления императора Юстиниана I (527–565 гг.) и является одним из звеньев целой цепочки укреплений, воздвигнутых этим правителем по всей территории Византийской империи.

2. Геофизическая съемка.

Первоначально геофизические методы, такие как магниторазведка, электроразведка, сейсморазведка, георадарная съемка, были разработаны для геологических целей, в основном для разведки недр и поиска полезных ископаемых. Однако в послевоенные годы эти методы стали постепенно внедряться в область археологии и в настоящее время прочно завоевали себе место в археологических исследованиях.

Пионером в использовании различных геофизических методов в археологии был известный археолог А.Н. Щеглов, долгие годы возглавлявший Тарханкутскую экспедицию ЛОИА. Благодаря усилиям А.Н. Щеглова крупное античное поселение Панское-I стало своего рода полигоном для испытания возможностей различных естественнонаучных методов, для отработки приемов их применения и интерпретации полученных данных. Этому благоприятствовали небольшие глубина залегания и мощность культурного слоя на памятнике, а также его относительная непотревоженность.

На поселении Панское-I группами ученых из ИЗМИР РАН Санкт-Петербургского горного института и Санкт-Петербургского государственного университета начиная с 1970-х гг. применялись методы магниторазведки и электроразведки для исследования нескольких усадебных комплексов. Здесь также проводилась съемка микрорельефа и высоты растительного покрова [Щеглов, 1983, с. 23]. Все методы показали исключительно хорошие и согласующиеся между собой результаты, особенно успешными в выявлении планировки античных построек оказались магнитная съемка и электроразведка. Пример карт магнитного поля и кажущегося электрического сопротивления, измеренных геофизической группой Санкт-Петербургского горного института под руководством В.В. Глазунова для усадьбы У7, представлен на рис. 12,а,б. В нижней части этого рисунка показан план раскопа усадьбы (рис. 12,в) [Глазунов, 1978; 1979].

В 1980–90-е гг. геофизические методы активно применялись в Восточном Крыму при исследовании античных сельских поселений Крымского Приазовья [Смекалова, Мельников, Масленников, 1989; Smekalova, Myts, Melnikov, 1990; Smekalova, Maslennikov, 1993; Масленников, Смекалова, 1997] и хоры боспорского города Нимфея. На нимфейской хоре эти исследования вначале проводились польскими исследователями [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 38–40, p. 62–64, p. 98–104], а в 2000-х гг. группой под руководством Т.Н. Смекаловой [Смекалова, Зинько, Чудин, 2007; 2008]. Интересные результаты были получены этой же группой при исследовании гончарных печей средневековой Таврики [Смекалова, Мельников, Мыц, Беван, 2000; Герцен и др., 2016].

В 2007, 2008 и в 2015 гг. магнитная съемка на поселении Панское-I была возобновлена авторами данной статьи. Она охватила всю основную часть поселения, свободную от раскопов и отвалов земли, и распаханное поле, находящееся к востоку от усадеб (рис. 13). На магнитных картах отчетливо проявились линейные отрицательные аномалии, пересекающиеся под строго прямыми углами, эти аномалии созда-

ют каменные стены построек, а на распаханном поле хорошо видна южная граница земельного участка со стенами виноградного плантажа, идущими с интервалом 2 м друг от друга (рис. 13). Более подробно результаты магнитной съемки на нераскопанных усадьбах представлены в работе [Смекалова, 2011, с. 10-12, 91-95, рис. 6-9].

2.1. Магниторазведка.

Из всех геофизических методов, применяемых в археологии Крыма, именно магниторазведка является наиболее эффективным, скоростным и высокопродуктивным средством исследования древних памятников: греческих и «аборигенных» поселений, могильников и земельных участков [Смекалова, 2011; Смекалова, Восс, Мельников, 2010; Смекалова, 2011]. Это объясняется высоким контрастом магнитных свойств искомых объектов и окружающей среды, спокойным магнитным фоном и низким уровнем магнитных помех. Можно с уверенностью утверждать, что этот метод должен рассматриваться как необходимая стадия исследования поселенческих структур вместе с их аграрной территорией. Действительно, именно он дает уникальную возможность находить часто встречающиеся, но не проявляющиеся на поселениях в визуальных признаках хозяйственные ямы и полуземлянки. Кроме того, на магнитных картах очень четко видна прямоугольная планировка античных усадеб, что является важнейшим и определяющим признаком этого вида памятников, позволяющим идентифицировать их как греческие поселения, в отличие от «аборигенных» селищ.

Метод магниторазведки является одним из старейших, используемых в археологии. Первые успешные примеры использования метода относятся к пятидесятым годам прошлого века и связываются с именем английского археолога Мартина Дж. Эйткина [Aitken, 1959, 1974]. В настоящее время метод очень активно используется на многих археологических памятниках по всему миру. Достаточно назвать чрезвычайно успешные работы в Греции, Турции, Египте, Португалии, Англии, Дании, Ираке на таких знаменитых памятниках, как Апамея, Дура-Европос, Стоун-Хендж, Абидос и многих других [Herbich, Connor, Adams, Ballet, Hartung, 2005; Fassbinder, Bekker, Van Ess, 2005; Meyer, 2013; Bevan, Smekalova, Chudin, Garipov, 2015; Smekalova, Voss, 2001; Bevan, Smekalova, 2002; Smekalova, 2002; Smekalova, Voss, Smekalov, 2008; Smekalova, Mills & Herbich, 2004].

Метод основан на измерении земного магнитного поля с мелким шагом (0,3–0,5 м) и близко к поверхности памятника (0,2-0,25 м). Локальные изменения магнитного поля определяются величиной контраста магнитных свойств археологических объектов и вмещающей среды. Например, золистое и насыщенное керамикой заполнение хозяйственных ям является более магнитным материалом, чем суглинок, в котором они вырыты. Поэтому ямы и полуземлянки создают слабые положительные аномалии величинами от нескольких нТл (наноТесла – единица измерения напряженности магнитного поля) до 20-30 нТл. Каменные стены, напротив, создают слабые (несколько нТл) отрицательные аномалии, так как они сложены из

немагнитного известняка, находящегося в слабомагнитном окружении культурного слоя (рис. 12,а).

Наиболее сильные положительные аномалии (сотни и даже тысячи нТл) могут создаваться производственными объектами, в которых использовалось действие огня, – очагами и печами, особенно гончарными и железоделательными горнами [Смекалова, Мельников, Мыц, Беван, 2000]. Целые раннесредневековые «заводы» по производству черепицы, амфор и других керамических изделий были открыты в 2010–2015 гг. с помощью магнитной разведки в районе Мангупа – столицы Крымской Готии.

Для проведения магнитных измерений обычно на исследуемых территориях разбивается сеть прямоугольных участков так, чтобы охватить всю площадь памятника и часть окружающего пространства. Если позволяет состояние поверхности памятника (отсутствие кустарника и деревьев), возможно применение многодатчиковой системы (рис. 11).

Все данные сохраняются в памяти магнитометра. Магнитные карты вычерчиваются с помощью программы Surfer в виде карт теневых изображений или цветных контурных карт. На них темным тоном и синим цветом обозначаются положительные аномалии и светлым тоном и красным цветом – отрицательные. Более подробное описание физических принципов метода магниторазведки и примеры его применения для исследования различных археологических памятников приводятся в: [Смекалова, Восс, Мельнико, 2010; Bevan, Smekalova, 2013].

Помимо съемок на известных памятниках, магниторазведка в Крыму широко применяется для уточнения характера новых памятников, выявляемых по космическим снимкам. На рис. 3-5 представлена магнитная карта и построенный по данным магнитометрии план античной херсонесской усадьбы Ортли и виноградника, обнаруженных первоначально по снимкам из космоса. Только с помощью магниторазведки удалось доказать существование этого виноградника и определить его метрические данные и внутреннюю структуру, что позволило атрибутировать его как типично херсонесский земельный надел.

2.2. Электроразведка.

Электроразведка – первый геофизический метод, который с успехом был применен в археологии в 1946 году Р. Дж. Аткинсоном для обнаружения неолитических стоянок в Англии. Погребенные археологические объекты могут детектироваться за счет того, что они имеют удельное электрическое сопротивление, отличное от свойств вмещающей среды, а также отличаются от окружающего грунта по степени обводненности.

Метод сопротивлений позволяет изучать горизонтальные и вертикальные неоднородности электрических свойств разреза, а также обнаруживать трехмерные тела с аномальной электропроводностью. Согласно этому методу через землю пропускается искусственно генерируемый электрический ток и на поверхности земли измеряется

возникающая разность потенциалов. Отклонения от закономерного распределения разности потенциалов, ожидаемого для однородной среды, дают информацию о форме и электрических свойствах неоднородностей разреза [Кири и Брукс, 1988, с. 261].

За исключением некоторого числа минералов, которые проводят электричество за счет содержащегося металла, полностью высушенные почвы и породы не являются проводниками электричества, то есть имеют очень высокое удельное сопротивление. Однако, если они напитаны влагой, сопротивление скачкообразно падает и тогда они могут оказаться проводниками, хотя и очень слабыми по сравнению с металлами. Сопротивление почв и пород поэтому определяется количеством удерживаемой влаги, а также концентрацией водных растворов солей и гуминовых кислот биологического происхождения.

Для условий Крымского полуострова верхний слой сухой почвы мощностью 30–40 см имеет удельное сопротивление 10–20 ом.м, ниже залегают более влажные породы с удельным сопротивлением 2 ом.м. Строения древних селений выполнены из известняков, удельное сопротивление которых 100–200 ом.м. [Франтов, Пинкевич, 1966]. Процесс пропускания тока через почву имеет электролитическую природу, то есть электрический ток проводится положительными и отрицательными ионами в растворе. Очень плотные породы, такие как граниты и песчаники, являются худшими проводниками по сравнению с пористыми известняками и еще более худшими проводниками относительно почвы, песка и глины. Это создает благоприятные предпосылки для поиска по возрастанию удельного сопротивления таких археологических объектов, как стены, фундаменты и другие каменные сооружения, находящиеся в рыхлых отложениях (рис. 12,б). И наоборот, удается картировать по убыванию удельного сопротивления засыпанные рвы, каналы и т.п. углубления в материнских горных породах.

Культурный слой, насыщенный обломками керамики, каменных орудий, строительных остатков, часто отмечается повышенными значениями удельного сопротивления по сравнению с вмещающей средой. Если, однако, слой содержит мало керамики и не имеет значительной мощности, он может не отличаться по электрическим свойствам от вмещающих рыхлых отложений. Если же культурный слой залегает непосредственно среди горных пород, имеющих высокое удельное сопротивление, он может иметь сравнительно пониженные значения этой величины.

Одним из недостатков метода электроразведки можно считать неопределенность в оценке электрических свойств того или иного археологического объекта и невозможность приписать конкретным объектам постоянные величины удельного сопротивления. Так, например, Р. Аткинсон еще в 1953 г. приводил пример, когда на одном профиле два близрасположенных рва дали один – положительную, другой – отрицательную аномалии кажущегося сопротивления. Заполнение рвов часто более насыщено влагой (до 25%), чем вмещающая среда (12%), что обеспечивает низкое сопротивление заполнения рвов, что было подмечено, например, при исследовании неолитического памятника около Деренбурга еще в 1967 г. (Германия) [Peschel, 1967].

Электроразведка по сравнению с другими геофизическими методами имеет большее число модификаций, что объясняется использованием нескольких независимых свойств пород или объектов, полей искусственного или естественного происхождения, постоянного или переменного, локального или регионального характера. В электроразведке имеется несколько типов съемки, определяющихся конфигурацией электродов (установка для симметричного профилирования (AMNB), метод вертикального электрического зондирования (ВЭЗ), установка Венера, установка Шлюмберже, установка срединных градиентов, дипольные установки, метод вызванной поляризации) [Кири, Брукс, 1988]. Для достижения наибольшей эффективности электропрофилирования следует выбирать установку оптимального типа и оптимальных размеров. Обычно профилирование выполняют с разносом питающих электродов, равным трех- или пятикратной ожидаемой глубине искомого объекта. В настоящее время наиболее употребительными в археологической практике являются методы профилирования по регулярной сети с помощью линейной установки Венера или диполь-дипольной [Carreras Monfort, 2013, 154]. С помощью этого метода можно картровать целые древние города, например, римский город в Италике [Hidalgo, Manuel, Keay, 1999]. Карта, построенная по данным электропрофилирования, подкрепляется, как правило, данными ВЭЗ о глубинном строении разреза. Изменяя разносы электродов, можно добиваться различной проникающей способности, тем самым получая трехмерные изображения погребенных объектов.

Метод сопротивлений применяют обычно для картирования неоднородностей верхних слоев на небольшой глубине. Однако этот способ обладает рядом ограничений: интерпретация данных неоднозначна, необходимо иметь дополнительную независимую геологическую, геофизическую или археологическую информацию. Интерпретация возможна только в рамках простых моделей. Любые отклонения от этих моделей могут оказаться не поддающимися интерпретации. Рельеф и влияние приповерхностных вариаций сопротивления могут замаскировать эффекты от археологических объектов. Поскольку последние относятся к приповерхностным неоднородностям, осадки оказывают сильное влияние на удельное сопротивление верхнего слоя. Так, после дождя может полностью исчезнуть эффект от объекта с низким удельным сопротивлением и, наоборот, легко можно выявить объект с высоким удельным сопротивлением.

Электроразведка с успехом применялась на античном поселении Панское-I в Северо-Западном Крыму группой Ленинградского горного института под руководством В.В. Глазунова (рис. 12,б) [Глазунов, 1978].

2.3. Электромагнитный метод.

Электромагнитный метод основан на измерении разницы магнитных и электрических свойств объектов и окружающей среды и относится к электроразведочным методам. Поэтому для него справедливы те же условия применения, что и для электроразведки в целом. Этот метод обычно применяется для локализации крупных

земляных структур, например, распаханных курганных насыпей или для поиска заплывших рвов [Bevan, 1983]. Прибор для электромагнитной съемки состоит из вертикальной излучающей катушки, непрерывно питающейся переменным током, и из приемной катушки которая обычно монтируется на расстоянии примерно 1 м по оси излучающей катушки перпендикулярно ее плоскости. При таком расположении не будет происходить прямого энергетического воздействия непосредственно от излучающей на приемную катушку, так что при отсутствии внешних возмущений в приемной катушке не будет напряжения. Погребенные объекты могут детектироваться за счет вихревых токов, возникающих в металлических объектах под воздействием переменного магнитного поля от излучателя, которое, в свою очередь, наводит э.д.с. в приемной катушке. Такая система носит название метода Слингрэма и широко применяется в металлоискателях. Помимо детектора металлов, электромагнитные системы могут быть применены для картирования погребенных рвов, ям, стен. При этом успех их обнаружения основывается на контрасте либо электрических, либо магнитных свойств объекта по сравнению с окружающей подпочвой.

Преимуществом элекромагнитного метода является бесконтактный способ измерений: прибор просто проносится над исследуемым участком. Это важно в условиях сухого климата и твердой, каменистой почвы. Как и при магнитной съемке, измерения могут проводиться так быстро, как быстро движется оператор. Одновременно получаемая информация касается как электрических, так и магнитных свойств объекта, что также является преимуществом этого способа исследования. Проведенное сравнение на примере исследования неолитического памятника с земляными сооружениями показало, что разница магнитной восприимчивости в 25-45.10-5 ед. СИ может быть одинаково хорошо зафиксирована как с помощью современного магнитометра, так и электромагнитным прибором, поэтому там, где определяющими являются магнитные свойства, оба метода являются равноправными [Tabbacq, Bossnet, Becker, 1988].

Возможно широкое использование серийных приборов для обследования больших площадей. Так, с помощью канадского прибора EM-38 производства канадской фирмы Geonics была исследована территория, окружающая храм в Димэ в оазисе Файюм в Египте. Прибор обнаружил линзу погребенной глины, более обводненной, чем окружающая среда, что может говорить о наличии здесь в древности колодца [Smekalova, 2013].

2.4. Радарная съемка.

Впервые проникающий в землю радар был применен в США в начале семидесятых годов. Первоначально его предполагалось использовать только в инженерной геологии, однако радар быстро превратился в орудие полевых измерений с целью поиска археологических структур. Одними из первых работ были исследования Б. Бевана и Дж. Кеньена [Bevan, Kenyon, 1975] по обследованию исторических памятников в штатах Нью-Мексико и Филадельфия. За последние два десятилетия

георадар стал одним из наиболее популярных средств археологической диагностики из-за высокой разрешающей способности метода и возможности трехмерной визуализации результатов.

Метод радарной съемки довольно прост по сути и аналогичен сейсмическому отражательному профилированию. Антенна, расположенная над поверхностью земли, испускает короткий радиоимпульс. Импульс создает волновой фронт, который распространяется вниз и частично отражается от встречающихся в земле неоднородностей, отличающихся по электрическим свойствам от окружающей среды. Отраженная энергия детектируется приемной антенной с небольшим временем задержки. Процесс повторяется много раз по мере продвижения системы по профилю, тем самым мы получаем информацию о поперечном подповерхностном разрезе.

Радар реагирует на изменения диэлектрических свойств грунта, обычно вызываемые различиями в объемном содержании воды, таким образом радар чувствителен как к металлическим, так и к неметаллическим материалам.

Очевидным преимуществом радарной съемки является непрерывный характер получаемых данных, следующих с незначительным опозданием относительно движения установки. Так как радар может работать на снегу и в мороз, съемка проводится и тогда, когда другие виды разведки неприменимы и раскопки невозможны. Методы радарной съемки могут быть приспособлены для различных ситуаций. Во-первых, ширина посылаемого импульса может быть выбрана в соответствии с размером объекта. Короткий импульс длительностью 2 неудобен при поиске целей размером около нескольких десятков см, длинные импульсы применяются при обнаружении объектов метровых размеров. Во-вторых, скорость сканирования может быть выбрана произвольной, но приспособленной для целей съемки. При разведочном оконтуривании аномальных зон можно быстро двигать антенну, для детальных исследований ее перемещают как можно медленнее.

Область применения радарных систем: картирование погребенных структур, обнаружение отдельных объектов и быстрая идентификация зон, в которых могут оказаться археологические объекты. Информация, получаемая в ходе съемки, может свидетельствовать также об ориентации стен, домов, могил.

Для применения радара имеются существенные ограничения. Слой глины делает почти неощутимыми для радара любые объекты под ним. Так, если типичная глубина проникновения при частоте 100 МГц во влажной глинистой почве 1 метр, то в сухой песчаной почве – до 15 метров [Weymouth, 1986]. Поэтому на многих археологических памятниках Крыма с суглинистой почвой этот метод не применим.

3. Археологическое почвоведение.

В настоящее время сформировалась самостоятельная междисциплинарная научная отрасль (дисциплина) – геоархеология, в которой весомое место занимает почвенное направление, которое (в зависимости от акцентов исследования) может быть названо и педоархеологией (pedoarchaeology), и археологическим почвоведе-

нием (archaeological soil science; archaeopedology). Благодаря поиску эффективного междисциплинарного взаимодействия совместные полевые исследования археологов и почвоведов проводятся во многих регионах, в том числе и в Крыму. Результаты таких работ взаимно обогащают обе науки. После первых обобщающих работ по оценке скорости почвообразования, которые были основаны преимущественно на историческом методе и радиоуглеродном датировании гумуса, в последние четыре десятилетия произошел стремительный рост количества данных за счет активного использования почвенно-археологического метода датирования и изучения эволюции почв. Почвоведы могут также изучать почвы, которые возникли исключительно благодаря деятельности человека.

Группой ученых из Белгородского государственного национального исследовательского университета под руководством проф., д.г.н. Ф.Н. Лисецкого разработан новый метод почвенно-генетической хронологии (педохронологический метод), который основан на хронофункциях формирования необратимых результатов процесса почвообразования во времени.

Результативность геоархеологических исследований повышается в тех регионах, которые имеют многовековую этнокультурную и хозяйственную историю. На территории Крымского полуострова почвы, сформированные на культурных слоях различного вещественного и гранулометрического состава или измененные антропогенными воздействиями (распашка под зерновые культуры и многолетние насаждения, селитебные территории), представлены повсеместно и в широком хронологическом диапазоне.

Применяя ранее предложенную структуру описания профилей новообразованных почв для региональных почвенно-хронологических баз данных [База почвенно-хронологических данных 2010], сформирован статистически обоснованный массив эмпирических данных о почвах на более чем 30-ти памятниках Крыма. В частности, обоснован хроноряд дневных почв, развитых на памятниках во временно́м диапазоне от энеолита («культуры раковинных куч» III тыс. до н.э.) до XVIII в. (фельдшанец у высшей точки Тарханкута). Формированию репрезентативных хронорядов погребенных почв способствует наличие археологических памятников, которые могут обеспечить достаточное число повторений для почв с одинаковым датированным временем начала почвообразования: ок. 270 г. до н.э. (Ортли, Кельшейх-1, Панское-I и др), III в. н.э. (Калос Лимен, Караджа и др.).

С помощью оригинальных методов почвенного датирования и применения ростовых функций, наиболее адекватных для моделирования процесса образования почвы за последние 3000 лет, обоснован фундаментальный вывод о том, что морфологическое строение почвы как органо-минерального природного тела развивается по законам, подобным ростовым процессам у биосистем [Lisetskii, 2012]. Найденные онтогенетические закономерности формирования почв на антропогенно нарушенных поверхностях перспективно использовать для почвенно-хронологического датирования археологических памятников, находящихся в режиме ренатурации после

прекращения бытования создавших их культур. Если в результате геоархеологических исследований будут разработаны надежные хронофункции изменения необратимых генетических почвенных свойств от времени, то может быть решена обратная задача – датирование почв, сформированных на антропогенных сооружениях [Лисецкий, Голеусов, 2012].

Разработанный метод почвенно-генетической хронологии – метод датирования антропогенных сооружений, основанный на математической зависимости необратимых генетических почвенных свойств от времени, определяет востребованность почвоведения для атрибуции и охраны объектов культурного наследия. Особенный интерес для археологии педохронологический метод представляет в тех случаях, когда земляные сооружения (оборонительные, гидротехнические и межевые валы) не содержат артефактов, а подкурганные погребения безынвентарны. Условием для успешного применения метода почвенно-генетической хронологии является необходимость проведения геоархеологических исследований в регионах со сравнительно однородными почвенно-климатическими условиями, получение методически согласованных педохронологических данных в объеме, позволяющем обрабатывать их методами статистики, а также калибровки по этим данным хронофункций изменения почвенных свойств во времени и верификации расчетной формулы датирования почв. Наиболее достоверные результаты датирования с помощью метода почвенно-генетической хронологии могут быть получены для почв возрастом от 200 до 2500 лет.

Верификацию педохронологического метода проводили на двух опорных античных поселениях Северо-Западного Крыма – Панское-I и Кельшейх-1. Это, например, позволило провести датирование хорошо выявляемых на космических снимках межевых валов у поселения Караджа (с. Оленевка Черноморского р-на): они определены как земляные сооружения системы античного землепользования, созданные не позже рубежа IV–III вв. до н.э.

Метод почвенно-генетической хронологии, использующий закономерности формирования во времени новообразованного гумусового горизонта почв, может быть усовершенствован путем построения математических моделей трендовых компонентов протекания других почвообразовательных процессов (выщелачивания, оструктуривания, геохимической трансформации субстрата и др.). Этот метод при корректном использовании по точности может даже превосходить более сложные методы, например, радиоуглеродного датирования. Это связано с тем, что морфологическое строение почв – это всегда вновь приобретенный признак, а функциональные признаки (в том числе содержание и возраст органического вещества) могут быть унаследованы от почвообразующей породы (особенно, когда мы имеем дело с культурными слоями). Необходимый объем эмпирических данных для обоснования дополнительных датирующих почвенно-генетических показателей формируется, используя имеющиеся заделы [Лисецкий, Ергина 2010], по результатам геоархеологических исследований на территории Крымского полуострова с 2011 г.

Не все почвенные свойства имеют однозначную зависимость от длительности и интенсивности агрогенных трансформаций. При земледельческом освоении почв их исходные почвенно-генетические различия не стираются полностью. Тем не менее удалось выявить набор универсальных индикаторов агрогенеза, которые наиболее чувствительны к земледельческим нагрузкам.

Используя группировку в хронопоследовательностях почвенных объектов (целинная, постантичные длительные залежи, постоянно распахиваемые земли, современные пахотные участки, современные длительные залежи) из региона, где масштабное земледелие впервые появилось в период греческой колонизации Северного Причерноморья, были определены наиболее информативные индикаторы агрогенеза из значительного количества показателей физических и химических свойств почв. К примеру, путем геохимического анализа и геоинформационного картографирования около 40 почвенных показателей на сельскохозяйственных землях к западу от Евпатории (на площади 5,5 тыс. га) удалось объективно определить конфигурацию ареала наиболее выпаханных старопахотных почв в пределах сельской округи Керкинитиды.

* * *

За последнее десятилетие естественнонаучные методы, применяемые в археологических исследованиях, шагнули далеко вперед и завоевали доверие среди археологов. Мы сейчас имеем все необходимое для того, чтобы проводить междисциплинарные археологические полевые исследования на высоком современном методическом уровне, чтобы извлекать максимум уникальной информации из памятника, в то же время сохраняя его целостность. Необходимо повсеместно внедрять эти методы в археологическую практику Крыма и проводить раскопки только после того, как будут исчерпаны все возможности неразрушающих методов исследования погребенного памятника.

Очень показательно, что в 2015 г. в НИЦ «Курчатовсий институт» была организована лаборатория естественнонаучных методов в гуманитарных науках, а при Крымском федеральном университете им. В.И. Вернадского – исследовательский и координирующий отдел высоких технологий в археологии Причерноморья. Обе эти организации, обладая современными научно-техническими базами, наряду с междисциплинарными исследованиями проводят обучение студентов и аспирантов, а также дают рекомендации действующим археологическим экспедициям, являясь, по сути, предвестниками «археологии будущего». Эти процессы говорят о прогрессивном сближении точных и гуманитарных наук.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Андрианов Б.В. Дешифрование аэрофотоснимков при изучении оросительных систем // Археология и естественные науки, МИА № 129, М.: Наука, 1965. С. 261–267.

Борисов Н.В. Виртуальная 3D-реконструкция боспорской крепости Илурат [Электронный ресурс] // http://ilurat.nw.ru/content/index.htm

База почвенно-хронологических данных: свидетельство № 2010620434 о гос. регистрации базы данных / Ф.Н. Лисецкий, П.В. Голеусов, О.А. Чепелев и др.; правообладатель ГОУ ВПО Белгородский государственный университет (БелГУ). № 2010620190; заявл. 26.04.2010; опубл. 16.08.2010.

Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А., Корзюк Д.В., Лавров В.В., Смекалова Т.Н., Шведчикова Т.Ю., Чудин А.В. Предварительные результаты комплексных междисциплинарных исследований Мангупского городища и его округи в 2015 г.: Традиционные объекты археологического изучения и новые проекты. // КСИА, 2016 г. (в печати)

Глазунов В.В. Геофизические исследования на археологических памятниках. Записки ЛГИ, Л.: 1978, т. 76, с. 46–51.

Глазунов В.В., Наумов А.П. Геофизические исследования на античном поселении Панское-I.- В сб.: Новое в применении физико- математических методов в археологии. М.: Наука, 1979, с. 22–39.

Дойель Л. Полет в прошлое. М.: Наука, 1979. 296 с.

Игонин Н.И. Применение аэрофотосъемки при изучении археологических памятников //Археология и естественные науки, МИА № 129, 1965, М.: Наука. С. 257–260.

Зинько В.Н. Некоторые итоги изучения сельской округи античного Нимфея. //Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып.V. Симферополь, 1996. С. 12–20.

Зінько В.М. Міжнародний колоквіум «Античне місто: проблеми збереження архітектурно-археологічних комплексів» //Археологія. 2006. № 1. С. 103-107.

Зинько В.Н. Проблемы сохранения архитектурно-археологических комплексов городища Тиритака // Боспорские исследования. Вып. XVII. Симферополь-Керчь, 2007. С. 128–137.

Кири П., Брукс М. Введение в геофизическую разведку. М.: Мир, 1988. 384 с.

Кордт В. Материалы по истории русской картографии. Киев: комиссия для разбора древних актов, 1899. Вып. I. 15 с., 32 табл.

Кутайсов В.А., Смекалова Т.Н. Ортли. Античные усадьба и виноградник на дальней хоре Херсонеса. Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XI. Ч. 2. Симферополь: Доля, 2013. 272 с.

Лисецкий Ф.Н., Голеусов П.В. Почвенно-хронологические исследования археологических памятников Таманского полуострова // Донская археология. 2002. №3-4 (16-17). С. 102-112.

Лисецкий Ф.Н., Ергина Е.И. Развитие почв Крымского полуострова в позднем голоцене // Почвоведение. 2010. № 6. С. 643–657.

Маркевич А. TAURICA. Опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 20. Симферополь, 1884. 394 с.

Масленников А.А., Смекалова Т.Н. Комплексное исследование памятников боспорской хоры Крымского Приазовья. // Боспор и античный мир., Нижегородский государственный университет, Нижний Новгород, 1997. С. 82–93.

Пасуманский А.Е. 2D и 3D документирование археологических памятников и находок // Пастухи и земледельцы раннего железного века в Северо-Западном Крыму. Материалы к археологической карте Крыма / Ред. Смекалова Т.Н. и Кутайсов В.А. 2013. Вып. VIII. Ч. 2. С. 320–332.

Смекалова Т.Н. Русские топографические карты XVIII-XX веков как источник по изучению археологических памятников Западного и Восточного Крыма // Боспорские исследования, № 17, Симферополь-Керчь, 2007. С. 78–111.

Смекалова Т.Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железного века на полуострове Тарханкут: каталог. Материалы к археологической карте Крыма. Вып. II. Симферополь: Доля, 2010. 204 с.

Смекалова Т.Н. Космические снимки как инструмент для выявления археологических памятников на полуострове Тарханкут // Материалы к археологической карте Крыма. Вып. III. Симферополь: Доля. 2010а. С. 13–82.

Смекалова Т.Н. Дистанционные и геофизические исследования поселений античной эпохи в Северо-Западном Крыму. Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь: Доля, 2011, Вып. V. 296 с.

Смекалова Т.Н. К вопросу о методике и источниках для изучения античных земельных наделов в Северо-Западном Крыму // Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь: Доля, 2012, Вып. VI. Ч. 2. С. 256–269.

Смекалова Т.Н., Мельников А.В., Масленников А.А. Эллинистическое поселение Генеральское в Северо-Западном Крыму. Физико-археологические исследования. // Проблемы исследования античных городов. Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума, посвященного памяти В.Б. Блаватского. М., «Наука», 1989, с. 78–80.

Смекалова Т.Н., Мельников А.В., Мыц В.Л., Беван Б.В. Магнитометрическое изучение гончарных печей средневековой Таврики. СПб: Изд-во С.-Петербургского университета. 2000. 163 с.

Смекалова Т.Н., Зинько В.Н., Чудин А.В. Магнитная разведка поселения Тобечик-9 // VIII Боспорские чтения. Керчь, 2007. С. 293–298.

Смекалова Т.Н., Зинько В.Н., Чудин А.В. Магниторазведка поселения Аршинцево-3 на хоре Тиритаки. // IX Боспорские чтения, Керчь, 2008. С. 299–302.

Смекалова Т.Н., Восс О., Мельников А.В. Магнитная разведка в археологии. Симферополь: Доля, 2010. 78 с.

Смекалова Т.Н., Ф.Н. Лисецкий, О.А. Маринина, А.В. Чудин, А.С. Гарипов. Изучение пространственной организации древнего землепользования в Северо-Западном Крыму геоархеологическими методами // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2. С. 150–160.

Треблева Г.В., Горлов Ю.В. Применение геоинформационных систем-технологий в комплексных палеогеографических и археологических исследованиях на Тамани и Абхазском побережье // Проблемы истории, филологии, культуры. 2004. Вып. XIV. С. 434–440.

Франтов Г.С., Пинкевич А.А. Геофизика в археологии. Л.: Недра, 1966. 205 с.

Шишкін К.В. З практики дешифрування аерофотознімків у археологічних цілях. // Археологія, 1973, N 10, с. 268–272.

Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978. 156 с.

Щеглов А.Н. Разведки и раскопки античных сельских поселений и аграрных систем. //Методика полевых археологических исследований. М.: Наука, 1983. С. 12–30.

Aitken M.J. The magnetic survey // Appendix to S.S. Frere: Excavations at Verulatium 1959, 5th Interim. Report. Antiquaries Journal, 1960. Vol. 40. P. 21–24.

Aitken M.J. Physics and archaeology. Oxford, 1974. 291 p.

Alexakis D., Sarris A., Astaras T., Albanakis K. Detection of Neolithic settlements in Thessaly (Greece) through multispectral and hyperspectral satellite imagery // Sensors, 9, 2009. P. 1167–1187.

Bevan B.W. Electromagnetics for mapping buried earth features // Journal of Field Archaeology. Vol. 10. No. 1. 1983. P. 47–54.

Bevan B.W., Kenyon J. Ground-penetrating radar for historical archaeology // MASCA Newsletters. 1975. Vol. 11. P. 2–7.

Bevan B.W., Smekalova T.N. Magnetization Directions of Iron Slag in Denmark. // Filtering, Optimization and Modelling of Geophysical data in Archaeological Prospecting. Fondazione ing. Carlo Maurilio Lerici. Politecnico di Milano. 50th Anniversary, 1947-1997. Milano, 2002. P. 9–25.

Bevan B.W., Smekalova T. N. Magnetic Exploration of Archaeological Sites // Good Practice in Archaeological Diagnostics, Non-invasive survey of complex archaeological sites / Ed. by

Cristina Corsi, Bozidar Slapsak, and Frank Vermeulen. Dordrecht: Springer International Publishing, 2013. P. 133–152.

Bevan B.W., Smekalova T. N., Chudin A.V., Garipov A.S. The discovery of an ancient Greek vineyard // Archaeological Prospecting. 2015. Vol. 4. P. 201–224.

Campana S, Piro S, Felici C, Ghisleni M. From space to place: the Aiali project (Tuscany-Italy). BAR International Series 1568, 2006. P. 131–136.

Carreras Monfort C. Earth Resistance Survey: A Matue Archaeological Geophysics Method for Archaeology // Good Practice in Archaeological Diagnostics, Non-invasive survey of complex archaeological sites. / Ed. by Cristina Corsi, Bozidar Slapsak, and Frank Vermeulen. Dordrecht: Springer International Publishing, 2013. P. 153–164.

Cerato I., Perscarin S. Reconstructing Past Landscapes for Virtual Museums // Good Practice in Archaeological Diagnostics, Non-invasive survey of complex archaeological sites. / Ed. by Cristina Corsi, Bozidar Slapsak, and Frank Vermeulen. Dordrecht: Springer International Publishing, 2013. P. 285–296.

Ceraudo G. Aerial Photography in Archaeology // Good Practice in Archaeological Diagnostics, Non-invasive survey of complex archaeological sites. / Ed. by Cristina Corsi, Bozidar Slapsak, and Frank Vermeulen. Dordrecht: Springer International Publishing, 2013. P. 11–30.

Crawford O.G.S. Archaeology in the field. London: Phoenix House, 1953. 280 p.

Dilke, O.A.W. Greek and Roman Maps. London: Thames and Hudson Ltd. 1985. 224 p.

Harrower M., McCorriston J., Oches E.A. Mapping the roots of agriculture in southern Arabia: The application of satellite remote sensing, Global Positioning System and geographic information system technologies // Archaeological Prospection 2002. Vol. 9. P. 35–42.

Herbich T., D. O'Connor, M. Adams, P. Ballet, U. Hartung. La géophysique dans l'archéoogie égytienne // Dossiers archeologue. N 308, 205. P. 62–70.

Hidalgo R., Manuel J. Keay S. La Italica de Adriano. Resultado de las prospecciones geofisicas de 1991 y 1993 // Archivo español de arqueología. 1999. 72, pp. 73–78.

Fassbinder P.J., H. Bekker, M. Van Ess. Prospectiones magnetuques à Uruk (Warka). La cité du roi Gilgamesh (Irak) // Dossiers archeologue. N 308, 205. P. 20–25.

Kaimaris D., Georgoula O., Karadedos G., Patias P. Aerial and Remote Sensing Archaeology in Eastern Macedonia, Greece // 22nd CIPA Symposium, Kyoto, Japan, CIPA Archives for Documentation of Cultural Heritage. 2009. 22(1). P. 1–32.

Klein M. Computer-Aided 3D Visualisation of Roman Towns // Good Practice in Archaeological Diagnostics, Non-invasive survey of complex archaeological sites. Ed. by Cristina Corsi, Bozidar Slapsak, and Frank Vermeulen. Dordrecht: Springer International Publishing, 2013. P. 297–308.

Kwiatek K., Tokarczyk R., Immersive Photogrammetry in 3D Modelling // Geomagnetics and Environmental Engineering. Volume 9. Number 2. 2015. P. 15–25.

Kaufman J., Clement M. and Rennie A.E.W. Reverse Engineering Using Close Range Photogrammetry for Additive Manufactured Reproduction of Egyptian Artifacts and Other Objets d'art // Journal of Computing and Information Science in Engineering, Volume 15, 2015, Issue 1. P. 1006–10011.

Lipo C.P., Hunt T.L. Mapping prehistoric roads on Easter Island // Antiquity. 79, 2005. P. 158–168.

López-Mencherp Bendicho V.M. International Guidelines for Virtual Archaeology: The Seville Principles // Good Practice in Archaeological Diagnostics, Non-invasive survey of complex archaeological sites. Ed. by Cristina Corsi, Bozidar Slapsak, and Frank Vermeulen.

Dordrecht: Springer International Publishing, 2013. P. 269–284.

Mayer C. Interpretation and Guidelines for Reporting// Good Practice in Archaeological Diagnostics, Non-invasive survey of complex archaeological sites. Ed. by Cristina Corsi, Bozidar Slapsak, and Frank Vermeulen.

Dordrecht: Springer International Publishing, 2013. P. 177–192.

Mlekuž D. Skin Deep: LiDAR and Good Practice of Lanscape Archaeology // Good Practice in

Archaeological Diagnostics, Non-invasive survey of complex archaeological sites. Ed. by Cristina Corsi, Bozidar Slapsak, and Frank Vermeulen. Dordrecht: Springer International Publishing, 2013. P. 113–132.

Mikkelsen P.H. and T. Smekalova. Central places from a scientific perspective: From geophysics to micro-morphology // Wealth and Complexity. Economically specialised sites in Late Iron Age Denmark. / Eds. E. Stidsing, K. H. Nielsen, and R. Fiedel. Aarhus: Aarhus University Press, 2014. P. 281–288.

Perschel G. A new favorable combination of resistivity sounding and profilling in archaeological surveying // Prospezioni archeologiche, 1967, Vol. 2, pp. 91–101.

Plets G., Gheyle W., Verhoeven G., De Reu J., Bourgeois J., Verhegge J., Stichelbaut B. Three-dimensional recording of archaeological remains in the Altai Mountains // Antiquity: Antiquity Publications Ltd. Vol. 86. 2012. P. 884–897.

Robleda Prieto G., Pérez Ramos A., Modeling and accuracy assessment for 3D-virtual reconstruction in cultural heritage using low-cost photogrammetry: Surveying of the «Santa María Azogue» church's front // The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences, Volume XL-5/W4, 2015, 3D Virtual Reconstruction and Visualization of Complex Architectures, 25-27 February 2015, Avila, Spain. P. 263–270.

Radcliffe F. Not Roman centuriation but Greek chora (land division): discovered from the air – 'rectified' by subsequent ground survey! // AARGnews (newsletter of the Aerial Archaeology Research Group). 2008. 37. P. 37–39.

Scheglov A.N. Severo-zapadnyi Krym v antichnuju epohu. L.: Nauka, 1983. 156 p.

Scheglov A.N. Razvedki I raskopki antichnyh sel'skih poselenii I agrarnyh sistem // Metodika polevyh arheologicheskih issledovanii. M.: Nauka, 1983. P. 12–30.

Scholl T., Zin'ko V. Archaeological map of Nymphaion (Crimea). Warsaw 1999. - 126 p.

Siart C., Eitel B. Geoarchaeological studies in central Crete based on remote sensing and GIS // Layers of Perception. Proceedings of the 35th International Conference on Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology. / Posluschny A, Lambers K., Herzog I. (eds). Bonn: Koll. Vor-u. Frühgesch. 2008. P. 299–305.

Smekalova T. Magnetic Testing using Overhauser Gradiometer GSM-19WG and Cesium Magnetometer MM-60. // Dakhleh Oasis Project: Preliminary Reports on the 1994-1995 to 1998-1999 Field Seasons. / Eds. By C. Hope and G. E. Bowen. Oxford and Oakville: Oxbow books, 2002. P. 31–41.

Smekalova T.N. The geophysical survey // Soknopaiou Nesos Project. I.

Pisa/Roma: Fabriziao Serro Editore. 2012. P. 111–118.

Smekalova T.N., Myts V.L., Melnikov A.V. Advances in magnetometry imaging of bured archaeological sites in the Crimea. // Abstracts of International Symposium on Archaeometry, Heidelberg, Germany, 2-6 April 1990. P. 35.

Smekalova T., Maslennikov A.A. Cadaster of Geophysical Maps of Bospor Sites in the Coast of Azov Sea. // Geophysical Exploration of Archaeological Sites. Series: Theory and Practice of Applied Geophysics, edited by A.Vogel and G.N.Tsokas. Vol.7. Vieweg Publishing, Braunschweig/ Wiesbaden 1993, pp. 27–35.

Smekalova T.N., O. Voss. Magnetic survey on the archaeological sites in Denmark // Nationalmuseets Arbejdsmark. 2001. København, 2001. S. 134–146.

Smekalova T. N., A. J. Mills and T. Herbich, Magnetic Survey at 'Ain el-Gazzareen, in G. E. Bowen and C. A. Hope, eds, The Oasis Papers III. Proceedings of the Third International Conference of the Dakhleh Oasis Project. Oxford: Oxbow, Books, 2004. P. 131–135.

Smekalova T., O. Voss, S. Smekalov, V. Myts, S. Koltukhov. Magnetometric Investigations of Stone Constructions within Large Ancient Barrows of Denmak and Crimea. // Geoarchaeology. 2005. Vol. 20. No. 5. P. 461–482.

Smekalova T. N., Voss O., Smekalov S.L. Magnetic surveying in archaeology. More than 10 years of using the Overhauser GSM-19 gradiometer. Aarhus: Wormianum, 2008. 78 p.

Soetsens S., J. Driessen, A.Sarris, S.Topouzi. The Minoan peak sanctuary landscape through a GIS approach // Archeologia e Calcolatori. 2002. Vol. 13. P. 161–170.

Tabbagh A., Bossnet G., Becker H. A comparison between magnetic and electromagnetic prospection of a Neolithic ring ditch in Bavaria // Archaeometry, 1988, 30, 1. P.132–144.

Topouzi S., Sarris A., Pikoulas Y., Mertikas S., Frantzis X., Giourou A. Ancient Mantinea's Defence Network Reconsidered Through a GIS Approach // Proceedings of CAA 2001 International Conference (Computer Applications and Quaantitative Methods in Archaeology). April 25-29, 2001, Visby, Gotland, Sweden: Stockholm, 2002. P. 559–566.

Trier Ø.D., Loska A., Øyen Larsen S., Solberg R. Detection of burial mounds in high-resolution satellite images of agricultural land. // Advances on remote sensing for archaeology and cultural heritage management. Rome: Argo, 2008. P. 17–22.

Verhoeven G., Taking computer vision aloft - Archaeological three-dimensional reconstructions from aerial photographs with PhotoScan // Archaeological Prospection. 2011. Volume 18. Issue 1. P. 67–73.

Verhoeven G., Sevara Ch., Karel W., Ressel C., Doneus M., Briese Ch. Undistorting the Past: New Techniques for Orthorectification of Archaeological Aerial Frame Imagery // Good Practice in Archaeological Diagnostics, Non-invasive survey of complex archaeological sites. / Ed. by Cristina Corsi, Bozidar Slapsak, and Frank Vermeulen. Dordrecht: Springer International Publishing, 2013. P. 31–68.

Vermeulen F. Roman Urban Survey: The mapping and monitoring of Complex Settlement Sites with Active Aerial Photography // Good Practice in Archaeological Diagnostics, Non-invasive survey of complex archaeological sites. / Ed. by Cristina Corsi, Bozidar Slapsak, and Frank Vermeulen. Dordrecht: Springer International Publishing, 2013. P. 69–88.

Ward-Perkins J. B. Cities of Ancient Greece and Italy: Planning in Classical Antiquity. London: Sidgwick & Jackson, 1974. 128 p.

Weymouth J.W. 1986. Geophysical methods of archaeological site surveying // Advances in Archaeological Method and Theory 9. P. 370–382.

Zhukovsky M.O., Kuznetsov V.D., Olkhovsky S.V., Photogrammetric Techniques for 3-D Underwater Record of the Antique Time Ship from Phanagoria // XXIV International CIPA Symposium, 2 – 6 September 2013, Strasbourg, France. P. 717–721.

REFERENCES

Adrianov B.V. Deshifrovanie aerofotosnimkov pri izuchenii orositel'nyh system. *Arheologia I estestvennye nauki. Materialy I issledovanija po arheologii,* no. 129, M.: Nauka, 1965, pp. 261–267.

Aitken M.J. The magnetic survey. Appendix to S.S. Frere: Excavations at Verulatium 1959, 5th Interim. Report. *Antiquaries Journal*, 1960, vol. 40, pp. 21–24.

Aitken M.J. *Physics and archaeology.* Oxford, 1974. 291 p.

Alexakis D., Sarris A., Astaras T., Albanakis K. Detection of Neolithic settlements in Thessaly (Greece) through multispectral and hyperspectral satellite imagery. *Sensors*, vol. 9, 2009, pp. 1167–1187.

Baza pochvenno-hronologicheskih dannyh: svidetelstvo № 2010620434 o gos. Registracii bazy dannyh / F.N. Lisetsky, P.V. Goleusov, O.A. Chepelev et al.: pravoobladatel' Belgorodsky gosudarstvennyi universitet. № 2010620190; zajavl. 26.04.2010; opubl. 16.08.2010.

Bevan B. W. Electromagnetics for mapping buried earth features. *Journal of Field Archaeology*, vol. 10, no. 1, 1983. P. 47–54.

Bevan B. W., Kenyon J. Ground-penetrating radar for historical archaeology. *MASCA Newsletters.* 1975. 11. P. 2–7.

Bevan B.W., Smekalova T.N. Magnetization Directions of Iron Slag in Denmark. *Filtering, Optimization and Modelling of Geophysical data in Archaeological Prospecting. Fondazione ing. Carlo Maurilio Lerici. Politecnico di Milano. 50th Anniversary, 1947-1997*. Milano, 2002, pp. 9–25.

Bevan B.W., Smekalova T. N. Magnetic Exploration of Archaeological Sites. *Good Practice in Archaeological Diagnostics, Non-invasive survey of complex archaeological sites.* Ed. by Cristina Corsi, Bozidar Slapsak, and Frank Vermeulen. Dordrecht: Springer International Publishing, 2013, pp. 133–152.

Bevan B.W., Smekalova T. N., Chudin A.V., Garipov A.S. The discovery of an ancient Greek vineyard // *Archaeological Prospecting.* 2015, 4, pp. 201–224.

Borisov N.V. *Virtualnaja 3-D rekonstrukcija bosporskoi kreposti Ilurat* // http://ilurat.nw.ru/content/index.htm

Campana S, Piro S, Felici C, Ghisleni M. *From space to place: the Aiali project (Tuscany-Italy)*. BAR International Series 1568, 2006, pp. 131–136.

Carreras Monfort C. Earth Resistance Survey: A Matue Archaeological Geophysics Method for Archaeology. *Good Practice in Archaeological Diagnostics, Non-invasive survey of complex archaeological sites.* Ed. by Cristina Corsi, Bozidar Slapsak, and Frank Vermeulen. Dordrecht: Springer International Publishing, 2013, pp. 153–164.

Cerato I., Perscarin S. Reconstructing Past Landscapes for Virtual Museums. *Good Practice in Archaeological Diagnostics, Non-invasive survey of complex archaeological sites*. Ed. by Cristina Corsi, Bozidar Slapsak, and Frank Vermeulen. Dordrecht: Springer International Publishing, 2013, pp. 285–296.

Ceraudo G. Aerial Photography in Archaeology. *Good Practice in Archaeological Diagnostics, Non-invasive survey of complex archaeological sites.* Ed. by Cristina Corsi, Bozidar Slapsak, and Frank Vermeulen. Dordrecht: Springer International Publishing, 2013, pp. 11–30.

Crawford O.G.S. *Archaeology in the field.* London: Phoenix House, 1953. 280 p.

Dilke, O.A.W. *Greek and Roman Maps*. London: Thames and Hudson Ltd. 1985. 224 p.

Doiel L. *Polet v proshloe.* M.: Nauka, 296 p.

Fassbinder P.J., H. Bekker, M. Van Ess. Prospectiones magnetuques à Uruk (Warka). La cité du roi Gilgamesh (Irak). *Dossiers archeologue.* N 308, vol. 205. P. 20–25.

Frantov G.S., Pinkevich A.A. *Geofizika v arheologii.* L.: Nedra, 1966, 205 p.

Gertsen A.G., Naumenko V.E., Dushekno A.A., Korzjuk D.V., Lavrov V.V., Smekalova T.N., Svedchikova T.Ju., Chudin A.V. Preliminary results of multidisciplinary investigations of Mangup and its surroundings in 2015 г// Kratkie soobschenija institute archeologii, 2016 г. (в печати).

Glazunov V.V. Geofizicheskie issledovanija na arheologicheskih pamjatnikah // Zapiski LGI, L., 1978. Vol.76. P. 46–51.

Glazunov V.V., Naumov A.P. Geofizicheskie issledovanija na antichnom poselenii Panskoe I //Novoe v primenenii fiziko-arheologicheskih metodov v arheologii. M.: Nauka, 1978. P. 22–39.

Harrower M., McCorriston J., Oches E.A. Mapping the roots of agriculture in southern Arabia: The application of satellite remote sensing, Global Positioning System and geographic information system technologies. *Archaeological Prospection.* 2002, vol. 9, pp. 35–42.

Herbich T., D. O'Connor, M. Adams, P. Ballet, U. Hartung. La géophysique dans l'archéoogie égytienne. *Dossiers archeologue*. N 308, 205. P. 62–70.

Hidalgo R., Manuel J. Keay S. La Italica de Adriano. Resultado de las prospecciones geofisicas de 1991 y 1993. *Archivo español de arqueología*. 1999. vol. 72, pp. 73–78.

Igonin N.I. Primenenie aerofotos'emki pri izuchenii archeologicheskih pamjatnikov *Arheologia I estestvennye nauki. Materialy I issledovanija po arheologii*, no. 129, M.: Nauka, 1965, pp. 257–260.

Kaimaris D., Georgoula O., Karadedos G., Patias P. Aerial and Remote Sensing Archaeology in Eastern Macedonia, Greece. *22nd CIPA Symposium, Kyoto, Japan, CIPA Archives for Documentation of Cultural Heritage*. 2009, vol. 22(1), pp. 1–32.

Kaufman J., Clement M. and Rennie A.E.W. Reverse Engineering Using Close Range Photogrammetry for Additive Manufactured Reproduction of Egyptian Artifacts and Other Objets d'art. *Journal of Computing and Information Science in Engineering*, 2015, vol. 15, issue 1, pp. 1006–10011.

Kiri P., Bruks M. *Vvedenie v geofizicheskyuj razvedku*. M.: Mir, 1988, 384 p.

Klein M. Computer-Aided 3D Visualisation of Roman Towns. *Good Practice in Archaeological Diagnostics, Non-invasive survey of complex archaeological sites*. Ed. by Cristina Corsi, Bozidar Slapsak, and Frank Vermeulen. Dordrecht: Springer International Publishing, 2013, pp. 297–308.

Kordt V. *Materialy po istorii russkoi kartografii*. Kiev: Komissija dlja razbora drevnich aktov. 1899, issue I, 15 p., 32 tabl.

Kutaisov V.A., Smekalova T.N. *Ortli. Antichnye usad'ba I vinogradnik na dal'nei chore Chersonesa. Materialy k arheologicheskoj karte Kryma.* Issue XI, part 2, Simferopol: Dolja, 2013, 272 p.

Kwiatek K., Tokarczyk R., Immersive Photogrammetry in 3D Modelling. *Geomagnetics and Environmental Engineering*, 2015, vol. 9, no. 2, pp. 15–25.

Lipo C.P., Hunt T.L. Mapping prehistoric roads on Easter Island. *Antiquity*. 2005, vol. 79, pp. 158–168.

Lisetskii F.N. Soil reproduction in steppe ecosystems of different ages. *Contemporary problems of ecology.* 2012, vol. 5, no. 6, pp. 580–588.

Lisetskii F.N., Goleusov P.V. Pochvenno-hronologicheskie issledovanija archeologicheskih pamjatnikov Tamanskogo poluostrova // Donskaja archeologija. 2002. No. 3-4 (16-17). P. 102–112.

Lisetskii F.N., Ergina E.I. Razvitie pochv Krymskogo poluostrova v pozdnem golocene // Pochvovedenie. 2010. No. 6. P. 643–657.

López-Mencherp Bendicho V.M. International Guidelines for Virtual Archaeology: The Seville Principles. *Good Practice in Archaeological Diagnostics, Non-invasive survey of complex archaeological sites.* Ed. by Cristina Corsi, Bozidar Slapsak, and Frank Vermeulen.

Dordrecht: Springer International Publishing, 2013, pp. 269–284.

Markevich A. TAURICA. Opyt ukazatelja sochinenij, kasajuschihsja Kryma I Tavricheskoi gubernii voobsche. *Izvestija Tavricheskoi Uchenoi Archivnoi Komissii*, no 20. Simferopol, 1884, 394 p.

Maslennikov A.A., Smekalova T.N. Multidisciplinary investigations of the sites of Bosporan chora in Crimean Sea of Azov shore // Bospor i antichnyi mir. Nizhnii Novgorod, 1997. P. 82–93.

Mayer C. Interpretation and Guidelines for Reporting. *Good Practice in Archaeological Diagnostics, Non-invasive survey of complex archaeological sites.* Ed. by Cristina Corsi, Bozidar Slapsak, and Frank Vermeulen. Dordrecht: Springer International Publishing, 2013, pp. 177–192.

Mlekuž D. Skin Deep: LiDAR and Good Practice of Lanscape Archaeology. *Good Practice in Archaeological Diagnostics, Non-invasive survey of complex archaeological sites.* Ed. by Cristina Corsi, Bozidar Slapsak, and Frank Vermeulen. Dordrecht: Springer International Publishing, 2013, pp. 113–132.

Mikkelsen P. H. and T. Smekalova. Central places from a scientific perspective: From geophysics to micro-morphology. *Wealth and Complexity. Economically specialised sites in Late Iron Age Denmark.* Eds. E. Stidsing, K. H. Nielsen, and R. Fiedel. Aarhus: Aarhus University Press, 2014, pp. 281–288.

Pasumanskii A.E. 2D i 3D dokumentirovanie arheologicheskih pamjatnikov I nahodok. *Pastuhi I zemledel'tsy rannego zheleznogo veka v severo-zapadnov Krymu. Materialy k arheologicheskoj karte Kryma.* Smekalova T.N. I Kutaisov V.A. Eds. Issue VIII, part 2, Simferopol: Dolja, 2013, pp. 320–332.

Perschel G. A new favorable combination of resistivity sounding and profilling in archaeological surveying. *Prospezioni archeologiche*, 1967, 2, p. 91–101.

Plets G., Gheyle W., Verhoeven G., De Reu J., Bourgeois J., Verhegge J., Stichelbaut B. Three-dimensional recording of archaeological remains in the Altai Mountains. *Antiquity*. 2012, vol. 86, pp. 884–897.

Robleda Prieto G., Pérez Ramos A., Modeling and accuracy assessment for 3D-virtual reconstruction in cultural heritage using low-cost photogrammetry: Surveying of the «Santa María Azogue» church's front. *The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences*, 2015, vol. XL-5/W4, 3D Virtual Reconstruction and Visualization of Complex Architectures, 25-27 February 2015, Avila, Spain, pp. 263–270.

Radcliffe F. Not Roman centuriation but Greek chora (land division): discovered from the air – 'rectified' by subsequent ground survey! *AARGnews* 2008, vol. 37, pp. 37–39.

Scheglov A.N. *Severo-zapadnyi Krym v antichnuju epohu.* L.: Nauka, 1978, 156 p.

Shishkin K.K. Iz praktiki deshifrovanija aerofotosnimkov v arheologicheskih tseljah // Arheologija, 1973, N10. P. 268–272.

Siart C., Eitel B. Geoarchaeological studies in central Crete based on remote sensing and GIS // Layers of Perception. Posluschny A, Lambers K., Herzog I. (eds). *Proceedings of the 35th International Conference on Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology.* Bonn: Koll. Vor-u. Frühgesch. 2008, pp. 299–305.

Smekalova T. Magnetic Testing using Overhauser Gradiometer GSM-19WG and Cesium Magnetometer MM-60. *Dakhleh Oasis Project: Preliminary Reports on the 1994-1995 to 1998-1999 Field Seasons.* Eds. By C. Hope and G. E. Bowen. Oxford and Oakville: Oxbow books, 2002, pp. 31–41.

Smekalova T.N. Russkie topograficheskie karty 18-20 vv. kak istochnik po izucheniju arheologicheskih pamjatnikov Zapadnogo I Vostochnogo Kryma. *Bosporskie issledovanija,* no. 17, Simferopol-Kerch, 2007, pp. 78–111.

Smekalova T.N. *Pamjatniki epohi bronzy I rannego zheleznogo veka na poluostrove Tarhankut. Katalog. Materialy k arheologicheskoj karte Kryma.* Issue II, Simferopol: Dolja, 2010, 204 p.

Smekalova T.N. Kosmicheskie snimki kak instrument dlja vyjavlenija arheologicheskih pamjatnikov na poluostrove Tarhankut. *Materialy k arheologicheskoj karte Kryma.* Issue III, Simferopol: Dolja, 2010a, pp. 13–82.

Smekalova T.N. *Distancionnye I geofizicheskie issledovanija poselenii antichnoi epohi v severo-zapadnom Krymu. Materialy k arheologicheskoj karte Kryma.* Issue V, Simferopol: Dolja, 2011, 296 p.

Smekalova T.N. K voprosu o metodike I istochnikah dlja izuchenija antichnuh zenel'nyh nadelov v severo-zapadnom Krymu. *Materialy k arheologicheskoj karte Kryma*. Issue VI, part 2, Simferopol: Dolja, 2011, pp. 256–269.

Smekalova T.N., Mel'nikov A.V., Maslennikov A.A. Hellenistic settlement of Generalskoe in North-Eastern Crimea. Physico-archaeological investigations. // *Problemy issledovanija antichnych gorodov. Tezisy dokladov simpoziuma, devoted to the memory of V.B. Blavatskii.* Moscow, «Nauka», 1989. P. 78–80.

Smekalova T.N., Myts V.L., Melnikov A.V. Advances in magnetometry imaging of bured archaeological sites in the Crimea. // *Abstracts of International Symposium on Archaeometry, Heidelberg, Germany,* 2-6 April 1990, p. 35.

Smekalova T., Maslennikov A.A. Cadaster of Geophysical Maps of Bospor Sites in the Coast of Azov Sea. // *Geophysical Exploration of Archaeological Sites.* Series: Theory and Practice of Applied Geophysics, edited by A.Vogel and G.N.Tsokas. Vol.7. Vieweg Publishing, Braunschweig/ Wiesbaden 1993, pp. 27–35.

Smekalova T.N., O.Voss. Magnetic survey on the archaeological sites in Denmark. *Nationalmuseets Arbejdsmark.* 2001. København, 2001. S. 134–146.

Smekalova T. N., A. J. Mills and T. Herbich, Magnetic Survey at 'Ain el-Gazzareen, in G. E. Bowen and C. A. Hope, eds, *The Oasis Papers III. Proceedings of the Third International Conference of the Dakhleh Oasis Project.* Oxford: Oxbow, Books, 2004, pp. 131–135.

Smekalova T., O. Voss, S. Smekalov, V. Myts, S. Koltukhov. Magnetometric Investigations of Stone Constructions within Large Ancient Barrows of Denmak and Crimea. *Geoarchaeology*. 2005, vol. 20, no. 5, pp. 461–482.

Smekalova T.N., Zin'ko V.N., Chudin A.V. magnetic survey of the settlement of Tobechik-9 // VIII Bosporskie Chtenija. Kerch, 2007. P. 293–298.

Smekalova T.N., Zin'ko V.N., Chudin A.V. Магниторазведка поселения Аршинцево 3 на хоре Тиритаки. // IX Bosporskie Chtenija. Kerch, 2008. P. 299–302.

Smekalova T. N., Voss O., Smekalov S.L. *Magnetic surveying in archaeology. More than 10 years of using the Overhauser GSM-19 gradiometer.* Wormianum, 2008. 78 p.

Smekalova T.N., Myts V.L., Melnikov A.V. Advances in magnetometry imaging of bured archaeological sites

in the Crimea. // Abstracts of International Symposium on Archaeometry, Heidelberg, Germany, 2-6 April 1990. P. 35.

Smekalova T., Maslennikov A.A. Cadaster of Geophysical Maps of Bospor Sites in the Coast of Azov Sea. // Geophysical Exploration of Archaeological Sites. Series: Theory and Practice of Applied Geophysics, edited by A.Vogel and G.N.Tsokas. Vol.7. Vieweg Publishing, Braunschweig/ Wiesbaden 1993, pp. 27–35.

Smekalova T.N., Myts V.L., Melnikov A.V. Advances in magnetometry imaging of bured archaeological sites in the Crimea. // Abstracts of International Symposium on Archaeometry, Heidelberg, Germany, 2-6 April 1990. P. 35.

Smekalova T., Maslennikov A.A. Cadaster of Geophysical Maps of Bospor Sites in the Coast of Azov Sea. // Geophysical Exploration of Archaeological Sites. Series: Theory and Practice of Applied Geophysics, edited by A.Vogel and G.N.Tsokas. Vol.7. Vieweg Publishing, Braunschweig/ Wiesbaden 1993, pp. 27–35.

Smekalova T.N., O.Voss. Magnetic survey on the archaeological sites in Denmark. Nationalmuseets *Arbejdsmark*. 2001. København, 2001. S. 134–146.

Smekalova T. N., A. J. Mills and T. Herbich, Magnetic Survey at 'Ain el-Gazzareen, in G. E. Bowen and C. A. Hope, eds, *The Oasis Papers III. Proceedings of the Third International Conference of the Dakhleh Oasis Project.* Oxford: Oxbow, Books, 2004, pp. 131–135.

Smekalova T., O. Voss, S. Smekalov, V. Myts, S. Koltukhov. Magnetometric Investigations of Stone Constructions within Large Ancient Barrows of Denmak and Crimea. *Geoarchaeology*. 2005, vol. 20, no. 5, pp. 461–482.

Smekalova T.N., Zin'ko V.N., Chudin A.V. Magnetic survey of the settlement of Tobechik-9 // VIII Bosporskie Chtenija. Kerch, 2007. P. 293–298.

Smekalova T.N., Zin'ko V.N., Chudin A.V. Magnetic survey of the settlement of Arshincevo 3 na hore Tyritake. // IX Bosporskie Chtenija. Kerch, 2008. P. 299–302.

Smekalova T. N., Voss O., Smekalov S.L. *Magnetic surveying in archaeology. More than 10 years of using the Overhauser GSM-19 gradiometer*. Wormianum, 2008. 78 p.

Smekalova T.N., Voss O., Mel'nikov A.V., *Magnitnaja razvedka v arheologii*. Simferopol: Dolja, 2010. 78 p.

Smekalova T.N. The geophysical survey. *Soknopaiou Nesos Project. I.* Pisa/Roma: Fabriziao Serro Editore. 2012, pp. 111–118.

Smekalova T.N., Lisetskii F.N., Marinina O.A., Chudin A.V., Garipov A.S. Izuchenie prostranstvennoi organizacii drevnego zemlepol'zovanija v severo-zapadnom Krymu geoarheologicheskimi metodami. *Vesnik arheologii, antropologii I etnografii.* 2015, no. 2, pp. 150–160.

Soetsens S., J. Driessen, A.Sarris, S.Topouzi. The Minoan peak sanctuary landscape through a GIS approach. *Archeologia e Calcolatori*. 2002, vol. 13, pp. 161–170.

Tabbagh A., Bossnet G., Becker H. A comparison between magnetic and electromagnetic prospection of a Neolithic ring ditch in Bavaria. *Archaeometry*, 1988, vol. 30, no. 1, pp. 132–144.

Topouzi S., Sarris A., Pikoulas Y., Mertikas S., Frantzis X., Giourou A.. Ancient Mantinea's Defence Network Reconsidered Through a GIS Approach. *Proceedings of CAA 2001 International Conference (Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology).* April 25-29, 2001, Visby, Gotland, Sweden: Stockholm, 2002, pp. 559–566.

Trebleva G.V., Gorlov Ju.V. Primenenie geoinformacionnyh system-technologii v kompleksnyh paleogeograficheskih I arheologicheskih issledovanijah na Tamani I Abhazskom poberezh'e. *Problemy istorii, filologii, kul'tury.* 2004, issue XIV, pp. 434–440.

Trier Ø.D., Loska A., Øyen Larsen S., Solberg R. Detection of burial mounds in high-resolution satellite images of agricultural land. *Advances on remote sensing for archaeology and cultural heritage management.* Rome, 2008, pp. 17–22.

Verhoeven G., Taking computer vision aloft - Archaeological three-dimensional reconstructions from aerial photographs with PhotoScan. *Archaeological Prospection.* 2011, vol. 18, issue 1, pp. 67–73.

Verhoeven G., Sevara Ch., Karel W., Ressel C., Doneus M., Briese Ch. Undistorting the Past: New

Techniques for Orthorectification of Archaeological Aerial Frame Imagery. *Good Practice in Archaeological Diagnostics, Non-invasive survey of complex archaeological sites.* Ed. by Cristina Corsi, Bozidar Slapsak, and Frank Vermeulen. Dordrecht: Springer International Publishing, 2013, pp. 31–68.

Vermeulen F. Roman Urban Survey: The mapping and monitoring of Complex Settlement Sites with Active Aerial Photography. *Good Practice in Archaeological Diagnostics, Non-invasive survey of complex archaeological sites*. Ed. by Cristina Corsi, Bozidar Slapsak, and Frank Vermeulen. Dordrecht: Springer International Publishing, 2013, pp. 69 – 88.

Ward-Perkins J. B. *Cities of Ancient Greece and Italy: Planning in Classical Antiquity.* London: Sidgwick & Jackson, 1974. 128 p.

Weymouth J.W. Geophysical methods of archaeological site surveying. *Advances in Archaeological Method and Theory*/ 1986, vol. 9, pp. 370–382.

Zhukovsky M.O., Kuznetsov V.D., Olkhovsky S.V., Photogrammetric Techniques for 3-D Underwater Record of the Antique Time Ship from Phanagoria. *XXIV International CIPA Symposium*, 2 – 6 September 2013, Strasbourg, France. 2013, pp. 717–721.

Zin'ko V.N. Some results of the studies of rural territory of ancient Nymphaion //Materialy po archeologii, istorii i etnografii Tavrii. Issue V. Simferopol, 1996. P. 12–20.

Zin'ko V.N. International colloquium "Ancient town: problems of protection of architectural-archaeological complexes" // Arheologija. 2006. № 1. P. 103–107.

Zin'ko V.N. Problems of protection of architectural-archaeological complexes of Tyritaka // Bosporskie Issledovanija. Issue XVII. Simferopol - Kerch, 2007. P. 128–137.

Резюме

Приводится обзор физических основ и результатов применения естественнонаучных методов в археологии с примерами из полевых археологических исследований в Крыму – дистанционные методы исследования (анализ космических снимков и аэрофотографий, геоинформационный анализ прямой и взаимной видимости, изучение детальных топографических карт, трехмерная фотограмметрия, геофизическая съемка и археологическое почвоведение). Наиболее важным принципом является комплексирование взаимодополняющих неразрушающих и скоростных методов археологической диагностики.

Ключевые слова: дистанционные методы исследования в археологии Крыма, анализ космических снимков и аэрофотографий, геоинформационный анализ прямой и взаимной видимости, изучение детальных топографических карт, трехмерная фотограмметрия, геофизическая съемка и археологическое почвоведение.

Summary

The article is presenting a review of the physical principles and applications of natural science methods in the field of archeology of Crimea (remote sensing methods (analysis of satellite imagery and aerial photography, Viewshed analysis of the visibility, the study detailed topographic maps, three-dimensional photogrammetry), geophysical survey, soil science and archeology). The most important principle is the complementary use of non-destructive methods for archaeological diagnostics.

Key words: remote sensing methods in Crimean archaeology, analysis of satellite imagery and aerial photography, Viewshed analysis of the visibility, the study detailed topographic maps, three-dimensional photogrammetry, geophysical survey, soil science and archeology.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Смекалова Татьяна Николаевна, д.и.н.,
Научно-исследовательский центр
истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета,
зав. отделом естественнонаучных методов в археологии,
198504, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4,
+7(978)8501320.
tnsmek@mail.ru

Яцишина Екатерина Борисовна, к. ф. н.,
Национальный исследовательский центр
«Курчатовский институт»,
123182, Москва, площадь Академика Курчатова, д.1,
+7(903)1322757.
yacekaterina@yandex.ru

Лисецкий Федор Николаевич, д.г.н., профессор,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
директор Федерально-регионального центра
аэрокосмического и наземного мониторинга
объектов и природных ресурсов НИУ «БелГУ»,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85,
+7(4722) 30-13-70.
liset@bsu.edu.ru

Чудин Андрей Викторович, м.н.с.,
Санкт-Петербургский государственный университет,
ул. Ульяновская 1, Петродворец,
С.-Петербург, 198904,
+7(921)9432048.
andrei.chudin@gmail.com

Гарипов Александр Сергеевич, м.н.с.,
Научно-исследовательский центр
истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета,
отдел естественнонаучных методов в археологии,
198504, г. Симферополь,
проспект Академика Вернадского, 4,
+7(978)7853655.
garicksasha86@rambler.ru,

Пасуманский Алексей Евгеньевич, программист,
ООО «ЖивойСофт», 119114, Санкт-Петербург,
Дегтярный переулок 11, лит. Б.,
+7(921)-923-92-93.
a.pasumansky@agisoft.com

Кецко Ростислав Сергеевич, м.н.с.,
Научно-исследовательский центр
истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета,
отдел естественнонаучных методов в археологии,
198504, г. Симферополь,
проспект Академика Вернадского, 4,
+7(978)7105205.
ros-arch@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Smekalova Tatiana Nikolaevna, PhD,
Vernadsky Crimean Federal University,
198504, Crimea, Vernadsky prospect 4,
head of Department for natural
sciences in archaeology,
+7(978)8501320.
tnsmek@mail.ru

Ekaterina B.Yatsishina, Ph.D (philosophy)
National research centre «Kurchatov Institute»,
1 Akademika Kurchatova pl., Moscow 123182, Russia.
+7(903)1322757.
yacekaterina@yandex.ru

Lisetskii Fedor Nikolaevich, Doctor of geography, Prof.,
Belgorod State national research university,
The director of the Federal-regional centre of aerospace
and surface monitoring of the objects and natural resources,
Russian Federation, 308015, Belgorod, Pobeda Street, 85,
+7(4722) 30-13-70.
liset@bsu.edu.ru

Chudin Andrei Victorovich,
St. Petersburg State University,
Ul'janovskaja 1, Petrodvorets, St. Petersburg, 198904,
junior researcher of Physical Faculty,
+7(921)9432048.
andrei.chudin@gmail.com

Garipov Alexander Sergeevich,
Vernadsky Crimean Federal University,
198504, Crimea, Vernadsky prospect 4,
Department for natural sciences in archaeology,
junior researcher,
+7(978)7853655.
garicksasha86@rambler.ru,

Pasumanskii Aleksei Eugen'evich,
Agisoft LLC, 119114, Degtyarniy per. 11, lit. B,
programmer,
+7(921)-923-92-93.
a.pasumansky@agisoft.com

Ketsko Rostislav Sergeevich,
Vernadsky Crimean Federal University,
198504, Crimea, Vernadsky prospect 4,
junior researcher of Department
for natural sciences in archaeology,
tel. +79787105205.
ros-arch@mail.ru

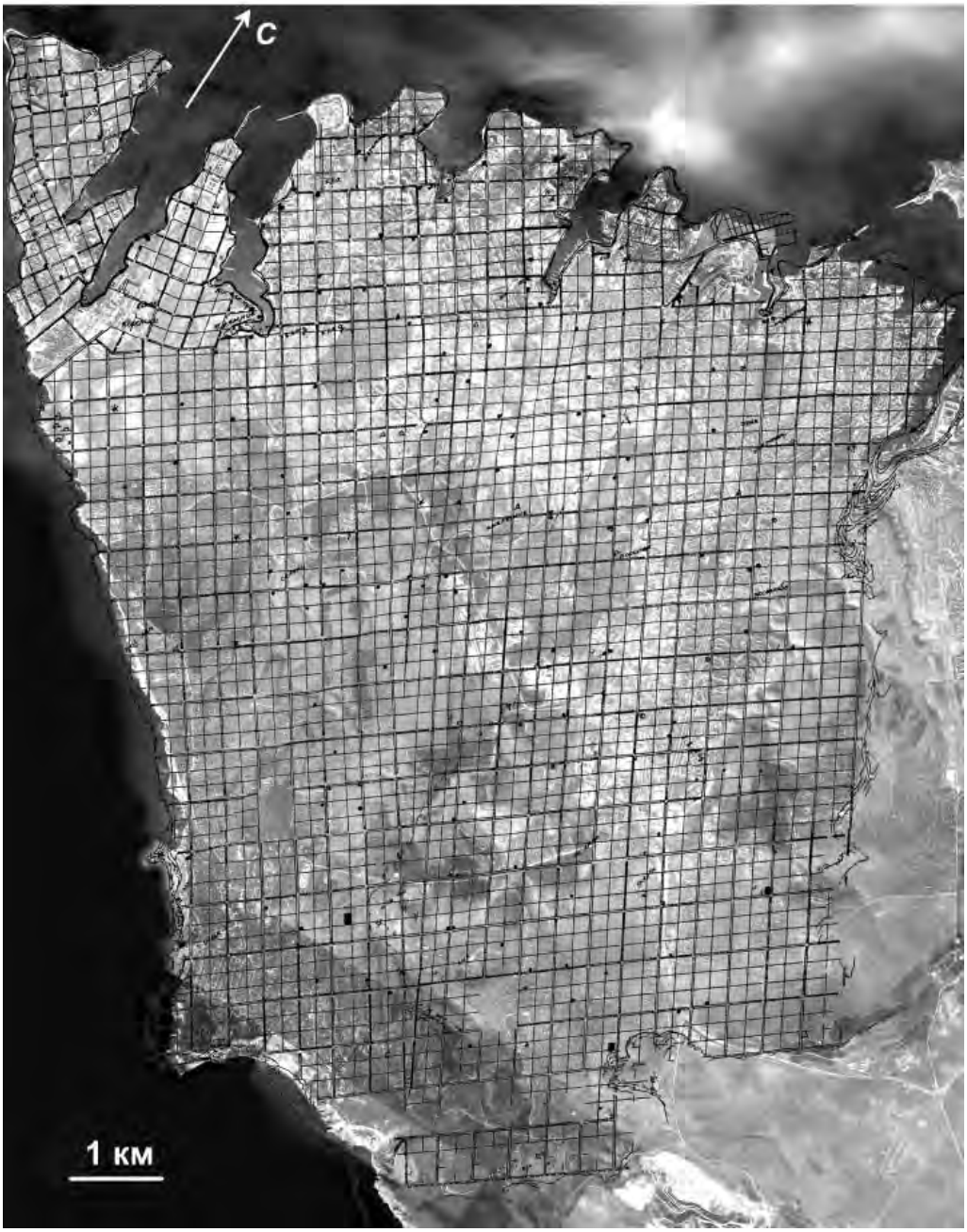


Рис. 1. Территория ближней хоры Херсонеса на Гераклейском п-ве. Античная система межевания земельных наделов. Каждый прямоугольный участок 630х420 м разделен на четыре единичных гражданских надела. Схема наделов, составленная Г.М. Николаенко (2001, с. 72-73), показана на фоне современного космического снимка.

Рис. 2. Ныне застроенный античный земельный участок № 26 на ближней хоре Херсонеса в районе бухт Омега (Круглой) и Камышевой:
а – увеличенная часть немецкой трофейной аэрофотография 1943 г. из Национального архива США; б – план участка по: (Стржелецкий 1961, с. 182, рис. 26).

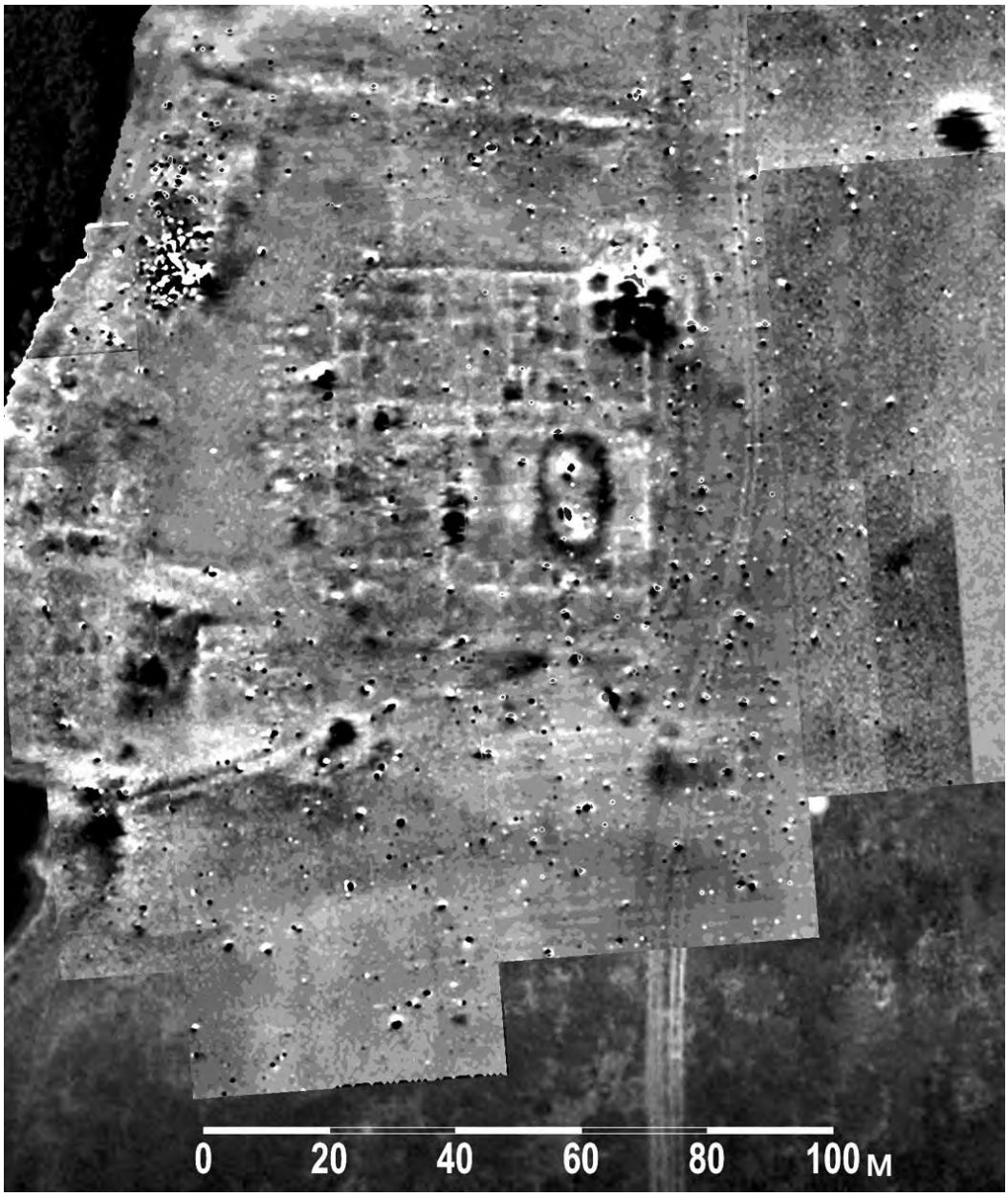


Рис. 3. Магнитная карта, заснятая на херсонесской усадьбе Ортли, совмещенная с космическим снимком. Темные области соответствуют положительным, а светлые – отрицательным магнитным аномалиям. Хорошо видны прямоугольные очертания стен (отрицательные аномалии) античной усадьбы херсонесского типа с башней в северо-восточном углу, погибшей в сильном пожаре (интенсивная положительная аномалия).

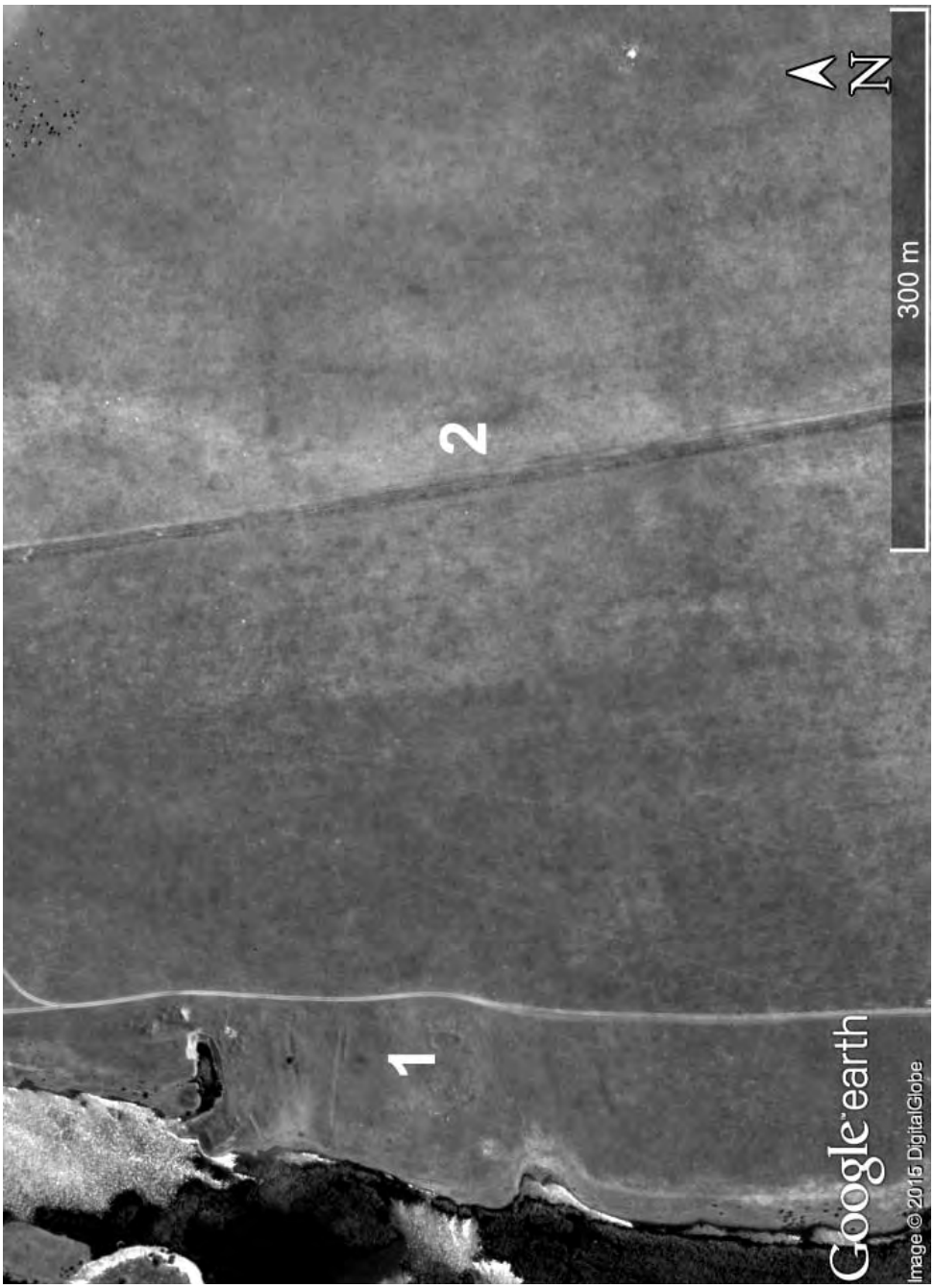


Рис. 4. Херсонесская усадьба Ортли и примыкающий к ней с востока виноградник размерами 210 х 210 м.
а – космический снимок исследуемой местности, сделанный 16 мая 2006 г.;

Рис. 4. Херсонесская усадьба Ортли и примыкающий к ней с востока виноградник размерами 210 х 210 м.
б – карта интерпретации данных магнитной съемки, совмещенная с магнитной картой и космическим снимком. Стены помещений и плантажных стен виноградника показаны черными линиями.

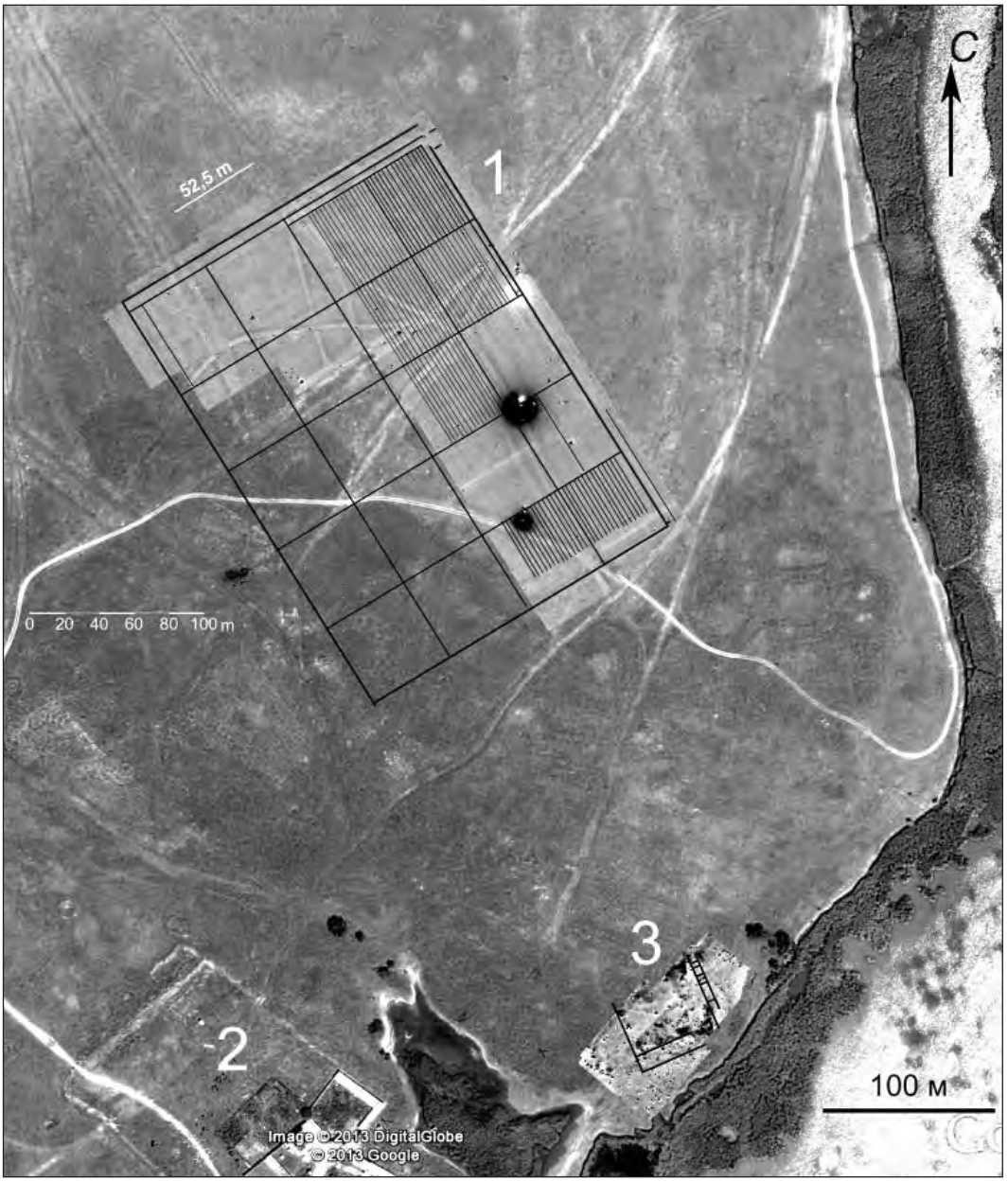


Рис. 5. Мамай Тюп. Карты магнитного поля, полученные на античных винограднике (1) и усадьбе (2), совмещенные с космическим снимком. 3 – современная ферма.

Рис. 6. Часть итальянской карты Черного моря, 1590 г., изображающая Крым.

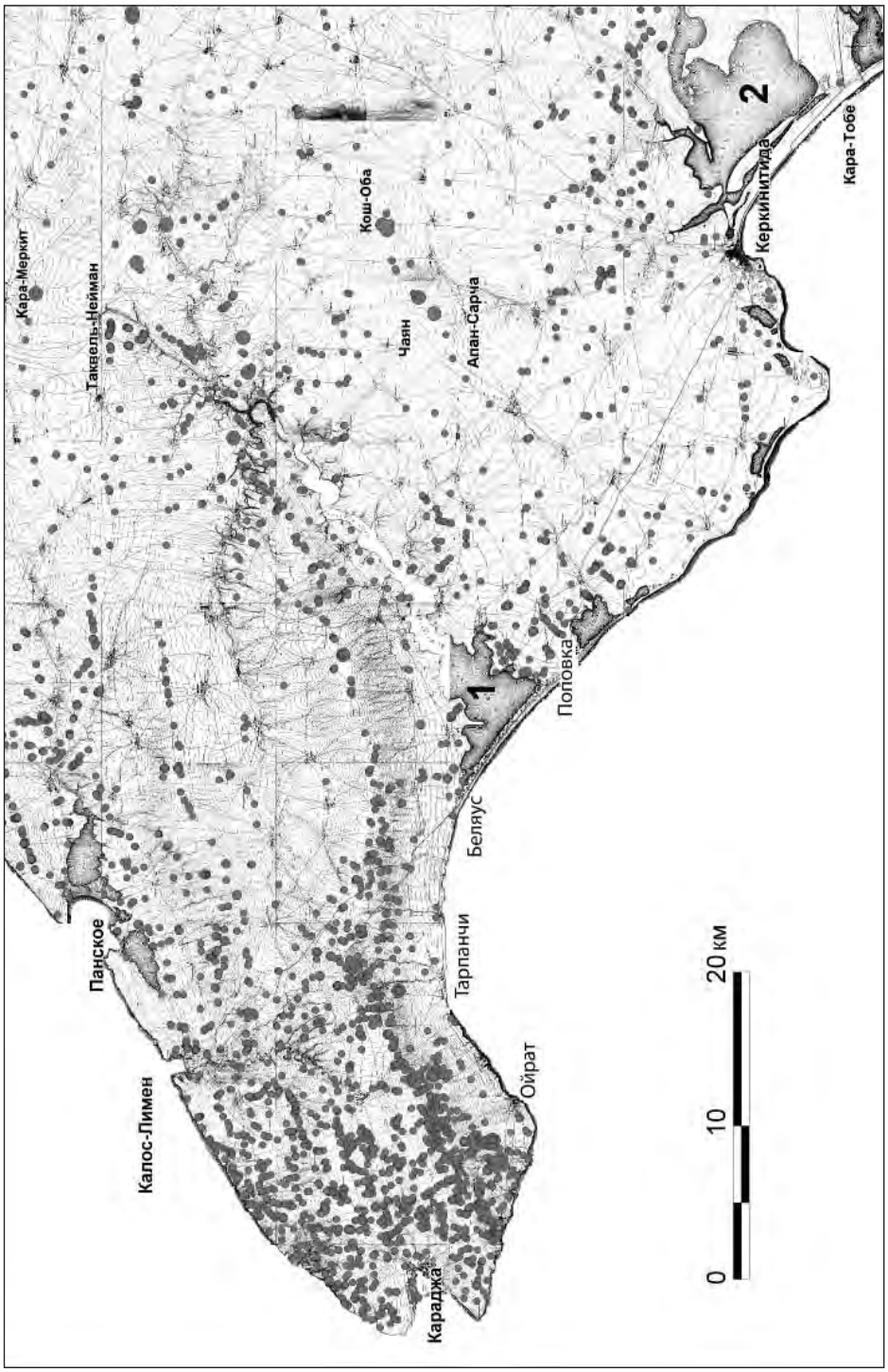


Рис. 7. а – карта распространения курганов в Северо-Западном Крыму, построенная на основе полуверстовой карты конца XIX в. Озеро Донузлав находится в средней части карты, озеро Сасык – у ее юго-восточного угла.

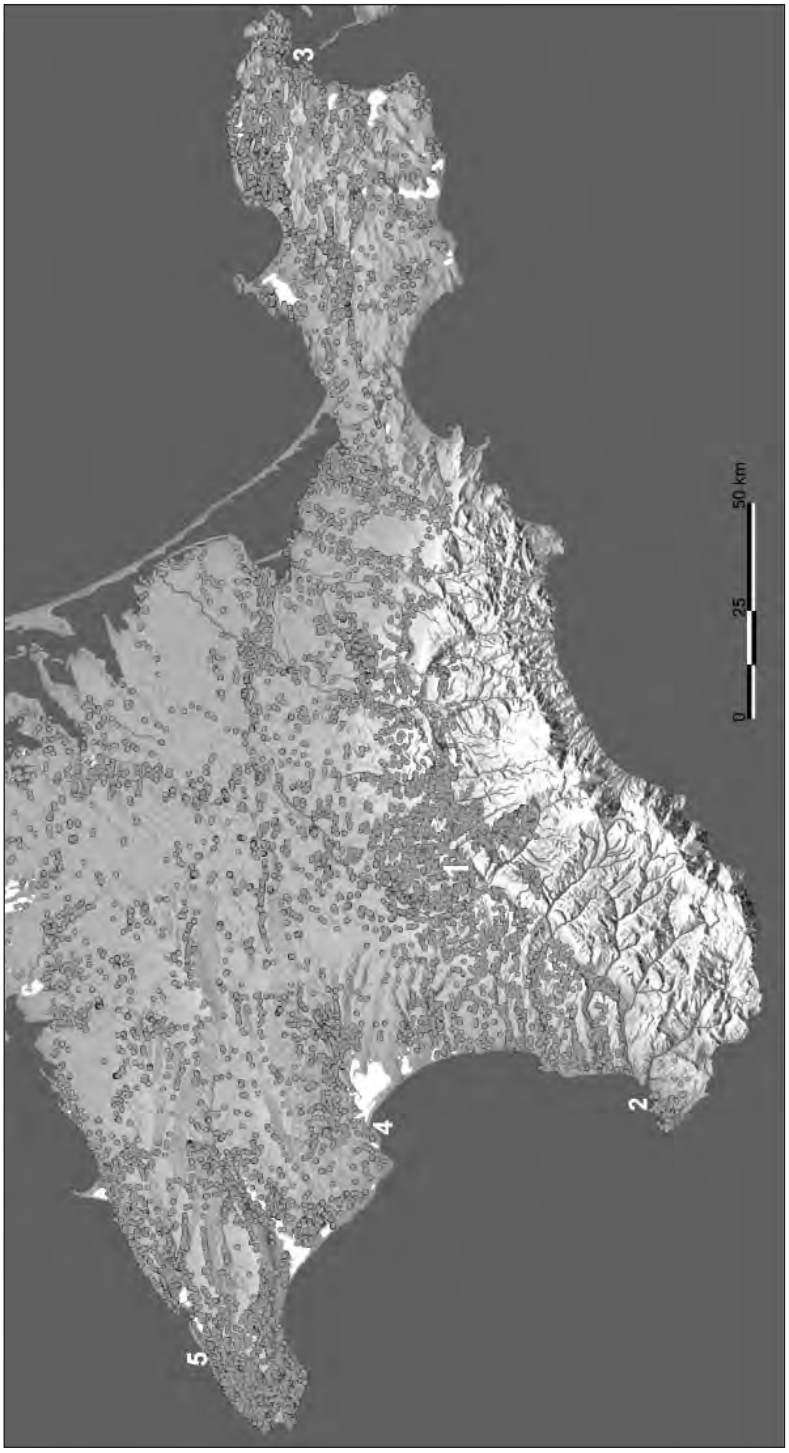


Рис. 7. б – карта распространения курганов в Крыму, построенная на основе полуверстовой карты конца XIX в. В качестве фона выбрана карта рельефа Крыма, построенная на основании цифровой модели поверхности. Курганы показаны кружками.

Рис. 8. а – карта, построенная по результатам анализа прямой видимости (viewshedanalysis), проведенного для наивысшей точки Тарханкутского п-ва (отмечено звездочкой и цифрой 27). Номерами отмечены следующие античные поселения:

1 – Маслины, 2 – Бурнель, 3 – Скалистое, 4 – Межводное, 5 – Панское-I, 6 – Панское-III, 7 – усадьба в бухте Ветреной, 8 – Калос Лимен, 9 – Кипчак, 10 – Б. Кастель, 11 – Джангуль-Мысовое, 12 – Очеретай-Южное, 13 – усадьба, 14 – Караджинское городище, 15 – Меловое, 16 – Ойрат, 17 – Джан-Баба, 18 – Ак-Сарай, 19 – Тарпанчи, 20 – Джага-Кульчук, 21 – Кульчук, 22 – Белаус, 23 – Западнодонузлавское, 25 – Озеровка, 26 – Поповка, 27 – Чокрак-Верхнее, 28 – Кунан, 31 – Керкинитида. Курганная группа Чаян-Апан-Сарча показана кружками и номером 30.

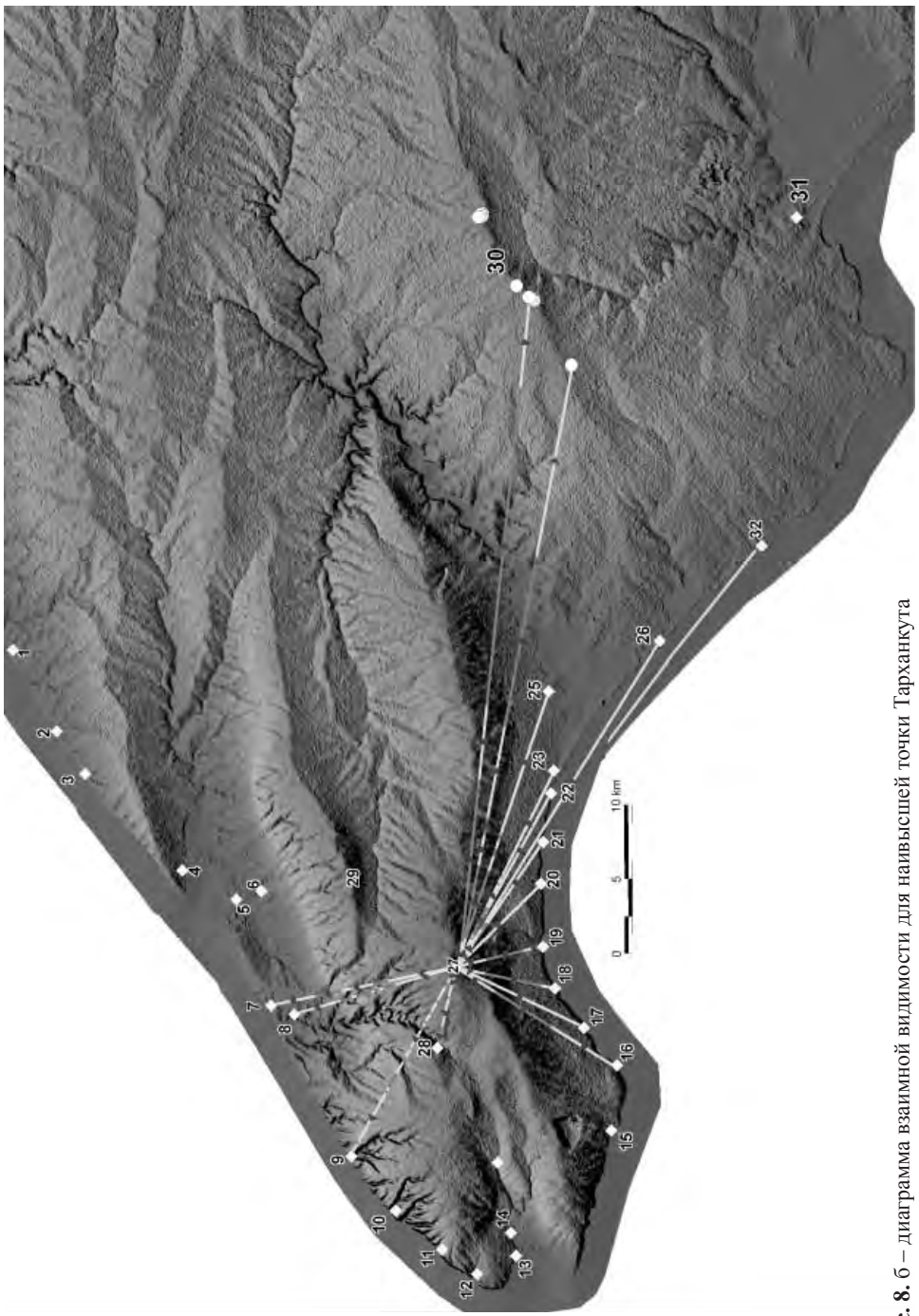


Рис. 8. 6 – диаграмма взаимной видимости для наивысшей точки Тарханкута (27) и некоторых античных поселений Северо-Западного Крыма. Поселения (7-9, 28, 16-26), к которым идут лучи из наивысшей точки (27), видны от нее. Построены на основании цифровой модели поверхности.

Рис. 9. Реконструкция трехмерной модели каменного ящика № 196 на Тарханкутском п-ве в Северо-Западном Крыму. Для обработки в программе AgisoftPhotoScan было использовано 17 кадров по 12 МПикс, сделанных с высоты 5-метровой рейки на фотоаппарат Pentax Optio W90. Фото и модель А.Е. Пасуманского.

Рис. 10. Графическая реконструкция херсонесской усадьбы в бухте Ветреной на окраине пгт Черноморское в Северо-Западном Крыму. Модель помещена на фотографию местности. Реконструкция Р.С. Кецко.

Рис. 11. Работа с четырехдатчиковым магнитометром на немагнитной тележке. Магнитометр GSM-19WG канадской фирмы Gem Systems, тележка производства Geometrics, США.

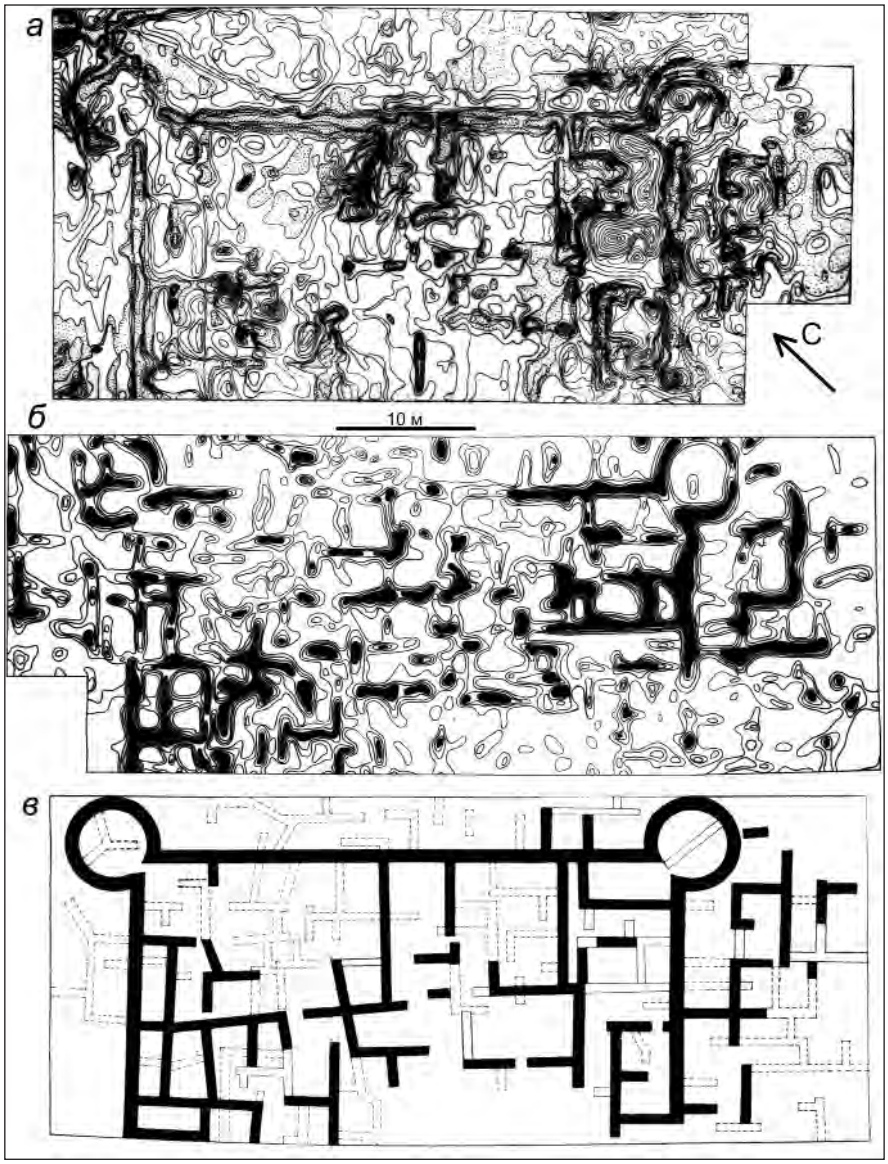


Рис. 12. Античное поселение Панское-I в Северо-Западном Крыму, усадьба У7.
Карты магнитного поля (а), кажущегося электрического сопротивления (б) и план раскопа (в).
Геофизическая съемка проведена в 1970-е гг. группой Санкт-Петербургского горного института
под руководством В.В. Глазунова. Раскопки Тарханкутской экспедиции ИИМК РАН
под руководством А.Н. Щеглова.

Рис. 13. Космический снимок с наложенными на него магнитными картами античного поселения Панское-I. Цифрами показаны частично или полностью раскопанные усадьбы 2, 6, 7, 9. Магнитная съемка выявила планировку нераскопанных усадеб, а также надела с виноградным плантажом.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	–	Античная древность и средние века
Античная скульптура	–	Матковская Т., Зинько Е., Иллариошкина Е. и др. Античная скульптура из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Т.1. - К.: 2004
АП УРСР	–	Археологічні пам'ятки УРСР
АСГЭ	–	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БИ	–	Боспорские исследования
Боспорские надгробия	–	Матковская Т., Твардецки А., Тохтасьев С., Бехтер А. Боспорские надгробия II в. до н.э. – III в. н.э. Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Лапидарная коллекция. Кн. 2. Часть I, К.: 2009.
БФ	–	Боспорский феномен
БЧ	–	Боспорские чтения
ВВ	–	Византийский временник
ГИАМЗ ХТ	–	Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»
ГИМ	–	Государственный исторический музей
ДБ	–	Древности Боспора
ИАК	–	Известия Археологической комиссии
ИА НАНУ	–	Институт археологии Национальной Академии наук Украины
МАИЭТ	–	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МГУ	–	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
РА	–	Российская археология
ПИФК	–	Проблемы истории, филологии, культуры

Список сокращений

ОАК	–	Отчеты Императорской Археологической комиссии
СА	–	Советская археология
САИ	–	Свод археологических источников
СХМ	–	Сообщения Херсонесского музея
СЭ	–	Советская этнография. Москва
ТГЭ	–	Труды Государственного Эрмитажа
ХСб	–	Херсонесский сборник
AARGnews	–	Newsletter of the Aerial Archaeology Research Group
JDAI	–	Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
JRMES	–	Journal of Roman Military Equipment Studies
LIMC	–	Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae
IG	–	Inscriptiones Greacae
IGBulg. III, 1	–	Insriptiones Graecae in Bulgaria repertae Ed. G. Michailov. Serdicae, 1961. Vol. III, f. 1
IOSPE I²	–	*Latyschev B.* Inscripriones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1916. Vol. I²
FGH	–	*Jakoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker. B.; Leiden. 1923–1962
FHG I-IV	–	*Müller K.* - O. Fragmenta historicorum Graecorum. Parisii, 1841, 1848, 1849, 1851. Vol. I-IV
LSJ	–	*Liddell H. G., Scott R., Jones H. S.* A Greek-English Lexicon. Oxf. 1968
MASCA	–	University of Pennsylvania. Museum Applied Science Center for Archaeology
SC 1, 2	–	*Латышев В. В.* Scythica et Caucasica. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1893–1906. Т. 1-2
RGZM	–	Römisch-Germanisches Zentralmuseum, Mainz

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

В.Н. Зинько
Особенности природно-ландшафтной
ситуации на европейском побережье
Боспора Киммерийского
в период эллинской колонизации 3

Е.А. Молев
К вопросу о вероятности подчинения
Боспора персам 17

В.П. Яйленко
Три историко-ономастических
фракийско-скифских очерка:
алазоны, амазонки, Эксампей 30

Ю.А Виноградов., С.В. Кашаев
Античные поселения Артющенко-1
и Артющенко-2 на Таманском полуострове.
К оценке масштабов природного разрушения 95

В.Г. Зубарев, С.Л. Смекалов, С.В. Ярцев
Ландшафтная география археологических
памятников центральной части
урочища Аджиэль 110

М.М. Казанский
Пути проникновения готов
на Боспор Киммерийский
и природные условия
Северного Причерноморья в III в. 137

Ю.В. Артюхин
Факторы изменчивости природных
условий существования греческих колоний
на берегах Меотийского озера и Киммерийского
Боспора в позднеантичную эпоху 163

А.И. Айбабин
Византийские порты в Крыму в IV–VII вв. 186

А.А. Тортика
Историческая география кочевников Крыма
во второй половине V – начале VII вв.:

экология хозяйства и
численность населения 210

Э.А. Хайрединова
Пряжки типа «Сиракузы» из Керчи 242

Н.И. Винокуров, Л.Ю. Пономарев
Центральный участок салтово-маяцкого
поселения на городище Артезиан
(по итогам исследований
на раскопе III в 2002–2010 гг.) 266

В.В. Майко
Фортификационные сооружения Сугдеи
первой половины XIII в. 301

Д.А. Прохоров
Последствия природных катаклизмов и
стихийных бедствий на Крымском
полуострове в описаниях авторов
и документах XVII–XVIII вв. 319

И.А. Завадская
Проблемы интерпретации слоев разрушения
на археологических памятниках:
о роли археосейсмологических исследований 348

ПУБЛИКАЦИИ

А.В. Котина
Коллекция терракотовых статуэток
из раскопок в Пантикапее антового храма
эллинистического времени 365

Е.В. Фокеева
Проблема атрибуции женской гермы
из Керченского музея 385

С.Б. Ланцов, М.С. Шапцев
«Мегарские» чаши из сборов и
раскопок А.С. Голенцова в 70–90 гг. XX в.
на городище Кульчук 397

Д.В. Журавлев, Д.А. Костромичев
Две могилы из западного некрополя
Херсонеса Таврического
(раскопки Р.Х. Лепера) 411

М.С. Шапцев
Портретные эмблемы римского времени
на доньях краснолаковых сосудов
из раскопок античных памятников Крыма 428

С.А. Мульд, В.В. Кропотов
Детское погребение в амфоре
из могильника Левадки (Центральный Крым) 435

ИСТОРИЯ НАУКИ

Т.Н. Смекалова, Е.Б. Яцишина, Ф.Н. Лисецкий,
А.В. Чудин, А.С. Гарипов, А.Е. Пасуманский, Р.С. Кецко
Высокие технологии в археологии на примере Крыма 445

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 503

CONTENTS

ARTICLES

Zin'ko V.N.
Features of natural and landscape situation on the European coast of the Cimmerian Bosporus during the Hellenic colonization 3

Molev E.A.
To a question about the probability of submission of the Bosporus Persians 17

Yailenko V. P.
Three historic-onomastis Thracian-Scythian eassays: the Alazonians, the Amazons, Exampaios 30

Vinogradov Iu.A., Kashaev S.V.
Ancient settlements Artiushchenko-1 and Artiushchenko-2 on the Taman peninsula. To assess the extent of natural damage 95

Zubarev V.G., Smekalov S.L., Yartsev S.V.
Landscape geography of the archaeological sites of the central part of the tract Adzhiel 110

Kazanski M.M.
Routes of entry of the Goths Cimmerian Bosporus and natural conditions in the Northern Black Sea Region in the III century 137

Artiukhin Iu.V.
Variability factors of natural conditions for the existence of Greek colonies on the Meotian Lake banks and the Cimmerian Bosporus in the Late ancient epoch 163

Aibabin A.I.
The Byzantine Ports in the Crimea in the IV-VII centuries 186

Tortika A.A.
Historical geography of nomads of Crimea in the second half of V – beginning of VII ages: ecology of economy and quantity of population 210

Khairedinova E.A.
«Syracusae» buckle type from Kerch 242
Vinokurov N.I., Ponomarev L.Iu.
Central site Saltovo-Mayak settlement
on the fortified settlement Artesian
(According to the research in excavation III, 2002–2010) 266
Maiko V.V.
Fortification buildings of Sugdea
first half of XIII century 301
Prokhorov D.A.
Effects of natural hazards and natural disasters
in the Crimean Peninsula in the descriptions
of authors and documents of the XVII–XVIII centuries 319
Zavadskaia I.A.
Problems of interpretation
of the destruction layers at archaeological sites:
about the role of archaeoseismological investigation 348

PUBLICATION

Kotina A.V.
The collection of terracotta figurines
from excavations of the Hellenistic
temple in Pantikapaion 365
Fokeeva E.V.
Herm of a goddess from
the Kerch museum: style and date 385
Lantsov S.B., Shaptsev M.S.
«Megarian» bowls from A.S. Golentsov's collecting
and excavation in 70 – 90th of XX century
on the settlement Kulchuk 397
Zhuravlev D., Kostromichev D.
Two graves from the Western necropolis
of Cherosonesos Taurica
(excavations of R.Kh. Leper) 411
Shaptsev M.S.
Portrait emblems of the Roman time in
the bottoms of red slip vessels from the excavation
of ancient settelment of the Crimea 428

Muld S.A., Kropotov V.V.
Child Burial in the Amphora
from cemetery Levadki
(the Central Crimea) 435

HISTORY OF SCIENCE

Smekalova T.N., Yacishina E.B., Lisetsky F.N., Chudin A.V.,
Garipov A.S., Pasumanskii A.E., Ketsko R.S.
High technologies in archeology
with the examples of Crimea 445

LIST OF ABBREVIATIONS 503

Научное издание

Боспорские исследования

Вып. XXXIII

Сборник

Ответственный редактор: **Зинько** Виктор Николаевич, доктор исторических наук

Ответственный секретарь: **Зинько** Алексей Викторович, кандидат исторических наук

Перевод на английский *Н.М. Красина*

Корректор *Г.Н. Хлебникова*

Компьютерная верстка *Л.К. Мусихина*

Подписано в печать 26.08.2016 г.
Формат 70х100 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 41,6.
Тираж 300 экз. Заказ 923.

Издательство: ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.

Отпечатано в ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.